

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1976

ИСТОРИКИ ГРЕЦИИ

ГЕРОΔΟΤ

ΦΥΚΙΔΙΔ

КСЕНОΦОНТ

ПЕРЕВОДЫ С ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО

Издание «Библиотеки античной литературы»
осуществляется под общей редакцией
С. Алта, М. Гаспарова, М. Грабарь-Пассек, С. Ошерова,
Ф. Петровского, А. Тахо-Годи и С. Шервинского

Составление и предисловие

Т. МИЛЛЕР

Примечания

М. ГАСПАРОВА и Т. МИЛЛЕР

Художник

А. БЕЛЮКИН

© Издательство «Художественная литература», статья, переводы, примечания, 1976 г.

© Сканирование и обработка: glarus63

70304-229
И $\frac{028(01)-76}{172-76}$

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

В наследии древнегреческой литературы имена Геродота, Фукидида, Ксенофонта стоят в одном ряду с именами Эсхила, Софокла, Еврипида, Аристофана или Платона: как и великие драматурги или знаменитый автор диалогов, три названных историка создали произведения, которые уже в античности были оценены как классическая норма и образец литературного жанра. Их творчество завершает и увенчивает формирование в художественной прозе рационалистической картины мира, которая стала складываться в VI веке до н. э. Именно тогда утвердившееся после великой колонизации VIII—VI веков полное рабовладельческое общество начало создавать внутри себя новую культуру, дополняя и исправляя то представление о мире, которое давал греку героический эпос. В VI веке подвергались пересмотру присущие эпосу представления о космосе, богах, об известных грекам землях и народах; тогда появились первые учения о материальной первооснове мира и его структурном единстве и были сделаны попытки аллегорически истолковать мифы и найти им не противоречащее разуму объяснение.

В том же VI веке до н. э. появились и первые хроникки, этнографические описания местностей и городов. Насколько можно судить по косвенным указаниям у поздних авторов и по сохранившимся ими фрагментам, эти первые начатки повествовательной прозы сосредоточивали свое внимание на родословиях

основателей городов, достопримечательностях местностей и обычаях народов. Составителям интересны были красочные детали и мелкие подробности. Вот, например, о каком содержании лидийской хроники сообщается у Афиней, древнегреческого писателя III века н. э. (XII, р. 515, Д): «Лидийцы дошли до такой наглости, что первые стали оскотлять женщин, как повествует Ксанф лидиец». Тот же Афиней (IX, р. 394, Е) приводит следующую цитату из персидской хроники: «Харон Лампсакский, повествуя в своих «Персидских историях» о Мардонии, о том, как около Афона было погублено персидское войско, пишет об этом так: «И тогда впервые у греков появились белые голуби, которых раньше не было».

Источником сведений для хронистов служили старинные предания, мифы, сказы. Там, где «факты» казались бессмысленными, хронист отвергал их или находил для них иное, согласное с разумом объяснение. «Я описываю это так, как мне кажется правильным, потому что многочисленные рассказы эллинов смешны, на мой взгляд»,— заявлял Гекатей Милетский. Пример того, как именно Гекатей критиковал мифы, мы находим у Павсания (III, 25, 5): «Некоторые из эллинских поэтов написали, будто Геракл вывел этой дорогой из Аида пса, хотя через пещеру нет под землю никакой дороги и едва ли кто легко согласится, что под землю есть какое-либо жилище богов, в котором собираются души мертвых. Вот Гекатей Милетский нашел более вероятное толкование, сказав, что на Тенаре вырос страшный змей и был назван «Псом Аида», так как укушенный им тотчас же умирал от его яда»¹ (Павсаний. Описание Эллады. М., «Искусство», 1938).

Таким образом, определяющей чертой этих первых памятников повествовательной прозы становилось стремление «найти правду» и взять из предания то, что можно проверить собственными глазами. К работе хронистов прилагалось слово *ιστορία* («история»), которое имело двойной смысл: «свидетельство очевидца» и «расследование путем допроса».

Благодаря двум особенностям полисного строя — отсутствию в нем власти жрецов и огромной роли живого ораторского слова — критика мифологического предания не свелась к простым «исправлениям» этого предания, но смогла дать начало

¹ Перевод С. П. Кондратьева.

повому творчеству, которое противопоставило себя традиционной поэзии и мифологии. В VI веке оно проявилось и в том, что, в противовес космогоническим мифам эпоса, греческие астрономы и математики создавали новое учение о космосе как о целом, в котором все подчинено общему закону, и за многообразием видимого мира прозревали скрытое его единство. В V веке рационалистическое объяснение получил уже не только космос, не только мир неживой природы, но и все то, что тесно связано с самим человеком: его физиологические состояния, его деятельность, его высшие нравственные ценности. Исходная позиция рационализма — стремление понять устройство мира не как игру иррациональных сил, а как жесткую связь причин и следствий — послужила также отправной точкой для возникновения научной медицины, филологии, для первых концепций исторического развития и первых опытов анализа человеческих характеров.

Именно в это время врач Гиппократ (род. около 460 г. до н. э.) с острова Коса стал по-новому объяснять причины болезней, ставя их в зависимость не от воли божества, а от условий человеческого существования. На человеческий организм Гиппократ и его последователи начали смотреть как на микрокосмос, подчиненный тому же закону равновесия, которому подчинена вся природа. Таким путем стало возможным не только определить саму болезнь как отклонение соков человеческого тела от этого закона и как нарушение равновесия организма и географической среды, но и прогнозировать ход и определять лечение этой болезни.

То же отношение к человеческой деятельности как к причинно обусловленной, прогнозируемой и управляемой лежало в основе возникшего в V веке обучения ораторскому искусству. В демократическом полисе ораторская речь была неотъемлемой частью всей государственной жизни: тяжбы в судах и обсуждение в народном собрании вопросов внутренней и внешней политики проходили перед лицом сотен и тысяч граждан, которые подачей голосов выражали свое отношение к речам выступавших ораторов. И потому умение говорить так, чтобы увлечь и убедить огромную толпу, было непременным условием для участия в любой политической деятельности. Такому умению необходимо было учиться, так как один природный дар для этого был недостаточен. В связи с широкой демократизацией

полсов в середине V века до н. э. обучение ораторскому искусству приняло огромный по масштабам древнего мира размах. И это имело самые радикальные, далеко идущие последствия для всей последующей культуры античного мира, да и для развития всей мировой культуры. Обучение ловкому произнесению речей предполагало особое отношение к словесному искусству уже не как к божественному вдохновению и дару муз, а как к ремеслу, в котором легко можно натренироваться, если знать правила обращения с материалом. Для того чтобы научить оратора говорить, надо было познать его с теми средствами выразительности, которые делают речь убедительной, а для этого нужно было сначала исследовать и выявить наиболее действенные способы логической аргументации и наиболее эффектные стилистические приемы. Обучение ораторскому искусству оказывалось таким образом неразрывно связанным с филологической работой над самим языком и стилем.

Первые опыты создания науки об искусстве слова (риторика) относятся уже к 60-м годам V века, когда в Сицилии двое учителей, Тисий и Корака, составили учебник, в котором указывалось, из каких частей должна состоять ораторская речь. Начинание Тисия и Корака было продолжено далеко за пределами Сицилии. Примерно с середины V века по городам Греции стали разъезжать странствующие лекторы, которые за плату брались кого угодно обучить ораторскому мастерству. Их называли «софистами» («учителями мудрости»). Софисты учили своих слушателей приемам, которые делают речь убедительной, независимо от того, какой предмет в ней рассматривается. В основе лежали два основных правила: говорить языком ясным и приятным для слуха и пользоваться доводами, для всех понятными и близкими. Занимаясь обучением, софисты создавали новый стиль прозаической речи. Их работа коснулась прежде всего грамматики (морфологии, лексики) и звуковой стороны речи. Они первые упорядочили употребление синонимов, родовых окончаний, склонений и стали нарочито располагать слова с одинаковыми окончаниями в особой последовательности, чтобы речь звучала необычно и приковывала к себе внимание слушателей. Аргументация, которую софисты предлагали применять в речах, была вполне утилитарной: доводы пользы и выгоды, рассчитанные на сочувствие самой широкой

публики. Софисты составляли для своих учеников вымышленные речи-упражнения, в которые вводили весь набор рекомендуемых ими приемов и доводов. Тем самым они по существу создавали уже новую прозу, отличающуюся и от хроник, еще близких к устной речи, и от философской прозы, еще близкой к поэзии. Проза софистов была уже рассчитана на эстетическое воздействие, на то, чтобы нравиться, и она демонстрировала, как рационалистический подход к языку и исследование причин человеческих поступков могут быть использованы в словесном творчестве. Однако софистическая проза не могла еще стать художественной литературой в полном смысле этого слова, так как она не была связана с определенным, именно ей свойственным пониманием мира и человека. Софист хвалился тем, что своей увлекательной речью может с равным успехом доказывать вещи, прямо противоположные, может «слабый довод делать сильным» и говорить по-разному об одном и том же.

Новой художественной прозой, объясняющей мир и человека иначе, чем традиционная мифология и поэзия, стало поэтому не софистическое ораторское слово, а историческое повествование Геродота и Фукидида — литературный жанр, который возник в V веке и резко отличался одновременно и от ранних этнографических хроник, и от героического эпоса. От хроник он отличался тем, что рассматривал судьбу людей и народов, от эпоса — тем, что освобождал историю от мифа. То обстоятельство, что новое словесное творчество началось именно с этого жанра, было обусловлено особенностями жизни эллинского мира после греко-персидских войн (500—449 гг. до н. э.).

Греко-персидские войны привели к неслыханному возвышению Афин, мало чем знаменитого до того времени полиса Аттики. Афины возглавляли теперь морской союз, объединявший около ста городов-государств Эгейского бассейна, распоряжались казной союзников и владели огромным флотом. За несколько десятилетий политическая структура самого афинского полиса претерпела очень большие изменения, и к середине V века это уже было государство с наиболее развитой в античном мире демократической системой правления, самое богатое и самое открытое для внешнего мира. Сюда со всех концов Греции стекались творческие силы: градостроитель Гипподам из Милета, софист Протагор из фракийских Абдер, философ

Анаксагор из малоазийских Клазомен, оружейных дел мастер Кефал из Сицилии. Афины пережили в V веке до н. э. не только пору наивысшего расцвета, но и период напряженнейшей борьбы за сохранение своего могущества: в течение последней трети V века не прекращались военные столкновения Афин с враждебной Спартой и союзными с ней городами, а внутри самих Афин упорно боролись за власть партии демократов и олигархов. Из этой борьбы Афины вышли, утратив гегемонию в Эгейском бассейне, но сохранив у себя демократическую форму правления.

Естественно, что в таких условиях события современности приобретали для греков V века, афинян и неафинян, не меньшее значение и интерес, чем события далекого прошлого. Действительность сегодняшнего дня стала неотъемлемым содержанием того классического искусства, которое получило блестящее развитие в Афинах V века. На сцене театра в пьесах с мифологическим или вымышленным сюжетом ставились насущные вопросы гражданской жизни, близкие и понятные зрителям. Достаточно вспомнить такие трагедии, как «Персы» и «Орестей» Эсхила, «Антигона» Софокла, «Елена» Еврипида или комедии Аристофана. Этот живой интерес к современности не только вызвал к жизни аттическую драму, но и способствовал появлению литературы, которая стала искать себе сюжеты не в мифологии, не в вымысле, а в реальной жизни. И первым событием, которое послужило материалом для создания новой литературы, стали греко-персидские войны. Эти войны, в которых отстаивалась независимость Греции, поневоле заставляли задуматься и осмыслить происходящее, по-новому осветить взаимоотношения эллинского и восточного мира. Хроникеры VI и V веков до н. э. описывали лишь географию и этнографию местности, теперь требовалось понять и объяснить судьбу народов, втянутых в войну. Задачу эту выполнил Геродот в своей «Истории» — истории греко-персидских войн.

Геродот, по свидетельству, которое приводит писатель II века н. э. Авл Геллий (XV, 23), родился незадолго до похода Ксеркса в Грецию (480 г.) в городе Галикарнасе на юго-западном побережье Малой Азии. За участие в борьбе против тирана Галикарнаса Лигдамида Геродот вынужден был покинуть родину, много путешествовал по странам Востока и эллинским городам, бывал в Афинах и, как сообщается в приписываемом

Плутарху сочинении «О злокозненности Геродота», получил от афинян за свою «лесть» им огромную сумму денег. В 444—443 году, в числе других переселенцев, Геродот переехал на жительство в основанную Афинами колонию Фурии на юге Италии. Там, вероятно, он и умер вскоре после 430 года до н. э.

В своем сочинении Геродот поступал так же, как до него поступал эпический поэт, слагавший героический эпос из отдельных «малых песен»: необъятный материал хроник, легенд, устных преданий, собственные путевые наблюдения и сведения, полученные от очевидцев, Геродот впервые собрал вместе и использовал для одной общей цели. При этом и цель, которую Геродот ставил перед собой, была вполне традиционной, привычной еще по эпосу: по его собственным словам, он написал свой труд для того, чтобы прославить подвиги греков и варваров и объяснить, почему они воевали друг против друга (I, 1). Свой рассказ Геродот сосредоточил вокруг истории царствования тех восточных правителей, с которыми греки вступали в столкновение, и протянул нить из глубины VII века к своей современности, от лидийского царя Креза к Ксерксу. При описании этих царствований Геродот применил обычный для эпоса композиционный прием: в канву основного повествования он ввел подробные сведения о народах, имевших какое-то отношение к упоминаемым им властителям, и таким образом создал единую целостную картину всего знакомого грекам средиземноморского мира — его истории, географии, этнографии. Так, рассказ о Крезе включал в себя всю историю Лидии, а также сведения об Афинах и Спарте (I, 59—68), в повествование о Кире Старшем были введены не только мидийская и персидская хроники, но и описания Ионии, Эолии (II, 142, 157), Вавилона, Ассирии (II, 192—200) и массагетов (II, 215, 216), в рассказ о сыне Кира Камбисе вставлены подробные сведения о Египте, Эфиопии, острове Самосе (III, 39—60), а рассказ о Дарии — это одновременно рассказ о Скифии (IV, 1—82), Ливии (IV, 145—199), Фракии (V, 3—10), Афинах (V, 55—96).

Эта новая картина доступной взглядам греков вселенной была близка эпосу по своим «космическим» масштабам, но несла в себе иное, чем в эпосе, видение мира. Геродот смотрел на окружающую его действительность уже не глазами доверчивого эпического поэта, а глазами придирчивого критика, который все проверял судом своего разума. Именно поэтому он

отказывался начинать свое повествование с мифических времен Ио и похищения Европы и начал его с хорошо ему известного царствования Креза. И по ходу изложения событий Геродот не только сообщал то, что ему удалось узнать, но и опровергал то, что находил недостаточно достоверным, противопоставляя чужому мнению свое собственное как более разумное. Так, например, стараясь разгадать причину необычных разливов Нила, он не соглашался ни с одним из трех объяснений, которые давались до него, и предлагал новое, казавшееся ему более правильным (II, 19—26).

Как и историки, Геродот необычайно внимателен к предметам видимого мира, обычаям народов, ландшафту и животному миру разных стран. Он рассказывает о погребальных, культовых и брачных обрядах, замечает особенности течения рек и повадки кошек в Египте (II, 66), любит дарами, присланными в Дельфы. Так, например, о чашах, посланных Крезом в Дельфы, он сообщал, что сначала золотая чаша стояла в правой части святилища, а серебряная — в левой, после пожара их переставили, и золотая чаша стоит теперь в сокровищнице клазоменя, а серебряная — в притворе храма (I, 51).

Но «История» Геродота существенным образом отличалась от хроник не только своим объемом, а также и замыслом: она была задумана не как история местностей, а как история народов, и грекам V века она не только сообщала более точные сведения о знакомых им странах, но и давала ключ к пониманию событий современности. На протяжении трехсотлетней смены поколений Геродот улавливал повторение одной и той же закономерности и благодаря этому получал возможность изобразить греко-персидские войны в их неразрывной связи с общим ходом мировой истории. Здесь опять Геродот использовал опыт хронистов. Для хроник, как и для более древних сказок и преданий, был обычен рассказ о вещих снах и сбывшихся предречениях оракулов, и Геродот внес этот элемент в описание жизни почти всех восточных правителей: так, в царствование Гига пифия предрекает, что его пятого потомка постигнет отмщение (I, 13), и это пророчество сбывается в царствование Креза, который и сам видит вещий сон (I, 34) и слышит предречение оракула (I, 53); вещие сны видят Астиаг (I, 107), Кир (I, 209), Камбис (III, 30), Ксеркс (VII, 12). Таким образом судьбы царей в «Истории» Геродота подчинены некоему

таинственному миропорядку, где заранее predeterminedены их возвышение и падение. Все их попытки отвести от себя беду обречены на неудачу: напрасно Крез оберегает сына от железного копья, напрасно Астиаг приказывает умертвить внука, напрасно Камбис губит брата — избежать своей участи не удастся никому. Неотвратно и поражение персов в греко-персидских войнах, оно также — лишь частный случай проявления общего космического закона. Рисуя сцены ночных явлений призрака Ксерксу (VII, 12—18), когда божество, обманывая того, кого хочет погубить, подвигло Ксеркса на роковой для персов поход в Элладу, Геродот ставил греко-персидские войны в общий ряд событий, фатально неизбежных, совершающихся по высшей воле. Но воля божества, подчиненность человека року — все это для Геродота лишь одна сторона мирового порядка. С нею неразрывно связан и другой закон — закон возмездия за человеческие поступки. Через все повествование красной нитью проходит мысль, что все люди несут расплату за свои дела. Крез наказан за то, что хотел слыть самым счастливым; Кир видит в Крезе такого же человека, как он сам, и, страшась возмездия, не решается предать его казни (I, 86). Астиагу, лишённому царства, Гарпаг напоминает о его преступлении (I, 129). Камбиса постигает кара за издевательство над чужими святынями: он умирает от раны, полученной в то самое место, куда ранил священного быка египтян Аниса (III, 29, 64). Человеческая жизнь, показывает Геродот, не только предначертана свыше, она зависит также и от поведения самих людей.

Этот второй угол зрения на события позволил Геродоту истолковать победу эллинов не только как явление космического масштаба, но и как факт этический, не только как свершение воли богов, но и как проявление морального превосходства эллинов над персами. На вопрос, почему победили именно греки, Геродот отвечал своим современникам устами Демарата в его беседе с Ксерксом перед началом персидского вторжения в Элладу: эллины победили потому, что они храбры, а храбры они потому, что свободны и подчинены только закону (VII, 104).

«История» Геродота была своеобразным «последствием» к войне с персами. Примерно через пятьдесят лет после нее, как «последствие» к другой войне, теперь уже междоусобной, в течение тридцати лет сотрясавшей всю Грецию, было создано

еще одно произведение повествовательной художественной прозы — «История Пелопоннесской войны» Фукидида. Ее автором был военачальник, который, по его собственным словам (VI, 26), пережил всю эту войну, внимательно наблюдал отдельные ее события и этапы, сначала как стратег принимал участие в боевых действиях, а после неудачи под Амфиполею (424 г. до н. э.) двадцать лет провел в изгнании и стоял близко к делам обеих воюющих сторон. Биографией Фукидида в значительной мере объясняется и характер тех источников, которыми он пользовался, и взгляд его на действительность. Если Геродот включал свои личные наблюдения в уже готовые, составленные до него хроники и преобладал в его «Истории» все же материал, полученный из вторых рук, то Фукидид писал по свежим следам событий, как очевидец, и старался говорить лишь о достоверных, заведомо проверенных фактах (I, 21). Таким образом в фокусе его внимания оказалась политическая и военная жизнь греческих городов-государств последней трети V века.

Фукидид пристально вникал в эту жизнь во всех ее формах и проявлениях: его интересует и то, как ведутся сражения, и то, как ведется политическая игра. Искусство публичных выступлений достигло в те годы своего расцвета. Опытные софисты уже не только обучали умению говорить речи, но и сами нередко брали на себя дипломатические миссии: известно, например, что в 427 году в качестве посла города Леонтии Афины посетил Горгий, один из самых знаменитых софистов. Словесные поединки ораторов в народном собрании были теми сражениями, которые определяли успех или провал той или другой политики. Фукидид тонко подмечает, какие доводы чаще всего выдвигаются, какое оружие чаще всего пускается в ход: это соображения выгоды, пользы, маскирующие притязания сильных властвовать над слабыми. Фукидид не только сумел нарисовать в своей «Истории» картину столкновения интересов в греческом обществе, но и попытался поставить весь ход греческой истории в зависимость от действия чисто утилитарных стимулов. Далекие легендарные времена, знакомые любому греку по мифам и эпическим преданиям, Фукидид переосмыслил в начале своего труда (I, 2—19) как историю постепенного роста богатств и морской мощи и связанных с этим изменений в политическом строе. Кочевую жизнь древних племен Фукидид объяснил тем, что в те времена еще не занимались торговлей,

не обрабатывали землю и надеялись в любом месте найти себе пропитание. С царствованием Миноса Фукидид связывает появление первого флота, заселение Кикладских островов и строительство прибрежных городов. В это время, пишет историк, «стремление к наживе вело к тому, что более слабые находились в рабстве у более сильных, тогда как более могущественные, опираясь на свои богатства, подчиняли себе меньшие народы» (I, 8). Поход Агамемнопа под Трою Фукидид не преминул объяснить тем, что Агамемнон-де превосходил всех современников своим могуществом (I, 9). Будучи сам участником морских боев, афинский стратег не мог не упрекнуть осаждавших Трою греков в допущенных ими промахах: «Если бы жизненных припасов эллины взяли с собой в изобилии, если бы они не занимались грабежом и обработкою земли и вели войну непрерывно общими силами, они легко одержали бы победу в открытом сражении и овладели бы городом» (I, 11).

Фукидид, которого война застала уже в зрелом возрасте, принадлежал к тому поколению, чья молодость совпала с периодом наивысшего расцвета Афин, и в своем сочинении он стремился прославить эти Перикловы Афины и понять, почему их постигло поражение. Он не ссылаясь уже, подобно Геродоту, ни на волю рока, ни на закон возмездия, а скрупулезно исследовал реальную действительность так, как исследовали человеческое тело врачи Гиппократова круга, ставя диагноз, ища источник болезни не во внешних причинах, а во внутреннем состоянии организма. Анализ политики полисов приобрел для Фукидида сугубо практический смысл: выяснить, благодаря чему Афины сумели достичь могущества и почему не сумели его удержать. Ответ на первый вопрос дан в «Истории» дважды: в речи коринфских послов в Спарте (I, 70) и в речи Перикла на могиле воинов (II, 37—41). Подобно тому как Геродот видел источник слабости персов в их покорности воле деспота, а силу эллинов — в отсутствии у них единовластия, Фукидид устанавливал связь между заинтересованностью афинян в делах государства и могуществом их полиса. Устами враждебно настроенных коринфян Фукидид рисовал самые общие черты внутреннего облика афинян: их решимость служить государству силами своими и разумом, их безудержную активность, благодаря которой они стремятся к новшествам, охотно идут на риск, готовы всегда трудиться и делать то, что требуется.

В речи Перикла демократические Афины изображены как полис, который не знает принуждения и открыт для всех. Здесь граждане совместно обсуждают государственные дела, а в частной жизни вольны заниматься чем им угодно. Сюда, в этот великий город, доступ никому не возбранен: Афины охотно принимают плоды других земель и не боятся приютить у себя иностранцев. Не выучка, не военные упражнения придают афинянам их силу и смелость, а весь строй их жизни,— таков был диагноз, поставленный Фукидидом.

Могущество Афин всегда опиралось на их флот, и в том, как вели Афины свою морскую политику в годы войны, Фукидид искал ответа на второй вопрос. Чтобы раскрыть ошибочность этой политики и понять, почему она привела Афины к поражению, Фукидид прибегнул к особой трактовке самого понятия «государство». Если в речи коринфян и Перикла говорилось не столько об Афинах, сколько об афинянах, не о полисе, а о людях, живущих в нем, то описание нового периода войны, которому предстояло закончиться поражением, начиналось с новой речи Перикла, в которой государство как целое противопоставлялось частным лицам (I, 60). Государство, говорил Фукидид устами Перикла, может идти по правильному пути или по ошибочному. Для того чтобы оно шло правильным путем, поступки граждан должны иметь своей конечной целью его благополучие. Мысль о необходимости равновесия между интересами полиса и интересами частных лиц послужила Фукидиду отправной точкой для описания событий войны после смерти Перикла и дала ему возможность объяснить неудачи афинской политики.

Умение Фукидида видеть не только части целого, но и совокупное целое, умение объяснить человеческие поступки причинами, коренившимися в самом человеке, определили стиль и форму фукидидовского рассказа. «История» Фукидида — это повествование о том, как в течение более чем двадцати лет, год за годом, в летние и зимние сезоны, шли столкновения между городами-государствами, велись бои, возводились укрепления, посылались посольства, собирались сходки народного собрания. В этом рассказе особое значение получает инсценировка политических дебатов, благодаря которым ход событий принимает тот или иной оборот. Судьба людей в глазах Фукидида зависит от того, как сталкиваются их интересы с интересами других

людей, и он показывает это, воспроизводя речи послов и государственных деятелей. Он ввел эти речи как необходимую часть в описание самых важных периодов войны. Как признается сам Фукидид (I, 22), пространные речи ораторов в «Истории» вовсе не передают действительно произносившихся слов, а лишь соответствуют общему смыслу того, что говорилось при данных обстоятельствах. Они в значительной мере представляют собой плод индивидуального творчества писателя, и он отводит им особое место в композиции своего труда.

За немногим исключением речи у Фукидида соединены в пары: на первом собрании в Афинах говорят послы острова Керкиры и Коринфа (I, 32—36, 37—43); на втором собрании в Спарте говорят коринфяне, им возражают афиняне, затем спартанский царь Архидам, Архидаму же возражает Сфенеланд (I, 68—86); перед самым началом войны в Спарте произносят речь коринфяне (I, 120—124), в Афинах — Перикл (I, 140—144); на собрании по делу митилени выступают Клеон и Диодот (III, 37—40, 41—48), на суде в Платеях держат речь платейцы и фиванцы (III, 53—59, 60—67), перед отправкой флота в Сицилию в Афинах произносят речи Никий и Алкивиад (VI, 9—14, 15—18), и, наконец, при известии о приближении афинского флота в Сиракузах слово берут Гермократ и Афинагор (VI, 33—34, 35—40). В этих парных речах вторая речь, как правило, направлена против первой: керкирияне просят афинян принять их в союз, коринфяне стараются не допустить этого, фиванцы «разоблачают» платейцев; Диодот выступает против Клеона; Алкивиад против Никия, Афинагор против Гермократа.

Парное расположение речей, превращенное Фукидидом в нарочитый художественный прием, позволяет писателю продемонстрировать, как один и те же факты удается представить в неодинаковом свете и как для этой цели пускаются в ход доводы пользы, выгоды, справедливости и т. п. Таким образом, действующие лица «Истории» Фукидида все время принуждены делать выбор между двумя путями или двумя точками зрения. И эта необходимость выбора ставит их в положение, совершенно не похожее на положение персонажей «Истории» Геродота.

Если Геродот, описывая события, обычно задавал себе вопрос «почему они произошли?», то Фукидид спрашивает себя «чем определялся выбор? ради чего предприняты те или

ные действия?». Фукидид рассказывает, как Алкивиад подстрекал афинян к походу против Сицилии, объясняя это тем, что Алкивиад надеялся стяжать себе славу и поправить свои денежные дела. Афинские же государственные деятели выдвинули против Алкивиادا обвинение в повреждении герма (VI, 28) потому, что боялись его популярности; пленного Никия казнили потому, что опасались, что он выдаст чьи-то тайны или сумеет откупиться за деньги (VII, 86). И эту связь реальных утилитарных причин и следствий Фукидид вскрывает не только в поведении отдельных лиц, но и в истории самого афинского государства. Если у Геродота трагическая судьба его героев предрешена заранее и все попытки избежать ее заведомо обречены на неудачу, то для Фукидида трагический конец морского могущества Афин вовсе не фатален и не неизбежен. Он мог бы не наступить, по его мнению, если бы политические деятели не совершили всех своих ошибок, если бы свои корыстные интересы они не поставили выше интересов государства в целом. Несчастье постигло афинян не по воле богов и не как наказание за преступление, а в результате неверно поставленной цели.

«История» Фукидида осталась незавершенной: повествование обрывается в ней на событиях 410 года до н. э. Последние годы Пелопоннесской войны (411—404) описаны уже Ксенофонтом Афинским в его «Греческой истории», которая составлена как прямое продолжение труда Фукидида и доведена до 362 года до н. э. Ксенофонт родился во время Пелопоннесской войны, и его творчество принадлежало совершенно новому периоду как в политической истории Греции, так и в истории ее литературы.

На протяжении более чем полувека, от конца Пелопоннесской войны до македонского завоевания, жизнь полисов Эгейского бассейна определялась их стремлением сохранить автономию и необходимостью объединяться в союзы ради нужд обороны и торговли; между городами-государствами происходили постоянные военные столкновения, ни одно из которых, однако, уже не принимало масштабов войн V века. Афины перестали теперь играть роль политического и экономического центра Греции, и граждане все чаще уходили отсюда на заработки в наемные войска других государств. Но Афины не перестали быть «школой Эллады», как называл их Фукидид (II, 41).

Если в V веке в Афины съезжались многие образованные иностранцы, чтобы здесь учиться, то в IV веке сюда уже ехали, чтобы учиться: в начале IV века в Афинах появились первые прообразы европейских университетов — высшие школы с регулярным обучением. Одну из них возглавил ученик софистов, оратор Исократ, другую — Платон. Школа Исократа давала своим питомцам гуманитарное образование, Академия Платона — математическое, однако при всем несходстве педагогических методов обе эти знаменитые школы ставили перед собой общую цель — воспитать человека нового типа, используя для этого главным образом не поэзию, а те духовные ценности, которые несла в себе рационалистическая культура. Если софисту V века было важно привить слушателю навыки умелого владения речью, то Исократу и Платону стало важно сформировать характер своих учеников и сделать их людьми определенного склада, способными направить политику государства по нужному руслу.

В литературе этого времени центр тяжести переместился с поэтических жанров на прозаические, с мифологических сюжетов — на сюжеты, заимствованные из реальной жизни, а в них — с изображения жизни народов на изображение жизни отдельных людей. Педагогика Исократа и Платона была последним этапом тянувшегося с VI века «спора поэзии и философии» и серьезно колебала неоспоримый до той поры авторитет поэзии в деле воспитания человеческой личности. Платон изгонял Гомера и трагиков из своего идеального государства, а в литературе IV века вопросы о высших ценностях человеческой жизни обсуждались уже не в поэтической форме трагедии с мифологическим сюжетом, а в прозаической форме диалога, ораторской речи, биографического повествования. В этой новой художественной прозе IV века сочинения Ксенофонта приобретают очень важное, первостепенное значение.

О жизни Ксенофонта мы осведомлены не многим лучше, чем о жизни Геродота и Фукидида: даты его рождения (между 430 и 426 гг.) и смерти (354 г.) условны и восстанавливаются гипотетически. Известно, что в молодости он слушал беседы Сократа, в 401 году до н. э. завербовался в наемное войско Кира Младшего, участвовал в походе последнего против Артаксеркса, а после гибели Кира (401 г.) возглавил десяти тысячный греческий отряд в его пути на родину. Участие в походе

определило дальнейшую судьбу Ксенофонта: он оказался связан тесными узами с враждебной Афинам Спартой и, вероятно, в 398 году был лишен права жить в Афинах. В последующие годы Ксенофонт служил в войсках спартанских полководцев Фиброна, Деркиллида, Агесилая в Малой Азии, а затем жил в Пелопоннесе, занимаясь литературным трудом. В 365 году изгнаннику, по-видимому, было разрешено вернуться в Афины. Умер Ксенофонт, по словам его биографа, писателя III века н. э. Диогена Лаэртского, в Коринфе.

Внимание Ксенофонта как писателя сосредоточено вокруг изображения жизни двух типов людей: философа и полководца. Памяти своего учителя Сократа Ксенофонт посвятил «Воспоминания о Сократе», «Апологию Сократа», диалоги «Пир» и «Домострой». Образ полководца нарисован им в таких произведениях, как «Киропедия» (вымышленное повествование о жизни персидского царя Кира Старшего), «Агесилай» (биография спартанского царя, в войске которого служил Ксенофонт) и, наконец, «Анабасис» (рассказ о походе Кира Младшего и возвращении греческого отряда на родину).

В центре повествования Ксенофонта стоит повседневная, будничная жизнь его героев с ее практическими заботами, нуждами и мелкими развлечениями. Как никто до него, он видит, любит и живописует быт, которым живут его современники. Высшая доблесть человека в его глазах — это умение достойно вести себя в этом быту, умение дружески обращаться с другими людьми. Все положительные герои Ксенофонта обладают одними и теми же свойствами: они человеколюбивы, гуманны, верны своим друзьям и сами пользуются их любовью. Гораздо более тщательно, чем это делалось до него, Ксенофонт прослеживает, как нравственные качества проявляют себя в поведении человека. Если Геродот раскрывал зависимость поведения эллинов при Фермопилах от тех норм морали, в которых они были воспитаны, а любой оратор в суде всегда доказывал, что поступок подсудимого обусловлен его личными качествами, то Ксенофонт прослеживает эту зависимость поступков от характера на протяжении всей жизни человека. С наибольшей полнотой такая схема воплощена в «Киропедии», недаром прозванной «первым греческим романом». Герой Ксенофонта, философ или полководец, Сократ или Кир Старший — уже не индивидуальные личности, а обобщен-

ные типы, в которых воплощены лучшие нравственные качества человека.

Защищая доброе имя своего учителя Сократа от возведенных на него афинским судом обвинений, Ксенофонт рисовал образ философа-моралиста, свободного от корыстолюбия, воздержанного в пище и одежде, умеющего жить на скудные средства, человека, который учил сограждан лишь тому, что соответствует общепризнанным понятиям нравственности. При этом Ксенофонт показывал Сократа в быту, его существование — как неотъемлемую часть этого быта. В «Домострое» он передавал разговор Сократа с домохозяйником Исхомахом о домоводстве, в «Шире» описывал веселые забавы гостей в доме богача Каллия, в «Воспоминаниях о Сократе» воспроизводил беседы философа, касающиеся разных сторон повседневной жизни афинян. Сократ рассуждал тут о почитании родителей, о защите от доносчиков, об обязанностях стратега и начальника конницы, о необходимости знаний в практической жизни, о хвастовстве и храбрости, но более всего — об отношении к друзьям и выборе друзей.

Лучше всего дар Ксенофонта взглядываться в окружающие его мелочи жизни и умение проследить в действиях человека единую линию его жизненного поведения проявился в его «Анабасисе», автобиографическом повествовании о походе греческого отряда с войском Кира Младшего и о странствованиях этого отряда после гибели Кира. «Анабасис» написан в третьем лице, от имени некоего Фемистогена. Путевые записки участника похода превращены здесь в живой и красочный рассказ о том, как военный командир Ксенофонт вывел верившееся ему войско из глубин Азии к родным средиземноморским берегам. Рассказ Ксенофонта изобилует подробностями. Если Фукидид вел счет летним и зимним кампаниям, то Ксенофонт ведет счет чуть ли не дням, сообщая обо всех переходах и стоянках. Он отмечает и ландшафт местности, по которой движется отряд, и время дня, в которое происходит солдатская сходка или отряд отправляется в путь: ночь (III, I, 34), утро (IV, I, 12), вечер (IV, II, 1).

Ксенофонт всматривается в окружающую его вражескую страну глазами солдата и заботливого военачальника, и потому самое существенное для него — это действия, связанные с добычей провианта и отысканием безопасных дорог. Он сообщает

о ценах на хлеб (I, V, 6), перечисляет также, какие запасы продовольствия обнаружили греки в домах, которые они грабили (V, IV, 27—29), рассказывает о проводниках (IV, I, 22—25), о том, как удалось найти удобную переправу через реку (IV, III, 10—12). От его взора не ускользают тяготы солдатской жизни: он вспоминает, как некоторые солдаты не смогли дойти до деревни, провели ночь без еды и огня и отдельные из них умерли (IV, V, 11), как от снега у солдат болели глаза и ноги, как от холода ремни обуви врезались глубоко в тело (IV, V, 12—13). Ксенофонт пишет и о сражах солдат (I, V, 11—13), и о развлечениях — состязаниях в беге (V, VIII, 27—28). При этом писатель не только как бы видит участников похода, но и слышит их смех и крик, чувствует и умеет передать их интонацию, их эмоции: солдаты смотрят на Клеарха с изумлением (I, III, 2), они сердятся на военачальников (I, IV, 12), смеются при виде испуга варваров (I, II, 18). Ксенофонт не только наблюдает условия, в которых течет повседневная жизнь отряда, но и замечает, как складываются взаимоотношения людей во время похода.

Личные отношения людей приобрели в глазах Ксенофонта исключительно важное значение: моральное достоинство человека, полагает Ксенофонт, заключается в том, насколько он верен своим друзьям, правдив и честен с ними. Персонажи «Анабасиса» делятся в сознании автора на людей, преданных друзьям, и людей вероломных. И Ксенофонт не только сам видит их в таком свете, но и заставляет всех участников похода оценивать поведение друг друга меркой «верности друзьям»: довод «верности» выдвигает Клеарх в качестве главного аргумента, когда выступает перед солдатами (I, III, 3—6); во время суда над Оронтом главным обвинением служит обвинение в предательстве друга (I, VI, 6—9). Преданность друзьям — отличительная черта и царевича Кира, и самого Ксенофонта, принявшего на себя руководство походом после гибели стратегов. Портрет Кира (I, IX) нарисован почти теми же красками, что и образ Кира Старшего в «Киропедии»: Кир ищет себе опору в друзьях, оказывает им больше благодарностей, чем они ему, снискивает себе всеобщую любовь, так что почти все его ближайшие друзья предпочитают умереть вместе с ним. В поведении Ксенофонта его доброта и гуманность проявляются в обращении с подчиненными: он ест с солдатами

за одним столом, наказывает солдата за жестокое обращение с раненым (V, VIII, 9—11) и т. д.

Мир, в котором живут участники похода, по существу, лишен трагизма. Картины смерти не вызывают у писателя ужаса, они — неотъемлемая сторона солдатской жизни. Говоря о битве, в которой погиб Кир, Ксенофонт не забывает при этом упомянуть, что солдаты в тот день остались без ужина, а некоторые даже и не пообедали. Показав страшное зрелище: людей, бросающихся вниз со скалы и разбивающихся насмерть, — он спокойно отмечает, что в этом месте было захвачено много ослос и овец (IV, VII, 13). И те роковые вещи сны, которые определяли судьбы царей у Геродота, здесь также принадлежат повседневности, как и все остальное: Ксенофонт видит сны, но они обычно предвещают только хорошее и сбываются в тот же день (IV, III, 8—13).

Таким образом, творчество Ксенофонта — еще один важный шаг на том пути создания нового словесного искусства, начало которому было положено Геродотом. Это новое, невиданное до того искусство прозы впервые осмысливало жизнь человека рационалистически, как связь причин и следствий, и пыталось вскрывать эту связь при изображении реальной действительности. Развитие прозы было «наступлением» на поэзию, постепенным отвоеванием у поэзии ее исконных «владений» — изображения исторического прошлого народа и раскрытия внутреннего мира человека. Писатели-прозаики вели это наступление при помощи двух основных методов: они отказывались от привычных для поэзии мифологических сюжетов, описывая события реальной жизни, и одновременно заимствовали у поэзии ее художественные приемы, применяя их в своем новом искусстве. В сочинении Геродота разрозненные факты, собранные хронистами, были объединены в одну общую картину при помощи композиционных приемов, перенесенных в прозу из эпоса, и это дало возможность не только объяснить по-новому историческое прошлое народа, но и впоследствии раскрыть в самой реальной жизни причины, которые определяют ход исторических событий. Попытка эта была сделана Фукидидом. После него в прозаической литературе IV века до н. э. решалась по существу уже новая задача: рационалистически переосмысливалась не история народа, а развитие человеческой личности. На первый план теперь вышли

сюжеты, изображающие жизнь отдельных людей, и опять прозаики воспользовались опытом, накопленным поэзией: подобно тому как в эпосе герои наделялись постоянными свойствами (например, «Одиссей многоумный»), в прозе IV века живые современники рассматривались как носители определенных моральных качеств (так в «Анабасисе» Клеарх воинствен, Кир дружелюбен, Менон лжив). Герой новой прозы — это и неповторимая личность, и в то же время — обобщенный тип человека, в поведении которого проявляются черты, особенно ценные в обществе (храбрость, благоразумие и т. п.). Впервые писатели предлагали своим согражданам норму и пример идеального поведения не в образах героев эпоса, а в фигурах живых лиц, принадлежащих истории, а не мифу. Новая проза брала тем самым на себя роль «воспитательницы Греции», она закрепила новый художественный опыт и вписала яркие бессмертные страницы как в историю художественной литературы, так и в историю мировой культуры.

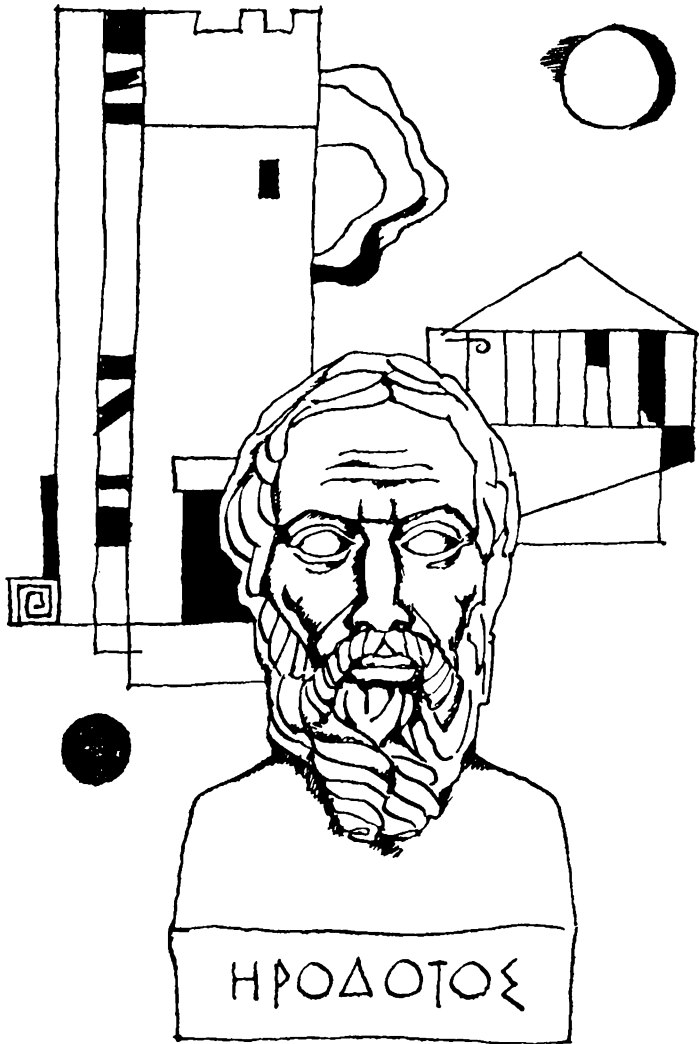
Т. Миллер

ГЕРОΔΟΤ

ИСТОРИЯ

ΗΡΟΔΟΤΟΣ

Книга первая

КЛИО

Геродот Галикарнасский излагает сии разыскания, дабы ни события с течением времени между людьми не истребились, ни великие и дивные дела, эллинами и варварами совершенные, не остались бесславными; а речь здесь будет, между прочим, и о том, от каких причин пошло между ними кровопролитие.

1. У персов сведущие люди говорят, что виновниками вражды были финикияне. Они, пришед от так именуемого Чермного моря к морю нашему и поселившись здесь в стране, доселе обитаемой ими, немедленно приступили к отдаленным мореплаваниям и начали возить египетские и ассирийские товары как в другие страны, так и в Аргос: в сие время Аргос был отличное всех городов в стране, ныне называемой Элладою. Прибыв в Аргос, они выложили товар на продажу. На пятый или шестой день после их прибытия, когда все почти было распродано, пришло к морю множество женщин и с ними царевна, имя которой было, как то утверждают и эллины, Ио, дочь Инахова. Когда они, став у кормы корабельной, покупали товары, какие больше нравились, то финикияне, сговорясь между собою, бросились на них; большая часть женщин убежала, но Ио с прочими была поймана, их отвели на корабль и отплыли с ними в Египет. 2. Таким-то образом Ио прибыла в Египет (говорят персы, не соглашаясь с эллинами), и это было первым началом обид.

После сего некоторые эллины (имени их не могут припомнить, но, верно, то были критяне), прибыв, говорят, в финикийский Тир,

похитили царевну Европу и сим образом воздали обидою за обиду. А потом и второй обиде виновниками стали эллины: ибо, приплыв на длинном корабле в Эю Колхидскую на реку Фасис и исполнив прочие дела, для конх прибыли, похитили они оттуда царевну Медею. Когда же царь колхидский послал в Элладу глашатая просить удовлетворения за похищение и требовать дочь обратно, эллины отвечали, что как им никакого удовлетворения не сделано за похищение аргивской Ио, то и они того не сделают.

3. Во втором, говорят, поколении после сего Александр, сын Приамов, услышав о том, вздумал похищением залучить себе жену из Эллады, уверив себя, что и он не будет наказан, поелику другие не были. Так похитил он себе Елену; но эллины рассудили, послав поверенных, требовать возвращения Елены и удовлетворения за похищение. Однако ж на сие укорили их похищением Меду и сказали, что сами они тогда не оказали удовлетворения и не выдали похищенную требующим, а теперь-де ищут удовлетворения себе от других. 4. Дотоле происходили одни только взаимные похищения, — с сего же времени эллины сделались виновниками гораздо важнейших обид: они внесли оружие в Азию прежде, нежели персы в Европу. Ибо персы думают, что похищать жен пристало несправедливым, стараться мстить за похищенных — безумцам, благоразумные же люди оставляют сие без внимания, ибо ясно, что если бы женщины сами не хотели, их бы не похитили. Посему-то (говорят персы) о похищенных своих азиатских женщинах никакой они заботы не имеют; эллины же ради своей лакедемонянки собрали великий поход и, пришед с ним в Азию, разрушили державу Приама. С этого-то времени персы эллинский народ всегда почитали за вражеский: ибо Азию и варварские народы, обитающие в ней, персы присваивают себе, а Европу и эллинов почитают к ним не принадлежащими.

5. Так о случившемся рассказывают персы, и начало вражды своей с эллинами ведут от разорения Илиона. Финикияне же не согласны с персами в повествовании об Ио: они говорят, что похищение употреблено ими было для привезения ее в Египет, но она сама, совокупясь в Аргосе с корабельщиком, почувствовала себя беременною и потому, боясь родителей, по собственной своей воле уехала с финикиянами, дабы не открылось ее преступление.

Вот что повествуют и персы и финикияне. Но так ли то было или иначе, в прение о том я не вхожу; я поименую того, кого почитаю виновником первых обид, нанесенных эллинам, и затем

перейду к дальнейшему повествованию, не минуя ни малых, ни великих людских городов. Ибо многие из тех, кои в древности были великими, соделались малыми, и кои в мое время были велики, те прежде были малыми: благополучие людское непостоянно, и ведая о том, я упомяну и о тех и о других.

6. Крез был родом лидянин, сын Алиатта, царь народов по сю сторону от реки Галиса; река же сия протекает от юга между Сириею и Пафлагониею и к северу впадает в Понт Евксинский. Сей-то Крез первый из варваров, нам известных, принудил иных из эллинов платить себе дань, а с иными заключил дружеский союз: к даню он принудил ионян, эолян и обитавших в Азии дорян, дружеский же союз заключил с лакедемонянами. А до царствования Крезова все эллины были свободны: ибо поход киммериян на Ионию, бывши до времен его, имел предметом не покорение городов, но лишь разграбление их в набеге.

7. Род этого Креза назывался Мермнадами, а верховная власть, принадлежавшая прежде Гераклидам, перешла к названному роду следующим образом.

Был в Сардах царем Кандавл, коего эллины именуют Мирсилом. Происходил он от Алкея, сына Гераклова: ибо Агрон, сын Нина, внук Бела, правнук Алкея, первый из Гераклидов был царем Сардийским, а Кандавл, сын Мирса, последним. А прежде Агрона царствовали в сей стране потомки Лида, сына Атисова, от коего весь народ, прежде называвшийся меонянами, проименован лидийским. От них-то, согласно с прорицанием, получили власть Гераклиды, происшедшие от рабыни Иардановой и Геракла; и царствовали они двадцать два мужеских поколения, а всего пятьсот пять лет, приемля власть сын от отца, до Кандавля, сына Мирсова.

8. Сей Кандавл страстно любил жену свою и, любя, почитал ее прекраснейшею всех. При таком своем мнении имел он среди копыеносцев своих Гигу, сына Даскилова, к коему столь был доверителем, что возлагал на него самые важнейшие дела; и ему-то превосхвалял он однажды красоту жены своей. По прошествии же немногого времени (ибо Кандавлу суждено было быть несчастным) так сказал он Гигу: «Гиг! кажется мне, ты не веришь словам моим о красоте жены моей, ибо люди ушам не столько верят, как глазам: постарайся же увидеть ее нагою!» — «Государь! — вскричал Гиг, — не поздорову говоришь ты, повелевая мне увидеть государыню мою нагою! Женщина, совлекая с себя хитон, совлекает купно с ним и стыд свой. Издревле изобретены людьми добрые правила, коим

должно последовать, а из них одно гласит так: всякий смотри свое! Я не сомневаюсь, что она прекраснее всех женщин, и прошу тебя не требовать от меня ничего противного обычаю».

9. Сими словами отговаривался Гиг, опасаясь худого для себя оттого последствия. Но царь опять сказал ему: «Будь благонадежен, Гиг, и не бойся ни меня, будто я сими словами искушаю тебя, ни жены моей, чтобы от нее сталась тебе беда какая. Я устрою сие так, что она и не узнает, как ты увидишь ее. Я поставлю тебя в нашей спальне за отворенною дверью. После того, как я войду в нее, предстанет к ложу и жена моя. Близ входа в спальню стоит седалище, на него она будет класть одежды, снимая с себя одну за другою, и тебе тогда можно будет высмотреть ее со всею безопасностью. Когда же она оттоле пойдет на постель и ты будешь за ее спиною, то постарайся выйти из дверей неувиденным».

10. Гиг, не умея избежать сего, готов был повиноваться. И вот Кандавл, как показалась пора ложиться спать, ввел Гига в опочивальню, после чего тотчас вошла и жена. И как она, вошед, слагала одежды, то видел ее Гиг, а когда, идучи в постель, оборотилась она к нему спиною, то он украдкою пошел вон. Но жена его увидела выходящего; и хотя не усомнилась, что сие сделано ее мужем, но со стыда не вскрикнула, не дала вид, что знает о том, а вознамерилась отместить Кандавлу: ибо у лидян и почти у всех других варваров за великий почитается стыд быть увидену нагим даже мужчине.

11. Так ничего не выдав, соблюла она тогда спокойствие; но как скоро наступил день, тотчас изготовила вернейших из своих служителей и позвала к себе Гига. Думая, что царица ничего случившегося не знает, он пошел на сей ее зов, как и прежде обыкновенно на царицыны зовы хаживал. Когда же Гиг пришел, женщина сказала ему так: «Ныне, Гиг, два пути тебе предлежат, и я даю тебе выбор, на который из них хочешь обратиться: или, убив Кандавла, владей мною и царством лидийским, или должно тебе ныне же умереть, дабы впредь, в угоду Кандавлу, не смотрел ты на то, чего не должен видеть. Надобно погибнуть или тому, кто замыслил, или тебе, кто исполнил непозволительное сие дело, увидев меня нагою».

Гиг сперва изумился от сих слов, а потом просил ее, чтоб она не понуждала его к таковому выбору, однако не убедил ее. И тогда, видя поистине предстоящую необходимость или государя погубить, или самому от других погибнуть, избирает Гиг остаться в

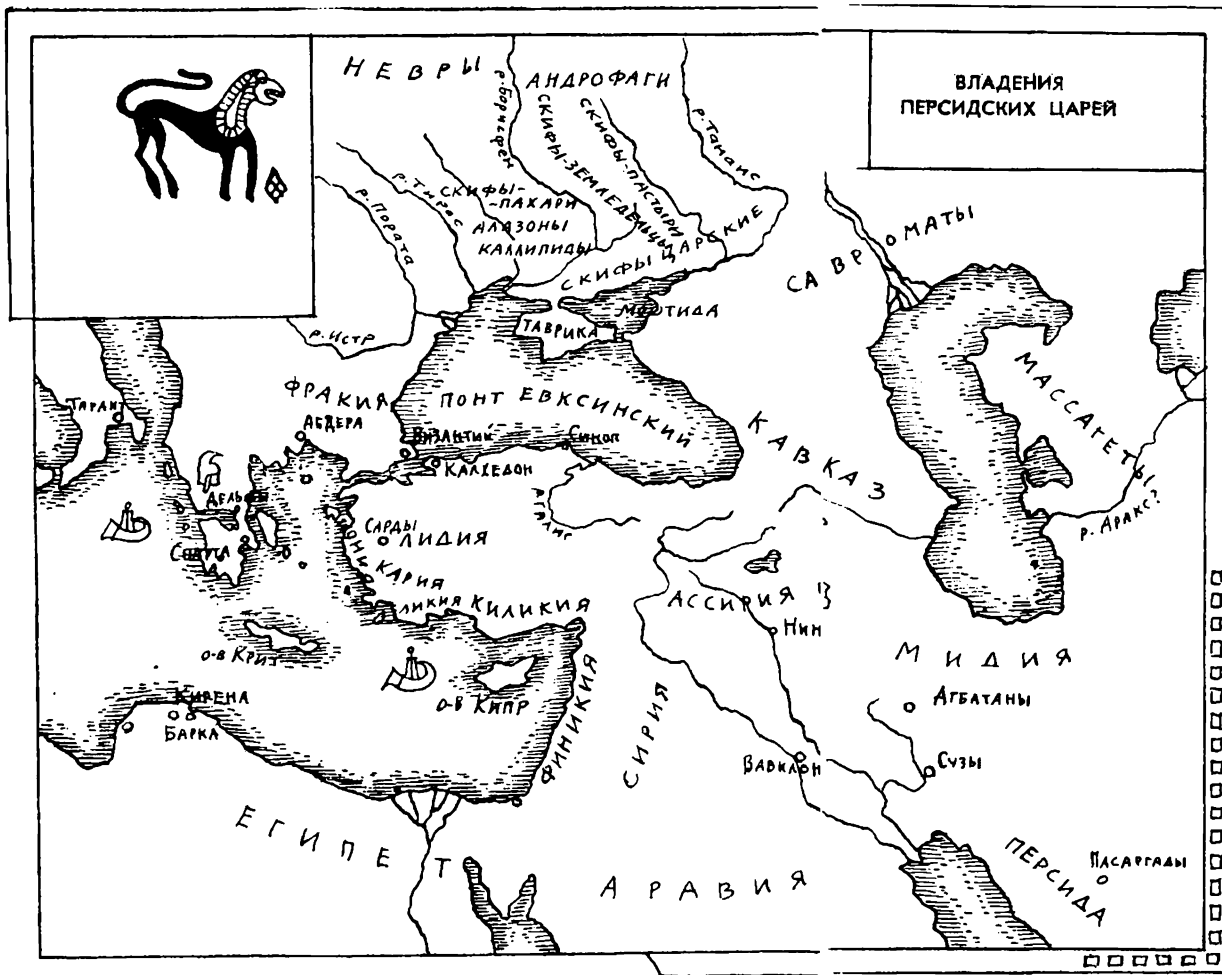
живых и вопрошает ее так: «Поелику ты принуждаешь меня убить государя моего против моей воли, то научи меня, каким образом сделать это?» Она же сказала ему в ответ: «В том самом месте, где показал он тебе меня нагою, там и должно напасть на него, когда он уснет».

12. Согласясь таким образом в заговоре, более она не отпускала Гига, и ему никак не можно было уйти, но надлежало или самому погибнуть, или Кандавлу. С наступлением же ночи последовал Гиг за царицею в опочивальню, и она, дав ему кинжал, сокрыла его за тою же самою дверью; а потом, когда Кандавл уснул, то Гиг подкрался к нему и убил его. Так он овладел и женою его и державою. О сем Гиге и Арихлос Паросский, живший в одно с ним время, упомянул в троеремном ямбе.

13. Получивши лидийское царство, утвержден был Гиг на нем и дельфийским прорицалищем: ибо когда лидяне, негодуя о бедствии Кандавловом, подняли оружие, то соглашено было между Гиговыми соумышленниками и прочими лидянами, чтобы, если прорицалище избрет его царем лидийским, то царствовать ему, в противном же случае отдать царство обратно Гераклидам. Прорицалище избрало, и он остался царем: однако же купно с тем пифия изрекла, что мщение Гераклидов постигнет пятого потомка Гигова. Но сие предсказание ни во что почитали как лидяне, так и цари их, доколе оно не сбылося.

14. Вот каковым образом Мермнады завладели лидийским царством, отняв оное у Гераклидов. Гиг же, воцарившись, послал в Дельфы немалые дары: сколько ни сделано им серебряных приношений, большая часть их в Дельфах, а кроме серебра, несметное множество принес он и золотых вещей, из коих наипаче достойны примечания золотые чаши, числом шесть,—весу в них тридцать талантов, а лежат они в сокровищнице коринфян, сокровищница же сия по истинной правде не коринфская всенародная, а Кипселова, сына Этиона. Названный Гиг первый из варваров, нам известных, посвятил приношения в Дельфы, после Мидаса, сына Гордиева, царя фригийского; от Мидаса же принесен в дар царский престол, достойный посмотрения, на коем он, председа, творил суд, и престол сей стоит там же, где и чаши Гиговы. Сии золото и серебро, Гигом пожертвованные, доселе называются у дельфийцев по его имени.

По приобретении же царской власти обратил и Гиг оружие против Милета и Смирны и взял город Колофон. Но как другого

важного ничего в его царствовании не случилось, а царствовал он сорок лет без двух, то мы, сказав о сем, оставим его. 15. По упомяну об Ардиси, сыне Гигом, царствовавшем после отца своего: он покорил приенян и вторгнулся в Милет. Во время властвования его в Сардах киммерияне, изгнанные из обычных мест своих кочевыми скифами, пришли в Азию и взяли Сарды, кроме крепости. 16. Царствовал он пятьдесят лет без года, и преемником его был Садиятт, сын его, царствовавший двенадцать лет. После же Садиятта царствовал Алиатт: сей государь воевал с Кнаксаром, внуком Дениока, и с мидянами, он изгнал киммериян из Азии, взял Смирну, заселенную от колофонян, и вторгнулся в Клазомены, которые, однако, оставил не подобру, но с великим поражением. Предпринимал он в царствование свое и другие дела, из коих достопримечательнейшее есть следующее.

17. Была у него война с мидянами, унаследованная им от отца, и в походах своих он разорял Милет вот каким образом. В пору, когда земные плоды созревали, он вводил в страну сию войско, и шло оно при звуке свирелей, арф и дудок женских и мужских.

А пришедши к милетянам, он жилищ в полях не разрушал, не сожигал и дверей не взламывал, но оставлял оные неприкосновенными, а истреблял деревья и земные плоды и возвращался назад. Ибо как милетяне обладали морем, то и не для чего было осаждасть город войском; а жилищ не разрушал сей лидийский государь для того, чтобы милетяне могли, живучи в них, снова засеять и возделывать свои нивы, а ему в свое нашествие было бы что истреблять. 18. Таким образом вел он войну одиннадцать лет, в продолжение коих милетяне двукратно претерпели великие поражения — на своей же земле в Лименни и в равнине, орошаемой Меандром. Из сих одиннадцати лет первые шесть лет над лидянами царствовал еще Садиятт, сын Ардисов, делая с войском своим набеги на милетян, ибо он-то и устроил войну сию; следующие же за сими пять лет воевал Алиатт, сын Садияттов, который, как прежде мною сказано, наследовал сию войну от отца и продолжал оную тщательно. Милетянам же в той войне не помогал ни один из ионийских народов, кроме хиян, кои тем воздали им долг свой, — ибо и милетяне помогали хиянам на войне против эрифреян.

19. На двенадцатом же году, когда войско зажгло ниву, случилось вот какое происшествие. Как скоро загорелся на ниве хлеб, пламя, раздуваемое ветром, коснулось храма Афины, проименованной Ассийскою, и храм на сем пожаре сгорел. Дело сие поначалу показалось ничего не значащим; но как войско возвратилось в Сарды, Алиатт занемог. Болезнь его все более и более затягивалась, и вот, по совету ли других, по собственному ли усмотрению, посылает он в Дельфы спросить бога о своем недуге. Но по прибытии посланных к дельфийцам пифия отреклася дать им ответ, доколе не восстановят храма Афины, сожженного в Ассисе в земле милетян.

20. Что было сие так, слышал я от самих дельфийцев. Милетяне же к сему присовокупляют, что Периандр, сын Кипселов, узнавши об ответе, сказанном пифиею Алиатту, тотчас послал сказать другу и гостеприимцу своему Фрасибулу, властвовавшему тогда в Милете, дабы он, предузнав о сем, поступал бы сообразно сказанному. Так милетяне рассказывают сие событие.

21. Алиатт, как скоро о том известился, немедленно послал в Милет глашатая, желая с Фрасибулом и милетянами заключить перемирие на все то время, пока будет строиться храм. Посланный

прибыл в Милет, а Фрасибул, предуведомленный о всем обстоятельно и зная, чего хочет Алиатт, придумал вот такую хитрость. Сколько было в городе хлеба, царского ли, частного ли, он велел спести на торжище, а милетянам приказал, как скоро даст он знак, всем пить и потчевать друг друга. 22. Сне сделал и повелел Фрасибул для того, чтобы сардийский посланный, увидев припасы в великой куче и граждан, предающихся пиршеству, известил о том Алиатта. Так и сбылось: глашатай, увидев сне, по объявлении Фрасибулу предложений индийского царя, возвратился в Сарды, и засим был заключен мир,— не иначе, я полагаю, как потому, что Алиатт дотоле думал, что в Милете сильный голод и народ доведен до самой крайности, а от возвратившегося из Милета гонца услышал известие, тому противное. Мир же заключен был на том условии, чтобы оказывать друг другу гостеприимство и вспоможение в войне; Афина же Алиатт вместо одного соорудил два храма в Ассисе и от болезни исцелился. Так ведена была Алиаттова война с милетянами и Фрасибулом.

23. А тот Периаандр, который известил Фрасибула об ответе прорицалища, был сыном Кипсела и влаждествовал в Коринфе. Коринфяне и согласно с ними лесбийцы говорят, что это при нем случилось величайшее чудо: Арион мегимпийнин на спине дельфина выплыл к Тенару. Был он кифарный певец, не превосходимый никем из современников, и он первый, сколько нам известно, изобрел, наименовал и пел дифирамб в Коринфе.

24. Сей-то Арион, сказывают, пробыв много времени при Периаандре, пожелал отплыть в Италию и Сицилию, а стяжавши там великое богатство, захотел возвратиться в Коринф. Отправляясь же из Таранта, нанял он корабль у коринфян, никому более не доверяя, как им; но они, отплыв от берега подальше, злоумыслили бросить Ариона в море, а имущество его захватить. Арион, узнав о сем, прибегнул к просьбам, предлагаая им все богатство свое, только пощадили бы жизнь его. Но просьбами его корабельщики не убедились, а требовали, чтобы Арион или сам себя умертвил, если хочет быть погребенным в земле, или немедленно бросился бы в море. Приведенный в сомнение Арион просил, коли так им угодно, позволить ему выйти во всем наряде на палубу корабля и пропеть песню, а пропевши, обещал наложить на себя руки. Корабельщикам пришла охота послушать превосходнейшего певца, и они с кормы пошли на средину корабля; и вот Арион, надев на себя все свои наряды, взяв кифару и ставши на палубе, запел под звук кифары

высокую песнь, а окончив петь, бросился в море, как был, со всем своим нарядом. Корабельщики отправились далее в Коринф, Ариона же, как сказывают, принял на себя дельфин и принес на Тенарский мыс. Вышедши там на берег, пошел он в Коринф во всем своем наряде и, пришед, рассказал все, с ним случившееся. Периандр, не веря тому, заключил его под стражу, чтобы никуда не ушел, и нетерпеливо дожидался корабельщиков. Как скоро они прибыли в Коринф, Периандр призвал их к себе и спросил, не знают ли они чего об Арионе. Когда же сказали они, что Арион здравствует в Италии и что они оставили его в Таранте в совершенном благополучии, то вдруг явился пред ними Арион в том самом наряде, в котором бросился в море, — и корабельщики, изумленные сим и уличенные, не могли уже отрицаться от своего преступления. Так повествуют о сем коринфяне и лесбийцы; а на Тенаре и ныне еще находится невеликое медное изваяние, пожертвованное Арионом, представляющее человека, сидящего на дельфине.

25. Алиатт же, царь лидийский, окончив с милетянами войну, скончался, царствованию же его было пятьдесят семь лет. Он второй из сего дома посвятил в Дельфы огромную серебряную чашу за выздоровление от недуга и подчашник железный спянный, из всех дельфийских вкладов достойнейший внимания: то было изделие Главка Хиосского, который прежде всех изобрел искусство спаивать железо.

26. По смерти Алиатта принял престол Крез, сын его, а лет ему от роду было тридцать пять. Сей напал из эллинов, прежде всего на эфесля; и тогда-то осаждаемые им эфесяне посвятили свой город Артемиде, привязавши вервь от храма ее к городской стене, а расстояния от храма до осаждаемого города было семь стадиев. Это, стало быть, был первый поход Креза; а потом воевал он одних за другими ионян и эолян, всякий раз под разными предложениями: за кем мог найти проступки важные, тем их и вменял, а за кем не мог, тем поставлял в вину и маловажности.

27. Принудив так эллинов, обитавших в Азии, платить ему дань, вознамерился он, построив корабли, обратиться и на островных жителей. Но когда уже все было готово к построению кораблей, он оставил свое предприятие, быв отклонен, одни говорят, Биантом Приенским, пришедшим в Сарды, другие — Питтаком Митиленским. Сей последний будто бы на вопрос Креза, есть ли что нового в Элладе, ответил так: «Государь! островитяне набирают десять тысяч всадников, имея умысел идти на Сарды и на тебя».

Крез, полагая слова его правдою, сказал: «О, когда бы боги и впрямь внушили островитянам мысль прийти со всадниками на сынов лидийских!» На сие говоривший с ним отвечал: «Государь! кажется, что тебе весьма желательно захватить на суше конницу островитян — желание не странное! Но чего иного, по мнению твоему, хотят островитяне, услышав, что ты против них сооружаешь корабли, если не того, чтобы лидян захватить на море и таким образом отмстить тебе за эллинов, обитающих на материке, коих ты держишь в рабстве?» Заключение сей речи Крезу весьма понравилось; почему, убедясь благоразумным сим рассуждением, он оставил намерение строить корабли, а с обитавшими на островах ионянами заключил дружеский союз.

28. В последствии времени Крез покорил почти все народы к западу от реки Галиса, кроме лишь кликиян и ликийн: таковы суть лидяне, фригийяне, мисяне, мариандины, халибы, пафлагоняне, фракийцы финские и вифинские, каряне, ионяне, доряне, эоляне и памфиляне.

29. Когда сии были покорены и присоединены Крезом к лидянам, в город его Сарды, процветавший богатством, пришли из Эллады все мудрецы тогдашнего времени, каждый по своему побуждению. В числе их был и Солон афинянин, который, написав афинянам по их требованию законы, странствовал десять лет под предлогом любознательства, дабы не быть принуждену переменить который-либо из законов, им изданных; сами же они не вправе были сделать сие, ибо строгою клятвою обязались десять лет блюсти законы, данные им Солоном. 30. По сей-то причине и для удовлетворения своего любознательства Солон, оставив отечество, отплыл в Египет к Амасису, а потом в Сарды к Крезу, коим помещен был в царские чертоги. И там на третий или четвертый день по его прибытии слуги Креза по цареву повелению водили Солона по сокровищницам и показывали ему все, что ни было в них великолепнейшего и богатейшего.

По прошествии же приличного времени на осмотрение всего и размышление Крез сказал Солону следующее: «Гость афинский! у нас о тебе много говорят, как ради мудрости твоей, так и ради странствования, предпринятого тобою из любомудрия для обозрения многих стран. Посему родилось во мне желание узнать от тебя, видал ли ты кого всех блаженнейшим?» А сделал он сей вопрос, почитая блаженнейшим из людей себя. Солон же, не умея ласкать, а только говорить истину, «о государь! — отвечал ему, —

видел я таковым Телла афинянина». Крез, удивившись сему ответу, с нетерпением спросил: «Почему же считаешь ты Телла всех блаженнейшим?» Солон отвечал: «Жил сей Телл в цветущее время Афин, дети у него были прекрасные и добронравные, и от них видел он внуков, кои все остались живы. Насладясь же благотечною жизнью, сколько то от нас зависит, он окончил ее блистательнейшею смертию. Оказав храбрость в битве, происходившей между афинянами и соседними им элевсинцами, и обративши в бегство неприятелей, он со славою умер, и афиняне погребли его на том самом месте, где он пал, всенародно и с великими почестями».

31. Сею повестью о Телловом блаженстве когда сделал Солон Крезу назидание, сей спросил его: кого же видел он в блаженстве вторым по Телле? — уповал, что по крайности второе место дано будет ему. Но Солон ответил так: «Клеобиса и Битона: они, быв родом аргивяне, жили в достатке и притом имели такую крепость тела, что оба получали награды на общенародных играх. И об них рассказывают следующее. Когда в Аргосе происходило празднество Геры, матери их надлежало ехать в храм непременно на паре воллов; но волы с поля к тому времени не прибыли. Посему юноши, понуждаемые временем, запряглись сами в ярм и повлекли колесницу, на коей мать их ехала; и проведши так ее чрез сорок пять стадиев, предстали в храм. Обративши сим поступком на себя взоры всего собрания, они улучили превосходную кончину жизни: на них явил бог, что лучше человеку умереть, чем жить. Аргивяне, окружив их, удивлялись силе юношей, аргивянки славилы мать их за таковых сынов, мать же, восхищаясь поступком детей своих и похвалами зрителей, стала пред ваянием богини и просила детям своим Клеобису и Битону за столь многое к ней почтение даровать что человеку можно стяжать наилучшего. После сей молитвы, принеся жертву и совершив пиришество, юноши уснули в самом храме и более уже не встали, так скончавши жизнь свою. Аргивяне же, изготовив их изображения, посвятили оные в Дельфы как лики людей добродетельнейших».

32. Вот кому Солон назначил второе место в благополучии. Крез, недовольный тем, вскричал: «Неужели, о странник афинский, мое ты счастье уважаешь столь мало, что даже простым людям предо мною отдаешь предпочтение?»

На сие отвечал ему Солон: «Почто, о Крез, вопрошаешь ты об участи человеческой меня, ведающего, что счастье всегда резниво и мятежно? В течение долговременного века многое приходится

увидеть, чего не желаешь, и многое претерпеть. Предел жизни человеческой полагаю я в семьдесят лет; в сих семидесяти годах сочтем мы двадцать пять тысяч и двести дней, не включая вставных месяцев; если же на каждый второй год положить по лишнему месяцу, дабы годы соответствовали должному времени, то на семьдесят лет вставных месяцев будет тридцать пять, а дней в них тысяча пятьдесят. Всего, стало быть, в семидесяти годах исчисляется двадцать шесть тысяч двести пятьдесят дней, и ни один день не походит на другой своими событиями. Потому-то, Крез, в человеке все превратно. И хоть вижу я, что и богатство твое велико, и царствуешь ты над многими, но того, о чем вопрошаешь меня, я не скажу о тебе, доколе не услышу, что ты благо довершил век свой. И великий богач не блаженнее того, кто живет со дня на день, если не удастся ему во благе окончить жизнь свою. Многие богатеишие из смертных не ведают блаженства, и, напротив, многие, в умеренности живущие, бывают счастливы. И великий богач, не ведающий блаженства, превосходит счастливого только двумя выгодами, тогда как сей последний превосходит первого весьма многими. Первый способней может лишь исполнять свои желанья и переносить великие потери; последний же превосходит первого вот какими выгодами. Хотя в способности к потерям и к желаньям уступает он первому, однако от них ограждает его самое счастье; сам же он безущербен, безболезнен, безбеден, благодетен и благообразен; если же сверх того благою будет и кончина его, то он подлинно достоин называться тем блаженным, о коем ты вопрошаешь. Но до сей кончины надобно удерживаться называть его блаженным, а только счастливым. Человеку невозможно обнять все сии блага: подобно как нет такой страны, которая имела бы все потребное, но всякая одно имеет, а в другом нуждается, и которая более имеет, та и лучше других,— так и меж людей никто не имеет один всего, что надобно, а одно имеет, другого не имеет. И кто больше имеет в продолжение всей жизни, а потом благополучной сподобится кончины, тот, по моему мнению, достойно может быть назван блаженным. Но во всякой вещи должно взирать на конечный исход,— ибо бог, уже многих осенив поначалу счастьем, вслед за этим сокрушал их вконец».

33. За сие наставление Крез не только не возблагодарил Солону, но и, нимало его не уважив, отослал от себя: он почел его великим невежею за то, что тот советовал, пренебрегши насущным благополучием, взирать на конечный исход всякой вещи.

34. По отбытии же Солона постигло Креза от бога сильное отщипие — едва ли не за то, что почитал он себя всех блаженнейшим. Явилось ему во сне привидение, которое нежливо предсказало пагубную участь одного из его сынов. А сынов у Креза было два: один обижен был природою, ибо был нем, но другой, напротив, во всем превосходил своих сверстников, имя же ему было Атис; и о сем-то Атисе сновидение предсказало Крезу лишиться его от железного острия. Пробудясь и устрашась сновидения, по довольном размышлении избирает Крез для сына жену; и как прежде тот обыкновенно предводительствовал лядянами, то теперь отец перестал посылать его для сей должности, а стрелы и копыя и все употребляемое на войне оружие, вынеши из мужских комнат, положил в кладовую, дабы которое-нибудь из сего оружия не унало со стены на сына.

35. Между тем как делались приготовления к свадьбе, приходит из Сард некто гонимый несчастием, нечистый руками, родом фригеец, поколения царского. Вошед в чертоги Креза, он по законам той страны просит очищения, и Крез таковое совершает; а очищение у лядян таково же, как у эллинов. По совершении сего обряда Крез, желая знать, откуда и кто он, вопрошает так: «Кто ты, незнакомец? и из коего места Фригии пришел ты просить у меня убежища? кого из мужчин или женщин убил ты?» Ответствовал гость: «О государь! я сын Гордня и внук Мидаса, имя же мне Адраст; я ненароком убил брата своего, за что отец изгнал меня, и я всего лишился». Крез на сие: «Родители твои нам друзья, и ты к друзьям пришел. Здесь ни в чем не будешь иметь нужды, пребывая у нас; и переноса бедствие сие сколь можно терпеливее, ты с избытком за оное вознаградишься». Таким образом Адраст остался жить при Крезе.

36. В сие самое время на Мисийском Олимпе появился необыкновенной величины вебрь, который с сей горы напал на мисийские поля и разорал их. Мисяне многократно выходили против него, но ему не могли сделать ничего худого, а только сами от него терпели. Наконец послали они к Крезу поверенных и сказали: «Государь! в нашей стране явился непомерной величины вебрь и опустошает поля наши. Сколько ни старались мы поймать его, не можем в том преуспеть, и вот просим ныне тебя послать к нам сына своего, отборных юношей и собак, чтоб нам избавить от сего зверя страну свою». Такова была просьба их; но Крез, помня слова сновидения, отвечал им: «О сыне моем не напоминайте более: его с

вами я не пошлю, ибо он только лишь женился, и ему не до того; но пошлю с вами отборных из людей со всею псарнею и прикажу им, чтоб всемерно постарались с вами избавить вашу страну от сего чудовища».

37. Таков был ответ царя, и мисяне были тем довольны; но вот приходит сын Креза, и, услышав, чего просили мисяне и как отец не хочет его послать, говорит юноша: «Родитель! прежде я имел лучшую и благороднейшую долю — на войне и на охоте приобретать славу; ныне же и от того и от другого держишь ты меня взаперти, хоть не видел ты во мне ни трусости, ни малодушия. С какими глазами теперь должен я казаться, идучи на сборище или из оного? что станут думать обо мне граждане? Каковым покажусь новобрачной супруге своей? с каким мужем она почтет себя сожительствующею? Итак, или позволь мне идти на охоту, или вразуми меня, что мне полезнее то, что ты делаешь».

38. Крез ему отвечает: «Сын! ни трусости, ни иного чего, мне неприятного, не заметив в тебе, делаю сие. Но во сне явилось мне видение, которое сказало, что жить тебе недолго, а погибнуть от острия железа. По сей-то причине поспешил я и женитьбою твоею и не посылаю на предпринимаемую охоту, охраняя тебя от опасности, сколько могу при жизни своей. Ибо ты один у меня сын, а другого, обиженного речью, считаю так, как бы его и нет у меня».

39. Ответствовал юноша: «Отец! таковой виденный тобою сон извиняет тебя в том, что ты бережешь меня; но позволь сказать мне, что ты не постиг и не понял истинного смысла сновидения. Ты говоришь, что я, по словам его, должен погибнуть от острия железа; но у вепря какие руки? какое острие железа, коего ты опасешься? Если бы видение сказало, что я погибну от зуба какого зверя или от чего другого подобного, тогда следовало бы тебе делать то, что ты делаешь; но речь была об острие железа, а как теперь биться мне предстоит не с людьми, то отпусти меня!»

40. Ответствовал Крез: «Сын! таковым истолкованием сна моего ты меня победил; и я, побежденный, переменяю мысли мои и позволяю тебе идти на охоту».

41. Сказав сие, Крез посылает за фригийцем Адрастом и, когда он пришел, говорит ему: «Адраст! я очистил тебя, пораженного недобрым бедствием, в коем не укоряю тебя; я принял тебя в дом свой и доставляю тебе все содержание. За сделанное тебе добро ты обязан мне добром; и вот ныне я прошу тебя быть охранителем

сына моего, отправляющегося на охоту, если нападут на вас в дороге разбойники. Да и сам ты должен идти туда, где мог бы ты прославиться деяниями: такова и родовая твоя наследственность, такова же и крепость сил твоих».

42. Ответствовал Адраст: «Государь! не хотел бы я идти на таковой подвиг: кто поражен бедствием, подобным моему, тому не прилично мешаться со сверстниками, которые благополучны. Я не желал того и всячески воздерживался в своих требованиях. Ныне же, поелику ты сам желаешь сего и я обязан делать угодное тебе, дабы воздать за твои благодеяния, вот я готов повиноваться твоему повелению. Верь, что сын твой, коего уверяешь мне, возвратится невредимым, сколько то зависеть будет от хранящего».

43. После сего ответа они отправляются в путь, сопровождаемые отборными юношами и собаками. Прибыв на гору Олимп, ищут зверя, а нашед, окружают и начинают метать в него стрелы. Тогда иноземец, тот самый, который очищен был от убийства, а имя ему было Адраст, пустив стрелу в вепря, попадает не в него, а в сына Крезова; так сия погибель от острия железа оправдала предсказание сновидения.

Тотчас вестник поспешает в Сарды, а прибыв, извещает Креза и о травле, и об участи сына его. 44. Крез, пораженный смертью сына, тем сильнее чувствует горечь, что убил его тот, кого сам он очистил от убийства. Тяжко сетуя о своем несчастье, призывает он Зевса Очистителя в свидетели всего, что претерпел он от странника; и к тому же богу он взывает как к Странноприимцу, ибо, приняв странника в дом свой, питал он в нем убийцу сына своего; а потом как к Дружелюбцу, ибо, пославши гостя при сыне охранителем, он нашел в нем худшего врага.

45. После сего пришли и лидяне с телом мертвого, и за ними шел убийца. Сей, остановившись пред трупом и простерши руки, предал себя Крезу, прося заколоть его на самом трупѣ и говоря, что не должен жить тот, кто погубил очистившего его от первого убийства. Крез, сие услышав, при всем собственном злополучии своем сжалился над Адрастом и сказал: «О странник! ты уже совершенно удовлетворил моему мщению, осуждая сам себя на смерть. Но не ты виною моего несчастья, ибо ты сие сделал нечаянно. А виновник тому некий бог, давно уже предрекший мне сие событие». По сем Крез погребает сына своего с достойным великолепием; Адраст же, сын Гордия, внук Мидаса, когда над могилою шум людей утих, сей убийца брата своего и убийца [сына] очистителя своего, признавая

себя злополучнейшим всех ведомых смертных, сам себя закалат на той могиле. И лишившись сына, Крез два года оплакивал его в великой горести.

46. Но засим падение царства Астиага, сына Киаксарова, разрушенного Киром, сыном Камбисовым, и возрастающие успехи персов положили конец Крезову сетованию, обратив мысли его на другой предмет. Он почувствовал необходимость удержать, сколь можно, возрастающую силу персов, прежде нежели они достигнут величия.

При таком намерении немедленно вопрошает он прорицалища как эллинские, так и ливийские, послав в разные места: одних в Дельфы, других в Абы Фокейские, третьих в Додону, иных к прорицалищам Амфиараеву и к Трофониеву, а иных в Бранхиды, что в милетской земле. К сим-то прорицалищам Крез послал просить совета в Элладу; в Ливию же послал он к Аммону. Ибо он хотел прежде удостовериться, знают ли что сии прорицалища; и если окажется, что знают истину, то намерен был послать к ним в другой раз с вопросом, предпринимать ли ему войну с персами. 47. И вот, отправивши поверенных для испытания прорицалища, повелел он им, чтобы в сотый день после того дня, как отправятся они из Сард, предстали они к прорицалищам и спросили бы у них: что в тот день делает лидийский царь Крез, сын Алиаттов? — и что каждое из них провещает, записали бы и ему бы представили.

Что ответствовали ему прочие прорицалища, о сем никто не упоминает; зато в Дельфах, как вошли его посланные в придел святилища, торопясь спросить о повеленном, то пифия шестимерным напевом прорекла следующее:

Ведомо мне исчисленье песка и мера пучины,
Внемлю голос немых и слышу слова бессловесных;
Се в мое сердце проник толстопанцирной дух черепахи,
В медном варимой котле совокупно с овечью плотью,—
Медь внизу и медь наверху, а они посредине.

48. Лидийцы, записав сие вещание пифии, отправились в Сарды. Когда же и прочие посланные возвратились с письменными ответами прорицалищ, то Крез все их пересмотрел и ни на один не обратил внимания; но услышав принесенный от дельфийцев, он тотчас с молитвою его принял и признал дельфийское прорицалище одно достойным сего имени, поелику оно впрямь узнало, что такое делал Крез. Ибо отправив поверенных к прорицалищам и наблюдая

назначенный день, он выдумал нечто такое, чего невозможно было, полагал он, никому узнать и отгадать: изрезав в куски черепаху и барана, сам стал варить их вместе в медном котле, покрыв его медною крышкою.

49. Таково было вещание Крезу в Дельфах; а каков был ответ лидянам от Амфиараева прорицалища по совершении ими в храме его уставных обрядов, того я сказать не могу: ибо о сем прорицалище говорится только, что Крез и оное признал неложным.

50. После сего Крез постарался преклонить к себе дельфийского бога многоценными жертвоприношениями. Он заклал три тысячи животных всякого рода, годных для жертвы; на обширном костре сожег позлащенные и посеребренные ложа, золотые сосуды, пурпуровые одежды и хитоны, думая сим паче приобрести себе покровительство одного бога; а всем лидийцам повелел принести в жертву все, что каждый мог. По окончании жертвоприношения из безмерного множества слившегося золота повелел он выделывать полукирпичи, в длину на шесть пяденей, в ширину на три, в толщину на пядень, а числом сто семнадцать. Из них четыре были из чистейшего золота, весом каждый в два таланта с половиною, прочие же — из белого золота, весом каждый в два таланта. Он изваял из чистого золота и льва, весом в десять талантов; лев этот, когда горел дельфийский храм, упал с полукирпичей, на которых стоял, и ныне лежит в сокровищнице коринфян, а весу в нем шесть с половиною талантов, потому что три с половиною расплавилось на пожаре.

51. Изготовив сии изделия, Крез послал их в Дельфы, а с ними и многие другие. Были это две чаши огромной величины, одна золотая, другая серебряная, и золотая поставлена была по правую сторону входа во храм, а серебряная по левую. Но и они после пожара перенесены были в другие места: золотая, весом в восемь талантов с половиною и двенадцать мин, поставлена в сокровищнице клазоменян, а серебряная, вмещающая в себя шестьсот ведер, в углу предхрамия, и в ней дельфийцы растворяют вино в праздник Феофаний. Дельфийцы уверяют, что чаша сия работы Феодора Самосского; и я так думаю, ибо работа оной необыкновенная. Сверх того посланы были Крезом четыре серебряные бочки, кои стоят в сокровищнице коринфян. Еще он пожертвовал две кропильницы, золотую и серебряную; на золотой написано «От лакедемонян», кои уверяют, что это их приношение, но это не так, ибо оно тоже Крезово, надпись же сделал некто из дельфийцев, желая тем

угодить лакедемонянам; имя его я знаю, но не назову. От лакедемоняна пожертвован отрок, из коего руки течет вода, а отнюдь не какая-нибудь из кропильниц. Купно с сими дарами Крез послал и многие другие вклады, примет не имеющие, между коими находились серебряные кругловидные чаши и золотое женское изваяние в три локтя вышиной, представляющее, говорят дельфийцы, Крезову хлебослужительницу. Наконец, и от жены своей сей государь пожертвовал в Дельфы ожерелье и поясы.

52. Таковые дары послал Крез в Дельфы. Амфиараю же, прослышав как о добродетели, так и о бедствии его, принес он в дар щит весь золотой и копье все из сплошного золота, у коего золотое было как ратовище, так и остроконечие. Оба вклады сии еще в мое время хранились в Фивах, во храме Аполлона Исмения.

53. На лидян, кои должны были отправиться с сими дарами, Крез возложил вопросить прорицалища: идти ли ему на персов и присоединить ли к себе союзное войско? Когда посланные прибыли, куда было указано, то, сложив и посвятив приношения, спросили прорицалища следующими словами: «Крез, царь лидян и других народов, полагая, что нет между людьми истинных прорицалищ, кроме ваших, приносит вам дары, достойные вашей проницательности, и ныне вопрошает вас: идти ли ему на персов и присоединить ли к себе соратников?» Таковы были вопросы посланных. Ответы же обоих прорицалищ были между собою согласны: и предсказывали они, что если Крез пойдет на персов, то разрушит великую державу, а в соратники советовали присоединить могущественнейших из эллинов.

54. Узнавши Крез принесенные вещания, весьма обрадовался, совершенно надеясь разрушить Кирова царство. Он опять послал к прорицалищу пифийскому и, уведомясь о числе дельфийцев, подарил им по два статера золота на человека. За сие дельфийцы Крезу и лидянам предоставили первенство в совещании с прорицалищем, бесповинность и седалище на играх и позволили всякому желающему из них сделаться дельфийцем на вечные времена.

55. Одарив дельфийцев, Крез в третий раз вопрошал прорицалище, ибо совершенно ему вверился, испытав правдивость оного. Он велел спросить: долголетно ли будет его державствование? На что пифия ответствовала ему:

Как над мидянами мул владычество царское примет,
Ты, нежноногий лидиец, спеши к каменистому Герму
В бегстве спасенья искать, не страшась оказаться трусливым.

56. И сему-то последнему ответу более всех прежних обрадовался Крез, полагая, что никогда мул не будет вместо человека царствовать над мидянами, и потому ни он, ни потомки его никогда не лишатся престола.

По совершении сего Крез постарался узнать, какие из эллинов всех могущественнее, чтобы с ними заключить дружбу; и по разыскании нашел, что всех превосходили лакедемоняне и афиняне, одни в племени дорийском, другие в ионийском. Племена сии разделены были истари: одни составляли пеласгический народ, другие эллинский, и один никогда не оставлял земли своей, а другой скитался многократно и долго. Ибо в царствование Девкалиона обитал он во Фтиотиде; при Доре, сыне Эллиновом, — в стране, называемой Гистиеотидою, что у подошвы Оссы и Олимпа; изгнанный из Гистиеотиды кадмеянами, поселился он в Пинде под именем македнов; оттуда перешел в Дриопиду, а из Дриопиды, наконец, в Целопоннес, где и наименован был народом дорийским. 57. О пеласагах, каким языком они говорили, доподлинно сказать не могу; но если можно судить о сем по нынешним остаткам пеласгов — по тем пеласгам, кои живут над тирренянами в городе Крестоне, а некогда сеселись с нынешними дорийцами и обитали в ныне именуемой Фессалиотиде, и по тем другим пеласгам, кои вдоль Гелеспонта построили Плакию и Скилаку, сделавшись соседями афинянам, и по прочим пеласгийским поселениям, ныне имя свое переименывшим, — если, говорю, судить по всему этому, то пеласги употребляли язык варварский. И если впрямь таково было все племя пеласгов, то надобно думать, что аттический народ купно с обращением своим из пеласгов в эллинов отстал и от прежнего языка своего, — ибо ни язык крестонцев не сходствует с языком их нынешних соседей, ни язык плакиян, а между собою они сходствуют, показывая, что и переселившись в эти страны, те и другие сохранили приметы языка своего.

58. Эллинский же народ со времени своего бытия всегда употребляет один и тот же язык, как мне кажется. Отделясь от пеласгов, вначале он был бессилен; но начав с малого, вырос в большой присоединением к нему пеласгических племен и немалого числа иных варваров. От сего-то, по мнению моему, пеласгийский народ и не сделался значителен, пока не перестал быть варварским.

59. Из сих двух народов, как уведомился Крез, был народ аттический поработен и разъят Писистратом, сыном Гиппократа, в сие время господствовавшим в Афинах. Упомянутому Гиппократу,

афинскому обывателю, когда присутствовал он на Олимпийских играх, явилось чудо великое: во время приношения жертвы поставленные им котлы, наполненные мясами и водою, закипели без огня и перекипели через край. Случившийся там Хилон лакедемонянин, увидев сие чудо, посоветовал Гиппократу, во-первых, не брать в дом жены, чтобы родить детей, а во-вторых, если он женат уже, то жену отослать, и если уже имеет сына, то от него отречься. Но Гиппократ совета Хилонова не послушался, и родился у него потом Писистрат.

Во время распри приморских и равнинных афинян, из коих первыми предводительствовал Мегакл, сын Алкмеона, а последними Ликург, сын Аристолаида, названный Писистрат, вознамерясь похитить власть, возбудил третий раздор. Собрав своих приверженцев под видом охранения нагорных афинян, выдумал он следующую хитрость. Поранив себя и мулов, он погнал повозку свою на торжище, как бы бежав от неприятелей, которые будто бы хотели убить его на пути в деревню, и просил у народа себе стражи, снискавши у него уже прежде уважение предводительством на войне с Мегарами, взятием Нисен и другими немалыми подвигами. Афинский народ, таким образом обманутый, избрал ему из граждан телохранителей. Телохранители сии сделались при Писистрате не копьеносцами, но булавоносцами, ибо следовали за ним с деревянными булавами. Они-то, восстав купно с Писистратом, и овладели крепостию афинскою, и чрез сие Писистрат получил власть над афинянами. Впрочем, он не потревожил ни чинов, тогда бывших, ни законов не переменял, но по установленным порядкам управлял городом справедливо и благоразумно.

60. Спустя же несколько времени приверженцы Мегакла, согласясь с приверженцами Ликурговыми, прогнали его. Таким-то образом Писистрат в первый раз и овладел Афинами и лишился власти, не довольно еще укоренившейся. Однако ж изгнавшие его немедленно снова между собою поссорились, и Мегакл, утомясь мятежами, предложил чрез глашатая Писистрату, не хочет ли он, для восстановления своей власти, жениться на его дочери. И как Писистрат принял сии условия и согласился, то измыслили они для его возвращения глупейшую, по моему мнению, хитрость. Но хотя с давних времен эллинский народ отличался от варварского проныцательностию и паче всех гнушался глупым легковерием, при всем том они преуспели в своей хитрости даже среди афинян, почитавшихся первыми из эллинов в мудрости. В местечке Пеании

была женщина по имени Фня, ростом в четыре локтя без трех пальцев и взрачная лицом; и ее-то Мегакл и Писистрат, облекши во все доспехи, посадив на колесницу и научив принять вид, в коем могла бы она явиться людям благолепнейше, повезли в город, послав вперед глашатаев и наказавши им, как войдут в город, кричать так: «Афиняне! примите благодушно Писистрата, коего сама Афина, почтив паче прочих человеков, возвращает в свою твердыню». Глашатаи возвестили сие по всему городу, и отголе тотчас разнесся слух по всем местам, что Афина возвращает Писистрата; и городские жители, почтя сию женщину за самую богиню, простерлись перед смертною и приняли к себе Писистрата.

61. Восприяв таким образом власть, Писистрат по условию, соглашенному с Мегаклом, женится на его дочери. Но как у него были уже сыновья юношеских лет, а род Алкмеонидов почитался проклятым, то он, не желая от нового брака иметь детей, совокуплялся с женою неположенным образом. Жена сперва сие скрывала; потом, спрошена ли будучи или сама собою, сказала о том своей матери, а сия мужу. Мегакл, почтя сей поступок Писистрата за тяжкое бесчестие себе, во гневе примирился с прежними своими приверженцами; и тогда Писистрат, узнав об умысле против него, вовсе покинул Аттику. Удалясь в Эретрию, там он совещался со своими сыновьями; и превозмогло мнение Гиппия, состоявшее в том, чтоб опять возобладать властью. Были сделаны поборы с тех городов, кои прежде были чем-либо им обязаны, и от многих получены большие деньги; особливо превзошли всех щедростию фивяне. После сего, чтобы коротко сказать, с продолжением времени все устроилось к их возврату в Афины,— ибо и аргивские наемники пришли из Пелопоннеса, и наконец по имени Лигдамид, добровольно к ним присоединясь, подал великое ободрение, пришед с деньгами и войскою.

62. И так отправившись из Эретрии, на одиннадцатом году своего отсутствия возвратились они в отечество и прежде всего в Аттике заняли Марафон. Когда они в сем месте расположились станом, немедленно стеклися к ним их единомышленники, одни из города, другие из местечек, коим государская власть нравилась более свободы, и таким образом войско Писистратово умножилось. Афиняне же, остававшиеся в городе, доколе Писистрат собирал деньги и потом держался в Марафоне, нимало сим не занимались; но как скоро узнали, что он из Марафона идет к городу, тогда решились отразить его. Они двинулись на него со всеми своими войсками;

равным образом и Писистрат с бывшими при нем поднялись от Марафона и пошли к городу. Оба войска сошлись у храма Афины Палленской и расположились станом одно супротив другого. Тут является пред Писистрата посланный от богов акарнианский предвещатель Амфилит и шестимерным напевом изрекает:

Мрежа раскинута в море, расставлены ловчие сети:
Ночью, при месячном свете, тунцы приплывут к рыболову.

63. Так вещает боговдохновенный прорицатель, и Писистрат понял прорицание: объявив, что предреченное он приемлет, он немедленно повел войско против неприятеля. Афиняне же, вышедшие из города, в то время только лишь отобедали, и одни из них после обеда играли в кости, другие спали. А Писистрат с воинами на них нападает и обращает их в бегство; видя же сие бегство, измышляет разумнейшее средство, чтоб афинское войско не составилось вновь, но пребыло бы рассеянным. Он послал вперед сыновей своих верхами, и они, догоняя бегущих, по наказу Писистрата объявляли им, чтоб ничего не опасались и каждый бы возвращался восвояси.

64. Афиняне поверили сим обещаниям, и Писистрат в третий раз завладел Афинами, укоренив свою власть как помощью многих наемных войск, так и силою денег, кои он частью собирал в Аттике, частью на реке Стримоне. При том он взял заложниками детей тех афинян, кои упорствовали его нападению и не вдруг предались бегству, и отослал их на остров Наксос. Ибо Писистрат и сей остров завоевал и вверил правлению Лигдамида. Сверх того, по слову прорицалища, он предпринял очищение острова Делоса, и вот каковым образом: из всех мест острова, с коих можно было видеть храм, повелел он выкапывать трупы и уносить в другие места. Сказанным образом утвердил Писистрат свою державу в Афинах; афиняне же иные пали в сражении, другие убежали из отечества своего с Алкмеонидом.

65. Вот в каковом положении были дела афинян, когда Крез собирал о них известия.

Лакедемоняне же тогда, по избежании великих бедствий, взяли одоление на войне против тегеян: ибо в царствование Леона и Агасикла были они счастливы на всех войнах и побеждаемы одними только тегеянами.

В прежние времена лакедемоняне имели у себя законы худшие всех эллинских и с другими народами не знали; однако же законы их привелись в лучшее состояние, и вот каким образом. Когда

Ликург, знаменитый гражданин спартанский, отправился к дельфийскому прорицалищу, то едва он вошел в придел пифии, как она тотчас проорекла:

Се, наконец, о Ликург, приступаешь ты к тучному храму,
Зевсу любезный и всем на Олимпе обитель имущим!
Богом приветить тебя или смертным приветить, не знаю,
Но уповаю, Ликург, что более бог ты, чем смертный.

Некоторые сверх того утверждают, что от пифии получил он и уложение, коим ныне спартанцы управляются; но сами лакедемоняне говорят, что Ликург, быв опекуном своего брата Леобота, царя спартанского, привез сии законы из Крита. Ибо сделавшись опекуном, он тотчас переменил все порядки и охранял их от нарушений. После сего он установил военные разряды — дружины, сплоченные клятвою, дружины, сплоченные застольем, и общие трапезы; и наконец, учредил блюстителей эфоров и советных старейшин.

66. Такими-то переменами достигли лакедемоняне благозакония. А по смерти Ликурга они соорудили ему храм и оказывали великие почести. Добрая почва земли и умножившееся число возделывателей в короткое время привели народ в цветущее состояние. И тогда, не довольствуясь покоем и почитая себя превосходнейшими аркадян, народ сей попытал завладеть всею Аркадиею и о сем вопросил дельфийское прорицалище. Но пифия ответствовала:

Просишь ты от меня Аркадии? Многого просишь!
Многo в Аркадии есть желудями кормящихся смертных,
Кои отгонят тебя. Не во всем я, однако, отказчик:
Будет Тегея тебе, дабы ты истоптал ее пляской
И превосходные пивы измерил бы мерною вервью.

Получив сей ответ, лакедемоняне отложили напасть на прочих аркадян, а обратили свое оружие на тегеян: положась на обманчивый ответ прорицалища, они даже взяли с собою оковы, как бы для отведения тегеян в рабство. Но сражение было несчастным, и кои на нем были взяты в плен живыми, те заключены были в оковы, ими же принесенные, и принуждены, меря вервию тегейскую землю, оную обрабатывать. Те оковы их еще в мое время сохранялись в Тегее, повешенные на стене в храме Афины Ален.

67. В сию-то прежнюю войну лакедемоняне всякий раз сражались с тегеянами несчастливо; но во время Креза, когда в Лакедемонии царствовали Анаксандрид и Аристон, спартанцы на сей войне

одерживали уже преимущество. А случилось это следующим образом. Поелику они всегда были побеждаемы тегеянами, то послали в Дельфы спросить прорицалище: кого из богов должно им умоли- стивить, чтобы победить тегеян на войне? Пифия отвечала, что должны они принести в Спарту кости Ореста, сына Агамемнонова. Но как гроба Орестова отыскать они не могли, то опять послали спросить прорицалище, где лежит Орест. На сей вопрос пифия ответствовала так:

Есть в аркадской земле средь поля город Тегея,
Ветер там дует на ветер, гоним неизбежною силой,
Бедство на бедстве лежит и удар отвечает удару;
Там-то в земле жизнедарной сокрыт Агамемнонов отпрыск:
Вынесши оног прочь, одержишь ты верх над Тегеей.

Лакедемоняне, услышав и сей ответ, сколько ни искали, ничего найти не могли, доколе не отыскал им оног места некто Лихас, один из так именуемых спартанских доброподвижников. Доброподвижниками же назывались старейшие граждане, выходящие из всаднического чина по пятеро в год, и в тот год они должны не быть праздными, но служить в рассылках у спартанской общины.

68. Из сих-то людей и был Лихас, который, руководимый случаем и рассудком, нашел в Тегее то, чего искали. Поелику в то время с тегеянами было перемирие, то он, пришедши в кузницу, смотрел, как там ковали железо, и удивлялся. Кузнец, приметив его удивление и перестав работать, сказал: «Верно, спартаец, ты гораздо больше удивлялся бы, если бы увидел то, что я видел, когда ныне столько дивисься простому кованию. Ибо я, копаючи на сем дворе колодец, попал на гроб, длиною в семь локтей. Не веря, чтоб люди были когда-нибудь больше нынешних, открыл я его и увидел мертвеца, длиною в меру гроба. Я смерил его и зарыл снова». Ремесленник рассказал, что видел, а Лихас, рассудив о сказанном, заключил, что это должен быть Орест, как и в прорицании сказано. Истолковывал он так: два раздувательные меха кузнеца суть два ветра; наковальня и молоток — удар против удара; а выковываемое железо — бедство на бедстве, ибо железо (рассуждал он) изобретено на беду человека. С таковым истолкованием он отправился в Спарту и рассказал спартанцам все дело; но они почли сие выдуманною и, вменив ему то в преступление, выгнали его из города. Лихас отправился в Тегею и, рассказав кузнецу свое приключение,

стал уговаривать его отдать внаем свой двор. Тот не соглашался, но Лихас убедил его; а поселясь там, немедленно отрыл гроб и, собрав кости, понес в Спарту. И с того-то времени во всякой военной схватке лакедемоняне одолевали тегейн и уже подчинили себе немалую часть Пелопоннеса.

69. Все сие узнавши, Крез послал в Спарту послов с дарами просить союза, дав им должные приказания. Они, пришед, сказали: «Нас послал Крез, царь лидийский и других народов, и повелел сказать вам: «Лакедемоняне! послыку прорицалище советовало мне вступить в союз с эллинами, я же узнал, что между эллинами вы — первыйшие, то по воле прорицалища приглашаю вас, желая быть вам другом и союзником без коварства и обмана». Таковое предложение сделал Крез через послов своих. Лакедемоняне, и сами слышав об ответе, данном Крезу прорицалищем, обрадовались прибытию лидян и клятвенно заключили договор гостеприимства и союза. В самом деле, Крезом и прежде оказываемы были им некоторые благодеяния: когда лакедемоняне послали однажды купить золота, желая употребить оное на изваяние Аполлона, которое ныне стоит на горе Форнаке в Лаконии, то Крез подарил им сие золото, не взявши платы.

70. По такимым побуждениям лакедемоняне приняли предлагаемый союз,— особенно же потому, что Крез предпочел их дружбу пред всеми эллинами. И не только готовы были послать ему помощь, но, желая воздать ему дарением, сделали медную чашу, вмещавшую триста ведер, со множеством украшений по краям. Однако ж сия чаша не дошла до Сард, чему рассказывают две причины. Лакедемоняне говорят, что когда везли ее в Сарды, то близ самого острова Самоса жители его, проведав о сем, выплыли на больших кораблях и ее перехватили. Сами же самийцы говорят, что лакедемоняне, везшие чашу, замешкав на пути и узнав, что Сарды взяты и Крез в плену, продали ее в Самос, и частные люди, оную купившие, пожертвовали ее в храм Геры. Может быть, и впрямь послы ту чашу продали, а, возвратясь в Спарту, сказали, будто она отнята самийцами. Такова была участь сей чаши.

71. Между тем Крез, обманувшись прорицанием, пошел войною на Каппадокию, надеясь ниспровергнуть Кира и могущество персов. Когда же готовился он в поход против персов, то некто из лидян, и прежде почитавшийся мудрым, а здесь еще более мнением своим прославившийся меж лидян (имя же ему Санданис), присоветовал Крезу следующее: «Государь! ты готовляешься воевать

с такими людьми, кои обувь носят кожаную и всю одежду кожаную; живучи в стране суровой, они едят не столько, сколько хотят, но сколько имеют; вина не употребляют, но пьют воду; и нет у них ни смокв, ни иного чего хорошего. Посему, если ты победишь их, что отнимешь у них, когда ничего у них нет? Если же сам будешь побежден, то скольких благ лишишься! Ведь вкусивши наших благ, они прилепятся к ним и не попустят прогнать себя. Я благодарю богов, что они не внушают персам ополчиться на лидян!» Крез, однако, не послушался сего совета, хотя у персов и впрямь до покорения лидян ничего не было ни сладкого, ни хорошего.

72. Каппадокийцев эллины называли сирянами. Сиряне сии прежде покорялись мидянам, а после персидского одоления — Киру. А границею между мидийскою властью и лидийскою была река Галис, текущая из Арменских гор по Киликии. С правой стороны по ее течению обитают матианы, а с левой фригияне; миновав же сих, далее к северу отделяет она каппадокийских сирян от левобережных пафлагонян. Таким-то образом река Галис отрезает почти всю нижнюю часть Азии, от Кипрского моря и до самого Понта Евксинского, служа для всей страны сей как бы горловиною; а длиною она в пять дней пути для доброго пешехода.

73. На Каппадокию Крез обратил оружие, потому что желал сию страну присоединить к своей державе; наипаче же потому, что в твердом уповании на изречение прорицалища хотел отмстить на Кире за Астиага. Сей Астиаг, сын Киаксаров, царь мидийский, коего Кир, сын Камбисов, победив, держал в плену, приходился Крезу сродником и сделался таковым вот как.

Во время царствования в Мидии Киаксара, сына Фраортова, внука Денокова, некоторая часть кочевых скифов отложилась и удалилась в землю мидийскую. Киаксар сперва принял их, как прибегнувших с просьбою, столь благосклонно, что из великого к ним уважения отдал им разных детей научиться их языку и метанию стрел. Но по прошествии времени случилось, что сии скифы, кои всегда ходили на охоту и всегда что-нибудь приносили, однажды ничего не поймали. Киаксар, увидев их с пустыми руками, оказал себя вспыльчивым и обошелся с ними весьма жестоко. Они, негодуя на таковой несправедливый с ними поступок, уговорились одного из обучавшихся у них отроков изрезать в куски и, приготовив его, как обыкновенно приготовляли они дичь, представить Киаксару охотничьей своею добычею, а самим немедленно уйти к Алиатту, сыну Саднаттову, в город Сарды. Так сие и сделалось.

Киаксар и бывшие у него гости приготовленное мясо съели; а скифы, соделавшие сне, прибегнули под защиту Алиатта.

74. После сего, поелику Алиатт на требованне Киаксара не выдал ему скифов, возгорелась между лидянами и мидянами война и велась пять лет, в каковые годы многократно мидяне лидян, но многократно и лидяне мидян побждали. А одно сражение произошло между ними в ночь,— ибо когда, повоевавши ровень, вступили они в битву на шестом году, то случилось, что в самое время сражения впезанно день обратился в ночь. А ионянам сию перемену дня в почь предсказал заранее Фалес Милетский, назначив сроком тот самый год, в коем она и случилась. Лидяне же и мидяне, увидев, что день стал ночью, сражение прекратили и обоюдно стали заботиться о заключении мира. Примирителями при сем были Сиеннесий киликийский и Лабинет вавилонский, коих посредством ускорен был как клятвенный мир, так и брачный союз. Положено было, чтоб Алиатт дочь свою Ариану выдал за Киаксарова сына Астиага, ибо без силы родства редко держится сила договоров. Договорные же клятвы у сих народов совершаются так же, как у эллинов, но сверх того они делают на коже руки насечку и друг у друга слизывают выступившую кровь.

75. Сего-то Астиага, деда своего по матери, Кир, низринув с престола, держал в плену по причине, которую изложу далее. Крез, желая Киру отомстить, послал спросить прорицалище, идти ли ему против персов, а по получении сомнительного ответа принял оный в свою пользу и пошел войною на персидские уделы. Пришедши к реке Галису, переправил он войско свое, по моему мнению, чрез бывшие там мосты; а по мнению многих эллинов, переправил оное Фалес Милетский. Поелику Крез, говорят они, недоумевал, каким бы образом переправить через реку войско (ибо в то время мостов еще не было), то Фалес Милетский, находившийся в стане, сделал так, что река, протекавшая по левую сторону стана, потекла и по правую. А сделал он так: начав выше стана по реке, велел прокопать глубокий ров в виде полумесяца, дабы река, совратясь в сей ров из прежнего русла, обогнула стан позади его и паки возвратилась бы в обычное свое ложе. Но таковом разделении реки чрез нее можно стало переходить с обеих сторон. Некоторые даже говорят, будто прежнее русло совсем высохло; но я тому не верю, ибо каким образом войско перешло реку, когда оно возвращалось назад?

76. Как бы то ни было, Крез, переправясь через реку с войском, прибыл в часть Каппадокии, называемую Птериею; сия Птерия есть сильнейшее в ней место и лежит почти супротив города Синопы при Понте Евкениском. Тут ставши станом, опустошил он сирийские уголья, взял город птериян и отвел их в неволю, повоевал также все окрестности оного, а сириян, без всякой вины, разорил до основания. Тогда Кир, собравши войско и взяв с собою всех путных обитателей, пошел навстречу Крезу; а прежде, нежели вывести войско, послал к ноньям уговаривать их к отпадению от Креза, но ноняне на то не согласились. Вышедши противу Креза, Кир стал станом, и на полях птерийских оба войска с силою схватились между собою. Сражение было жестокое, и много воинов пало с обеих сторон; наконец, войска с наступлением ночи разошлись, и некоторое из них не одержало победы. Так сражались персы с лидянами.

77. Крез, укоряя себя ошибкою, что пришел с малым войском, — ибо у него оно впрямь гораздо было менее, — и видя на другой день, что Кир не располагает напасть на него, возвратился в Сарды. Он принял намерение призвать на помощь египтян, кои обязаны были к тому по клятвенному договору, заключенному им с царем Амасисом еще прежде, чем с лакедемонянами; и послать к вавилонянам, с коими также был в союзе, а царем у них в сие время был Лабинет; и пригласить лакедемонян явиться к назначенному времени; а соединивши все сии войска и собрав зимою свои собственные, с наступлением весны выступить в поход на персов. Помышляя о сем предприятии, лишь только возвратился он в Сарды, то и послал гонцов по союзникам, чтоб они собрались в Сарды о пятом месяце. Войско же, находившееся при нем на жалованье и бывшее в сражении с персами, он все распустил и рассеял, никак не полагая, чтобы Кир, неуспешно сражавшись перед тем, вздумал бы приблизиться к его столице.

78. Между тем как Крез занимался сими приготовлениями, все предместие города вдруг наполнилось змеями, коих лошади, оставив обыкновенный свой корм, с жадностью пожирали. Крез, почел сие чудом, каковым оно и было. Тотчас он послал поверенных к прорицателям телмесским; но те поверенные, отправясь и узнав в Телмессе, что значит сие чудо, не успели довести о том Крезу, ибо прежде возвращения их в Сарды был он взят в плен. А сказали телмесские вот что: в Крезовы владения войдет чуждое войско и, вошед, поработит жителей; ибо (говорили они) змей есть

сын земли, а лошадь неприятель и пришелец. Сей ответ телмесяне дали Крезу, когда он уже был в плену, но они еще ничего не знали ни о Сардах, ни о самом Крезе.

79. Между тем Кир, узнав, что Крез немедленно после сражения, бывшего при Птерии, ушедши с войсками своими, намеренные распустить, рассудил, что весьма кстати будет сколь можно скорее подвигнуться на Сарды прежде, нежели опять собрана будет сила лидийская. Так решив, так он и сделал со всею поспешностью и, пришед с войсками в Лидию, сам стал Крезу вестником своего прибытия. Крез, приведенный в крайнее замешательство сим неожиданным происшествием, вывел, однако, лидян на сражение. В сие время во всей Азии не было народа ни сильнее лидян, ни мужественнее: бились они на конях, копыя носили предлинныя и наипаче искусны были в верховой езде.

80. Сражение дано было на просторном и ровном поле, находящемся пред городом Сардами, где протекают разные реки, в числе коих и Гиал, изливающийся в самую большую реку, именем Герм, которая истекает из священной горы Диндименской матери, а впадает в море близ города Фокеи. Кир, увидевши лидян, выстроенных к битве, и боясь неприятельской конницы, по совету мидянина Гарпага предпринял вот что. Собрав из всего войска своего верблюдов, кои навьючены были съестными и прочими припасами, и сняв с них ношу, он велел на них сесть людям в одежде всадников; снарядив их, он велел им идти впереди всего войска на Крезову конницу, за верблюдами следовать пехоте, а за пехотою расположил свою всю конницу. Приведя всех в порядок, он отдал приказ убивать без пощады всех лидян, какие встретятся, и не убивать только Креза, хотя бы он, схваченный, и стал защищаться. А верблюдов выставил Кир против конницы затем, что лошади так боятся их, что не могут терпеть ни их самих, ни вони их: хитрость сию употребил он для того, чтоб Крезова конница, коею наипаче думал лидийский царь блистать, сделалась бесполезною. И в самом деле, как скоро сражающиеся сошлись, то лошади, услышав воем от верблюдов и увидевши их, обратились назад, и надежда Крезова исчезла. Однако ж лидяне оттого не оробели: уразумев случившееся, они соскочили с коней и схватились с персами пешие. Лишь когда уже много побито было с обеих сторон, лидяне обращены были в бегство, и персы, загнав их в городские стены, начали осаждать их.

81. Когда осада началась, Крез, полагая, что она будет долгою, послал из градских стен новых гонцов к союзникам. Через прежних назначено было, как выше сказано, собраться в Сарды на пятый месяц; а сии посланы были просить о помощи самой скорейшей ради Креза, уже осажденного.

82. Между прочими союзниками Крез послал и к лакедемонянам. Но в сие время случилась у них самих вражда с аргивянами за место, называемое Фиреею. Лакедемоняне завладели сим местом, хотя оно составляло часть Арголиды, — ибо арголические владения простирались к западу до самой Малей, обнимая как берег, так и острова, Киферу и прочие. Аргивяне, прибегнув на помощь отнятому у них месту, вступили с лакедемонянами в переговоры и условились, чтобы с обеих сторон вышло на битву по триста человек, и кто кого одолеет, тому и владеть названным местом; прочее же войско обеих сторон отступило бы восвоеси и не оставалось бы при сражающихся, — сие для того, чтобы которая-нибудь сторона, видя своих воинов ослабевающими, не явилась им на помощь. Сгласясь об этом, они расходятся, оставленные же избранные вступают в битву; и как они дрались с равным мужеством, то из шестисот воинов осталось в живых только три: из аргивян Алкинор и Хромий, из лакедемонян же Офриад. Когда наступила к ним ночь, то оба аргивянина, как победители, поспешили в Аргос, лакедемонянин же Офриад, обобрав аргивские трупы и отнесши их оружие в свой стан, остался при своем месте на поле сражения. На другой день явились, любопытствуя, обе стороны и тотчас обе стали утверждать, что они победили: аргивяне говорили, что их осталось больше, а лакедемоняне, что их воин один остался на поле боя и обобрав неприятельские трупы, между тем как противники его бежали. От споров прибегнули к оружию, и многие пали с обеих сторон, но победили лакедемоняне. С этого-то времени аргивяне, прежде имевшие обычай отращать свои волосы, остригли головы и учредили закон и присягу мужчинам не отращать волос, а женщинам не носить золота прежде, нежели возвратят себе Фиреею; лакедемоняне же, напротив, прежде стригши волосы, учредили закон их отращать. А об Офриаде говорят, из трехсот оставшемся единственным, что, стыдясь возвратиться в Спарту по истреблении всех его товарищей, он сам себя убил в Фирее.

83. При таком-то положении дел спартанских прибыл к ним из Сард гонец просить помощи осаждаемому Крезу; и расспросивши гонца, они поспешили все же оказать сию помощь. Уже они

с кораблями своими были готовы к походу, как пришло другое известие, что лидийская столица взята и Крез в плену. По сему великому несчастью они отложили посылать вспоможение.

84. Сарды же взяты были следующим образом. В четырнадцатый день Крезовой осады Кир разослал по стану своему всадников с объявлением, что первый, кто взойдет на стену, будет им награжден. Тотчас воинство предприняло приступ; но как был он неуспешен и остальные ратники отступились, то некий мард по имени Приад покусился взойти на крепость с той стороны, где не было выставлено стражи, ибо лидяне не опасались в сем месте приступа на крепость, в коем она утесиста и необорима; по сему только здесь Мелет, древний царь Сардийский, не проносил льва, рожденного ему одною из его наложниц, когда телмесские гадатели предсказали ему, что если вокруг стены обнесет он льва, то Сарды никогда не будут взяты,— Мелет исполнил сие обнесение по прочим местам крепости, где она удобоприступна, а ту часть ее, которая находится супротив Тмола, как утесистую и необоримую оставил без внимания. Названный же Приад, увидев накануне, как некий лидийский воин чрез сие самое место сошел вниз за скатившимся шлемом и вновь поднялся назад, пораздумал и отважился: он вскарабкался на стену сам, вслед за ним другие персы, когда же на стену вошли многие, то Сарды оказались взяты и весь город разграблен.

85. С самим же Крезом приключилось вот что. Был у него сын, о коем упоминал я ранее, всем хороший, однако немой. Крез для него в пору своего благосостояния делал все и посылал даже спросить о нем дельфийское прорицалище; и пифия ему ответствовала так:

Лидянин Крез, владыка народов, сколь ты неразумен!
Не пожелай, чтобы в доме твоём столь желанный раздался
Голос сыновний: вовек бы ему оставаться неслышным!
Ибо разверзнет уста он лишь в день, для тебя злополучный.

И вот по взятии крепости некий персиянин, не зная Креза, пошел на него, чтобы убить; а Крез, его увидя, по избытку несчастья своего остался равнодушен, ибо смерть вменял ни во что. Однако сын его немой, увидев перса, наносившего удар на отца его, от страха и горести расторг узы голоса и вскрикнул: «Человек! не убивай Креза!» Так заговорил он в первый раз и после во всю жизнь уже говорил свободно.

86. Так завладели персы Сардами и взяли в плен Креза, царствовал же он четырнадцать лет и в осаде был четырнадцать дней; так, согласно с вещанием прорицалища, разрушил он великую свою державу. Персы, взявшие Креза в плен, привели его к Киру. Сей последний повелел сложить обширный костер и возвести на оный Креза, закованного в цепях, а вокруг него дважды семь лидийских юношей, имея намерение или принести сии первины в жертву кому-нибудь из богов, или совершить какой обет, или же, ведая благочестие Крезово, желал знать, избавит ли его кто из богов от сожжения живым. Так поступил Кир; Крез же, стоя на костре и борясь с толиким злополучием, вспомнил изречение Солона, как бы неким богом ему внушенное, что никто не блажен, покамест жив; и представляя оное в уме своем, после долгого молчания, восстенавши, произнес он трижды имя: «Солон!» Кир, услышав сие, велел переводчикам спросить Креза, кого он призывает. Те, приблизившись, спросили; Крез сперва на те вопросы безмолвствовал, но потом, будучи принуждаем, сказал: «Я бы дал больше деньги, чтобы тот, кого я призываю, побеседовал со всеми властителями!» Как ответ сей был неясен, то переводчики просили объяснить оный. Наконец, после многих настояний и понуждений Крез рассказал им, как некогда пришел к нему Солон афинянин и, увидя все его блаженство, не поставил оное ни во что, а сказал такое слово, которое теперь всецело на нем сбывается и которое касается не только его, но и всего человеческого рода, особливо же тех, кои почитают себя блаженными. Между тем как Крез говорил сие, костер был уже зажжен, и концы оного горели; но Кир, услышав от переводчиков сказанное Крезом, раскаялся и укорил себя, что, будучи сам человеком, другого человека, не ниже его счастьем, решился живого предать огню; и тогда, убоявшись возмездия и заключив, что между людьми нет ничего постоянного, он велел немедленно потушить огонь и свести с костра Креза и бывших с ним. Но попытавшиеся сие сделать не могли одолеть пламени. 87. Тогда-то Крез (так рассказывают лидяне), узнав о Кировом раскаянии и увидев, что все стараются потушить огонь, но никак не могут, громогласно воззвал к Аполлону: если когда дары, им принесенные, были ему приятны, да предстанет и избавит его от настоящего бедствия! На сие, слезами сопровождаемое, призывание внезапно среди ясного и безветренного неба собираются тучи, разражается гроза, льет сильный дождь, и горящий костер потухает.

Таким-то образом Кир, узнавши, что Крез и благочестив и любим богами, спросил его, сходявшего с костра: «Крез! кто из смертных внушил тебе напасть на мои владения и быть лучше врагом моим, нежели другом?» Крез ему отвечивал: «Государь! сделал я сие к твоему благополучию, а к моему злополучию, и виною тому был эллинский бог, побудивший меня начать войну. Ибо кто столь безумен, чтобы войну предпочесть миру, если в мире сыновья погребают отцов, а в войне отцы сыновей? Но так, верно, угодно было богам». 88. Так сказал Крез. И тогда Кир, сняв с него оковы, посадил подле себя, оказывая ему великое уважение; и смотря на Креза, дивился сам и дивились все при нем бывшие.

Крез же, предаваясь размышлению, был покоен; но потом оборотясь и увидев, как опустошают персы лидийскую столицу, сказал: «Государь! говорить ли тебе то, что я думаю, или молчать по нынешнему времени?» Кир ободрил его говорить смело, что он хочет, и Крез спросил его: «Что такое делает сия многочисленная толпа с толиким рвением?» Кир отвечивал: «Разорвет город твой и расхищает богатства твои». Крез на сие: «Ни города моего, ни богатств моих не разоряют они, ибо у меня ничего уже этого нет; это твое добро грабят они и уносят!» 89. Сии Крезовы слова сделали на Кира сильное впечатление, и он, удаливши прочих, спросил Креза, что же усматривает он в происходящем. Крез отвечивал: «Поелику боги предали меня тебе рабом, то я почитаю долгом объявить тебе все, что усматриваю лучше других. Персы по природе своей дерзки и притом бедны. Посему, если ты попустишь им награть и присвоить много денег, то вернее всего произойдет из этого вот что: кто из них больше присвоит, тот скорее против тебя и восстанет. Так сделай же, что я тебе присоветую, если то придется тебе по нраву. Приставь ко всем городским воротам стражей из своих копьеносцев; пусть они отбирают добро от уносящих и сказывают им, что прежде нужно десятину одного посвятить Зевсу. Таким образом ни ты не подвергнешься их ненависти, насильно отнимая у них добро, ни они не станут противиться, видя, что поступки твои законны».

90. Кир совету сему чрезвычайно обрадовался: столь основательным оный ему показался. Посему, поблагодарив Креза и приказав копьеносцам исполнить оный, сказал он Крезу: «Крез! дела и слова твои не престают быть достойными царского сана: проси же от меня, чего хочешь,— все получишь немедленно». Крез

ответствовал: «Государь! величайшую милость ты окажешь мне, если позволишь к богу эллинов, коего почитал я паче всех богов, послать сии оковы и спросить его: прилично ли ему обманывать тех, кои ничего, кроме добра, ему не делали?» Кир спросил, в чем он обвиняет бога, испрашивая такой милости. Тогда Крез рассказал о всех своих замыслениях, об ответах прорицалищ, а паче о вкладах своих, и как, положась на прорицания, предпринял он войну против персов. Изложив все сие, он опять обратился к Киру с просьбою дозволить ему принести богу укоризну. Кир, усмехнувшись, сказал: «Не только сие получишь от меня, но и все другое, чего ни потребуешь». Крез же, получив таковой ответ, послал лидян в Дельфы, повелев им положить оковы на пороги храма и спросить: не стыдно ли богу, что он ответами своими побудил Креза на войну против персов, посулив разрушить державу Кирову, а плоды войны сей таковы,— и указать на оковы. И еще спросить: есть ли какой закон, позволяющий эллинским богам быть неблагодарными?

91. Лидяне, прибывши в Дельфы, исполнили повеление Креза, но пифия, сказывающая, ответствовала им так: «Жребия, назначенного судьбою, невозможно избегнуть и богу. А на Крезе исполнилось преступление пятого предка его, который, быв копьеносцем Гераклидов, вдался в женское коварство и завладел саном, нимало ему не подобающим. И хотя Локсий старался о том, чтобы напасти Сард случились не при Крезе, а при сынах Крезовых, но переменить судеб не мог; а сколько они позволили, столько он и сделал ему на благо: ибо пленение Сард он замедлил на три года,— да ведает Крез, что и сам он взят тремя годами позже сужденного срока,— а когда Крез был на костре, то он пришел к нему на помощь. А ответы прорицалищ укоряются Крезом несправедливо. Ибо Локсий вещал ему, что если пойдет он на персов, то разрушит великую державу; и если бы царь хорошо подумал о сем ответе, то послал бы снова спросить, свою державу или Кирову? он же, не уразумев и не переспросив, пусть винит себя самого. И второе, о муле вещание от Локсия тоже было им не понято: сей мул был Кир, ибо произошел он от неравных двух народов, от матери высшего состояния и от отца состояния низшего,— первая была мидянка, дочь Астиага, царя мидийского, последний же перс, поданный их, ставший мужем госпожи своей, которой был он ниже». Так пифия ответствовала лидянам, а они сей ответ принесли в

Сарды и объявили Крезу, и услышав его, Крез познал, что не бог виноват, а он сам.

92. Таково было владычество Креза и первое покорение Ионии.

От Креза в Элладе остались и другие многие приношения, а не только мною сказанные. В Фивах Беотийских есть золотой треножник, посвященный им Аполлону Исмению; в Эфесе золотые коровы и много колонн; в Дельфах, в храме Проники, огромный золотой щит. Сии памятники сохранялись еще в мое время, прочие же пропали. В Бранхидах Милетских приношения Крезовы были, как я узнал, равны и подобны дельфийским. В Дельфы и к Амфираеву прорицалищу его приношения были от собственного добра и от начатков отцовского наследия, прочие же были из имущества одного из врагов его, который прежде воцарения Крезова возмутился, способствовал Панталеонту завладеть лидийским престолом. Сей Панталеонт был сын Алиатта и брат Креза, но не единоутробный, ибо Крез рожден был Алиатту от жены кариянки, а Панталеонт от ионянки. Когда же Крез по воле отца получил царскую власть, то противоборца своего он умертвил, провлачив через ваяльный гребень, а имущество его, еще прежде обещанное богам, посвятил им вышесказанным образом. Сего довольно о приношениях.

93. Достопримечательностей в Лидийской земле не так много, как в иных странах, кроме разве золотого песку, уносимого с горы Тмола. Однако есть там и одно огромное сооружение, уступающее лишь египетским и вавилонским: там стоит гробница Алиатта, отца Крезова, коей основание устроено из огромных камней, остальная же часть из земляной насыпи. Сработали его торговые люди, ремесленники и непотребные девки, а на верху сего памятника еще при мне находились пять каменных граней, на коих вырезано было, что каждыми было сделано, и по той мере видно было, что работа девок была всех более. Ибо у лидян все девицы блудодействуют, собирая себе приданое, доколе не выйдут замуж, а женихов себе прискивают сами. В обходе сей памятник имеет шесть стадиев и два плэфра, в ширину тринадцать плэфров, а вокруг него лежит большое озеро, которое, по словам лидийцев, никогда не высыхает, называется же оно Гигесовым озером. Такова сия гробница.

94. Обычаями лидяне близко сходны с элинами, кроме лишь того, что дочерям своим позволяют блудодействовать. Лидяне первые из народов, нам известных, начали чеканить и употреблять

монету золотую и серебряную и первые же занялись мелкою торговлею. Уверяют лидяне, что и игры, ныне как у них, так и у эллинов равно употребительные, изобретены ими же, а случилось сие изобретение вместе с выселением в Тиррению. Вот как они сие рассказывают. В царствование Атиса, сына Манесова, во всей Лидии был великий голод. Поначалу лидяне терпеливо его сносили, но как он не прекращался, то стали искать противу него средств, причем каждый выдумывал свое: и тогда-то изобретены были игры и в кости, и в бабки, и в мяч, и прочие всякого рода, кроме лишь игры в камешки, коей изобретения лидяне себе не приписывают. Изобретения свои против голода они так употребляли: один день проводили весь в игре, чтобы не требовать пищи, а в другой, оставив игру, ели. Сим-то образом провели они двадцать лет без двух. Но как зло сие не прекращалось, а еще более усиливалось, то царь весь народ лидийский разделил на две равные части, и брошен был жребий, чтоб одной остаться, а другой уйти из отечества, и над остающеюся частию властвовать самому царю, а над выселяющеюся сыну его, по имени Тиррену. Те, коим по жребию последовало оставить отечество, спустились в Смирну, построили там суда, нагрузили оные всеми потребностями и отплыли отыскивать себе земли и прожитка. Проехав многие народы, прибыли они к омбрикам и там выстроили города, в которых живут и поныне, а имя лидян сменили на имя царского сына, который вывел их на поселение, проименовавшись по нему тирренцам.

Так лидяне поработаны были персами.

95. Теперь по порядку следует нам сказать слово о Кире, кто таков он был, что разрушил Крезово царство, и о персах, каким образом они завладели Азиною. Я опишу сие так, как сказывают некоторые персы, кои стараются не преувеличивать дела Кирова, но повествовать так, как было, хотя мне и ведомы еще троякого рода рассказы о сем государе.

Как ассирияне владычествовали над верхнею Азиною пятьсот двадцать лет, то первые после сего от них начали отлагаться мидяне; и как, сражаясь с ассириянами за свободу свою, оказали они себя мужами доблестными, то свергли рабство и сделались свободными. Вслед за сими и другие народы последовали примеру мидян. 96. Но как все уже народы материка Азийского жили

по собственным законам, вновь случилось им подпасть под владычество, и было это следующим образом.

Был между мидянами мудрый муж по имени Деиок, сын Фраорта. Сей Деиок, имея сильное желание владычествовать, принял вот что. Мидяне тогда жили деревнями, и Деиок в своей деревне как прежде был славен, так отныне стал еще усерднее блюсти справедливость, между тем как во всей Мидии господствовало беззаконие, ибо знал он, что кривда правде всегда враг. Жители его деревни, видя сей его обычай, избрали его над собою судьей; а он, домогаясь власти, и тут явился прям и справедлив. Сим приобрел он немалую похвалу от сограждан своих, так что и в других деревнях, проведая, что один лишь есть муж Деиок, судящий справедливо, стали жители, угнетавшиеся прежде неправедными приговорами, приходив с охотою на Деиоков суд, а наконец уже ни к кому другому и не обращались более. 97. И как на молву о праведности сего суда стекалось народу все более и более, то Деиок, увидя, что все заботы возлегли на него, не пожелал более судействовать и председатель, где председал: не с руки ему, говорил он, весь день разбирать дела чужие, пренебрегая собственными.

Тогда-то, как по всем деревням мидийским и хищение и беззаконие усугубилось гораздо против прежнего, то мидяне собрались для рассуждения о настоящем положении дел своих, и тут, я полагаю, наипаче друзья Деиоковы говорили так: «Невозможно нам при настоящем образе правления жить в сей стране; поставим же над собою царя, и тогда страна наша обретет благозаконие, а мы сами обратимся к делам своим и не будем гонимы отселе несправедливостями». Подобными речами убедили они мидян покориться царской власти. 98. И как засим тотчас предположено было кого-либо поставить царем, а Деиок от всех был много представляем и похваем, то наконец общим согласием и был он избран в цари. Тогда он повелел построить себе чертоги, достойные царского сана, и оградить их копьеносцами; и мидяне сие исполнили, построив ему огромные и укрепленные чертоги на том месте, где он назначил, и позволив ему из всех мидян избрать копьеносцев.

Приобретши царскую власть, Деиок понудил мидян построить единый город, дабы, защищая оный, менее заботиться о прочих поселениях. Как мидяне согласились и на сие, то он воздвиг высокие и крепкие стены, кольцом охватывавшие друг друга; стены сии ныне называются Агбатанами, а ограда устроена так, что одно кольцо стен над другим возвышается лишь своими зубьями. Сему

способствует и самое местоположение, ибо тут находится холм, и еще того более строение стен, которых тут семь, и за последнею из них находится царский дворец и сокровищницы. Величайшая из сих окружных стен гораздо превосходит обширностию стену афинскую; на сем первом окружи зубцы суть белые, на втором черные, на третьем красные, на четвертом синие, на пятом сап-даракковые; так расцвечены зубцы наружных стен всеми красками, а из внутренних двух стен одна имеет зубцы высеребрянные, другая вызолоченные.

99. Таковыми укреплениями Деиок оградил себя и чертоги свои, народу же повелел жить вокруг сей стены. По сооружении же сих зданий Деиок первый установил порядок, чтобы никто не входил к царю и никем бы не был он виден, но все производилось бы через вестников и чтобы всякому возбранялось пред лицом его смеяться или плевать. Важность сию присвоил он себе для того, чтобы сверстники и товарищи его, не уступавшие ему ни знатностию рода, ни доблестию, не тяготились бы и не умышляли бы против него, но, не видя его, почитали бы существом высшей породы.

100. Учредивши таковой порядок и утвердся в своем владычестве, стал он наблюдать правосудие со всею строгостию: жалобы и просьбы посылаемы были к нему письменные, а он, рассмотрев присланное, отсылал обратно с решением. Таким-то образом творил он суд, и все привел в благоустройство; когда же проводывал о чем-либо преступлении, то призывал того к себе и наказывал по вине каждого. И для сей причины во всей стране, им обладаемой, учредил он досмотрщиков и прислушников.

101. Так царствовал сей Деиок над мидийским народом, а народ сей он составил воедино из разных племен; племена сии суть бусы, паретакены, струхаты, аризанты, будии, маги. Толикие суть племена мидян.

102. У Деиока сего был сын Фраорт, который по смерти Деиока (а царствования его было пятьдесят три года) воспринял от него престол. Восприняв же, не удовольствовался он властью над одними только мидянами, но начал войну с персами, и на первых на них напав, первых и покорил их мидянам. Потом, обладая двумя столь сильными народами, он предпринял покорение Азии, нападая на один народ после другого. Наконец, обратил он оружие против ассириян, ассирияне же сии, обитая в Нине, прежде сами владычествовали над всеми, но тогда лишены были союзников, их оставших, в прочем же находились в благополучном состоянии. На

них-то и пошел войною Фраорт, но погиб как сам (а царствования его было двадцать два года), так и многочисленное войско его.

103. По смерти Фраортовой воспринял престол Киаксар, сын Фраортов, внук Деиоков. Сей государь почитается гораздо могущественнейшим предков своих. Он первый разделил азийские войска на полки и первый велел стоять в строю отдельно копыносцам, стрелкам и коннице, кои до того все были вместе смешаны. Это он сражался с лидянами, когда в продолжение битвы день переменялся в ночь, и собрал под собою всю Азию по ту сторону Галиса.

Сей Киаксар, собравши все войска, находившиеся в его власти, пошел войною на Нин, желая отмстить за отца своего, а город разрушить. Уже, победив ассириян, стоял он осадюю при Нине, как внезапно надвинуло великое войско скифов, а вел их царь Мадий, сын Протофия. Те скифы вторглись в Азию, изгоняя из Европы киммериян, и в сем преследовании бегущих вторглись в Мидию.

104. От Меотического озера до реки Фасиса и колхидян считается тридцать дней пути для доброго путника, от Колхиды же до Мидии не более того, и один только народ между ними, саспиры, а прошед их страну, очутишься в Мидии. Однако скифы не сею дорогою ворвались, а уклонились на другую, повыше сей и гораздо длиннейшую, оставив гору Кавказ по правую руку. Там-то мидяне сошлись со скифами и, быв последними побеждены, лишились владычества своего.

Так завладели скифы всею Азиею. 105. Отселе пошли они на Египет; но когда вошли в Палестинскую Сирию, то Псамметих, царь египетский, выйдя к ним с дарами и просьбами, отклонил их от дальнейшего похода. Скифы же, поворота назад, пришли в сирийский город Аскалон, и хотя большая их часть прошла чрез оный, не причиняя никакой обиды, но малое число оставшихся назади воинов ограбило капище Афродиты Небесной; капище же сие, как меня уверяли, есть древнейшее всех, воздвигнутое сей богине, ибо и кипрское святилище, по собственным словам киприян, отсюда получило свое начало, и киферское воздвигнуто было финикиянами, вышедшими из сей Сирии. И вот Афродита в отмщение тем скифам, что ограбили в Аскалоне храм ее, навсегда поразила их и потомков их женскою болезнию; скифы сами признают сие виною своей болезни, иноземцы же, приходящие в скифскую страну, сами могут видеть сих страждущих, коих скифы называют энареями.

106. Скифы обладали Азиею двадцать восемь лет, и все в ней приведено было в расстройство спесью их и презрительностию. Ибо

кроме дани, собираемой поголовно с каждого племени, они делали наезды, похищая все, что было у каждого. Наконец Киаксар и мидяне, большую часть их угостив и напоив, их перерезали; и таким-то образом мидяне власть свою восстановили и вернулись к обладанию всем, чем обладали прежде. Сверх сего овладели они и Нином (а как овладели, о том будет изъяснено в других повествованиях) и покорили власти своей ассириян, кроме лишь области Вавилонской. По сем Киаксар скончался, а царствования его было сорок лет, считая и годы скифского владычества.

107. Преемником престола был Астиаг, сын Киаксара. У него была дочь, которой дал он имя Мандана. Однажды привиделось ему во сне, будто она столько испустила мочи, что не только наводнила ею город его, но и всю Азию. Предложив сей сон волхвам, толковавшим сновидения, услышал он их ответ и утрашился. Посему, когда пришло Мандане время замужества, Астиаг, боясь сновидения, не стал выдавать ее ни за кого из мидян, достойного ее происхождения, а выдал за перса, имя которому было Камбис: был он рода доброго и нрава кроткого, но почитался Астиагом много ниже даже среднего мидянина.

108. По вступлении Камбиса в брак с Манданою Астиаг в первый же год увидел другой сон. Ему привиделось, будто бы из детородных частей дочери его произросла виноградная лоза, и та лоза простерлась над всею Азиею. Увидев сие и вновь предложив снотолкователям, послал он в Персию за дочерью, которая была тогда беременна, и держал ее под стражею, вознамерясь умертвить дитя, коим она разрешится: ибо волхвы по сновидению предсказали ему, что отпрыск его дочери будет царствовать вместо него.

Опасаясь сего, Астиаг, как скоро Кир родился, призвал к себе Гарпага, ближнего мужа и вернейшего из мидян, на коего он во всем полагался, и сказал ему так: «Гарпаг! доверяю тебе дело, коим не пренебреги и не обмани меня из угождения другим, дабы не пришлось тебе худо впоследствии. Возьми дитя, рожденное Манданою, унеси его к себе, убей и засим похорони так, как тебе рассудится». Гарпаг отвечив: «Государь! как доньше ты никогда не видел от меня ничего неугодного, так и впредь я постараюсь ни в чем не быть виновным пред тобою: если угодно тебе, чтоб было так, то мой долг — с охотою покорствоваться».

109. После сего ответа Гарпаг, приняв младенца, обряженного на смерть, пошел в слезах домой, а пришед, рассказал жене своей все, что Астиаг с ним говорил. И жена его спросила: «Что ж ты

думаешь теперь сделать?» Гарпаг ей ответствовал: «Повеления Астиагова не исполнять: и хотя бы он обезумел и стал яриться хуже пынешнего, я не послушаю его и не совершу сего убийства. Много я имею причин не убивать его: младенец сей мне сродник, а царь Астиаг уже стар и не имеет детей мужского пола; если же по смерти его должно будет царству перейти к его дочери, коей сына хочет он ныне чрез меня убить, то разве сие не станет мне величайшею опасностью? Однако ради безопасности моей нужно, дабы дитя сие погибло: но да будет убийцею его кто-либо из людей Астиаговых, а не моих».

110. Так сказал он и тотчас послал за одним пастухом Астиаговым, о коем знал, что пастбища его на горах, преизобилующих зверьми, и тем весьма удобны. Имя ему было Митрадат, а женат он был на такой же невольнице, как и сам, имя же ей было по-эллински «Собака», по-мидийски же «спако», ибо слово сие у мидян означает собаку. Горные места, где сей пастух для волов своих имел пастбища, находились к северу от Агбаган в сторону Понта Евксинского: здесь, в краю саспиров, мидийская страна весьма гориста, высока и изобилует густыми лесами, в прочих же местах она ровная. Позванный пастух немедленно пришел, и Гарпаг сказал ему: «Астиаг тебе повелевает взять сего младенца и бросить его в самом диком месте на горах, чтобы он как можно скорее умер; и еще он повелевает сказать тебе, что если ты его не убьешь, а сбережешь каким-либо образом, то сам погибнешь жесточайшею смертию. Мне же повелено присмотреть, как ты его выбросишь».

111. Выслушав сие и взяв младенца, пастух пошел с ним в свою хижину. А на то время случилось, что и жена его, весь день страдавшая родами, тут произволением божеским родила, пока был он в городе. Оба они друг о друге беспокоились: пастух, тревожась о родах жены своей, а жена о том, что не в обычае было у Гарпага посылать за мужем ее. Когда же возвратился он домой и встал над ней, то жена, увидев вдруг его сверх чаяния, тотчас спросила, зачем Гарпаг посылал за ним с такою поспешностию. Пастух сказал ей так: «Жена! видел я в городе и слышал такое, чего не должен бы я знать и чему не должно бы и быть в доме наших господ. Весь Гарпагов дом наполнен был рыданиями; пораженный сим, вхожу туда и, вошед, вижу лежащего младенца, трепещущего и кричащего, украшенного золотом и испещренною одеждою. И как увидел меня Гарпаг, то повелел мне того младенца взять, унести и бросить

на горах, где более всего зверей; таково, сказал он, приказание Астиагово, и сильно грозил мне, если я того не сделаю. Я того младенца взял и понес с собою, полагая, что он чей-либо из служителей, ибо неоткуда было мне знать, чей он, и только дивно было видеть, как украшен он золотом и одеждою, и что в доме у Гарпага такой великий плач. Вскоре, однако ж, на дороге все узнал я от служителя, который вручил мне дитя и провожал меня с ним за город: будто это сын Манданы, дочери Астиаговой, и Камбиса, сына Кирова, и что Астиаг велит мне убить его. Теперь гляди: вот он».

112. С сими словами пастух раскрыл младенца и показал жене. А она, увидев дитя здоровое и красивое, стала плакать и, обняв колена мужа, умоляла его никоим образом не выбрасывать младенца. Но муж отвечал, что ему невозможно не исполнить того, ибо придут от Гарпага соглядатаи, и он нещадно погибнет, ежели не сделает приказанного. Жена, видя, что муж ее не убеждается, в другой раз говорит ему: «Как я не могу тебя уговорить его не выбрасывать и необходимо нужно показать его выброшенного, то сделай вот как: и я родила ребенка, но родила мертвого, возьми же его и положи в лесу; а дитя дочери Астиаговой мы станем воспитывать, как свое собственное. Таким образом ни тебя не уличат в послушании господам, ни мы не будем виновниками худого дела: умершее дитя получит царское погребение, а оставшееся в живых не лишится жизни».

113. Пастух рассудил, что жена его говорит весьма разумное, и он тотчас так и поступил: младенца, принесенного им для умерщвления, отдал жене, а своего, мертвого, положил в кузовок, в коем принес первого, и, нарядив во весь наряд его, отнес на горы в самое дикое место. По прошествии трех дней, как младенец был выброшен, пастух пошел в город, оставив сторожем при выброшенном своего подпаса; и пришел к Гарпагу, объявил ему, что готов показать труп младенца. Гарпаг же, послав с ним вернейших из своих оруженосцев и чрез них удостоверившись, погребает сына пастухова; другого же ребенка, ставшего потом известным под именем Кира, взяла и воспитала пастухова жена, давши ему имя не Кира, но другое.

114. Когда дитяти исполнилось десять лет, его узнали по одному приключению. В той деревне, где стояли те паственные стада, ребенок сей часто играл на дороге с другими своими сверстниками. Дети сии, несмотря на то что слыл он пастуховым сыном, выбрали его в игре своим царем. Он же, выбранный, всех распорядил так,

чтобы одни строили дворец, другие были телохранителями, один значился оком царевым, другой стоял у приема вестовщиков, и у каждого была своя должность. Между сими детьми был игравший сын Артембара, человека знатного между мидянами, и как он приказаниям Кировым не повиновался, то Кир велел другим мальчикам его поимать. Те подчинились, и Кир жестоко наказал послушника бичом. Мальчик, вознегодовав на недостойное с ним обращение, как скоро был отпущен, побежал в город к отцу своему с жалобою на обиду, понесенную от Кира, называя его, однако, не Кириом, ибо он тогда еще не имел сего имени, но сыном пастуха Астиагова. Артембар, разгневанный, тотчас и вместе с сыном пришел к Астиагу жаловаться на бесчестие, ему причиненное, с такими словами: «Государь! раб твой, сын пастушеский, вот каковым образом надмевается над нами!» — и показал царю плечи сына своего.

115. Услышав сие и увидев, Астиаг из уважения к Артембару пожелал наказать обидчика и послал за пастухом и его сыном. Когда оба пришли, Астиаг, смотря на Кира, сказал: «Ты, сын такого отца, осмелился так дерзко поступить с ним, сыном первого из моих вельмож?» Кир ответствовал: «Государь! сие мною сделано по праву. Деревенские мальчики, в числе коих был и он, играючи, поставили меня над собою царем, ибо я им показался для сего способнейшим. Другие мальчики повеления мои исполняли, а этот не слушался и не уважал слов моих, за что и был наказан. Впрочем, если я достоин за сие взыскания, то я здесь».

116. Между тем как мальчик говорил, Астиага осенило узнание: показалось ему, что и черты лица мальчика сходны с его чертами, и ответ его смелее рабского, и лета его согласны с тем временем, когда велено было выбросить зверям царского внука. Изумленный сим, Астиаг несколько времени безмолвствовал; а едва собравшись с духом, сказал он так, желая выслать Артембара, дабы допросить пастуха наедине: «Артембар! я сделаю так, что ни тебе, ни сыну твоему не придется роптать на меня!» С сими словами Артембара он отсылает, Кира же приказывает служителям отвести во внутренние покои.

Когда пастух остался один, Астиаг наедине его спрашивает: где взял он этого мальчика и от кого получил его? Пастух отвечал, что это его сын и что мать его и до сих пор жива. Но Астиаг на то сказал, что худо тот бережет себя, кто хочет приневолен быть к признанию истязаниями; и сказав сие, дал знак телохранителям, чтоб взяли его. Тут пастух, приведенный в крайность, решился

открыть дело так, как было, и рассказал с самого начала все, не утаивая истины; а по окончании рассказа умолял царя о милости и прощении.

117. Астиаг, узнав от пастуха истину, более не стал обращать на него внимание, но сильно вознегодовал на Гарпага и велел телохранителям призвать его к себе. Когда же Гарпаг пришел, то Астиаг спросил его так: «Гарпаг! какую смертью умертвил ты младенца, рожденного моею дочерью, которого я тебе отдал?» Гарпаг, увидев пастуха, не стал обращаться ко лжи, дабы не быть уличену, но сказал так: «Государь! получивши младенца, размышляя я, как бы мне и волю твою исполнить, и проступка пред тобою не совершить, став убийцею пред лицом твоей дочери и твоим. Посему поступил я так: призвав этого пастуха, я отдал ему младенца, сказав, что ты повелел убить его; и в этом я не солгал, ибо таково и было твое приказание. Отдавая же ему дитя, я велел его положить на горах в диком месте и, оставшись при нем, дожидаться, пока оно не умрет, а если он сего не исполнит, то грозил ему жестокими угрозами. Когда по исполнении пастухом порученного младенец умер, то послал я вернейших евнухов удостовериться о его смерти и похоронил его. Так, государь, сие дело происходило, и таковою смертию умер внук твой».

118. Так Гарпаг показал сущую истину. Астиаг же утаил свой гнев на него за происшедшее и поначалу все пересказал ему точно так, как услышал о том от пастуха, а потом добавил как бы от себя, что ребенок жив и что он, Астиаг, радуется тому, ибо, присовокупил он, много поскорбел он из-за того, что причинил младенцу, и нелегко переносил попреки, слышанные от дочери. «Но как теперь случай все поправил, то пришли к сему новоприбывшему мальчику сына своего, а сам будь ко мне на ужин, ибо я хочу за спасение отрока принести жертву тем богам, коим честь сия принадлежит».

119. Гарпаг, сие услышав, преклонился пред царем и, весьма обрадованный, что не только вина его не имела худых последствий, но и по счастью зван он к ужину, пошел домой. А пришед домой, тотчас сына своего,— а был тот сын единственный и имел около тринадцати лет,— посылает сего сына к Астиагу, наказавши делать все, что царь ему повелит; сам же в великой радости рассказывает все приключившееся жене своей.

Царь же Астиаг, когда пришел к нему сын Гарпагов, приказал его заколоть и, изрезав в куски, часть изжарить и часть сварить его мясо, хорошо приправить и держать готовым к ужину. Когда

же наступило время и пришли к столу как другие гости, так и Гарпаг, то Астиагу и прочим гостям подаваема была баранина, Гарпагу же мясо собственного сына его, кроме лишь головы и оконечностей рук и ног, положенных особо в закрытой корзине. И когда Гарпагу показалось уже, что он насытился, Астиаг спросил его, нравится ли ему кушанье; а как тот отвечивал, что весьма нравится, то вот принесена, кем следует, в закрытой корзине голова сына его, руки и ноги, и повелено ему открыть корзину и взять из нее, что ему угодно. Гарпаг повинуется, открывает и видит останки сына своего, но увидя их, не изумился и остался в совершенном спокойствии духа. Астиаг тогда его спросил, знает ли он, какого зверя ел он мясо? И Гарпаг на сие отвечивал, что знает и что ему любезно все, что государь ни делает. С таковым ответом и взявши с собою останки сына, пошел он домой, как я полагаю, с намерением все оные собрать и зарыть в могиле.

120. Так Астиаг отмстил Гарпагу. О Кире же помышляя, призвал он к себе тех же волхвов, кои прежде толковали ему сновидение, и как пришли они, спросил их снова о сем толковании. Волхвы повторили ему прежние слова свои, сказав, что отроку суждено царствовать, если он остался в живых и не умер прежде. Царь на сие ответил им так: «Отрок жив и не умер, а воспитывался он в деревне, и мальчики той деревни поставили его царем, и делал он все, что делают настоящие цари, распорядив при себе и копьеносцев, и привратников, и вестовщиков, и прочих всех сановников. Каково же вы теперь об этом судите?» Волхвы отвечивали: «Если отрок остался жив и царствовал без какого-либо умысла, то будь о сем спокоен и не смущайся духом, ибо в другой раз уже не будет он царствовать: как иные прорицания нам оборачиваются маловажностями, так подавно и сонные видения совершенно бывают ничтожны». Астиаг на сие сказал: «Волхвы! я и сам так полагаю, что как сей отрок был уже наименован царем, то на том и сбылось сновидение, и мне он уже нимало не опасен. Однако ж по здравом размышлении дайте мне совет, что есть ныне безопаснейшее для дома моего и для вас?» И волхвы ему отвечивали: «Государь! нам и самим весьма желательно, чтобы царство твое пребыло невредимо: ибо перешед к сему отроку, родом персиянину, оно достанется чуждому народу, а мы, мидяне, обратимся в рабство и будем у персов в презрении как чужеземцы; доколе же пребываешь царем нашим ты, соплеменник наш, то и мы участвуем в твоей власти и получаем от тебя великие почести. Посему должны мы

всячески пещись и о тебе и о твоём царствовании; и ныне, если бы усматривали мы какую опасность, все бы тебе предсказали. Но как сновидение обернулось вздором, то теперь и сами мы ничего не боимся, и тебе советуем отложить страх. Впрочем же, отрока сего удали с глаз своих и отошли в Персиду к родителям его».

121. Астиаг, услышав сие, обрадовался и, призвав к себе Кира, сказал ему так: «Дитя! поверив несбыточному сновидению, я обидел тебя, но судьба твоя спасла тебя. Итак, радуйся тому и ступай в Персиду, а я дам тебе провожатых: как придешь туда, то найдешь своих отца и мать не таковых, как пастух Митрадат и жена его».

122. Так сказавши, Астиаг отпускает Кира. Когда же Кир воротился в дом Камбисов, то принят был родителями своими, и принят с тем большею радостью, что его почитали погибшим тотчас после рождения его. И они его расспрашивали, каким образом остался он в живых; он же отвечал им, что прежде ничего не знал о себе и вовсе не ведал истины, но на пути совершенно узнал все, что пришлось ему претерпеть: ибо прежде почитал он себя сыном Астиагова пастуха, но, идучи сюда, услышал от провожатых всю повесть свою. Тут и рассказал он, как воспитывала его жена пастухова, и хвалил ее всячески, так что имя «Собака» было в каждом слове его; а родители, схватясь за сие имя, дабы заставить персов думать, что спасение дитяти впрямь было делом божеским, выпустили слух, будто брошенный Кир был вскормлен сукою. Вот откуда пошла сия молва.

123. А когда Кир возмужал и стал храбрее и любимее всех своих сверстников, то Гарпаг, желая отомстить Астиагу, обратился к Киру и послал ему дары. Ибо сам Гарпаг, бывши честным человеком, не мог преуспеть в своем возмездии и потому, видя Кира возросшего, старался сделать его соучастником в оном, почитая равного Кирову обиду и свою. Еще прежде он предпринял следующее: поелику Астиаг был к мидянам жесток, то Гарпаг, войдя в сношение с каждым из первых мидийских вельмож, убедил их Астиага низложить, а Кира поставить над собою. Совершив сие и имея уже все наготове, Гарпаг хотел сообщить свой умысел Киру, находившемуся в Персиде; но как способов к тому не было, ибо все дороги охранялись стражею, то придумал он следующую хитрость. Взявши зайца, он распорол ему брюхо и, не вырвав ни одной шерстинки, вложил в него книжицу, в коей написал, что нужно было; а потом, зашив брюхо зайцу и вручив ловчие сети одному из вернейших служителей своих, якобы охотнику, послал его к персам, наказав

словесно, дабы он, отдавая Киру зайца, примолвил, чтобы он словесно разрезал его и никто бы того не видел.

124. Так сие и было исполнено: Кир, получив зайца, разрезал его сам и, найдши в нем книжицу, прочел ее. А была в ней такая грамота: «Сын Камбисов! боги блюдут тебя, иначе не достиг бы ты толикого счастья. Отмсти же ныне убийце твоему Астиагу: ибо по желанию его ты был бы мертв, и только помощью богов и моею остался ты жив. Я думаю, тебе давно уже известно и все, что с тобою было сделано, и сколько я претерпел от Астиага за то, что не убил тебя, а отдал пастуху. Если ты ныне захочешь послушаться меня, то будешь обладать всею странною, коею обладает Астиаг. Склони же персов отложиться и выставь войско против мидян: меня ли Астиаг пошлет против тебя воеводою или иного кого из вельмож мидийских, все сбудется по желаниям твоим,— ибо они первые отложатся от него и, пристав к тебе, предпримут низвергнуть Астиага. Здесь все готово, сделай же, что советую тебе, и сделай поскорее».

125. Кир, прочтя сие вслух, стал размышлять, как бы искуснее склонить персов к отложению; и размышляя, нашел он надежнейшим следующим способ. Написавши в книжице, что казалось ему за благо, он собрал персов и, раскрывши книжицу, прочел им, что Астиаг назначает его над персами воеводою. «Ныне же, персы,— сказал он,— повелеваю вам здесь быть, имея каждому серп». Таково было его повеление.

А племен персидских много, и из тех племен Кир лишь некоторые созвал в собрание и склонил отложиться от мидян; племена сии, от коих зависят все прочие персы, суть пасаргады, марафии и маснии. Благороднейшие меж них суть пасаргады, к коим принадлежит и колено Ахеменидов, откуда родом персидские цари. Остальные же персы суть панфиалеи, дерусиен, германии,— все сии занимаются земледельством, другие же пастьбою, как-то: даи, марды, дропики и сагартии.

126. Когда же все персы явились к Киру с вышеупомянутыми орудиями, то была там часть персидской земли, на восемнадцать или двадцать стадиев заросшая терновником, и ее-то Кир приказал всю очистить в один день. По совершении же сей работы повелел он персам вновь на другой день предстать перед ним, омывшись. Между тем, собрав в одно место все стада и коз, и овец, и волов отца своего, Кир распорядился заколоть их и изготовить к угощению персидского войска, присоединя к тому вино и иные нужнейшие

припасы. И как персы на другой день пришли, Кир велел им сесть на лугу и угощаться. А по окончании спросил у них, который из двух дней они предпочитают, вчерашний или нынешний? Персы отвечали, что между оными есть великая разность: в первый день для них все было худо, а в последний все хорошо. За сии-то слова Кир и ухватился, чтобы открыть им весь свой замысел, сказавши так: «Мужи персидские! Участь ваша такова: если вы хотите меня послушаться, то будут вам не только сии блага, но и другие бесчисленные, а рабских работ никаких; если же не хотите меня послушаться, то будут вам бесчисленные труды, подобные вчерашним. Послушайте же меня и станьте свободны. Ибо думается мне, что божественною волею рожден я к тому, чтобы вам сие доставить, и ведомо мне, что мидянам вы не уступите ни в войне и ни в чем другом; а коли это так, отложите же от Астиага немедленно».

127. Персы, издавна уже негодовавшие на владычество мидян, получив теперь предстателя, с охотою принимают предложение свободы. Царь же Астиаг, узнав о предприятии Кира, посылает за ним гонца; но Кир тому гонцу велит донести царю, что Кир явится к нему прежде, нежели сам Астиаг того желать будет. Астиаг, сие услышав, призывает всех мидян к оружию, воеводу же над ними, словно помраченный богами, назначает Гарпага, позабыв, что сам когда-то причинил ему. И когда мидяне, выступив на персов, стали с ними биться, то не участвовавшие из них в заговоре сражались, как должно, иные перешли к персам, большая же часть их пришла в уныние и разбежалась.

128. Астиаг, получив известие о постыдном расточении воинства мидийского, вскричал с угрозою: «Так несдобровать же Киру!» — и сперва волхвов, толковавших ему сны и присоветовавших отпустить Кира, предал на распятие, а потом оставшихся в городе мидян, молодых и стариков, призвал к оружию и вывел против персов; но вступив с ними в сражение, был побежден, сам взят в плен, а все выставленное им войско потеряно.

129. Гарпаг, подшедши к плененному Астиагу, злорадствовал над ним и издевался, и меж прочих обидных слов припомнил ему тот ужин, за коим он накормил его телом сына его, и спросил, каково ему теперь рабство после царства? Астиаг, посмотревши на него, отвечал вопросом же, не себе ли он присвоивает дело Кирова? Гарпаг отвечал, что по справедливости дело сие почитает своим, ибо это он писал Киру о предприятии оного. И тогда Астиаг изъяснил ему, что он-де всех глупее и всех несправедливее: всех

глупее потому, что, быв в состоянии сам сделаться царем (если только его это дело), он доставил власть сию другому; а всех несправедливее потому, что из-за ужина он всех мидян предал в рабство. Ибо если уж непременно нужно было не себе взять царство, а отдать другому, то справедливее было счастье сие доставить кому из мидян, нежели из персов; теперь же мидяне без всякой вины из владык сделались рабами, а персы, прежде бывшие рабами мидян, стали их владыками.

130. Так лишился царского престола Астиаг, а царствования его было тридцать пять лет. Чрез его жестокость мидяне подпали под персов, обладая Азиєю по ту сторону реки Галиса сто тридцать лет без двух, не считая времени владычества скифского. Впоследствии времени они о сем пожалели и отложились от Дария, но, отложась, были побеждены и паки обращены под власть персидскую. Так, восставши при Астиаге против мидян, персы и Кир стали с сей поры господствовать над Азиєю. Астиага же Кир держал при себе, ничего худого ему не делая, до самой кончины его. Сим-то образом Кир рожденный и воспитанный воцарился; а потом он испровергнув Креза, начавшего причинять ему обиды, как то прежде мною описано; испровергнув же его, возобладал всею Азиєю.

131. У персов же каковы суть обычаи, о том я знаю следующее.

Кумиры, храмы и жертвенники воздвигать у них не позволено, а кто так делает, те почитаются неразумными,— потому, я полагаю, что персы богам не приписывают природы человеческой, подобно эллинам. Зевсу они обыкновенно приносят жертву на высочайших горах, а Зевсом называют весь круг небесный; еще они приносят жертвы солнцу, луне, земле, огню, воде и ветрам. Сим одним поклонялись они в древности, но после научились от ассириян и аравитян приносить жертвы и Урании: сию Афродиту ассирияне называют Милиттою, аравитяне Алиттою, а персы Митрою. 132. Жертвование же упомянутым богам совершают персы вот каким образом. Приступая к приношению, жертвенников не воздвигают, огня не возжигают, не употребляют ни возлияний, ни свирели, ни венков, ни ячменя; кто желает принести свою жертву которому-либо богу, тот приводит ее на чистое место и там взывает к божеству, увенчав тиару свою обычно миртою; и жертвуя, он не одному себе должен испрашивать благ у божества, но молиться о счастье всех персов и царском, поелику в общем числе их заключается и сам. Разрезав жертву на части и сварив ее, расстилает он самую

мягкую траву, особливо же трилистник, и выкладывает на ней все мяса, а как разложит, то присутствующий волхв воспеваает песнь о происхождении богов, почитаемую у них заветною; а без волхва приносить жертв у них не позволено. После чего по малом времени жертвующий уносит те мяса и употребляет их, на что рассудит.

133. Из всех дней наиболее у них празднуется тот, в который кто родился. В сей день они предлагают пир, обильнейший обычного: кто зажиточен, тот ставит целого быка, коня, верблюда или осла, зажаренного в горниле, бедные же предлагают мелкий скот. Яств у них подается мало, а закусок много, но не вдруг; посему-то персы говорят, будто эллины встают от стола голодными, ибо более им ничего питательного не подносится, а если подносилось бы, они ели бы без конца. До вина персы великие охотники, но не дозволяют себе при других ни блевать, ни мочиться: сие строго у них соблюдается. Во хмелю обыкновенно обсуждают они и важнейшие дела свои, и какое решение примут, то им на другой день предлагается в трезвости от хозяина, у коего сие обсуждалось; если они и в трезвости подтвердят оное, то и поступают по сему, если же нет, то отменяют. А о чем они прежде рассуждают в трезвости, то потом еще раз решают во хмелю.

134. Когда перс с персом встретится на улице, то легко можно узнать, одинакого ли они состояния, ибо тогда вместо взаимного приветствия они целуются в уста; когда один из них несколько ниже, целуются в щеки; когда же один гораздо низшего звания, то он падает другому в ноги. Из всех народов наиболее почитают они себя, потом живущих в ближайшем соседстве, потом отдаленнейших соседей, и так далее, наименее же тех, кои от них далее всего: ибо, полагая себя из всех гораздо наилучшими, они думают, что все другие причастны доблести по мере расстояния от них, и кто от них живет всех дальше, тот и всех хуже. Еще и при владычестве мидян народы были между собою в подчиненности: мидяне повелевали всеми и ближайшими своими соседями, те — сопредельными своими, а те — дальнейшими с ними смежными. Таковым же образом и персы оказывают честь иным народам, с постепенностью распределяя между ними власть и имущество.

135. Обычаи чужеземные перенимают персы охотнее всех народов: так, и одежду они носят мидийскую, почитая оную красивее своей, и на войну надевают египетские панцири, и всякое

удовольствие, узнав, себе присвоивают: даже от эллинов научились они любви к мальчикам. Жен, однако, каждый имеет много законных, а еще того больше наложниц.

136. Мужское достоинство у них мерится по храбрости в сражении, а засим по тому, кто более произведет на свет сынов; наиболее же их произведшему всякий год от царя посылаются подарки. Таковое множество почитается у них знаком силы. Детей от пяти лет до двадцати обучают только трем предметам: ездить верхом, стрелять из лука и говорить правду. Ранее же пяти лет сын не является на глаза отцу, а живет среди женщин: сие делается для того, чтобы не причинить отцу никакой горести, если дитя умрет в сем возрасте.

137. Обычай такой я нахожу похвальным; похвально и то, что за одну вину ни сам царь никакого человека не казнит смертью, ни иной кто из персов никакого своего служителя не наказывает неисцелимым образом: лишь нашед по рассуждению, что преступления виновного больше и важнее, чем заслуги его, допускают они себя гневаться. Сказывают, никогда не случалось, чтобы кто убил отца своего или мать; когда же такое случится, то они говорят, что по тщательному исследовании непременно окажется убивший или подкидышем или незаконнорожденным, ибо невероятно, говорят они, чтобы истинный родитель лишился жизни от собственного сына.

138. Что не позволено им делать, то и говорить не позволяет. Наигнуснейшим пороком почитают они ложь; а вторым после сего — быть в долгах, как по многим другим причинам, так и потому, что должнику всегда необходимо бывает лгать. Кто из горожан заражен проказою или белою болезнью, тот не входит в город и с другими не имеет общения: говорят, что болезнь сия бывает за грех противу Солнца; а чужеземца, страждущего сею болезнью, выгоняют из своей земли, иные же прогоняют даже белых голубей, возводя на них ту же вину. В реку персы не мочатся, не плюют, рук не моют и другим не позволяют, но почитают реки священными.

139. Есть и еще одна примечательность, для персов незаметная, а для нас видная: все имена их, даваемые по телесным свойствам и величию, оканчиваются на одну и ту же букву, у дорян называемую «сан», а у ионян «сигмою»: сею буквою, если вникнуть в имена персидские, оканчиваются не иные так, иные нет, но все единоподобно.

140. Сказанное мною о персах до сего места я знаю достоверно; следующее же сообщается скрытно и как тайна: когда кто умирает из персов, то не прежде погребают его труп, чем он будет растерзан птицею или собакою. Что и у волхвов сие самое водится, я знаю заподлинно, ибо они делают это открыто. Персы труп умершего обмазывают воском, а потом уже погребают в земле. Волхвы же весьма во многом различествуют как от прочих людей, так даже от египетских жрецов: сии последние почитают за скверну убивать что-либо живое, кроме жертвоприносимого, волхвы же своеручно убивают все, кроме лишь собаки и человека, и почитают даже важным подвигом умерщвлять муравьев, змей и прочих пресмыкающихся и летающих тварей. Но обычай сей пусть и останется обычаем, как древле был уставлен, я же возвращусь к прежнему своему повествованию.

141. Итак, как скоро лидяне покорены были персами, то ионяне и эоляне послали к Кирю в Сарды послов с изъявлением желания быть его подданными на тех же условиях, на каковых подданствовали Крезу. Но Кир, выслушав сие предложение, рассказал им следующую баснь. Некоторый человек, сказал он, увидевши в море рыб, начал им играть на дудке, думая, что они выйдут на берег; но обманувшись в сей надежде, взял он сеть, забросил ее в воду и вытащил множество рыбы. А увидевши, как они бьются, сказал он рыбам так: «Как играл я вам на дудке, не хотели вы выйти и плясать, так полно же вам плясать и ныне». Баснь сию рассказал Кир ионянам и эолянам потому, что прежде, когда Кир ионянам предлагал чрез вестников своих отложиться от Креза, то они на сие не согласились, а когда предприятие Кирова окончилось успешно, тогда изъявили готовность покорствоваться. Так во гневе ответил им Кир. Ионяне же, узнав о сем ответе в городах своих, тотчас стали укреплять их стенами, сами же собрались на совет в Панионион, — все, кроме лишь милетян, ибо с сими одними Кир заключил договор на тех же условиях, как Крез. В сем-то совещании ионяне положили послать в Спарту послов просить помощи.

142. Названные ионяне, коим принадлежит и Панионион, имеют города свои в наилучшем воздухе и климате, какой только нам известен меж людей. С Иониею не можно сравнивать ни стран, лежащих выше ее или ниже, ни к востоку или закату: ибо одни из оных подвержены стуже и сырости, другие страдают от зноя и засухи. Язык у них в употреблении не одинакий, но имеющий

четыре наречия. Первый с юга из городов их, Милет, а потом Миунт и Приена, что в Карию, употребляют одно из сих наречий; лидийские Эфес, Колофон, Лебедос, Теос, Клазомены и Фокея с прежде упомянутыми городами в языке не сходятся, а между собою одинаковы; а из остальных трех городов ионийских два находятся на островах, Самос и Хиос, и один на матерой земле, Эрифры, и из них хиосцы и эрифряне употребляют одно наречие, а самосцы другое, особенное. Таковы суть четыре ионийские наречия.

143. Из сих ионян в безопасности находились лишь милетяне как заключившие с Киром договор; не испытывали страха и те из них, кои обитали на островах, ибо ни финикияне тогда не были еще подвластны персам, ни сами персы мореходством не занимались. Отделились же сии ионяне от остальных не по иной какой причине, а потому, что как весь эллинский народ тогда был слаб, так ионийское племя его из всех было слабейшим и незначительнейшим: кроме Афин, не было в нем ни одного важного города. Посему как афиняне, так и другие ионяне даже зваться ионянами не хотели, избегая сего имени, да и поныне, кажется мне, многие из них его стыдятся. Лишь сии двенадцать городов держались сего имени с гордостью и, построив себе особо святилище, дали ему название Панионион и определили, чтобы никто из других ионян при сем не участвовал; впрочем, никто сего участия и не просил, исключая лишь граждан Смирны.

144. Подобно сему и доряне, обитающие в Пятиграде, прежде называвшемся Шестиградьем, не приемлют в Триопийское свое святилище никого из сопредельных им дорян: более того, они даже из своего числа исключили тех, кои над храмом сим надругались. Ибо издавна было положено на играх, празднуемых Аполлону Триопийскому, чтобы победители в награду получали медные треножники, но из храма их не выносили, а здесь же посвящали их богу; но один гражданин галикарнасский, по имени Агасикл, одержав победу, преступил сей обычай и унес треножник к себе в дом, пригвоздив его к стене. За сию-то вину остальные пять городов, Линд, Иалис, Камир, Кос и Книд, исключили шестой город Галикарнас из своего сообщества: таковое наказание определили они его жителям.

145. А что городов ионийских учреждено было двенадцать, и более принимать они никого не хотели, то причина сему кажется мне та, что, еще обитая в Пелопоннесе, занимали они двенадцать

округов, как и ныне выгнавшие их ахеяне занимают двенадцать округов. Первый из сих округов Пеллена, что близ Сикиона, потом Эгира и Эги, где протекает непересыхающая река Крафис, по которой и в Италии названа река, потом Бура, потом Гелика, куда ионяне бежали, разбитые ахеянами, потом Эгий, потом Рипы, потом Патры, потом Фары, потом Олен, где большая река Пир, и потом Дима и Тритеи, кои одни среди названных лежат не у берега. 146. Сии-то двенадцать округов ныне принадлежат ахеянам, а тогда принадлежали ионянам. Вот по какой причине ионийских городов учреждено было двенадцать; а о том, будто сии ионяне суть более настоящие или знатные, нежели другие, говорить глупо, ибо немалая их часть есть евбейские абанты, даже именем не общие с ионянами, примешались к ним и орхоменские минияне, и кадмеяне, и дриопы, и отбившиеся фокидяне, и молоссы, и пеласгийские аркадяне, и доряне из Эпидавра, и другие многие племена. Даже те, кто из афинского вышли пританея и слывут среди ионян благороднейшими, и те жен с собою на поселение не привели, а взяли за себя кариянок, побивши их родителей; за сие-то избившие жены эти приняли между собой, скрепили клятвою и дочерям своим оставили обычай с мужами вместе не есть и по имени оных не звать, потому что те погубили их отцов, мужей и чад и потом лишь взяли себе в жены; а случилось все сие в Милете. 147. Да и царей над собою иные поставили из ликиян, происходивших от Главка, сына Гипполохова, иные из кавконов пилосских, потомков Кодра, сына Меланфова, иные же из обоих сих колен. Впрочем, как они более других держатся имени ионян, так пусть они и будут чистейшими из ионян; вообще же ионяне суть все, происшедшие из Афин и справляющие праздник Апатурий, — не справляют его из всех ионян лишь эфесяне и колофоняне по причине некоего соделанного у них убийства.

148. Панионион же есть священное место в Микале на северной стороне, общим согласием ионян посвященное Посидону Геликонскому; Микале же есть мыс материка, выдавшийся на запад к Самосу. Сюда-то ионяне стекались из всех городов своих совершать празднество, названное ими Паниониями. (Названия празднеств у ионян, как и у прочих эллинов, все оканчиваются одинаково, подобно именам у персов.) Таковы суть ионийские города.

149. Эолийские же города суть Кима (называемая также Фриконидою), Ларисы, Неонтих, Темн, Килла, Нотий, Эгиросса,

Питана, Эгеи, Мирина и Гринея. Сии одиннадцать эолийских городов суть древние и находятся на материке; прежде было их двенадцать, но Смирну у них отняли ионяне. Сим эолянам земля досталась лучшая, чем у ионян, но климатом уступающая последней.

150. Смирны же эоляне лишились следующим образом. Жители сего города приняли к себе колофонян, безуспешно возмущившихся и изгнанных из отечества. Тогда-то сии колофонские изгнанники, выждавши день, когда жители Смирны совершали празднество Дионису вне градской стены, заперли ворота и овладели городом. Но как все эоляне стеклись на помощь, то заключен был договор, чтобы ионяне отдали эолянам все домашнее имущество, а эоляне оставили бы Смирну. По исполнении сего прочие одиннадцать городов разобрали между собою жителей Смирны и сделали их своими гражданами.

151. Таковы суть эолийские города, лежащие на матерой земле, исключая лишь находящиеся на горе Иде, ибо оные состоят особо. А из городов, лежащих на островах, пять считаются на острове Лесбосе (ибо шестой город на Лесбосе, Арисбу, поработили мефимняне, хоть и были единокровны с ними), один на Тенедосе и один на так называемых Ста Островах. Лесбияне и тенедяне, подобно ионянам, на островах же обитавшим, страха не испытывали; прочие же эолийские города решились следовать за ионянами, куда сии ни поведут их.

152. Когда ионийские и эолийские послы прибыли в Спарту, а сделано сие было безотлагательно, то избрали они говорить от лица всех фокеев по имени Пиферма. Сей последний, облекшись в багряницу, дабы более собрать вокруг себя любопытствующих, вышел на средину и говорил долго, побуждая спартанцев к заступничеству. Но лакедемоняне слушать его не стали и в заступничестве ионянам отказали. Послы тогда удалились, лакедемоняне же, их выпроводивши, отправили все же пятидесятивесельное судно с доверенными людьми для дозирания, как мне кажется, всего, что было между Киrom и ионянами. Те, пристав к Фокее, послали в Сарды из своего числа знатнейшего мужа, по имени Лакрина, дабы молвить Киру лакедемонские слова: «Никакому городу Элады не вредить, ибо они того не оставят».

153. Когда посол произнес слова сии, то Кир, сказывают, спросил бывших при нем эллинов, что за люди суть лакедемоняне и

сколь много их, что таково говорят с ним? Узнав же о сем, сказал послу спартанскому: «Не боюсь таких людей, у коих среди города есть назначенное место, чтоб собираться и обманывать друг друга под клятвою. Если буду я здоров, то придется им заниматься не несчастьем ионян, но своим». В сих словах он бросал попрек всем эллинам за то, что они имеют торжища, на коих производят куплю и продажу, ибо сами персы торжищ вовсе не имеют и торгами не занимаются.

После сего над Сардами поставил он Табала, мужа персидского, а золото Крезово и других лидян препоручил Пактию, мужу лидийскому, сам же выступил в Агбатаны, взяв с собою Креза: ибо ионийские дела нимаго не вменял он в первую важность. А занимал его непокорный Вавилон, варод бактрийский, саки и египтяне, против коих он собирался сам идти в поход, а против ионян послать другого полководца.

154. Тотчас как выступил Кир из Сард, Пактий возмутил лидян против Табала и Кира. Он спустился к морю и, владея всем сардийским золотом, нанял войско и склонил приморских жителей ему сопутствовать. С ними он пришел под Сарды и осадил Табала, запершегося в крепости.

155. Кир, узнав о сем в походе, обратился к Крезу так: «Крез! Каков будет конец этому? Кажется мне, что не престанут лидяне своими тревогами и меня тревожить. Я раздумываю, что лучше всего будет привести их в совершенное рабство. Ибо кажется мне, я ныне поступаю, как если бы кто убил отца и пощадил детей его: тебя, который для лидян больше, чем отец, я увез с собою, а самим лидянам отдал весь их город. Удивляться ли тут, что они от меня отложились?»

Так Кир сказал, что думал; Крез же, опасаясь, чтобы он не разрушил Сард до основания, ответствовал ему так: «Государь! ты правду сказал; однако же не предавайся гневу совершенно и не разрушай древнего города, невиновного как прежде, так и ныне. Прежнее дело делал я и за то ныне плачу головою своею; нынешнему же виною Пактий, коему препоручил ты Сарды. Пусть он и наказан будет; но лидянам даруй прощение. А чтобы они впредь не восставали на тебя и не тревожили бы, сделай такое распоряжение: пошли сказать им, чтобы воинского оружия они у себя не имели, повели им под плащами носить хитоны, а ноги обувать в котурны, прикажи учить детей их лирной игре, пенью и торгашеству, — и не долге ты увидишь, государь, что из мужчин

они сделаются женщинами, и тебе не для чего будет опасаться их возмущения».

156. Таковые меры Крез предлагал Киру, почитая, что сие для лидян не столько пагубно, как если поработить их и продать как невольников. Он и то знал, что если не представит достойной причины, то не убедит Кира переменить его решение, и того боялся, чтоб лидяне, избегнув на сей раз опасности, вновь не отложились бы от персов и не погубили бы себя. Но Кир, обрадовавшись советом Креза, умерил свой гнев и обещал последовать оному. Посему, призвав к себе Мазара, мужа мидийского, он велел лидянам объявить то, что советовал ему Крез; всех же прочих, кои с лидянами вышли против Сард, продать в рабство, а Пактия привести к нему живого.

157. Сделавши в дороге сии распоряжения, Кир поспешил далее в Персию. Пактий же, узнав, что идущее на него войско уже близится, от страха бежал в Киму. Мазар же мидянин с частию Кирова войска пошел на Сарды, но, не нашед уже там Пактия с присными, прежде принудил лидян исполнить повеления Кирова; вследствие же сих повелений лидяне переменили весь образ жизни своей.

После сего Мазар отправил в Киму послов, повелевая выдать Пактия. Кимеяне положили отнестись о сем к прорицалищу, находившемуся в Бранхидах: прорицалище там было издавна, и советоваться с ним и у ионян и у эолян было в обычае, место же сие находится в милетской области выше пристани Панорма. 158. К сим Бранхидам отправивши послов, кимеяне спросили о Пактии, как с ним обойтись богам угодным образом? На таковой вопрос прорицалище ответило: выдать Пактия персам. И кимеяне, получивши сей ответ, приготовились к его выдаче.

Но среди многолюдных сих приготовлений знатный муж кимейский, Аристоклид, сын Гераклидов, удержал сограждан своих, ибо не верил ответу прорицалища и полагал, что посланные молвили неправду. Посему отправлены были другие послы вновь спросить о Пактии, в числе коих был и Аристоклид. 159. По прибытии в Бранхиды, Аристоклид, избранный из всех для вопрошения, обратился к прорицалищу так: «Владыка! к нам пришел под защиту Пактий лидянин, убегая насильственной смерти от персов. Персы требуют его себе, повелевая кимеянам выдать его. Мы же, боясь персидской силы, не посмели выдать просителя прежде, нежели ты ясно скажешь, что нам делать». Так спросил он; но прори-

цалище опять изъявило то же повеление, чтоб выдать Пактия персам. Тогда Аристоклик с умыслом начал ходить кругом по храму, разоряя воробьев и прочих птиц, свивших себе там гнезда. И на таковое его дело, сказывают, простерся из святилища глас, вещавший Аристоклику: «Нечестивейший из смертных! почто дерзаешь на сие? почто из храма изгоняешь моих просителей?» Аристоклик, не обвинясь, на сие отвечивал: «Владыка! ты ли сам защищаешь так своих просителей, а кимеянам велишь выдать их просителя?» Прорицалище тотчас же отвечивало: «Воистину велю, да скорее погибнете, нечестивые, и да не приходите впредь вопрошать прорицалище, должно ль выдавать просящих о защите».

160. Кимеяне, известясь о сем происшествии, дабы не погибнуть самим, выдав Пактия, и не быть осажденными от персов, удержав его у себя, выслали его в Митилену. Митиленяне же, когда Мазар прислал послов о выдании Пактия, уж готовы были сделать сие за какое-то воздаяние, но заподлинно о том сказать я не могу, ибо не случилось по сему: кимеяне, узнав о таком поступке митиленян, послали в Лесбос корабль и перевезли Пактия в Хиос. Здесь, однако, извлеченный хиосцами из храма Афины Градодержницы, был он ими выдан персам, а выдали они его, получив за это Атарней, место в Мисии насупротив Лесбоса. Персы же, принявши Пактия, содержали его под стражею затем, чтобы представить Киру. Однако немалое еще время никакой хиосец никакому богу не смел творить приношений ячменем из атарнейской земли или жертвовать лепешками из атарнейских плодов: все произведения оных мест устраниены были от всякого священнодействия.

161. Сим-то образом хиосцы выдали Пактия. А Мазар после сего пошел на тех, кои способствовали оному в осаждении Табала. Всех приенян он покорил и продал в неволю и все поля Мандра прошел своим войском, предав ему оные на разграбление. Таковым же образом поступил он и с Магнезиею; но потом вскоре занемог и умер.

162. По смерти Мазаровой начальство над войском принял Гарпаг, тоже родом мидянин, тот самый, которого Астиаг, царь мидийский, угостил нечестивейшею трапезою и который Киру вспомоществовал к получению престола. Сей-то муж, от Кира назначенный воеводою, по прибытии своем в Ионию начал осаждать города с земляных насыпей: заключив неприятеля в свои

ограды, он возвышал насыпи до высоты стен и таким образом овладевал городом. Первый приступ его был к ионийской Фокее.

163. Жители сей Фокеи первые из эллинов начали заниматься дальним мореплаванием и открыли им Адриатику, Тиррению, Иберию и Тартесс; а плавали они не на круглых кораблях, но на пятидесятивесельных. Прибыв в Тартесс, они приобрели любовь царя сей страны, имя которому было Арганфоний, властвовал он над Тартессом восемьдесят лет, а прожил всего сто двадцать лет. Сему владыке так полюбились фокеяне, что сперва они уговаривал их оставить Ионию и поселиться, где угодно, в его владениях, а потом, не могши на то склонить их, дал им денег для обведения города стеною, ибо знал от них, сколь усиливаются над ними мидяне. И сей дар его был щедр, ибо та стена в окружности своей простирается на много стадиев, выстроена же вся она из больших камней, плотно между собою складенных. 164. С таковою-то помощию фокеяне выстроили себе стену.

Гарпаг, придвинув к городу их войско и осадив оный, предложил им, что достаточно будет, если они согласятся сбить со стены один лишь зубец и посвятить царю один дом. Но фокеяне, гнушаясь рабством, ответствовали, что просят себе один день на размышление, чтобы ответить; а в тот день, когда они будут размышлять, пусть он отведет войска от городской стены. Гарпаг отвечал им, что ему понятно, что намерены они сделать, однако он согласен дать им срок на размышление. И как скоро Гарпаг отвел войско свое от стены, фокеяне тотчас спустили в море пятидесятивесельные корабли, взяли на них жен, детей и все свое добро, а особо изваяния богов из храмов и другие священноприношения, кроме медных, каменных и живописных, и, взложив все сие на корабли, взошли на них и отплыли на Хиос. Так-то овладели персы Фокею обезлюдевшею.

165. Хиосцам фокеяне предложили продать им острова Энусские, но как сии не хотели на то согласиться, опасаясь, что новое сие торжище приведет в упадок собственный их остров, то фокеяне поплыли в Кири. Ибо в том Кири еще за двадцать лет перед сим по указу прорицалища построили они город по имени Алалия; Арганфония же в это время не было уже в живых. Отправляясь в Кири, сперва зашли они в Фокею, перебили персидскую стражу, Гарпагом в городе выставленную, а засим изрекли жестокие проклятия на того, кто из них оставит флот, и сверх сего, опустья в море большой кусок железа, поклялись не прежде возвратиться

в Фокею, как когда железо сие всплывет из воды. Но когда уже отплывали они к Кирну, большую часть граждан превозмогли тоска и сожаление о родном городе и о привычных местах, и они, преступив данную клятву, поплыли обратно в Фокею; а оставшиеся верными клятве, снявшись с якорей, от Энусских островов пустились вдаль.

166. По прибытии своем в Кири, поселились они там вместе с прежними своими выходцами, выстроили храмы и жили пять лет. Но как они всех соседей беспокоили набегами и грабежами, то против них согласным замыслом выступили тирренцы и карфагеняне на шестидесяти кораблях. Фокеяне также вооружили шестьдесят кораблей и пошли навстречу им в Сардонийское море. В том морском сражении фокеяне одержали, как говорится, Кадмейскую победу, ибо сорок кораблей они потеряли, а двадцать оставшиеся стали негодны, потому что у них сворочены были носы. Для сего они опять поплыли в Алалию, забрали там жеп, детей и все имущество, какое можно было увезти на кораблях, оставили Кири и поплыли в Регий. 167. Пленники же с погибших кораблей, каковых досталось карфагенянам и тирренцам гораздо больше, нежели фокеянам, были взятыми вывезены на берег и побиты камнями. После сего у агиллеян все место, где лежали побитые фокеяне, сделалось опасным для проходящих, ибо и люди, и подъяремный и домашний скот делались здесь искалечены, увечны или бессильны. Агиллеяне, желая избавиться от таковой напасти, послали в Дельфы, и пифия велела им делать то, что они и ныне исполняют, а исполняют они богатые поминовения по умершим и состязания гимнические и конные.

Таковая участь постигла сих фокеян; остальные же, убежавшие в Регий, двинулись оттуда и построили в Энотрийской земле город, ныне называемый Гиелою. А построили они его, узнав от одного мужа из Посидонии, что пифия повелела им чтить героя Кири, а не остров сего имени.

168. Так случилось с Фокеею в Ионии. Подобным же образом поступили и жители Теоса: ибо когда Гарпаг городскую стену их обложил земляною насыпью, то все они, взошед на суда, отплыли во Фракию и там построили город Абдери. Город сей еще прежде был основан Тимесием Клазоменским, но без всякой пользы, ибо фракияне его прогнали; однако теосцы, живущие в Абдере, и ныне чтят его как героя.

169. Сии суть единственные из ионян, которые для избежания рабства оставили свое отечество. Прочие же ионяне (кроме лишь милетян), подобно им, вступали в битву с Гарпагом каждый за свой город и оказывали великую храбрость, но быв побеждены и завоеваны, остались каждый в своей отчизне и исполняли повеления победителя. Милетяне же, как прежде мною сказано, заключивши клятвенный договор с самим Киром, наслаждались спокойствием. Так Иония поработена была во второй раз. Когда же подпали под Гарпага ионяне, обитавшие на матерой земле, то жившие на островах ионяне, устрасясь сего, сами себя предали Киру.

170. Пораженные таковым несчастьем, ионяне собрались, однако же, в Панионион, и там, как я слышал, Биант Приенский предложил наиболее для них мнение, коему если бы они последовали, то благоденствовали бы более всех эллинов. Он советовал им подняться общим походом и плыть в Сардинию, чтобы там построить город, один для всех ионян: так смогут они избавиться от рабства и жить в благополучии, обладая величайшим из всех островов и повелевая другими. Если же останутся они в Ионии, говорил он, то он не видит, как им можно сохранить свободу. Таковое свое мнение объявил Биант, когда ионяне были уже сокрушены; но еще и до сокрушения Ионии полезное мнение сказано было Фалесом Милетским, по предкам финикиянином: предложил он ионянам учредить один общий совет, а быть ему в Теосе, ибо Теос лежит в средоточии Ионии, прочим же городам сохранять свои законы, но считаться селами. Столько-то мудрые советы предложены были ионянам.

171. Между тем Гарпаг, покорив Ионию, пошел войною на кариян, кавниан и ликиян, ведя вместе с собою ионян и эолян.

Из сих народов карияне перешли на матерую землю с островов. Ибо прежде были они подвластны Миносу, назывались лелегами и обитали на островах, не платя никакой дани, сколько мог я узнать из отдаленнейших известий; но коль скоро Минос имел в них надобность, они тотчас сходились на его корабли. Во времена сего Миноса, покорившего себе многие земли и счастливого в войне, карийский народ почитался среди всех народов много знаменитейшим. Карияне суть виновники трех изобретений, кои переняли у них эллины: они первые начали носить на шлемах перья, делать на щитах знаки и приделывать к щитам рукоятки,

ибо прежде все носили щиты без рукоятей, а держались они на кожаных ремнях, накинутых на шею и на левое плечо. А потом, спустя много времени, карияне были прогнаны с островов дорянами и ионянами и таким образом перешли на матерую землю. Так о кариянах повествуют критяне. Сами же карияне с ними не согласны, а говорят, что с самого начала они жили на матерой земле и всегда звались так, как и ныне. В доказательство того указывают они древний храм Зевса Карийского в Миласах, общий им с мисянами и лидянами как единокровными им, ибо Лид и Мис, говорят они, Кару были братья, и посему храм у них общий, прочие же народы, хотя бы и единопольные кариянам, к храму тому непричастны.

172. Кавниане же, напротив, представляются мне коренными жителями своей земли, хотя сами себя и почитают критянами. По языку своему кавниане близки к кариянам или карияне к кавнианам, сего с уверенностью решить не могу; по обычаям же они весьма отличны от прочих народов и даже кариян. Так, у них почитается превосходным, что и мужья, и жены, и дети большими толпами по возрасту и дружбе сходятся на попойки. Прежде сооружали они храмы для богов иноземных, а потом, переменив свое мнение, вздумали поклоняться одним токмо своим богам, и для того однажды все кавниане ратного возраста, вооружась, пошли по земле своей даже до пределов Калинды, ударяя копьями воздух и говоря, будто выгоняют иноземных богов. Таковы обычаи кавнианские.

173. Ликияне же издревле происходят из Крита. Ибо в древние времена весь остров сей занят был варварами; и когда о царствовании над Критом заспорили сыновья Европы Сарпедон и Минос, то Минос, одолевши в споре, выгнал Сарпедона с его соумышленниками, и те, выгнанные, прибыли в Азию в землю Милладу, ибо нынешняя ликийская земля называлась древле Милладоу, насельники же ее звались тогда солимами. Во время же царствования в сей стране Сарпедона приняли они имя термилов, под коим именем и ныне ликияне известны у сопредельных народов. Наконец, когда Лик, сын Пандионов, также изгнан был из Афин братом своим Эгеем и прибыл в землю термилов к Сарпедону, то от имени его в последствии времени сии наименованы были ликиянами. Обычай у них частью критские, частью карийские, один, однако же, есть собственный, не заимствованный ни от кого: называют они себя не по отцам, но по матерям; если кто

спросит у другого, кто он, то сей ответит, что он сын такой-то матери и припомнит имена матери ее и праматери. И если женщина гражданка выйдет за раба, дети признаются благородными, если же муж гражданин, даже первый между граждан, имеет жену ипоземку или наложницу, то дети почитаются не гражданами.

174. Из сих народов карияне поработены были Гарпагом, не оказав никакого знаменитого деяния. И не только карияне ничего не явили достопамятного, но даже ни один из эллинских народов, обитающих в сей стране. Обитают же в ней между прочими и книдяне, поселенцы лакедемонские, коих земля лежит у моря и называется Триопион. Земля сия начинается от полуострова Бибасии и вся окружена морем, за исключением малой части: с северной стороны ее объемлет залив Керамический, а с южной море, что у Симы и Родоса. Малую же вышесказанную часть, шириною не более пяти стадиев, книдяне в то время, как Гарпаг покорял Ионию, предприняли прокопать, дабы место свое сделать островом: тогда вся земля их находилась бы на том острове, поелику с материком она смыкается только там, где находится сей перешийек, ими перекапываемый. И уже великим множеством рук трудились книдяне, как вдруг замечено было, что работники, особливо же разбивавшие скалу, стали ранимы в разные части тела, наипаче же в глаза, и казалось, что не без содействия богов сие делается. Посему отправлены были в Дельфы поверенные спросить, что такое препятствует в сих работах. Пифия же, как скажут книдяне, отвечала им трехмерными стихами так:

Не рвите перешейка ни стеной, ни рвом:
Будь воля Зевса, остров был бы островом.

Получив сей ответ от пифии, книдяне оставили свою работу и Гарпагу, пришедшему к ним с войском, дались без сражения.

175. Педасеяне обитали местность выше Галикарнаса, от моря в стороне; это здесь, когда им и соседям их угрожает какое несчастье, то у жрицы богини Афины вырастает длинная борода: так случалось у них три раза. Сей народ один из всех, обитавших в Карию, несколько времени противился Гарпагу и много беспокоил его, укрепив стеною гору Лиду. Однако и педасеяне со временем были завоеваны.

176. Ликияне же, когда Гарпаг вышел с войском на Ксанфийские поля, выступили против него и сражались доблестно, немно-

гие против многих; быв, однако, побеждены и загнаны в город, они собрали в крепость жен, детей, невольников и все добро свое, поожгли ее, и вся она сгорела; ксанфяне же, совершив сие, поклялись великими клятвами в единодушии, паки выступили против неприятеля и, сражаясь, все погибли. Посему ныне себя называющие ксанфянами ликияне большею частию суть пришельцы, кроме лишь восьмидесяти семейств, ибо восемьдесят семейств в то время случились в отлучке и чрез то остались в живых. Таким образом Гарпаг покорила себе Ксанф. Подобным же образом овладел он и Кавном, ибо кавниане большею частию последовали примеру ликиян.

177. Между тем как Гарпаг покорял нижнюю Азию, сам Кир вел войну в Азии верхней, приводя под власть свою все народы без исключения. Большую часть его деяний мы пройдем молчанием, а которые стоили ему величайшего труда и наиболее достопамятны, о тех упомянем.

178. Кир, покоривши под свою руку всю матерую землю Азии, обратился войною на ассириан. В Ассирии много есть великих городов; именитейший же и сильнейший всех, в коем по разрушении Нина находился и царский дворец, был Вавилон.

Город сей был вот каков. Он лежит на большой равнине, вид имеет четырехугольный, коего каждый бок мерою во сто двадцать стадиев, так что весь охват города составляет четыреста восемьдесят стадиев. Такова есть величина города Вавилона; а устроен он так прекрасно, как никакой другой город, нам ведомый.

Сперва обведен он рвом глубоким, широким и наполненным водою; а затем стеною, коей ширина имеет пятьдесят царских локтей, а высота двести, царский же локоть на три пальца более обыкновенного. 179. При сем надобно сказать, на что употреблена была земля, вырытая из рва, и каким образом выстроена стена. По мере того как рыли ров, из земли, выносимой из него, делали кирпич и, приготовив достаточное количество оного, обжигали его в печах. Потом, употребляя вместо извести горячий асфальт и прокладывая через каждые тридцать рядов кирпичей слой тростника, сперва обстроивали края рва, а потом таким же образом строили и самую стену. Сверху по краям стены строили смежные башенки, одну к другой обращенные, а на середине оставляли пространства столько, чтобы можно было проехать колеснице чет-

верней. Ворот в стене по всей ее окружности ровно сто, все медные, с таковыми же веревями и перекладинами. На восемь дней пути от Вавилона есть другой город, по имени Ис, а в нем протекает небольшая река того же имени, впадающая в Евфрат; сия-то река вместе с водами своими во множестве приносит комья асфальта, отседе оный и привозим был для сооружения стены в Вавилоне. 180. Вот каковым образом город Вавилон огражден был стеною.

Разделяется город на две главные части, протекает между которыми река, именуемая Евфрат; река сия широка, глубока и быстра, вытекает она из Армении, а впадает в Черное море. Стена градская концами своими с обеих сторон подходит к реке и оттоле по обоим берегам ее протягивается оградю, также из жженных кирпичей сооруженною. Самый же город обилует строениями в три и четыре жилья и прорезан прямыми улицами как продольными, так и поперечными, идущими к реке. Каждая улица в набережной ограде имеет воротца, столько воротцев, сколько улиц; все они также медные и ведут к самой реке. 181. Стена сия служит броней Вавилону; а внутри города проходит и другая стена, немногим лишь слабейшая первой, но не столь широкая.

Посредине каждой из двух частей города окружено стенами огромное здание: в одной — царские чертоги с оградю большою и крепкою, а в другой — медновратное святилище Зевса Бела, и при мне еще стоявшее, видом четырехугольное, а размером в два стадия с каждой стороны. Среди сего святилища возвышается крепкая башня размером в один стадий как в длину, так и в ширину; на сей башне воздвигнута другая, а на сей опять другая, числом до восьми башен. Для восхода на башни сии поделаны кругом со всех сторон наружные ступени, посредине же сего восхода устроено место для отдыха, где есть для восходящих скамьи, на коих могут они сидеть. На последней башне выстроен великий храм, а в том храме большое ложе посланное, и пред ним золотой стол. Кумира же никакого в сем месте нет, и из людей никто в нем не ночует, кроме лишь одной женщины из тамошних уроженок, которая из всех избирается к тому Зевсом Белом, как сказывают халдеи, жрецы сего бога.

182. Сии же жрецы говорят, в чем, однако, не уверят меня, будто бог сам приходит в этот храм и покоится на сказанном ложе, как то, по словам египтян, бывает и в египетских Фивах,

ибо и там во храме Зевса Фиванского почует женщина; и ни та, ни другая женщина, говорят, не имеют сообщения ни с какими мужчинами. Подобным же образом и в ликийских Патарах живет прорицательница божия, когда является там бог,— прорицает он там не всегда, но когда является, то жрица на ночь бывает заключена во храм его.

183. Есть в вавилонском святилище и другой храм, нижний, где находится великое золотое изваяние Зевса сидящего, и пред ним золотой стол, стул и скамья золотые же; на сие употреблено, говорят халдеи, восемьсот талантов сего металла. Подле храма есть золотой жертвенник; и другой есть жертвенник, большой, на коем приносятся взрослые животные, ибо на золотом никаких не позволено жертвовать, кроме сосущих еще молоко. На большем из сих жертвенников халдеи всякий год сжигают тысячу талантов ладану, когда свершают богу сему празднество. Был некогда в сем святилище и еще кумир из литого золота, вышиною в двенадцать локтей, но я его не видал, а говорю, что слышал о нем от халдеев. Умышляя на сей кумир Дарий, сын Гистаспа, но взять не осмелился, а взял его Ксеркс, сын Дария, умертвив жреца, воспрещавшего ему трогать сей кумир с места его. Таковы суть украшения сего храма; кроме же того, находится в оном много и частных приношений.

184. В Вавилоне сем царствовали многие цари, о коих будет упомянуто в повествовании об Ассирии; они-то и украсили стены и капища.

В числе сих царей были и две женщины. Первая, которая царствовала пятью поколениями прежде другой, называлась Семирамидою. Она устроила славные плотины на равнине, а прежде того река разливалась по всем полям соседним.

185. Вторая после сей царица называлась Нитокридою, и она была разумнее первой. Она не только оставила по себе памятники, о коих будет сказано, но и приняла все посильные меры против мидян, ибо видела, что власть их велика и не утихает, но захватывает и города ассирийские, между коими и Нин. Прежде всего реку Евфрат, протекающую через Вавилон, которая прежде имела прямое течение, Нитокрида, вырыв выше города каналы, сделала столь извилистою, что река сия к одной из ассирийских деревень даже трижды течением своим возвращается; а деревня сия называется Ардериккою, и доселе кто от нашего моря едет в Вавилон, тот, плывучи Евфратом, в три дня три раза проезжает

одну и ту же сию деревню. Таково было ее первое дело. Потом на обоих берегах реки насыпала она вал удивительной высоты и ширины; а гораздо выше Вавилона выкопала водоем для озера неподалеку от реки, в глубину — доколе вода не выступила, в ширину же — на четыреста двадцать стадиев по окружности; и вся земля, из него вырываемая, употреблялась на укрепление речных берегов, а когда оно было вырыто, то края его были обведены нарочно для того привезенными камнями. Обе сии работы, извиеение реки и изрытие озера, сделаны были для того, чтобы река от многих изгибов текла медленнее, и суда, идущие в Вавилон, имели ход косвеннее, и чтобы тем судам предстояла длинная около озера излучина. А производились они с той стороны, с которой был проход и кратчайший путь из Мидии, дабы мидянам труднее было проникать и узнавать о делах ее.

186. Таковые постройки были выложены из вырытого озера; а вдобавок к сим явилась из него вот какая польза. Поелику город разделен был на две части рекою, посредине его протекающею, то при прежних царях не иначе можно было переправляться с одной стороны на другую, как на судах, что, как думаю, было беспокойно. Нитокрида и сие предусмотрела, и по ископании озерного водоема оставила от трудов своих еще и следующий памятник. Повелено было заготовить предлинные камни, и когда они были истесаны, а водоем выкопан, то она все течение реки совратила в сие выкопанное место; и по мере того как сие место наполнялось водою, прежнее русло становилось сухо. В сие-то время не только берега реки во всем городе и спуски в реку от всех воротцев были выложены жженым кирпичом точно так, как и ограда речная, но и на самой середине города из приготовленных камней выстроен был мост, в котором камни были связываемы между собою железом и свинцом. С наступлением дня на том мосту прокладывали четырехугольные бревна для перехода вавилонянам, на ночь же бревна сии снимались, дабы бродящие по ночам не обкрадывали друг друга. Когда же и выкопанное для озера место наполнилось из реки водою и мост приведен был к окончанию, то Евфрат опять введен был в прежнее свое русло вместо озера, а вырытое место сделалось болотом, как то, по-видимому, и предполагалось, вавилоняне же получили устроенный мост.

187. Царица сия известна и по некоторому обману, ею выдуманному. Над самыми многолюдными градскими воротами, на самой

вершине оных она повелела соорудить для себя гробницу, а на той гробнице вырезать следующие слова: «Кто из вавилонских царей после меня нуждаться будет в деньгах, тот открой сию гробницу и возьми, сколько надобно; а не нуждаясь, не открывай, ибо пользы не будет». Гроб сей оставался неприкосновенным, доколе царствование не перешло к Дарию. Дарию же в тягость показалось и воротами не ходить, и лежащих денег не брать, хотя они на то сами напрашивались; а воротами он не ходил того ради, чтобы труп не оказывался над головою проходящего. Итак, открыл он гробницу, но денег в ней не нашел, а нашел труп и следующие слова: «Если бы ты не был ненасытен и злорыстен, то не стал бы открывать убежища мертвецов». Такова, как сказывают, была сия царица.

188. На сына сей-то царицы, по родителю своему звавшегося Лабинетом и владевшего Ассирийскою державою, и пошел войною царь Кир. А великий царь ходит на войну, взявши из дому достаточный запас хлеба и скота, а сверх сего даже воду из реки Хоаспа, протекающей в Сузах, из коей одной пьет он, и ни из какой другой; сию воду из Хоаспа, перекипяченную и налитую в серебряные сосуды, повсюду возят за царем на многих четырехколесных повозках, запряженных мулами.

189. Выступивши в сей поход против Вавилона, Кир пришел к реке Гинду. Река сия имеет источники в горах Матианских, протекает чрез страну Дарданскую и впадает в реку Тигр, а она течет мимо города Описа и впадает в Черное море. Между тем как Кир старался переправиться чрез названный Гинд, чрез который не иначе переправляются, как на судах, вдруг один из его белых священных коней от задора прыгнул в реку, чтобы переплыть ее, но река поглотила и умчала его. Кир весьма прогневался на такую дерзость реки и поклялся сделать ее так мелкою, что даже женщина будет переходить оную, не замоча колен. Произнесши сию клятву, он оставил поход против Вавилона, а войско разделил на двое; потом протянутыми веревками он назначил место ста восьмидесяти рвам от каждого берега реки во всех направлениях; а потом, распределявши войско, велел ему копать. Так трудом великого множества людей свершил он свое предприятие; однако ж на работу сию употреблено было все лето.

190. Наказавши реку Гинд разделением ее на триста шестьдесят каналов, Кир следующею весною снова выступил против

Вавилона. Вавилоняне, исполчившись, ожидали его и, как скоро приблизился он к городу, вступили с ним в сражение, но были побеждены и прогнаны в город. А как они давно уже знали Кира владыкою небездеятельным и зрели его нападающим на все народы без различия, то у них были снесены в город припасы на много лет, и посему осада их нимало не заботила. Кир, напротив, находился в затруднении, ибо время проходило многое, а дела его не имели никакого успеха.

191. Посему другой ли кто подал ему совет в затруднении, сам ли он то придумал, но распорядился он так. Расположив одну часть своего войска по реке там, где она втекает в город, а другую ниже, где она из него выходит, приказал он воинам, как увидят, что можно перейти ее вброд, войти тем местом в город. Сделав сии распоряжения и повеления, сам он отступил с слабейшею частию войска к озеру; а прибыв туда, сделал он то же, что и вавилонская царица сделала с рекою и озером. Именно, отведши реку чрез ров в озеро, которое тогда было болотом, он прежнее русло ее сделал удобным к переходу, осушив оное. А те персы, кои поставлены им были при реке Евфрате, дождались, чтобы вода в нем опустилась по бедру человеческого, и тотчас бросились на Вавилон. Если бы вавилоняне наперед знали или заметили сие Кирова предприятие, то не допустили бы персам войти в город и погубили бы их жестоким образом: ибо, заперши все воротца, ведущие к реке, и занявши обе ее набережные ограды, они взяли бы неприятеля, как в вершу. Ныне же персы предстали им внезапно; а по великой обширности города (сказывают его обыватели), когда окраины были уже взяты, то в срединной его части народ о сем еще не знал и предавался пляске и забавам, ибо время случилось праздничное,— доколе не узнал своей беды. Таким-то образом взят был Вавилон в первый раз.

192. Сколь велико богатство вавилонян, я удостоверю в том как многими другими, так и вот каким доводом. Вся земля, коею великий царь управляет, не только платит подати, но и распределена для продовольствования его самого и войска: и вот, из двенадцати месяцев в году четыре кормит его область вавилонская, а восемь — остальная часть Азии. Таким образом, страна сия обладает третьей частию богатства всей Азии. И наместничество сей страны (а наместничество у персов называется сатрапиею) гораздо доходнее всех других наместничеств. Тритантехм, сын Артабазов, коему удел сей был отдан царем, всякий день сби-

рал с нее полную артабу серебра, артаба же есть мера персидская, содержащая большую аттическую меру с тремя малыми мерками. Лошадей у него было собственных, кроме боевых, восемьсот жеребцов и шестнадцать тысяч кобылиц, ибо каждый жеребец припускался к двадцати кобылицам; а индийских собак содержалось такое множество, что в поле были четыре большие деревни, другой подати не платившие, а только довольствовавшие сих собак. Таковы доходы наместника вавилонского.

193. Земля же Ассирийская дождем орошается мало, и его достает лишь для прорастания хлебного; поднимается же хлеб и созревает лишь поливкою из реки, но не так, как в Египте, где сама река наводняет нивы, а руками и водочерпными машинами. Ибо вся область вавилонская изрыта каналами, из коих величайший даже судоходен, а ведет он из Евфрата в сторону зимнего солнца к реке Тигру, при которой стоит город Нин. Из всех стран, нам известных, сия имеет почву самую хлебородную; и хотя древесных плодов она даже и зародыша не производит ни смоковниц, ни винограда, ни маслины, но для хлеба так способна, что зерна всякий год приносит сам-двусот, а в счастливейшие годы сам-трисот. Листья у пшеницы и ячменя там имеют по четыре пальца ширины; а что просо и кунжут высотой там бывают с дерево, о том я хоть и знаю, но не упомяну, ведая заподлинно, что кои не бывали в вавилонской земле, те и о плодах сказанному не поверят. Оливного масла там не употребляют, но приготавливают кунжутное. Финиковыми пальмами засажены там все поля, а из них большая часть плодоносна и дает и пищу, и вино, и мед; их выращивают так же, как смоковницы, причем плоды мужских пальм (как зовут их эллины) привязывают к пальмам плодоносным, дабы смоквенная мошка, проникши в плод, привела его в зрелость и не дала отпасть, — смоквенные же мошки гнездятся лишь в плодах мужских пальм, так же как и в диких смоквах.

194. Величайшее же для меня в стране сей диво, после самого города, есть то, о коем я сейчас скажу. Суда у вавилонян, ходящие по реке в Вавилон, круглы и сделаны из кож. Судоходцы, нарубивши ивовых ветвей в Армении, что над Ассирией, делают из них ребра для судна, обтягивают оные снаружи выделанными кожами, служащими вместо дна, ни носа не заостряя, ни кормы не суживая, но все закругляя, как щит; и наполнив сие судно соломой, пускают с товарами на реку, а товар обычный

суть бочки с финиковым вином. Управляется судно двумя веслами, коими стоя гребут двое гребцов, один тянущий весло свое к себе, другой толкающий от себя. Суда сии строятся и весьма большие, и малые; величайшие из них возят грузу пять тысяч талантов. Но во всяком судне бывает живой осел, а в больших судах и больше; и вот, приплыв в Вавилон и выложив товары, судоходцы продают остов своего судна и солому, а кожи навьючивают на ослов и гонят их назад в Армению. Ибо против реки плыть нет никакой возможности по причине ее быстроты; для сего и суда делаются не из дерева, а из кож. А пригнавши ослов назад в Армению, строят новые суда тем же образом. Вот каковы у них суда.

195. Одеваются ассирияне следующим образом: с исподу надевают одежду льняную, простирающуюся до пят, на нее — другую, шерстяную, сверху же накидывают белый плащ. Обувь у них местная, похожая на сандалии беотийские. Волосы они отращивают, головы обвязывают митрами и все тело умащают миром. Каждый носит перстень с печатью и рукодельный посох, а на том посохе выделано или яблоко, или роза, или лилия, или орел, или что другое: без таковой приметы посохи у них не в обычае. Таково их обращение с телом.

196. Обычаи же у них вот каковы. Разумнейший из них, по мнению моему, есть тот, который, сказывают, водится и у энетов илирических. В каждой деревне однажды в год собирали всех девиц, достигших выданья, и выводили их на назначенное место, а вокруг сбиралась толпа мужчин. Глашатай каждую из них выводил на середину и продавал, начиная с красивейшей всех; как она бывала продана за дорогую цену, он возглашал другую, красоту ближайшую к первой, и так далее. Продавались они с тем, чтоб на них жениться. Богатейшие из женихов вавилонских наперерыв один пред другим торговали самых красивейших невест, женихи же из простого народа не искали в невестах пригожества и с деньгами брали и непригожих. Именно, по распродаже всех девиц красивейших глашатай выводил самую безобразнейшую или калеку и возглашал, не пожелает ли кто взять ее за себя с наименьшим при ней приданым; и кто соглашался на наименьшее, тот ее и уводил. Приданые же деньги составлялись от выкупа за пригожих девиц: так красивые пособляли выйти замуж безобразным или калекам. А выдавать свою дочь по желанию своему не дозволялось, и уводить купленную девицу без поруки тоже: над-

лежало жениху представить поручителей, что он точно женится на ней, и потом лишь уводить ее. Если же не сходились жених с невестой, то закон предписывал взятые деньги возвратить. К сей продаже приходило дозволялось по желанию и из других деревень. Вот каков был превосходнейший сей обычай, но ныне он уже оставлен. А выдуманно в недавние времена совсем другое средство, чтобы дочери ассириян не были обижаемы и уводимы на чужую сторону: именно, как после завоевания их пришли они в захудалые и разорение, то ныне всякий простолюдин, угнетаемый нуждою, дочерей своих отдает на блуд.

197. Другой мудрый обычай у ассириян следующий. Врачами здесь не пользуются, а кто заболел, тех выносят на площадь, и прохожие, подходя к больному, расспрашивают его о его болезни; и сам ли кто страдал когда подобною или другого видел страждущего оною, всякий, расспросивши, дает наставления, каким кто способом от нее избавился или видел избавившимся другого. А пройти мимо больного никому не позволено, не спрося, какою он страдает болезнью.

198. Погребение у них полагается в меду, погребальные же плачи близко сходны с египетскими. А совокупясь с женою, вавилонянин всякий раз садится пред зажженным ладаном, и то же в другом месте делает жена его; поутру же омываются оба и не прикасаются ни к какому сосуду прежде, нежели омоются. Сему обычаю следуют и аравитяне.

199. Постыднейший же из обычаев вавилонских есть следующий. Каждая вавилонская женщина однажды в свою жизнь должна воссесть во храме Афродиты для совокупления с чужеземцем. Впрочем, многие женщины, гордясь богатством своим, не хотят с другими смешиваться и для сего ездят в крытых повозках при множестве прислужниц, а пред храмом лишь останавливаются. Большая, однако, часть поступает так: женщины садятся в ограде, посвященной Афродите, повив голову венком из вервия, и одни приходят, другие уходят, а между ними по веревке проведены многие проходы, по которым ходя, чужеземцы выбирают себе женщин. И коль скоро какая женщина там села, то не прежде уже уходит домой, как когда кто-либо из чужеземцев, бросив ей на колена денег, совокупится с нею вне храма. А бросая деньги, должен он сказать: «Призываю о тебе богиню Милитту», Милиттою же у ассириян называется Афродита. Денег же сих сколько бы ни было, отвергнуть их женщина не вправе, ибо деньги сии почитаются

священными; но должна идти за первым, кто их бросит, и не презирать никого. Сим совокуплением отдает она священный долг богине, а затем удаляется домой, и с сего времени, сколь бы великие дары кто ни предлагал ей, успеха не получит. Кто из женщин хороши лицом и статью, те возвращаются домой скоро, а кто безобразны, те подолгу дожидаются, пока смогут исполнить обычай, иные даже по три и по четыре года. Подобный сему обычай ведем и в некоторых городах на Кипре.

200. Таковы суть обычаи у вавилонян. А есть между ними три колена, кои ничего больше не едят, кроме рыбы. Поймавши рыбу, сушат ее на солнце, а потом приготавливают следующим образом: кладут в ступу, толкут пестами, просеивают сквозь полотенце, а потом или делают из нее толченики, или пекут, как хлеб.

201. Покоривши Кир и сей народ, вознамерился далее привести под свою державу массагетов. Сей народ, почитаемый великим и мужественным, обитает к востоку солнца за рекою Араксом, супротив исседонов. Некоторые говорят, что массагеты суть народ скифский.

202. Об Араксе же иные говорят, что он более, иные — что менее Истра и что на нем находится много островов, величиною как Лесбос. А на тех островах живут люди, кои летом питаются всякими кореньями, выкапываемыми из земли, плоды же древесные созревшие собирают, сохраняют и кормятся ими зимою. Есть у них и другие деревья, коих плоды употребляют они особенным образом: сошедшись толпою и разведя огонь, садятся около него в кружок и плоды сии бросают в пламя. Обоняя же плод, горящий в огне, они от запаху делаются пьяными точно так, как эллины от вина, и чем больше брошено плодов, тем пьянее, а наконец пускаются плясать и петь. Таков-то, сказывают, образ их жизни. А река Аракс вытекает из гор Матиенских, как и тот Гинд, который Киром разделен на триста шестьдесят каналов; устьев же она имеет сорок, но все они, кроме лишь одного, теряются в болотах и топях, а в тех болотах и топях будто бы живут люди, питающиеся сырою рыбою и вместо одежды употребляющие кожи тюленя. Одно лишь устье Аракса, не смешиваясь с болотами, течет в Каспийское море.

Каспийское же море существует само собою, не сообщаясь ни с каким другим. Ибо и то море, по коему плавают эллины, и то,

что за Геракловыми столбами именуется Атлантическим, и то, которое Чермное, составляют по-настоящему единое море. 203. Каспийское же от него совсем отделено; и в длину оно простирается на пятнадцать дней гребного плавания, в наибольшую же ширину на восемь дней.

От сего моря на запад простирается Кавказ, из всех гор страннейшая и высочайшая. В том Кавказе народы живут много-различные, а питаются большею частию от диких плодов. Сказывают, что в лесах сих есть такие деревья, коих листья, истерши и смешав с водою, употребляют для изображения на платье узоров, и узоры те не отмываются, но стареются вместе с тканью, словно были в ней вытканы. А совокупление у тех людей будто бы открытое, как у скотов.

204. Сей Кавказ облегает названное Каспийское море с запада; к востоку же солнца простирается равнина необозримой обширности. Сей-то великой равнины немалую часть занимают те массагеты, на коих Кир весьма желал идти войною. Многие и важные причины побуждали его к сей войне: во-первых, его происхождение, коим почитал он себя превыше человека, во-вторых же, ратное счастье, ибо, куда ни обращал он свое оружие, никакой народ не мог избегнуть его силы.

205. В сие время над массагетами царствовала женщина по смерти мужа своего, имя же ей было Томирида. К ней-то Кир послал со сватаньем, как бы желая иметь ее женою; но Томирида, поняв, что не ее, а царство массагетское желает он получить, отказала в сем предложении. Не успев в своем намерении коварством, Кир открыто пошел войною на массагетов, устремясь к Араксу, и начал на реке наводить мосты для проведения войска и строить башни на судах для переправы.

206. Когда Кир занимался сими работами, Томирида послала сказать ему следующее: «Царь мидийский! перестань хлопотать, о чем хлопочешь: ты не ведаешь, в пользу ли тебе те хлопоты. Оставь же их, царствуй в царстве своем и нам попусти властвовать над подвластными. Если же ты не желаешь последовать сим советам и все тебе лучше, нежели спокойствовать, если так велика твоя охота померяться с массагетами,— пусть так: оставь труд наводить мост через реку и вступи в нашу землю, мы же отойдем от реки на три дня пути. Если же ты лучше хочешь нас принять в свою землю, то сам поступи таким же образом».

Кир, услышав сие, созвал первых персидских вельмож и, собрав их, предложил на общее рассуждение, что делать в сем случае. Все были одного мнения, полагая лучшим Киру принять Томириду с ее войском в свои владения. 207. Но Крез Лидийский, который тоже был на совете, не одоббив сего мнения, предложил противное, сказавши так: «Государь! я уже и прежде сказывал тебе, что с тех пор, как Зевс меня тебе предал, долгом поставляю по силам своим отвращать от дома твоего всякую оплошность. Бедствия мои стали мне уроком. Если ты мнишь себя бессмертным и войско свое таковым же, то бесполезно будет объявлять тебе мое мнение; если же признаешь человеком и себя и подвластных тебе, то знай, что дела человеческие находятся в некотором круговращении, и оно не терпит, чтоб одни и те же люди всегда были счастливы. И вот я имею о предложенном деле мнение, противное объявленному здесь. Если пожелаем мы принять неприятелей в землю сию, то вот какая предложит тебе в том опасность: если будешь побежден, потеряешь все царство, ибо ясно, что массагеты, победив, назад не побегут, но вторгнутся в твои владения; если же победишь, то не настолько, как если бы, перешед реку, победил ты массагетов на их земле и преследовал бегущих, ибо только так, в противность первому случаю, победив, ты прямо двинешься в царство Томириды. Сверх сего, постыдно и несносно для Кира, сына Камбисова, уступить женщине и отойти пред нею всяпеть. Итак, мне кажется, что ты должен перейти реку, следовать за отступающими и потом попытаться победить их вот каковым образом. Поелику массагеты, как я слышу, благ персидской жизни не ведают и в больших наслаждениях не искушены, то предложим им в нашем стане пиршество: уьем и приготовим для них, не жалеючи, множество скота, выставим в чашах вдоволь чистого вина и всякого рода съестного; а после сего, оставив самую худую часть войска, прочие пусть отступят назад к реке. Если я в том не обманываюсь, неприятели, увидев столько всяких благ, бросятся на них, и тогда-то нам представится случай к оказанию великих подвигов».

208. Таковы были два сии противные мнения. Тотчас Кир отринув первое, принял Крезово и Томириде повестил удалиться, ибо он пойдет к ней через реку сам. Та, по обещанию своему, удалась; Кир же, предав Креза в руки сыну своему Камбису, коему препоручил царство, и наказав сыну чтить его и благотворствовать, хотя бы поход на массагетов и не был удачен, отправил их в Персию, сам же с войском своим перешел через реку.

209. Перешед же чрез Аракс, Кир в первую же ночь на массагетской земле увидел следующий сон. Привиделся ему старший из Гистасповых сынов с крылами на плечах, из коих одним осенял Азию, другим Европу. У Гистаспа же, сына Арсамова из дома Ахеменидов, старший сын был Дарий, а было ему не более двадцати лет, и оставался он в Персии как не имевший еще воинского возраста. Кир, проснувшись, размышлял сам с собою о сновидении; и как оно казалось ему важным, то он призвал к себе Гистаспа и наедине ему сказал: «Гистасп! сын твой замечен в измене мне и моей власти; а почему я сие знаю с уверенностью, расскажу тебе. Боги обо мне имеют попечение и наперед дадут мне знать обо всем, чему должно случиться: и вот, в прошедшую ночь видел я во сне старшего сына твоего с крылами на плечах, из коих одним осенял он Азию, другим Европу. Сновидение сие без всякого сомнения означает не иное что, как измену мне твоего сына. Воротись же в Персию, сколь можно скорее, и устрой, чтобы, когда и я вернусь, покоров сию страну, он представлен был мне для допроса». 210. Говоря так, Кир полагал, что Дарий на него злоумышляет; божество же предзнаменовало ему, что он сам умрет в той стране, а царство его перейдет к Дарию.

Гистасп Киру отвечал сими словами: «Царь! не родиться бы лучше тому персу, который злоумыслит на тебя! если же родился таковой, да погибнет он немедленно! Не ты ли персов из рабов сделал свободными, из подвластных другим сделал повелителями всех? Если сновидение возвещает тебе, что сын мой умышляет против тебя небывалое, то я предаю его тебе: сделай с ним, что тебе угодно». Так ответствовав, Гистасп переправился через Аракс и возвратился в Персию, дабы для Кира взять под стражу сына своего Дария.

211. Кир же, отошедши от Аракса на один день пути, исполнил все по Крезову совету, а потом опять ушел к Араксу с настоящею силою войска, оставивши в стане худшую его часть. По отбытии его третья часть войска массагетского напала на тот стан, перебила не без сопротивления оставленных Киром воинов и, увидев приготовленный стол, расположилась пировать, как после победного одержания, а насытась пищею и вином, легла спать. Тогда-то персы, ударив на них, многих перебили, а больше того взяли в плен, и между прочими сына Томириды, воеводу массагетского, имя коему было Спаргапис.

212. Томирида, узнав, что случилось с войском и сыном ее, пошла сказать Киру так: «Кир, ненасытный кровию! не превозносись своею победою! Лозным плодом, коего исполнясь, вы толико беснуетесь, что поглощая телом вино, изbleвываете устами неподобные слова, сею хитрою отравою, а не битвою и воинскою храбростию одолев ты сына моего. Ныне же прими совет мой, от чистого усердия предлагаемый: отдай мне сына моего и тогда выйди из страны сей без возмездия за надмение над третьею долею войска массагетского. Если же ты сего не сделаешь, клянусь Солнцем, владыкою массагетов, сколь ты ни ненасытен, насытить тебя кровию».

213. Кир, однако, сих слов нимало не уважил. Спаргапис же, сын царицы Томириды, избыв хмель и уразумеv, в каком находится несчастии, просил Кира освободить его от оков, и Кир согласился; но как скоро тот, освобожденный, стал опять владеть своими руками, он умертвил себя. Такова была его кончина.

214. Томирида же, поелику Кир не внял ее словам, собрала всю силу свою и напала на него. Сражение сие, как я полагаю, было жесточайшее, какое только бывало между варварскими народами. Оно, как я слышал, происходило следующим образом. Сперва, став на расстоянии, враги метали между собою стрелы; потом, по истощении стрел, схватились драться копьями и кинжалами; долго продолжалась таковая битва, и никто не хотел бежать; наконец, массагеты одержали верх. Большая часть войска персидского полегла на месте, и сам Кир скончал здесь жизнь свою, а царствования его было тридцать лет без года. Томирида же, наполнив кожаный мех человеческою кровью, приказала между побитыми персами отыскать тело Кирова; а отыскав, погрузила голову его в тот мех и, издеваясь над мертвым, сказала: «Ты меня погубил, хоть я жива и победила тебя, ибо ты лишил меня сына гнусным образом; я же тебя, как и угрожала, насыщу теперь кровию». О кончине Кира повествуется многообразно, но сие повествование для меня всего убедительнее.

215. Массагеты же одежду носят подобную скифской, а воюют и на конях и пешие, ибо равно искусны в том и другом. Они суть лучники и копейщики, но также носят бердыши. Золото и медь они на все употребляют: медь на конья, стрелы и бердыши, а золото на уборы головы, поясы и перевязи. Равным образом и коням своим они грудь облагают медными латами, а узды, поводы и бляхи украшают золотом. А железа и серебра вовсе не употребляют, ибо их нет в той стране, меди же и золота там великое изобилие.

216. Обычай у них следующие. Жену имеет каждый, но пользуются женами они сообща: эллины сие приписывают скифам, но то не скифы делают, а массагеты. Кто из них пожелает жены, тот перед ее повозкою вешает свой колчан и соединяется с нею безбоязненно. Предел жизни у них не назначен, но когда кто весьма уже состарится, то все сродники, сойдясь, закаляют его вместе с разным скотом и, сварив их, поедают: сия участь почитается ими счастливейшею. Кто же умрет от болезни, того не едят, но зарывают в землю, почитая несчастием, что он не дожид до заклания. Они ничего не сеют, но живут скотом и рыбою, коею обилует река Аракс, а пьют молоко. Из богов же почитают только Солнце, коему жертвуют коней, полагая, что быстрейшему из богов подобает в дань быстрейшее из животных.

Книга четвертая

МЕЛЬПОМЕНА

1. По взятии Вавилона Дарий опять предпринял поход, а именно на скифов. Поелику Азия процветала многолюдством и стечением великих богатств, то сей государь возжелал наказать скифов за то, что некогда они, вторгнувшись в Мидию и победив на битве противников, первые начали причинять обиды. Ибо, как уже мною сказано, скифы в верхней Азии владычествовали двадцать восемь лет: вторглись они в Азию, преследуя киммериян, и сокрушили державу мидян, властвовавших Азиею до пришествия скифов.

Однако, находившись вчуже двадцать восемь лет и возвращаясь по толиком времени в свою страну, скифы повстречали трудности не меньшие испытанных в Мидии: против них выступило немалое войско, родившееся от рабов, с коими жили жены скифов по причине долговременного их мужей отсутствия. 2. А рабов своих скифы всех слепят и употребляют для доения молока, которое пьют. Доят же следующим образом: взяв костяные трубочки, весьма похожие на дудки, они влагают их в детородные части кобылиц и одни дуют ртом, а другие доят; сказывают, что делается так для того, что надуваемые жилы кобылицы набухают и вымя опускается. Выдоив же молоко, разливают его в пустые деревянные сосуды и, расставив тех слепых вокруг сосудов, взбалтывают его; которое молоко подымется кверху, то они сливают и почитают лучшим, а которое внизу, то худшим. Для сего-то скифы и слепят всех, кого возьмут на войне, будучи не пахарями, но пастырями.

3. От сих-то рабов и жен скифских родилось юное поколение, которое, узнав о своем происхождении, противушло скифам,

возвращающимся из Мидии. Возмутившиеся прежде всего отрезали страну свою, вырыв широкий ров, простирающийся от Таврических гор до Меотического озера, где оно всего пространнее, и отсюда сражались со скифами, покушавшимися к ним вторгнуться. И как после многократных схваток скифы ничего не могли сделать с ними, то один из скифов сказал: «Что мы делаем, скифы? Сражаясь со своими рабами, мы и сами, побиваемые, уменьшаем числом и, их побивая, уменьшаем число тех, над кем должны господствовать. Мне кажется, лучше нам оставить стрелы и копыя, а взять каждому от своего коня плеть и пуститься против них. Пока они видели нас с оружием, то почитали себя подобными нам и рожденными от подобных; когда же увидят у нас вместо оружия плети, то, узнав и сознав, что они рабы наши, не возмогут устоять против нас». 4. Скифы послушались сего совета, и рабы, пораженные удивлением, действительно оставили битву и бросились бежать.

Вот каким образом скифы возобладали Азией, а потом, быв изгнаны мидянами, возвратились в свою землю. И по сей-то причине Дарий, желая отмстить им, собрал против них войско.

5. Скифы о себе сами говорят так, что они суть юнейший из всех народов, а происхождение их вот каково. Первым жителем в земле их, дотеле ненаселенной, родился человек по имени Таргитай, родителями же сего Таргитая были Зевс и дочь реки Борисфена; для меня сие невероятно, однако же так рассказывают. Таково рождение Таргитая; а детей у него было трое: Липоксаис, Арпоксаис и младший Колаксаис. В царствование их на скифскую землю упали с неба золотые творения: плуг, ярмо, бердыш и чаша. Старший из них увидел оные первый и, желая взять их, подошел к ним ближе, но золото загорелось огнем. Когда он отошел, то подошел к ним второй брат, и золото опять загорелось: так, горя, отгоняло оно их от себя. Когда же подошел к нему третий, всех младший брат, золото потухло, и он взял его к себе; старшие же братья, уразумев сие, отдали все царство младшему.

6. От Липоксаиса произошли те из скифов, кои называются авхатами; от среднего, Арпоксаиса, те, кои зовутся катиарами и траспийцами; а от младшего произошли скифы-цари, называемые паралатами. Общее же всех их название — сколоты, по проименованию царя; скифами же называют их эллины.

7. Таковое скифы себе приписывают происхождение. Времени же их существования, рассказывают, от первого царя их Таргитая до шестствия на них Дария прошло всего не более тысячи лет. Цари

их ниспадшее с неба золото почитают священным и сохраняют весьма тщательно, ежегодно собираясь для умиловлиения его великими жертвами. И кто в сие празднество, охраняя священное золото, уснет на открытом воздухе, тому, говорят скифы, жить останется не долее года; и для того дается ему земли столько, сколько в один день может он объехать на лошади. А как страна сия обширна, то Колаксаис учредил в ней для своих детей три царства, и одно из них сделал бoльшим всех, где и сохраняется золото. Далее же к северу от верхних обитателей Скифии не можно, сказывают, ни пройти, ни посмотреть, из-за всюду летающих перьев: сими перьями там наполнена и земля и воздух, так что зрение вовсе прегражается.

8. Так рассказывают сами скифы о себе и о стороне, за ними лежащей. Эллины же, обитающие на берегах Понта, повествуют другое. Они говорят, что Геракл, гоня волов Гериона, пришел некогда в сию землю, тогда необитаемую, а ныне населяемую скифами. Сей Герион обитал за морем на острове, называемом эллинами Эрифиею, что за Геракловыми столпами близ Гадира на Океане. Океан же, по словам их, начинает течение свое с Востока и обтекает всю землю, однако слов сих делом они не доказывают. Оттуда-то Геракл пришел в страну, ныне называемую Скифиею, где он, якобы захваченный непогодю и стужею, окутался львиною шкурою и уснул; между тем пасшиеся кобылы от его колесницы по божественному случаю исчезли. 9. Геракл, пробудившись, стал искать их и, прошед всю сию страну, прибыл наконец в так именуемую Гилейскую землю: там нашел он пещеру, а в пещере некое двустественное чудовище, полудеву и полузмею, у коей верхняя половина от чресел была женщины, а нижняя змеи. Удивленный сим видом Геракл спросил у нее, не видала ли она где заблудившихся кобылиц: и та отвечала, что они у нее, но она их не отдаст ему прежде, нежели он с нею преспит. Геракл за таковую мзду согласился на ее требование; однако ж она отложила отдачу кобылиц, желая удержать с собою Геракла как можно долее. Наконец, когда он хотел, взявши кобылиц, уйти, то она, отдавая их, сказала ему: «Этих кобылиц, зашедших сюда, я сберегла для тебя, и ты за то заплатил мне: я от тебя имею трех сыновей. Наставь же меня, что с ними делать, когда они вырастут: в здешней ли стране поселить их, коюю я одна обладаю, или отослать к тебе?» На таковой ее вопрос Геракл, сказывают, ответил: «Когда увидишь их возмужавшими, то не ошибешься, если поступишь так: кого из них

увидишь вот так натягивающим сей лук и вот так препоясывающимся сим поясом, того соделай обитателем твоей страны; кто ж из них требуемого мною исполнить не в силах будет, того вышли из сей страны. Поступив так, и сама будешь довольна, и мое повеление выполнишь». 10. С сими словами он натянул один свой лук (ибо дотеле у него было их два) и показал, как опоясываться поясом (а на конце его пряжки висела золотая чаша), и, передавши ей лук и пояс, удалился. Когда же родившиеся у нее дети возмужали, то она каждому из них дала имена, старшего назвавши Агафирсом, другого Гелоном, а младшего Скифом; а после сего, памятуя о наказе Геракловом, исполнила его. Двое из ее сыновей, Агафирс и Гелон, не в силах будучи совершить предложенного подвига, изгнаны были родительницею и покинули страну, а младший из них, Скиф, совершив оный, остался на месте. От сего-то Скифа, сына Гераклова, произошли цари, царствовавшие потом в Скифии, а от той чаши скифы сохранили обычай и ныне носить их на поясах. Сие единственно и сделала для Скифа его мать. Так повествуют эллины, обитающие при Понте.

11. Есть, впрочем, и еще один рассказ, с коим я более всего соглашаюсь. Говорят, что скифы-пастыри, обитавшие в Азии, быв оттуда во время войны с массагетами вытеснены, перешли через реку Аракс и пришли в землю киммерийскую, ибо киммериянам в древние времена принадлежала сия страна, ныне занимаемая скифами. Киммерияне пред нападающими скифами держали совет, так как неприятельское войско было велико. Мнения их разделились надвое, и оба были сильны, но сильнее было мнение царское. Мнение народа было то, чтоб удалиться и не подвергать себя опасности от превосходной силы; царское же мнение было принять войну за свою землю с нашествниками. И ни народ царям не хотел послушаться, ни цари народу: народ желал удалиться без битвы, оставив землю неприятелю, а цари полагали лучшим лечь мертвыми в своей земле, но не бежать кунно с народом, рассуждая, коликими наслаждались они благами и коликие постигнут их бедствия по оставлении отечества. По таким своим мнениям разделившись и будучи равны числом, вступили они между собою в сражение; и кто в той междоусобной войне погиб, тех киммерийский народ похоронил при реке Тире, где и ныне видна их могила, а по совершении погребения ушел из своей земли, так что скифы, напавши, получили ее совсем пустою. 12. И поныне в Скифии есть и стены Киммерийские, и переправа Киммерийская, и земля по имени Киммерия, и пролив,

называемый Боспором Киммерийским. Сами же киммерияне, по-видимому, бежав от скифов в Азию, заселили тот полуостров, на коем ныне находится эллинский город Синопа; скифы же, по-видимому, преследуя их и ворвавшись в землю мидян, заблудились: ибо киммерияне бежали, держась моря, скифы же гнались за ними, оставляя в правой стороне Кавказ, после чего и ворвались в мидийскую землю, будучи заведены дорогою вовнутрь страны. Таков сей третий рассказ, повествуемый эллинами сходно с иноземцами.

13. Равным образом и Аристей Проконнеский, сын Каистробия, поэт эпический, говорит, что он, обуйанный Фебом, пришел к исседонам, а над исседонами живут аримаспы, люди одноглазые, а над аримаспами — грифы-златохранители, а над теми гипербореи, смежные с морем. Все они, кроме лишь гипербореев, всегда ведут соседственные войны, начиная с аримаспов: аримаспы выгоняют из их земли исседонов, исседоны — скифов, скифы же теснят киммериян, обитающих у южного моря, и под таковым гнетом оные оставляют свою страну. Стало быть, и Аристей не согласен во мнении о сей стране со скифами.

14. Откуда родом был сей Аристей, повествующий об этом, я сказал уже; а какой рассказ о нем я слышал в Проконнесе и Кизике, сейчас скажу. Был сей Аристей гражданином, никому не уступавшим знатностию рода, и вот зашед в одну сукновальню в Проконнесе, сказывают, он умер; а валяльщик, заперши мастерскую, пошел известить о том сродников умершего. Но между тем как по городу распространился слух о кончине Аристеевой, с говорящими о сем завел спор один кизикийский гражданин, пришедший из города Артаки, утверждая, что он встретил Аристeya на пути в Кизик и сам с ним разговаривал. Спорил он настойчиво, и тогда сродники Аристеевы пришли в валяльню со всем потребным для взятия его тела, но, отворив оную, не нашли в ней Аристeya ни мертвого, ни живого. А на седьмом году после сего явился он в Проконнесе, написал эпическую поэму, ныне между эллинами называемую «Аримаспеею», и потом сокрылся вновь. Так рассказывают в названных мною городах. 15. А вот что, как известно мне, случилось у метапонтян в Италии через двести сорок лет после второго Аристеева появления (если сопоставить рассказываемое в Проконнесе и в Метапонте). Метапонтяне сказывают, что Аристей являлся им в стране их и велел соорудить Аполлону жертвенник, а близ него поставить изваяние с именем Аристeya Проконнесского: ибо, говорил он, к ним одним из всех италийцев

приходил некогда Аполлон, и сопровождал его он сам, ныне зовущийся Аристеем, но тогда, сопровождая бога, был он вороном. Сказав сие, Аристей исчез. Метапонтяне, говорят, послали в Дельфы спросить бога, что сие было за человеческое привидение; и пифия велела им тому привидению покорствоваться, и покорность их пойдет им на пользу. Посему они и исполнили оное требование; и поныне там стоит изваяние с именем Аристеевым близ самого кумира Аполлона, вокруг них лавровые деревья, а кумир воздвигнут на рыночной площади. Сего довольно об Аристее.

16. Что такое находится выше той страны, о коей начал я говорить, никто достоверно не знает: ибо я никого не могу найти, кто бы сказал, что был очевидцем того. Даже Аристей, о коем я только что говорил, сам не доходил далее исседонов, как сознается в собственных стихах своих, а лишь по слуху повествует о землях вышележащих, говоря, что слышал он сие от исседонов. Тем не менее мы предложим здесь все, что только можно было нам по слуху собрать достовернейшего.

17. Начиная от торжища Борисфенского, которое находится в самой середине приморских земель всей Скифии, первые живут каллипиды, кои суть элины-скифы, а выше их другой народ, алазонами именуемый. Они и каллипиды во всем прочем следуют обычаям скифов, кроме того, что сеют и едят хлеб, равно как лук, чеснок, чечевицу и просо. Выше алазонов живут скифы-пахари, кои сеют хлеб не для снеди, но на продажу. Выше их живут невры, от невров же к северу, сколько нам известно, земля безлюдна. Все сии народы живут на запад от Борисфена, по реке Гипанису.

18. На другой же стороне Борисфена первая от моря земля есть Гилея; выше оной обитают скифы-земледельцы, кои элины, живущие у реки Гипаниса и зовущие себя ольвиополитами, называют «борисфенскими». Из сих скифов-земледельцев одни расселяются к востоку на три дня пути, простираясь до реки Пантикапы, а другие к северу на одиннадцать дней плавания вверх по Борисфену. Выше их лежит страна большею частию безлюдная, за коею живут андрофаги, народ особливый, отнюдь не скифский. Выше же их безлюдье уже совершенное, и нет никакого народа, сколько нам известно.

19. К востоку от названных скифов-земледельцев, по ту сторону реки Пантикапы живут уже скифы-пастыри, ничего не сеющие и не пашущие; а вся страна сия безлесна, кроме Гилеи. Сии

пастыри расселяются к востоку на четырнадцать дней пути, простираясь к реке Герру.

20. За Герром находятся так называемые Царские земли, где живут благороднейшие и многочисленнейшие скифы, почитающие прочих скифов своими рабами. Расселяются они к югу до Таврики, к востоку до того рва, который прокопали рожденные от слепых, и до торжища при Меотийском озере, именуемого Кремнами, частью же прилежат к реке Танаису. Выше царских скифов к северу обитают меланхлены, народ чужой и не скифский; выше же меланхленов болота и безлюдье, насколько нам известно.

21. По ту сторону реки Танаиса земля уже не скифская, но первая из стран савроматов. Сей народ занимает землю от Меотийской впадины к северу на пятнадцать дней пути, всю лишенную как диких, так и садовых дерев. Выше сих савроматов во второй стране сей живут будины, населяющие землю, изобильную всяким лесом. 22. А повыше будинов к северу сперва простирается безлюдье на семь дней пути, далее же, поворота более к востоку, живут фиссагеты, народ многочисленный и особый, питающийся звериною ловлею. В смежности с ними в сих же самых местах живут так называемые ирки. Они также питаются звероловством, но особенным образом: охотник взлезает на дерево (их в сей стране везде довольно) и там притаивается, имея наготове лошадь, приученную лежать на брюхе для незаметности, и собаку; завидев же с дерева зверя, охотник стреляет в него из лука, вскакивает на коня и гонится за ним, а собака следит его. А еще выше сих народов к востоку живут другие скифы, отложившиеся от скифов царских и перешедшие в сии места.

23. До страны сих скифов вся описанная мною земля плоска и тучна; оттоле же идет каменистая и неровная. Если пройти великое пространство сей неровной земли, то у подошвы высоких гор, как сказывают, обитают люди, кои все от рождения плешивы, как мужчины, так и женщины, плосконосы и с большими подбородками; язык они употребляют особенный, а одежду скифскую. Питаются они древесными плодами. Дерево, коим они живут, называется «понтик», величиною оно почти со смоковницу, плод носит похожий на боб и имеющий ядро; когда сей плод созреет, то процеживают его сквозь ткань и вытекающий из плода густой и черный сок, называемый «асхи», лижут и пьют, смешав с молоком, а из отжимков делают лепешки и едят. Скота у них немного, потому что пажити здесь не хороши. Каждый из них живет под

деревом, зимою окутывая его плотным белым войлоком, а летом без войлока. Сим людям никто не делает обид, ибо они почитаются священными, да и воинских оружий не имеют; более того, они и соседей своих примиряют в несогласии, и кто в бегстве прибегнет к ним под защиту, тому никто не причиняет обиды; имя же сему народу — аргиппеи.

24. До страны сих плешивых и народов, впереди их живущих, земля достаточно известна. Ибо посещают их некоторые и из скифов, коих нетрудно выпросить, и из эллинов от борисфенского и других понтийских торжищ. Скифы же, посещающие сих людей, производят с ними дела посредством семи переводчиков на семи языках. 25. Доселе, стало быть, земля известна; но что находится выше сего плешивого народа, о сем никто ничего достоверного сказать не может, ибо путь туда пресечен высокими горами, коих никто не переходил. Плешивые же сии говорят, чему, впрочем, я не верю, будто на сих горах живут люди козьеногие, а прошед их, другие люди, которые спят по шесть месяцев, чего я и вовсе принять не могу.

Страна же, лежащая от аргиппеев на восток и обитаемая исседонами, известна достаточно; неизвестна лишь лежащая выше на север, кроме разве того, что о ней сказывают аргиппеи и исседоны. 26. Сами исседоны, говорят, имеют такие установления. Когда умрет у кого отец, то все сродники приводят к нему домашний скот, закаляют и изрубают в куски, а с ним изрубают и умершего родителя хозяинова. После сего все мяса перемешивают и предлагают на стол; голову же, оголив и вычистив, вызолачивают и употребляют как вещь священную, когда свершают великие годовые жертвоприношения, которые сын устраивает для отца, как эллины устраивают поминания. Впрочем же, исседоны почитаются народом справедливым; и женщины у них имеют власть, равную с мужчинами. Стало быть, и сей народ известен.

27. Выше сего народа, как сказывают сами исседоны, живут люди одноглазые и грифы-златохранители; от исседонов сей рассказ переняли скифы, а от скифов мы, и называем мы их по-скифски «аримаспами», ибо у скифов «арима» значит «один», а «спу» — «глаз».

28. Во всей описанной здесь стране бывает столь жестокая зима, что восемь месяцев продолжаются несносные морозы, и если прольешь воду, то грязи не будет, а если разожжешь огонь, то будет. Замерзает даже море и весь Боспор Киммерийский, так

что скифы, живущие по сию сторону рва, по льду ходят походами и ездят на повозках на ту сторону к скидам. Такова бывает здесь восемь месяцев зима, да и последние четыре месяца бывают холодны. Непогода сия гораздо различного свойства с теми, какие бывают в других странах. В дождливую пору там почти не бывает дождя, а летом идут дожди беспрестанно; и когда в других местах бывают громы, там их не бывает,—летом они бывают часто, зимою же если случится гром, то сие почитается чудом. Равным образом за чудо почитается, когда в Скифии случится землетрясение, летом ли или зимою. Притом зиму сию лошади переносят, а мулы и ослы никак не могут переносить, между тем как в других землях лошади, стоя на морозах, чахнут, а ослы и мулы их переносят.

29. Мне кажется, по сей причине там и порода быков родится комолая, без рогов. Мнение мое подтверждает и стих Гомеров в «Одиссее», в коем говорится:

В Ливии был, наконец, где рогатыми агнцы родятся,—

слова справедливые, ибо в жарких странах рога вырастают быстро, а где бывает сильная стужа, там они или не вырастают вовсе, или весьма мало. 30. В Скифии, стало быть, сие происходит от холода; а удивительнее для меня то (отступаю от рассказа, как дельвал сие с самого его начала), что и в Элиде по всей стране не могут родиться мулы, хотя страна не холодна, да и других причин тому не видно. Сами же элиядне сказывают, будто мулы не родятся у них от заклятия; и потому, когда наступит время случки, они отгоняют кобыл к соседям и припускают их к ослам в чужом поле, пока не обрюхатеют, а потом пригоняют их назад.

31. О перьях же, коиими, как сказывают скифы, наполнен воздух, и потому они-де не могут ни посмотреть, ни пройти выше по своей земле, мнение мое таково. За скифскою землею всегда идет снег, хотя летом и менее, конечно, чем зимою; а кто видел вблизи падающий густой снег, тот поймет меня, ибо снег весьма походит на перья. Из-за таковых-то зим северные места сего материка необитаемы; и таковой-то снег по причине схожести называют скифы и их соседы перьями. Вот что повествуется о сих отдаленнейших странах.

32. О гиперборейях же ничего не говорят ни скифы, ни другие там живущие народы, разве, может быть, исседоны; но и те, по-видимому, ничего не говорят, иначе говорили бы и скифы, как

говорят о людях одноглазых. А упоминает о гиперборейцах Гесиод, равно как и Гомер в «Эпиграмах», если поэма сия писана действительно Гомером.

33. Гораздо более о сем народе рассказывают обитатели Делоса. Они говорят, что есть некие священные приношения, обвязанные пшеничною соломою; от гипербореев они бывают передаваемы скифам, от скифов получают оные один за другим смежные народы, препровождая их к западу даже до Адриатического моря, отсюда посылаются они к югу, где первыми из эллинов получают их додоняне, от сих переходят к Малийскому заливу и перевозятся в Евбею, где из города в город следуют даже до Кариста, и отсюда каристянами, минуя Андрос, доставляются в Тенос, а теносцами в Делос: вот как, стало быть, сия святыня, сказывают, переходит в Делос. Впервые гиперборей с сими приношениями послали сюда двух дев, коих делийцы называют Гиперохою и Лаодикою, а при них для безопасности пять мужей из своих поселений, кои ныне весьма почитаются на Делосе под именем «перфереев». Но как посланные не возвратились назад, то гиперборей, беспокоясь, что и впредь посылаемых может постичь невозвращение, послали новые, обвязав их пшеничною соломою и донесши только до границ своей земли, а там наказав соседям переслать их далее к другому народу; чрез такуюю пересылку, сказывают, и пришли оные в Делос. (Нечто подобное сим жертвоприношениям знаю я и сам: фракийские и пеонийские женщины, принося жертву Артемиде Царской, также обвязывают пшеничною соломою свои приношения, и это мне известно доподлинно.)

34. В честь сих гиперборейских дев, скончавшихся на Делосе, остригают себе волосы как девицы, так и юноши делийские: первые перед свадьбою, обрезав себе прядь и обвинив ея веретено, полагают сие на их могилу (а могила та в святилище Артемиды, со входа по левую руку, и при ней растет маслина); так же и юноши делийские, перевив отрезанные волосы какою-то травою, полагают их на ту же могилу. Такова тем гиперборейкам почесть от жителей Делоса.

35. А еще на Делосе говорят, что прежде даже Гиперохи и Лаодики приходили в Делос чрез те же самые народы две другие гиперборейские девы, Арга и Опида, принося обетную дань Илифии за ускорение родов. Сии Арга и Опида приходили, говорят, вместе с самими божествами, почему и возданы были им особливые почести: женщины для них собирают подаяния, именуя

их обеих в гимне, сочиненном для них Оленом ликиянином (это отседе научились островитяне и ионяне призывать в гимнах Опиду и Аргу, собирая им подаяния; а сей Олен, пришед из Ликии, сочинил и другие старинные гимны, что поются на Делосе), а весь пепел сожженных на жертвеннике бедр воссыпают на гробницу Опиды и Арги, гробница же сия находится позади святилища Артемидина к востоку, близ самого кеосского подворья.

36. Сказанного о гиперборейях достаточно; ибо не считаю надобным повторять баснь об Абарисе, который, сказывают, тоже был гиперборей и со стрелою обходил всю землю, не вкушая пищи.

Впрочем, если уж есть гиперборей, люди «засеверные», то должны быть и гипернотии, люди «заюжные». Но смешно глядеть, сколь многие уже начерчивали обозрение земли, и никто не изъяснил его толковым образом: Океан они чертят обтекающим землю, землю — круглою, словно выточенная, и Азию делают равною Европе. Посему я в коротких словах покажу как величину каждой из сих частей, так и очертание.

37. Персы в Азии обитают у южного моря, называемого Черным; выше к северу от них живут мидяне, от мидян саспиры, от саспиров колхи, обитающие у северного моря, в которое впадает река Фасис: так сии четыре народа простираются от моря до моря. 38. К западу от сих народов протягиваются в море два мыса, каковые я и опишу. Первый мыс, начинаясь на севере от Фасиса, простирается в море по Понту и Геллеспону до троянского Сигея, а на юге, начинаясь от Мириандрского залива, что возле Финикии, простирается в море до оконечности Триопии; населяют сей мыс тридцать народов. Таков первый мыс. 39. Второй мыс, начинаясь от персов, простирается в Черное море: за персидским берегом здесь следует ассирийский, за ассирийским — аравийский, каковой и оканчивается (не по существу, но лишь условно) в том Аравийском заливе, к которому Дарий прокопал канал из Нила. Между персами и Финикиею лежит страна обширная и плоская; а от Финикии сей мыс идет вдоль нашего моря по Сирии Палестинской к Египту, где и оканчивается; населяют его только три народа. 40. Таково протяжение Азии к западу от персов. К востоку же от персов, мидян, саспиров и колхов простирается Черное море; а к северу — Каспийское море и река Аракс, текущая к восходу солнца. Обитаема Азия не далее Индии, а от нее к востоку лежит пустая степь, о коей никто не может сказать, какова она. Такова величина и вид Азии.

41. Ливия же находится на втором названном мною мысе, начинаясь тотчас от Египта. Причем у Египта мыс сей узок (ибо от нашего моря до Чермного здесь считается сто тысяч сажений, что составляет тысячу стадиев), далее же за сею горловиною находится край весьма пространный, который и называется Ливиею.

42. Удивляюсь тем, кои разделили и разграничили Ливию от Азии и Европы: между ними есть немалая разность. Ибо в длину Европа прилегает к обеим оным частям, в ширину же, как мне кажется, и сравниваема быть с ними не может.

В самом деле, Ливия очевидным образом отсюда обтекаема морями, кроме малого пространства, коим граничит она с Азиею. Первый открыл сие, сколько нам известно, Нехо, царь египетский: он, перестав копать канал из Нила в Аравийский залив, послал финикиян на кораблях, наказав им назад приплыть через Геракловы столпы в северное море и таким лишь образом возвратиться в Египет. Финикияне, отправившись из Чермного моря, поплыли по южному морю, а как наступала осень, они приставали к той части Ливии, до которой доплывали, делали на ней посевы и ожидали жатвы, а сжавши хлеб, опять продолжали плавание: таким образом по прошествии двух годов, в третьем году обогнув Геракловы столпы, прибыли они в Египет, и говорили (я тому не верю, а иной, быть может, и поверит), будто бы, огибая Ливию, они имели солнце по правую руку. Вот каковым образом была Ливия узвана в первый раз. 43. После же сего стали говорить о том и карфагеняне. Ибо Сатасп, сын Теаспа из рода Ахеменидов, хоть и был послан для совершения плавания вокруг Ливии, однако не успел в том, убоявшись как долготы плавания, так и пустыни морской, и не исполнил подвига, который мать на него возложила. Было так, что он изнасиловал девицу, дочь Зопира, сына Мегабизова, за каковое преступление царь Ксеркс хотел было распять его на кресте; но мать Сатаспа, сестра Дариева, просьбою своею казнь сию отклонила, сказавши, что наложит на него тяжчайшее наказание: принудит его совершить плавание вокруг Ливии так, чтобы по совершении оного возвратился он в Аравийский залив. Когда Ксеркс на то согласился, Сатасп, прибыв в Египет и взяв у египтян корабли и гребцов, поплыл к Геракловым столпам, а пройдя их и обогнув ливийский мыс, именуемый Солоент, пустился к югу. Но как плыл он по долгому морю долгие месяцы, а пути оставалось не меньше пройденного, то, поворотив назад, он вернулся в Египет. Отсюда отправившись к царю Ксерксу, рассказал

он, что в отдаленнейших местах плыл он мимо людей малорослых, одетых пальмовыми листьями, и когда приставал он к их берегу, они оставляли поселения и убегали в горы, он же, входя в те поселения, обиды им не причинял, а брал один только скот. А что не совершил он полного плавания вокруг Ливии, на сие представил он причину, будто корабль не мог идти далее, но остановился сам собою. Ксеркс, увидев, что он говорит неправду и не исполнил возложенного на него подвига, совершил над ним прежде назначенную казнь и распял его. У сего Сатаспа был евнух, который, как скоро услышал о смерти господина, тотчас бежал на Самос со множеством денег, но деньги сии у него ограбил один житель самосский, коего имя хотя я и знаю, но упоминать не хочу.

44. Что до Азии, то многие части ее открыты Дарием. Он, желая знать, где впадает в море река Инд, которая после Нила одна из всех рек питает крокодилов, послал на кораблях людей, коих почитал в состоянии узнать истину, и между ними Скилака, мужа из Карианды. Они, отправившись из города Каспатира в Пактийской области, поплыли по реке в море к востоку солнца, а затем, проплывши тем же морем к западу, на тридцатый месяц прибыли в ту страну, откуда египетский царь послал вокруг Ливии финикиян, о коих уже мною сказано. По совершении же сего плавания Дарий покорил индийцев своей власти и стал властвовать названным морем. Вот как стала известна вся Азия (кроме лишь восточной ее области) и открылось, что она окружена морем, как и Ливия.

45. О Европе же никем подлинно не узнано ни с востока, ни с севера, омывается ли она водою. Только известно то, что длиною своею она примыкает к Азии и Ливии. И я понять не могу, почему единой земле даны три различные названия по женским именам и почему границами по ней положены Нил, река египетская, и Фасис, река колхидская (вместо коего некоторые полагают Танаис, реку меотийскую, и пролив Киммерийский). Я не мог узнать даже имен тех, кои сделали сие разграничение, и отчего они дали сии проименования. Многие эллины уверяют, что Ливия получила название от Ливии, тамошней уроженки, Азия же от имени жены Прометеевой. Но лидяне последнее имя присвоивают себе, говоря, что Азия названа по имени Азия, сына Котиева, внука Манесова, а не по имени Азии Прометеевой; от сего-то Азия и племя в Сардах именуется Азиадами. О Европе же как никому не известно,

окружена ли она водою, так неизвестно и то, откуда получила она сие название и кто дал ей оное. Разве лишь можно сказать, что страна сия получила название от Европы, царевны Тирской, а дотолде была безымянною, как и прочие две части земли; однако ведомо, что сия царевна была родом из Азии и в ту землю, которую ныне эллины называют Европою, не вступала, а только из Финикии в Крит и из Крита в Ликию. Сказанного о сем довольно; впрочем, мы будем употреблять имена, всеми принятые.

46. Понт Евксинский, на который Дарий предпринимал поход, представляет вокруг себя народы, всех стран непросвещеннейшие, исключая лишь скифский: ибо по сию сторону Понта ни одного народа мы не можем предложить, мудростию известного, ни одного мужа, ученостию знаменитого, кроме народа скифского и царя Анахарсиса. Скифский народ одно важнейшее из человеческих дел придумал мудрее всех народов, какие мы знаем, после чего прочему я уже не удивляюсь. Сие важнейшее их изобретение в том, что никто напавший на них не может уже спастись и никто не может уловить их, если сами они не захотят быть настигнутыми. Ибо у кого нет ни городов, ни крепостей, где каждый носит свой дом с собою, где все суть конные стрелки, живут не плугом, а скотом, и жилища свои перевозят на телегах, как не быть тем непобедимыми и неприступными?

47. К изобретению сему способствовало им свойство как земли их, так и рек, по ней протекающих. Земля их ровная, изобилует пажитями и водами, а рек по ней протекает не менее, чем есть каналов в Египте. Я поименую из сих рек знаменитейшие и способнейшие к судоходству с моря. Таковы суть: Истр о пяти устьях, потом Тирас, Гипанис, Борисфен, Пантикапа, Гипакирис, Герр и Танаис. Они текут следующим образом.

48. Истр, величайшая из всех рек, нам известных, всегда одинаков в своем течении летом и зимою. Она первая в Скифии течет от запада и величайшею всех сделалась оттого, что в нее впадают и другие реки. Сии усиливающие ее реки суть пять текущих в Скифии: та, которую скифы называют Пората, а эллины Пирет, засим Тиарант, Арар, Напарис и Ордесс. Первая из названных рек велика, протекает к востоку и там сливает воды свои с Истром; вторая, именуемая Тиарантом, меньше и течет более к западу; Арар же, Напарис и Ордесс впадают в Истр, протекая промежду сих двух. 49. Таковы суть собственно скифские реки, кои Истр увеличивают. А от агафирсов истекает и сливается с Истром река

Марис. С вершин Гема текут в оную три другие большие реки, устремляясь на север, Атлант, Аврас и Тибисис; равным образом впадают в Истр и текущие через Фракию и фракийских кробизов Африс, Ноес и Атанес, и текущая от неонов и горы Родопы река Киос, пересекающая Гем посредине. Из Иллирии текущая к северу река Ангр, орошая поля трибаллийские, впадает в реку Бронг, а Бронг в Истр, так что обе сии большие реки приемлются Истром. Из страны, лежащей выше омбриков, впадают в него реки Карпис и Алпис, текущие к северу, — ибо Истр протекает по всей Европе, начиная от кельтов, кои в Европе ближе всех к западу солнца после кинетов, и протекши по всей Европе, втекает сбоку и в Скифию. 50. От сих-то рек и многих других, сливающих воды свои, река Истр и делается величайшею из всех. Только если сравнивать Истр сам по себе с Нилом, то Нил обилием вод явится превосходнее, ибо в Нил не впадает ни река, ни источник какой-либо, способствующий его многоводности. А что Истр одинаков в своем течении летом и зимою, тому, кажется мне, причина такова. Зимой он бывает в естественном своем состоянии или немного превышает оное: зимою в сей стране дождь бывает весьма скуден, а все покрыто снегом. Летом же снег, выпавший зимою в изобилии, растаивает и отсюда вливается в Истр; сей снег и купно частые и сильные дожди, кои там идут летом, реку увеличивают. Таким образом, чем более летом солнце притягивает воды из него, нежели зимою, тем более летом вливается оной в Истр, нежели зимою; и как друг против друга сии количества равны, то река сия кажется всегда одинаковою.

51. Таков Истр, одна из рек скифских. За ним следует Тирас, который течет от севера и выходит из великого озера, служащего границею между Скифиею и Невридою. При устье сей реки живут эллины, кои называются тиритами.

52. Третья река Гипанис начинает свое течение в Скифии и выходит из великого озера, около коего пасутся белые дикие лошади; озеро сие по справедливости называется «матерью Гипаниса». Из него истекая, Гипанис в первые пять дней плаванья мелок и воды его сладки, а потом на другие четыре дни пути к морю становятся весьма горьки, ибо в реку сию впадает горький источник, и горечь его такова, что при всей его малости он заражает всю реку Гипанис, немалую между малыми. Сей источник находится на границах скифов-пахарей и алазонов, а имя тому источнику и месту, откуда он течет, по-скифски «Эксампей», а на

эллиническом языке «Священные пути». Тирас и Гипанис в земле алазонской текут смежно между собою, но потом расходятся, и пространство между ними расширяется.

53. Четвертая река — Борисфен, которая после Истра есть величайшая и способствующая продовольствию, как я полагаю, более не только скифских, но и всех других рек, кроме египетского Нила, с коим никакой другой реки сравнить не можно. Из прочих же рек Борисфен есть самая способствующая продовольствию, ибо представляет лучшие и здоровые пажити для скота, доставляет в изобилии отличную рыбу, для питья приятна, будучи чиста среди мутных рек, посевы при ней бывают превосходны, а где земля не засеивается, там растет превысокая трава; при устье ее сама собою оседает соль в неисчерпаемом обилии, и водятся в ней огромные рыбы без костей, называемые «антакеями», коих солят; много есть там и другого, достойного удивления. До места, называемого Герром, к которому плыть должно сорок дней, она, как известно, течет от севера; выше же через какие земли протекает, никто сказать не может, несомненно лишь, что до скифов-земледельцев она течет через степь, а скифы сии живут на десять дней плавания вдоль нее. Одной только сей реки да Нила я не могу показать источников, да и никто другой из эллинов, видимо, не может. Приближаясь к морю, Борисфен смешивается с Гипанисом и впадает с ним в один и тот же залив. Находящийся между сими реками выступ называется Гипполаевым мысом, и на нем воздвигнуто капище Деметры, а за сим капищем по реке Гипанису живут борисфениты. О сих двух реках сказано достаточно.

54. Пятая после сих река Пантикапа течет также от севера и из озера, а между нею и Борисфеном обитают скифы-земледельцы; она притекает в Гилею, а миновав сию, смешивается с Борисфеном.

55. Шестая река Гипакирис, вышедши из озера, течет среди скифов-пастырей и впадает в море при городе Каркините, оставляя по правой стороне Гилею и так называемое «Ахиллово ристалище».

56. Седьмая река Герр отделяется от Борисфена в тех местах, где Борисфен становится известен, а отделяясь, получает имя самой сей страны, называемой Герры. Течет она в море, разделяя земли пастырей и царских скифов, но впадает в реку Гипакирис.

57. Восьмая река Танаис, которая с возвышенности истекает из великого озера, а впадает в еще величайшее, называемое Меотидою

и отделяющее скифов царских от савроматов. В сей Танаис впадет еще одна река, по имени Гиргис.

58. Вот какими скифы обладают знаменитейшими реками. Трава же, растущая в Скифии, умножает желчь в животных более всех трав, какие токмо нам известны; что сие справедливо, можно в том удостовериться, вскрывши животных.

59. Таковы суть величайшие выгоды, легко доступные скифам. Прочие же постановления и обычаи у них суть следующие.

Богам они поклоняются лишь вот каким: более всего Гестии, по ней Зевсу и Гее, почитая Гею женою Зевсовой, после них Аполлону с небесною Афродитою, Гераклу и Аресу. Сих богов почитают все скифы; царские же скифы приносят жертвы еще и Посидону. Веста по-скифски называется Табити, Зевс — Папаем (что, по моему мнению, весьма справедливо), Гея — Апиною, Аполлон — Это-сиром, небесная Афродита — Артимпасою, а Посидон — Фагимасадом. Кумиров, жертвенников и храмов они не имеют в обычае строить никому, кроме только Ареса.

60. Жертвоприношение же у всех скифов и по всем священным надобностям совершается одинаким и вот каким образом. Жертва стоит со спутанными передними ногами; жертвоприносите-ль, стоя позади ее, тянет за конец веревки и жертву опрокидывает; а как скоро она упадет, взывает к богу, коему приносит жертву, накидывает ей на шею петлю и, вложивши палку, повертывает, доколе животное не будет удушено. Огонь при сем не возжигается, предварительные обряды не учиняются и возлияния не совершаются. Удавив жертву и сняв с нее кожу, принимается он ее варить. 61. А как Скифия весьма скудна дровами, то народ сей выдумал следующий способ для варения мяса. Когда с жертвы снимут кожу, кости очищают от мяса; потом, если случатся у них своеземные котлы (видом весьма похожие на лесбийские чаши для растворения вина, только величиною гораздо более), то кладут в них мясо и варят, зажегши кости жертв; если же котла не случится, все мясо вкладывают в желудок жертвы и, перемешав оное с водою, зажигают кости, кои горят очень хорошо, а в желудках удобно помещается мясо, очищенное от костей. Таким-то образом вол или другая какая жертва варит сама себя. Когда же мясо сварится, жертвоприносите-ль воздает божеству начатки мяса и внутренностей, бросив их перед собою. Так приносят в жертву и других домашних животных, а особливо лошадей.

62. Таким образом и таковых животных скифы приносят в жертву всем богам, и лишь Аресу иначе. В царствах скифских по всем округам сооружаются святилища Аресу, и вот каким образом. Собираются связки прутьев в кучу на пространстве трех стадиев в длину и ширину, в высоту же поменее; наверху сей кучи устроивается четырехугольная площадь, коей три бока обрывисты, а с четвертого сделан сход; и каждый год насыпают новых полтораста возов прутьев, потому что они все время оседают от непогод. На каждом таком кургане водружается старинный железный меч, что и означает кумир Аресов. Мечу сему ежегодно приносят в жертву скот и лошадей, и сих приношений бывает гораздо больше, нежели другим богам. А когда возьмут неприятелей в плен, то приносят в жертву одного от каждой сотни, но не так, как приносят скотов: а возлив вино на головы людей, зарезывают их над сосудом, кровь их взносят на курган тех прутьев и льют ее на меч. И взнеся кровь наверх, внизу кургана делают вот что: у зарезанных людей отсекают правые плечи с руками и бросают оные на воздух — где рука упадет, там и остается, а туловище трупа лежит особо. А потом, зажавши остальные жертвы, уходят.

63. Таковы у скифов жертвоприношения. Свиной же приносить у них не в обычае, и даже разводить их в своей стране они не хотят.

64. Относительно же войны у скифов следующие обычаи. Повергнувши первого неприятеля, скиф пьет его кровь; и сколько ни убьет их на сражении, головы всех относит к царю, и принесший голову участвует в захваченной добыче, не принесший же не участвует. С тех голов он снимает кожу следующим образом: обрезает кругом около ушей и, взявши в руки, встряхивает; а потом, очистив от мяса бычьим ребром, мнет в руках, и когда она станет мягкой, то употребляет ее вместо утиральника, вешает на узде лошади, на которой ездит, и тщеславится ею. У кого таковых кожаных утиральников наиболее, тот и почитается нахрабрейшим. А из содранных кож многие делают себе спанчи, сшивая их паподобие кожуха; иные же, содрав кожу с правых рук убитых неприятелей, вместе с погтями, делают из них чехлы для колчанов; и та кожа человеческая толста, блестяща и всякую почти кожу превосходит белизною. Многие же сдирают кожу и с целого человека и, растянув ее на палках, возят с собою на лошадях. Таково у них обыкновение.

65. С сими же головами (не всех, впрочем, но самых ненавистнейших) поступают вот так: всю часть черепа ниже бровей отпиливают, череп вычищают, и кто беден, тот лишь снаружи обтягивает его воловьёю кожею, а кто богат, тот, обтянув его воловьёю кожею, еще и внутри вызолачивает, и затем употребляют его вместо чаши. Сие делают и со своими соотечественниками, если случится ссора и по суду царя один другому будет выдан головою. Когда же придет к скифу гость, коего он уважает, то он выставляет напоказ сии головы, приговаривая, что соотечественники сии вступили с ним в войну, но он одолел их; так они превозносятся сим храбрым подвигом. 66. А однажды в год каждый окружный старшина для своей округи растворяет полную чашу вина, которое пьют все, кто убивали врагов на войне, а кому сего не случилось, те вина не пьют, но сидят без всякой почести, что означает у них весьма великое бесчестие. Кто же убил очень много неприятелей, те имеют по две чары и пьют из них вместе.

67. Гадателей у скифов великое множество, а гадают они ивовыми прутьями так: приносят большие пучки сих прутьев, кладут их на землю, раскладывают порознь по одному и прорицают, а произносимое прорицания, вновь по одному собирают прутья в пучки. Сей способ гадания предан им от предков. А энраей-полумужчины сказывают, что их искусство гадания дано им самою Афродитою: гадают они на липовом мочале, которое раздирают натрое, перепутывают им пальцы и, разрывая, произносят предсказания.

68. Когда скифский царь занеможет, он призывает к себе трех знаменитейших гадателей, и они гадают сказанным образом, говоря по большей части, что такой-то и такой-то (называя его по имени) преступил клятву, данную богам царева очага; а клятва сия у скифов в обычае, когда хотят употребить величайшую божбу. Тотчас схватывается и приводится тот, о ком гадатели сказали, что преступил клятву, и они приведенного изобличают, что из гадания открывается он виновным в нарушении таковой клятвы, и оттого царь болен; а тот отпирается от клятвопреступления и крайне негодует. Царь на сие отпирательство призывает к себе других гадателей, вдвое больше против прежнего; и если и сии гаданием своим изобличат его в клятвопреступлении, то ему тотчас отсекают голову, а добро его разделяют между первыми гадателями; если же пришедшие оправдают его, то являются другие и еще другие, и коли большее число их присоединится к оправданию, то первые гадатели сами присуждаются к казни. 69. Казнь же их такова:

навалив воз прутьями и запрягши волов, заковывают гадателей в цепи, завязывают им назад руки, затыкают рот, ставят в середину прутьев и, поджегши их, гонят и пугают волов. Многие вола сгорают вместе с гадателями, а многие, обожженные, убегают, когда дышло их перегорит. Таким же образом сожигают гадателей и за другие вины, именуя их лжегадателями. И кого царь казнит, того и детей не оставляет в живых, но весь мужеский пол умерщвляет, женский же остается невредим.

70. Союзный клятвенный договор заключают скифы следующим образом. В большую глиняную чашу наливают вино и смешивают его с кровью заключающих договор, уколов им тело шилом или слегка надрезав ножом, а в ту чашу погружают меч, стрелы, бердыш и дротик, после чего произносят многие заклятия; и засим ту чашу выпивают как заключающие договор, так и достойнейшие из их сопроводителей.

71. Царские гробницы у них находятся в Геррах, в том месте, до коего можно плыть по Борисфену. Там, когда умрет у них царь, вырывают большую четырехугольную яму. Приготовив ее, принимают за тело, наващивают его, разрезают брюхо, вычищают, наполняют измельченным кипером, благовониями, семенем сельдерейным и анисовым, а потом зашивают и везут тело на колеснице к другому народу. Кто привезенное тело примет, делает то же, что и царские скифы: урезают себе ухо, остригают волосы, надсекают мышцы, исцарапывают лоб и ноздри, левую же руку прокалывают стрелами. Отсюда везут тело царево к другому народу, им подвластному, а те, к кому оно привезено было прежде, сопровождают его. Объехав с телом всех, привозят оное к Геррам, где средь последнего народа, подвластного скифам, находится место погребения. Тут полагают тело в склепе на соломенные подстилки и, водрузив по сторонам его копьа, сверху их кладут брусья и застилают тростниковыми плетенками. В остальном же пространстве склепа удущают и погребают одну из наложниц царевых, виночерпия, повара, конюшего, управителя, вестноосца, лошадей, первенцев прочего скота и золотые чаши, а серебра и меди они не употребляют. Совершив сие, все наперерыв засыпают могилу землю, стараясь сделать насыпь как можно выше.

72. По прошествии года совершают еще следующее. Из остальных царских служителей избирают наиспособнейших,— все они природные скифы, ибо у них прислуживают царю те, кому царь прикажет, а покупных служителей не бывает,— удавляют из них

пятьдесят человек, а с ними пятьдесят наилучших лошадей, вскрывают им тело, очищают внутренность, наполняют ее отрубями и зашивают. Потом на двух столбах, вкопанных в землю, крепят половину колеса ободом вниз, а другую половину на других двух столбах, и делают оных таким образом великое множество. После сего, насадив лошадей в длину на толстые колья до самых шей, взмачивают их на сии полуколеса, так что передние поддерживают плечи лошадей, а задние брюхо близ ляжек, ноги же висят, не доставая до земли; накидывают на лошадей узду и повода, кои протягивают вперед и привязывают к кольям; и засим тех пятьдесят удушенных юношей по одному сажают на лошадей следующим образом: в каждого вдоль спины втыкают прямой кол до горла, а нижнюю остальную часть кола втыкают в паз того кола, которым проткнута лошадь. Таковых-то всадников поставив при кургане в круг, скифы расходятся.

73. Таковым образом погребают царей. Прочих же скифов, когда умрут, ближайšie родичи возят в телегах по друзьям, из коих каждый угощает провожатых богатым пиром, предлагая и мертвецу отведать всего, что и другим. Так обвозят простого человека сорок дней, а потом погребают.

После же погребения очищаются скифы следующим образом: голову умащают и омывают, а для очищения тела делают вот что. Ставят три столба, один к другому склоненные, завешивают их войлоками, соединивши оные как можно плотнее, и в чап, поставленный посредине сего намета, бросают камень, раскаленный на огне.

74. Есть в сей стране конопля, весьма похожая на лен, только много толще и выше, а родится и сеется она сама собою; фракийцы из нее и платье делают, совсем как льняное, так что лишь хорошо сведущий распознать может, льняное ли оно или конопляное, а кто коноплю не видывал, тот почтет его льняным. 75. Сей-то конопля берет скифы семя и, влезши под звои наметы, бросают оное на раскаленные камни; а оно при сем испускает запах и издает столько пару, что никакая теплая мыльня в Элладе не может сие превзойти; скифы же, восхищаясь сим паром, поднимают крик. Это служит им вместо бани, ибо водою они вовсе не моют тела. Женщины же скифские лишь подливают воду к растираемому о жесткий камень кипарису, кедру и ладанному дереву, а потом густым сим составом обмазывают себе все тело и лицо. От сего получают они приятный запах и, обобрав на другой день с себя эту обмазку, делаются чистыми и блестящими.

76. И сии народы имеют сильное отвращение от иноземных обычаев, даже друг от друга не заимствуя их, а тем паче от эллинов, что и показали они на Анахарсисе, а потом на Скиле.

Сей Анахарсис, осмотрев многие страны и ознаменовав там великую мудрость свою, возвращался в скифские края. И вот, плывучи чрез Геллеспонт, пристал он в Кизике и застал там граждан совершающими великолепное празднество Матери богов; и он дал обет, коли жив и здоров возвратится в Скифию, принести Матери богов жертву таким же образом, как видел он у кизикийцев, и установить всеобщее служение. Прибыв в Скифию, Анахарсис удалился в Гилею: страна сия находится вблизи Ахиллова ристалища и вся покрыта всяческими деревьями. Здесь-то укрывшись, совершал Анахарсис весь обряд празднества сей богини, с тимпаном в руках и изображениями ее на шее. Некто из скифов, уследив его сие делающим, донес о том своему царю Савлию; тот пришел и, увидев сам Анахарсиса сие делающим, направил на него стрелу и убил его. И поныне, если кто у скифов спрашивает об Анахарсисе, они отвечают, что не знают такого, потому что он странствовал в Элладе и держался иноземных обычаев. Сей Анахарсис, как я слышал от Тимна, опекуна Ариапифова, был дядя по отце Иданфирса, царя скифского, сын Гнура, внук Лика, правнук Спаргапифа; если он действительно был из сего дома, да будет ведомо, что он умер от руки брата своего, ибо Иданфирс был сын Савлия, а убийцу Анахарсиса звали Савлием.

77. Правда, от пелопоннесян я слышал и другое повествование об Анахарсисе: будто он послан был от скифского царя в Элладу учиться, а возвратившись оттуда, сказал пославшему его, что все эллины, кроме лакедемонян, неутомимы во всяческой мудрости, но с одними лакедемонянами можно вести здравую беседу. Однако сия басня есть пустое измышление самих эллинов; Анахарсис же погиб, как сказано, за чужеземные свои установления и сношение с эллинами.

78. Спустя потом многие годы, подобным сему образом пострадал и Скил, сын Ариапифа. Был у скифского царя Ариапифа между прочими сыновьями сын Скил, родившийся не от туземки, но от истриянки, которая сама научила его эллинскому языку и наукам. По прошествии времени Ариапиф изменою убит был Спаргапифом, царем агафирсов; и Скил принял после него престол, а женился на одной из жен отца своего, по имени Опия, от которой у Ариапифа был сын Орик. Но и царствуя над скифами, Скил

никак не любил скифского образа жизни, а склонялся больше к эллинским обычаям по причине данного ему воспитания. Почему и поступал он таким образом: всякий раз, как ходил он с скифским войском в город борисфенитов (тех борисфенитов, кои называют себя милетянами), войско оставлял он в предместьи города, а сам входил в город, запирали ворота и, скинув с себя скифскую одежду, надевал эллинскую и в ней ходил по торжищу без оруженосцев и без всякого спутника, а у городских ворот ставил стражу, чтобы кто из скифов не увидел его в сем наряде; равным образом и в прочем он держался эллинских обычаев и богам приносил жертвы по уставам эллинов. Проведя там месяц или более, он возвращался назад, опять надевши скифское платье. Это делал он многократно, и даже дом себе построил на Борисфене и жену в него взял из тамошних уроженок.

79. Но поелику судьбою определено было ему погибнуть, то случилось сие следующим образом. Он пожелал посвятиться в таинства Диониса Вакха; но когда уже готовилось посвящение, то последовало величайшее чудо: был у него в городе борисфенитов, как недавно мною упомянуто, большой дом с богатым двором, вокруг которого поставлены были сфинксы и грифы из белого камня, и на этот-то дом бог пустил стрелу, и он весь сгорел. Несмотря на то, Скил свершил обряд посвящения своего. А надобно знать, что скифы вменяют эллинам в стыд их вакхические празднества, ибо, говорят они, неподобно измышлять такого бога, который приводил бы людей в бешенство. И вот, когда Скил посвятился Вакху, некто из борисфенитов обратился к скифам с такою насмешкою: «Вы, скифы, смеетесь над нами, что мы празднуем Вакху и что бог сей нас обурекает; но вот сей бог обуял и вашего царя, и он празднует Вакху и безумствует в боге; если мне не верите, ступайте за мною, я вам это покажу». Начальники скифские пошли за борисфенитом, и он тайно ввел их в терем; когда же явился Скил с хороводом и они его увидели празднующего Вакху, то пришли в великое негодование и, ушед, объявили виденное ими всему войску. 80. И когда после сего Скил возвратился во владения свои, то скифы восстали против него, избравши предводителем брата его Октамасада, что рожден был от дочери Тереевой. Скил, узнав о случившемся и о причине, почему сие сделалось, бежал во Фракию. Октамасад, о сем уведомясь, пошел на Фракию войною. Когда достиг он Истра, вышли ему навстречу фракияне и готовы уже были вступить в битву, как Ситалк послал сказать Октамасаду: «Что нам

испытывать счастье? Ты сын моей сестры; у тебя находится мой брат; отдай мне его, и я отдам тебе твоего Скила. Опасностям же войны не будем подвергать себя ни ты, ни я». Так объявил Ситалк через своего посланного; и в самом деле, у Октамасада находился брат Ситалка, бежавший от него. Октамасад одобрил предложение и, отдав Ситалку своего дядю по матери, получил от Ситалка брата своего Скила. И Ситалк удалился с братом, а Октамасад там же немедленно отрубил Скилу голову.

Вот как скифы защищают свои установления и наказуют тех, кои принимают иноземные обычаи.

81. О количестве скифского народа не мог я узнать ничего достоверного, а слышать о числе их приходилось различные речи: и о том, будто их весьма много, и о том, что настоящих скифов мало. Однако вот что показали они мне воочию. Между Борисфеном и Гипанисом есть место, называемое Эксампей, о коем я несколько прежде упомянул, сказав, что там находится источник горькой воды, от коей и Гипанис делается неудобен к питью. В сем-то месте лежит медный сосуд, величиною вшестеро больше смесительной чаши, Павсанием, сыном Клеомброта, посвященной Посидону при устье Понта. А кто не видал сего скифского сосуда, для тех опишу его: он легко вмещает в себе шестьсот ведер, а в толщину имеет шесть пальцев. Сей-то сосуд, как сказывают тамошние жители, сделан из остроконечий стрел: царь их по имени Ариант, желая знать число скифского народа, приказал, чтоб каждый скиф принес по одному остроконечию своей стрелы, а кто не принесет, тому грозил смертью; и как снесено было чрезвычайное множество остроконечий, то вздумалось ему из них оставить памятник; для того он и соорудил из них сей медный сосуд и поставил в Эксампее. Вот что слышал я о числе скифского народа.

82. В прочем же в сей стране нет ничего удивительного, кроме величайших рек и множества оных. Одна только вещь, кроме рек и обширности земли, достойна внимания: скифы показывают при реке Тирасе след ноги Геракловой, оттиспувшийся на камне и похожий на след человеческий, но величиною в два локтя. Итак, сказанного довольно; возвращаюсь к повествованию, к коему приступил я вначале.

83. Итак, Дарий, приготавлиаясь идти на скифов, разослал повеления собрать сухопутное войско, изготовить корабли, а на фракийском Боспоре построить мост. Артабан, сын Гистаспа и брат Дария, просил его отнюдь не предпринимать похода на скифов,

представляя крайнюю их бедность, но не могли убедить его добрым советом, наконец замолчал. И когда все было изготовлено, Дарий вывел войско свое из Суз.

84. Тогда-то некто из персов Эобаз, у коего было три сына, все взятые в поход, просил Дария оставить ему одного из них. Дарий отвечал, что, как другу своему и просящему малого, он оставит ему их всех. Эобаз тому обрадовался, уповая, что сыновья его уволены будут от похода; но Дарий приказал предстоявшим при нем всех сыновей Эобазовых умертвить: таковым-то образом остались они на месте мертвые.

85. Дарий же, выступив из Суз, прибыл в Калхедон на Боспоре, где наведен был мост. Тут взошед на корабль, поплыл он к Кианейским скалам, о коих сказывают эллины, что они прежде были бродячие. Там воссевши у храма, рассматривал он Понт, поистине достойный созерцания и всех морей удивительнейший. Длина его простирается на одиннадцать тысяч сто стадиев; ширина в самом широчайшем месте на три тысячи триста стадиев; устье же его, что называется Боспором и где наведен был мост, в ширину имеет четыре стадия, а в длину сто двадцать. Простирается сей Боспор к Пропонтиде; Пропонтида же, имея в ширину пятьсот стадиев, а в длину тысячу четыреста, впадает в Геллеспонт; Геллеспонта же ширина семь стадиев, а длина четыреста, и впадает он в зев моря, называемого Эгейским. 86. Измерение сие сделано следующим образом. Корабль в долгие дни совершает пути обычно почти семьдесят тысяч сажений, а в ночь шестьдесят тысяч. От устья же Понта до Фасиса (что составляет наибольшую длину Понта) считается девять дней и восемь ночей плавания, что составляет миллион сто десять тысяч сажений, а в них одиннадцать тысяч сто стадиев. А от Синдики до Фемискиры на реке Фермодонте (что составляет наибольшую ширину Понта) считается три дня и две ночи плавания, что дает триста тридцать тысяч сажений, или три тысячи триста стадиев. Вот как измерены мною Понт, Боспор и Геллеспонт, и величина их такова, как сказано. Сей Понт принимает в себя и озеро, в него изливающееся и немногим его меньшее, а называется оно Меотидою и Матерью Понта.

87. Дарий, насладившись обозрением Понта, поплыл назад к мосту, коего строителем был Мандрокл Самосский. Потом, обозревши и Боспор, поставил он на берегу его два столба из белого камня, из коих на одном ассирийскими, а на другом эллинскими буквами вырезаны были имена всех народов, коих вел он с собою, а вел он

всех, над коими властвовал. Число сего войска, не считая морского, простиралось до семисот тысяч с конницею, кораблей же собрано было шестьсот. Столбы сии в последствии времени перенесли в свой город византияне и употребили на жертвенник Артемиды Орфосии, кроме лишь одного камня, который остался у храма Вакхова в Византии, покрытый ассирийскими письменами. Место же, на коем царь Дарий навел мост, представляется по соображениям моим на середине пути между городом Византием и храмом, что при устье Боспора.

88. Потом Дарий, оставшись доволен постройкою, одарил строителя ее Мандрокла Самосского десятикратными дарами; а Мандрокл от начатков сих даров посвятил во храм Геры картину, на коей изображен был Боспорский мост, царь Дарий, сидящий на престоле, и войско его, переходящее через мост, с таковою надписью:

На многорыбном Боспоре поставивши мост, посвятил я
Память об этом труде Гере, самосец Мандрокл:
В нем мне победный венок, а самосцам великая слава,
Ибо угодно мое Дарию дело царю.

Таков был памятник, оставленный строителем моста.

89. Дарий же, одаривши Мандрокла, перешел в Европу, а ионянам указал плыть в Понт до реки Истра, пришед же к Истру, там его дожидаться, а на Истре выстроить мост. Корабли его вели ионяне, эоляне и гелеспонтские эллины; морское это войско, проплыв между Кианейских скал, направилось прямо к Истру, а взойдя по сей реке на два дня плавания от моря до той речной горловины, откуда она разделяется на разные рукава, стало там наводить мост.

Дарий же, перешед Боспор через мост, продолжал свой путь по Фракии, пока не пришел к источникам реки Теара, где стал станом на три дня. 90. Сей Теар, как утверждают окрестные обитатели, есть наиболее полезная река как для исцеления других болезней, так наипаче от чесотки на людях и лошадях. Она имеет тридцать восемь источников, из одной скалы истекающих, из коих одни холодны, другие теплы. До сих источников равный путь как из города Герейя, что близ Перинфа, так и из Аполлонии, что на Евксинском Понте: каждый совершается в два дня. А впадает сей Теар в реку Контадесд, Контадесд в Агриан, Агриан в Гебр, а Гебр в море при городе Эносе. 91. До сей-то достигнув реки и остав-

письм ею доволен, Дарий, стоя станом, повелел и там поставить столб с надписью, гласящею: «Источники реки Теара изливают воду отличнейшую и превосходнейшую всех рек, и к сим источникам пришел ведущий войско на скифов муж отличнейший и превосходнейший всех людей, Дарий, сын Гистаспов, царь персов и всей матерой земли». Такова была та надпись.

92. Дарий же, выступив отсюда, прибыл к другой реке, по имени Артиск, протекающей через страну одрисов. Пришед к сей реке, он сделал следующее: показав войску некоторое место, велел каждому воину, проходя мимо оною, положить на нем по одному камню. Когда войско исполнило сие, из камней составились огромные кучи, Дарий же, оставив их, повел войско далее.

93. Не дошед еще до Истра, он прежде всех покорил своей власти гетов, почитающих себя бессмертными. Ибо и фракийцы салмидесские, и живущие над городами Аполлониею и Месембриею скирмиады и пипсеи предали себя Дарию без битвы, и только геты, по неведению своему сопротивляясь, тотчас были поработаны.

Народ сей почитается из всех фракийцев благороднейшим и правосуднейшим. 94. Бессмертными же называют они себя потому, что думают, будто не умирают, а отходят отселе к божеству Салмоксису, коего некоторые из них почитают за единого с Гебелейзисом. Через каждые пять лет они посылают к Салмоксису по жребию промеж себя посла, наказывая ему каждый о своей потребности. А посла отправляют вот как: одни становятся в ряд, имея по три дрота в руках, другие же, взявши посылаемого к Салмоксису за руки и за ноги и раскачавши его, бросают с воздуха на копья; если сей пронзенный умрет, они почитают сие знаком благоволения к ним сего бога, если же не умрет, винят в том самого посланного, называя его дурным человеком, и по таковом обвинении посылают другого, дав ему наказы, пока он жив. Сии же самые фракийцы имеют обычай и на гром и молнию стрелять из лука вверх к небу, угрожая богу, потому что они другого бога не признают, кроме своего.

95. А сей Салмоксис, как я слышал от эллинов, живущих при Геллеспонте и Понте, был человеком и притом рабом на Самосе, и не у кого иного как Пифагора, сына Мнесархова; отпущенный им на волю, он нажил много денег и с теми деньгами возвратился в свою отчизну. А как фракийцы жили в бедности и скудоумии, то Салмоксис, уздав образ жизни ионийский и приобрев чрез

обращение свое с эллинами и с пе последним между ними мудрецом Пифагором нравы вежественнейшие, нежели у фракийцев, устроил там мужской дом, в который приглашал первейших граждан и, угощая их, учил, что ни он-де, ни сопиршественики его, ни потомки их даже отдаленнейшие не умрут, а отыдут в такое место, где вековечно будут наслаждаться всеми благами. Между тем в здании, в коем он делал сии собрания и речи, приготавлиал он подземную хранину, когда же та хранина была окончена, исчез со взора фракийцев. Сошедши в подземную свою обитель, провел он там три года, и фракийцы сетовали и плакали о нем, как об умершем; в четвертый же год он паки явился фракийцам, и таким образом уверовали они в Салмоксисовы речи. Вот что рассказывают о делах его. 96. Я же повествуемому о сей подземной хранине ни не верю, ни слишком доверяю, да и думается мне, что сей Салмоксис был многими годами прежде Пифагора; впрочем, был ли он человек или какой отечественный бог у гетов, довольно о нем.

97. Таковы-то были обычаи у гетов в то время, как были они покорены персами и принуждены следовать за войском их.

Дарий же, пришел к Истру купно со своим сухопутным войском, по переходе всего одного через реку повелел ионянам мост разрушить и следовать за ним сухим путем, и морскому войску также. Ионяне готовы уже были исполнить повеленное и разрушить мост, как митиленский воевода Коас, сын Эрксандров, спросив прежде у Дария, примет ли он благосклонно совет от желающего дать оный, сказал ему так: «Государь! ты предприемлешь поход в такую землю, в коей не представится ни вспаханных полей, ни обитаемого города. Так оставь же сей мост на своем месте, а стражу при нем поручи тем, кои построили его. Сии образом, удастся ли нам найти скифов, готов будет для нас возврат; равно и не удастся ли найти их, также возврат будет нам безопасен. Я нимало не опасуюсь того, чтобы мы побеждены были скифами на сражении, но боюсь, не потерпеть бы нам в скитаниях, когда не сможем их найти. Может быть, кто-нибудь скажет, что я говорю сие ради себя, дабы здесь остаться; нет, государь, я предлагаю мнение, какое считаю полезнейшим для себя, сам же здесь остаться не хочу и последую за тобою».

Мнение сие Дарию весьма понравилось, и он отвечал ему следующее: «Гость лесбийский! когда я возвращусь в дом свой здоровым, непременно явись ко мне, дабы я мог воздать благодарениями

своими за благоуещание твое». 98. Сказав же сие, он завязал на ремне шестьдесят узлов, а потом, призвав к себе властителей ионийских, обратился к ним так: «Мужи ионяне! прежнее свое намерение о мосте я оставляю. Вот вам ремень; возьмите его и делайте так. Как скоро я отсюда отправлюсь на скифов, с сего времени еждневно развязывайте по одному узлу сего ремня. Если за толикое время я не возвращусь, а пройдет столько дней, сколько узлов, то отплывайте в свое отечество. До того же времени по сему решению моему охраняйте мост со всевозможным старанием о сбережении и защищении его, и тем вы окажете мне великую услугу». Сказав сие, Дарий немедленно пошел далее.

99. Перед скифскою землею в море выступает Фракия, а где оканчивается лежащий за нею залив, там начинается Скифия и через нее протекает Истр, обративши устье на восток. А за Истром как лежит скифская земля вдоль моря, я означу с тем, чтобы сделать ее измерение. Тотчас за Истром находится исконная Скифия, обращена на юг и простирается до города, именуемого Каркинитидою. За нею следом страна при том же море, гористая и вдавшаяся в Понт, населена народом таврическим вплоть до самого Херсонеса Скалистого и обращена к морю на восток — ибо Скифия, подобно Аттике, выходит к морю с двух сторон, одною на юге, другою на востоке, а тавры обитают в Скифии так, как если бы в Аттике Сунийский мыс от Форики до Анафлиста, где он далее всего вдается в море, населял не афинский, а иной народ; говорю сие, насколько можно малое сравнить с большим. Такова есть Таврика; а для тех, кто не плывал сею частью Аттики, я представлю другое сравнение: так, как если бы на мысе Иапигийском жили не иапиги, а иной народ, отделяясь по черте от Брентесийской гавани до Таранта. К сим двум сравнениям присовокупить можно было бы много других, также представляющих вид Таврики. 100. За сею-то Таврикою вновь обретаются скифы, занимая землю, лежащую выше тавров и простирающуюся к морю на восток до западного берега Боспора Киммерийского, Меотического озера и реки Танаиса, что впадает в дальний угол сего озера. А за Истром вверх от моря простираясь во внутренность земель, Скифия граничит сперва с агафирсами, потом с неврами, потом с андрофагами и, наконец, с меланхленами.

101. Таким образом, Скифия имеет вид четверугольника, две стороны коего примыкают к морю, и стороны его все равны, ибо сколько он простирается во внутренность земель, столько и вдоль

моря: как от Истра к Борисфену десять дней пути, а от Борисфена к Меотийскому озеру еще десять, так от моря во внутренность земель к меланхленам, живущим выше скифов, двадцать дней пути. Путь дневной я полагаю в двести стадиев; итак, поперечные бока Скифии содержат в себе четыре тысячи стадиев, и прямые, идущие во внутренность земель, заключают столько же. Таково пространство сей земли.

102. Скифы меж тем, рассудив между собою, что они одни не в состоянии на открытом поле сражения отразить войско Дария, послали к своим соседям гонцов, и цари соседственные собрались на совет, угрожаемы нашествием великой силы. Цари сии были: тавров, агафирсов, невров, андрофагов, меланхленов, гелонов, будинов и савроматов.

103. Тавры меж сими народами имеют такие установления. Всех претерпевших кораблекрушение или захваченных в море эллинов они предают в жертву Деве, исполняя сие следующим образом: по совершении обрядов поражают человека в голову дубиною, а засим, одни говорят, голову натыкают на кол, тело же сбрасывают вниз с крутизны, ибо святилище их стоит на крутизне, другие же говорят о голове то же самое, а о теле, что его не сбрасывают с крутизны, а зарывают в землю. Богиня же, коей приносят сии жертвы, есть, как говорят сами тавры, Ифигения, дочь Агамемнонова. С неприятелями, взятыми на войне, поступают следующим образом: каждый, отсеки голову, приносит ее домой, натыкает на большой кол и ставит сколь можно выше над домом, обыкновенно над дымовую трубою,— говорят, что они так высоко подняты, чтобы быть стражами всего дома. Живет сей народ грабежом и войною.

104. Агафирсы, напротив, суть народ весьма изнеженный и приверженный к украшениям из золота. Жены у них общие для того, чтобы быть братьями друг другу и, будучи в общем родстве, не иметь между собою ни зависти, ни вражды. В прочих же установлениях они походят на фракийцев.

105. Невры держатся установлений скифских. Одним коленом прежде Дариева похода они принуждены были оставить страну свою из-за змей, ибо явилось в ней великое множество змей, коих большая часть напозла к ним из верхних степных мест; теснимые сими, они вовсе оставили свою землю и поселились между будинами. Невры почитаются волшебниками: скифы и эллины, обитающие в Скифии, говорят, будто каждый из невров на несколько

дней во всякий год обращается в волка, а потом опять получает прежний образ. Рассказывающие сие не могут меня в том уверить, однако же так говорят, и притом клятвенно.

106. Андрофаги из всех народов имеют нравы лютейшие, не признавая никакой правоты и никакого закона. Они суть кочевники, одежду носят подобную скифской, язык имеют особливый и один из сих народов питаются человеческим мясом.

107. Меланхлены все носят черные ризы, отчего и получили название свое, обыкновения же у них скифские.

108. Будины суть народ великий и многочисленный, голубоглазый и красноволосый. У них есть город деревянный, по имени Гелон, стена его с каждой стороны имеет в длину тридцать стадиев, а сама высока и вся деревянная, и дома в нем деревянные, и святилища: ибо есть там и святилища эллинских богов, по эллинскому обычаю имеющие изваяния, жертвенники и храмы деревянные; они чрез каждые три года празднуют Дионису и справляют вакханалии. Ибо гелоны по происхождению своему суть эллины, изгнанные из торжищ своих и поселившиеся у будинов; язык у них частию скифский, частию же эллинский. 109. Равно и образом жизни гелоны с будинами не схожи: будины, будучи природными тамошними жителями, суть народ кочующий и один из всех народов страны сей едят вшей; гелоны же возделывают землю, едят хлеб, имеют сады и нимало не походят на будинов ни образом своим, ни цветом лица. Однако эллины и будинов называют гелонами, хотя неправильно. Земля их обилует густыми лесами всякого рода, а в густейшем лесу находится озеро большое и глубокое с болотом и тростником вокруг него, и в том озере ловятся выдры, бобры и другие звери с квадратными мордами, конх шкурами опушаются кожухи, а яички полезны против маточной немочи.

110. О савроматах же повествуют следующее. Когда эллины вели войну с амазонками, которых скифы называют «эорпатами», что по-эллински значит «людоубийцы», ибо «эор» означает «мужчина», а «пата» — убивать, тогда, говорят, эллины, одержав над ними победу при Фермодонте, отплыли на трех судах в свою землю, взяв с собою амазонок столько, сколько могли. Но те на середине моря напали на мужчин и всех перебили; поелику же кораблей они не знали и ни кормилами, ни парусами, ни веслами владеть не умели, то, перебив мужчин, предались на волю волнам и ветру, и принесло их в Кремны на Меотическом озере, а сии

Кремны находятся в земле скифов свободных. Там вышедши с кораблей, амазонки пустились пешие искать жилых мест, а как прежде всего встретился с ними табун лошадей, они тотчас его схватили и верхами стали грабить скифскую землю.

111. Скифы сего происшествия не могли понять, ибо не знали ни языка, ни одежды, ни народа их и удивлялись, откуда они взялись. Полагая их мужчинами одного с собою возраста, они вступили с амазонками в сражение, и на том сражении завладевши трупами их, узнали, что то были женщины. И тогда советом порешили они с того времени отнюдь не убивать их, но послать против них самых молодых людей своих, числом столько же, сколько было примерно амазонок; сим посланным велено было стать станом как можно ближе к ним и делать то же, что они, и если те на них погонятся, то в битву не вступать, а убежать прочь, когда же гнаться перестанут, то подойти опять и стать станом. Порешили так скифы потому, что желали от сих женщин иметь детей.

112. Отправленные юноши исполнили повеление. И как амазонки заметили, что они пришли не с дурным намерением, то оставили их в покое, и каждый день стан к стану приближался все более. У сих юношей, равно и у амазонок, ничего больше не было, кроме оружия и лошадей, а потому продовольствовались они, подобно амазонкам, звериною ловлею и грабежом. 113. А в полуденное время обыкновенно амазонки по одной или по две расходились для некоторых естественных нужд, и, заметив это, стали то же делать и скифы. И вот один из них, усмотрев одну из амазонок, удалившуюся от прочих, подошел к ней поближе, и она не оттолкнула его, а позволила владеть собою. Потом, не могши говорить с ним, потому что они не могли друг друга понимать, она сделала знак рукою, чтобы юноша на другой день пришел на то же место и привел бы с собою другого, дав понять, что и она приведет с собою другую, и их будет две. Юноша, возвратясь к своим товарищам, рассказал им сие происшествие, а на другой день пошел на прежнее место, взяв с собою другого, и нашел там амазонку, ожидающую его с подругою. Прочие товарищи, узнав о сем, таковым же образом укротили и прочих амазонок. 114. После же сего, соединив два стана, они стали жить вместе, оставив каждый у себя женою ту, с кою соединился первый; языку жен своих мужья не могли научиться, жены же переняли язык мужей.

Когда же они стали понимать друг друга, скифы амазонкам сказали вот что: «У нас есть родители, есть и имущества; перестанем же вести такую жизнь, как ведем теперь, а пойдем жить в людство. Женами нашими вы останетесь, и других у нас не будет». Амазонки на сие отвечали так: «Мы с вашими женщинами жить не можем, ибо у нас не одинакие с ними обычаи. Мы занимаемся луком, стрелами, лошадьми, а женским работам не учились; у вас же ничего сказанного женщины не делают, а делают работы женские, сидя в своих повозках, на звериную охоту не ходят, ни куда бы то ни было. Посему мы свыкнуты с ними не можем. Но если хотите нас иметь своими женами и показать справедливость, то пойдите к своим родителям, выпросите долю их имуществ, и будем жить сами собою». 115. Юноши послушались их и сделали так. Когда же, получив причитающуюся им часть имения, возвратились они к амазонкам, женщины сказали им так: «Нас берет великий страх, что мы должны жить в этом месте: как потому, что лишили вас отцов, так и потому, что много ограбили землю вашу. Но если хотите иметь нас своими женами, сделайте с нами вот что: оставим эту землю, перейдем за реку Танаис и там поселимся». 116. Молодые люди и на сие согласились. А как перешли они Танаис, то шли от Танаиса к востоку три дня и от Меотического озера к северу тоже три и, дошедши до того места, в коем живут ныне, там поселились.

С того-то времени и сохраняют жены савроматские древний образ жизни, ездят на охоту на лошадях с мужьями и без них, ходят на войну и носят с мужьями одинаковое платье. 117. Язык савроматы употребляют скифский, но с погрешностями, вкравшимися в оный исстари, потому что амазонки не довольно ему выучились. В брачных же обыкновениях у них наблюдается следующее: ни одна девица не выходит замуж, пока не убьет неприятеля, так что некоторые из них стареются и умирают безбрачными, не могши выполнить сего закона.

118. Сих-то вышеупомянутых народов к царям пришли в собрание скифские поверенные. Они сказали, что перс, как известись они, покорив своей власти все на одной части материка и наведя мост чрез горловину Боспорскую, перешел в нашу часть оно-го, а перейдя, покорил фракийцев, навел мост и через Истр и желает покорить всю страну, лежащую за сею рекою. «Посему, — присовокупили они, — не оставайтесь в стороне, взирая на гибель нашу, но в единодушии восстанемте противу нашественника. Если

вы сего не сделаете, то мы, теснимые, или принуждены будем оставить страну сию, или, в ней оставшись, заключить со врагом мир,— ибо что иное нам делать без вашей помощи? Но вам оттого не лучше будет, ибо перс идет столько же на вас, как и на нас: покоривши нас, он не оставит вас в покое. На сие мы предложим вам важное доказательство. Если бы перс поднял оружие на нас одних, желая отмстить за прежнее рабство, то ему следовало бы, оставив в покое прочие народы, прямо идти на нашу землю, так и объявив всем, что идет на скифов, а не на кого другого. Он же, как скоро перешел на сей материк, непрерывно покоряет себе всех, кого ни встретит, и под ним уже как прочие фракийцы, так и нам соседственные геты».

119. По изложении сего скифами, цари, пришедшие от выше именованных народов, вошли по сему делу в рассуждение, и мнения их разделились. Гелон, будин и савромат единодушно объявили желание вспомоществовать скифам; агафирс же, невр, андрофаг, а также цари меланхленов и тавров ответствовали скифам следующее: «Если бы вы прежде не обидели персов и не начали бы с ними войны, то мы справедливым почли бы то, о чем вы просите и говорите, и, послушавшись, пристали бы к вашему делу. Но вы без нас ворвались в их землю и владели персами столько, сколько бог вам позволил, и вот ныне, возбужденные тем же богом, они воздают вам равную мерю. Мы же ни тогда сего народа ничем не обидели, ни ныне первые обидеть его не намерены; ежели неприятель нападет и на нас, начав обиду, мы сего покорно не примем, но доколе сего не увидим, будем сидеть дома, ибо полагаем, что не на нас идут персы, а на тех, кто был им обидчиком».

120. Когда решение сие дошло до скифов, то положили они, не имея от соседей помощи, на открытое поле сражения против неприятеля не выходить, но, отступя во внутренность страны своей вместе со скотом, везде за собою засыпать колодцы и источники, а на лугах изводить всю траву, самим же разделиться на три части. Одной из сих частей, над коею начальствовал царь Скопасис, присоединя савроматов, отступать с ними прямо к Танансу и Меотийскому озеру, коли перс туда обратится, а когда он повернет назад, то наступать и гнать его; таково было направление, назначенное одной из частей скифского подданства. Две же другие части, из коих большею предводительствовал Иданфирс, а третью Таксакис, соединясь между собою и приняв к себе гелонов

и будинов, также должны, одним днем пути опережая персов, удалиться от них и делать все указанное: сперва направиться прямо в земли тех, кто отказал им в помощи, дабы и к тем внести войну и добровольно не пожелавших поневоле принудить к войне с персами, а потом, воротясь к себе, ударить на неприятеля, если таково будет решение.

121. После таких распоряжений скифы вышли навстречу Дарию, отрядив вперед самых наилучших всадников. Повозки же, в коих жили их дети и жены, равно и весь скот, кроме нужного для их продовольствия, отправили прочь, наказав им ехать все время к северу: таково было их выступление.

122. Первые скифские наездники нашли персов в расстоянии от Истра на три дня, и как нашли, то стали станом в расстоянии от них на один день и стали истреблять все, что производит земля. Персы, лишь только увидели скифскую конницу, тотчас бросились по следам ее, но она беспрестанно отступала. Потом, направив путь свой на одну из частей скифского войска, персы погнались за ней к востоку и к Танаису, и когда те перешли Танаис, то и персы последовали за ними; наконец, перейдя страну савроматов, вступили они в страну будинов.

123. Доколе персы шли землею скифскою и савроматскою, доколе ничего не находили, что бы можно было разорить, так как страны сии были бесплодны. Когда же вторглись они в страну будинов, то попался им деревянный город, оставленный будинами, в коем были пустые лишь стены, и они его сожгли. Сделавши сие, они пошли далее по следам скифов и, перешед страну будинов, пришли наконец в совершенную пустыню. Сия никем из людей не обитаемая пустыня лежит выше страны будинов и простирается на семь дней пути, а за сею пустынею живут фиссагеты, из земли коих вытекают четыре большие реки, впадающие в озеро Меотийское, имена же сих рек: Лик, Оар, Танаис и Сиргис.

124. Дарий, пришед в сию пустыню, остановил погоню и поставил войско при реке Оаре; сделав так, построил он восемь больших укреплений в равном расстоянии около шестидесяти стадий одно от другого, коих развалины сохранялись еще и в мое время. Между тем, как он сим занимался, преследуемые им скифы, обошедши верхние места, возвратились в Скифию. И как они вовсе исчезли из виду и более не показывались, то Дарий, оставив работы тех укреплений в половине, сам поворотил оттоле к западу, полагая, что иных скифов в стране нет, а сии бегут на запад.

125. Но погнавши войско свое с величайшею быстротою и вновь пришед в Скифию, Дарий встретил здесь другие две части скифов и погнался за ними, державшимися от него все время на один день вперед. И как он не переставал в сей погоне, то скифы по принятому решению своему побежали в земли народов, отказавшихся им вспомоществовать: прежде всего в землю меланхленов; приведя их в смятение своим и персов вторжением, скифы двинулись к андрофагам; смутив и сих, отступили к неврам; а погнавши смуту и здесь, побежали к агафирсам. Сии последние, видя соседей своих бегущими и смущенными от скифов, упредили вторжение скифское, выслав вестника сказать скифам, чтобы те не вступали в их пределы, не то прежде они должны будут сражаться с ними; и за таковым предварением выступили к границам своим в намерении противустать нашествующим. Между тем меланхлены, андрофаги и невры по вторжении персов и скифов в их земли, не положась на оружие и забыв угрозы свои, в смятении бежали в степь все далее к северу. К агафирсам же скифы, по возбранении им сего, не вошли, а возвратились чрез неврийскую землю опять в свою страну, уводя за собою персов.

126. Поелику же прошло много времени в преследовании скифов и не видно было конца оному, то Дарий послал всадника сказать скифскому царю Иданфирсу: «Странный человек! для чего ты беспрестанно бежишь, когда можешь избрать одно из двух? Если считаешь себя в состоянии противиться моим силам, то перестань блуждать, остановись и сразись со мною; если же признаешь себя слабейшим, то тем паче перестань бежать и, принеся в дар властителю своему землю и воду, вступи с ним в переговоры».

127. На сие скифский царь Иданфирс отвечал так: «Вот я каков, перс: никогда ни пред кем ни прежде в страхе не бежал я, ни теперь не бегу; ничего не делаю я ныне нового и иного, чем обычно и в мирное время. А почему я не вдруг сражаюсь с тобою, и то объясню тебе. Ни городов у нас нет, ни земли возделанной, конх взятия или разорения опасаясь, должны были бы мы спешить к сражению с вами; если же это вам поспешить нужно во что бы то ни стало, то есть у нас отеческие могилы, отыщите же их, отважьтесь потревожить, и тогда узнаете, пойдем ли мы за них на битву или нет; а прежде того мы не вступим в бой, доколе сами не рассудим. И сего довольно о сражении. Властителями же я своими признаю одного Зевеса, моего прародителя, да Гестию, царицу скифскую; а дарами я тебе пошлю не землю и воду, но то,

чего ты заслуживаешь; а что ты назвал себя моим владыкою, за то заплатишь слезами!» Такова скифская речь; и гонец отправился с сим ответом к Дарию.

128. Скифские же цари, услышав имя рабства, исполнились гнева; посему ту из частей войска своего, с которою были савроматы и над коею начальствовал Скопасис, посылают они для переговоров с теми ионянами, кои охраняли мост на Истре; оставшиеся же решают более не позволять персам скитаться за собою, но нападать на них всякий раз, когда они добывают пищу. И всякий раз, как войско Дариево шло на добычу, они делали по сему решению. Конница же скифская неизменно обращала в бегство конницу Дариеву, та на бегу своем соединялась с пехотою, пехота коннице подавала помощь, и тогда, прогнавши конницу, скифы возвращались, боясь пехоты. Таковые набеги скифы делали и по ночам.

129. Однако удивительная вещь служила в пользу персам, а скифам во вред всякий раз, когда сии делали набеги на Дариев стан: голос ослов и вид мулов. Ибо в скифской земле, как мною сказано, не родятся ни ослы, ни мулы, и во всей стране сей не увидишь ни одного из сих животных, по причине стужи. Посему когда ослы шумели, то крик их пугал конницу скифскую; и не раз, когда скакали скифы на персов, лошади их, услышав крик ослов, заминались и поворачивали вспять, выпрямляя уши в удивлении, ибо в первый раз слышали такой голос и никогда не видали сих животных. Обстоятельство сие имело иногда влияние на участь войны.

130. Скифы же, видя персов приходящими в движение, вздумали, дабы долее удержать их в Скифии и тем привести в изнурение бескормиею, вот какую хитрость: часть скота своего оставляли с пастухами, а сами уходили в другое место, и тогда персы набегом брали сей скот и, взявши, восхищались добычею.

131. И как это случалось часто, то Дарий пришел наконец в недоумение.

Скифские же цари, узнав об этом, выслали гонца, который Дарию отнес в дар птицу, мышь, лягушку и пять стрел. Персы принесшего дары сии спросили, что такое они означают, но тот сказал, что ему ничего другого не поручено, как отдать их и тотчас воротиться; персы сами, ежели умны они (так сказал он), уразумеют, что такое гласят сии дары.

132. Персы, сие услышав, стали держать совет. Дариево мнение было то, что скифы отдадут

ему самих себя, землю и воду: рассуждал он так, что мышь живет на земле, питаясь одним плодом с человеком, лягушка живет в воде, птица весьма сходствует с лошадью, стрелы же отдают они как силу свою. Таково было мнение Дариево. Но опому противно было мнение Гобриево, одного из семи мужей, кои ниспровергли мага; он рассуждал, что подарки сии гласят так: «Если вы, о персы, не улетите в небо, сделавшись птицами, или не спрячетесь в землю, обратясь в мышей, или не броситесь в озера, сделавшись лягушками, то не возвратитесь назад и будете побиты сими стрелами». Вот каким образом рассуждали персы о сих дарах.

133. Между тем та часть скифов, которая прежде располагалась при Меотийском озере для стражи, а после отправлена была к Истру для переговоров с ионянами, пришедши к мосту, объявила им так: «Мужи ионяне! мы пришли, неся вам свободу, если захотите нас послушать. Мы узнали, что Дарий приказал вам стеречь мост только шестьдесят дней, если же он в течение сего времени к вам не будет, то возвращаться в свою отчизну. Поступите же сим образом, и не будет на вас вины ни пред ним, ни пред нами: до положенного дня оставайтесь здесь, по прошествии же оного уйдите». Ионяне обещали так и поступить, и скифы немедленно удалились.

134. Прочие же скифы, пославши Дарию сказанные дары, стали против него конницею и пехотою так, как для сражения. Когда они уже стояли в строю, пробежал промеж них заяц, и все, кто его увидели, тотчас бросились за ним. Увидев сие расстройство и слыша крик от скифов, Дарий спросил о причине неприятельского смятения. Узнав же, что скифы гоняют зайца, сказал он тем, с кем обыкновенно говаривал: «Люди эти крайне презируют нас! теперь кажется и мне, что справедлив был Гобрый, говоря о дарах скифских. Поелику же и я теперь одного с ним мнения, то потребен благой совет, как бы нам возвращение наше отсюда сделать безопасным». На сие Гобрый сказал: «Государь! я и по слуху довольно знал о бедности сего народа, ныне же, пришедши сюда, еще более узнал это, видя, как они над нами издеваются. Посему я полагаю надобным, как скоро наступит ночь, то зажечь огни, как и прежде обыкновенно мы дельвали, дабы тем обмануть слабейших воинов, неспособных к трудностям пути, затем привязать всех ослов к столбам, а самим бежать отселе, прежде нежели или скифы пойдут истребить мост, или ионяне предпримут что-либо на гибель нашу».

135. Таков был совет Гобрля. По наступлении же ночи Дарий воспользовался сим советом. Усталых воинов и тех, коих утратою не дорожил, равно как и привязанных всех ослов, оставил он в стане на прежнем месте: ослов для того, чтобы они кричали, а бессильных воинов по причине их бессилия. Предлог же был тот, будто Дарий с отборным войском хочет вдруг напасть на скифов, между тем как сии оставшиеся должны будут защищать стан. Объявив сие остающимся воинам и зажегши огни, Дарий тотчас направил путь к Истру. А ослы, оставшись на безлюдье, стали кричать еще гораздо больше обыкновенного, и скифы, слыша крик их, не сомневались, чтобы персы были не на месте.

136. По наступлении же дня оставшиеся воины, узнав, что они Дарием преданы, стали простирать руки к скифам и говорить то, что говорится в их положении. Скифы же, услышав сие, тотчас соединясь всеми тремя частями вместе, купно с савроматами, будипами и гелонами, погнались за персами прямо к Истру. И как большая часть персидского войска была пешая и не знала путей, потому что они были бездорожными, скифское же войско было конное и пути знало кратчайшие, то скифы, не сходясь нигде с персами, пришли к мосту гораздо прежде их. Узнав же, что персы еще не пришли, они сказали ионянам, бывшим на кораблях: «Мужи ионяне! число дней, вам назначенных, исполнилось, а по сему несправедливо вам здесь еще оставаться. Но как доныне вы оставались по боязни, то ныне, разрушив мост, ступайте отселе как можно скорее, радуясь свободе и благодаря богов и скифов. С прежним же вашим властителем мы поступим так, что он уже никогда ни на кого не поднимет оружия».

137. Ионяне по сему случаю составили совет. Мильтнад афинянин, восвода и владыка Херсонеса, что на Геллеспонте, был того мнения, чтоб скифов послушаться и освободить Ионию. Гистией же милетянин был противного тому мнения: он говорил, что ныне, благодаря Дарию, каждый из них царь в своей области, по испровержении же власти Дариевой ни он не сможет властвовать над милетянами, ни кто другой над кем другим, ибо каждый город захочет скорее народоправства, нежели самовластвования. И по объявлении Гистиеем сего мнения все немедленно обратились к оному, хотя прежде согласились было на Мильтнадово.

138. А в совете том подавали голоса следующие мужи, пользовавшиеся царскими милостями: геллеспонтские правители Дафнис из Абидоса, Гиппокл из Лампсака, Герофант из Пария, Метродор из

Проконпеса, Аристагор из Кизика и Аристон из Византия; ионийские Страттис из Хиоса, Эак из Самоса, Лаодамант из Фокеи и Гистией из Милета, предложивший мнение, противное Мильтиадову; из эолийских же приметен был один лишь Аристагор из Кимы.

139. Названные правители, присоединясь к Гистиеву мнению, почли за благо сказать и сделать еще следующее. Они положили разъять часть моста со стороны скифов настолько, чтобы стрела с берега долететь не могла, дабы дать вид, будто они сделали нечто, ничего не сделавши, и дабы скифы не покусились насильно перейти мостом через Истр; а по разъятии сей части моста, обращенной к скифам, объявить, что сделано будет все, что скифам угодно. Таковые условия присовокуплены были ко мнению Гистиея. После сего Гистией от имени всех отвечал скифам: «Мужи скифские! вы принесли нам полезное предложение и ко времени пришли сюда; и как ваши вести указуют нам добрый путь, так и наши свидетельствуют готовность вам способствовать. Ибо мы, как видите, уже разводим мост, а к свободе приложим все усилия; вы же, пока мы разьемлем мост, постарайтесь отыскать их, а отыскавши, наказывать за нас и за вас, как они то заслуживают».

140. Скифы в другой раз поверили ионянам, думая, что они говорят правду, и возвратились отыскивать персов. Но в сем преследовании они обманулись, а виною тому были сами, истребивши на тех путях пастбища и засыпавши воду. Если бы они сего не сделали, то бы легко могли, захотевши, отыскать персов, теперь же обманулись теми самими мерами, кои казались им наилучшими. Скифы искали персов в тех местах, где был корм для лошадей и вода, полагая, что и персы пошли теми местами, персы же по какой дороге пришли, той и ныне держались, и хотя с великим трудом, но отыскали место своей переправы.

Но как пришли они к той переправе ночью и обнаружили, что мост разведен, то крайне тем испугались, опасаясь, чтоб ионяне их не оставили. 141. Однако же был при Дарии некий египтянин, имевший весьма громкий голос, и его-то Дарий поставил на берегу Истра и велел кликать Гистиея Милетского. Египтянин сие исполнил, и Гистией, услышав его с первого же оклика, приказал идти всем кораблям для перевоза войска и стал наводить мост.

142. Вот каким образом персы ушли, а скифы, их отыскивая, во второй раз обманулись. По сему-то случаю скифы судят об

понянах, что если они суть народ вольный, то нет людей ничтожнее их и немужественнее, если же они суть рабы, то рабы они самые преданные и неотлучные. Таковые насмешки скифы делают над понянами.

143. Дарий же, продолжая поход свой через Фракию, пришел к Сесту, что в Херсонесе, и оттуда сам на кораблях переправился в Азию, в Европе же оставил воеводою Мегабаза, уроженца персидского. Сего Мегабаза Дарий некогда особенно почтил, сказавши пред персами такое слово: как однажды хотел Дарий есть гранатовые яблочки и первое из них уже вскрыл, то брат его Артабан спросил его, чего бы он желал иметь толикое число, коликое находится в гранате зерен? И Дарий отвечивал, что иметь столько Мегабазов хотел бы он сильнее, чем владеть Элладою. Вот какими словами тогда отличил он его пред персами; теперь же он оставил его воеводою при восьмидесятитысячном войске. 144. Сей самый Мегабаз оставил по себе между жителями Геллеспонта бессмертную память, сказавши вот какие слова: бывши в Византии, он узнал, что калхедоняне свой город построили семнадцатью годами прежде византиян, а узнав, сказал: «Видно, калхедоняне были тогда слепы, ибо, не будь они слепы, не избрали бы они своему городу худшего места, когда было лучшее». Сей-то Мегабаз, оставленный в сие время в стране Геллеспонтской воеводою, покорил царю те области, кои с мидянами не были в согласии.

145. В сие самое время предпринят был персами и другой большой поход против Ливии, причину коего я изложу далее, а прежде расскажу вот что.

Когда потомки аргонавтов изгнаны были с острова Лемноса теми пеласгами, кои у афинян в Бравроне похитили жен, то поплыли они в Лакедемон и там стали станом на горе Тайгете и разложили огонь. Лакедемоняне, увидев это, послали спросить, кто они таковы и откуда приплыли? Приплывшие посланному отвечивали, что они — минияне, потомки героев, плававших некогда на корабле Арго, кои, приставши к Лемносу, произвели их на свет. Лакедемоняне, услышав, что пришельцы происходят от племени миниян, послали в другой раз спросить: с каким намерением пришли они в сию страну и развели огонь? Те отвечали, что, будучи изгнаны пеласгами, идут к своим отцам, почитая сие справедливым, и потому просят позволить им жить с ними, разделять

их преимущества и пользоваться уделом их земли. Лакедемоняне согласились принять миниян на предложенных семи условиях, особенно же склонило их к сему то, что в плавании на Арго участниками были и Тиндариды. Посему, приняв миниян, они назначили им землю во владение и ввели их в свои колена. А минияне тотчас вступили здесь в супружества, а жен, привезенных из Лемноса, отдали другим.

146. Спустя несколько времени минияне впали в спесь, желая делить с лакедемонянами царствование и делая другие бесчинства. Посему лакедемоняне определили их перебить и, схватив, посадили под стражу. А когда лакедемоняне казнят, то казнят ночью, днем же никогда. Уже все готово было к совершению казни, как жены миниян, кои были гражданки и дочери первейших меж спартанцами, пришли просить позволения войти в тюрьму и каждая из них поговорить со своим мужем. Сие позволение им дали, не подозревая в том никакого коварства. Но они, вошед в темницу, сделали вот что: все платье свое, какое было на них, отдали мужьям, а сами оделись в платье своих мужей. И тогда минияне, переодевшись в женское платье, вместо жен своих вышли вон, бежали прочь и опять стали станом на Тайгете.

147. А в сие самое время Фер, сын Автесиона, внук Тисамона, правнук Ферсандра, праправнук Полиника, выводил из Лакедемона граждан на поселение. Сей Фер был из рода Кадмова, дядя по матери сыновьям Аристодемовым Еврисфену и Проклу. Пока сии были еще малолетны, то Фер от имени их держал царское правление в Спарте; когда же племянники пришли в возраст и приняли власть, то Фер, почитая для себя обидным, вкусив власти, терпеть чужую, объявил, что не останется в Лакедедоне, но отправится к своим сродникам. А на нынешнем острове Фере, прежде называвшемся Каллистою, жили тогда потомки Мемблиара, сына Пойкила, мужа финикийского.— ибо оный Кадм, сын Агеноров, ища Европы, пристал и к острову, ныне называемому Ферою, а пристав, потому ли, что страна сия ему понравилась, по другой ли какой причине, оставил на сем острове как других финикиян, так и Мемблиара, своего сродственника. Сего-то Мемблиара потомки жили на сем острове, называвшемся тогда Каллистою, восемь мужеских поколений, когда пришел к ним Фер из Лакедемона. 148. А пришел к ним Фер с народом от всех спартанских колен не в намерении выгнать их, но жить совместно с ними по близкому своему с ними родству.

И вот, как в сие-то время минияне, бежавши из тюрьмы, стали станом на Тайгете, а лакедемоняне положили их истребить, то Фер их упросил не учинять смертоубийства и обещал вывести их из земли лакедемонской; и лакедемоняне на сие согласились. Тогда и отплыл Фер на трех тридцативесельных судах к потомкам Мемблиаровым, а миниян взял с собою. Взял он, однако же, не всех, но лишь немногих, ибо большая их часть пошла в землю парореатов и кавконов, выгнали их, а сами разделились там на шесть частей и поставили города Лепрей, Макист, Фрикс, Пирг, Эпий и Нудий; впрочем, большую часть городов сих к моему времени разорили уже элидыне. Остров же, на который вывел Фер поселение, по имени его стал называться Ферою.

149. Сын же Фера отказался ему сопутствовать, и на то отец сказал ему, что оставляет его, «как овцу между волков», от коего изречения и получил сей юноша прозвание «Эолик» («овцеволк»), которое потом и осталось навсегда. У сего Эолика был сын Эгей, от коего имеют проименование Эгиды, величайшее из племен спартанских. У людей сего племени дети не оставались в живых, а потому, по слову некоего прорицалища, они построили храм эриниям Ланя и Эдипа, и после сего дети перестали умирать преждевременно. То же самое случилось и на Фере с потомками сих мужей.

150. До сего места лакедемоняне с ферейянами повествуют согласно, следующее же рассказывают только ферейяне. Говорят они, что Грин, сын Эсания, потомок названного Фера, сделавшись царем над Ферою, отправился в Дельфы принести гекатомбу от имени граждан; были с ним и другие граждане, а в числе их Батт, сын Полимнеста, из рода Евфема, происходившего от миниян. Грин, царь ферейский, вопрошал прорицалище о вовсе другом, но пифия ему ответствовала, что должно построить город в Ливии. Грин на сие сказал: «Владыка! я стар и тяжел на подвиг; повели же сделать сие кому-либо из сих младших меня»,— и, говоря сие, указал на Батта. Более тогда ничего не случилось, а ушедши оттуда, прорицание ферейяне оставили без уважения потому, что не ведали, где находится Ливия, и не смели при такой неизвестности выслать поселенцев.

151. Но как после сего в Фере семь лет сряду не было дождя, отчего на острове посохли все деревья, кроме одного, то ферейяне снова прибегнули к пифии, которая и припомнила им, что они не послали в Ливию поселения. Тогда, не имея никакого средства

избавиться от бедствия, поселенцы послали спросить на Крит, не бывал ли кто в Ливии из природных критян или из гостей критских. Посланные, ходя по острову, пришли и в город Итан; и в сем городе встретился им некий торговец багрецом по имени Коробий, им сказавший, что однажды был занесен ветрами в Ливию, на ливийский остров Платею. Посланные предложили ему плату и взяли его с собою в Феру.

В первый раз из Феры в Ливию поплыли лишь немногие, только для узнания тех мест; и Коробий, быв для них провожатым, привел их к упомянутому острову Платее. Здесь они Коробия оставили, дав ему припасов на несколько месяцев, сами же как можно скорее поплыли к ферейнам с известием о сем острове. 152. И как уехав, не возвращались они долее условленного времени, то у Коробия вышли все те припасы. Но в сие время самосский корабль, пловший в Египет и кормчим на котором был Колей, занесен был к сему острову Платее, и самосцы, узнавши от Коробия о всем случившемся, оставили ему припасов на целый год. Сами же самосцы, отвалив от острова, поплыли к Египту, но попали под сильный восточный ветер, дувший беспрерывно, и унесенные им за самые Геракловы столпы, неким божеским напутствием прибыли в Тартесс. А как сие торжище не было дотеле никому ведомо, то, возвращаясь оттуда, получили они на товары свои, сколько нам известно, такую величайшую прибыль, как никто из эллинов (исключая лишь Сострата, сына Лаодамантова с Эгины, ибо с ним ни для кого сравниться не можно). Отделивши от сей прибыли десятину, стоившую шесть талантов, те самосцы изготовили медный сосуд наподобие арголической чаши для растворения вина, а по краям того сосуда чеканенные головы грифов, и пожертвовали оный в храм Геры, поставив там на трех медных коленопреклоненных колоссах, каждый ростом в семь локтей. От сего-то благоденствия и пошла у киренян и ферейн тесная дружба с самосцами.

153. Между тем ферейне, оставившие Коробия на острове, возвратились в Феру с известием, что они на ливийском острове основали поселение. И положено было туда послать по жеребью из Феры от каждых двух братьев по одному и от каждой из семи областей ферейских по несколько человек, предводителем же их и царем назначили Батта. Таковым образом отправлены были в Платею два пятидесятивесельных корабля.

154. Так рассказывают ферейяне; а во всем последующем с ними согласны и киреняне, кроме лишь того, что относится до Батта. А о Батте они рассказывают так.

Есть на Крите город Акс, в коем был царем Этеарх. От умершей жены своей имея дочь по имени Фронима, он женился на другой жене. Сия последняя, как вступила в дом, вздумала той Фрониме быть доподлинною мачехою, причиняя ей всяческие неприятности и строя козни. Наконец, обвинила она ее даже в распутстве и уверила в том своего мужа; а тот по наущению жены своей предприял против дочери нечестивейшее дело. Был в то время в Аксе некий Фемисон, купец ферейский; и Этеарх, вступивши с ним в гостеприимственную дружбу, взял с него клятву, что он не откажется услужить ему в просьбе. А когда Фемисон в том поклялся, то царь, приведя дочь свою, предал ему и повелел бросить ее в море, когда он отправится из Акса домой. Фемисон, оскорбленный клятвою, обманом у него исторгнутою, разорвал заключенную дружбу и поступил так: взяв с собою царскую дочь, отплыл в путь, а выплыв на средину моря, дабы избавиться от клятвы, данной Этеарху, связал дочь его веревками, опустил в море, снова вытащил и затем отплыл в Феру. 155. В Фере же Фрониму взял к себе знатный меж гражданами муж Полимнест и содержал ее вместо наложницы.

По прошествии времени родился от нее сын косноязычный и картавый; и как сказывают ферейяне и киреняне, дано ему было имя Батт, а как мне кажется, какое-нибудь другое, Баттом же он был переименован по прибытии его в Ливию, согласно с дельфийским ему прорицанием и с высоким его положением, ибо у ливийцев «баттом» называют царя, — для сего-то, думаю, и пифия в своем вещании назвала его ливийским языком, ибо знала, что он будет царем в Ливии. Потому что когда он пришел в совершенные лета, то отправился в Дельфы спросить о своем голосе, но на сей вопрос его пифия вещала так:

Батт! ты пришел спросить о голосе, но повелитель
Феб посылает тебя градождателем в землю ливийцев

(а по-эллиньски это значило бы: «Царь! ты пришел спросить о голосе...»). На сие Батт отвечал: «Владыка! я пришел, възскажу прорицания о голосе, ты же изрекаешь мне другое и невозможное: повелеваешь основать в Ливии поселение; какими силами? какими руками?» Но и сими словами не склонил он пифию дать

ему другой ответ, и она лишь подтвердила прежнее свое изречение; Батт же, не дослушав его, удалился в Феру. 156. Но после сего паки обратился гнев богов на него и на всех ферейян; и не зная причины своих бедствий, ферейяне послали в Дельфы вопрошить о том прорицалище. Пифия же отвечала: когда с Баттом они воздвигнут Кирену в Ливии, то станет им легче. Тогда-то и послали ферейяне Батта в Ливию с двумя пятидесятивесельными кораблями.

Приплыв, однако, в Ливию, посланные не знали, что им делать, и потому возвратились в Феру; но ферейяне возвращающихся их встретили стрелами, не позволили сойти на сушу и велели плыть назад. И тогда они поневоле поплыли назад и близ Ливии поселились на острове, имя которому, как сказано, Платея, а величиною сей остров, говорят, равняется с нынешним городом Киреною.

157. Тут проживши два года и не видя никакого счастья в своем поселении, оставили они на сем острове одного из числа своего, а прочие все поплыли в Дельфы и, пришед к прорицалищу, сказали, что вот живут они в Ливии, но нимало не стало им легче. На сие пифия поведала им так:

Ежели агнчую землю ливийскую ведаешь лучше
Ты, не бывавший, чем я, бывавший,— дивна твоя мудрость!

Услышав сие, Батт и бывшие с ним поплыли обратно, ибо, стало быть, бог не увольнял их от основания поселения прежде, нежели придут они в самую Ливию. Посему, пришед на остров и взяв оставленного ими там, поселились они на ливийском берегу напротив острова в месте, называемом Азирис, с двух сторон обнимаемом прекрасными лесистыми холмами, а с третьей обтекаемом рекою.

158. Тут прожили они шесть лет, на седьмом же году ливийцы убедительно стали их просить оставить это место, обещая другое, лучшее, и они на то согласились. А ливийцы, подняв их, повели на запад, но измерили время пути так, чтобы лучшее из понутных мест пройти ночью, и эллины бы его не увидели, имя же сему месту Ираса. Наконец, приведши их к источнику, именуемому Аполлоновым, объявили им: «Мужи эллинские! здесь вам выгодно поселиться, ибо небо здесь прорешисто».

159. Доколе жив был Батт, основатель поселения, царствовавший сорок лет, и сын его Аркесилай, царствовавший шестнадцать

лет, дотолѣ киренянъ было столько, сколько поначалу было послано. Во время же третьяго государя, по имени Батта Счастливаго, пифия прорицаниемъ своимъ подняла всехъ эллиновъ къ отплытію въ Ливию на поселение съ киренянами, ибо киреняне звали поселенцевъ, обещая разделить съ ними земли. Прорицаніе же гласило такъ:

Кто въ благодатную Ливию вступитъ селиться последнимъ
По разделеніе земель, тотъ горько о томъ пожалеетъ.

И тогда въ Кирену собралось столь многолюдное множество, что окрестныя ливійцы и царь ихъ, по имени Адикранъ, при разделеніи земель не только лишились полей своихъ, но и были от киренянъ изобижены; посему и решились они послать въ Египетъ и предаться царю египетскому Априю. Сей последний, собравъ немалое египетское войско, послалъ его противъ Кирены; но киреняне, ополчившись при источнике Фесте, что въ Ирасе, сразились съ египтянами и одолели въ томъ сраженіи. Ибо египтяне, не пытавшіе прежде силы эллиновъ и оттого презиравшіе ихъ, претерпели такое поражение, что лишь малая часть ихъ возвратилась въ Египетъ: тогда-то египтяне, вменивъ въ вину сие несчастье царю своему Априю, немедленно от него отложились.

160. У сего Батта былъ сынъ Аркесилай. Воцарившись, онъ тотчасъ началъ враждовать съ своими братьями, пока они, оставивъ его, не ушли въ другое место Ливіи и тамъ, согласясь между собою, построили городъ, и поныне именуемый Баркою; а при построении его побудили они и ливійцевъ отложиться отъ киренянъ. Противъ сихъ ливійцевъ, принятыхъ его братьями, а отъ него отпадшихъ, царь Аркесилай пошелъ войною; те, устрасясь его, убежали на востокъ къ живущимъ тамъ одноплеменникамъ. Аркесилай преследовалъ бегущихъ до ливійской местности Левкона, гдѣ ливійцы отважились напасть на него и на семъ сраженіи одержали столь великую победу, что на месте пало семь тысячъ оружныхъ киренянъ. После сего поражения Аркесилай занемогъ, а когда отъ той немочи онъ выпилъ лекарство, то его удавилъ братъ его Леархъ. Леарха же хитростью умертвила жена Аркесилаева по имени Эриксо.

161. После Аркесилая принялъ царство сынъ его Баттъ, хромой и кривоногий. Киреняне же по приключившемуся имъ несчастію послали въ Дельфы спросить прорицалище, какимъ бы образомъ поправить имъ дела свои, чтобы жить наилучше. Пифия велела имъ призвать примирителя изъ Мантиней Аркадской; и по прошенію киренянъ мантинейяне дали имъ знатнейшаго межъ гражданъ, по имени

Демонакта. Сей муж, прибыв в Кирену и узнав все обстоятельно, сперва разделил граждан на три колена таким образом, что из фе-реян и соседей их составил одну часть, из пелопоннесян и критян другую, а из прочих островитян третью; а потом, исключив для царя Батта священные уделы и доходы, прочие все имения, прежде принадлежавшие царям, отдал народу.

162. В царствование сего Батта продолжался таковой образ правления; в царствование же сына его Аркесилая начались великие смуты о царских преимуществах. Сей Аркесилай, сын хромого Батта и Феретимы, отрекся сообразоваться с уложением Демонакта Мантинейского, но стал требовать почестей и преимуществ предков своих. Для сего он поднял мятеж, но, быв побежден, бежал в Самос, а мать его Феретима в Саламин, что на Кипре. В Саламине в то время царствовал Евельфон, тот самый, который в Дельфы посвятил поглядения достойную камильницу, находящуюся в сокровищнице коринфской. К сему-то царю прибывшая Феретима просила войска для возвращения ее с сыном обратно в Кирену. Евельфон, однако, все ей давал, но войска не давал, она же, принимая те подарки, всякий раз говаривала: «Хорошо и это, но лучше бы дать войско». Наконец, царь послал ей золотое веретено и пряслице с шерстью; и как Феретима опять сказала то же, то Евельфон отвечал, что таковые только вещи и дарят женщинам, а не войска.

163. В сие время Аркесилай, находясь в Самосе, отовсюду собирал людей, обещая разделить между ними земли. Собрав так большое войско, отправился он к Дельфам спросить прорицалище о своем возвращении в Кирену. Пифия дала ему следующий ответ: «Четырем Баттам и четырем Аркесилаям, восьми поколениям мужским дает вам Локсий царствовать в Кирене, более же уещает ни на что не покушаться. Итак, возвратись в свое отечество, пребудь спокоен. Но когда найдешь печь, полную горшков, не обжигай горшков, а выставь их на воздух; если же затопишь печь, то не ступай на обтекаемое место: не то и сам ты погибнешь, и прекраснейший бык».

164. Так вещала пифия Аркесилаю. Аркесилай на это взял с собой самосцев и отправился в Кирену, где и одержал власть; но забыв о наставлении прорицалища, он стал искать наказания виновникам своего изгнания. Из них иные вовсе удалились из страны; иных Аркесилай, захватив, отправил в Кипр для убийства, но книдяне, привезя их к себе, спасли и отослали в Феру; иных же

из киренян, убежавших в Аглаомахову огромную башню, Аркесилай, обложивши хворостом, сжег. По совершении сего злодеяния, сообразя, что сие-то и означало прорицание пифии, возбранявшее обжигать горшки, кои найдет он в печи, не решился он вступать в город Кирену, опасаясь прореченной смерти, ибо полагал Кирену «обтекаемым местом»; но как у него была жена из сродственников, дочь царя баркеян по имени Алазир, то к ней-то он и удался. Но увидев там его на торжище, жители баркейские и некоторые из киренских беглецов его убили, а с ним и тестя его Алазира. Вот как Аркесилай, волею или неволею преступивший повеление прорицалища, исполнил судьбу свою.

165. Феретима же, мать Аркесилаева, покуда находился он в Барке, сам себе уготовляя бедствие, пребывала в Кирене, пользуясь почестями сына, правя делами и даже присутствуя в совете. Узнав же о смерти сына своего в Барке, она поспешила бежать в Египет, в надежде на заслуги, оказанные Аркесилаем Камбису, сыну Кирову,— ибо никто как Аркесилай предал Камбису Кирену, обложивши ее податью. Так, прибыв в Египет, Феретима прибегнула с мольбою об отмщении к Арианду, представляя, якобы сын ее погиб за приверженность свою к мидянам.

166. Арианд сей был наместник, поставленный Камбисом над Египтом, тот самый, который в последние времени погиб за то, что покушался сравняться с Дарием: ибо он, узнав и увидев, что Дарий хочет оставить по себе памятник, какого ни единый царь не оставлял, отважился ему подражать, за что и получил возмездие. Было так, что Дарий, выплавив потребное количество наивозможно чистейшего золота, стал чеканить из него монету; Арианд же, правя над Египтом, то же самое сделал с серебром,— и поныне самое чистейшее серебро есть Ариандово. Дарий же, узнав о сем, вменил Арианду другое преступление, будто тот против него возмущился, и велел его убить.

167. Сей-то Арианд в то время, сжалившись над Феретимую, предоставил ей все войско, какое тогда было в Египте, сухопутное и морское, поставивши вождем над первым Амасиса из марафиев, а над последним Бадра из пасаргадов. Но прежде отправления войска Арианд послал в Барку глашатая спросить, кто был убийцею Аркесилая. Жители Барки все приняли на себя вину его смерти, говоря, что претерпели от него много зла. Получивши сей ответ, Арианд послал на них войско вместе с Феретимую; впрочем, сия причина служила лишь предлогом к молве, войско же было

послано, как мне кажется, с тем, чтоб и ливийцев покорить персидской власти. Ибо в Ливии много есть различных народов, но из них лишь немногие были покорны Дарию, прочие же ни во что его не ставили.

168. Сии народы ливийские обитают следующим порядком.

Первыми, начиная от Египта, населяют Ливию адирмахиды; обычаи у них большею частию египетские, но одежда — как у прочих ливийцев. Женщины их на обеих голених носят медные кольца, волосы отращивают, а когда поймают у себя вшей, то прежде кусают их зубами, а потом бросают; сии народы одни из ливийцев делают это. Они же одни представляют царю своему девиц, вступающих в замужество, и которая из них ему понравится, ту он лишает девства. Обитают сии адирмахиды от Египта до гавани, называемой Плином.

169. С сим народом смежны гилигамы, обитающие в стране, лежащей к западу, до острова Афродисиады. В середине сего пространства лежит остров Платея, на коем поселились киреняне, на матерой же земле находится Менелаева пристань и город Азирис, киренянами обитаемые. С сего места начинает показываться сифий, и растет от острова Платеи до самого устья Сирта. Обычаи у сего народа сходны с обычаями соседственных.

170. От гилигамов к западу обитают асбисты; они живут выше Кирены и не прилежат к морю, а приморские места занимают киреняне. В управлении колесницами четырехконными сей народ не уступает, а превосходит всех ливийцев; в обычаях же большею частию старается подражать киренянам.

171. От асбистов к западу обитают авсхисы; они живут выше Барки и прилежат к морю в соседстве с Евесперидами. Посреди страны авсхисов живут бакалы, народ небольшой, прилежащий к морю близ Тавхиры, города баркеян. Обычаи здесь такие же, как и у тех, что живут выше Кирены.

172. От авсхисов к западу обитают насамоны, народ многочисленный. В летнее время они, оставив при море скот, уходят к месту, называемому Авгила, и собирают финики, ибо финиковые деревья там растут во множестве, большие, и все плодоносны. Народ сей ловит также саранчу, которую высушивает на солнце, мелет и потом, насыпавши в молоко, вместе с ним пьет ее. Жен обыкновенно каждый имеет многих, и с ними может жить всякий, подобно массагетам, они втыкают перед входом палку, а засим совокупаются. Когда насамон женится, то по обычаю их невеста в первую

почь должна преспать с каждым гостем, и каждый по совокупле-нии с нею дает ей подарок, принеся его из дома. В клятве же и прорицании обряды у них следующие: клянутся они мужами, которых почитают за самых справедливейших и доблестнейших, полагая руки на могилы их; гадают у могил предков своих, где, помолясь, засыпают, и что привидится во сне, то и почитается предсказанием. В договорах же обряды следующие: каждый дает другому пить из руки своей и сам пьет из руки его; если же не случится никакой жидкости, то берут с земли пыль и лижут ее.

173. С насамонами граничат псиллы. Сии погибли оттого, что южный ветер высушил все их водоемы, и с тех пор вся страна, что внутри Сирта, была безводна; а они, порассудив между собою, вздумали пойти войною на южный ветер (говорю, как то говорят ливийцы), и как дошли до песков, то подул южный ветер и всех их засыпал. После сей погибели страну их заняли насамоны.

174. Выше насамонов к югу, в стране, изобильной зверьми, живут гараманты, кои убегают всякого человека и всякой беседы, не употребляют никакого оружия и защищаться не умеют.

175. Они, стало быть, живут выше насамонов.

К западу же при море обитают маки, кои отращивают на голове хохлы, оставляя волосы на темени, а вокруг остригая до кожи. На войну они ходят, нося вместо щитов кожи страусов. Через область их протекает река Кинип, выходя из холма Харит и вливаясь в море; холм, так именуемый, покрыт густым лесом, прочая же часть Ливии, прежде мною описанная, безлесна. От моря до сего холма считается двести стадиев.

176. После сих маков обитают гинданы, у коих женщины на щиколотках носят много кожаных ремешков: говорят, что это всякий раз, совокупившись с мужчиною, женщина повязывает себе ремешок, и у которой сих ремешков наибольше, та почитается прекраснейшею, как имеющая более всего любовников.

177. Берег сих гинданов, вдавшийся в море, населяют лотофаги, кои живут одними только плодами лотоса. Плоды же лотоса величиною как фисташки, сладостью же подобны финикам; из сего плода лотофаги делают и вино.

178. За лотофагами по берегу моря следуют махлии, кои также употребляют лотос, но меньше лотофагов. Они прилежат к большой реке, имя которой Тритон, а впадает она в большое озеро Тритониду, на коем находится остров по имени Фла; остров сей, сказывают, по некоторому прорицанию должен быть заселен лакедемоня-

нами. 179. Рассказывают еще и вот какое происшествие. Ясон, построив при горе Пелионе корабль Арго, нагрузил его гекатомбою и среди прочего медным треножником, а затем пустился вокруг Пелопоннеса, направляясь к Дельфам; но когда плыл он мимо Мален, то попал под северный ветер и был унесен к Ливии. Здесь, еще не увидев земли, попал он на мели озера Тритониды и не знал, каким бы образом вывести корабль; тут-то, сказывают, и явился ему Тритон, потребовав у Ясона треножника и за то обещав и выход указать, и невредимыми их выпустить. И как Ясон его послушался, то Тритон указал ему безопасный выход через мели, а треножник поставил в своем храме и, воссевши на него, возвестил Ясоновым спутникам всю судьбу их: если-де кто из потомков аргонавтовых унесет сей треножник, то не миновать тогда около озера Тритониды построить сто эллинских городов. Но сие услышав, окрестные ливийцы сей треножник скрыли от всех.

180. За сими махлиями следуют авсен, кои, равно как и махлии, живут при озере Тритониде, но протекающая между ними река Тритон их разделяет. Махлии отрачивают волосы сзади головы, а авсеяне спереди. У них в годовой праздник Афины девицы становятся друг супротив друга в два ряда и сражаются меж собою камнем и палками, говоря, что такова почесть от предков их той туземной богине, которую мы называем Афиною; а кто из девиц от ран умрет, тех почитают ложными девицами. А перед выходом на сие сражение делают они вот что: прекраснейшую из девиц всенародно наряжают в коринфский шлем и в прочее эллинское оружие, а потом, взведя на колесницу, обвозят около озера. В какое оружие наряжали девиц прежде, нежели в соседстве поселились эллины, сказать я не могу, но думаю, что в египетское,— ибо и сами эллины, по мнению моему, от египтян переняли и щит и шлем. Афицу свою называют они дочерью Посидона и озера Тритониды, и будто, имея какое-то недовольствие на отца, она предала себя Зевесу, а Зевес признал ее своею дочерью. Так они повествуют. Жены у них общие, домами они не живут, а совокупляются, как скот; когда же у женщины подрастает ребенок, то мужчины, сходясь на собрание каждые три месяца, смотрят, на кого из них он более похож, и тому считают его сыном.

181. Таковы суть приморские народы из кочевников ливийских. Выше их, во внутренности земель, находится Ливия звериная, а еще выше сей звериной Ливии лежит песчаная полоса, простирающаяся от египетских Фив до Геракловых столпов. В сей полосе на десяти-

дневном расстоянии один от другого находятся бугры, покрытые большими глыбами соли, а из вершины каждой таковой глыбы вытекает вода, холодная и пресная. При сих-то водах и живут последние из ливийских народов перед Ливиею пустынною и после Ливии звериной.

Первый из сих народов, в десяти днях пути от Фив египетских, суть аммонии, у коих находится храм, построенный от храма Зевса Фиванского, ибо и в Фивах, как мною было сказано, находится изваяние сего бога с лицом овна. Еще там есть источник, в коем вода поутру бывает тепла, в людное время холоднее, а в самый полдень становится вовсе холодна, и тогда ею орошают сады; с наклоением дня к вечеру холод ее помалу убавляется до захождения солнца, и вода становится теплою, чем ближе к полуночи, тем теплее, в самую полночь она кипит; по полуночи же и до зари опять охладевает. Прозывается же сей источник Солнцевым.

182. После аммониев в сей песчаной полосе еще через десять дней пути находится опять соляной бугор, подобный аммонийскому, и вода, и люди вокруг; место сие называется Авгилоу, и сюда приходят насамоны собирать финики.

183. От Авгилы еще через десять дней пути находится другой соляной бугор, и вода, и великое множество плодоносных финиковых деревьев, как и в других подобных местах. Там обитает народ весьма многочисленный, именуемый гарамантами, кои покрывают соляные места свои приносной землею и по ней сеют. Ближе всего от них к лотофагам, до которых путь составляет тридцать дней. В этой земле водятся задом пасущиеся быки, а задом пасущимися называются они вот почему: рога у них загнуты вперед, и потому они пасутся, пятясь назад, а вперед не могут, ибо рога тогда втыкаются в землю. В прочем же они не разнятся от других быков ничем, а только этим, да еще толстою и крепостию кожи. Сии гараманты ловят пещерных эфиопов, гонаясь за ними на повозках о четырех конях, ибо те пещерные эфиопы бегают скорее всех людей, о коих только случалось нам слышать; питаются они змеями, ящерицами и тому подобными пресмыкающимися, язык же их не имеет сходства ни с каким другим, ибо они пищат, подобно нетопырям.

184. От гарамантов еще через десять дней пути опять находится соляной бугор, и вода, и люди вокруг, имя же им атаранты; они одни из всех известных нам народов не имеют отдельных имен, сообща зовутся атарантами, а порознь безымянны. Сии атаранты,

когда солнце стоит прямо над ними, проклиная его и поносят дурными словами за то, что оно палит и людей и землю их.

Далее, еще через десять дней пути, опять находится соляной бугор, и вода, и люди вокруг, а близ сего бугра есть гора, имя которой Атлас; она узкая, вся круглая, высотой же, сказывают, такая, что вершин ее видеть невозможно, ибо они всегда за облаками, и летом и зимою; жители сей страны называют ее столпом небесным. От сей горы они получили и свое проименование, ибо пазываются атлантами. Сказывают, что они не едят никакой живности и не видят снов.

185. До сих атлантов я мог сообщить имена народов, обитающих в вышесказанной полосе, далее же атлантов не могу. Полоса сия простирается до самых Геракловых столпов и даже за них, и в ней через каждые десять дней находятся соляные копи и жители вокруг, а дома у них у всех из соляных глыб, потому что в сей части Ливии дождей не бывает, иначе при дожде соляные стены бы не выстояли. Соль же тут добывается и белая и багряная. А за сею полосою к югу в глубь ливийской земли простирается пустыня без воды, без зверья, без дождя и без леса, где даже и роса не выпадает.

186. Вот каковым образом расселены от Египта до озера Тритониды кочевники ливийские; едят они мясо, а пьют молоко, но коровьего мяса не вкушают по той же причине, как и египтяне, а равно не разводят и свиней. Так же и в Кирене женщины почитают недожным питаться мясом коровьим ради египетской Исиды, блюдут в честь ее посты и совершают празднества; а в Барке женщины не только не едят коров, но и свиней. Таковы обычаи у сих народов.

187. Далее же на запад от озера Тритониды живут ливийцы уже не кочевые, и обычаи у них несхожие; и с детьми своими они поступают не так, как в обычае у кочевников. Кочевники же ливийские, не знаю, все ли, но многие из них, когда детям их совершится четыре года, на темени голов их прижигают жилы жирною овечьей шерстью, а некоторые прижигают и на висках. Сие делается для того, чтобы в последствии времени не страдали они от мокрот, нистекающих из головы, и посему-то, говорят, наслаждаются они самым крепким здоровьем. И в самом деле, ливийцы здоровее всех народов, коих мы знаем, но по сей ли причине, того наверно сказать не могу. Если же детям от прижигания сделаются судороги, то у них найдено против оных лекарство: льют на детей

козловую мочу и тем вылечивают. Впрочем, говорю лишь то, что говорят сами ливийцы.

188. Жертвоприношения у сих кочевников делаются так: отрезав у скота ухо, как начаток, бросают его через крышу, а по совершении сего сворачивают животному шею. Жертвы сии приносятся только Солнцу и Луне: им все ливийцы приносят жертвы, и лишь насельники мест при озере Тритониде наиболее жертвуют Афине, а после нее Тритону и Посидону.

189. От ливиянок эллины заимствовали одежду и эгиды для кумиров Афины: ибо хотя одежда у ливиянок кожаная, а бахрома эгиды состоит не из змей, но из ремешков, однако во всем прочем наряд их одинаков. Самое имя доказывает, что убор кумиров Палладиных происходит из Ливии, ибо ливиянки поверх платья носят козьи шкуры без шерсти, в бахrome и крашенные крапом; называются они «эгеями», эллины же стали называть по ним «эгиды». Из Ливии же, по мнению моему, получил начало и вопль при священнодействиях, ибо ливиянки употребляют его весьма много и весьма искусно. У ливийцев же научились эллины и запрягать в колесницы по четыре лошади.

190. Погребение мертвых у кочевников таково же, как у эллинов, и только насамоны погребают покойников сидячими и пекутся, чтобы испускающий последнее дыхание непременно сидел и не умер бы лежа. Жилища свои сплетают они из стеблей асфоделя с камышом, и жилища сии переносные. Таковы обычаи у кочевников.

191. К западу от реки Тритона за авсеянами следуют уже ливийцы-пахари, имеющие постоянные жилища, имя же им максии. Они на правой стороне головы волосы отращивают, а на левой стригут, тело же раскрашивают суриком. Утверждают они, будто происходят от мужей троянских.

Страна сия, равно как и остальная часть Ливии к западу, гораздо обильнее и зверями и лесом, нежели обитаемая кочевниками: ибо восточная часть Ливии до реки Тритона, занимаемая кочевниками, низменна и песчана, западная же часть Ливии от реки Тритона, занимаемая землянами, весьма гориста, лесиста и изобилует зверями. Там водятся превеликие змеи, львы, слоны, медведи, аспиды, рогатые ослы, псоглавцы и безглавцы с глазами на грудях (как сказывают ливийцы), дикие мужчины, дикие женщины и многие другие животные неизловимые. 192. В стране же кочевников ничего сего не водится, а водятся другие животные:

антилопы-пигарги, антилопы-зоркады, буйволы, ослы (не те, которые рогатые, а те, которые непьющие, потому что никогда не пьют), ории, из рогов коих делаются ручки для лир финикийских, а сами они ростом с вола, лисицы, гиены, дикобразы, дикие бараны, диктии, шакалы, пантеры, бории, крокодилы наземные в три локтя, весьма похожие на ящериц, страусы и малые змеи-единороги. Вот каковы здесь животные, а есть и другие, что рождаются и в других местах, кроме лишь оленя и вепря, ибо оленя и вепря вовсе нет в Ливии. Мышей здесь три породы: одни называются «двуногими», другие «зегериями» (ливийское слово, что по-эллински значит «холм»), третьи — «ежистыми». Есть и ласки, кои рождаются в сиффии и весьма похожи на тартесских. Вот сколько животных водится в земле ливийских кочевников, поколику могли мы узнать долговременными разысканиями.

193. За максиями ливийскими следуют завеки, у коих на войне колесницами правят женщины.

194. За сим народом следуют гизанты, у коих весьма много меда делают пчелы, а еще гораздо более люди. Все они раскрашивают себя суриком, а едят обезьян, коих на горах у них плодится невероятное множество.

195. Близ страны их, говорят карфагеняне, лежит остров, называемый Киравис, длиною в двести стадиев, а шириною узкий, на который можно переходить с материка, и там много масличных деревьев и виноградника. А на том острове есть озеро, в коем туземные девицы достают из илу золотой песок посредством намазанных смолою птичьих перьев. Справедливо ли сие, не знаю, а пишу, что говорят; но все может стать, ибо и в Закинфе я сам видел, как из озера и из воды достают смолу. Там много озер, величайшее из коих по всем сторонам имеет семьдесят футов, в глубину же две сажени; и туда-то впускают длинный шест, привязав к концу его мирт, и потом сим миртом выносят смолу, имеющую запах асфальта, во всем же прочем лучшую, чем пиерийская смола; ее выливают в яму, выкопанную возле озера, а набрав достаточное количество, переливают из ямы в ведро. Что упадет в то озеро, то проходит под землю и потом опять показывается в море, которое отстоит от озера на четыре стадия. Таким образом и то, что повествуется об острове ливийском, не есть неправдоподобно.

196. А еще карфагеняне рассказывают, что есть в Ливии место за Геракловыми столпами и люди, там живущие; и когда они приходят к сим людям для торговли, то, выложив из кораблей на

морском берегу товары в надлежащем порядке, опять уходят на корабли и разводят дым. Жители сего места, приметив дым, идут к морю, кладут против товара золото и опять уходят от товару. Тогда карфагеняне выходят и смотрят, и если увидят, что золото стоит товара, берут оное и уходят, если же нет, возвращаются на корабли и ждут; а жители снова приходят и еще прибавляют золота к оставленному, пока обе стороны не останутся довольными. Обиды не бывает ни с которой стороны, ибо ни карфагеняне не тронут золота прежде, чем оно уравнился с ценою товара, ни они не трогают товара, пока карфагеняне не возьмут золота.

197. Таковы суть ливийские народы, которые я могу поименовать, и большая часть из них ни теперь, ни тогда нимало не считались с царем мидийским. А еще могу сказать о сей стране, что обитают в ней четыре племени и не более того, насколько нам известно, два из них коренные тамошние жители, а два нет: коренные суть ливийцы и эфионы, первые живущие на севере, последние на юге Ливии, пришельцы же суть финикияне и элины.

198. Мне кажется, что Ливия и достоинством земли никак не может сравниться с Азиею и Европою, исключая лишь страну Кинии, называемую так по реке, через оную протекающей. Сия страна хлебородством равняется с наилучшими землями и нимало не сдвигает с остальною Ливиею: почва здесь черная, орошается источниками, не боится ни засухи, ни излишних дождей (а дожди в сем месте Ливии случаются) и приносит хлеб в такой же мере, как земля Вавилонская. Хороша и та земля, на коей живут Евеспериды, ибо в лучшие годы она приносит сам-сот, а в Кинии сам-триста.

199. Но и Киренская страна, высочайшая во всей Ливии, обитаемой кочевниками, имеет три поры, достойные удивления. Прежде всего созревают и собираются плоды в местах приморских; по собрании их созревают плоды в средней полосе над морем, «на холмах», как говорится; по собрании же и тут плодов доходит до зрелости и собираются плоды на высочайших местах сей земли, — так что когда съедены и вышты бывают первые плоды, тогда поспевают последние. Таким-то образом киреняне занимаются сбором урожая восемь месяцев в году. Но сего сказанного довольно.

200. Итак, персы, посланные из Египта от Арианда на помощь Феретиме, приступили к городу Барке, взяли его в осаду и потребовали выдать виновных в убийстве Аркесилая; но жители требования не приняли, ибо все были виновны. Персы стали продолжать осаду Барки и вели ее девять месяцев, прокапывая подземные

подкопы, ударяя стенобитными орудиями и предпринимая сильные приступы. Но подкопы их открыл медник медным щитом, употребивши следующую выдумку: нося щит внутри стены, он прикладывал его к полу укрепления, и где не было подкопов, там земля под щитом молчала, а где были, там медь щита издавала звук; тогда жители Барки делали в сем месте встречный подкоп и побивали копающих персов. Такова была их выдумка против подкопов; приступы же они отражали с отвагою.

201. Как уже много было потрачено времени при сей осаде и много пало воинов с обеих сторон, не меньше персов, чем баркеян, то вот Амасис, пехотный воевода, измыслил следующее. Видя, что баркеян силою привести к сдаче не можно, хитростью же можно, распорядился он выкопать ночью широкий ров, прикрыть его некрепкими бревнами, а на бревна насыпать землю вровень с поверхностью. С наступлением утра пригласил он баркеян к переговорам, и те с радостью пошли на сие, ибо сами весьма нуждались в соглашении. Соглашение заключено было на скрытом рве с таковою клятвою: «Доколе земля сия будет стоять, как стоит, дотоле и клятва хранима будет нерушимо: баркеяне обещают платить царю достоянную дань, персы же — ничего более не предпринимать против них». По совершении клятв жители Барки, положить на договор, и сами вышли из города, и каждому из неприятелей позволили входить в городские стены, растворивши все ворота. Тут-то персы разломали скрытый настил и бросились на город; а настил они разломали с тем, чтобы сдержать слово свое, что хранить они будут клятву, данную баркеянам, «доколе земля сия будет стоять, как стоит»; с разрушеннем же моста разрушилась и клятва их.

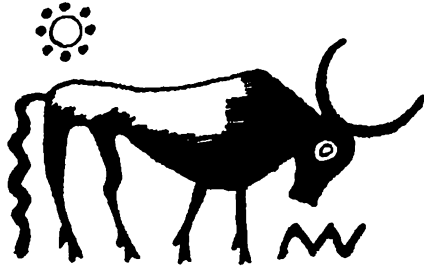
202. Виновейших из жителей Барки Феретима, получив их из рук персов, приказала распять кругом городских стен, у жен их отрезав груди, также пригвоздила их к стенам; а прочих жителей города отдала она в добычу персам, кроме лишь потомков Баттовых, не участвовавших в убийстве, коим она и вверила город.

203. Персы, взяв невольниками прочих баркеян, пошли назад; и когда они пришли к городу киренян, то киреняне, исполняя некое пророчанье, пропустили их чрез свой город. Во время сего прохождения морской воевода по имени Бар повелел было завладеть городом, но пехотный воевода Амасис сего не дозволил: ибо посланы они были против одного лишь эллинского города. Однако прошедши через город и остановившись на холме Зевса Ликейского, пожалели они, что не завладели Киреною, и в другой раз покусились

войти в сей город, но киреняне их не впустили. Тут без всякого сражения на персов напал страх, и они отбежали на шестьдесят стадиев, где и стали станом; а в этот стан пришел к ним от Арианда гонец с приказом идти назад. Тогда персы попросили киренян снабдить их на дорогу припасами, которые получив, отправились в Египет. Но пока дошли они до Египта, многие замедлившие и отставшие были захватываемы и убиваемы ливийцами ради платья их и прочего добра.

204. Сие персидское войско достигло в Ливии до самых Евеспидов. Кого из баркеян обратило оно в рабство, тех из Египта отправили в дальнюю сторону к самому царю. Царь же Дарий им дозволил поселиться в одном селе страны Бактрийской, коему они дали имя «Барка»; и сия Барка в земле Бактрийской обитаема была еще и в мое время.

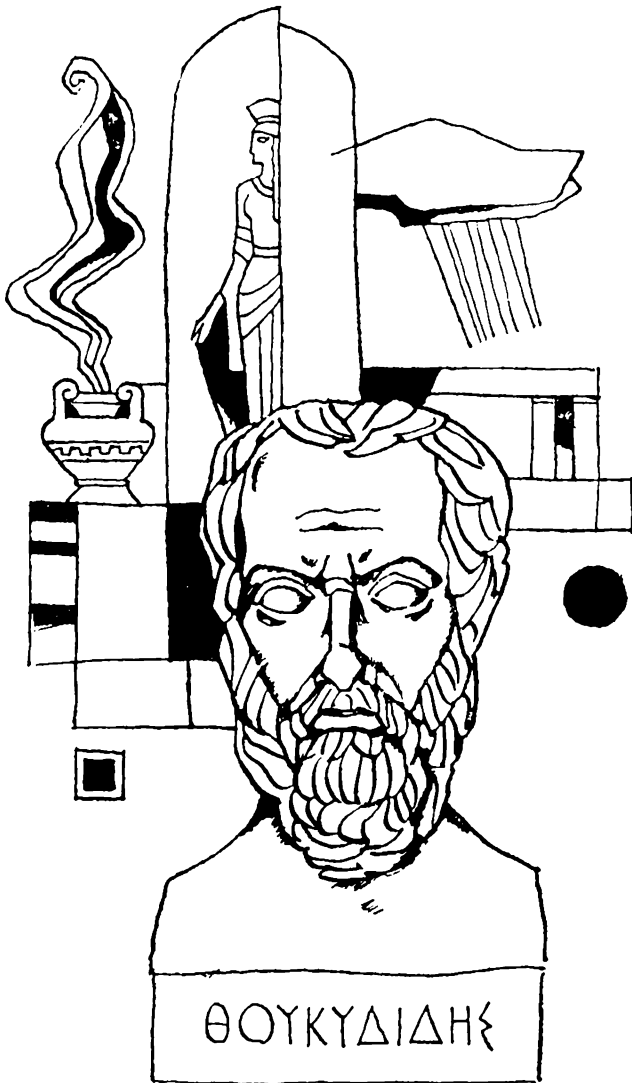
205. Однако и Феретима не хорошо скончала жизнь свою. Ибо как скоро она по отмщении баркеянам возвратилась из Ливии в Египет, то умерла самым бедственным образом, заживо снедаема червями, в теле ее зародившимися. Столько-то ненавистны богам не в меру жестокие возмездия от людей! а именно так велико и страшно было возмездие жителям Барки от Феретимы, жены Батта.

ΦΥΚΙΔΙΔ

ИСТОРИЯ

ΘΟΥΚΥΔΙΔΗΣ

Книга первая

[ВВЕДЕНИЕ]

1. Фукидид афинянин написал историю войны между пелопоннесцами и афинянами, как они вели ее друг против друга. Приступил он к труду своему тотчас как началась война, в той уверенности, что война эта будет великая и самая достопримечательная из всех, какие были. Заключал он так из того, что обе стороны были в полной к ней готовности и силе, а также из того, что прочие эллины, как он видел, стали присоединяться то к одной, то к другой стороне, одни сразу, другие поразмыслив,— ибо война эта вызвала величайшее движение среди эллинов и некоторой части варваров, да, пожалуй, и среди огромного большинства всех народов.

То, что было перед этой войной и еще раньше, невозможно было за давностью времени исследовать с точностью. Все же, по надежным свидетельствам, позволяющим далее всего проникнуть в прошлое, я заключаю, что и тогда не случилось ничего важного ни в войнах, ни в чем другом...

20. Вот какова была древность по моим изысканиям, хотя и трудно здесь полагаться на все свидетельства подряд. Дело в том, что люди перенимают друг от друга предания о прошлом даже своей родины без всякого разбора и проверки. Так, например, большинство афинян полагает, что Гиппарх был тираном, когда пал от Гармодия и Аристокитона: они не знают, что на самом деле правителем был Гиппий, как старший из Писистратовых сыновей, что Гиппарх и Фессал были его братья, что в день покушения

Гармодий и Аристогитон вдруг заподозрили, будто кто-то из сообщников их уже сделал Гиппию донос, и тот предупрежден, и потому не тронули его, а чтобы сделать хоть что-то решительное прежде, чем их схватят, они умертвили Гиппарха, хлопотавшего о Панафинейском шествии, встретив его подле так называемого Леокория. Точно так же и прочие эллины неправильно представляют себе многие иные события, даже современные, не изглаженные из памяти временем: например, думают, будто лакедемонские цари подают каждый по два голоса, а не по одному, и будто у них есть Питанатский отряд, какового никогда не бывало. Столь беззаботно большинство людей к отысканию истины, охотнее принимая готовые мнения. 21. И все же не ошибется тот, кто примет эти события скорее такими, какими я описал их по упомянутым свидетельствам, а не такими, как воспели их поэты с их преувеличениями и прикрасами, или как сочинили прозаики, в своей заботе не столько об истине, сколько о приятности для слуха, сообщающие известия недоказуемые и за давностью времени превратившиеся большей частью в невероятные сказки. Пусть знают, что события мною восстановлены по достовернейшим свидетельствам, настолько полно, насколько это позволяет давность.

Война, мною описанная,— хотя люди каждую войну, пока воюют, считают важнейшею, а кончив воевать, опять больше восхищаются стариною,— война эта все же явно окажется важнее прежних, если судить по ее событиям. 22. Что касается речей, произнесенных кем-то перед войной или в войну, то для меня трудно было запомнить сказанное со всею точностью, как слышанное самим, так и по чужим рассказам с разных сторон. Речи составлены у меня так, как, по моему мнению, каждый говоривший скорее всего мог по тогдашним обстоятельствам сказать нужное, причем я держался возможно ближе общего смысла действительно сказанного. Что же касается событий войны, то я не считал достойным писать все, что узнавал от первого встречного или что сам мог предполагать, но записывал то, что было при мне самом или о чем я узнавал от других, усиленно точно исследовав каждую подробность. Изыскания были трудны, потому что очевидцы событий передавали об одном и том же не одинаково, но в меру памяти или сочувствия к той или другой из сторон. Быть может, такое отсутствие басен покажется менее приятным для слуха; зато его сочтут достаточно полезным все, кто пожелают ясно понимать то, что было, и что впредь, по свойству человеческой природы, может быть еще такое

же или подобное. Труд мой слажен не звучать в скоротечном со-
стязании, а быть достойным навеки.

23. Из прежних событий крупнейшим были Персидские войны, но и они быстро были решены двумя морскими и двумя сухопутными сражениями. Напротив, эта война затянулась надолго, и за время ее Эллада испытала столько бедствий, как никогда раньше за такое же время. Действительно, никогда не было взято и разорено столько городов частью варварами, частью самими противниками (в некоторых после взятия переменялось даже все население), не было столько изгнаний и смертоубийств, вызванных или самою войною, или междоусобицами. Что рассказывается в старых преданиях и на деле подтверждается нечасто, то стало теперь несомненным: и землетрясения великой силы, разом постигшие огромную часть земли, и солнечные затмения, случавшиеся чаще запомнившегося о прежних временах, и засухи, а при них и от них — жестокий голод, и заразная болезнь, причинившая величайшие беды и унесшая немало людей, — все это обрушилось вместе с этой войной.

Начали войну афиняне и пелопоннесцы нарушенном тридцатилетнем мире, заключенного ими после покорения Евбеи. Почему этот мир был нарушен, причины того и распри я изложу прежде всего, чтобы в будущем не пришлось доискиваться, откуда возникла у эллинов такая война. Истиннейший повод, хотя на словах и наиболее скрытый, состоит, по моему мнению, в том, что афиняне своим усилением стали внушать опасение лакедемонянам и тем понудили их к войне. Что же касается тех причин, о которых с обеих сторон говорилось открыто и которые привели к нарушению мира и началу войны, то они заключались в следующем...

Книга вторая

[НАЧАЛО ВОЙНЫ]

1. Здесь начинается война между афинянами и пелопоннесцами, с участием союзников тех и других, где уже не сносились без глашатаев и, взявшись за оружие, не складывали его. А описываются ее события в порядке их следования — по годам и зимам.

2. Четырнадцать лет сохранялся в силе тридцатилетний мир, заключенный после покорения Евбеи. На пятнадцатом же году (в сорок восьмой год жречества Хрисиды в Аргосе, когда эфором в Спарте был Энесий, а архонтству Пифодора в Афинах оставалось до срока четыре месяца) через десять месяцев после сражения при Потидее, в начале весны, триста с небольшим фиванских граждан под началом беотархов Пифангела, сына Филида, и Диемпора, сына Онеторида, вторглись с оружием, в начале ночи, в беотийский город Платею, бывший в союзе с афинянами. Фивяи призвали и открыли им платейские ворота граждане Навклид и его сообщники с намерением захватить власть, погубить неприязненных им граждан и подчинить город фивянам. Сделано это было при посредстве влиятельнейшего из фивяи, Евримаха, сына Леонтиада. Ибо фивяне предвидели войну и желали заранее захватить всегда враждебную им Платею еще в мирное время, до открытой войны. В город они проникли незаметно, тем легче, что в нем не стояло гарнизона. Но встав с оружием на площади, они отказались повиноваться тем, которые призвали их, чтобы тотчас приступить к делу и ударить на жилища врагов; напротив, они решили должным образом обратиться к платейцам через глашатая, предпочитая склонить

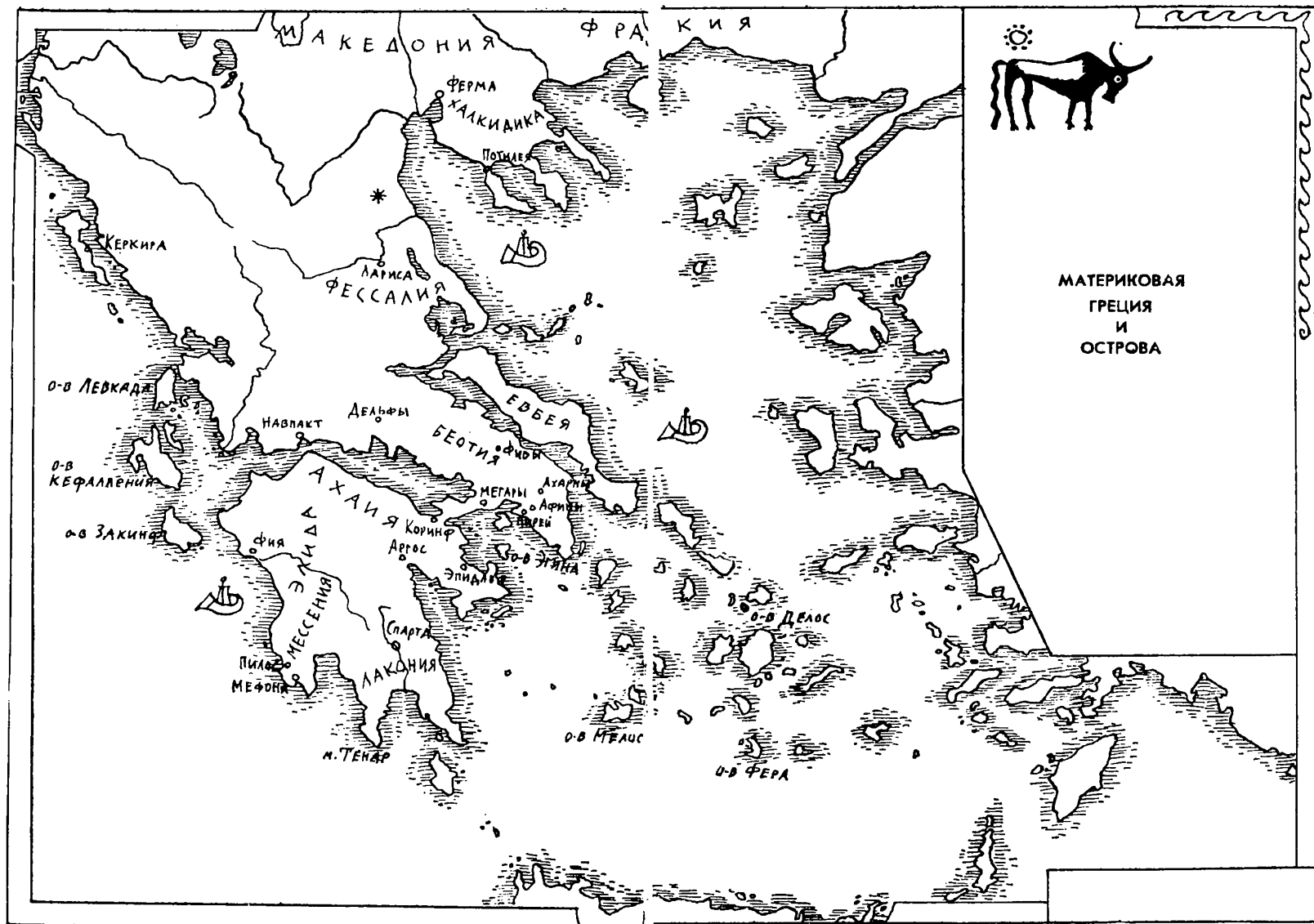
город к согласию и дружеству. Глашатай объявил: кто желает согласно отцовским заветам вступить в союз всех беотян, пускай подле них сложит свое оружие. Таким способом полагали они без труда привлечь город на свою сторону.

3. Платеяне перепугались, когда заметили фивян в городе, захваченном внезапно, и, не видя в темноте, подумали, что их вторглось гораздо больше. Поэтому они пошли на соглашение, приняли условия и оставались в покое, тем более что фивяне никому ничего дурного не делали. Но поступив так, платеяне сообразили, что фивян немного и что, напав, их нетрудно одолеть; ведь среди платеян большинство не желало отлагаться от афинян. Тогда решено было сделать нападение. Они стали собираться друг к другу на совещания, проломавши стены из дома в дом, чтобы не ходить открыто по улицам; а на улицах они поставили распряженные повозки для заграждения и делали все, что кому казалось к лучшему в таком положении.

Когда все возможное было приготовлено, платеяне вышли на врага из домов еще затемно, перед рассветом: днем, полагали они, враги бились бы храбрей и выгоды были бы равны, ночью же, даже уступая фивянам в числе, они вернее могли устрашить врагов, пользуясь своим знанием города. Ударив на врага, платеяне тотчас завязали рукопашный бой.

4. Понявши обман, фивяне сомкнули ряды и, где встречали нападение, давали отпор. Два-три раза они отбили нападающих. Но когда потом платеяне бросились на них с сильным шумом, когда женщины и слуги с криками и воплями стали кидать в них с крыш камнями и черепицею, когда притом целую ночь шел проливной дождь, фивяне дрогнули, обратили тыл и бежали через город.

В грязи и в темноте (дело было в новолуние), не зная переулков, где укрыться, они бежали от преследователей, которые знали каждый выход, поэтому множество фивян было перебито. Те ворота, через которые вошли фивяне и которые одни только были открыты, запер кто-то из платеян, забив засов концом копья вместо шкворня, так что и здесь не было выхода. Гонимые по городу, некоторые из фивян взобрались на стену и оттуда бросились в ров, почти все разбившись; другим возле брошенных ворот какая-то женщина дала топор, и они, разрубив засов, тайком ушли, но лишь немногие, потому что это скоро было замечено; третьи, рассеявшись, погибли в различных частях города. Большинство же фивян, теснясь поближе друг к другу, попали в большое здание у самой

городской стены, случайно открытые его двери приняв за выход из города. Увидав их там взаперти, платейне стали совещаться, сжечь ли их тотчас, поджегши дом, или поступить как-нибудь иначе. Наконец, и эти фивяне, и все прочие, сколько их уцелело, блуждая по городу, сдались платейнам, предоставляя сделать с ними и с их оружием все, что угодно. Такова была участь фивии в Платее.

5. Остальные фивяне, которые должны были подоспеть всем войском еще ночью на случай неудачи первых вошедших в город, получили известие о случившемся в пути и потому спешили на помощь. Но от Фив до Платей семьдесят стадиев, а выпавший ночью дождь замедлил движение фивян: река Асоп разлилась, и переправиться было нелегко. Двигаясь по дождю и с трудом переправившись через реку, фивяне прибыли слишком поздно, когда уже войны их частью были перебиты, а живые находились в плену. При известии о случившемся фивяне замыслили было напасть на тех из платейян, которые находились за городом (а там на полях были и люди и всякое добро, так как беда случилась неожиданно в мирное время); они рассчитывали при удаче удержать захваченных платейян как заложников за фивян, находившихся в городе, если кто еще остался там в живых. Таков был план фивян. Но пока они еще раздумывали, платейне догадались, что может случиться нечто подобное, и, в страхе за тех, что были за городом, отправили к фивянам глашатая. Он объявил, что покушением на город во время перемирия фивяне совершили нечестие, и требовал не трогать тех, кто за городом; в противном случае, говорили платейне, они умертвят фиванских пленников; если же фивяне уйдут обратно из их земли, то они им их выдадут. Так рассказывают фивяне и утверждают, что платейне дали при этом клятвы. Сами же платейне это отрицают: они не обещали выдать пленных немедленно, но лишь после переговоров, если они приведут к какому-либо соглашению, и клятвы они при этом не давали. Тогда фивяне, не причинив никакого вреда, ушли обратно с платейских полей; а платейне поспешно перевезли в город свое добро и после этого тотчас перебили фивян. Пленников было сто восемьдесят человек, среди них — тот Евримах, с которым сносились предатели.

6. После этого платейне в Афины отправили вестника, а фивянам, согласно уговору, выдали трущ, внутренние же свои дела устроили по своему усмотрению, применительно к обстановке. Лишь только афиняне получили весть о платейских событиях, они немедленно схватили всех беотян, какие случились в Аттике, а в Платею

послали глашатая с приказанием не принимать никаких мер против пленных фивян, пока сами афиняне не примут о них решения. Они еще не знали, что те перебиты: первый вестник из Платеи был выслан при вступлении фивян в город, второй тотчас по их поражении и взятии в плен, а более вестей не было: пребывав в этом неведении, они и отправили глашатая, и лишь по прибытии он узнал, что фивяне умерщвлены. Тогда афиняне выступили в поход к Платее, подвезли припасов, оставили там гарнизон, а совсем недолгое к войне население вместе с женщинами и детьми вывели из города.

7. Ввиду платейских событий и явного нарушения договоров афиняне начали готовиться к войне; готовились и лакедемоняне с союзниками, собираясь, те и другие, отправить посольства к персидскому царю и в прочие места к варварам, от которых надеялись на помощь; заключали они и союзы с теми государствами, какие оставались вне их владычества. Лакедемоняне приказали сверх имевшихся кораблей соорудить двести в Италии и Сицилии тем городам, которые приняли их сторону, смотря по величине каждого города, так что общее число их кораблей должно было дойти до пятисот; они приказали также иметь наготове сколько нужно денег, вообще же держаться спокойно и, пока приготовления не кончены, даже допускать к себе поодиночке афинские корабли. Афиняне старались определить силы имеющихся союзников и отправляли посольства преимущественно окрест Пелопоннеса: в Керкиру, Кефаллению, Акарнанию, Закинф — они понимали, что если дружба здесь будет тверда, то берега Пелопоннеса откроются их оружию.

8. О меньшем не думали ни те, ни другие, все силы устремлялись лишь к войне; и это понятно: в начале спора всякий горяч, а тогда и в Пелопоннесе и в Афинах было много молодежи, которая по неопытности жадно хваталась за войну. И вся остальная Эллада была в напряжении перед схваткой двух первейших государств. Многие изречения ходили из уст в уста, многое вещали гадатели как в готовящихся к войне, так и в остальных государствах. К тому же незадолго перед этим на Делосе произошло землетрясение, чего еще не бывало на памяти эллинов; говорили и думали, что это — предзнаменование, и повсюду искали, не случилось ли еще чего подобного. Сочувствие эллинов склонялось больше на сторону лакедемонян, тем более что они объявляли себя освобождающими Элладу. Каждый гражданин и город напрягал свои силы, стараясь, как может, помочь лакедемонянам словом и делом; всякому

казалось, что без него дела пойдут хуже. Вот каково было общее раздражение против афинян: одни желали избавиться от власти их, другие боялись попасть под эту власть.

9. Вот с какими средствами и мыслями оба города вставали к войне. Каждый начинал ее при своих союзниках. С лакедемонянами в союзе состояли все пелопоннесцы, что за Истмом, кроме лишь аргивян и ахеян: эти находились в дружбе с обеими сторонами, из ахеян же одни пелленяне воевали вместе с лакедемонянами с самого начала, а остальные только впоследствии. За пределами Пелопоннеса в союзе с ними были мегаряне, беотяне, локры, фокидяне, ампракиоты, левкадяне, анакторийцы. Из них доставляли флот коринфяне, мегаряне, сикнионы, пелленяне, элидяне, ампракиоты и левкадяне, конницу — беотяне, фокидяне и локры, пехоту — остальные государства. Таков был союз лакедемонян. С афинянами в союзе состояли хиосцы, лесбияне, платейяне, навпактские мессеняне, большинство акарнанов, керкиряне, закинфяне, а также податные государства из следующих мест: приморская Кария, лежащая близ Карии Дорида, Иония, Геллеспонт, Фракийское побережье и все Кикладские острова, лежащие к востоку между Пелопоннесом и Критом, кроме Мелоса и Феры. Из них корабли доставляли хиосцы, лесбияне, керкиряне, остальные — сухопутное войско и деньги. Таковы были союзники обеих сторон и такова их подготовка к войне.

10. Лакедемоняне тотчас после платейских событий разослали приказ по пелопоннесским и дальним союзникам вооружать войска и заготавливать все необходимое к дальнему походу, так как они намерены вторгнуться в Аттику. От каждого из государств две трети войска по мере готовности к назначенному сроку собрались на Истм. И когда все войско было в сборе, царь лакедемонян Архидам как начальник этого похода созвал от всех государств стратегов, высших должностных и наиболее значительных лиц и ободрял их такую речью.

11. «Пелопоннесцы и союзники! И отцы наши совершили много походов как в самом Пелопоннесе, так и за его пределами, да и старшие из нас самих не лишены военного опыта. Но никогда еще мы не выступали в поход с большими силами: мы идем теперь против самого мощного врага, и войска у нас огромные и отборные. Поэтому наш долг показать себя не хуже отцов наших и не ниже нашей собственной славы. Ибо вся Эллада возбуждена нашим движением, следит за ним и по ненависти к афинянам сочувствует

исполнению наших замыслов. Но хотя и может показаться, что громада наших войск безопасна от попыток неприятеля вступить в открытый бой, однако это не причина ослаблять готовность: нет, и вождь и воин каждого государства постоянно должны всяк себе ждать опасности. Ход войны неведом, и большею частью нападения совершаются внезапно и в порыве чувства: часто войско меньшее, но осмотнительное с успехом отражало неприятеля более многочисленного, но по самонадеянности неприготовленного. На войне всегда следует в душе быть отважным, на деле же осмотнительным: тогда и наступать на врагов можно вдохновеннее, и нападать на них безопаснее. А мы идем на государство не беззащитное, государство, прекрасно и всячески готовое к войне,— будем же твердо надеяться, что афиняне выйдут с нами на бой. Пусть они и не двигаются, пока нас нет,— не то будет, когда они увидят нас в своей земле опустошителями и истребителями. Ибо все ведь приходят в ярость, когда на глазах и внезапно постигает их что-то необычное; и кто меньше всего следует рассудку, те горячее всего кидаются в дело. От афинян этого можно ждать вернее, чем от всякого: притязая владычествовать над остальными, они скорей готовы нападать и опустошать чужие земли, чем видеть это на своей. Итак, коль скоро вы идете против такого государства и борьба эта исходом своим принесет вашим предкам и вам самим величайшую славу или же позор,— следуйте всюду, куда бы ни повели вас, блюдите прежде всего порядок и бдительность и быстро исполняйте приказания. Ибо лучше всего и безопаснее всего, когда мужей много, а порядок в них один».

12. После этой краткой речи Архидам распустил собрание. Прежде всего он отправляет в Афины спартанца Мелесиппа, сына Диакрита,— не пойдут ли афиняне на какие-либо уступки теперь, видя неприятеля уже в пути. Но афиняне не пропустили Мелесиппа ни в город, ни к властям, ибо уже одержало верх предложение Перикла: не принимать ни глашатая, ни посольства от лакедемонян, раз те выступают в поход. Поэтому афиняне отсылают Мелесиппа обратно, не выслушав его, и приказывают ему покинуть границы Аттики в тот же день; а если впредь лакедемоняне еще пожелают прислать посольство, пусть сперва отступят в свои владения. Афиняне даже послали провожатых, чтобы Мелесипп ни с кем не вступал в сношения. Уже на границе, собираясь проститься с провожатыми, он сказал только: «День этот будет для эллинов началом великих бедствий», и продолжал путь. Когда же он прибыл в свой

лагерь и Архидам узнал, что афиняне ни в чем не согласны уступить, царь снялся со стоянки и двинул войско дальше в их землю. А беотяне доставили в помощь пелопоннесцам часть своей пехоты и конницу, с остальным же войском подошли к Платее и стали опустошать ее поля.

13. Пелопоннесцы собирались еще на Истм и были в пути перед вторжением в Аттику, когда Перикл, сын Ксанфиппа, один из десяти афинских стратегов, узнал о предстоящем вторжении. Перикл подозревал, что Архидам, связанный с ним дружбой гостеприимца, пожалуй, не тронет и не опустошит его полей или по собственному желанию угодит ему, или даже по внушению от лакедемонян, с целью возбудить против Перикла подозрение сограждан, подобно тому как прежде из-за него же предложено было изгнать лиц, причастных скверне. Поэтому Перикл объявил афинянам в народном собрании, что хотя Архидам ему и друг, но от этого не последует для государства вреда; если же неприятель не станет разорять его полей и домов так же, как и прочих граждан, то он сам уступает их государству и тем снимает с себя всякое подозрение. О положении дел советы его были прежние: готовиться к войне, все добро свезти с полей в город, не выходить на битву, но запереться и охранять город, снаряжать флот, в котором сила афинян, а союзников держать в руках; сила, говорил он, зиждется на приливе денег от союзников, а в войне обычно побеждают рассудительность и обилие денег. Поэтому он призывал мужаться: ведь обыкновенно государство получает от союзников шестьсот талантов подати в год, не считая прочих доходов, да еще на Акрополе хранится чеканной монеты шесть тысяч талантов (было их даже до девяти тысяч семисот талантов, но из них произведены были расходы на Пропилен в Акрополе, на другие постройки и на Потидейский поход); да нечеканенного золота и серебра в виде частных и общественных вкладов, да священной утвари для процессий и состязаний, да персидской добычи и прочего не меньше, как на пятьсот талантов. Он причислял сюда еще немалые деньги из остальных святилищ, которыми можно воспользоваться, если больше будет неоткуда взять, равно как и золотым облачением самой богини, статуя которой имеет на себе сорок талантов чистого золота, и все оно может быть свито; но, употребивши это золото на спасение государства, необходимо будет (прибавляя Перикл) возвратить его без убыли. Так ободрял он афинян перечислением денежных средств. Далее он напомнил, что у них есть тринадцать тысяч латников, не считая

стоявших в гарнизонах и шестнадцать тысяч на охране стен, — ибо именно столько их охраняло город в пору первого вторжения неприятеля, а были это граждане самого старшего и самого младшего возрастов и метеки, служившие в латниках: от Фалерской стены до обводной городской считалось тридцать пять стадиев, из этой последней охранялись сорок три стадия (остальная часть ее, между Длинной и Фалерской стенами, не охранялась), «Длинные стены» до Пирея охранялись снаружи на сорок стадиев, а в Пирее с Мунихией из шестидесяти стадиев охвата охранялась половина. Наконец, конницы вместе с конными стрелками имелось тысяча двести человек, стрелков тысяча шестьсот и трехрядных, годных к плаванию, судов триста. Таковы, ничуть ни меньшие, средства были у афинян в то время, когда предстояло первое вторжение пелопоннессцев и афиняне начинали войну. Все это и многое другое говорил, по обыкновению, Перикл с целью доказать, что перевес в войне останется за афинянами.

14. Афиняне выслушали Перикла и приняли его предложение: стали переправлять с полей в город женщин, детей и хозяйственное добро, уничтожали даже деревянные части самих жилищ; а мелкий и выюный скот перевозили на Евбею и ближние острова.

Тяжело было для афинян сниматься с места, потому что большинство их привыкло постоянно жить на своих полях. 15. Дело в том, что так издревле жили афиняне даже больше, чем другие эллины. Ибо лишь при Кекропе и первых царях до Фесея население Аттики жило постоянно отдельными городами, со своими властями и правителями, и если ничто не грозило, то они не сходились и на советы к царю, но управлялись и совещались по отдельности. Некоторые города по временам даже воевали между собою, как при Евмолпе элевсиняне против Эрехфея. Но когда воцарился Фесей, соединив в себе силу с умом, он повсюду навел порядок и при этом упразднил советы и правления прочих городов, всех объединил вокруг нынешнего города, учредивши один совет и одно правление. Каждый продолжал возделывать свои земли как и прежде, но город теперь пришлось иметь один; и собрав вокруг себя всех, город стал велик, и таким передан был от Фесея его потомкам. С тех пор и по сие время афиняне на народный счет совершают в честь богини празднество «Сселения». А дотоле город занимал лишь нынешний Акрополь и южный перед ним склон. Доказательство этого: святыни [Афины] и других божеств находятся на самом Акрополе, а если вне его, то по большей части с этой

стороны — это святыни и Зевса Олимпийского, и Аполлона Пифийского, и Геи, и Диониса Болотного, в честь которого справляются двенадцатого анфестериона древнейшие Дионисии (как до сих пор и у ионян, происходящих от афинян). Здесь лежат другие древние святыни, здесь же и источник, обстроенный при тиранах и названный Эннеакрунами, а прежде, в открытом виде, звавшийся Каллироей; из этого источника, как из ближнего, брали воду для большей части торжественных обрядов, да и теперь берут по давнему обычаю для свадеб и других священнодействий. А сам Акрополь по древности своего заселения и доселе у афинян называется «городом».

16. Вот каким образом афиняне долго жили самостоятельно по разным местам, да и после поселения, как в древнее, так и в последующее время вплоть до настоящей войны, большинство их по привычке от рождения жило все-таки на своих полях. Поэтому нелегко им было сниматься с места всем домом, тем более что лишь недавно они снова здесь устроились после Персидских войн. Тяжко и трудно было им покидать дома и святыни, которые искони, со времен древнейшей их самобытности, были для них «отцовскими»; они должны были изменить весь образ жизни, и каждый из них словно покидал отечество.

17. Когда они явились в Афины, то помещений там нашлось только для немногих; кое-кто отыскал приют у друзей или родственников; большинство же поселилось на городских пустырях и в святилищах богов и героев, кроме разве Акрополя, Элевсиния и некоторых других, запертых на замок. По великой нужде заселен был даже так называемый Пеларгик под Акрополем, заклтый от заселения, о чем гласили и последние слова пифийского вещания: «Лучше Пеларгику быть невозделанным». Мне кажется, вещание это исполнилось в смысле обратном тому, как его поняли: не беда постигла город за недозволенное заселение, но сама нужда в этом заселении возникла по причине войны; не называя войны, оракул предугадал, что подобру это место заселено не будет. Многие устроились в крепостных банях и вообще где и как могли, ибо город не мог вместить всех собравшихся; впоследствии они поделали и заняли даже Длинные стены и большую часть Пирея. В то же время афиняне принялись готовиться к войне, собирать союзников и снаряжать сто кораблей для нападения на Пелопоннес с моря. Так готовились афиняне.

18. Пелопоннесское войско подвигалось тем временем вперед и достигло Аттики прежде всего у Энои, где намечено было вторжение. Там они расположились лагерем, готовясь к приступу укреплений, даже с помощью машин; ибо Эноя, находясь на границе Аттики с Беотией, была укреплена, и афиняне всякий раз, когда случалась война, держали там гарнизон. В приготовлениях к приступу пелопоннесцы медлили подле Энои; Архидам очень обвиняли за это, так как он, казалось, не одобряя быстрых действий, вяло вел войну и щадил афинян: неудовольствие вызвали и остановка собранного войска на Истме, и промедление в дальнейшем пути, и в особенности задержка при Эное. В самом деле, за это время афиняне со своим имуществом укрылись в город, пелопоннесцы же полагали, что быстрым натиском можно было бы захватить все это еще за городом, если бы не медлительность Архидам. Так войско на привале пегодовало на Архидам, он же выжидал, говорят, надеясь, что афиняне уступят, пока земля их еще не тронута, и не решатся допустить ее до разорения.

19. Однако когда приступом Эною взять не удалось никакими способами, а глашатаев от афинян все не было, тогда, примерно на восьмидесятый день после платейских событий, в разгар лета, в пору созревания хлеба, пелопоннесцы снялись из-под Энои и вторглись в Аттику; вел их царь лакедемонян Архидам, сын Зевксидама. Приостановясь, они опустошили прежде всего Элевсин и Фриасийскую равнину, а подле так называемых Рейтов отразили набег афинской конницы. Затем они двинулись дальше через Кропнию, оставляя справа Эгалеийские горы, пока не пришли в Ахарны, обширнейшую местность среди поселков Аттики. Здесь они надолго стали станом и опустошали поля.

20. Архидам же стоял у Ахарн с войском, готовым к битве, а на равнину при этом вторжении не спустился, говорят, вот почему. Он надеялся, что афиняне, цветущие пылкой молодежью, готовые к войне лучше, чем когда-либо раньше, сами выйдут, может быть, на бой и не станут терпеть разорение своих полей. И вот после того, как афиняне не встретили его ни в Элевсине, ни на Фриасийской равнине, он попытался вызвать их на бой, став при Ахарнах: и местность здесь представлялась удобной для стоянки, и ахаряне, казалось, составлявшие немалую часть граждан (их было три тысячи латников), не потерпят разорения своего имущества и увлекут всех к битве. Если же афиняне при этом вторжении и не выступают, думал Архидам, то впредь уже не так опасно будет

опустошать их равнину и подступать к самому городу, потому что ахарняне, лишась своего достоинства, за чужое будут рисковать уже не с прежним пылом, и поэтому возникнут распри. Вот с каким расчетом Архидам оставался подле Ахарн.

21. Афиняне же, пока войско находилось в Элевсине и на Фригийской равнине, питали еще некоторую надежду, что ближе неприятель не подойдет; они помнили, как царь лакедемонян Плистоанакт, сын Павсания, за четырнадцать лет до этой войны вторгся в Аттику с пелопоннесским войском именно в Элевсин и Фригий, но не пошел дальше и вернулся назад (и за это был изгнан из Спарты, ибо показалось, что отступил он, будучи подкуплен). Но когда афиняне увидели врага подле Ахарн, в шестидесяти стадиях от города, они не могли долее сдерживать себя: земля их опустошалась у них на глазах, чего младшие еще не видели, да и старшие не видели со времени Персидских войн. Это казалось ужасно; все, в особенности молодежь, решили долше не терпеть, а выходить на бой. На сходках вспыхивали большие споры: одни требовали битвы, кое-кто из других был против, прорицатели вещали проридания на всякий толк, и каждый бежал их послушать. Больше всех за битву стояли ахарняне (а они составляли немалую часть афинян и понимали это), так как опустошалась их земля. Возбуждение охватило весь город; граждане негодовали на Перикла, не вспоминали никаких его прежних внушений, но все бранили его за то, что он не вел их в битву как стратег, и считали его виновником всех своих страданий.

22. Перикл, хоть и замечая, что граждане обстановкой недовольны и судят неладно, однако веря, что он правильно решил не выходить на бой, не созывал ни народного собрания, ни иных каких совещаний из опасения, как бы в таком совете, поддавшись страсти вместо разума, граждане не впали в ошибку; но город он охранял и спокойствие в нем поддерживал, как мог. А чтобы легучие отряды, отделясь от неприятельского войска, не губили пригородные поля, он всякий раз высылал против них конницу. Подле Фригий произошла даже конная стычка между одним из афинских верховых отрядов с фессалийской подмогой и беотийскими всадниками; афиняне с фессалийцами держались, пока на помощь к беотянам не подоспели латники, а потом обратились в бегство, потеряв нескольких убитыми, — впрочем, их они вынесли с поля в тот же день и без уговора; а пелопоннесцы на следующий день водрузили свой трофей. Фессалийская эта помощь афинянам была

оказана в силу давних союзнических отношений: фессалийцы пришли из Ларисы, Фарсала, Краннопа, Пираса, Гиртоны и Фер, начальниками их были от Ларисы Полимед и Аристоной, каждый от своих сторонников, а от Фарсала Менон; были начальники и у прочих, особо от каждого города.

23. Так как афиняне не выходили на бой, то пелопоннесцы снялись из-под Ахари и стали разорять другие поселки, что между горами Парнефом и Брилессом. Они еще не покинули Аттику, когда афиняне выслали в воды Пелопоннеса сто снаряженных кораблей с тысячью латников и четырьмястами стрелков: стратегами были: Каркин, сын Ксенотима, Протей, сын Эпикла, и Сократ, сын Антигена. С такими-то силами афиняне снялись с якоря и стали плавать кругом Пелопоннеса; а тем временем пелопоннесцы, пробывши в Аттике, пока хватило у них запасов, отступили обратно через Беотию, но не тем путем, по которому вторгались: они пошли мимо Оропа и опустошили так называемую Грайскую землю, которую возделывают подчиненные Афинам оропие. Воротясь же в Пелопоннес, они все разошлись по своим государствам.

24. Когда пелопоннесцы отступили, афиняне поставили на суше и на море сторожевые посты, собираясь держать их до конца войны. Затем они постановили отделить из денег, хранившихся на Акрополе, тысячу талантов, отложить их и не тратить, а воевать на остальные средства; кто же предложит в беседе или в собрании тронуть эти деньги иначе как на случай защиты от неприятеля, если он с флотом своим нападет на город, того казнить смертью. Точно так же решили отделять каждый год сто самых лучших трехрядных судов с их начальниками, чтоб беречь их, вместе с упомянутыми деньгами, лишь на случай той же опасности, ежели понадобится.

25. Между тем сто афинских кораблей, да пятьдесят керкирских кораблей, явившихся на помощь, да некоторые другие из тамошних союзников плавали вокруг Пелопоннеса, разоряя различные местности; между прочим, они высадились и у Мсфоны в Лаконике, где подступили к укреплениям, слабым и малолюдным. Но случилось так, что в тех местах находился со стражею спартанский гражданин Брасид, сын Теллида; уведомленный, он поспешил на помощь с сотисей воинов, прорвался через афинское войско, рассеявшееся по полям и занятое возведением вала, и вступил в Мсфону; при вторжении он потерял несколько воинов, но спас город, и за этот военный подвиг первый в Спарте удостоился похвалы. Афиняне же снялись с якоря и поплыли дальше. Приставши близ Фин

в Элиде, они два дня опустошали ее поля и разбили в сражении триста отборных воинов, прибывших на помощь из Глубокой Элиды и окрестностей. Когда же поднялся сильный ветер и афиныяне на том непривальном берегу стали терпеть от непогоды, большинство их ушло на кораблях за Рыбий мыс к фийской гавани, между тем как мессеняне и некоторые другие, не имевшие возможности сесть на корабли, двинулись по суше прямо к Фию и взяли ее; а потом подошли корабли, забрали их и, покинув Фию, отплыли, ибо туда уже явилось на помощь большое войско элидян. И афиныяне поплыли вдоль берега опустошать другие места.

26. Около того же времени афиныяне отправили тридцать кораблей к Локриде и для охраны Евбеи; стратегом был Клеопомп, сын Клиния. Высадившись там, он опустошил некоторые прибрежные местности и взял Фроний, забрал оттуда заложников и при Алоне разбил локров, явившихся на помощь.

27. Тем же летом афиныяне изгнали из Эгины эгинян вместе с их женами и детьми, вменив в вину им то, что они были главными виновниками войны; да и безопаснее казалось, если лежащая подле Пелопоннеса Эгина будет занята собственными их поселенцами, — и они послали их на Эгину немного спущая. Изгнанным эгинянам лакедемоняне дали жить в Фирее и пользоваться ее землей, — отчасти из вражды к афиныянам, отчасти за прежние услуги при землетрясении и восстании илотов. Та Фирейская область лежит у моря на границе Арголиды и Лаконики; одни из эгинян поселились здесь, другие расселись по остальной Элладе.

28. Тем же летом, в новолуние, — кажется, только тогда это и возможно, — солнце после полудня затмилось, так что стало как полумесяц, и появились звезды, а потом округлилось снова.

29. Тем же летом абдерский гражданин Нимфодор, сын Пифеев, на сестре которого женат был Ситалк и который при Ситалке пользовался большим влиянием, прежде считавшийся врагом афиныя, был теперь объявлен их проксеном и приглашен в Афины, ибо через него афиныяне искали союза с царем фракии Ситалком, сыном Тереса. Этот Терес, отец Ситалка, первый расширил царство одрисов на большую часть остальной Фракии (ибо много есть фракиян и независимых). С тем Тереем, который был муж Прокны, дочери Пандиона из Афин, он отнюдь не сродни, и даже родом он не из той же Фракии: Терей жил в Давлии, в нынешней Фокиде, которая тогда заселена была фракиянами, здесь и женщины его совершили свое деяние над Итисом (у многих поэтов

соловей упоминается под именем давлийской птицы), здесь и Пандион, очевидно, ради взаимной помощи искал свойства через дочь с ближними фокидянами, а не с одрисами, отделенными многими днями пути. А Терес, у которого и имя-то иное, был первым могущественным царем одрисов; и с сыном его Ситалком афиняне искали союза, желая, чтобы он помог им покорить фракийские местности и Пердикку. По прибытии в Афины Нимфодор устроил для афинян союз с Ситалком и афинское гражданство для его сына Садока, сам же обещал довершить войну на Фракийском побережье и уговорить Ситалка отправить афинянам на помощь фракийское войско из конников и копейщиков. Нимфодор же помирил с афинянами и Пердикку, убедив возвратить ему Ферму; и Пердикка немедленно вместе с афинянами и Формионом пошел на халкидян. Таким-то образом союзниками афинян сделались царь фракия Ситалк, сын Тереса, и царь македонян Пердикка, сын Александра.

30. Между тем афиняне на ста кораблях в водах Пелопоннеса берут городок коринфян Соллий и всецело передают его вместе с полями акарнанским палерянам для жительства; и Астак, где правил Еварх, они взяли силою, тирана выгнали, а местность присоединили к своему союзу. Потом афиняне поплыли против острова Кефаллени и без боя привлекли его на свою сторону; Кефаллени же, лежащая против АкARNании и Левкады, есть четырехгранная, в которое входят: Пала, Крании, Самеи, Пронны. После чего корабли вскоре возвратились в Афины.

31. Под осень этого лета афиняне всем народом, как граждане, так и метеки, вторглись под начальством стратега Перикла, сына Ксанфиппа, в Мегариду. А те, что плавали вокруг Пелопоннеса на ста кораблях, случились в это время на обратном пути уже подле Эгины; узнавши, что остававшиеся в городе афиняне всем войском стоят при Мегарах, они поплыли туда и соединились с ними. Так собралось огромное афинское войско со всего государства, еще цветущего и не пострадавшего еще от болезни: одних граждан было не меньше десяти тысяч латников (да еще три тысячи были у Потидеи), метеков с ними выступило не меньше трех тысяч латников, и еще было немалое количество легковооруженных. Опустошивши много мегарской земли, войско возвратилось. Такие вторжения в Мегариду совершались во время войны ежегодно и потом, то конницей, то всем войском, пока афиняне не взяли Нисен.

32. В конце того же лета афиняне обратили в укрепление и Аталанту, остров подле Локриды Опунтской, дотоле необитаемый, чтобы пираты из Опунта и остальной Локриды не разоряли Евбею.

Таковы были события этого лета после отступления пелопоннессцев из Аттики.

33. В следующую зиму акарнанский Еварх, желая возвратиться в Астак, уговорил коринфян помочь ему на сорока кораблях с полутора тысячами латников и сам еще принаряд наемников. Начальствовали над войском Евфамид, сын Аристонима, Тимоксен, сын Тимократа, и Евмах, сын Хрисиды. Коринфяне приплыли и вернули Еварха в Астак; они и в остальной Акарнании попытались завладеть береговыми местами, но не смогли и отплыли домой. Проплывая Кефаллию, они высадились при Краниях, но, будучи введены в обман каким-то с ними договором, подверглись нападению врасплох, потеряли несколько воинов и, жестоко теснимые, ушли восвояси.

[НАДГРОБНАЯ РЕЧЬ ПЕРИКЛА]

34. В ту же зиму афиняне, согласно обычаю предков, совершили на всенародный счет погребение первых воинов, павших в этой войне. Сделано было так. За три дня до похорон сооружают подмости и там выставляют останки павших, чтобы каждый своим близким делал приношения, какие хочет. Во время выноса десять колесниц от десяти фил движутся с кипарисовыми гробами, кости каждого павшего в гробу его филы; и еще несут одно пустое ложе для погибших без вести, чьих останков не могли сыскать. В выносе идут все желающие, горожане и иноземцы; женщины, родственницы покойников, голоса над могилой. Гробы опускают на всенародном кладбище в красивейшем городском предместье, где всегда хоронили павших в войне, кроме лишь убитых при Марафоне, которых за великую их доблесть там и погребли. Когда останки засыпаны, то выбранный от города человек, славный умом и видный положением, произносит над усопшими подобающее похвальное слово; и затем все расходятся. Так совершаются похороны; и в течение всей войны афиняне всякий раз держались этих обычаев. Здесь, для речи над первыми павшими, выбран был Перикл, сын Ксанфиппа. Когда пришло время, он выступил вперед от погребения,

взошел на высокий помост, чтобы голос его был слышнее в толпе, и произнес следующую речь.

35. «Те, кому случалось говорить с этого места, воздают обычно похвалу тому, кто ввел в обряд такую речь, ибо впрямь прекрасно говорить так над павшими в войнах. Мне же кажется достаточным, чтобы мужам, отличившимся в деле, и почести воздавались бы делом, — например, вот этим всенародным погребением; и не надо бы рисковать, вверяя доблесть многих слову одного, то ли удачному, то ли нет. Ибо нелегко соблюсти меру в речах, где истина лишь с трудом становится убедительна. В самом деле, слушатель, знающий и благосклонный, может сказанное счесть недостаточным по сравнению с тем, что он знает и хочет услышать; и напротив, слушатель несведущий может в зависти счесть иное и преувеличенным, если что услышит выше собственных сил, — ведь человек способен слушать похвалу другим лишь до тех пор, пока и себя считает способным на слышимое, а что выше этого, то возбуждает в нем лишь зависть и недоверие. Но так как обычай наш одобрен людьми старого времени, то и я ему обязан подчиниться, попытавшись, сколь возможно, сказать то, что чувствует и хочет каждый из вас.

36. Я начну прежде всего с предков, ибо именно сейчас справедливость и пристойность требуют воздать им дань воспоминания. Ведь это они, от века обитавшие в этой земле, из поколения в поколение доблестью своею сохранили ее свободной до наших дней. И за это они достойны похвалы; а еще достойнее ее отцы наши, потому что к полученному ими наследию трудами своими приобрели они нынешнее наше могущество и оставили его нам. А затем приумножили его и мы сами, ныне здравствующие и полные сил, сделав город наш вполне и во всем независимым и в военное и в мирное время. Но какими что приобрели мы воинскими подвигами и с какой отвагой мы или отцы наши отражали вражий натиск варваров или эллинов, о том вы сами знаете, и мне не нужно много говорить. А вот какие заботы и труды привели нас к этому, при каких порядках и какими средствами достигли величия, об этом я и хочу сказать, прежде чем восславлю павших воинов: думаю, что именно сейчас напомнить это не излишне, и всему собранию горожан и иностранцев полезно это выслушать.

37. Государственные наши порядки не следуют чужим обычаям: мы скорее сами подаем пример, чем подражаем другим. Называется наш строй народовластием, потому что зиждется не на меньшинстве, а на большинстве народа. Законы наши в частных

делах всем дают нам равные возможности. Уважением у нас каждый пользуется по заслугам, и ни поддержка приверженцев не приносит больше успеха, чем собственная доблесть, ни скромность звания не мешает бедняку оказать услугу государству. Мы свободно ведем общественные наши дела, а в повседневных заботах не страдаем друг к другу подозрительностью, не раздражаемся на тех, кто делает что-либо в свое удовольствие, и досады своей, хоть и безвредной, но все же неприятной, мы не обнаруживаем. Не зная гнета в частной жизни, мы умеем страшиться беззакония в общественной и всегда повинuemся лицам, облеченным властью, и законом, а из них в особенности тем, которые существуют на пользу обижаемым и которые, будучи неписаными, тем бесспорнее влекут позор для нарушителя. 38. Ежегодными нашими состязаниями и жертвоприношениями мы даем душе многообразное отдохновение от трудов, равно как и благолепие домашнего уюта повседневною приятностью своею отгоняет уныние. А так как город наш велик, то к нему стекается все и отовсюду, так что благами других народов наслаждаемся мы так же свободно, как плодами нашей собственной земли.

39. В военных заботах отличаемся мы от противников вот чем: государство наше мы открываем для всех и никакими гонениями не мешаем иноземцам видеть нас и знать, ибо мы нисколько не боимся, что враги подсмотрят у нас что-то и используют: мы сильны не столько тайной подготовкою и хитростью, сколько свойственной нам отвагой в открытых действиях. И в делах воспитания противники наши с малых лет закаляют мужество тяжелыми упражнениями, мы же, хоть живем непринужденно, а не хуже их встречаем равноборные опасности. И вот доказательство этому: лакедемоняне идут войной на нашу землю не одни, а со всеми своими союзниками, тогда как мы нападаем на врагов без всякой помощи и даже на чужбине без труда обычно побеждаем тех, кто бьется за свое достоинство. Совокупных наших сил никто из врагов еще не меривал, ибо мы одновременно и о нашем флоте заботимся, и о наших же сухопутных многих предприятиях; потому-то враги, одолевши в стычке лишь частицу наших войск, кичатся победою над всеми, а потерпевши поражение, говорят, будто от всех. И хотя на опасности мы легко идем скорее по беспечности, чем из привычки к тяготам, скорее по храбрости природной, чем предписываемой законами, все же преимущество наше в том, что мы не томим себя заранее предстоящими лишениями, но, подвергшись им, оказываемся не малодушной наших вечно труждающихся противников.

И не только потому, но и по другому многому государство наше достойно удивления.

40. Мы любим красоту без прихотливости и мудрость без ослабленности; мы пользуемся богатством, чтобы браться за дело, а не хвастать на словах; и в бедности у нас не постыдно признаться, а постыднее не выбиваться из нее трудом. Люди у нас заботятся одновременно и о домашних своих делах, и о государственных, да и у кого другие есть дела, и тем не чужды государственные понятия: кто далек от них, того лишь мы одни зовем не вольным человеком, а тунеядцем. Мы стараемся сами правильно обдумать или оценить наши действия и не думаем, что слова делам во вред; вредней бывает браться за нужное дело, не уяснив его заранее на словах. Превосходство наше также в том, что мы умеем и отважно дерзнуть и размыслить, на что мы дерзаем; у прочих, наоборот, неведение вызывает отвагу, размышление же — нерешительность. А ведь сильными духом впрямь должны считаться прежде всего те, кто ясно понимают и страшное и сладкое, но от этого не отступают пред опасностями. Равным образом и в услугах мы поступаем противоположно большинству: друзей мы приобретаем, — не принимая от них услуги, а сами их оказывая. Оказавший услугу — более надежный друг, так как он своим расположением к получившему услугу сохраняет в нем признательность; напротив, человек облагодетельствованный менее чувствителен, ибо знает, что ему предстоит возратить услугу не из благодарности, а по долгу. Мы одни благодетельствуем безбоязненно, не столько из расчета на выгоды, сколько из доверия, покоящегося на свободе.

41. Говоря коротко, я утверждаю, что все наше государство есть школа Элады; каждый человек у нас, мне кажется, может приспособиться к занятиям самым многообразным и без всякой грубости, а тем самым ловче всего добиться для себя независимого состояния.

Что все сказанное — не пустая похвальба по удобному поводу, но сущая истина, доказывает сама сила нашего государства, достигнутая именно этими свойствами. Действительно, из нынешних государств только наше выдерживает испытание выше всех пересудов, только наше не заставляет врага негодовать, что такие бойцы его отразили, не заставляет подданных роптать, будто властвуют над ними недостойные. В этой силе своей, очевидной для всех и доказанной великими доказательствами, мы послужим предметом удивления для современников и потомства, и не нужен нам ни

славословящий Гомер, ни иной какой песенный ласкатель, ибо краткую их выдумку разрушит истина наших дел. Мы нашей отвагой заставили все моря и все земли стать для нас доступными, мы везде поставили вечные памятники наших бед и благ. Вот за какое государство положили в борьбе жизнь эти воины, считая долгом чести быть ему верными, и каждому из оставшихся в живых подобает желать всякого труда во имя его.

42. Я затем и говорил так долго о государстве нашем, чтобы показать, что мы и враги наши, у которых нет ничего подобного, ведем борьбу за неравное, и чтобы хвала моя тем мужам, над коими я говорю, не осталась бездоказательна. И важнейшее уже сказано, ибо всю красу, что я прославил здесь, принесла нашему городу доблесть этих и подобных им мужей и немного пайдется эллинов, чьим делам такая хвала была бы под стать. Думается мне, что для мужской доблести первым признаком и последним подтверждением бывает вот такой конец. Ибо человек с недостатками честно их уравнивает мужеством в войнах за отечество: здесь добром стирается зло, и общая польза заслоняет вред от частных каждого. Ни один из этих воинов не оробел, предпочитая наслаждаться богатством своим, и не уклонился от опасности в надежде избить бедность свою и разбогатеть: месть врагу для них была желаннее, риск опасности казался им прекраснее всего, с этим риском хотели они отомстить, а от тех благ отказаться. Надежде предоставив неверность успеха, в прямой борьбе лицом к лицу с опасностью они считали долгом полагаться только на себя: им казалось краше, отражая врага, погибнуть, нежели, уступив, спастись. Они избегли позорящего слова, они жизнью отстояли свое дело и в роковой свой миг, отходя, преисполнены были не столько страхом, сколько славою.

43. Столь достойны государства оказались эти павшие. А вам, оставшимся в живых, следует себе желать большей безопасности, но перед врагом решиться на не меньшую отвагу. Не словами на это вдохновляйтесь, хотя иной долго может говорить о том, что вы и сами знаете не хуже его, и долго перечислять все блага от побед над врагом, — нет, вы должны на деле повседневно взирать на силу нашего государства, полюбить ее, и когда представите себе ее величие, то вспомнить, что его стяжали люди — люди отважные, знавшие свой долг и в борьбе руководившиеся чувством чести. Если же в предпринятом случалось им терпеть неудачу, они не считали достойным лишать государство своей доблести и слагали для него

прекраснейшую складчину — отдавали сообща жизнь и за то обрели каждый для себя нестареющую похвалу и славнейшую могилу: не столько эту, в которой они покоятся теперь, сколько ту, где слава их остается незабвенною, — в каждом слове и деле потомков. Знаменитым людям могила — вся земля, и о них гласят не только надгробные надписи на родине, но и неписаная память в каждом человеке и даже на чужбине: память не столько о деле их, сколько о духе их. Соревнуйте этим мужам, считайте счастьем свободу, а свободю мужество и потому не озирайтесь пред военными опасностями. Не щадите своей жизни — это удел не злополучных и отчаявшихся, а скорее тех, кому грозит перемена в жизни к худшему и кому от поражения перемена эта всего заметнес. Ведь для человека гордого унижение в трусости большей, чем смерть, ибо смерть нечувствительна, когда на нее идут с твердостью и с надеждой на общее благо.

44. Вот почему, присутствующие здесь родители павших ныне воинов, не горевать я буду о вас, а утешать вас. Вы ведь сами выросли среди меняющихся обстоятельств, и вы знаете, какая это удача — кончить дни свои благолепною смертью, как они, или благолепною скорбью, как вы, и знаете, какое это счастье, когда доброй жизни соразмерна добрая смерть. Понимаю сам, как трудно утешать вас, потому что часто будете вы вспоминать о детях, видя чужое счастье, которое некогда было и вашим: ведь скорбят не о тех благах, которых лишаются, не познав, но о том, к которому привыкли и которого больше нет. Однако те из вас, кто по возрасту способны еще иметь детей, укрепляйте себя на них надеждою: будущие дети в доме помогут иным забыть о тех, кого уж нет, а государству принесут двойную пользу, не дав ему ни обезлюдеть, ни ослабеть. Ведь невозможно с равным правом обсуждать дела тем, кто не в равной мере рискует своими детьми. Вы же, перешедшие родительский возраст, считайте своей прибылью, что большую часть вашей жизни вы провели в счастье, а в недолгой оставшейся облегчайте скорбь доброю славою павших сыновей. Не стареет только жажда чести, и в бессильном возрасте услаждает нас не столько корысть, как говорят иные, сколько почет.

45. Вам же, здесь стоящим сыновьям и братьям павших, великое предвижу я состязание, ибо трудно будет вам при всем избытке вашей доблести стать не то что вровень, а хотя бы вслед им: ведь усопших всякий рад хвалить — тем, кто жив, завидуют соперники, а кто сошел с пути соревнования, тех ничто уж не мешает

любить и чтить. Наконец, если нужно мне упомянуть и о доблести женщин, которые останутся теперь вдовами, то я все скажу в коротком увещании: быть не слабее присущей женщинам природы — великая для вас слава, и тем выше, чем меньше говорят о ней среди мужчин, все равно, с похвалою или с порицанием.

46. В слове моем, предписанном обычаем, я сказал все, что считаю нужным; делом же нашим в честь усопших частью будь свершенное здесь погребение, частью же то, что дети их отныне и до возмужалости будут воспитываться за всенародный счет. Это — от государства нашего лучший венок за участие в славной борьбе и умершим и оставшимся в живых: ибо где доблести назначена высшая из наград, там гражданствуют лучшие из граждан. Теперь же, оплакавши каждый своих родных, ступайте по домам».

47. Таковы были похороны, совершенные этой зимою. С окончанием ее кончился и первый год этой войны.

[ЧУМА В АФИНАХ И ПАДЕНИЕ ПЕРИКЛА]

В самом начале следующего лета пелопоннесцы и союзники их вторглись в Аттику с двумя третями своего войска, так же как и в первый раз, во главе с царем лакедемонян Архидамом, сыном Зевксидамовым, и, расположась, стали опустошать поля. Немного дней пробыли они в Аттике, как среди афинян стала являться болезнь. Говорят, и раньше она захватила многие местности, Лемнос и другие; но такой чумы и людской смертности не запомнили нигде. Не только врачи были бессильны, поначалу леча без понимания, а потом и сами умирая, тем чаще, чем больше сближались с больными, — бессильно было всякое человеческое искусство. Сколько люди ни зывали к святыням, оракулам и прочему, все было бесполезно; наконец, одолеваемые бедствием, оставили и это.

48. Началась она сперва, говорят, в заегипетской Эфиопии, потом спустилась в Египет, Ливию и большую часть царских земель. На Афины болезнь обрушилась внезапно и прежде всего поразила жителей Пирея, почему и говорили, будто пелопоннесцы отравили там колодези, — водопроводов там тогда еще не было; но потом она достигла и верхнего города, и людей тогда стало умирать уже гораздо больше. Но пускай о ней всякий судит по своему разумению, врач ли он или обыкновенный человек: и от чего она могла произойти, и какие причины способны были так переменить все состоя-

ние человека. Я же изложу только, какова она была и по каким признакам, ежели она нагрянет вновь, легче будет, что-то зная, ее распознать; все это я укажу, и сам болев, других недужных видов своими глазами.

49. Все были согласны в том, что от прочих болезней этот год был самый свободный; если же кто и заболел чем-нибудь, всякая болезнь разрешалась чумою. Остальных, кто был здоров, без всякой видимой причины внезапно схватывал прежде всего сильный жар в голове; появлялась краснота и воспаление глаз; затем и внутри гортань и язык тотчас затекали кровью, а дыхание становилось неправильным и зловонным. Вслед за этим наступало чиханье и хрипота, а немного спустя боль переходила в грудь, сопровождаясь жестоким кашлем. Когда болезнь бросалась на желудок, она производила тошноту и извержения желчи во всех видах, обозначаемых у врачей особыми именами, причем испытывалось тяжкое страдание; а на большинство больных нападала еще сухая икота, дававшая сильные судороги, которые иных отпускали тотчас, а иных лишь много спустя. Тело было на ощупь не слишком горячим и не бледным, а красноватым, с синевою, и на нем высыпали пузырьки и нарывы. Но внутренний жар был таков, что больной не выносил прикосновения самой легкой шерстяной, холщовой или иной одежды, а раздевался донага и с особенною приятностью кидался в холодную воду. Многие, оставшись без ухода, от неутолимой жажды бросались в колодцы; и безразлично было, пил ли кто много или мало. Непокой и бессонница угнетали больного непрерывно. Но хотя болезнь была во всей силе, тело не ослабевало, а, сверх ожидания, боролось со страданиями, так что больные большею частью умирали от внутреннего жара на седьмой или на девятый день, все еще несколько сохраняя силы. Если же больной переживал эти дни, болезнь спускалась в живот, там образовывалось сильное нагноение, сопровождавшееся неодолимым поносом, от которого потом многие, обессилив, умирали. Так болезнь проходила по всему телу, начиная сверху, где зарождалась в голове; а если кто переживал самое тяжелое состояние, то болезнь давала себя знать поражением конечностей — детородных частей или пальцев рук и ног; и многие с выздоровлением теряли эти члены, а иные лишались и глаз. Были и такие, которые тотчас по выздоровлении забывали решительно обо всем и не узнавали ни себя, ни близких.

50. Болезнь эта превосходила всякое описание: мало того, что она поражала каждого с такою силою, которой не могла сопротив-

ляться человеческая природа, необыкновенность свою яснее всего она являла в том, что все птицы и четвероногие, питающиеся трупами, — а многие трупы оставались без погребения, — или не приближались к ним, или, отведав их, погибали. Доказательство тому — что эта порода птиц на глазах исчезла и не видна была ни подле трупов, ни в каком другом месте; а на собаках, что живут при людях, такое действие трупов было еще приметней.

51. Такова была та болезнь, — в общих чертах, без многих особенностей, какими она отличалась у отдельных больных. Никакою другою из обычных болезней люди в то время не болели; если же какая и появлялась, то разрешалась она чумою. Умирали и те, за кем не было ухода, и те, о ком все заботились; не нашлось, можно сказать, ни одного врачебного средства, употребление которого должно было бы помочь: что шло на пользу одному, то вредило другому. Ни крепкое тело, ни слабое не в силах было выдержать болезнь, она уносила всех и при всяком лечении. Самым же ужасным во всей беде был упадок духа — ибо при первом же недомогании люди теряли надежду, отдавались скорее на произвол судьбы и уже не сопротивлялись болезни, — а также и то, что при уходе друг за другом люди заражались и мерли, как скот. Наибольшая смертность была именно от заразы. А если иные из страха и не желали приближаться друг к другу, то погибали в одиночестве: так по недостатку ухаживающих опустело множество домов. Если же кто приближался к больным, то погибал сам, — больше всего это были люди, желавшие помочь, ибо из чувства чести они не щадили себя и посещали друзей, когда даже члены семьи под конец покидали своих, устав горевать по умирающим и сдавшись силе бедствия. Больше сострадания к умирающим и больным обнаруживали оправившиеся от болезни, потому что, сами пройдя через нее, они были уже в безопасности: вторично болезнь не поражала, по крайней мере, насмерть; другие им завидовали, а сами они от чрезмерной радости в настоящем готовы были верить, что и впредь никакая болезнь их не погубит.

52. В довершение к постигнутому бедствию всех гнело скопление народа с полей в город, а особенно самих пришельцев. Так как домов не доставало и летом они жили в душных хижинах, то и гибли они неладно: умирающие лежали один за другим как трупы, или ползали полумертвые по улицам и около всех источников, мучимые жаждою. Святынища, где теснились их палатки, полны были трупов, так как люди умирали тут же. Оттого, что болезнь так

свирепствовала, люди, не зная, что с ними будет, перестали уважать и божеские и человеческие установления. Все обряды, какие прежде блюлись при погребении, были попорчены, всяк хоронил, как мог. Многие, за смертью стольких близких оставшись без погребальных средств, хоронили совсем неподобно: одни клали своего покойника на чужой костер и поджигали его прежде, чем являлись хозяева, другие приносили мертвого и бросали в горевший костер на чужой труп, а сами убегали.

53. И в остальном тоже эта болезнь стала для государства началом дальнейших беззаконий. Теперь каждый легче отваживался на то, что прежде таились делать в свое удовольствие: все видели быстроту перемен, как внезапно умирали богатые и как добром их тотчас завладевали ничего прежде не имевшие. Поэтому все желали вкусить скорейших наслаждений, считая, что и жизнь и деньги ненадолго даны. Никому не хотелось задолго страдать, чтоб достичь считаемого прекрасным, так как неизвестно было, доживет ли он до него; но что сразу было приятно или вело к тому, то и считалось прекрасным и полезным. Ни страх богов, ни людской закон никого не сдерживал: люди видели, что все гибнут одинаково, и потому считали безразличным, что чтить богов, что не чтить, а до суда и наказания за свои преступления никто дожить не надеялся. Гораздо более тяжким приговором считался тот, который висел уже над головою, и прежде, чем он обрушится, казалось, должно насладиться хоть чем-нибудь от жизни.

54. Вот какого рода бедствие пало гнетом на афины: в стенах умирали люди, за стенами опустошались поля. В несчастии, как водится, вспомнили и о том стихе, который, по словам стариков, древле пелся так: «Будет дорийская брань, и чума придет вместе с нею». Между людьми возник спор, что в этом стихе древними сказано не «чума», а «голод», но, конечно, по обстановке решено было, что сказано «чума»,— ибо память людей применялась к переживаемому; думаю, что если после этой случится другая дорийская война и с нею совпадет голод, то, наверное, и стих будут читать соответственно. Знаящие вспомнили и вещание лакедемонянам на вопрос, следует ли воевать; тогда божество рекло, что они победят, если будут воевать всею силою, и само обещало помочь им; казалось, что все сбывается по прорицанию, так как за вторжением пелопоннесцев тотчас началась чума. В Пелопоннесе болезнь не проникла сколько-нибудь заметным образом, а больше всего охватила

Афины и затем другие самые людные местности. Так было с чужою.

55. Пелопоннесцы же, опустошив равнину, явились в землю, именуемую Приморьем, и дошли до Лаврия, где серебряные рудники афинян; здесь они сперва разорили берег, обращенный к Пелопоннесу, а потом и обращенный к Евбее и Андросу. Но Перикл, и в то время бывший стратегом, оставался при мнении, что не должно выходить на бой, как и во время первого вторжения.

56. Когда пелопоннесцы находились еще на равнине и не сошли в Приморье, Перикл снарядил сто кораблей к нападению на Пелопоннес, и когда все было готово, отчалил. На корабли он взял четыре тысячи афинских латников и триста человек конницы на судах для перевозки лошадей, тогда в первый раз такие сделали из старых кораблей. Вместе с афинянами выступили в поход хиосцы и лесбияне на пятидесяти кораблях. Когда это афинское войско отчалило, оно оставило пелопоннесцев уже в приморской Аттике. По прибытии к Эпидавру в Пелопоннесе, афиняне опустошили большую часть полей его, напали на город и понадеялись даже взять его, но не успели в этом. Отплыв от Эпидавра, они опустошили области Трезенскую, Галийскую и Гермийскую — все это прибрежье Пелопоннеса, — оттуда прибыли в Прасии, приморский городок самой Лаконики, опустошили часть его полей, а городок взяли и разорили; после этого они возвратились домой. Пелопоннесцев они уже не застали в Аттике: те отступили.

57. Все время, пока пелопоннесцы находились в афинской земле, а афиняне в морском походе, болезнь истребляла афинян и в войске, и в городе. Поэтому и пошли речи о том, что пелопоннесцы, узнав от перебежчиков о чуме в городе да и сами часто видя похороны, испугались и поспешили уйти. Впрочем, в это вторжение они дольше всего оставались в Аттике, опустошая всю страну: около сорока дней они пробыли в Аттике.

58. Тем же летом Гагнон, сын Никия, и Клеопомп, сын Клиния, товарищи Перикла по стратегии, взяли войско, что было у Перикла, и немедленно пошли на фракийских халкидян побережья и на все еще осажденную Потидею. По прибытии они двинулись к Потидее с машинами и пытались всеми средствами взять ее. Но им не удалось ни взятие, ни иное что-либо, достойное таких приготовлений: дело в том, что и здесь явилась болезнь, изводя афинян и губя их войско, так что и прежде здесь стоявшие афинские воины,

дотолѣ здоровые, заразились от Гагнонова отряда; Формиона же и тысячи шестисот воинов уже не было в Халкидикѣ. Так Гагнон возвратился на судах своих в Афины, дней за сорок потерявши от болезни из четырех тысяч латников полторы. Прежние воины остались осаждать Потидею.

59. После вторичного вторжения пелопоннесцев, когда вторично были опустошены поля, под гнетом и болезни и войны у афинян изменилось настроеніе. Перикла они стали обвинять за то, что он склонил их к войне и вверг в несчастья, а с лакедемонянами искали примиренія и послали к ним несколько посольств, но бесполезно. Чувствуя себя в безвыходности, они напали на Перикла. Перикл видел, что афиняне недовольны положеніем и ведут себя точно так, как он и ожидал. Поэтому, будучи еще стратегом, он созвал народное собраніе, чтоб ободрить афинян, смирить их раздраженіе, смягчить и успокоить. Выйдя к народу, он произнес такую речь.

60. «Я ждал от вас раздраженія против меня, и мне ведомы его причины; потому я и созвал народное собраніе, чтобы с упреком вам напомнить, что не так уж вы правы и в негодованіе на меня, и в малодушіи перед несчастьями. Я держусь того мненія, что когда все государство на верном пути, то это выгодней для граждан, чем если каждому будет хорошо, а всему государству трудно. Ибо если человек сам по себе благоденствует, а отечество гибнет, то он все равно ведь гибнет вместе с ним; и напротив, в благополучном государстве и злополучному человеку легче спастись. Итак, если государство способно нести на себе несчастья отдельных лиц, но не наоборот, то разве не следует всем нам помогать ему, вместо того чтобы делать так, как вы? Пораженные домашними несчастьями, вы упускаете из виду общее спасеніе и обвиняете меня, присоветовавшего войну, а вместе и себя самих, согласившихся со мной? Вы негодуете на меня — на того, кто вряд ли хуже всякаго другого понимает, что нужно, объясняет, что понял, любит государство и свободен от корысти. Ведь кто знает что-либо и не умеет объяснить, тот все равно что ничего не знает; кто способен и к тому и к другому, но не хочет добра государству, тот все равно не предложит ничего хорошаго; кто способен и к третьему, но доступен подкупу, тот за денги может продать все. Так вот, если вы согласны, что во мне всех нужных качеств хоть немного больше, чем в других, и по моему совету начали войну, то теперь напрасно обвиняете меня в неправомыслии.

61. Действительно, если принимать решение при общем благополучии, то начать войну — большое безумие. Но когда необходимо было или уступить и тотчас покориться соседям, или пойти на риск и спасти себя, то больше заслуживает упрека тот, кто бежит, а не тот, кто встречает опасность. Я все тот же и стою, где стоял; вы же изменяете себе, — в безопасности вы меня слушались, а в беде раскаиваетесь. Мои доводы кажутся ошибочными вашему слабодушию, потому что неприятности чувствует каждый из вас, а о пользе нет ясного представления ни у кого: и вот после перемены, столь сильной и внезапной, у вас недостало духа, чтоб держаться прежнего решения. Да, внезапность и неожиданность трудно предвидимых событий порабощает рассудок; это и постигло вас ввиду всех бедствий, а особенно чумы. Однако вам, гражданам великого государства, воспитанным в соответствующих нравах, не к лицу поддаваться и тягчайшим несчастьям, затмевая ваше достоинство: ибо люди одинаково осуждают того, кто из трусости оказывается ниже своей славы, и ненавидят того, кто из дерзости рвется выше своей славы. Вы должны, забыв личные невзгоды, добиваться общего спасения.

62. Как ни трудна и продолжительна война, победа будет нашей, — и хоть в этом были у вас сомнения, я не раз уже доказывал неправоту их; этого достаточно. Теперь я разъясню вам еще одну примету вашего могущества, о которой, кажется, ни вы никогда не задумывались, ни я в моих прежних речах; я и теперь о том не вспомнил бы, чтобы вы не затщеславились, если бы не видел неуместного вашего страха. Дело в том, что вы считаете себя владыками только над союзниками; я же утверждаю, что из двух стихий, явно вверенных человеку, суши и моря, над одним вы всецело повластны и в теперешних пределах, и в любых, в каких пожелаете: нет сейчас на свете ни царя, ни народа, чтобы задержать нынешнюю силу вашего флота. Эта мощь такова, что с нею не сравнится польза от домов и полей, потерю которых вы мните столь тяжкою: рядом с этой мощью они не больше стоят огорчения, чем какой-нибудь садик, утеха богача, если знать, что свобода, за спасенье которой мы боремся, легко нам все это вернет, а покорность врагу лишит нас, как водится, и прежде достигнутых благ. В том и другом не к лицу нам быть хуже отцов наших, которые это достояние не в подарок приняли, но своими трудами приобрели, сохранили и передали нам; постыднее потерять, что имешь, чем не достичь, чего ищешь. Нам пристало идти на врагов не только с

гордостью, но и с презрением, — ибо кичливость от счастливого неведения бывает и в трусе, а презрение рождается от сознательной уверенности в превосходстве над врагом, и эта уверенность у нас есть. В переменных успехах мужество крепнет от сознания уверенности в себе, чья опора не столько в надежде, сильной лишь в безвыходных положениях, сколько в понимании действительности, позволяющем верней предвидеть будущее.

63. Если вы рады власти, принесшей нашему городу почет, то или спасите этот почет, не пугаясь трудов, или вовсе за ним не гонитесь. Не думайте, что борьба идет лишь против рабства за свободу; она идет за сохранение власти и против опасностей, которые она на вас озлобила. Отрекаться от власти нам поздно: ведь она уже стала тиранической, захватить которую — несправедливо, а сложить — опасно. Зря иные в робком миролюбии разыгрывают теперь благородство: этим они могут лишь скорей сгубить все государство, если бы им удалось склонить к себе сограждан или отселиться для самоуправления. Миролюбие без готовности ко всему не спасает: это бестревожное рабство помогает государству не господствовать, а покорствоваться.

64. Не давайте же увлечь себя подобным гражданам и не недогадывайте на меня за то, что неприятель и вторгся к нам и делал все, чего и следовало ожидать, раз вы не захотели покориться ему: ведь вы сами вместе со мною решились воевать.

Правда, сверх того, что мы ждали, постигла нас эта болезнь — лишь она была превыше всех предположений. Оттого-то, я знаю, отчасти еще сильнее ваша ненависть против меня. Но это несправедливо: ведь не стали бы вы вменять в заслугу мне какой-либо вашей удачи, если бы она была нечаянной. Что от божества, то следует принимать с сознанием неотвратимости сего, а что от врагов, то с мужеством: так водилось в нашем городе прежде, и не нужно этому препятствовать. Сознайте, что за то и пользуется государство наше величайшею славою у всех людей, что оно не склоняется перед несчастьями, что в войнах оно потеряло столько людей и трудов, но доселе сохраняет великую силу, память о которой будет вечной в потомстве, если даже мы теперь уступим: ведь всему в природе свойственна и убыль. Останется память о том, что мы, эллины, над эллинами больше всего властвовали, что в жесточайших войнах выстояли против всех врагов вместе и порознь и что город наш во всем был больше и богаче всех. И если нерадивый может приписать все это, то жаждущий деятельности сам будет

соревновать нам, а не достигший столького — завидовать. А что нам приходится встречать и горечь и ненависть, это общая участь всех, кто притязает властвовать над другими. Но кто навлекает на себя зависть, стремясь к высшему, тот прав: ненависть держится недолго, блеск же в настоящем и слава в будущем вечно остаются в памяти людей. Так и вы ради прекрасного будущего непостыдным настоящим завоюйте с вашим рвением блеск и славу. С лакедемонянами не вступайте в переговоры и не показывайте вида, будто нынешние невзгоды вам в тягость; кто в бедствиях духом нимало не омрачается, а делом упорно сопротивляется, те и люди и государства бывають сильнее всех».

65. Такою речью Перикл старался унять раздражение афинян против себя и отворотить их ум от бедствий настоящего. И в общих своих решениях народ последовал его словам, не слал больше послов к лакедемонянам и упорнее стал вести войну: но частным образом все продолжали страдать — простой народ потому, что он потерял и то немногое, что имел, а сильные люди потому, что они лишились и сельских усадеб, и драгоценной утвари, и прочего богатого добра, а больше всего потому, что вместо мира была война. Все же и общее раздражение против Перикла прошло не раньше, чем он был наказан денежною пенею. Но прошло лишь малое время, как водится у толпы, и его снова выбрали в стратеги, доверив ему все дела: частное горе уже притушилось у каждого, а для общих нужд Перикл считался самым драгоценным человеком.

И действительно, пока он стоял во главе государства в мирное время, он вел его с умеренностью, блюл его безопасность и возвысил к наибольшему могуществу; а когда началась война, он и тут, как видно, предусмотрел всю ее важность. После этого он прожил лишь два года и шесть месяцев, а когда умер, то предвидение его о войне еще больше обнаружилось. В самом деле, Перикл утверждал, что афиняне выйдут победителями, если будут держаться спокойно, заботиться о флоте, не стремиться в войне к расширению владычества, не подвергать город опасности. Афиняне же во всем этом поступили как раз наоборот; да и в других делах, помимо войны, они действовали во вред себе и союзникам под влиянием личного честолюбия и личной корысти, и удайся им эти дела, весь почет и выгоды достались бы частным лицам, не удавшись же, они принесли пагубу в войне всему государству. Было это оттого, что Перикл, опираясь на свой ум и достоинство и, несомненно, будучи неподкупнейшим из граждан, свободно сдерживал народную массу,

и не столько она руководила им, сколько он ею: так как он приобрел свое влияние, не прибегая к недостойным средствам, он никогда не говорил в угоду массе, но мог в своем достоинстве подчас и гневно возражать ей. Так всякий раз, когда он замечал в афинянах неуместную заносчивость и дерзость, он смирлял их своими речами, доводя их до страха; а обьятым неразумною боязнью он внушал им снова отвагу. По имени это было народовластие, на деле же власть принадлежала первому гражданину. А преемники Перикла были скорее меж собой равны, но каждый стремился стать первым и для этого угождал народу и вверял ему правление. Оттого, как обычно в государствах больших и владычествующих, сделано было много ошибок; среди них был и сицилийский поход, не удавшийся не столько из-за неверного мнения о противнике, сколько оттого, что, выслав войско, граждане уже не думали о помощи высланным, а в стремлении своим к руководительству народом заняты были личными нареканиями, ослабляя войско и внося первые взаимную смуту в государственные дела. Однако, хотя и в Сицилии была потеряна большая часть флота и другие военные средства, и в городе происходили уже междоусобицы, [десять] лет еще афиняне выдерживали борьбу и с прежним врагом, и с примкнувшими к ним сицилийцами, и со все чаще отпадавшими союзниками, а потом и с сыном персидского царя Киrom, что снабжал пелопоннесцев деньгами на флот; и сдались они лишь после того, как силы их были сокрушены внутренними раздорами. Вот насколько ошибся Перикл в своих расчетах, когда предсказывал афинскому государству столь легкую победу в войне с одними пелопоннесцами.

Книга третья [ПАДЕНИЕ ПЛАТЕИ]

51. Тем же летом, по взятии Лесбоса, афиняне под начальством стратега Никия, сына Никерата, пошли против острова Минои, лежащего пред Мегарами: мегаряне, соорудив там башни, пользовались им как укреплением. Никий желал поставить там, поближе к Афинам, а не в Будоре на Саламине, сторожевой отряд, чтобы пелопоннесцы не могли, как бывало, тайком совершать оттуда нападения на трехрядных судах или слать пиратов и чтобы запереть подвоз к мегарянам. Прежде всего Никий, подступив с осадными машинами со стороны Нисеи, овладел двумя башнями, выступающими к морю, освободил вход в пролив между островом и сушей и укрепил остров со стороны материка, так как оттуда до острова было недалеко и легко могли подойти подкрепления по мосту через отмель. Все это было сделано в несколько дней; затем, оставив на острове укрепление и охрану, Никий с войском возвратился домой.

52. В ту же пору лета платейяне, оставшись без припасов и не имея сил долее терпеть осаду, сдались пелопоннесцам при следующих обстоятельствах. Пелопоннесцы шли приступом на стену, и платейяне не имели силы ее защитить. Лакедемонский начальник, поняв бессилie платейян, не пожелал брать город силою; таков был ему приказ из Лакедемона, чтобы если будет заключен мир с афинянами на условиях возвращения всего, что было взято в войну, то Платея как сдавшаяся добровольно не была бы возвращена. Он послал к платейянам глашатая с предложением: если они согласны добровольно сдать город лакедемонянам и принять их в судьи, то

будут наказаны только виновные и не иначе, как по суду. Так объявил глашатай. Платеяне, обессиленные уже вконец, сдали город. В течение нескольких дней, пока из Лакедемона не явились судьи, числом пятеро, пелопоннесцы кормили платейян. Когда судьи прибыли, никакого обвинения против платейян выставлено не было; вызывая в суд, их спрашивали лишь одно: оказали ли они услуги в течение происходящей войны лакедемонянам с их союзниками? В ответ на это платейяне просили позволить им высказаться обстоятельнее и выставили защитниками Астимаха, сына Асополая, и Лакона, сына Эмнеста, проксена лакедемонян. Защитники выступили с следующей речью:

53. «Лакедемоняне, мы сдали вам город из доверия к вам и не на такой надеясь суд, а на более законный, не других желая судей, а только вас, в убеждении, что ваш суд будет самым справедливым. Теперь же мы опасаемся, что ошиблись и в том и в другом: не без основания мы подозреваем, что и суд пойдет о высшей мере наказания и что судьями вы окажетесь не беспристрастными. Мы заключаем так из того, что против нас не было выставлено предварительное обвинение, на которое мы должны были бы дать ответ (нам самим пришлось потребовать слова), и из того, что допрос ваш слишком краток: правдивый ответ на него будет нам приговором, ложный — уликою. Выхода нам нет нигде, и мы вынуждены сказать несколько слов прежде, чем идти навстречу опасности: так будет надежнее. Ведь промолчав, мы навлекли бы упрек, что могли бы высказаться и спастись. Помимо всего другого, тяжело нам и убеждать вас. Если бы мы не знали друг друга, то еще могли бы помочь себе указанием на то, чего вы не знаете. Но теперь нам предстоит говорить с людьми, которым все известно, и нас страшит не только то, что вы заранее признали наши заслуги ниже ваших и это вменили нам в вину, но также и то, что в угоду другим мы стоим уже перед готовым решением.

54. Все же мы постараясь представить оправдание наших разногласий и с фивянами, и с вами, прочими эллинами, напомним об услугах, оказанных нами, и этим попытаемся вас убедить. На краткий вопрос о том, совершили ли мы в эту войну что-нибудь полезное для лакедемонян с их союзниками, мы отвечаем так: если вы спрашиваете нас как врагов, то не обижайтесь, что не видели добра от нас; если же вы считаете нас друзьями, то вы сами напрасно пошли на нас войною. Пока не было раздора, мы доказали нашу доблесть в борьбе с персами; мы и теперь не первые

нарушили мир, а тогда и вовсе из всех беотян только мы заодно с вами бились за свободу Эллады. Сухопутные жители, мы сражались на море у Артемисия, а когда была битва на нашей земле, стояли подле вас и Павсания; и какие ни были тогда опасности над эллинами, мы встречали их в полную силу. Вам самим, дакедемоняне, когда после землетрясения восстали илоты на Ифоме и Спарта была в великом страхе, мы послали на помощь третью часть своих граждан: не пристало забывать об этом!

55. Так мы отличились в делах давних и великих; врагами мы стали после, и вы виноваты в этом: когда, теснимые фивянами, просили мы о помощи, вы отвергли нас и посоветовали обратиться к соседним афинянам, так как вы-де живете далеко от нас. В эту последнюю войну от нас вам ничего худого не было и не грозило. Мы лишь не пожелали отложиться от афинян по вашему приказу — и были правы, ибо афиняне помогали нам против фивян, а вы медлили; после этого изменять афинянам было бы нечестно, особенно когда они на благо нам и по нашей просьбе приняли нас в свой союз и дали нам права гражданства; скорей напротив, нам подобало со всем усердием следовать их словам. Ведь когда и вы с афинянами ведете союзников на войну, то если что случится неладное, виноваты не те, кого ведут, а те, кто ведет на неправо дело. 56. Фивяне причинили нам много всяких обид, последнюю вы сами знаете: через нее мы и страдаем. Они захватили наш город в мирное время, к тому же в праздник, и мы наказали их по праву, следуя общему обычаю, что когда нападают, то защита законна; и за это нас теперь не следовало бы винить. Если вы, при разборе дела, будете соображаться с тем, что сейчас полезно вам и что враждебно фивянам, то окажетесь не истинными судьями справедливости, а скорей искателями собственных выгод. Но ведь если вы находите фивян полезными для вас теперь, то мы и прочие эллины были вам гораздо полезнее в пору злейшей опасности: ибо теперь вы сами страшны для других своими нападениями, а фивяне, когда варвар грозил рабством всем эллинам, были с ним заодно. И если теперь и есть на нас какая вина, то справедливость требует противопоставить ей тогдашнее наше мужество — и вы увидите, что заслуги больше вины. Время было такое, что среди эллинов редкостью было мужество против силы Ксеркса; похвалами превозносили тех из эллинов, которые перед лицом неприятеля не скрывались от опасности, но сами с риском для себя дерзали на блистательнейшие подвиги. В их числе были и мы,

удостовнившиеся тогда высшего почета; и вот теперь за то же самое грозит нам гибель, так как мы отдали предпочтение афинянам по долгу справедливости, а не вам, руководствуясь корыстью. Между тем об одинаковых поступках и судить следует одинаково, пользою считать следует только вечно прочную благодарность к честным союзникам за их доблесть; тогда и нынче в этом будет польза для вас.

57. Подумайте еще и о том, что теперь большинство эллинов считает вас образцом справедливости. Если вы о нас рассудите несправедливо (а суд этот будет у всех на виду, ибо вас все хвалят, да и нас не хулят), то смотрите, как бы вас не осудили за то, что о людях доблестных вы, еще более доблестные, неподобное вынесли решение и общеэллинским святыням принесли добычу, взятую от нас, благодетелей Эллады. Ужасно покажется, что Платею разрушили лакедемоняне, что из-за фивян вы вычеркнули наше государство из эллинства, между тем как отцы ваши на треножнике в Дельфах начертали его имя за его доблесть. Вот до какого бедствия дошли мы! Мы шли на гибель против мощи персов, а теперь вы, прежде ближайшие друзья наши, предпочитаете нам фивян. Дважды мы подверглись величайшим испытаниям: сперва угрожала нам голодная смерть, если мы не сдадим город, теперь грозит смертный приговор. Мы, платейне, показавшие свое усердие к эллинам сверх наших сил, отвергнуты всеми, стоим одинокие и беспомощные. Ни один из тогдашних союзников не помогает нам, и нас тревожит, что и вы, лакедемоняне, единственная наша надежда, не останетесь нам верными. 58. И вот, ради богов, которые некогда были нашими союзными богами, во имя доблести нашей перед эллинами, мы просим, чтобы вы смягчились и переменили свое решение, если фивяне уже склонили вас к чему-нибудь. Мы просим, чтобы вы потребовали от них ответной уступки — не убивать тех, которых не подобает убивать вам самим. Примите честную благодарность от нас вместо постыдной от фивян и ради удовольствия других не пятняйте себя позором. Погубить жизнь нашу легко, но позор потом загладить трудно. Ведь вы накажете в нас не врагов ваших, что было бы понятно, но доброжелателей, лишь по необходимости взявшихся за оружие. А подарив нам безнаказанность, вы рассудите дело по-божески, во внимание к тому, что мы добровольно отдались вам, простерли к вам руки (а эллинский обычай возбраняет убивать молящих о пощаде) и всегда были вашими добротворцами. Посмотрите на могилы отцов ваших,

павших от персов и погребенных в нашей земле, которых мы все-народно чтим каждый год одеяниями и всем прочим, что освящено обычаем, принося им начатки всех плодов нашей земли, как доброжелатели от дружественной страны, как союзники прежним своим товарищам по оружию. Вы поступите противоположно этому, если рассудите не по справедливости. Подумайте: ведь Павсаний, хороня здесь павших воинов, верил, что хоронит их на дружественной земле, у друзей, если же вы погубите нас и обратите платейскую землю в фиванскую, разве этим вы отцов ваших и сродников не лишите их нынешних почестей и не оставите их во вражеской земле, среди их же убийц? Мало того, край, откуда пришла к эллинам свобода, вы обратите в рабство, святыни богов, в которых эллины испросили себе победу над персами, приведете в запустение, отеческие жертвы отнимете у тех, которые установили и устроили их.

59. Это недостойно вашей славы, лакедемоняне: погрешать против общэллинических установлений и собственных ваших предков, губить из-за чужой неприязни нас, ваших благодетелей, ничем вас не обидевших. Нет, вам подобает пощадить нас и сжалиться над нами, в разумном сострадании подумав не только о том, какие жестокости нас ждут, но и о том, каких мужей они ждут, и насколько неведомо, на кого, даже и без всякой вины, могут они обрушиться. Мы же поступаем соответственно с нашей участью и нуждой: взывая к богам всех эллинов и к богам ваших и наших алтарей, мы молим вягь нашей просьбе; ссылаясь на клятвы отцов ваших, мы просим их не забывать. Мы взываем, как молящие, к могилам отцов ваших, умоляем почивших не дать нас фивянам, вернейших друзей ваших — злейшим нашим врагам. Мы напоминаем вам тот день, в который мы разделили с почившими блистательнейшие подвиги, и в который выне нам грозит ужаснейшее бедствие. Мы кончаем нашу речь: в нашей участи это неизбежно, но тяжело, ибо с концом ее приближается и опасность для нашей жизни. Но смолкая, мы указываем опять, что не фивянам мы передали город (ибо этому мы предпочли бы позорную голодную смерть), что это к вам мы обратились с доверием. Если мы не можем вас убедить, то справедливость требует вернуть нас в прежнее положение и дать нам самим встретить опасность, какую несет судьба. И все же мы, всех ревностнейшие в борьбе за эллинов, являясь к вам как молящие о пощаде, заклинаем вас, лакедемонян, не предавать нас, платеев, из ваших рук и из-под вашей защиты

фивянам, злейшим врагам нашим. Будьте нашими спасителями и, освобождая прочих эллинов, не губите нас».

60. Так говорили платейне. Фивяне встревожились, как бы лакедемонян не тронула такая речь; поэтому они выступили и объявили, что также желают говорить, ибо судьи, вопреки собственному решению, дозволили платейнам говорить дольше, чем пужно для ответа на вопрос. Судьи предложили говорить, и фивяне произнесли такую речь:

61. «Мы не просили бы слова, если бы платейне ответили кратко на предложенный вопрос, вместо того чтобы поворачивать обвинение против нас, и не стали бы уклоняться от дела, оправдываясь в том, в чем их не обвиняют, и восхваляя то, за что никто не порицал их. Теперь же нам надобно и отразить их нападки, и разоблачить похвалы, чтобы ни наши им обиды, ни их высокое мнение о себе не послужило им на пользу и чтобы о том и о другом вы могли судить, выслушавши правду.

Впервые у нас с ними вражда возникла из-за того, что по заселении остальной Беотии мы заняли и Платею с другими местами, вытеснив из них смешанное население. Тогда-то платейне и не пожелали признавать первоначального постановления о нашем главенстве: отделив от прочих беотян, они преступили заветы отцов, а в ответ на повуждения они примкнули к афинянам и вместе с ними причиняли нам много зла, за что и пострадали. 62. Платейне говорят, что, когда варвары пошли на Элладу, они одни из беотян не пристали к персам; этим они больше всего гордятся и поэтому больше всего поносят нас. Мы и не утверждаем, будто платейне пристали к персам; но они делали это лишь потому, что этого не делали афиняне,— точно так же, как потом, когда сами афиняне пошли на эллинов, платейне одни из беотян пристали к афинянам.

Подумайте и о том, при каких обстоятельствах действовали мы и платейне. Наше государство не было тогда ни народовластием, ни равноправным немноговластием: а принадлежало оно засилью немногих лиц, что противней всего законам и здравому смыслу, а ближе всего к тирании. Эти-то немногие и призвали персов в надежде их победою укрепить собственную власть еще больше, сдерживая народную массу силою. Город же наш в целом тогда не был сам себе хозяином, и недостойно поносить его за ошибку, сделанную в пору беззаконья. А когда персы ушли и законы обрелись, то, вспомните, пришло время, афиняне перешли в наступление,

пытаясь подчинить под себя всю Элладу и нашу страну, среди смут они захватили уже большую часть ее,— и тогда-то не мы ли освободили Беотию битвою и победою при Коронее? не мы ли всеми силами освобождаем теперь и прочих эллинов, доставляя столько конницы и вооружения, как никто другой из союзников? Вот что можем мы сказать в ответ на обвинения в сочувствии персам.

63. Вы сами более нас виновны перед эллинами и достойны всяческой кары, и это мы постараемся доказать. Вы говорите, что приняли союз и гражданство афинян для того, чтобы отомстить нам. В таком случае вам следовало призвать афинян только против нас и не нападать с ними на других. Ибо уклониться было в вашей власти, даже если бы афиняне вас приневоливали: ведь в то время существовал уже союз лакедемонян против персов, на который вы больше всего ссылаетесь, его было достаточно, чтобы удержать нас от нападения на вас и, главное, дать нам возможность безбоязненных переговоров. Однако вы добровольно и без принуждения предпочли стать на сторону афинян. Вы говорите, что постыдно было изменить своим благодетелям; но гораздо ведь постыднее и преступнее предать всех эллинов, с которыми вы связали себя клятвами, нежели предать одних афинян, когда последние стремились к порабощению Эллады, а первые к ее освобождению. Да и афинянам отплатили вы услугою неравною и небесподобною: вы же сами говорите, что призвали их на помощь, терпя обиды, помогаете же им самим обижать других. А хоть постыдно не отплачивать равною услугою за услугу, но еще постыднее за услуги, оказанные во имя справедливости, воздавать услугами, направленными против справедливости. 64. Оттого и ясно, что когда одни вы не пристали к персам, то не ради эллинов, но вслед афинянам: с афинянами вы желали действовать заодно, нам наперекор. И вот теперь вы хотите извлечь выгоду из той доблести, которую вы обнаружили благодаря другим. Но это не дело: раз вы предпочли афинян, то при них и воюйте, а не выставляйте на вид прежнего клятвенного союза, будто он теперь должен вас спасти. Вы ведь сами ушли из этого союза к врагам его, предпочтя порабощать, а не защищать эгинян и иных его участников; и это вы делали добровольно, по тем законам, что и доселе в силе, и никто не принуждал вас, как некогда нас. Вы отвергли и последнее требование, предъявленное вам перед осадою: оставаться в покое и не помогать ни той, ни другой стороне. Кого же, как не вас, с

большим правом могут ненавидеть все эллины, вас, которые проявили свое благородство на пагубу им? Если некогда вы и совершили, по словам вашим, прекрасные подвиги, то теперь вы доказали, что они вам не к лицу; а воистину раскрыли вы извечное ваше естество, когда пошли за афинянами по неправому пути. Таковы наши объяснения о невольной нашей близости к персам и о добровольной вашей — к афинянам.

65. Что же до последней вами названной обиды, незаконно-де в мирное время и в праздник напали мы на ваш город, — то и тут мы не считаем себя виновными больше вас. Правда, мы были бы виноваты, если бы по собственному почину пришли к вашему городу, вступили в бой и разорjali край, как неприятели. Но если ваши же сограждане, первейшие по знатности и богатству, желая оторвать вас от чужеземцев и вернуть в исконный союз всех беотян, сами призвали нас по доброй воле, чем мы тут виноваты? Скорей уж незаконен тот, кто ведет, а не те, кого ведут. Однако тут, по нашему разумению, не виноваты ни они, ни мы. Будучи такими же гражданами, как и вы, больше вас подвергаясь опасностям, они открыли перед нами свои же ворота и пропустили нас в свой город как друзей, а не как врагов; они желали, чтоб худшие из вас не стали еще хуже, а лучшие получили по достоинству; они пеклись о ваших мыслях и о вас самих; они не отчуждали у вас города, а приобщали его к родственному ему, ни с кем вас не ссоря, но со всеми одинаково мира. 66. Что мы действовали не как враги, вот доказательство этого: никого мы не обидели, а предложили идти к нам всякому, желающему управляться по отеческим законам всех беотян. Вы охотно перешли к нам и первое время по заключении договора оставались в покое; но потом, заметивши нашу малочисленность (а быть может, вам казалось неладным и то, что мы вступили к вам, не спрося всего народа), вы не воздали нам равную мерю, и, желая удалить нас из города, вы не предпочли слова уговоров делам мятежа, а попрали договор и напали на нас; и мы горюем не столько о тех, кого вы убили в рукопашном бою (это участь законная и обычная), сколько о тех, которых вы взяли живыми, моливших о пощаде, и потом незаконно убили, хоть и обещали не казнить их. Разве это не ужасное ваше преступление? Итак, трижды за малое время нарушили вы справедливость: разорвали договор, умертвили наших людей, не сдержали обещанья нам не трогать их, если мы не тронем ваших полей. И все-таки нарушителями законов вы называете нас и от-

казываетесь понести возмездие. Нет, этому не бывать, если только судьи будут решать по правде! Всех вас за это ждет возмездие.

67. Мы распространились об этом, лакедемоняне, и в ваших и в наших интересах: чтобы вы знали, что ваш обвинительный приговор будет справедлив, и чтобы нам еще больше увериться в святости нашего мщения. Не трогайтесь речами о былых платейских доблестях, если эти доблести и были: доблесть похвальна, когда несет защиту от обид, помогая же в постыдном деле, она лишь усугубляет наказание, ибо это значит: люди, зная должное, поступают недолжно. Пусть им будут бесполезны их слезы и жалобы, вызывающим к могилам отцов ваших и сетующим на одиночество. Ведь и мы с своей стороны можем напомнить, что еще хуже пришлось тем, кого они перебили,— нашим юношам, чьи отцы или пали при Коронее, отстаивая для вас Беотию, или осиротелыми в домах своих старцами ныне молят вас — и гораздо справедливее — о мести платейцам. Кто страдает незаслуженно, более достойны сожаления; а кто заслуженно, как вот эти,— вызывают лишь злорадство. И в одиночестве своем они виноваты сами, добровольно оттолкнув от себя лучших союзников. Они преступили закон без всякого от нас вызова, вела их больше ненависть, чем правда, и даже нынешнее возмездие им недостаточно: ведь они его примут по суду, ведь они не из-под меча простирают к вам руки, как делают вид, но по соглашению сами вверились вашему приговору. Итак, лакедемоняне, защитите закон эллинов, нарушенный платейцами, и нам, беззаконно потерпевшим, справедливо воздайте за наше усердие. Не отвергайте нас под влиянием речей платейца, дайте пример эллинам, что вы устраиваете состязания не в словах, а в делах: если действия честны, им не нужно долгих речей, если же порочны, то красивые слова им лишь прикрытие. Если такие вкратце все, что знаете, тогда реже будут подыскиваться для неправедных дел красивые слова».

68. Вот что сказали фивяне. Лакедемонские судьи остались при мнении, что вопрос их справедлив: оказаны ли лакедемонянам платейцами какие-нибудь услуги во время войны? В свое время они уже требовали от платейца сохранять спокойствие согласно давнему договору с Павсанием после Персидских войн, а затем перед началом осадных работ еще раз предложили им, согласно тому же договору, держаться от воюющих наравне, но те не послушались; поэтому лакедемоняне считали, что платейца, не исполнив

их справедливого желания, оскорбили их и попрали договор. Итак, лакедемоняне снова стали выводить платейн поодиночке, задавая каждому вопрос: оказали ли они услуги в войне лакедемонянам и их союзникам? Когда платейне отвечали «нет», их отводили в сторону и убивали: исключения не делалось никому. Так казнили они не менее двухсот платейн и двадцать пять афинян, находившихся вместе с ними в осаде, женщины же обратили в рабство. Самый город лакедемоняне предоставили для жительства, приблизительно на год, мегарским гражданам, изгнанным при междоусобице, а также тем платейянам, которые держали их сторону и уцелели. А впоследствии они сровняли весь город с землею, лишь подле храма Геры соорудив из нижних частей стен подворье в двести футов длины и ширины, а вокруг него покои вверху и внизу, для которых пошли потолки и двери платейских домов; из прочих предметов, что были в крепости, медных и железных, лакедемоняне сделали и посвятили Гере ложа и ей же соорудили каменный храм длиною в сто футов. Землю они объявили общенародною и на десять лет сдали ее на сьем, а сьемщиками стали фивяне. Вообще едва ли не все, что было сделано с платейянами, лакедемоняне сделали в угоду фивянам, полагая, что те будут полезны им в разгоревшейся войне. Таков был конец Платен на девяносто третьем году ее союза с афинянами.

[МЕЖДОУСОБИЯ В КЕРКИРЕ]

69. Между тем сорок пелопоннесских кораблей, посланных на помощь лесбиянам и спасавшихся в то время бегством на открытом море от преследовавших афинян, были прибыты бурей к Криту, а оттуда врассыпную пришли к Пелопоннесу. У Киллены они встретили тринадцать судов левкадян и ампракиотов, а также Брасида, сына Теллидова, прибывшего к Алкиду советником. Дело в том, что лакедемоняне после неудачи на Лесбосе решили увеличить свой флот и плыть на Керкиру, раздираемую междоусобицами. Так как афиняне стояли у Навпакта только с двенадцатью кораблями, то лакедемоняне рассчитывали достигнуть Керкиры прежде, чем из Афин приплывет на помощь пополнение. К этому-то и готовились Брасид и Алкид.

70. Среди керкирян смуты начались, когда к ним возвратились пленники, взятые в морских битвах у Эпидамна и отпущенные на

свободу коринфянами. Уверяли, будто их взяли на лорухи проксены коринфские за восемьсот талантов; на самом же деле пленникам было поручено склонить Керкиру на сторону коринфян, и они в самом деле, обходя граждан порознь, убеждали отторгнуть город от афинян. Когда явились послы на кораблях афинском и коринфском и вступили в переговоры, керкиряне постановили оставаться с афинянами в оборонительном союзе согласно договору, но и с пелопоннесцами по-прежнему быть в дружественных отношениях.

Во главе народа стоял Пифий, добровольный афинский проксен; его возвратившиеся из Коринфа граждане привлекли к суду, обвиняя в умысле поработить Керкиру афинянам. Будучи оправдан, Пифий, в свою очередь, привлек к суду пятерых богатейших граждан, обвиняя их в том, что в священном участке Зевса и Алкиноя они вырубали себе тычины; за каждую тычину положена была пеня в один статер. Приговоренные к уплате сели подле святынь с мольбою о том, чтобы столь высокую пеню разрешили им выплатить в рассрочку, но Пифий, бывший в то время членом совета, убедил керкирян держаться всей строгости закона. Оказавшись под тяжестью закона и в то же время услышав, что Пифий, пока он в совете, намерен уговаривать народ иметь общих с афинянами друзей и врагов, осужденные составили заговор: с кинжалами в руках они внезапно входят в совет и убивают Пифия и других советников и граждан, всего до шестидесяти человек; лишь несколько единомышленников Пифия бежали на аттическое трехрядное судно, которое стояло еще в гавани.

71. Сделав свое дело, заговорщики созвали керкирян и объявили, что все это к лучшему, что теперь уж они не будут поработены афинянами и что впредь им нужно лишь держаться спокойно, не впуская к себе больше одного корабля от любой из воюющих сторон, а если придет их больше, то поступать с ними как с вражескими. Так они сказали и заставили утвердить их предложение. В Афины тотчас отправляется посольство с заверением, что все случившееся — на пользу, а также с целью уговорить бежавших в Афины керкирян не предпринимать ничего ненадобного, чтобы не пришлось за это поплатиться. 72. Но прибывших послов вместе с теми из керкирян, кого им удалось склонить на свою сторону, афиняне схватили как бунтовщиков и поместили их на Эгине.

Тем временем овладевшие властью керкиряне, дождавшись коринфского корабля и лакедемонских послов, напали на народ и в сражении одержали победу. С наступлением ночи сторонники народоправства бежали на Акрополь и возвышенные части города, там собрались и укрепились, владея также Гиллайской гаванью, а противники захватили городскую площадь, близ которой большею частью они жили сами, а также гавань, прилегающую к площади и материку.

73. На следующий день шли небольшие схватки, и обе стороны посылали по деревьям вестников, призывая на свою сторону рабов обещанием свободы. Большинство рабов примкнуло к народу, а к противникам его явилось на помощь восемьсот человек с материка.

74. Через день битва возобновилась, и победа осталась за народом благодаря силе его позиций и многочисленности: отважно помогали даже женщины, бросая черепицы с крыш домов и выдерживая боевой шум с несвойственной стойкостью. К позднему вечеру олигархи обратились в бегство. В страхе, как бы народ разом не захватил верфь и не перебил их, они, чтобы прикрыть себя от нападения, подожгли свои дома вокруг площади и наемные обещания, не щадя ни своего, ни чужого; погорело множество торгового добра, и весь город мог бы погибнуть, если бы ветер понес огонь в его сторону. По окончании сражения обе стороны оставались спокойными и провели ночь на сторожевых постах.

Когда власть перешла к народу, коринфский корабль отплыл в открытое море, а большинство вспомогательных войск незаметно переправилось на материк.

75. А на следующий день афинский стратег Никострат, сын Диитрефа, прибыл на помощь из Навпакта с двенадцатью кораблями и пятьюстами мессенскими латниками. Он старался примирить керкирян и убедил их согласиться на том, чтобы десять человек, наиболее виновных, к этому времени уже бежавших, предать суду, а прочих оставить в покое, заключив договор с ними и с афинянами на условии иметь общих врагов и друзей. По окончании этого дела Никострат собирался отплыть. Однако представители народа уговорили его оставить им пять его кораблей, чтобы удерживать противников от новых попыток, обещая вместо этого снарядить и отпустить с ним столько же керкирских судов. Никострат согласился, а представители народа поставили на эти суда людей из своих противников. Те испугались, как бы их не отправили в

Афины, и сели с мольбою в храме Диоскуров. Никострат старался вызвать их оттуда и успокоить, но не мог; тогда народ, обозлясь, под тем предлогом, что молящие замышляют недоброе, коли боятся плыть с Никостратом, расхватал из их домов оружие и перебил бы некоторых из них, попавшихся на глаза, если бы не помешал Никострат. При виде этого и остальные олигархи, не менее четырехсот человек, сели с мольбою в храме Геры. Тогда народ, опасаясь от них мятежа, уговорил их выйти из храма и переправил на остров перед храмом, куда им и посылалось все нужное.

76. При таком-то положении дел на четвертый или на пятый день после выселения упомянутых лиц на остров, явились пелопоннесские корабли из Киллены, где они стояли на якоре по прибытии из Ионии, числом пятьдесят три; начальником был по-прежнему Алкид, а советником при нем Брасид. Бросив якорь в материковой гавани Сиботах, корабли на заре направились к Керкире.

77. Керкиряне были в большом смятении, потому что боялись опасности и в городе, и со стороны наступающих. Они стали готовить шестьдесят кораблей и, по мере вооружения их, высылали против неприятеля, хотя афиняне советовали выпустить вперед их самих, а потом следовать за ними всею силою. Но как керкирские корабли выходили к неприятелю поодиночке, то два корабля тотчас перешли к врагу, на других воины затеяли между собою драку, и порядка не было никакого. При виде такой сумятицы пелопоннесцы выставили двадцать кораблей против керкирян, а с остальными двинулись против двенадцати афинских кораблей, в числе которых были и «Саламиния» и «Парал».

78. Керкиряне, нападая в беспорядке и малыми силами, все время терпели урон. Афиняне, опасаясь окружения от численного превосходства врагов, не решались наступать на весь неприятельский флот и на средину его, но ударили в крыло и потопили один корабль. Тогда лакедемские корабли выстроились в круг, а афиняне стали обходить их и пытались привести в замешательство. Заметив это, отбивавшие керкирян испугались, как бы не повторилось то, что было при Навпакте, и поспешили на помощь; они соединились и разом пошли на афинян. Те уже отступали кормами вперед, стараясь, чтоб как можно больше керкирян успело спастись бегством, пока они отступают медленно, отвлекая неприятеля. Так кончилось к закату солнца это морское сражение.

79. Керкиряне испугались, что неприятель, пользуясь победою, или пойдет на город, или заберет пленников с острова, или пред-

примет еще какой-нибудь переворот, а потому снова перевезли тех граждан с острова в храм Геры и сторожили город. Однако пелопоннесцы и после морской победы не осмелились плыть к городу, но с тринадцатью захваченными керкирскими кораблями отплыли к материку, откуда вышли. Не пошли они на город и на следующий день, хотя керкиряне были в большой тревоге и в страхе и хотя Брасид, говорят, склонял к этому Алкида; но Брасид не имел с ним равного голоса. Вместо этого они высадились у мыса Левкимны и стали опустошать поля.

80. Между тем народ на Керкире, сильно опасаясь нападения неприятельских кораблей, ради спасения города вошел в переговоры с молящими о защите и с прочими олигархами. Некоторых из них удалось уговорить взойти на корабли: у керкирян оставались вооружены тридцать кораблей. Однако пелопоннесцы, опустошавшие поля, около полудня отплыли обратно, а к ночи сигнальные огни дали им знать, что от Левкады плывут шестьдесят афинских кораблей: афиняне их отправили под начальством стратега Евримедонта, сына Фукла, как только узнали о расприх на Керкире и о сборах Алкида против нее.

81. Тотчас ночью со всею поспешностью пелопоннесцы пустились вдоль берега домой; и перетащив у Левкады корабли свои через перешеек, чтобы не быть замеченными во время обхода острова, они благополучно прибыли обратно.

Когда керкиряне узнали о приближении аттических кораблей и об уходе неприятельских, они ввели в город мессенян, стоявших дотеле за стенами, а тридцати кораблям своим приказали плыть в обход к Гиллайской гавани. И еще не успели корабли прийти, как керкиряне стали убивать всех, кого захватывали из противников; всех тех, кого уговорили взойти на корабли, они теперь выводили на сушу и умерщвляли; а в святилище Геры они убедили около пятидесяти человек молящих свериться суду и всех приговорили к смерти. Тогда большинство молящих, не поддавшиеся увещаниям, видя, что творится, стали убивать друг друга тут же в святилище; некоторые повесились на деревьях, другие лишали себя жизни кто как мог. В течение семи дней, пока в гавани стоял Евримедонт с шестьюдесятью кораблями, керкиряне убивали всех сограждан, казавшихся врагами, обвиняя их в умыслах против народа; иные, впрочем, пали жертвою личной вражды, другие убиты были должниками из-за денег; смерть царила во всех видах, творилось все, что творится в подобные времена, и даже больше: отец

убивал сына, молящих отрывали от святынь и убивали при святынях, некоторые были замурованы в святилище Диониса и там погибли.

82. До такого ожесточения дошла междоусобная распря. Она показала тем ужаснее, что проявилась впервые; а потом уже пришла в движение едва ли не вся Эллада, ибо всюду в раздорах народ звал на помощь афинян, а олигархи — лакедемонян. В мирное время те и другие не имели бы ни повода, ни возможностей для такого призыва, война же облегчала привлечение союзников для каждого, кто искал мятежа, чтобы повредить противникам, а для себя извлечь выгоду. И веледствие междоусобиц множество тяжких бед обрушилось на все города, бед, какие бывают и будут всегда, пока человеческая природа останется тою же, они лишь бывают то сильнее, то слабее и меняют свой вид в зависимости от каждой перемены обстоятельств: во время мира и благополучия государства и люди бывают доброжелательней, так как их не преневоливают безвыходные положения; а война, лишая людей повседневных удобств, насильно учит страсти толпы откликаться на обстоятельства.

Итак, междоусобная брань царила в государствах. Которые и запаздывали, те по слухам узнавали все, что было, и шли еще дальше в крайностях своих замыслов — в коварстве ли нападений, в бессмысленности ли отщений. Обычные значения слов стали пониматься по-другому. Безрассудная отвага считалась мужеством во имя друзей, предусмотрительная осторожность — благовидною трусостью, здравомыслие — личиною малодушия, вдумчивость во всем — неспособностью ни к чему. Безумное рвение признавалось уделом мужа, а осмотрительное обсуждение — удобным поводом уклончивости. Человек недовольный считался неизменно надежным, а кто возражал ему — подозрительным; удачливый кознодей слыл умником, а разгадавший козни — еще того умней; а кто забогился, чтобы во всем этом не было нужды, того обвиняли в подрыве товарищества и в страхе перед врагом. Вообще превозносили и того, кто предупреждал чужое злодеяние и кто подстрекал к неожиданному новому. Родство связывало людей меньше, чем товарищество, — товарищ действовал смелей и безоговорочней: ведь товарищества эти составлялись не на пользу и по законам, но из корысти и против существующего порядка, доверие в них держалось не столько уважением к божескому закону, сколько соучастием в общих противозакониях. Добрые предложения противников

принимались не по благородному доверию, но лишь со всеми предосторожностями и под давлением силы. Выше считалось отместить, чем не пострадать. Если и случалось заключать клятвенное примирение, то лишь из-за обоюдной безвыходности положения, когда не бывало уже иных средств; а едва являлся случай упредить беспечность другого, как дерзали на все, и слаще было мстить доверившемуся, чем нападать открыто: победитель оказывался в безопасности и за удачное коварство приобретал славу тонкого человека. Ведь большая часть людей охотней готова слыть ловкими злодеями, нежели добродетельными простаками: последнего названия они стыдятся, первым гордятся. А источник всего этого — власть, которой ищут из корыстолюбия и честолюбия; отсюда и страстность людского соперничества. И в самом деле, с чьей бы стороны ни становились люди во главе государства, слова у них были самые благовидные и о преимуществах всенародного гражданского равноправия, и о здравом правлении лучших людей; но в речах выставляя себе наградою общее благо, на деле они всячески боролись лишь за преобладание, отваживались на ужаснейшие злодеяния, выходили в своей мстительности за все пределы, руководствуясь не справедливостью и государственною пользою, а соображаясь лишь с угодою своей стороне; а приобретая власть путем несправедливого голосования или насилем, они рвались утолить чувство минутного соперничества. Добропорядочность и те и другие не ставили ни во что; напротив, кому случалось достигнуть цели, зазорно употребив благовидные доводы, того охотнее слушали. А кто из граждан держался середины, те истреблялись обеими сторонами — за отказ от поддержки или просто из зависти к их существованию.

83. Таким образом, вследствие междоусобиц нравственная порча во всех видах водворилась среди эллинов: простодушие, столь присущее благородству, было осмеяно и исчезло, а возобладала недоверчивая неприязнь. Для умиротворения не было ни силы речей, ни страха клятв. Так как все считали, что верней ни на что прочное не рассчитывать, то заранее смотрели не на то, можно ли довериться другому, а на то, как бы не попасть в беду. Кто был слабее мыслью, тот обычно и брал верх: сознавая свою недалекость и пронизательность противников, они боялись, что отстают в рассуждениях и вражеская изворотливость опередит их кознями, а поэтому приступали к делу решительно. А те, кто свысока воображали, что ими все предусмотрено и нет нужды в силе

там, где можно действовать умом, сплошь и рядом погибали по своей беспечности.

84. Итак, почти на все это впервые дерзнули на Керкире: все, что могло быть совершено обозленными в отмщение тем, кто правил наглостью, а не умеренностью; все, что можно было выдумать неправого, чтобы избыть привычную бедность в страстной жажде чужого добра; все, что можно было учинить не из мести за неравенство, но из-за необузданности страстей нападая и на равных с ожесточением и беспощадностью. В эту пору вся государственная жизнь была потрясена. Человеческая природа, привычная преступать законы, одолела их и с наслаждением явила себя, не сдерживая страсти, опирая право, враждуя с имеющими превосходство: иначе люди не ставили бы мести выше благочестия, корысти выше справедливости, иначе зависть не имела бы губительного действия. Люди требуют, чтобы общие законы были для таких случаев, когда при неудаче у каждого есть надежда хотя бы на собственное спасение, но чтобы их не было раз и навсегда, когда вершится месть, ибо ведь они могут понадобиться людям в беде.

85. Итак, керкиряне в своем городе первые проявили такую разнузданность страстей. Евримедонт с афинянами отплыл обратно. Но потом керкирские изгнанники — их спаслось до пятисот человек — захватили укрепления на материке и все керкирские владения за проливом; отсюда они грабили жителей острова и причиняли большой вред: в городе настал жестокий голод. Отправили они также посольство и в Лакедемон и в Коринф с просьбою водворить их снова на родине. Не добившись тут успеха, изгнанники впоследствии снарядили суда с наемниками и переправились на остров, всех их было около шестисот человек; суда они сожгли, чтоб не было другой надежды, кроме как на завоевание острова, а сами взошли на гору Истону, возвели там укрепление и стали, господствуя над полями, причинять жестокий вред городу.

86. В конце того же лета афиняне отправили двадцать кораблей в Сицилию со стратегами Лахетом, сыном Меланопы, и Хареедом, сыном Евфилета. Дело в том, что сиракузяне и леонтинцы начали между собою войну. Союзниками сиракузян были, за исключением Камарины, все дорийские города, которые в самом начале войны причислены были к союзу с лакедемонянами, хотя участия в войне еще не принимали; на стороне леонтинцев были халкидские города и Камарина. В Италию локры примкнули к сиракузянам, а регияне, в силу родства, к леонтинцам. И вот леон-

тинцы и союзники их отправили посольство в Афины; в память давнего союза и ионийского своего происхождения они убеждали афинян послать им корабли, так как сиракузяне теснят их с суши и с моря. И афиняне послали корабли под предлогом племенного родства, а на самом деле желая пресечь вывоз хлеба из Сицилии в Пелопоннес и попробовать, нельзя ли потом будет подчинить себе и Сицилию. Утвердившись в италийском Регии, они повели войну вместе с союзниками. Лето кончилось.

87. Следующею зимою болезнь вторично обрушилась на афинян; хотя она и не затихала совсем, однако был некоторый перерыв. Продолжалась она на этот раз не менее года, да в первый раз два года: и ничто не ослабило силы афинян так, как она. В самом деле, из латников, значившихся в списках, погибло не менее четырех тысяч человек, из всадников триста, а сколько умерло из остального народа, подсчету не поддается. Случались в это время и частые землетрясения; в Афинах, на Евбее, на Беотии, особенно в беотийском Орхомене.

88. Находившиеся в Сицилии афиняне и регияне той зимой пошли войною на тридцати кораблях против островов, называемых Эоловыми (летом из-за мелководья выступать против них было невозможно). Острова эти возделываются липарянами, отселенцами кндиян; живут они на одном из островов, небольшом, по имени Липара, и отсюда плавают пахать на остальные острова: Дидиму, Стронгилу и Гиеру. Тамошние люди думают, что на Гиере Гефест кует в своей кузнице, так как ночью там виден высоко встающий огонь, а днем дым. Острова эти лежат против земли сикулов и мессенян и были в союзе с сиракузянами. Опустошив там поля, афиняне, так как острова не сдавались, отплыли к Регию. Так кончилась зима, а с нею пятый год войны, историю которой написал Фукидид.

Книга пятая

[АФИНЫ ПРОТИВ МЕЛОСА]

84. Следующим летом Алкивиад, отплыв на двадцати кораблях в Аргос, взял триста аргивян, остававшихся еще в подозрении и, по-видимому, державших сторону лакедемонян, и афиняне поместили их на ближайших подвластных островах.

Кроме того, афиняне предприняли поход против острова Мелоса, ведя тридцать кораблей своих, шесть хиосских, два лесбосских, а также тысячу двести своих латников, триста пеших стрелков и столько же конных, а из числа союзных островитян около тысячи пятисот латников. Мелияне — отселенцы лакедемонян, и афинянам они не желали подчиняться, как прочие островитяне. Вначале они держались спокойно, ни к кому не примыкая, но потом афиняне, опустошая их землю, вынудили их к открытой войне. С упомянутыми выше силами афиняне вторглись и стали станом в земле мелиян под начальством стратегов Клеомеда, сына Ликомеда, и Тисия, сына Тисимаха. Прежде чем начать обиды, стратеги отправили посольство для переговоров. Мелияне не представили послов народу, но предложили им говорить о своем деле пред властями и избранными. Афинские послы сказали следующее.

85. «Так как переговоры начаты не пред народом, видимо, затем, чтобы убедительные и неопровержимые наши доводы все раз и в связной речи не ввели бы в обман многих люд (ибо ясно, что для того нас и представили лишь избранным), вы, сидящие здесь, будьте осмотрительней: обсуждайте речь не сразу, но по

пунктам, и тотчас возражайте, как найдете что сказанным неверно. Итак, прежде всего, скажите, угодно ли это вам?»

86. Мелосские заседатели отвечали: «Возможность спокойно объясняться меж собою — дело похвальное; но военные ваши меры, и не только будущие, но уже принятые, говорят едва ли не иное. Мы ведь видим, что вы пришли сюда быть сами судьями в переговорах и что если перевес правды будет на нашей стороне, то неуступчивость наша повлечет скорей всего войну, а согласие с вами — рабство».

87. Афиняне. «Разумеется, если вы пришли сюда гадать о будущем или еще зачем-либо, а не затем, чтобы, глядя на настоящее и очевидное, позаботиться о спасении вашего государства, мы готовы смолкнуть; если же для этого, то будем говорить».

88. Мелияне. «В положении нашем простительны долгие и догадки и речи. Но, конечно, собрались мы на совет и о спасении; пусть же, если вам угодно, беседа пойдет так, как вы сказали».

89. Афиняне. «Тогда не будем необедительно долго говорить красивые слова о том, например, что мы господствуем по праву, ибо сокрушили персов, или что воюем, мстя за обиды; да и вы нас вряд ли решитесь убеждать, будто это лакедемонское происхождение вам мешало воевать за нас или будто мы от вас не знали обид. Нет, мы желаем с обоюдного правдивого согласия добиться всего, что в наших силах, ибо и вы и мы понимаем: по праву дела делаются меж людьми, лишь когда силы их равны, а по силе — когда сильный ставит на своем, а слабый уступает».

90. Мелияне. «Мы, однако, думаем, что польза (говорим о пользе, ибо вы решили исходить из пользы, вместо права) состоит не в том, чтобы вы вовсе отменили общее благо, но в том, чтобы и в опасности человеку всякий раз уделялось то, что ему следует, и чтобы получал он какую-либо пользу даже перед мало убедительными доводами. Это ведь относится и к вам, ибо вы при неудаче рискуете жесточайше поплатиться в пример всем другим».

91. Афиняне. «О конце нашего владычества мысль нас все не смущает: ведь не владыки над другими, даже лакедемоняне, страшны для побежденных (да и не с лакедемонянами наш спор), а страшны подчиненные, если нападут и одолеют владык; а тут рисковать предоставьте нам. Мы здесь ради пользы нашей власти, а речи наши — ради спасения вашего государства, и мы докажем

это: нам нужна не тягостная вам власть наша, а взаимовыгодное нам спасение ваше».

92. Мелияне. «Но если владычество полезно для вас, то как рабство может быть полезно для нас?»

93. Афиняне. «Вас бы подчинение охраняло от ужаснейших бедствий, а нам было бы выгодно, чтобы вы не погибли».

94. Мелияне. «Так что вы не удовольствуетесь, если мы из врагов ваших станем друзьями, но останемся мирными и не примем ни к кому?»

95. Афиняне. «Нет! Ведь не столько для нас вредна вражда ваша, сколько такая дружба, которая являет подданным нашу слабость, как ненависть — нашу силу».

96. Мелияне. «Неужели ваши подданные находят правильным не отличать тех, кто вам вовсе посторонние, от тех, кто большей частью ваши отселенцы, а иные даже восставшие и усмирные?»

97. Афиняне. «Наши подданные того мнения, что и к тем и к другим мы несправедливы, но что первых мы не одолели силою и не идем на них из страха. Таким образом, подчинение ваше — это не только расширение нашего владычества, но и наша безопасность, тем более что вам, островитянам, и притом не самым сильным, не одолеть хозяев моря».

98. Мелияне. «Неужели наше предложение недостаточно безопасно? Видимо, и здесь, так как говорить о праве вы нам не даете, а предлагаете подчиниться вашей пользе, мы должны попытаться вас убедить, показав, что ваша польза совпадает с нашей. Ибо как вам избежать войны с теми, которые сейчас пока ни с кем не в союзе, но которые, глядя на здесь происходящее, рассудят, что потом ведь вы пойдете и на них? Разве этим вы не умножите число ваших врагов, приневолив выйти на вас и тех, кто не хотел этого?»

99. Афиняне. «Нет! По нашему мнению, не столько опасны для нас те свободные города, которые по материковому своему положению еще долго не примут мер против нас, сколько те островитяне, которые, как вы, еще нам не подвластны, или которые уже вынужденным своим подчинением раздражены. Они-то в нерасчетливости своей более всего способны свергнуть в опасность и себя и нас».

100. Мелияне. «Если вы для удержания вашего владычества, а подданные ваши ради низвержения его готовы на столь великий

риск, то мы, свободные пока, были бы подлейшими трусами, если бы не пошли на все, лишь бы избежать рабства».

101. Афиныяне. «Вовсе нет, если здраво рассудить: речь ведь не о том, чтоб спорить в доблести с равным противником и не посрамить себя, а о том, как спасти себя, не противясь сильнейшему».

102. Мелияне. «Но мы знаем, что успех войны не всегда зависит от разницы сил, а бывает равнодоступнее воюющим. И для нас сразу уступить — значит потерять всякую надежду; а кто действует, у того еще есть надежда выстоять».

103. Афиныяне. «Надежда — для всех утешение в опасности, но кто ее лелеет в избытке средств, тем она будет лишь во вред, а не на гибель, а кто вверяет ей, расточительнице, все свое достояние, тем она является уже в крушении, когда познавшему ее сберегать уже нечего. Не подвергайте себя этому вы, бессильные, зависящие от одного мановения судьбы: не уподобляйтесь большинству людей, которые, имея еще возможность спастись человеческими средствами, держатся в беде за надежды, а лишась явных, обращаются к скрытым, к гаданиям, к предсказаниям, ко всему тому, что ведет надеющихся к гибели».

104. Мелияне. «Не сомневайтесь, мы и сами знаем, как трудно бороться против вашей силы и судьбы, если она будет не равно благоприятна. Однако мы верим, что божественным изволением судьба не допустит нашего унижения, потому что мы, люди богобоязненные, выступаем против людей несправедливых; недостатку же наших сил поможет союз лакедемонян, понуждаемых к тому хотя бы силою родства и чувством чести. Таким образом, решимость наша не так уж неразумна».

105. Афиныяне. «Что до божества, то и мы надеемся на его благодать: ведь мы не требуем и не делаем ничего такого, что противно вере людей в бога или воле их к дружбе. Ибо видим мы закоп — вероятно, божеский, и уж достоверно, по всей природной непререкаемости, человеческий: кто где силен, тот там и властвует. Не мы его установили, не мы его первые применили; мы получили его сущим и сохраним вечно будущим. Этому закону мы и следуем, зная, что и вы, и другие при нашей силе действовали бы так же. Вот почему от божества не приходится нам бояться унижения. А что до лакедемонян, как они-де вам придут на помощь из чувства чести, то мы вашей простоте завидуем, но себе такой не желаем. За себя и за свои порядки лакедемоняне обычно

бьются доблестно; за других же как они заступаются, о том многое можно бы сказать, но достаточно и коротко напомнить, что из всех, кого мы знаем, они откровеннейше признают приятное для них прекрасным, а полезное справедливым. Вот почему и эта ваша мысль не ведет к разумному спасению».

106. Мелияне. «Тем более мы верим, что они для собственной пользы не пожелают предать мелиян, своих отселенцев, чтобы в сочувствующих эллинов не вселить недоверия, а враждебным не оказать помощи».

107. Афиняне. «Неужели вы не думаете, что польза всегда там, где безопасность, а борьба за прекрасное и правое полна опасностей? Лакедемоняне на такое отваживаться не любят».

108. Мелияне. «А мы думаем, что за нас они пойдут и на опасности, почитая нас надежнее других, ибо мы и делом ближе к Пелопоннесу, и чувством родственнее им, а потому и верней».

109. Афиняне. «Кто идет в союзники, тот глядит не на доброжелательство зовущих, а на то, много ли они сильнее; и лакедемоняне тут даже осмотрительнее прочих — недаром, не полагаясь на собственные средства, они идут на врагов лишь с толпой союзников. Поэтому трудно думать, чтоб они к вам переправились на остров, да еще при нашем господстве на море».

110. Мелияне. «Они могли бы прислать других; а Критское море велико, и на нем сильному захватить неприятеля труднее, нежели спасающемуся укрыться. Да и при неудаче на морском пути они могут ударить по сухопутью на вас и прочих ваших союзников, до которых не доходил Брасид, и тогда вам придется вести борьбу не за чужую землю, а за вашу и ваших союзников».

111. Афиняне. «Если бы такое и случилось, то и нам это не новость, да и вам небезведомо, что никогда еще афиняне ни одной осады не снимали из страха перед другими. Но мы замечаем, что обещали вы рассуждать здесь о собственном спасении, а за столько времени не сказали ничего такого, на чем можно основывать это спасение. Сила ваша — в надеждах на будущее, действительные же ваши силы ничтожны по сравнению с выставленными против вас. Велико ваше неразумие, если, отпустивши нас, вы не примете какого-либо более здравого решения. Ведь не станете же вы ввергать себя в позорные и несомненные опасности из того лишь чувства чести, которое столь часто губило людей! Ибо многие, хоть и могли еще видеть, куда их влечет, поддавались

чувству чести, этому властно чарующему слову, и, пленившись словом, подвергали себя на деле добровольным невыносимым бедствиям, умножая свой позор не столько неудачами, сколько неразумием. Берегитесь этого, если вы благоразумны, и не вменяйте в срам подчиниться умеренным требованиям могущественнейшего государства, сделаться его союзниками и сохранить свою землю, уплачивая дань. Когда можно выбирать меж войной и безопасностью, не настаивайте на худшем. Лучше всех ведет себя тот, кто равному не уступает, с сильным умеет дружить, а со слабого не взysкивать. Итак, отпустив нас, поразмыслите еще и еще раз, что в руках у вас судьба отечества, что отечество одно, что вы одним решением можете погубить или сохранить его».

112. Афиняне удалились из собрания, и мелияне остались одни. Сойдясь во мнениях и высказав все возражения, мелияне дали такой ответ: «Какое решение мы приняли, афиняне, на том и стоим. Государство наше существует уже семьсот лет, и мы не согласимся потерять свободу так быстро: мы попробуем ее спасти, полагаясь на судьбу, доселе божьим изволением нас хранившую, и надеясь на помощь человеческую. Мы согласны быть вам друзьями и не быть никому врагами; а вас приглашаем удалиться из нашей земли, заключив обоюдовыгодный договор».

113. Таков был ответ мелиян. Афиняне на это прервали переговоры и сказали: «Из такого вашего решения видно, что вы — единственные люди, которым будущее яснее очевидного настоящего, что нелсное, когда оно желанно, видится вам как уже осуществляющееся, что чем сильнее рискованная ваша опора на лакедемонян, судьбу и надежду, тем вернее будет и ваша гибель».

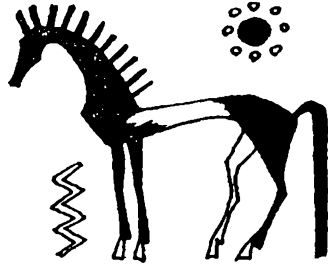
114. Афинские послы возвратились к войску. Так как мелияне ничему не внимали, то стратеги тотчас обратились к военным действиям и стали окружать мелиян стеною, в каждом городе отдельно. Потом, оставив морскую и сухопутную охрану из своих союзников, с большею частью войска афиняне удалились, а оставшиеся продолжали осаду Мелоса.

115. В то же время аргивяне вторглись во флиунтскую область, но, застигнутые из засады флиунтянами и своими же изгнанниками, потеряли убитыми около восьмидесяти человек. Афиняне из Пилоса захватили у лакедемонян большую добычу; за это лакедемоняне, не разрывая договора, начали с ними воевать, объявив через глашатая, что всякий желающий из своих может грабить афинян. Коринфяне из-за каких-то своих споров также

повели войну с афинянами, прочие пелопоннесцы оставались в покое.

Мелияне ночным нападением взяли часть афинской осадной стены, что подле рынка, людей перебили, ввезли в город припасов и всего нужного, сколько могли, а потом, отступив, держались спокойно; афиняне же впредь усилили стражу. Так кончилось лето.

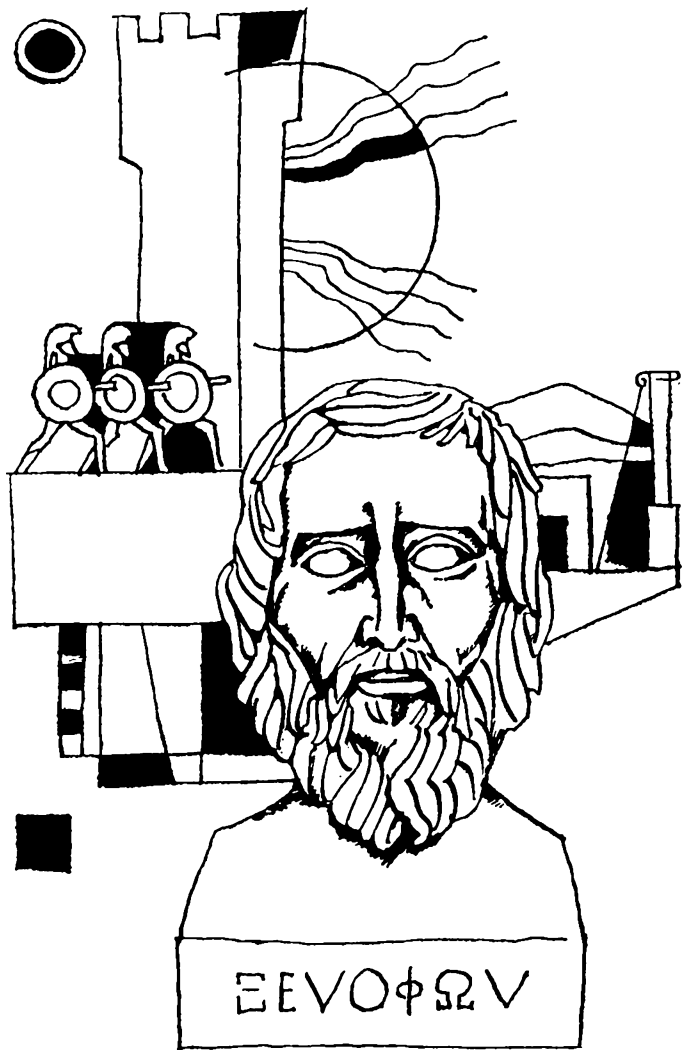
116. Следующей зимой лакедемоняне собрались в поход на аргивскую землю, но как пограничные жертвы были неблагоприятны для них, они вернулись. Аргивяне, видя эти сборы, заподозрили некоторых сограждан и иных схватили, другие же спаслись бегством. Мелияне около того же времени взяли другую часть афинских укреплений, где меньше было стражи. Но потом, когда из Афин прибыло новое войско под начальством Филократа, сына Демей, и афиняне повели осаду решительно, а у осажденных явилась измена, то мелияне сдались афинянам на их волю. Победители умертвили всех захваченных взрослых, а детей и женщин обратили в рабство; местность афиняне заняли сами, выславши сюда впоследствии пятьсот отселенцев.

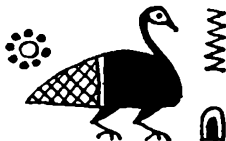

КСЕНОФОНТ

АНАБАСИС

Книга первая

I. (1) У Дария и Парисатиды сыновей было двое: старший — Артаксеркс и младший — Кир. Дарий, когда обессилел и почувствовал, что конец близок, пожелал их обоих видеть. (2) Старший как раз находился при отце, а за Киrom было послано в ту область, где царь поставил его сатраном и притом назначил начальником над войском, что собирается на Кастольской равнине. Кир пустился в глубь страны, взявши Тиссаферна, бывшего якобы ему другом, и еще имея при себе три сотни греческих латников под началом паррасийца Ксения. (3) После кончины Дария, когда на престол сел Артаксеркс, Тиссаферн наклеветал ему на Кира, будто тот злоумышляет против брата. Царь поверил и схватил Кира, чтобы убить его, но мать вымолила ему помилованье и снова отослала в его область.

(4) После такой опасности и бесчестья Кир, уехав, сталмышлять, как бы навсегда выйти из-под братней власти, а если можно, то и стать вместо него царем. Мать их, Парисатида, была за Кира, потому что больше любила его, чем царствовавшего Артаксеркса. (5) А он, кто бы ни приезжал к нему от царя, всех старался расположить к себе, и, когда отпускал гостей, они бывали преданы ему больше, чем царю. И еще он старался, чтобы подвластные ему варвары стали способны к войне, а с ним связаны приятелью. (6) Что ж до греческого войска, то Кир собирал его как только мог тайно, дабы застигнуть царя врасплох. Набор производил он так: сколько ни было у него по городам сторожевых

отрядов, всем начальникам он велел нанимать как можно больше и самых отборных пелопоннесских воинов — под предлогом, будто Тиссаферн замышляет против этих городов недоброе. Ведь Ионийские города царем были отданы некогда Тиссаферну, а потом отложились и перешли к Киру — все, кроме Милета. (7) В Милете Тиссаферн, заметивши, что граждане задумывают то же самое — предаться Киру, — одних перебил, других выслал. Этим Кир принял к себе, собрал войско и осадил Милет с суши и с моря, пытаясь вернуть в него изгнанников. То был для него еще один предлог копить военную силу. (8) А у царя он через послов ходатайствовал о том, чтобы эти города, чем оставлять их под властью Тиссаферна, лучше были отданы ему, царскому брату; и мать ему в этом содействовала. Так царь ничего и не знал об умыслах против него и полагал, что Кир тратится на войско ради войны с Тиссаферном, — а эта война ничуть его не огорчала. Ведь и Кир отсылал царю подати с городов, прежде бывших у Тиссаферна.

(9) Еще одно войско для него собиралось на Херсонесе, что лежит против Абидоса; делалось это так. Был некто Клеарх, лакедемонский изгнанник. Кир, при встрече с ним, пришел от него в восхищение и дал ему десять тысяч дариков. А он, взяв золото, собрал на эти деньги войско и стал делать с Херсонеса набеги на фракийцев, живших за Геллеспонтом, чем весьма помог грекам. Поэтому города по Геллеспонту добровольно вносили ему деньги на прокорм воинов. Так что и это войско содержалось для Кира, хоть и скрытно от всех.

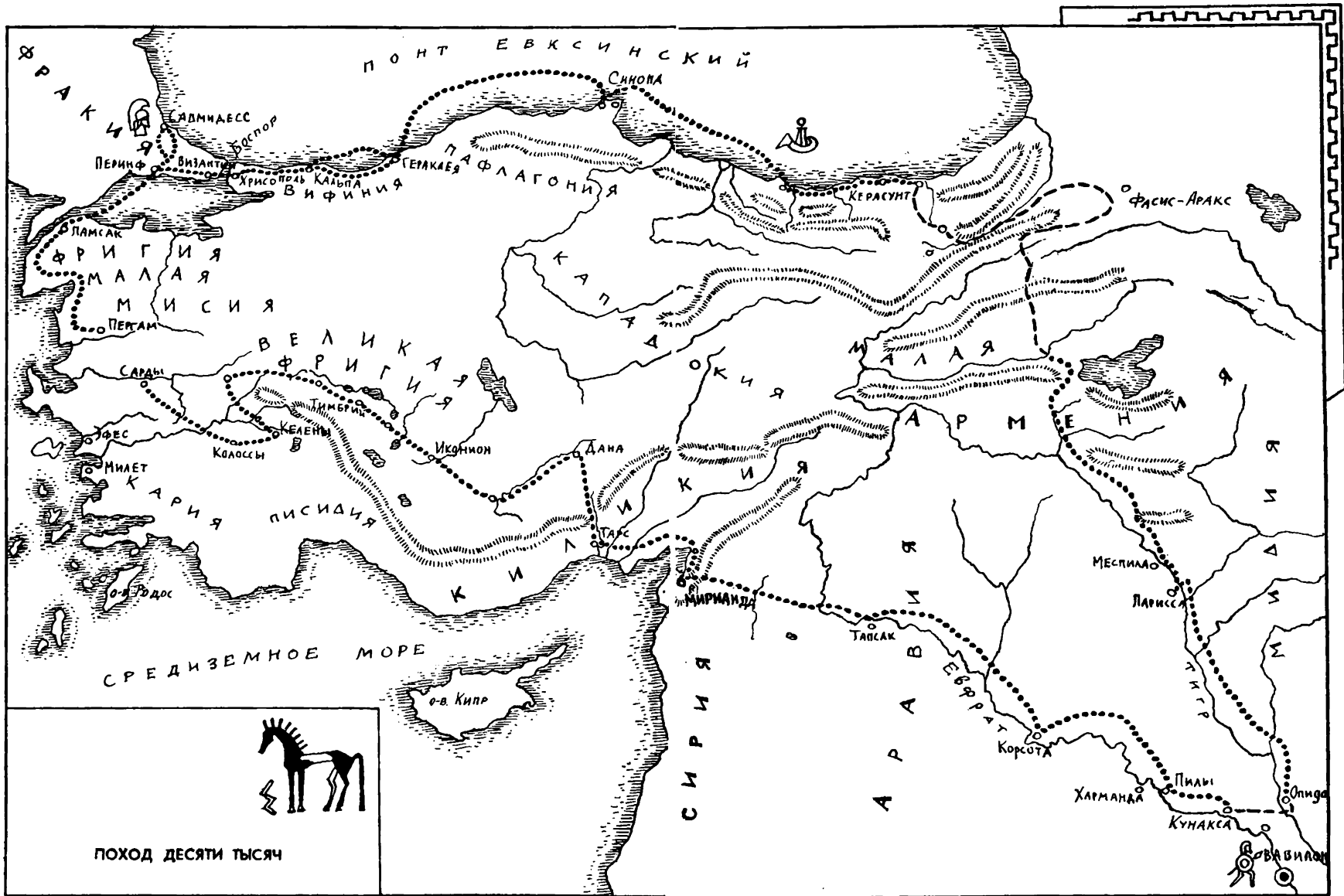
(10) Еще был связан с ним гостеприимством фессалиец Аристипп; притесняемый на родине противниками, он явился к Киру и попросил у него трехмесячное жалованье для двух тысяч наемников, чтобы так взять верх над противниками. А Кир дал ему шестимесячное жалованье на четыре тысячи наемников, но попросил не мириться с противниками, не посовещавшись с ним, Киром. Так и в Фессалии тайно содержалось для него войско.

(11) Также и беотийцу Проксену, связанному с ним гостеприимством, наказал он явиться, набрав как можно больше людей; Кир якобы намеревался выступить походом против писидийцев, которые, мол, доставляют ему немало хлопот в его собственной стране. И еще стимфалийцу Софенету и ахейнину Сократу, также связанным с ним гостеприимством, наказал он набрать как можно больше людей и прийти для предстоящей войны с Тиссаферном на стороне милетских изгнанников. И те так и сделали.

II. (1) Когда же Кир решил, что пора выступить, сделал он это под предлогом, будто желает выгнать писидийцев вон из страны. И словно бы против них стал он стягивать войска, варварские и греческие. Тогда и послал он Клеарху приказ прийти, взяв с собой всех, сколько есть, воинов, и Аристиппу — помириться с согражданами и отправить ему всех своих людей. Также и аркадцу Ксению, что стоял у него во главе размещенных по городам иноземных отрядов, он послал приказ явиться и взять с собою воинов, оставив в городских крепостях лишь столько, сколько надобно было для их охраны. (2) Призвал он и осаждавших Милет и милетским изгнанником предложил с ним выступить, пообещав им, если счастливо выполнит то, за чем идет походом, прекратить его не прежде, чем вернет их на родину. Они охотно согласились, так как верили Киру, и, собрав оружие, прибыли в Сарды. (3) Явился в Сарды и Ксений, собрав людей по городам и имея при себе четыре тысячи латников; а Проксен привел до полутора тысяч латников и до пятисот легковооруженных. Прибыли и стимфалиец Софенет с тысячей латников, и ахеянин Сократ почти что с пятью сотнями латников, и мегарец Пасион с тремя сотнями латников и тремя сотнями копейщиков; и он, и Сократ были из числа тех, что осаждали Милет. (4) Все они явились к нему в Сарды.

Тиссаферн, едва прознав про это, счел, что такие приготовления для похода на писидийцев слишком велики, и поспешил поскорее выехать к царю с пятью сотнями конных. (5) И царь, услышав от Тиссаферна о Кировом войске, сам стал готовиться против него.

А Кир со всеми, кого я назвал, двинулся из Сард и, пройдя по Лидии за три дневных перехода двадцать два парасанга, достиг реки Меандр. Ширина ее два плефра, и через нее переброшен мост на семи связанных судах. (6) Переправившись через Меандр, Кир за один переход прошел восемь парасагов по Фригии и прибыл в Колоссы, большой город, богатый и многолюдный. Там он остался на семь дней, и к нему пришел фессалиец Менон с тысячей латников и пятью сотнями копейщиков — долопов, эниан и олинфян. (7) Оттуда Кир прошел за три перехода двадцать парасагов и достиг Келен, большого фригийского города, многолюдного и богатого. В них находился Киров дворец с огромным садом, полным диких зверей, на которых он устраивал конные облавы, когда хотел поупражняться сам или поупражнять лошадей. Посредине сада течет Меандр; истоки его в дворцовых владеньях, но протекает он и через город. (8) Есть в Келенах и укрепленный дворец великого

ФРАКЦИЯ

ПОНТ ЕВКСИНСКИЙ

Синопа

Сидмиесс

Византия

Хрисополь

Кальпа

Вифиния

Гераклея

ПАФЛАГОНИЯ

Керасунт

Фасис-Аракс

Ламсак

ФРИГИЯ

МАЛАЯ

МИСИЯ

Пегам

Сарапи

ВЕЛИКАЯ

ФРИГИЯ

Тимбри

Кебени

Классы

Иконнон

Дана

ВИКИЯ

МАЛАЯ

АРМЕНИЯ

Милет

КАРИЯ

ПИСИДИЯ

КИКИЯ

ПЛАТА

СИРИЯ

ТАВРА

ЕВФРАТ

СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ

о-в Кипр

СИРИЯ

ТАВРА

ЕВФРАТ

Меспимо

Ларисса

Корсота

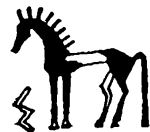
Харманай

Пилки

Кунакса

Опига

ВАВИЛОН

ПОХОД ДЕСЯТИ ТЫСЯЧ

царя, у истоков реки Марсий под крепостным холмом. Эта река также протекает через город и впадает в Меандр; а ширина Марсия — двадцать пять футов. По преданью, здесь Аполлон, победивши состязавшегося с ним в умелости Марсия, содрал с него кожу и повесил ее в пещере, где исток реки; потому-то она и зовется Марсий. (9) Тут Ксеркс, отступая после поражения из Греции, построил, по преданью, и этот дворец, и Келенскую крепость. В Келенах Кир оставался тридцать дней, и сюда к нему явились Клеарх, лакедемонский изгнанник, с тысячей латников, восьмью сотнями фракийских копейщиков и двумя сотнями критских стрелков, а вместе с ним сиракузянин Сосий с тремя сотнями латников и аркадец Софенет с тысячей латников. Здесь же в саду Кир устроил грекам смотр и подвел им счет: латников оказалось всего одиннадцать тысяч, а копейщиков — около двух тысяч.

(10) Оттуда Кир прошел за два перехода десять парасангов до многолюдного города Пельты и там оставался три дня, пока аркадец Ксений справил праздник Зевсу Ликейскому и игры в его честь. Наградой были золотые скребки, и сам Кир смотрел на состязанья. Оттуда он за два перехода прошел двенадцать парасангов до Гончарного Торга, многолюдного города у самых границ Мисии. (11) Оттуда он за три перехода прошел тридцать парасангов до многолюдного города Каиструпедион, где провел пять дней. Воинам он задолжал плату больше чем за три месяца, и они часто требовали ее, подошедши к его дверям, а он обнадеживал их и тянул время, явно досадуя: не в его привычках было иметь и не давать. (12) Туда прибыла к Киру Эпиакса, жена киликийского царя Сиеннесия, и, как говорили, дала ему много денег. Тогда-то Кир и расплатился с войском за четыре месяца. У киликиянки была охрана из киликийцев и аспендийцев, и говорили, что Кир был в связи с киликиянкой.

(13) Оттуда он прошел за два перехода десять парасангов до многолюдного города Фимбрий. Там при дороге есть источник, названный именем фригийского царя Мидаса, потому что Мидас тут поймал, по преданью, сатира, подмешав вина в источник. (14) Оттуда Кир прошел за два перехода десять парасангов до многолюдного города Тириаэй, где и оставался три дня. Говорили, что киликиянка попросила Кира показать ей войско, и он, желая показать его, произвел на равнине смотр грекам и варварам. (15) Грекам он приказал построиться и стоять так, как положено у них для боя, и начальникам приказал расположить своих людей. Войско

построилось в четыре ряда, справа — Менон с его воинами, слева — Клеарх и его отряд, посредине — прочие старшие начальники. (16) Кир смотрел сперва варваров, которые прошли перед ним в строю по отрядам и полкам, а потом греков: мимо них он проехал в колеснице, а киликиянка — в повозке. Все греки были в медных шлемах, пунцовых хитонах, в поножах и с открытыми щитами. (17) Кир, объехав всех и остановив колесницу против середины строя, послал толмача Пигрета к греческим начальникам с приказом взять оружие наизготовку и наступать всем сомкнутым строем. Они передали приказ воинам, и по сигналу трубы все двинулись с оружием наизготовку. Потом воины ускорили шаг и закричали, и сам собой получился как бы набег на палатки, весьма перепугавший варваров. (18) Киликиянка бежала на своей повозке, и все, кто был на торгу, бежали, побросав товары. Греки со смехом дошли до палаток. Киликиянка, увидевши блеск войска и порядок в строю, дивилась всему, а Кир был в восхищенье, увидев страх варваров перед греками.

(19) Оттуда он прошел за три перехода двадцать парасангов до Икония, последнего города во Фригии, и в нем остановился на три дня. А оттуда он прошел по Ликаонии за пять переходов тридцать парасангов. Эту страну как враждебную он отдал грекам на разграбленье. (20) Оттуда Кир кратчайшим путем отправил киликиянку в Киликию, отослав с нею Меноновых воинов и самого Менона, а сам с прочими войсками прошел по Каппадокии за четыре перехода двадцать парасангов до большого города Даны, богатого и многолюдного, где и оставался три дня. Здесь Кир казнил перса Мегаферна, царского пурпуриносца, и еще одного, из числа местных царьков, обвинив обоих в заговоре.

(21) Оттуда сделал он попытку проникнуть в Киликию; но дорога туда, хоть и проезжая, была очень крута и, если бы кто ее преградил, для войска непроходима. А говорили, что Сиеннесий занял вершины и стережет проход. Поэтому Кир простоял один день на равнине. Но на завтра пришел вестник и сообщил, что Сиеннесий вершины покинул, едва узнал, что войско Менона уже за горами в Киликии, и услышал, что из Ионии в Киликию плывут корабли под началом Тамона — лакедемонские и принадлежащие Киру. (22) И Кир без помех взошел на горы и увидел палатки там, где стояли стражей киликийцы. Оттуда он спустился на обширную и красивую равнину, обильно орошенную, богатую всяческими деревьями и виноградом, щедро родящую и кунжут, и просо, и коноплю,

и ячмень, и пшеницу. Со всех сторон, от моря до моря, охватывает ее крутой и высокий хребет. (23) Спустившись, Кир по этой равнине прошел за четыре перехода двадцать пять парасангов до Тарса, большого и богатого киликийского города, где есть дворец Сиеннесия и посреди города течет река Киди шириною в два плефра. (24) Все жители, кроме торговцев, вместе с Сиеннесием покинули город и ушли в неприступное место в горах. Остались и жители приморских городов Иссы и Солю.

(25) Эпиакса, жена Сиеннесия, прибыла в Тарс на пять дней раньше Кира. При ее переходе через горы на равнину погибло два отряда из Менонова войска; одни говорили, что их перерезали киликийцы за какой-то грабёж, другие — что они, отставши, не могли найти ни остального войска, ни дорог и пропали в блужданиях; было их сто латников. (26) Остальные, разгневанные гибелью товарищей, по приходе в Тарс разграбили и город, и дворец в нем. Кир, когда вступил в Тарс, послал звать к себе Сиеннесия, но тот ответил, что и раньше никогда не предавался в руки сильнейшим, и не пожелал идти к Киру прежде, чем жена его не уговорила и ему не было дано честное слово. (27) А после того как они встретились, Сиеннесий дал Киру много денег на содержание войска, а Кир ему — дары, которые считаются почетным получить от царя: коня с золотой уздой, и золотое ожерелье, и запястье, и золотой кинжал, и персидское платье; и еще он обещал не грабить страну, а если где найдет захваченных в рабство — возвращать их.

III. (1) Там Кир с войском оставался двадцать дней, оттого что воины не соглашались идти дальше: они заподозрили уже, что идут на царя, и говорили, что нанялись не для этого. Клеарх сперва попытался силой заставить своих людей идти, но едва он двинулся вперед, все стали бросать и в него, и в его вьючных лошадей камни. (2) Клеарх тогда едва избег каменования и потом, понявши, что силой ничего не добьются, собрал своих воинов на сходку. Встав перед ними, он сначала долго плакал, а они, глядя на него, удивлялись и молчали. (3) Потом он заговорил в таком роде:

«Не удивляйтесь, воины, что при нынешних наших делах мне так тяжело. Ведь Кир оказал мне гостеприимство, когда я был изгнан с родины, и помимо прочих почестей дал мне десять тысяч дариков. Эти деньги я взял, но не припрятал для себя и не прокутил, а все истратил на вас. (4) Сперва воевал я с фракийцами, вместе с вами мстил им за Грецию, и мы прогнали их с Херсонеса,

где они хотели отнять землю у гретеских поселенцев. Потом, по зову Кира, я взял вас и пришел, чтобы в случае нужды помочь ему за все хорошее, что он для меня сделал. (5) А раз вы не желаете идти со мной, то мне неизбежно придется либо предать вас и сохранить дружбу Кира, либо последовать за вами, обманув его. По справедливости ли я поступлю — не знаю, но выберу я вас и останусь с вами, а там будь что будет. Тогда уж никто не скажет, будто я сперва завел греков к варварам, а потом, предпочтя дружбу варваров, предал греков. (6) И раз вы меня не хотите слушаться, я пойду с вами, а там будь что будет. Вы для меня и родина, и друзья, и соратники, с вами я верю, что буду в чести везде и всюду, а без вас не смогу ни помочь другу, ни отразить врага. Так что имейте в виду: куда вы пойдете, туда и я».

(7) Так он сказал; а воины — и его собственные, и другие, слышавшие, что он не согласен идти против царя, — похвалили его. И больше двух тысяч из людей Ксения и Пасиона, забрав оружие и кладь, разбили стан возле Клеархова. (8) Кир, в растерянности и печали от всего этого, послал за Клеархом, но тот отказался явиться, — однако тайком от воинов отправил к нему гонца и наказал не падать духом: все-де устроится как надо. И еще он велел послать за собою вторично, но сказал, что не явится. (9) После этого, собрав воинов — и своих, и примкнувших, и всех желающих, — он сказал в таком роде:

«Воины! Всем ясно одно: как мы к Киру, так и Кир к нам. И раз мы за ним не следуем, то ни мы ему не воины, ни он нам не плательщик. (10) Я-то знаю, что он считает себя обиженным нами; поэтому я и не пошел, когда он посылал за мною, — больше всего от стыда, зная, что во всем обманул его, но также и от страха, как бы он меня не схватил и не наказал за все, что считает обидою. (11) По-моему, нам сейчас не время спать и предаваться беспечности, а надобно посоветоваться, как выбраться из такого положения. Пока мы остаемся здесь, нам, я полагаю, надо подумать, как бы оставаться в наибольшей безопасности, а если мы решаем тотчас же уходить — как бы в наибольшей безопасности уйти. И еще — где нам взять продовольствия: ведь без него ни начальник, ни простой воин ни на что не годны. (12) А тот человек — ведь как другу ему нет цены, а как враг он опаснее всех — силен и пехотой, и конницей, и кораблями: мы сами это видали и знаем, потому что стоим, по-моему, совсем от него недалеко. Так что теперь говорите, что кому кажется наилучшим». На этом он умолк.

(13) Потом стали подниматься воины; одни, выйдя по своему почину, говорили, как думали, другие, по наущению Клеарха, старались показать, что нет выхода ни в том, чтобы удалиться, ни в том, чтобы остаться без изволения Кира. (14) А один, прикидываясь, будто стремится как можно скорей выступить в Грецию, предложил поскорее избрать других начальников, если Клеарх не желает увести их, продовольствие закупить — торг был в варварском стане — и собирать пожитки; а к Киру надо пойти и просить судов для отплытия, если же он откажет, просить у Кира проводника, который повел бы их через дружественные области. Если же он и в проводнике откажет, нужно быстрее построить и выслать на вершины гор сторожевой отряд, чтобы их не заняли раньше ни Кир, ни киликийцы, у которых ведь награблено немало добра и людей. Так говорил этот воин.

После него Клеарх сказал так: (15) «Пусть никто из вас и не говорит, чтобы я взял на себя начальствование в таком походе: я вижу много причин, почему мне этого делать не следует. Но тому мужу, которого вы изберете, я буду повиноваться во всем, в чем можно, чтобы вы знали, что и подчиняться я умею как никто другой». (16) После него встал еще один и принялся доказывать, какая глупость просить корабли у Кира, как будто он повернет поход вспять, и еще доказывать, как глупо просить у него проводника, «если мы портим ему все дело. А когда мы доверимся проводнику, если Кир его даст, что тогда мешает Киру занять перед нашим носом горные вершины? (17) И на корабли, полученные от Кира, я бы сесть не решился, — не то как бы нас не потопили его трехрядные суда, — и за его проводником побоялся бы идти, — не то как бы он не завел нас туда, откуда не выйти! Если уходить против воли Кира, то я бы предпочел уйти тайно от него, — но это невозможно. (18) Вот я и утверждаю, что все это пустая болтовня. А должно, по-моему, отправить к Киру с Клеархом подходящих людей и спросить его, на что мы ему нужны, и если дело будет вроде прежних, для которых он пользовался наемною силой, последовать за ним и не показать себя хуже тех, что ходили с ним раньше. (19) А если дело окажется больше прежних, и труднее, и опаснее, то нужно, чтобы или он убедил нас и повел с собою, или мы убедили его и ушли без раздора. Тогда и если мы последуем за ним, то по дружбе и с готовностью, и если уйдем, то безопасно. И что он на это скажет, пусть передадут нам сюда, мы же, услышав, посоветуемся».

(20) Так и порешили и, выбрав людей, послали их вместе с Клеархом спросить Кира насчет решения, принятого войском. Он же ответил, будто прослышал о том, что Аброком, его враг, находится на Евфрате, в двенадцати переходах отсюда; против него-де Кир и желает идти и, если он там, наказать его, а если бежал, то там мы и посоветуемся. (21) Услышав об этом, избранные известили воинов; те, правда, подозревали, что ведут их против царя, но решили идти дальше и попросили только прибавки к плате; Кир пообещал им платить в полтора раза больше, чем они получали: вместо дарика по три полударика в месяц на каждого воина. А о том, что он ведет их против царя, тогда никто не услышал ни слова в открытую.

IV. (1) Оттуда Кир прошел за два перехода десять парасангов до реки Псар, шириною в один плефр. Оттуда он за один переход прошел пять парасангов до реки Пирам, шириною в стадий. Оттуда он прошел за два перехода пятнадцать парасангов до Исс, последнего в Киликии, лежащего у моря города, многолюдного и богатого. (2) Там он оставался три дня; тогда и прибыли к Киру тридцать пять кораблей из Пелопоннеса под началом лакедемонянина Пифагора; а вел их от Эфеса египтянин Тамос, у которого было еще двадцать пять Кировых кораблей, — с ними он осаждал Милет, когда город взял сторону Тиссаферна, и сражался против Тиссаферна заодно с Киrom. (3) Прибыл на судах этих и лакедемонянин Хейрисоф, вызванный Киrom, и привез семьсот латников, над которыми начальствовал на службе у Кира. Суда эти стали на якорь у самого Кирова шатра. Тогда же пришли к Киру и четыре сотни латников из греческих наемников, отложившихся от Аброкома; они тоже участвовали в походе против царя.

(4) Оттуда он прошел за один переход пять парасангов и достиг ворот Киликии и Сирии. Это две укрепленные стены, из которых та, что по эту сторону границы, в Киликии, была занята Сиеннесием с киликийским сторожевым отрядом, а та, что за сирийской границей, охранялась, как говорили, царским отрядом. Между стенами течет река Карс, шириною в плефр, а все расстояние между ними — три стадия. Прорваться силой там нельзя: дорога узка, стены спускаются к самому морю, а выше над ними — недоступные утесы. В обеих стенах — ворота. (5) Из-за этого-то прохода Кир и послал за кораблями: он намерен был высадить латников между воротами и дальше них и пройти, силой одолев врагов, если бы они охраняли Сирийские ворота, как, по мнению Кира, и должен был

сделать Аброком с его многочисленным войском. Но Аброком так не сделал, а услышав, что Кир в Киликии, повернул прочь из Финикии и направился к царю, имея при себе, как говорили, триста тысяч войска.

(6) Оттуда Кир прошел по Сирии за один переход пять парсангов до Мирианда, приморского города, населенного финикиянами. Место это торговое, и на воде множество грузовых судов.

(7) Там Кир оставался семь дней. А Ксений аркадец и Пасион мегарец сели на корабль и, погрузив на него немало ценностей, уплыли прочь,— по суждению большинства, задетые тем, что их воинов, перешедших к Клеарху ради возврата в Грецию, а не ради похода на царя, Кир позволил Клеарху оставить за собой. Когда они скрылись из виду, пошел слух, будто Кир гонится за ними на военных кораблях, и одни, считая их трусами, желали, чтобы они были пойманы, а другие жалели их, если они попадутся.

(8) А Кир, созвав начальников, сказал им: «Нас покинули Ксений и Пасион. Однако пусть они знают, что еще не скрылись,— ведь мне известно, куда они направляются,— и не ушли от погоны,— ведь у меня есть корабли, чтобы захватить их судно. Но, клянусь богами, я за ними гнаться не стану, и никто не скажет, будто я использую людей, пока они при мне, а когда хотят уйти, я их хватаю, и делаю им зло, и отнимаю их достоянье. Пусть бегут и знают, что сами поступают с нами хуже, чем мы с ними. И пусть у меня в Траллах под охраной их жены и дети,— я не отниму и их, но отпущу ради прежней доблести беглецов у меня на службе». (9) Так он сказал; а греки, даже те, у кого душа не лежала к походу, услышав о доблести Кира, с большей охотой и радостью пошли за ним.

После этого Кир прошел за четыре перехода двадцать парсангов до реки Хал, шириною в один плефр и полной больших ручных рыб, которых сирийцы считают богами и не дают трогать. Деревни, в которых остановились на ночлег, принадлежали Парисатиде: ей когда-то дали их на пояс.

(10) Оттуда Кир за пять переходов прошел тридцать парсангов до истоков реки Дардат, шириною в плефр. Там был дворец Велесия, правителя Сирии, и весьма большой и красивый сад, приносивший все, что рождает каждое время года. Его Кир вырубил, а дворец сжег. (11) Оттуда он прошел за три перехода пятнадцать парсангов до Евфрата, ширина которого — четыре стадия; и на нем есть город, большой и богатый, называемый Тапсак. Там оставались пять дней. Кир, созвав греческих начальников, сказал им,

что путь лежит на Вавилон, против великого царя, и повелел сказать об этом воинам и убедить их пойти за ним. (12) И начальники, собрав сходку, объявили это воинам, а те вознегодовали на них, говоря, что они, мол, знали все раньше, но скрывали; и никто не соглашался идти, если не дадут денег, как давали их прежде ходившим с Киром, и притом не на бой, а по зову Кирова отца. (13) Это начальники и объявили Киру, а он обещал по пять мин серебра на каждого по приходе в Вавилон и полную плату за все время, пока не доставит грехов обратно в Ионию. Так удалось ему уговорить большую часть греческого войска.

А Менон, еще до того как стало ясно, что сделают воины, пойдут ли они за Киром или нет, собрал свое войско отдельно от прочего и сказал так: (14) «Воины, если вы меня послушаетесь, то без всяких трудов и опасностей будете отличены Киром среди прочего войска. Что же велю я вам делать? Теперь Киру надобно, чтобы греки шли за ним на царя. И вот я считаю, что вам следует перейти Евфрат прежде, чем станет ясно, что ответят Киру остальные греки. (15) Если они порешат следовать за ним,— тогда покажется, что от вас, начавших переправу, пошел весь почин, и за вашу величайшую готовность Кир будет вам благодарен и наградит вас — а это он умеет как никто другой. Если же остальные порешат иначе, то и мы все вернемся назад, но вас, как единственных послушных ему и самых верных, он будет ставить начальниками и над крепостями, и над отрядами, да и если что-нибудь еще вам понадобится, вы все, я уверен, получите от Кира, потому что он вам будет другом». (16) Услышав это, воины согласились и перешли Евфрат, не дожидаясь ответа остальных. Кир, услышав об их переправе, был доволен и отправил к ним Глуса сказать: «Я, воины, вас хвалю, а сделать так, чтобы и вы меня хвалили,— это моя забота, или можете не звать меня Киром». (17) И воины, от больших надежд, стали желать ему счастья. А Менону, как говорили, он послал великоленные подарки.

Сделав это, он переправился через реку. И войско все целиком пошло за ним. Из переправлявшихся никто не намок выше груди, (18) меж тем как жители Тапсака говорили, что, кроме того случая, никогда невозможно было перейти реку вброд, а нужны были лодки,— их же Аброком, проходя здесь, пожег, чтобы Кир не мог переправиться. В этом все увидели нечто божественное: ясно было, что река отступала перед Киром, ибо ему суждено царствовать. (19) Оттуда он прошел по Сирии за девять переходов пятьдесят

парасангов и прибыл на реку Аракс. Там было множество деревень, обильных хлебом и вином, и в них войско провело три дня, запасаясь продовольствием.

V. (1) Оттуда Кир прошел по Аравии, держась слева от Евфрата, и за пять переходов по пустыне покрыл тридцать пять парасангов. Места эти равнинные, плоские, как море, заросшие полынью; если и растет там еще что из кустарников или камышей, то все это пахучее, как благовония; а дерева нет ни одного. (2) Звери там разные, очень много диких ослов, много и страусов; есть и дрофы, и косули. За этими животными иногда охотились на конях. Осел, когда его преследуют, отбегает и останавливается, потому что бежит он гораздо быстрее лошади; а когда лошадь приближается, он опять делает то же самое, и поймать его нельзя, иначе как расставив конных и меняя во время охоты лошадей. Мясо пойманных ослов напоминало олене, только было нежнее. (3) А страуса никому не удалось поймать; все всадники, что их преследовали, скоро прекращали погоню: птица намного опережала их, так как и ноги у нее бегут быстро, и на крыльях она приподнимается, распуская их, как паруса. А вот дрофу, если быстро поднять ее, словить можно: полет у нее короткий, как у куропатки, и она быстро слабеет. Мясо ее очень вкусное.

(4) Пройдя через эту местность, войско достигло реки Маск, шириною в плевр. Там есть город, большой, но заброшенный, называемый Корсота; Маск обтекает его со всех сторон. Там оставались три дня, запасаясь продовольствием.

(5) Оттуда за тринадцать переходов по пустыне прошли девять парасангов, имея Евфрат по правую руку, и прибыли в Пилы. На этих переходах много вьючных животных пало от голода: нигде не было ни сена и ни единого дерева, вся местность была голая. Жители там живут тем, что выкапывают над рекою камни, делают из них мельничные жернова, отвозят их на продажу в Вавилон и там все закупают. (6) У войска иссяк хлеб, и купить его можно было только у лидийских торговцев в варварском ополчении Кира, по четыре сикля за капифу пшеничной или ячменной муки. Сикль ценится в семь с половиною аттических обол, а в капифе два аттических хойника. Так что воины все время кормились только мясом. (7) А из этих переходов многие были особенно длинными, — когда хотели дойти до воды или до корма скоту.

Однажды, когда попалась теснина и топь, непроходимая для повозок, Кир, остановившись с самыми богатыми своими вельможами,

приказал Глусу и Пигрету взять варварских воинов и вызвать повозки. (8) А когда ему показалось, что исполняют приказ нерадиво, он, как бы в гневе, повелел самым знатным из стоявших вокруг персов скорее сдвинуть повозки с места. Тут-то и можно было увидеть пример отличного послушания! Сбросив с себя пурпурные кафтаны прямо там, где стояли, они кинулись, словно бегуны за наградой, вниз по крутому склону, в драгоценных хитонах и пестрых шароварах, некоторые даже с ожерельями вокруг шеи и с запястьями на руках, и во всем этом убранстве попрыгали в топь, подняли на воздух повозки и вынесли их быстрее, чем можно было подумать. (9) По всему было видно, что Кир спешит пройти весь путь: он не медлил и не останавливался иначе, как для пополнения продовольствия или какой-нибудь другой надобности, ибо полагал, что чем скорее он придет, тем менее готов к битве будет царь, и чем больше он будет медлить, тем многочисленнее войско соберется у царя. И всякому, кто задумался бы, легко было понять, что держава царя сильна множеством областей и людей, но из-за длинноты дорог и разбросанности сил слаба, особенно против скорого нападения.

(10) Во время этих переходов по пустыне оказались против лезавшего за Евфратом большого и богатого города, называемого Хармада; в нем воины закупали продовольствие, переправляясь на плотах такого рода: шкуры, что служили им для покрытия палаток, набивали сухой травой, стягивали и сшивали, чтобы сено не намокало. На них-то и переплывали реку и покупали продовольствие: вино, приготовленное из фиников, и хлеб из египетского проса (этого всего в том краю есть вдоволь).

(11) Там же заспорили один из Меноновых воинов и воин Клеарха, и Клеарх, решив, что неправ человек Менона, избил его. Тот вернулся к своим и все рассказал, и войско пришло в негодование и разгневалось на Клеарха. (12) В тот же день Клеарх, побывав у речной переправы и оглядев торг, ехал верхом к своей палатке с немногими сопровождающими через войско Менона. Кир еще не явился, но был уже на подходе. Один из Меноновых воинов, который как раз колол дрова, увидел проезжавшего Клеарха и запустил в него топором. Сам он промахнулся, но за ним бросил камень один, потом другой, потом многие. Поднялся крик. (13) Клеарх убегает к своему войску и отдает приказ к оружию. Латникам он велит оставаться на месте, приставив щиты к ноге, а сам берет фракийцев и всадников, которых было в его отряде больше сорока,

тоже в большинстве фракийцев, и наступает на Менонов стан. И Менон, и его люди, переполошившись, бегут за оружием, а иные стоят, не зная, что делать. (14) Тут случился Проксен — он был последним в сопровождении отряда латников — и, быстро вклинившись между противниками, остановил своих и стал просить Клеарха не делать этого. Клеарх, которого чуть было не побили камнями, рассердился, что другой так легко говорит о случившемся с ним, и приказал Проксену убраться в сторону. (15) Но тут подоспел сам Кир и спросил, в чем дело. Потом, взяв пучок дротиков, с теми из своих присных, что были при нем, въехал между врагами и сказал так: (16) «Вы, Клеарх, Проксен и все греки, сами не ведаете, что творите! Если вы начнете биться друг с другом, то так и знайте: в тот же день зарежут меня, а недолго спустя и вас; чуть наши дела пойдут плохо, все эти варвары, которых вы здесь видите, станут мне врагами злейшими, чем те, что у царя». (17) Услышавши это, Клеарх опомнился, обе стороны прекратили вражду и на месте положили оружие.

VI. (1) Когда двинулись оттуда вперед, появились конские следы и навоз; судя по отпечаткам копыт, проехало до двух тысяч всадников. По пути они сжигали траву и все, что Киру могло пригодиться. Оронт, перс по рождению и родственник царя, к тому же признаваемый за одного из лучших среди персов в делах войны, стал злоумышлять против Кира, с которым враждовал и прежде, но потом помирился. (2) Он сказал Киру, что если тот даст ему тысячу всадников, то он или подстережет в засаде конных поджигателей и перебьет их, или многих захватит живыми и тем положит конец их поджогам и набегам; а сделает он все так, что они, даже увидавши Кирово войско, не смогут известить царя. Кир, выслушав, счел это полезным и приказал ему взять людей от каждого полководца. (3) А Оронт, считая, что всадники уже у него, написал царю письмо, что, мол, явится к нему и приведет насколько сможет больше конницы, пусть только царь скажет своим всадникам, чтобы встретили их как друзей. Были в письме еще напоминанья о прежней дружбе и верности. Письмо это он отдал человеку, которого считал верным, а тот, взяв, передал его Киру. (4) Прочитав его, Кир приказал схватить Оронта и созвал семерых знатнейших персов из своих присных к себе в шатер, а греческим начальникам отдал распоряжение привести латников и с оружием расставить их вокруг шатра. Они так и сделали и привели до трех тысяч латников. (5) А Клеарха Кир призвал внутрь на совет, так как тот и

ему, и другим казался самым почитаемым из греков. Выйдя оттуда, Клеарх рассказал друзьям, как судили Оронта, ибо это не было тайной.

(6) Кир, по его словам, заговорил первым и сказал: «Я созвал вас, друзья, дабы с вами посоветоваться: что сделать мне с этим вот Оронтом, не нарушая справедливости перед богами и людьми? Его еще мой отец дал мне в подчиненные, а он,— как сам говорил, наущаемый родным моим братом,— завладел твердыней в Сардах и начал со мною войну. Я ответным ударом заставил его изменить намеренье и прекратить ту войну и обменялся с ним пожатьем рук; и после этого, Оронт, была ли тебе когда-нибудь от меня обида?» И Оронт ответил, что не было. (7) А Кир снова спросил: «Что же, разве потом, без всякой, как ты сам сказал, обиды от меня, ты не перешел к мисийцам и не чинил моей стране вред всем, чем мог?» Оронт согласился. «Что же,— сказал Кир,— узнавши и во второй раз, какова твоя сила, разве ты не прибег к алтарю Артемиды, и не говорил, что раскаиваешься, и, убедив меня, не дал мне клятвы, и не принял клятвы от меня?» Оронт и с этим согласился. (8) «А теперь,— сказал Кир,— когда и в третий раз ты уличен в злом умысле против меня, разве была нанесена тебе мною обида?» И когда Оронт ответил, что обиды не было, Кир его спросил: «Признаешь ли ты, что нарушил предо мною справедливость?» — «Не могу не признать»,— отвечал Оронт. И Кир еще спросил: «Мог бы ты снова стать брату моему— врагом, а мне — другом и верным соратником?» Тот отвечал, что даже если я, мол, стану, ты, Кир, меня другом не признаешь. (9) На это Кир сказал собравшимся: «Вот что этот человек сделал, вот что он сказал. Из вас пусть Клеарх первым произнесет свое суждение, что он решит». И Клеарх сказал так: «Я советую чем скорее избавиться от него, чтобы больше не пришлось его остерегаться и был у нас досуг облагодарить тех, кто и в нынешних обстоятельствах остается преданным другом». (10) И к его мнению, сказал Клеарх, присоединились все прочие.

После этого все встали по приказу Кира и, в знак смертного приговора, схватили Оронта за пояс,— даже его родичи. Потом те, кому было велено, увели его. И завидев его, все, кто прежде падал перед ним на колени, упали и сейчас, даже зная, что ведут его на казнь. (11) А когда он был введен в шатер Артапата, самого приближенного из Кировых жезлоносцев, то уж после этого никто никогда не видал Оронта ни живым, ни мертвым и достоверно не рассказы-

вал, как он умер, но каждый придумывал на свой лад. И могилы его никто нигде не обнаружил.

VII. (1) Оттуда Кир прошел по Вавилонии за три перехода двенадцать парасангов. На третьем переходе он произвел на равнине, в полночь, смотр и грекам и варварам, решив, что на утренней заре явится для битвы царь с войском. Клеарху Кир приказал начальствовать на правом крыле, фессалийцу Менону — на левом, а свои отряды построил сам. (2) После смотра, едва занялся день, явились перебежчики от великого царя и принесли Киру вести о царском войске.

Кир собрал у себя старших и младших начальников греческого войска, чтобы совещаться о том, как вести бой; сам он призвал их к мужеству и ободрил такими словами: (3) «Вас, греки, я веду как союзников в битву не оттого, что мне не хватает моих варваров; нет, я считаю вас и сильнее, и храбрее самых многочисленных варваров, потому и беру вас. Так будьте достойны той свободы, которой вы добились и в которой вижу я ваше счастье. Ибо свободу — знайте это! — я рад был бы купить ценою всего, что имею, и еще многого в придачу. (4) Чтобы вы знали о битве, на какую идете, я, знающий, все вам объясню. Войско будет несметное, и пойдет оно с громким криком. Если вы только выстоите, то дальше, я думаю, не избежать мне перед вами краснеть, когда вы узнаете, каковы мои земляки. Если вы будете настоящими мужами и если дела мои пойдут удачно, я тех из вас, кто пожелает отбыть на родину, отпущу так, что на родине все им позавидуют; но надеюсь добиться, что большинство предпочтет остаться у меня, чем вернуться».

(5) Бывший при этом Гавлит, самосский изгнанник и приближенный Кира, сказал: «Но ведь некоторые говорят, Кир, что ты много сулишь по нынешним твоим обстоятельствам, ввиду близкой опасности, а в случае удачи ни о чем и не вспомнишь. А иные считают, что ты, даже и помня, при всем желании не сможешь дать, сколько наобещал». (6) Кир, услышавши такое, сказал: «Но ведь есть у нас отцовская держава, простертая на юг до тех мест, где люди не могут жить из-за зноя, и на север до тех мест, где жить нельзя из-за стужи. А над всем, что лежит посредине, стоят заместниками друзья моего брата. (7) Если мы победим, то нужно будет нашим друзьям отдать надо всем этим власть. Поэтому я не боюсь, что мне нечего будет дать каждому из друзей, а боюсь, что не хватит друзей, кому давать. Что до вас, греков, то я каждого

награжу золотым венцом». (8) Греки, услышав это, преисполнились вящего пыла сами и все рассказали другим. Побывали у Кира и все начальники и еще кое-кто из греков, которым не терпелось знать, что придется на их долю в случае победы. И он отпускал каждого, удовлетворив его страсть.

(9) Все, кто беседовал с ним, побуждали его самому в бою не участвовать, а расположиться в тылу. По этому же случаю Клеарх задал Киру такой вопрос: «Как по-твоему, Кир, будет твой брат сражаться?» — «Конечно же, — отвечал Кир, — если он вправду сын Дария и Парисатиды и брат мне, то без боя мне ничего не взять».

(10) Там же во время смотра с оружием был произведен счет войскам: всего оказалось десять тысяч четыреста щитов, две с половиною тысячи копейщиков; Кировых варваров было сто тысяч и около двадцати серпоносных колесниц. (11) А врагов, как говорили, было сто двадцать раз по десять тысяч и две сотни серпоносных колесниц. Помимо того, было еще шесть тысяч конницы под началом Артагерса; (12) этот отряд окружал самого царя. Во главе царского войска стояло четверо, каждый имея под началом триста тысяч человек: Аброком, Тиссаферн, Гобрий и Арбак. В битве же приняло участие девятьсот тысяч воинов и полтора серпоносных колесниц: Аброком, шедший из Финикии, опоздал к сраженью на пять дней. (13) Все это сообщили те из врагов, что перебежали к Киру от великого царя еще до боя, и после боя то же сообщили враги, взятые напоследок в плен.

(14) Оттуда Кир прошел за один переход три парасанга, причем все войско, и греческое и варварское, шагало в боевом строю, так как он полагал, что нынче царь даст сражение. В самом деле, на полпути нашли ров, глубоко выкопанный, шириною в пять сажень и глубиною в три. (15) Ров этот тянулся вверх по равнине на двенадцать парасангов вплоть до Мидийской стены. А у Евфрата между рекою и рвом оставлен был узкий перешеек не шире двадцати футов. (16) Этот ров был сделан как заградительное укрепление великим царем, когда он узнал, что Кир подходит. Но Кир с войском прошел по перешейку и оказался за рвом. (17) В тот день царь боя не дал, и видны были следы отступавших коней и воинов. (18) Тут-то Кир призвал к себе гадателя Силана из Амбраки и дал ему три тысячи дариков: тот одиннадцать дней назад, принеся жертву, сказал Киру, что еще десять дней царь не будет сражаться; на это Кир ответил: «Так значит, он и вообще не будет

сражаться, если не даст боя в эти дни. Если ты окажешься прав, обещаю тебе десять талантов». И сейчас, по прошествии десяти дней, он отдал это золото.

(19) А когда и через ров царь не помешал Киру переправиться, то и Кир и прочие решили, что он отказывается от боя; и дальше Кир шел с большею беспечностью. (20) На третий день он уже ехал в своей колеснице с небольшим отрядом впереди; и большинство войска брело врассыпную, а оружие солдаты везли большею частью в повозках и вьюках.

VIII. (1) Время близилось к тому часу, когда наполняется торговая площадь, и недалеко уже была намеченная стоянка, когда показался Патегий, перс из числа ближайших к Киру; он изо всех сил гнал потного коня и всем встречным сразу же кричал по-варварски и по-гречески, что подходит царь с несметным войском, готовым к бою. (2) Началась немалая суматоха; ведь и греки, да и все прочие решили, что на них нападут, не дав им построиться. (3) Кир сошел с колесницы, надел доспех, сел на коня, взял в руки пучок дротиков и приказал всем вооружиться и занять свое место в строю. (4) Тотчас же войско построилось с великим рвением, Клеарх занял правое крыло, со стороны Евфрата, вплотную к нему стал Проксен, а дальше — остальные. Менон стоял на левом крыле греков. (5) Из варварского войска пафлагонская конница, числом до тысячи человек, стояла справа, возле Клеарха, там же, где греческие копейщики, а слева стоял Арией, помощник Кира, и остальное войско. (6) Кир и его всадники, числом около шестисот, составляли середину. Все, кроме Кира, были в панцирях с набедренниками и в шлемах, а Кир вступал в битву с непокрытою головой. (7) Коня у всадников Кира были защищены налобниками и нагрудниками, а сами они имели при себе греческие мечи.

(8) Наступил полдень, а враги все еще не показывались. За полдень показалась пыль вроде белого облака, еще долго спустя вдали на равнине как бы разлилась чернота, а когда она приблизилась, сразу же засверкала медь и копья, и видны стали отдельные отряды. (9) На левом крыле противника были конные в белых доспехах, подначальные, как говорили, Тиссаферну; к ним вплотную шли воины с плетеными щитами, а вплотную к этим — латники с деревянными щитами, закрывавшими ноги. Говорили, что это египтяне. Дальше шла конница и лучники. Все шли по племенам, каждое племя — плотным четырехугольным строем. (10) Впереди них, одна поодаль от другой, ехали колесницы, именуемые серпонос-

ными; от осей у них — чтобы резать всех, кто окажется рядом, — идут вытянутые вдоль земли лезвия, а под сиденьем лезвия торчат отвесно. По замыслу колесницы эти должны были прорвать и расколоть строй греков. (11) А что говорил Кир, когда, собрав греков, побуждал их не робеть от крика варваров, так то оказалось неправдой: без крика, в молчании, насколько возможно тихо шли они ровным, медленным шагом.

(12) В эту пору Кир, проезжая с толмачом Пигретом и еще тремя или четырьмя людьми, сам крикнул Клеарху, чтобы тот вел воинов против вражеской середины, так как там — царь. «Если мы его победим, — сказал Кир, — то все дело сделано». (13) А Клеарх, видя, как плотно построена у врага середина и услышав от Кира, что царь даже не напротив левого крыла греков (ибо числом войск царь настолько брал верх, что, занимая середину, находился много левее Кирова левого крыла), — Клеарх не захотел отрываться правым крылом от реки, боясь быть с двух сторон окруженным, и ответил Киру, что это его, Клеарха, дело, чтобы все обошлось хорошо. (14) Во все это время варварское войско равномерно приближалось, а к греческому, стоявшему на месте, подходили и подстраивались все новые люди.

Кир между тем ехал на малом расстоянии перед своим войском и оглядывался в обе стороны, и на врагов, и на друзей. (15) Заметив его, из греческого строя выехал навстречу Ксенофонт афинянин и спросил, не прикажет ли он чего. А он, остановившись, заговорил и велел сказать всем, что и жертвы, и гадания благоприятны. (16) Сказавши так, он услышал прошедший по рядам гул и спросил, что это. Ксенофонт ответил, что уже во второй раз передают друг другу пароль. Кир удивился, кто дал пароль, и спросил, какой он. Ксенофонт ответил: «Зевс Спаситель и Победа». (17) Кир, услышав, сказал: «Согласен на него, пусть будет». И сказав это, уехал на свое место.

Уже не больше трех или четырех стадиев разделяло оба строя, когда греки запели пеан и пошли навстречу врагу. (18) Когда часть строя выдвинулась вперед, отставшие помчались бегом; потом вместе все издали клич, какой принят в честь Эниалия, и все перешли на бег. Говорят, что некоторые даже ударяли копьями о щиты, чтобы испугать лошадей. (19) И прежде, чем они оказались на расстоянии выстрела, варвары повернули и бросились бежать. Тут греки что было сил пустились в погоню, крича друг другу, чтобы не мчались бегом, а преследовали врагов строем. (20) А колесницы

без возниц неслись одни через вражеские, другие через греческие ряды. Греки при виде их расступались; один, впрочем, был настигнут, опешивши, как на ристалище, но говорят, что никто — и даже этот — не пострадал. И вообще в том бою ни с кем из греков ничего не случилось, только на левом крыле, говорили, был один раненный стрелой.

(21) Кир, увидав, что греки побеждают и преследуют тех, кто наступал на них, радостный и как царь приветствуемый от всех своих присных коленопреклонением, все же не увлекся погонею, но, не распуская сопровождавшие его шесть сотен конницы, высматривал, что делает царь. Ведь он знал, что тот находится в середине персидского войска. (22) И все полководцы варваров предводительствуют своими войсками, оставаясь в середине, ибо полагают, что так и сами находятся в безопасности, имея защитников с обеих сторон, и если понадобится что передать, войско все узнает вдвое скорее. (23) А царь, находясь в середине своего войска, оказался все-таки левее Кирова левого крыла. И так как никто не напал спереди ни на него, ни на выстроенных перед ним воинов, он двинулся с места как бы для окружения.

(24) Тут Кир, опасаясь, как бы царь, оказавшись с тыла, не отрезал греческое войско, помчался вперед и, ударив со своими шестью сотнями, победил выстроенных перед царем и обратил в бегство шесть тысяч и еще, говорят, своей рукой убил начальника их Артагерса. (25) Когда враги повернули вспять, то и Кировы шесть сотен, пустившись в погоню, рассеялись, кроме совсем немногих, что остались вокруг него, почти все — из числа так называемых сотрапезников. (26) С ними он и приметил, где царь и плотный строй вокруг того. Тут уж он не сдержался и, сказавши: «Вижу его!» — пустился к нему, метнул ему в грудь копьё и ранил через панцирь, как говорил Ктесий, врач, лечивший, как он говорил, эту рану. (27) Но когда Кир метал копьё, кто-то попал ему сильно пущенным дротом под глаз. Бились там и царь, и Кир, и их присные, защищая каждого из них; сколько погибло из присных царя, рассказывает Ктесий, который был при нем. А Кир погиб и сам, и восемь бывших около него приближенных пало на его тело. (28) Артапат, самый верный из его жезлоносцев, как говорят, спешился, едва увидел, что Кир упал, и сам упал на него. (29) Одни утверждают, будто царь приказал кому-то заколоть его на теле Кира, другие — что он вытащил кинжал и закололся сам. Кинжал у него был золотой, он носил его, по обычаю персидских вельмож, так же как

и ожерелье, и запястья, и прочие драгоценности; ибо за свою любовь и верность был у Кира в почете.

IX. (1) Так окончил свои дни Кир, среди персов, рожденных после Кира древнего, самый царственный и достойный властвовать, по единодушному суждению всех, что считали себя близко его знающими. (2) С самого начала, еще ребенком, когда он воспитывался с братом и с другими детьми, он считался во всем выше всех. (3) Дети знатных персов воспитываются при дворе: там каждый может научиться благомыслию, а услышать или увидеть что-нибудь постыдное близ царя невозможно. (4) Дети видят и слышат, кто у него в почете, кто не в чести, и с малых лет научаются приказывать и повиноваться приказам. (5) На первых порах Кир казался среди сверстников самым скромным, а старших слушался больше, чем даже стоявшие ниже него; потом стал он большим любителем коней и ловким наездником. И обучаясь военному делу, стрельбе из лука и метанью копья, он был, по общему суждению, любознательней и ревностней всех. (6) А достигнув подходящего возраста, стал он и великим любителем охоты на диких зверей и всех ее опасностей. Однажды на него напал медведь и стащил с коня, но Кир не испугался, хотя и упал и получил раны, от которых даже остались рубцы; в конце концов он убил зверя, а того, кто первым ему помог, облагодетельствовал на зависть многим.

(7) Когда же отец послал его наместником над Лидией и Великой Фригией и Каппадокией и назначил начальником надо всеми, кому положено собираться на Кастольской равнине, он прежде всего показал каждому, что главное для него — никогда не обманывать ни в едином договоре, ни в едином соглашении, ни в едином обещании. (8) Потому-то и верили ему города, предававшиеся ему, и отдельные люди. И даже кто был ему врагом, тот, помирившись с Киrom, верил, что не понесет ущерба вопреки перемирию. (9) По этой причине, когда началась война с Тиссаферном, все города по доброй воле предпочли его Тиссаферну, кроме Милета: милетяне боялись его, потому что он не хотел оставлять без помощи изгнанников. (10) Кир доказывал на деле и твердил, что, однажды став им другом, он их уже не покинет, даже будь они более жалки, а дела их еще хуже.

(11) Всем было видно, что всякому, кто сделал ему добро или зло, он старается заплатить с избытком, и передавали о такой его молитве: он желал бы жить так долго, чтобы воздаянием превзойти

все добро и зло, какое было ему сделано. (12) Вот почему только ему одному среди ныне живущих столько людей стремилось вверить и свое достоянье, и города, и самих себя. (13) Но никто бы не мог сказать, будто он позволяет зловредным и обидчикам смеяться над собою; нет, их он наказывал с особой беспощадностью: часто на больших дорогах можно было видеть безногих, безруких, слепых с выколотыми глазами. Поэтому в Кировой державе любой грек или варвар, если он никого не трогал, мог путешествовать без страха и возить, что ему выгодно.

(14) Но доблестных в войне он, по общему мнению, особенно отличал. Сначала он воевал с псидийцами и мисийцами и самолично ходил походом в их области, и кого видел с охотой идущими на любую опасность, тех ставил во главе покоренных областей, сперва почтив всякими другими дарами. (15) И так он показывал всем, что доблестные у него достойны всяческого счастья, а трусливые и подлые — только рабства у доблестных. Потому и было у Кира такое множество людей, которые сами искали опасности, если верили, что он об этом узнает. (16) То же и справедливость: если кто явно старался выказать ее, Кир добивался любой ценой, чтобы такой человек жил богаче, чем бесчестные корыстолюбцы. (17) Таким образом и все у него велось по справедливости, и войском он располагал настоящим. Ведь все начальники, и старшие и младшие, приплывавшие к нему ради денег, знали, что при хорошей службе от Кира прибыли будет больше, чем одна только месячная плата. (18) Если какое его поручение было хорошо исполнено, он никогда не оставлял усердие без награды. Потому-то и были у него, как говорили, на любое дело самые лучшие исполнители.

(19) А если он замечал рачительного хозяина, все устроившего по справедливости в подчиненной ему области и получающего с нее доходы, то не только не отрешал такого от должности, но и давал ему еще, поэтому люди охотно трудились, смело приобретали и не думали прятать от Кира приобретенное: он ведь никогда не выказывал зависти к богатеющим открыто и старался завладеть лишь тем имуществом, которое от него прятали.

(20) По всеобщему мнению, не было никого сильнее Кира в искусстве угождать тем, чью дружбу он приобрел, чью преданность знал и в ком видел помощников, способных привести к успеху любое задуманное им дело. (21) И коль скоро он полагал, что друзья нужны ему ради некоторой цели, как помощники, то и сам старался быть для каждого из друзей наилучшим помощником в любом

их желании, о котором он только узнавал. (22) Подарков он один по разным причинам получал, я думаю, очень много, и большую их часть раздавал друзьям, смотря по привычкам каждого и по тому, в чем он видел у каждого наибольшую нужду. (23) Что бы ему ни присылали, чтоб он надевал либо на войну, либо для украшения, Кир, как утверждают, говорил, что не может один во все это наряжаться и считает наилучшим убранством для человека нарядных друзей. (24) Если в благодеяниях он побеждал всех друзей, то удивляться тут нечему: ведь он был могущественней их.

Но что превосходил он всех друзей заботливостью и рвением им угодить, это кажется мне самым удивительным. (25) Часто, когда Киру случалось пить особенно вкусное вино, он посылал кому-нибудь полкувшина и велел сказать, что, мол, давно уже такое вкусное вино ему не попадалось; вот Кир и посылает его тебе и просит тебя сегодня же выпить с теми, кого ты больше любишь. (26) Часто посылал он и по полгусю, по полкаравая хлеба и прочее в таком роде, наказывая относящему передать на словах, что Кир это ел и желает, чтобы и ты этого отведал. (27) Когда мало было травы, а Кир благодаря множеству прислужников и собственной предусмотрительности успевал заготовить корм, тогда он рассылал его друзьям с приказом задать сена тем лошадям, на которых они сами ездят верхом, чтобы его друзьям не ездить на голодных конях. (28) Если же он куда ехал на виду у множества людей, то подзывал друзей к себе и вел с ними нешуточную беседу, чтобы ясно было, кого он чтит.

Потому никто из всех, о ком мне приходилось слышать, не был любим таким множеством людей,— что греков, что варваров. (29) Вот еще одно свидетельство этому: от Кира, человека подневольного, никто не перешел к царю, только Оронт покусился, да и то обнаружил, что гонец, которого он считал верным, больше предан Киру, чем ему. А от царя к Киру, когда началась между ними война, перешли многие из самых любимых царских приближенных, потому что они знали, что за хорошую службу будут у Кира в большей чести, чем у царя. (30) И сама кончина его немало свидетельствовала о том, что и сам он был добр, и правильно умел судить о верных, преданных и стойких. (31) Когда он погиб, то, защищая его, погибли все бывшие при нем друзья и сотрапезники, кроме Аридея, который стоял на левом крыле и начальствовал там над конницей. Узнав о гибели Кира, он бежал вместе со всем своим войском.

Х.(1) Потом у Кира отрубают голову и правую руку. Царь в погоне наталкивается на Киров стан, конница Арияея, не выстояв, бежит через свой собственный стан к той стоянке, откуда вышли накануне, находившейся, как говорили, в четырех парасангах пути.

(2) Царь и бывшие с ним, награбив много добра, похищают среди прочего фокеенку, наложницу Кира, умную и красивую, как о ней говорили. (3) А милетянка, захваченная царскими присными, без платья бежит к грекам, бывшим в обозе, но вооруженным. Они, построившись, убивают многих грабителей, но и среди них многие погибают. Однако никто не бежал, они спасли и женщину, и все, что было у них в тылу — вещи и людей, — тоже спасли.

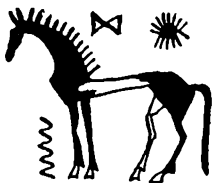
(4) В это время между греками и царем расстояние было тридцать стадиев. Греки преследовали своих противников, а бывшие близ царя персы грабили, как будто одержали полную победу.

(5) Когда же греки узнали, что царь с войском уже возле обоза, а царь услышал от Тиссаферна, что своих противников греки победили и в погоне продвигаются вперед, тогда царь собрал и выстроил своих, а Клеарх, кликнув Проксена, — тот был ближе всех, — стал с ним совещаться, отправить ли немногих или всем идти к своему стану на выручку. (6) В этот миг стало видно, что и царь опять тронулся с места, как казалось, грекам в тыл. Тогда они развернулись и приготовились встретить его, если он зайдет с этой стороны, но царь с этой стороны не напал, а снова отошел по дороге, которую проделал уже раз, миновав их левое крыло; при этом он захватил тех, кто во время битвы перебежал к грекам, и Тиссаферна с его людьми. (7) Ведь Тиссаферн в первой схватке не обратился в бегство, но продвинулся вдоль реки сквозь строй греческих копейщиков; проходя, он никого не убил, а греки, раздвинув ряды, рубили и кололи врагов. Начальствовал над копейщиками Эписфен из Амфиполя, человек, как говорили, благоразумный. (8) Тиссаферн, хоть и терпел поражение, вышел из схватки и не стал возвращаться назад, а, придя в греческий стан, встретился там с царем, и они в едином строю пустились в обратный путь.

(9) Когда они поравнялись с левым крылом греков, те испугались, как бы враги не напали сбоку и, охватив, не стали рубить их с двух сторон. И решено было развернуть крыло, так чтобы в тылу оказалась река. (10) Пока об этом совещались, царь изменил направление и построил прямо перед ними войско в том же порядке, в каком шел в бой сначала. Когда греки увидели вблизи вражеский строй, они снова, затянув пеан, пошли вперед с еще большим

пылом, чем раньше. (11) Варвары не приняли боя и пустились бежать, хотя враг был дальше от них, чем в первый раз. И греки гнали их до какой-то деревни. (12) Здесь они остановились: за деревнею был холм, и на нем те, что были с царем, повернулись. Была там не пехота, — весь гребень заполнен был конницей, и нельзя было понять, что она делает. Говорили, что видят царское знамя: золотого орла с расправленными крыльями на конце пики. (13) Когда греки подошли и туда, конные покинули гребень, не сплошной толпой, а небольшими кучками. Так холм опустел от всадников, а под конец и все ушли с него. (14) Клеарх не стал взбираться на холм, но остановил под ним войско и послал наверх сиракузянина Ликия с еще одним, приказав им взглянуть, что за холмом, и все доложить. (15) Ликий, взглянув, доложил, что враг убегает что есть силы. Происходило все это перед самым заходом солнца.

(16) Тут греки остановились и, положив оружие, стали на отдых. При этом удивлялись, почему нигде не видно Кира и никто от него не приходит. О смерти его никто не знал, и предполагали, что он далеко ускакал в погоню или поехал вперед, чтобы занять какую-нибудь местность. (17) Совещались, остаться ли на месте и привести сюда обоз или же возвратиться в свой стан. Решено было вернуться, и к ужину войско прибыло к своим палаткам. (18) Таков был конец этого дня. Большую часть своего добра греки нашли разграбленной, особенно если где были еда и питье; и те повозки, что полны были муки и вина, приготовленных Киrom на случай большой нужды для раздачи грекам, — этих повозок было, как говорили, четыре сотни, — их тоже люди царя разграбили. (19) Так что большая часть греков осталась без ужина; и не завтракали они тоже: еще прежде, чем войско разошлось для завтрака, показался царь. Так провели греки эту ночь.

Книга вторая

1. (2) Наутро начальники, собравшись, стали удивляться, почему это Кир и не посылает никого указать, что надо делать, и сам не появляется. Решено было собрать, что осталось, вооружиться и идти вперед до встречи с Киrom. (3) Они готовы были уже выступить, и солнце взошло, когда прибыл Прокл, правитель Тевтрании, сын лакедемонца Дамарата, и Глуc, сын Тамоса. Они сказали, что Кир погиб, а Арией, бежав, находится с остальными варварами на той стоянке, откуда вышли позавчера, и велит сказать, что сегодняшней день ждет их, если они намерены прийти, а назавтра уйдет в Ионию, откуда прибыл. (4) Услышав такое, начальники и все греки, когда об этом узнали, опечалились. А Клеарх сказал: «Если бы Кир остался жив! Но коль скоро он умер, объявите Ариею: мы победили царя и, как видите, больше никто с нами не воюет; не подоспей вы, мы пошли бы на царя. Пусть Арией знает, что если он придет сюда, мы его возведем на царский престол: кто выиграл сражение, тому и править». (5) Сказав так, он отпустил гонцов и с ними отправил лакедемонца Хейрисофа и фессалийца Менона: этот Менон, связанный с Ариеем дружбою и гостеприимством, сам того захотел.

(6) Они ушли, Клеарх остался. Войско кормилось, как могло, вьючными животными, закалявая быков и ослов. Что до топлива, то за ним надо было отойти недалеко от строя, на место вчерашней битвы: в огонь шли стрелы, которых там было полно, потому что перебежчиков от царя греки заставляли стрелы выбрасывать, а

также плетеные щиты и египетские деревянные; много было и пик, и повозок, и унести их было нетрудно. На таком топливе варили мясо и кормились им в тот день.

(7) Время близилось к тому часу, когда торговая площадь наполняется; тут-то пришли гонцы от царя и Тиссаферна, все варвары и с ними один грек — Фалин; он состоял при Тиссаферне и был у него в почете, потому что выдавал себя за знатока строевого дела и боя с оружием. (8) Придя и созвав греческих полководцев, они говорят, что царь, одержав победу и убив Кира, повелевает грекам сдать оружие и прийти к его дверям испросить, если смогут, милости. (9) Так сказали царские гонцы, греки же выслушали их с негодованьем, а Клеарх сказал, что не победителям сдавать оружие. «Вы сами,— сказал он начальникам,— ответьте им, что сочтете самым лучшим и достойным, а я сейчас приду». Кто-то из прислужников позвал его взглянуть на вынутые внутренности жертв, которые он как раз приносил.

(10) Тогда Клеанор аркадец, старший из всех, отвечал, что они скорее умрут, чем сдадут оружие. Проксен фиванец сказал: «Я, Фалин, не пойму, требует ли царь оружие как победитель или же как дар в знак дружбы. Если как победитель, то зачем ему просить вместо того, чтобы прийти и взять? Если же он желает нас убедить, пусть скажет, что получают воины, сделав так ему в угожденье».

(11) На это Фалин сказал: «Царь считает, что победил, убив Кира. Кто будет спорить с ним теперь за власть? И вас он числит своими пленниками, потому что вы в глубине его страны, среди непроходимых рек, и он может повести на вас столько людей, что, даже выдai он вам их, вы не сможете всех перебить». (12) После этого стал говорить афинянин Феопомп: «Теперь, ты сам видишь, Фалин, у нас не остается ничего хорошего, кроме оружия и доблести. Если мы сохраним оружие, то и доблесть, я думаю, нам пригодится, а отдав его, мы лишимся и жизни. И не думай, будто мы отдадим вам то единственное хорошее, что у нас есть,— нет, мы и его сохраним, и сразимся за прочие наши блага». (13) Услышав такое, Фалин засмеялся и сказал: «Да ты, юноша, я вижу, философ и говоришь не без приятности. Знай только, что ты прост, коли думаешь, что ваша доблесть возьмет верх над царским могуществом». (14) А некоторые другие, как рассказывают, обнаруживая слабость, говорили, что и Киру они были верны, и для царя могут быть весьма ценны, если он захочет стать им другом. Захочет ли он идти походом на Египет или еще что-нибудь, они ему помогут.

(15) Тут пришел Клеарх и спросил, дан ли уже ответ. Фалин вмешался и сказал: «Одни, Клеарх, говорят одно, другие другое. А ты что нам скажешь?» (16) Клеарх ответил: «Я, Фалин, рад видеть тебя, и все остальные, полагаю, тоже. Ведь ты — грек, и мы также, все, кого ты видишь. И при нынешних обстоятельствах мы хотим с тобою же посоветоваться: как поступить с тем, о чем ты говоришь? (17) Ради богов, посоветуй нам, кто кажется тебе самым лучшим и достойным,— и пусть твой совет навеки принесет тебе почет, чтобы всегда говорили, что вот Фалин, посланный от царя к грекам с приказом сдать оружие, на их просьбу о совете посоветовал им то-то. Знай, что о тебе непременно будут говорить по всей Греции, если ты дашь нам совет». (18) Клеарх наводил его на ответ, желая, чтобы и он, царский посол, посоветовал не сдавать оружия и оставить себе хоть какую-то надежду на спасенье. (19) Но Фалин уклонился и вопреки ожиданию сказал так: «Если у вас есть хоть десятитысячная доля надежды спастись через войну с царем, я советую вам не сдавать оружия, если же никакой надежды спастись вопреки воле царя нет, я советую вам спастись, как можете». (20) А Клеарх на это сказал: «Это ты так говоришь. А от нас передай вот что: мы думаем, что если надо нам быть царю друзьями, то как друзья мы большего будем стоить с оружием, чем без него, а если придется воевать, то и воевать лучше с оружием, чем без него». (21) Фалин же сказал: «Так я и передам. Но царь велел мне сказать еще одно: если вы останетесь на месте, будет у вас с ним перемирие, если двинетесь назад или вперед,— война. Скажите нам и это: останетесь ли вы, чтобы было перемирие, или объявить мне от вашего имени войну?» (22) Клеарх сказал: «Передай, что и об этом мы думаем так же, как царь». — «Что это значит?» — спросил Фалин. И Клеарх ответил: «Если мы остаемся — перемирие, а двинемся вперед или назад,— война». (23) Тот снова спросил: «Так перемирие или война, что мне сказать?» И Клеарх снова ответил: «Останемся — перемирие, двинемся вперед или назад — война». А что он намерен делать, того не объяснил.

II. (1) Фалин и те, кто был с ним, ушли. А от Ариеса вернулись Прокл и Хейрисоф; Менон же остался у Ариеса. Они передали, что тот сказал: есть, мол, много персов знатнее него, которые не потерпят его над собою царем. А если вы хотите уходить вместе с ним, так он приказывает прибыть нынешней же ночью, не то ранним утром он уйдет один. (2) Клеарх сказал: «Так и надо действовать, если мы придем, как вы говорите, а не то поступайте так, как

сочтете для себя самым полезным». А что он намерен делать, не сказал и им.

(3) После этого уже на закате солнца он созвал начальников, и старших и младших, и сказал им так: «Когда я, друзья, приносил жертвы, вопрошая о походе на царя, они не были благоприятны. И недаром: как я теперь узнал, между нами и царем протекает сухоходная река Тигр, через нее нам без судов не переправиться, а судов у нас нет. И оставаться на месте нельзя: нам здесь не добыть продовольствия. А вот идти к друзьям Кира, — этому жертвы были весьма благоприятны. (4) Так нам и надо сделать. Разойдитесь, поешьте, что у кого найдется; когда рог подаст сигнал ко сну, укладывайтесь, по второму сигналу вычюйте животных, а по третьему выходите следом за передовыми. Животные с поклажей пусть идут со стороны реки, а вооруженные — с открытой стороны».

(5) Выслушав его, старшие и младшие начальники разошлись и все выполнили. И впредь он распоряжался, а они подчинялись, не потому что выбрали его, а потому что видели: он один смыслит в том, что требуется от полководца, а у остальных нет опыта.

(7) Оттуда, когда стемнело, фракиец Мильтокиф с четырьмя десятками своей конницы и тремя примерно сотнями фракийских пехотинцев переметнулся к царю. (8) Клеарх предводительствовал остальными, как было указано, и все шли за ним. К полуночи пришли на свою последнюю стоянку к Ариее и его войску. Воины положили оружие, но остались в строю, а греческие начальники, старшие и младшие, собрались у Ариея. Греки и Арией вместе с самыми знатными из бывших с ним вельмож поклялись стать союзниками и не предавать друг друга, а варвары поклялись еще и указывать дорогу без козней. (9) Клятву дали, зажав на шите быка, козла и барана, и греки окунали в кровь меч, а варвары — копье.

(10) После этой присяги Клеарх сказал: «Ну вот, Арией, коль скоро предстоит нам один поход, так скажи, что ты думаешь о нашем пути: идти ли нам тем же, которым мы пришли, или надо, по твоему, придумать какой-нибудь другой, лучший?» (11) Арией сказал: «Если пойдем назад тем путем, каким пришли, — все погибнем с голоду: ведь у нас сейчас нет продовольствия, и на семнадцати последних переходах по этой местности мы и по дороге сюда ничего не могли добыть. А если что и было, то мы по пути все прибрали. Теперь мы задумали пойти дорогой более дальней, но чтобы не знать недостатка в продовольствии. (12) И на первых по-рах надо нам делать переходы как можно длиннее, чтобы подальше

оторваться от царского войска. Если мы отойдем на два-три дня пути, царю нас уже никак не поймать. С малым войском он нас преследовать не осмелится, а с большим двигаться быстро не сможет, да и в продовольствии будет у него недостаток. Таково мое мнение».

(13) Таким было его военное искусство, не способное ни на что, кроме как убегать и ускользать: Но судьба приготовила нечто более славное. Когда занялся день, вышли в путь, видя солнце справа и рассчитывая на закате прийти в деревни Вавилонской области,— и в этом расчете не ошиблись. (14) Перед вечером воинам почудилось, будто появились враги на конях; и те из греков, которые вышли из строя, побежали в строй, и Арией, ехавший из-за раны в повозке, сошел на землю и принял надевать панцирь, и его спутники также. (15) Пока они вооружались, вернулись высланные вперед дозорные и доложили, что там не всадники, а пасется вьючный скот. И все тотчас же поняли, что где-то поблизости раскинул свой стан царь; и тут еще над деревнями совсем неподалеку завиднелся дым.

(16) Клеарх не повел своих на врага, зная, что воины изможденные и не кормлены; к тому же было темно. Вместе с тем он и не отклонился с пути, опасаясь, как бы это не было сочтено бегством, но двигался прямым путем и на закате солнца вместе с передовыми остановился на ночлег в ближайших деревнях, откуда царское войско утащило даже дерево из построек. (17) Передовые еще кое-как расположились, а остальные, подошедшие уже во тьме, разместились где попало под открытым небом и, окликая друг друга, подняли такой гомон, что и противник услышал: те из врагов, что стояли ближе, сбегали со своей ночевки. (18) Выяснилось это на следующий день: больше не было видно нигде поблизости ни вьючного скота, ни палаток, ни дыма. Сам царь, казалось, был испуган приходом войска: он ясно это обнаружил тем, что сделал на следующий день.

(19) Но глубокой ночью и на греков панал страх; поднялся шум и гам, как бывает всегда, когда нападает страх. (20) Тогда Клеарх приказал элейцу Толмиду, лучшему глашатаю того времени, которого держал при себе, установить тишину и объявить, что по приказу полководцев получит талант награды тот, кто уличит воина, допустившего в расположение войска осла. (21) Когда это было объявлено, воины поняли, что страх их пустой, а полководцы

невредимы. А на рассвете Клеарх приказал грекам построиться и положить оружие возле себя, как в день сражения.

III. (1) То, что я написал,— что царь был испуган приходом войска,— обнаружилось вот из чего: накануне он через послов требовал сдать оружие, а сегодня с восходом солнца прислал гонцов говорить о перемирии. (2) Они, подойдя к передовым караулам, спросили, где начальники. Когда караульные известили об этом Клеарха, он как раз осматривал строй и приказал караульным передать послам, чтоб они подождали, пока он освободится. (3) Выстроив войско так, что со всех сторон было можно смотреть на плотно сомкнутые ряды, а не в строю никого нельзя было увидеть, он приказал звать вестников, сам же вышел им навстречу с самыми статными и хорошо вооруженными из своих людей, сказавши и остальным начальникам сделать то же. (4) Подойдя к вестникам, он спросил, чего они хотят. Они сказали, что пришли насчет перемирия и уполномочены передать и то, что объявляет грекам царь, и то, что ответят царю греки. (5) Клеарх сказал им: «Передайте ему, что сначала надо сразиться: у нас нет завтрака, так кто же осмелится толковать грекам о перемирии, не предложив им позавтракать?» (6) Услыхав это, вестники отъехали, но скоро вернулись: ясно было, что где-то поблизости или сам царь, или кто-нибудь, на кого возложено это дело. Они сказали, что, по мнению царя, греки говорят справедливо и, если перемирие будет заключено, пусть идут за проводниками, которые и поведут их в те места, где у них будет продовольствие. (7) Клеарх спросил, заключается ли перемирие только для тех, что ездят взад и вперед, или для всех остальных тоже будет перемирие? А они ответили: «Для всех, пока царя не известят о вашем ответе». (8) После этих слов Клеарх их отпустил, а сам держал совет. Все считали, что нужно поскорее заключить перемирие и спокойно идти за продовольствием и взять его. (9) Но Клеарх сказал: «А мне кажется вот что: не стану-ка я отвечать быстро, а потяну время, чтобы вестники забеспокоились и подумали, будто нам неуютно заключать перемирие. Правда, я думаю, что и наши воины будут бояться того же». А когда он счел, что пора, то известил гонцов, что заключает перемирие, и велел скорее вести войско за продовольствием.

(10) Они повели, и Клеарх тронулся в путь; хоть он и заключил перемирие, но войско шло в строю, а сам он двигался в тыловом отряде. То и дело попадались им рвы и протоки, такие полноводные, что их нельзя было перейти без мостков; и они сами

наводили переправы из пальмовых стволов, одни находя поваленными, а другие срубая. (11) Тут-то и можно было понять, как начальствует Клеарх: в левой руке он нес копье, в правой — палку; и если ему казалось, что кто-нибудь из приставленных к этой работе нерадив, он отзывал заслужившего наказания и бил его. Но при этом он и сам принимался за работу, лез в ил, так что всем стыдно было не усердствовать вместе с ним. (12) Отрядили на эту работу людей моложе тридцати, но когда увидели усердье Клеарха, то взялись за дело и воины постарше. (13) Клеарх весьма спешил, подозревая, что рвы не всегда так полны водою: ведь сейчас не время было орошать равнину; вот он и подозревал, что царь пустил по равнине воду ради того, чтобы дорога показалась грекам полной страшных преград.

(14) Так они шли и прибыли в деревни, где проводники предложили им взять съестные припасы. Было там много хлеба, и финикового вина, и вываренного из фиников уксуса. (15) Финики, такие, какие можно видеть в Греции, там откладывают для рабов, а те, что идут для господ, отборные, удивительной красоты и величины и по виду не отличаются от янтари; часть их сушат и запасают как лакомство. И питье из них вкусное, но от него болит голова. (16) Там же воины впервые ели верхушки пальм, и многие удивлялись их виду и непривычному, хоть и приятному вкусу. И от них сильно болит голова. А пальма, когда с нее снимут верхушку, вся засыхает.

(17) В том месте оставались три дня. От великого царя явились Тиссаферн с царским шурином и еще три перса, в сопровождении множества рабов. Когда греческие начальники встретились с ними, первым стал говорить Тиссаферн и сказал через переводчика: (18) «Я, греки, живу с Грецией по соседству и потому, видя вас среди столь многих и безысходных бедствий, счел для себя находкой возможность испросить у царя позволения неврединно доставить вас в Грецию. Я думаю, что за это не останусь без благодарности ни от вас, ни от всей Греции. (19) Уверенный в этом, я стал просить царя, твердя ему, что по справедливости он должен оказать мне такую милость: ведь это я первым известил его о наступлении Кира, я с этим прибыл к нему сам и привел подмогу, я один из всех сражавшихся против греков не бежал, а прошел насквозь и соединился с царем в вашем стане, куда царь пришел после того, как убил Кира и погнался за бывшими при нем варварами вместе с самыми верными войсками, которые сейчас со мною. (20) Он обещал обо

всем этом поразмыслить, а мне приказал пойти и спросить у вас, чего ради вы пошли на него войной. И советую вам отвечать скромно, чтобы ответ ваш был мне на пользу, если я смогу выхлопотать у царя для вас что-нибудь хорошее».

(21) На эти слова греки ответили, посоветовавшись в стороне. Клеарх сказал: «Мы и собрались не для войны с царем, и вышли в поход не на царя: ты и сам знаешь, сколько предлогов выискивал Кир, чтобы и вас застать врасплох, и нас сюда привести. (22) А когда мы увидели его в великом затрудненье, нам стыдно стало перед богами и людьми предавать его, после того как мы сами принимали от него столько благодеяний. (23) После смерти Кира мы не оспариваем у царя власти, и нет причины, по которой мы желали бы чинить вред его стране или убить его самого. Мы бы отправились по домам, если бы никто нас не трогал; а обидчика мы постараемся с помощью богов отразить; а уж если кто предложит нам свои благодеянья, то и мы по мере сил не останемся в долгу». (24) Так говорил Клеарх. Выслушав его, Тиссаферн сказал: «Так я и передам царю, а вам дам знать, что он решил. А до моего возвращения перемирие остается в силе, и мы даем разрешение продавать вам все».

(25) На другой день он не вернулся, и греки встревожились; прибыл Тиссаферн только через день и сказал, что добился у царя разрешенья спасти греков, хотя многие возражали, что недостойно царя отпускать тех, кто шел на него походом. (26) Под конец он сказал: «Теперь можете принять нашу клятву, что страна эта будет вам дружественной и что вас без козней отведут в Грецию, разрешая вам покупать все нужное; а где нечего будет купить, там мы вам позволим добывать продовольствие по стране. (27) Но и вы должны нам поклясться, что будете идти как через дружественную страну и там, где с вами торговать не станут, добывать еду и питье без вреда для других, а где будет торговля, там покупать припасы». (28) Так и порешили; Тиссаферн и царский шурин дали клятву греческим начальникам, старшим и младшим, и взяли клятву с греков. (29) После этого Тиссаферн сказал: «Теперь я уезжаю к царю, а когда закончу все дела и сборы, приду, чтобы вас отвести в Грецию и самому вернуться в подвластную мне область».

IV. (1) После этого греки и Арией, разбивший стан поблизости от них, ждали Тиссаферна больше двадцати дней. В это время к Ариею приезжали братья и другие родственники, и к спутникам его тоже приезжали какие-то персы, ободравшие их и некоторым

привозившие от царя заверенья, что, дескать, царь не помнит зла и прощает им и поход с Киром, и все бывшее в прошлом. (2) И когда появились эти посетители, то Арнеевы персы явно стали пренебрегать греками. И многим воинам это было не по душе, и они приходили к Клеарху и другим начальникам и говорили: (3) «Что мы медлим? Разве мы не знаем, что царь все отдаст, лишь бы нас погубить и напугать остальных греков, чтобы не осмелились идти войной на великого царя? Теперь он велит нам ждать из-за того, что его войско рассеялось, но едва только оно снова к нему соберется, он наверняка на нас нападет. (4) А может быть, он и сейчас где-нибудь копает ров или возведет стену, чтобы преградить нам путь. Ведь он ни за что не допустит и не захочет, чтобы мы, воротившись в Грецию, рассказывали, что, мол, мы в таком малом числе разбили царя у самых его дверей и вернулись, посмеявшись над ним». (5) Клеарх отвечал тем, кто так говорил: «И у меня в мыслях то же самое; но я полагаю также, что если мы сейчас уйдем, то сочтено будет, что мы выступили для войны и нарушили перемирие. Тогда уже никто нам ничего не продаст, и кормиться будет неоткуда; и проводников у нас не будет. И еще, если мы так сделаем, Арией от нас отступится, так что друзей у нас больше не останется, а прежние друзья сделаются нам врагами. (6) Придется ли нам переправляться еще через какую реку, я не знаю, но и Евфрат нам заведомо не перейти, если противник будет препятствовать. И если надо будет дать бой, у нас нет союзной конницы, а у врага конница многочисленна и многого стоит. Так что даже в случае победы кого мы уьем? А в случае поражения никому из нас не спастись. (7) Но вот чего я не пойму: если царь, у которого столько для этого средств, задумал нас погубить, зачем ему клясться и давать заверенья и нарушать присягу перед богами, чтобы в его верность клятве не верили ни греки, ни варвары?» И еще многое такое говорил Клеарх.

(8) Тут пришел Тиссаферн со своими войсками, собираясь возвращаться домой, и Оронт со своими войсками — и с царской дочерью, которую вел в жены. (9) После этого тронулись в путь, вслед за шедшим впереди Тиссаферном, который везде приказывал вести с греками торг. Тронулся в путь и Арией с варварским войском Кира, и свой стан он разбивал вместе с Тиссаферном и Оронтом. (10) А греки, не доверяя им, шли сами по себе, со своими проводниками. Стан разбивали каждый раз поодаль друг от друга, на расстоянии парасанга и больше и в обоих войсках выставляли

караулы, словно против врагов. От этого и начались взаимные подзрения. (11) Иногда, заготовляя в одном месте топливо или сено или еще что-нибудь, греки и персы затевали драки,— и это тоже порождало вражду.

(12) Прodelавши три перехода, прибыли к так называемой Мидийской стене и прошли вдоль нее с внутренней стороны. Это — сооружение из обожженного кирпича, скрепленного горной смолой, шириной в двадцать футов и высотой в сто; а длина ее, как говорят, двадцать парасангов, и проходит она недалеко от Вавилона.

(13) Оттуда прошли за два перехода восемь парасангов, переправившись через два канала: через один — по мосту, через другой — по семи связанным плотам. Каналы эти отведены от Тигра, а от них берут начало прокопанные по всей местности рвы, сперва большие, потом все меньше и меньше и под конец — совсем крохотные канавки, вроде тех, которые в Греции проводят на поля проса.

И вот подошли к Тигру. Неподалеку был большой и многолюдный город, называемый Ситтака, отстоящий от реки на пятнадцать стадиев. (14) Греки разбили близ него стотлику возле обширного и густого сада со множеством разных деревьев, а варвары перешли за Тигр; по крайней мере, видно их не было.

(15) После обеда Проксен и Ксенофонт прогуливались перед расположением войска; тут подошел какой-то человек и спросил караульных, где ему увидеть Проксена или Клеарха; Менона он не искал, хоть и прибыл от Ариел, Менонова гостеприимца. (16) Когда Проксен сказал: «Я тот, кого ты ищешь», — человек этот сказал так: «Меня послали Арией и Артаоз, верные Киру и желающие вам добра; они наказали вам быть настороже, чтобы варвары не напали на вас среди ночи: здесь в соседнем саду — большое войско. (17) И еще они наказали вас послать караульных к мосту через Тигр, потому что Тиссаферн задумал этой же ночью, если удастся, разрушить его, чтобы вы не перешли за реку и остались между нею и каналом». (18) Услышав это, они отвели пришельца к Клеарху и изложили, что он говорит. И Клеарх, услышав все, не на шутку встревожился и испугался.

(19) Однако некий юноша, присутствовавший там, подумавши, сказал, что нападать и при этом разрушать мост — такие вещи никак между собой не согласуются. Ведь ясно, что, напавши, они либо победят, либо понесут поражение. Если они победят,— зачем им тогда разрушать мост? Будь тут даже много мостов, нам все

равно некуда бежать и спастись. (20) А если мы победим, то после разрушения моста им самим некуда будет бежать. И если мост разрушат, то и помочь им никто не сможет, как бы много их ни было на том берегу.

(21) Услышавши это, Клеарх спросил у посланного, обширна ли область между Тигром и каналом. Тот отвечал, что обширна, и на ней много деревень и больших городов. (22) Тут-то и поняли, что варвары подослали этого человека из опасенья, как бы греки, разведя мост, не остались на острове, защищенные с одной стороны Тигром, с другой каналом; продовольствия у них было бы в достатке, потому что область посредине обширна и плодородна и есть кому ее обрабатывать. Так возникло бы прибежище для любого, кто захотел бы повредить царю.

(23) После этого разошлись на отдых, но к мосту все же отправили караульных. И никто ниоткуда не нападал, и к мосту, как доложили караульные, никто из врагов не подходил. (24) А когда рассвело, войско по мосту, состоявшему из тридцати семи связанных судов, переправилось через реку со всеми возможными предосторожностями, потому что греки, бывшие при Тиссаферне, сообщали, будто тот намерен напасть во время переправы. Но и это оказалось ложью. Правда, при переходе через Тигр появился Глус с людьми: он смотрел, переправляются ли греки, и, увидев все, ускакал прочь.

(25) От Тигра прошли за четыре перехода двадцать парасангов до реки Фикс, шириною в плефр; на ней был мост. Там стоял большой город, называемый Опсида; возле него грекам повстречался единокровный брат Кира и Артаксеркса, который от Сус и Экбатак вел большое войско на помощь царю. Остановив своих воинов, он стал смотреть, как проходят греки. (26) Клеарх вел их по двое, то и дело останавливая движенье, и на сколько времени задерживался передовой отряд, на столько же приходилось делать остановку всему войску. Поэтому войско показалось многочисленным и самим грекам, а перс, смотревший на него, был и вовсе озадачен.

(27) Оттуда по Мидии прошли за шесть переходов тридцать парасангов через пустыню и пришли в деревни, принадлежавшие матери Кира и царя Парисатиде. Их Тиссаферн, в насмешку над Киrom, отдал грекам на разграбление, запретив только уводить рабов. Там было много хлеба, мелкого скота и прочего.

(28) Оттуда, имея Тигр по левую руку, прошли через пустыню за четыре перехода двадцать парасангов. На первом переходе

за рекой виден был большой и богатый город, называемый Кени, из него варвары на плотах из мехов привозили хлеба, сыры, вино.

V. (1) После этого пришли на реку Запат, шириною в четыре плефра. Там оставались три дня, за которые лвиных козней не было, хотя подозренья и оставались. (2) А Клеарх решил встретиться с Тиссаферном и как-нибудь положить конец подозрениям, прежде чем из-за них не вспыхнула война. И он послал спросить, не согласится ли Тиссаферн с ним встретиться. (3) Тот с готовностью позвал его к себе. И когда они сошлись, Клеарх сказал так:

«Я помню, Тиссаферн, о наших скрепленных пожатнем рук клятвах не делать друг другу зла,— и вижу, как ты остерегаешься нас, словно врагов, и мы, глядя на это, остерегаемся вас. (4) Но так как я, сколько ни наблюдаю, не могу обнаружить, чтобы ты пытался нам повредить, и так как я наверняка знаю, что и у нас в мыслях нет ничего подобного, то я решил встретиться и поговорить с тобою, чтобы, если удастся, искоренить взаимное недоверие. (5) Мне случалось знать людей, которые — одни наслушавшись клеветы, другие питая подозренья — друг друга боялись, и, желая успеть первыми, до того как с ними что-нибудь случится, делали другим неоправданное зло, хотя те ничего подобного и не готовили и не хотели. (6) И вот, полагая, что свиданье лучше всего может положить конец таким недоразуменьям, я пришел сюда с намереньем объяснить тебе, что ты не прав, не доверяя нам. (7) Первое и главное — то, что клятвы перед богами не позволяют нам враждовать друг с другом. А кто заведомо их нарушит, тому я, право же, не завидую! Если на кого ополчатся боги, то уж я не знаю, с какой быстротой и куда ему бежать, чтобы избегнуть их, в какой темноте спрятаться, в какое укрепленное место удалиться. Ведь повсюду все подвластно богам, и всеми равно правят боги. (8) Вот что я думаю о богах и клятвах, которым вверен заключенный нами дружеский союз. А что касается дел человеческих, то в тебе я вижу самое лучшее из того, что у нас есть сейчас. (9) Ведь с тобой всякая дорога для нас проходима, всякая река преодолима, и в припасах нет недостатка. А без тебя всякая дорога лежит во тьме, потому что мы ничего о ней не ведаем, всякая река непроходима, всякая толпа страшна, но еще страшнее пустыня, в которой все безысходно. (10) Если мы в безумье убьем тебя, то разве нам, убившим своего благодетеля, не придется тягаться с царем — самым сильным противником? А сколь многих

и больших надежд я сам себя лишу, если попробую повредить тебе,— об этом я сейчас скажу. (11) Я сам добивался дружбы Кира, полагая, что тогда он был более всех способен сделать добро, кому хотел. А теперь я вижу, что это ты владеешь его силой и страной, сохранив и подвластную тебе область; и могущество царя, враждебное Киру, тебя во всем поддерживает. (12) Если все это так, то найдется ли безумец, который не захочет быть тебе другом? Но я скажу тебе больше: вот откуда у меня надежда, что и ты захочешь быть нам другом. (13) Я знаю, что вам докучают мисийцы, и рассчитываю с имеющимися у меня силами привести их к покорности. Знаю я и о псидийцах, слышал, что есть еще много других таких же народов, досаждающих вам в вашем благополучии,— чему я думаю положить конец. Что до египтян, на которых вы, я знаю, сейчас разгневаны больше всего, то я не вижу, с каким еще союзным войском вы сможете наказать их сильнее, нежели с идущим сейчас за мною. (14) Ты будешь самым могущественным союзником тому из живущих вокруг тебя народов, кому захочешь, ты сможешь разговаривать как господин с тем из них, кто тебя обидит,— в том случае, если будешь иметь на службе нас, служащих тебе не только за плату, но также из благодарности, по справедливости питаемой к тебе — нашему спасителю. (15) И когда я обо всем этом поразмыслил, твое недоверие к нам показалось мне таким удивительным, что я с удовольствием узнал бы, кому это хватило красноречия убедить тебя, будто мы против тебя злоумышляем». Все это сказал Клеарх. А Тиссаферн в ответ говорил вот что: (16) «Я рад слышать от тебя, Клеарх, разумное слово. Если, зная все это, ты замышляешь мне зло, тогда ты, по-моему, и себе зложелатель. А чтобы ты узнал, что вы напрасно не доверяете и царю и мне, выслушай теперь меня. (17) Если бы мы замышляли вас погубить, разве, по-моему, не нашлось бы у нас такого множества конных, и пеших, и оружия, чтобы повредить вам без всякой для себя опасности? (18) Или, тебе кажется, не нашлось бы мест, удобных для нападения? Разве вы не видите, сколько у нас равнин, которые и без войны вы прошли бы только с великим трудом, сколько гор, которых вам не миновать и которые мы можем занять заранее и сделать для вас непроходимыми? Сколько таких рек, на которых наше дело решать, со многими ли из вас нам сразиться, и таких, через которые вам не перейти, если мы сами вас не переправим? (19) Если при всем при том мы будем побеждены, то ведь огонь-то

сильнее всех земных плодов! Мы сумеем спалить их и поставить вам преградой голод, против которого вы при всей вашей доблести не сможете бороться. (20) Так зачем же нам, имея столько способов воевать против вас,—способов для нас безопасных,—в конце концов избирать из всех из них единственный нечестивый перед богами, единственный позорный перед людьми? (21) Только те, у кого нет ни исхода, ни выхода из крайней нужды, да и то если они подлы, захотят достичь своего через клятвопреступление перед богами и вероломство перед людьми. А мы, Клеарх, не так безрассудны, не так глупы. (22) Но если мы можем вас погубить, почему же мы этого не сделали? Знай, что причиною тут — моя любовь и желание заслужить доверие греков. То иноземное войско, с которым Кир пришел сюда, полагаясь на него по той причине, что платил ему деньги,—с ним хочу я вернуться, через благоденья умножив им мои силы. (23) В чем вы мне полезны, о том ты сам сказал, а главное я знаю про себя: ведь прямой венец на голове вправе носить один только царь, а венец на сердце счастливо может носить и другой, если вы с ним».

(24) Так говорил Тиссаферн, и Клеарху его слова показались правдивыми. Он сказал: «Так, значит, тягчайшей кары достойны те, кто клеветою пытается сделать врагами нас, у которых так много причин быть в дружбе?» — (25) «И я так полагаю,—сказал Тиссаферн,—и если ты захочешь прийти ко мне со старшими и младшими начальниками, я во всеуслышанье назову всех, кто говорит о тебе, будто ты замышляешь недоброе против меня и моего войска». — (26) «Я приведу всех,—сказал Клеарх,—и открою тебе, откуда о тебе наслышан». (27) После таких слов Тиссаферн дружелюбно предложил ему остаться и посадил его за свой стол. На другой день, когда Клеарх возвратился в лагерь, ясно было, что он считает Тиссаферна истинным другом. Передавши, что тот говорил, он сказал, что надо идти к Тиссаферну всем, кому велено, а тем из греков, что будут уличены в клевете, понести наказание как предателям и злоумышленникам против самих же греков. (28) А подозревал он в клевете Менона, зная, что тот через Ариея ведет дела с Тиссаферном, ему же строит козни как враг, чтобы самому, завладев всем войском, сделаться другом Тиссаферну. (29) Клеарх и сам хотел бы, чтобы все войско было за него, и не прочь был бы избавиться от недругов. Некоторые воины спорили с ним, говоря, что не стоит идти всем начальникам, и старшим и младшим, ибо нельзя доверять Тиссаферну. (30) Клеарх

изо всех сил стоял на своем и добился, чтобы пошли пять старших и двадцать младших начальников; их сопровождали еще до двухсот воинов, отправившись как бы за покупками.

(31) Когда пришли к дверям Тиссаферна, старших начальников — Проксена беотийца, Менона фессалийца, Агия аркадца, Клеарха лакедемонянина и Сократа ахейнина — пригласили войти, а младшие остались за дверьми. (32) И спустя немного времени по единому знаку вошедшие были схвачены, а оставшиеся снаружи перебиты. После этого конные варвары стали рыскать по равнине и, кого ни встречали из греков, — раба ли, свободного ли, — всех убивали. (33) Греки, глядя из своего стана на эту скачку, удивлялись и не понимали, что делается, пока не прибежал аркадец Никарх. Раненный в живот, он руками удерживал кишки и рассказал обо всем, что произошло. (34) Тут все греки, пораженные, бросились к оружию, полагая, что враг сейчас же нападет на их стан.

(35) Но прибыли не все варвары, а только Арией с Артаозом и Митрадатом, — те, что были всех вернее Киру. Однако греческий толмач сказал, что видел вместе с ними и узнал Тиссафернова брата. Сопровождало их до трех сотен персов в панцирях. (36) Приблизившись, они приказали подойти кому ни есть из старших или младших начальников, а они возвестят волю царя. (37) Тогда вышли под охраной старшие греческие начальники Клеанор из Орхомена и Софенет стимфалиец, а с ними, чтобы узнать о Проксене, афинянин Ксенофонт. А Хейрисоф с людьми отлучился в какую-то деревню за продовольствием. (38) Когда они остановились в таком отдаленье, чтобы слышать, Арией сказал: «Клеарх, уличенный в клятвopеcтyплeнe и в нарушении мира, поплатился жизнью, а Проксен и Менон, выдавшие его козни, оказались в великой чести. А у вас, греки, царь, требует оружие: он говорит, что коль скоро оно принадлежало рабу его Киру, значит, теперь принадлежит ему». (39) Греки на это ответили так (говорил Клеанор из Орхомена): «И не стыдно тебе, Арией, гнуснейший между людьми, и вам всем, прежним друзьям Кира, не стыдно перед богами и людьми сперва поклясться нам, что одни и те же будут считаться и друзьями нашими, и врагами, а потом предать нас заодно с негодным безбожником Тиссаферном и погубить тех, кому вы клялись, а против остальных, преданных вами, идти в союзе с врагом?» (40) Арией же сказал: «Вышло наружу, что Клеарх давно уже строил козни и Тиссаферну, и Оронту, и всем нам, кто

идет с ними». (41) На это Ксенофонт сказал так: «Клеарх, если он вопреки присяге пытался нарушить мир, получил свое: ведь убивать клятвопреступных справедливо. А вот Проксена и Менона, коль скоро вам они благодетели, а нам начальники, пришлите-ка сюда: ведь ясно, что они, будучи и нам и вам друзьями, постараются дать и вам и нам наилучший совет». (42) На это варвары, хоть и долго переговаривались между собою, ответа не дали и уехали.

VI. (1) Схваченные так полководцы были доставлены к царю и окончили свои дни, обезглавленные.

Один из них, Клеарх, по единодушному мнению знакомых с ним, был из всех самым воинственным и опытным в войнах. (2) Пока шла у лакедемонян война с афинянами, он оставался на родине, а после заключения мира убедил свое государство в том, что фракийцы притесняют греков, и, сумевши добиться своего у эфоров, отплыл, чтобы воевать с жившими за Херсонесом и Перинфом фракийцами. (3) Когда эфоры почему-то передумали и попытались вернуть его уже из-за пределов страны, с Истма, он им не повиновался и направил суда в Геллеспонт. (4) За это он в Спарте был приговорен к смерти как ослушник. Уже изгнанником он отправился к Киру, и о том, какими речами убедил его, написано в другом месте. Кир дал ему десять тысяч дариков, (5) а он, получив деньги, не истратил их в праздности, но собрал на них войско, стал воевать с фракийцами, победил их в бою, потом грабил их и уводил в плен и продолжал войну до тех пор, пока Киру не понадобилось войско; тогда лишь он ушел, чтобы опять воевать, уже вместе с Киром. (6) Все это, по-моему, поступки человека, воинственного по любви, коль скоро он, когда можно без стыда и ущерба жить мирно, предпочитает войну, и когда можно остаться праздным, ищет трудов, чтобы только воевать, и когда можно безопасно владеть деньгами, предпочитает тратить их на войну. Да, как другой с охотой расходует на мальчишек или на иное удовольствие, так он тратился на войну. (7) Вот до чего он любил воевать; а что он был хорошим воином, можно было судить по тому, насколько любил он опасность, как вел своих людей на врага и днем и ночью, до чего бывал рассудителен в трудный миг (а это признавали все, кто был с ним хоть где-нибудь). (8) Говорили также, что он хороший начальник, насколько это возможно при таком нраве, как у него. Он как никто умел позаботиться, чтобы у его войска было продовольствие, умел добывать его, умел и

внушить всем вокруг, что Клеарха надобно слушаться. (9) Этого добивался он суровостью; он и на вид был угрюм, и голос у него был резкий, и наказывал он всегда тяжело, иногда гневаясь так, что потом сам раскаивался. (10) Он наказывал по убеждению, считая, что войско, не знающее наказаний, ни на что не годно; передавали, будто он даже говорил, что воин должен бояться начальника пуще врага, нужно ли, чтобы он стоял в карауле, или не трогал союзников, или беспрекословно шел на противника. (11) Так что в трудные часы войны по доброй воле полностью ему подчинялись и никого другого не искали: они говорили, что сама его мрачность кажется им среди других лиц веселюю, а суровость представлялась уже не суровостью, а твердостью перед врагами и залогом спасенья. (12) Но когда трудный час миновал и можно было перейти под начало к другому, многие его покидали: приветливости в нем не было, но всегда была одинаковая суровость, так что войны относились к нему, как дети к учителю. (13) Из любви и преданности за ним не шли никогда, но все, кого посылал к нему какой-нибудь город, кто нуждался в нем или находился при нем по другой необходимости, оставались в строгом повиновении. (14) А когда с ним во главе начинали побеждать врага, то шедшие за ним приносили всех больше пользы, и подарком: перед лицом врага они были мужественны, а из страха перед его наказаниями лучше повиновались в строю. (15) Таков он был как полководец; а иметь над собою других полководцев он, как говорят, не очень-то любил. Когда он погиб, ему было около пятидесяти лет.

(16) Проксен беотиец еще подростком мечтал стать способным на великие дела; ради этого-то он и платил деньги Горгию Леонтицу. (17) Пробыв с ним некоторое время, он счел, что способен уже и повелевать, и, ставши другом первейшим мужам, отвечать вровень на их благодаренья, и тогда прибыл к Киру и принял участие в его предприятиях: так рассчитывал он добыть и громкое имя, и великое могущество, и много денег. (18) Но хоть он и стремился к этому весьма сильно, ясно было также и другое: приобретать неправым путем он ничего не хочет, но мнит всего достигь, поступая по правде и чести, а без них ничего не желает. (19) Потому начальствовать над людьми честными он мог, а вот внушать собственным войнам стыд или страх был неспособен, сам стыдился воинов больше, чем подпачальные — его самого, и больше боялся неприязни воинов, чем войны — ослушанья. (20) Он думал, будто для того, чтобы и быть и казаться настоящим полко-

вождем, довольно поступающих по чести хвалить и не хвалить поступающих бесчестно. Поэтому те из порядочных людей, что были с ним, его любили, а люди бесчестные затевали козни, зная, как нетрудно с ним справиться. Когда он погиб, ему было около тридцати лет.

(21) Менон фессалиец не прятал желания разбогатеть, и желанья властвовать, чтобы больше приобретать, и желанья почестей, чтобы получать с них больше выгоды; а дружить он стремился с теми, кто могущественней, чтобы за свои бесчестные дела не понести кары. (22) Чтобы добиться желанной цели, он самым коротким путем считал клятвopеступление, и ложь, и обман, а бесхитрость и правдивость были для него все равно что глупость. (23) Было очевидно, что никого он не любит, а если объявляет себя чьим-нибудь другом, то, ясное дело, лишь затем, чтобы строить козни. Врагов он никогда не высмеивал, а со своими присными не говорил иначе, как с насмешкой. (24) На имущество врагов он не зарился, полагая, что трудно взять надежно охраняемое; а что до имущества друзей, то он считал, будто один только и знает, как легко его прибрать, коль скоро его не охраняют. (25) Кого он знал за вероломных и бесчестных, тех боялся, словно врагов во всеоружье, а благочестивых и верных правде старался использовать к своей выгоде, словно они лишены мужества. (26) И как другие гордятся благочестьем, правдивостью и честностью, так Менон гордился способностью обманывать, измышлять ложь, насмехаться над друзьями. Для него всякий, кто не мошенник, был неучем. А кому он хотел стать первым другом, тому клеветал на прежних друзей, считая, что так и нужно достигать своего. (27) Чтобы воины ему повиновались, он исхитрялся делать их сообщниками своих бесчестных дел. Почестей же и угождения он добивался, показывая свое могущество и готовность вредить. А кто покидал его, тот считал благодеяньем, что имел с ним дело и не был им погублен. (28) Насчет него можно еще обмануться в том, что не было явно; но есть еще вот что, и оно известно всем. Совсем юношей он добился от Аристиппа должности начальника над иноземными воинами, а у варвара Арнея, любителя красивых мальчиков, он стал своим человеком. И у него самого, еще безбородого, был любимцем Тарип, едва поросший пушком. (29) Когда греческие пачальники, его сотоварищи, были казнены за участие в походе Кира на царя, он, виновный в том же самом, не был казнен; хотя и осужденный царем на ту же казнь, что и прочие на-

чальники, он не был обезглавлен, как Клеарх и остальные, потому что это считается скорейшим родом смерти, но, изувеченный, прожил, говорят, еще год как преступник и только тогда нашел конец.

(30) Агий аркадец и Сократ ахейнин также были оба казнены. Над ними и на войне никто не насмехался за трусость, и в дружбе ни за что не упрекал. Обоим было от роду лет по тридцать пять.

Книга третья

1. (2) Когда старшие начальники были схвачены, а те младшие и те воины, что пошли с ними, погибли, греки впали в растерянность. Они думали о том, что стоят у самых царских дверей, а вокруг них повсюду множество враждебных народов и городов, где впредь никто им ничего не продаст; что до Греции расстояние не меньше десяти тысяч стадиев, и проводника, чтоб указать дорогу, нет, и путь к дому преграждают посредине непереходимые реки; что варвары, вышедшие в поход с Киrom, их предали, и ясно, что, оставшись одни и не имея союзной конницы, в случае победы они сами никого не убьют, а в случае поражения никто из них не уцелеет. (3) Думая об этом, все пали духом, и вечером почти никто не отведал хлеба, почти никто не разжег огня, и очень немногие той ночью вернулись в стан, — каждый лег, где пришлось, но спать никто не мог — от горя, от тоски по отчизне, родителям, женам, детям, которых не чаяли больше увидеть. В таком расположении духа все и отошли ко сну.

(4) Был в войске некто Ксенофонт из Афин: не будучи ни воином, ни старшим, ни младшим начальником, он шел с греками потому, что его пригласил Проксен, старинный его приятель, обещав ему, если Ксенофонт явится, дружбу Кира, который для него, Проксена, мол, больше, чем родина. (5) Прочитав письмо, Ксенофонт стал советоваться о поездке с афинянином Сократом. И Сократ, опасаясь, как бы город не поставил Ксенофонту в вину дружбу с Киrom, который, как считалось, охотно помогал лакедемонянам

в войне против Афин, посоветовал отправиться в Дельфы и спросить бога насчет поездки. (6) Явившись в Дельфы, Ксенофонт спросил Аполлона, какому богу принести жертвы и молиться о том, чтобы совершить наилучшим образом задуманное путешествие и после множества подвигов вернуться невредимым. И Аполлон изрек, что жертвы нужно принести тем богам, каким положено. (7) Вернувшись, Ксенофонт поведал о прорицании Сократу. Тот, выслушав, упрекал его за то, что он не спросил сперва, лучше ли отправиться или остаться, а считая, что отправляться надо, пытал лишь, как успешнее совершить путешествие. А теперь, раз уж он так спросил, нельзя не делать, как велел бог. (8) Ксенофонт, принеся указанные богом жертвы, отплыл и застал в Сардах Проксена и Кира, готовых уже выступить в путь; здесь и свели его с Киром. (9) Так как Проксен упорно убеждал его остаться, то и Кир стал его убеждать, сказавши, что немедленно по окончании похода отпустит его. А поход, говорил он, будет против писидийцев. (10) Так Ксенофонт вышел в поход, обманутый, но не Проксеном: тот не знал, что выступили против царя, как не знали и остальные греки, кроме Клеарха. Однако, когда дошли до Киликии, всем стало очевидно, что поход — на царя. Многие боялись предстоящего пути, но, пусть и нехотя, из стыда друг перед другом и перед Киром шли вместе с ним. Одним из таких был и Ксенофонт.

(11) При всеобщей безвыходности и он печалился вместе с другими и не мог спать, потом ненадолго задремал и увидел сон. Ему приснилось, будто раздался гром и гроза ударила в его родной дом, и от нее дом весь запылал. (12) От испуга Ксенофонт тотчас же проснулся и счел свой сон благоприятным, — потому что среди невзгод и опасностей увидел яркий свет, ниспосланный от Зевса, — но и пугающим, — потому что сон был от Зевса Царствующего и потому что вокруг повсюду пылал огонь, а значит, возможности уйти из подвластной царю страны не будет, ибо со всех сторон путь преградят неодолимые трудности. (13) К чему был этот сон, можно увидеть из случившегося потом, после сновидения. А произошло вот что. Сразу же по пробуждении Ксенофонта ему в голову пришла такая мысль: «Что же я лежу? Ночь проходит, а с рассветом скорей всего явятся варвары. Если мы попадем в руки к царю, — что избавит нас от позорной казни после того, как мы заплатим самую тяжкую пеню и вынесем самые страшные муки? (14) А о том, чтобы отбить врага, никто и не думает и не готовится к битве, все лежат, словно сейчас время

предаваться покою. И я из каких городов ожидаю полководца, чтобы он все сделал? И до какого возраста самому мне ждать? Старше мне не стать, если завтра я сдамся врагу!»

(15) После этого он встает и первым делом созывает Проксеновых младших начальников. Когда же они собрались, он сказал: «Спать я не могу,— да и вы, я думаю, тоже; не могу и лежать, видя, в какой мы оказались беде. (16) Враги, ясное дело, объявили нам войну только тогда, когда сочли, что все хорошо подготовили; а из нас никто и не думает заранее, как лучше всего с ними тягаться. (17) Если мы опустим руки, если окажемся во власти царя, что, по-вашему, выпадет нам? Если он единоутробного своего брата и после смерти распял, отрубивши ему руку и голову, то что же, по-вашему, будет с нами, коль скоро заступиться за нас некому, с нами, шедшими на него походом и пытавшимися превратить его, если сможем, из царя в раба или убить? (18) Не пойдет ли он на все, чтобы нашими невиданными мучениями напугать всех людей и отбить охоту против него ополчаться? Значит, и нам, чтобы не попасть к нему в руки, надобно сделать все.

(19) Покуда было перемирие, я ни на миг не переставал нас жалеть, а царю и его присным завидовать, глядя на их страну, такую большую и богатую, на неисчислимыя запасы продовольствия, на бесчисленность рабов, богатств, золота, одежды; (20) а думая о наших воинах, видя, что из этих благ мы ни в одном не имеем доли, если не купим, на покупку же деньги есть мало у кого, а добывать продовольствие иным путем, помимо купли, нам запрещают клятвы,— принимая все это в соображение, я порою полагал, что мир для нас страшнее теперешней войны. (21) Но раз уж они нарушили мирный договор, то пришел конец и их надменности, и нашим затруднениям. Теперь все эти блага лежат между нами, как награда тому, кто будет мужественнее, и судьями в состязанье будут боги, а они, само собою, за нас. (22) Ведь не мы нарушили пред ними клятву; нет, видя перед собою множество благ, мы неукоснительно от них отказывались, однажды поклявшись богами. Потому мы и можем, я думаю, выходить на состязанье с большей, чем враги, уверенностью. (23) И тела у нас выносливее и к холоду, и к жаре, и к трудам, и духом мы, благодарение богам, выше, чем они. Их людей легче и ранить, и убить, чем нас,— лишь бы боги, как раньше, дали нам победу. (24) Может быть, и другие помышляют об этом же,— так, ради богов, не будем дожидаться, пока другие придут к нам и призовут к по-

двигам, но сами начнем будить в людях воинскую доблесть. Пусть всем станет ясно, что из младших начальников вы лучшие и больше старших начальников заслуживаете их звания. (25) А я, если вы согласитесь взять почин на себя, охотно пойду за вами, если же вы поставите меня во главе, я не стану отнекиваться, ссылаясь на возраст, — нет, я считаю себя достаточно зрелым, чтобы прогнать от себя все беды».

(26) Так он сказал. Начальники, услышав это, все повелели ему стать во главе, — кроме некоего Аполлониды, который со своим беотийским выговором объявил, что болтает пустое всякий, утверждающий, будто можно спастись, иначе как подчинившись царю, если это возможно, и тут же принялся перечислять трудности. (27) Но Ксенофонт, перебив его на полуслове, сказал так: «Страшный ты человек! Глядишь — и не видишь, слышишь — и не запоминаешь. Ты ведь был вместе с ними, когда царь, после гибели Кира кичившийся своей удачей, послал сюда гонцов с приказом о сдаче оружия. (28) А когда мы его не сдали, но пришли во всеоружии и разбили стан рядом с ним, то чего он только не делал, чтобы добиться мира: и послов слал, и о мире просил, и продовольствие давал! (29) Зато когда старшие и младшие начальники, совсем как ты теперь велишь, по его слову пришли к нему, веря мирному договору, — то не они ли, избитые, израненные, обещанные, не могут даже умереть, несчастные, хоть, верно, и всей душой желают смерти! А ты, зная это, говоришь, будто призывающие к сопротивлению болтают пустое, и предлагаешь снова идти к царю с уговорами! (30) Я считаю, что этого человека нужно не допускать больше в наш круг, лишить его начальствования и поставить на переноску поклажи. Ведь он позорит и родину, и всю Грецию, если, будучи греком, он таков, как есть». (31) Тут вмешался стимфалиец Агасий и сказал: «Да ему нет дела ни до Беотии, ни вообще до Греции: ведь я видел, что у него, как у лидийца, оба уха проколоты». И это была правда. (32) Этого человека прогнали, а остальные пошли по отрядам, выкликаая старшего начальника там, где он был жив, а где его не было — там заместителя или младших начальников, где младшие начальники были живы. (33) Когда все собрались и расселись перед расположением войска, то оказалось, что пришло на совет старших и младших начальников до ста. Когда это происходило, было около полуночи. (34) Гиероним из Элеи, самый пожилой из Проксеновых младших начальников, начал говорить: «Вот мы, по-

смотря на нынешние обстоятельства, решили сами собраться и созвать вас, начальников, чтобы посоветоваться, не удастся ли придумать что хорошее. Скажи-ка теперь ты, Ксенофонт, то же, что говорил нам».

(35) После этого Ксенофонт сказал так: «Мы ведь все и сами знаем, что царь с Тиссаферном, кого из нас могли, схватили, а против остальных, ясное дело, замышляют зло и мечтают погубить всех, если смогут. По-моему, нам все надобно сделать, чтобы только не оказаться во власти у варваров — пусть лучше они будут у нас во власти! (36) Так запомните одно: раз вас столько, сколько собралось теперь, то обстоятельства в ваших руках. Все воины смотрят на вас: если они увидят, что вы пали духом, то и все станут трусами, а если вы всем покажете, что сами готовитесь идти на врага, и позовете остальных, то знайте, что все последуют за вами и попытаются вам подражать. (37) Быть может, вам и по справедливости должно чем-то брать над ними верх. Ведь вы полководцы, вы начальники отрядов и взводов; в мирное время вам достается больше и денег, и почета, чем им, а теперь, когда началась война, от вас требуется больше мужества, чем от толпы, и вы должны быть первыми и в совете, и, если где понадобится, в труде. (38) И первое, чем вы, как я думаю, можете принести войску пользу — это позаботиться о том, чтобы заместить погибших начальников, и старших, и младших. Ведь без начальствующих, если говорить вообще, не бывает ничего хорошего нигде, а на войне и подавно. Ибо повинование порядку — это спасенье, а неповиновение многих уже погубило. (39) А когда вы поставите начальников, сколько нужно, тогда соберите остальных воинов и ободрите их, — для этого сейчас, по-моему, самое время. (40) Теперь вы и сами заметили, в каком удручении они шли в свой стан, с каким удрученьем становились в караул. В таком состоянии духа, я не знаю, будут ли они на что-нибудь годны, случись какая надобность хоть ночью, хоть даже днем. (41) Но если кто отвлечет их мысли и заставит думать не только о будущей участи, но и о необходимых действиях, воины станут намного бодрее. (42) Ведь вам известно, что на войне дают победу не многочисленность, не сила, а то, кто из сражающихся идет на врага с душой, укрепляемой богами: перед такими враг чаще всего устоять не может. (43) И еще я убежден, друзья, вот в чем: кто на войне старается во что бы то ни стало выжить, те по большей части гибнут с позором как трусы, а кто признает смерть общим

и неизбежным уделом всех людей и борется только за то, чтобы умереть со славою, те, как я вижу, чаще доживают до старости и, куда живут, благоденствуют. (44) И вам теперь следует это затвердить,— ведь наши обстоятельства таковы, что надо и самим быть доблестными, и других призвать к этому». (45) Сказавши это, он умолк.

После этого Хейрисоф сказал: «Раньше я, Ксенофонт, знал о тебе понаслышке, что ты афинянин, и больше ничего, а теперь я хвалю тебя и за твои слова, и за дела; хотелось бы мне, чтобы побольше нашлось таких, как ты: это было бы всем на благо. (46) А теперь не будем мешкать, разойдемся, чтобы выбрать недостающих начальников. После выборов приходите на середину стана и приведите с собою избранных, а потом мы созовем и всех воинов. И пусть глашатай Толмид тоже будет там при нас». (47) И, едва договорив, он встал, чтобы никто не мешкал и сделано было все, что нужно. После этого выбрали полководцев: вместо Клеарха — дарданца Тимасиона, вместо Сократа — ахейянина Ксантикла, вместо Агия — аркадца Клеанора, вместо Менона — ахейянина Филесия, вместо Проксена — афинянина Ксенофонта.

II. (1) Когда выборы кончились, день едва занимался. На середине стана собрались все начальствующие и решили, выставив караулы, созвать воинов. Когда воины сошлись, первым поднялся лакедемонянин Хейрисоф и сказал вот что: (2) «Воины! Обстоятельства наши трудны,— ведь мы потеряли столь мужественных воинов и начальников, старших и младших, да к тому же и люди Арнея, прежние наши союзники, нас предали. (3) Но даже из нынешних обстоятельств нужно выйти с честью, не опуская рук, но испробовав все, чтобы со славою победить и найти спасенье, а если не сможем победить, то со славою умереть и не сдаться врагу живыми. Не то, я думаю, вас ждут такие муки, какие пусть боги пошлют нашим недругам». (4) Потом поднялся Клеанор из Орхомена и сказал вот что: «Вы видите, друзья, клятвопреступное нечестье царя, видите вероломство Тиссаферна, который и говорил, что он, мол, сосед грекам и ему дорог случай нас спасти, и сам нам в этом клялся, сам пожимал нам руки, а потом сам же обманул нас, и захватил наших начальников, и не устыдился Зевса Гостеприимца, но, усадив Клеарха за свой стол и тем его обманув, погубил наших сотоварищей. (5) И Арней, которого мы хотели поставить царем, с которым присягали не предавать друг друга,— и он тоже, не убоявшись богов и не устыдившись погибшего Кира,

он, при жизни Кира бывший у него в величайшей чести, теперь переметнулся к злейшим его врагам и тщится повредить нам, друзьям Кира. (6) Но им пусть воздадут за все боги! А нам, увидевшим такое, нельзя больше поддаваться ни на чей обман, но сражаться, сколько есть у нас сил, и принять ту участь, какая угодна богам».

(7) За ним поднялся Ксенофонт. Для битвы он надел лучший убор, какой мог, полагая, что если боги дадут победу, то одержавшему ее приличествует прекраснейший наряд, а если придется умереть, то нет греха удостоить себя такого отличия и встретить смерть в самом красивом уборе. Свою речь Ксенофонт начал так:

(8) «Клеанор говорит о клятвопреступном вероломстве варваров, — но вы-то, я думаю, и сами о нем знаете. И если мы захотим снова идти с ними как друзья, тогда нам никак не избежать отчаяния: ведь мы видели, что было учинено над полководцами, которые сами себя предали врагам, поверивши им. Если же мы задумаем покарать их с оружием в руках за все содеянное и весь оставшийся путь пройти, сражаясь с ними, тогда, с божьей помощью, есть у нас великая и прекрасная надежда на спасение».

(9) При этих его словах кто-то чихнул. Услышав чох, воины все как один пали на колени пред богом, а Ксенофонт сказал: «Мне кажется, друзья, что колы скоро на словах о спасении Зевс Спаситель явил нам знаменье, то и нам следует дать обет принести этому богу жертвы за спасенье, едва мы придем в дружественную страну, и прибавить обеты другим богам по мере наших сил принести им жертвы. Кто полагает так же, пусть поднимет вверх руку». И все подняли руки, а потом стали молиться и петь пеан. Когда же все должное перед богами было выполнено, Ксенофонт начал снова: (10) «Я сказал, что у нас есть великая и прекрасная надежда на спасение. Во-первых, мы, поклявшись богами, свято соблюдаем клятвы, а враги преступили их и вопреки присяге нарушили мир. Коли так, то боги, как и положено, стали врагам нашим противниками, а нам союзниками, — а им под силу в короткий срок больших сделать малыми, а малых, если пожелают, легко спасти от самых страшных бедствий».

(11) Теперь я напомним вам и об опасностях, которые грозили нашим предкам, — чтобы вы знали, сколь доблестными подобает вам быть, ибо доблестные с помощью богов спасаются и от самых страшных бедствий. Когда персы и все, кто были с ними, пришли огромным полчищем, чтобы стереть с земли Афины, афиняне осме-

лились одни сопротивляться им и одержали победу. (12) И да обет Артемиде заключить ей столько коз, сколько будет убито врагов, они не смогли найти довольно скота и решили приносить в жертву по пятьсот голов в год, и приносят эти жертвы по сей день. (13) И потом, когда Ксеркс, собрав несметное войско, пришел в Грецию, наши предки победили и на суше и на море предков наших нынешних врагов. И доказательством тому можно видеть трофеи, но величайшее свидетельство их победы — свобода тех городов, где вы рождены и вскормлены: ведь вы ни перед кем из людей не преклоняете колен как перед господином, но только перед богами. Вот от каких предков вы происходите! (14) И я никак не скажу, что вы недостойны их: ведь немного дней тому назад вы встали строем против потомков тех дедовских врагов, и хоть их было во много раз больше, чем вас, вы с помощью богов одолели их. (15) Тогда вы явили себя доблестными мужами ради царской власти Кира, а теперь, когда спор идет о вашем спасении, то нам уж, конечно, подобает намного большее мужество и рвение. (16) Да к тому же теперь вам следует быть еще смелее перед врагами. Тогда вы с ними еще не переведались, вы видели перед собою бесчисленное их множество, — и все же осмелились идти на них с отеческой гордой отвагой. А теперь, когда вы уже изведали, что они, даже во много раз превосходя вас числом, не желают встречаться с вами врукопашную, — подобает ли вам их бояться?

(17) Не думайте также, будто вы что-то потеряли из-за отступничества Ария, прежде стоявшего с вами в одном строю. Ведь его люди еще трусливее побежденных вами. Да, они оставили вас и перебежали к ним: но пусть те, что готовы первыми пуститься в бегство, стоят во вражеском строю — это лучше, чем видеть их в наших рядах. (18) А если кто из вас пал духом из-за того, что у нас нет конницы, а у врагов всадников множество, то подумайте вот о чем: ведь десять тысяч конных — это всего только десять тысяч человек. В бою еще никто не погиб оттого, что его лягнула или укусила лошадь, — нет, все, что случается в битвах, делается людьми. (19) Как бы то ни было, стоим мы намного тверже, чем всадники: ведь они, болтаясь на лошади, боятся не только нас, но и паденья, а мы, прочно стоя на земле, разим с большею силой того, кто к нам приблизится, и гораздо легче попадаем, в кого хотим. Только одно преимущество перед нами есть у конных: бегство для них безопасней, чем для нас.

(20) Если же вы сражений не боитесь, но печалитесь о том, что Тиссаферн больше не поведет нас, а царь не распорядится продавать вам все нужное, то взгляните, лучше ли нам иметь проводником Тиссаферна, чья злокозненность нам очевидна, или тех людей, которых мы захватим и которым прикажем нас вести, они же будут знать, что, сделавши нам зло, делают зло своему телу и душе. (21) А продовольствие,— лучше ли покупать его на торгу, где нам дают малую меру за большие деньги, каких у нас и нет, или, если мы одолеем, брать его самим, имея мерой только собственное желание?

(22) Если вы признаете, что так для нас лучше, но считаете непроходимыми реки и полагаете, что, зайдя за них, мы попались,— то взгляните, не глупее ли поступили варвары. Ведь все реки, даже если вдали от истока они непроходимы, можно, если подняться к истокам, перейти, не замочив колен. (23) А если реки нас не пропустят и не отыщется для нас проводника, то и тогда нечего падать духом. Ведь мы знаем мисийцев,— едва ли можно счесть их доблестнее нас, а они живут в принадлежащей царю стране, и города их богаты и велики; знаем писидийцев — и у них все так же; мы сами видели ликаонийцев — они захватили крепости на равнине и грабят чужую страну. (24) И вот что я скажу: нам ни за что нельзя показывать, как мы желаем уйти домой, но приготовиться так, словно мы здесь поселимся. Я уверен, царь дал бы мисийцам множество проводников, множество заложников в подтверждение тому, что отпустит их без козней, и открыл бы им дороги, хоть для четверокопных колесниц,— лишь бы они согласились уйти. А для нас, я уверен, он сделает то же втрое охотнее, если увидит, что мы приготовились остаться. (25) Однако я боюсь, как бы мы, однажды приучившись жить в праздности и в изобилии, привыкнув иметь при себе мидийских да персидских женщин и девушек, красивых и рослых, не позабыли, словно лотофаги, пути домой. (26) По-моему, в согласии с природой и справедливостью мы должны прежде всего попытаться дойти в Грецию, к нашим домашним, и показать грекам, что они бедствуют по доброй воле, между тем как можно всех, кто у себя там живет в скудости, переправить сюда и увидеть богачами.

Но все эти блага, понятно, достанутся только победителям. И потому следует сказать, как нам двигаться в наибольшей безопасности и, если надо будет сразиться, как сражаться с наибольшим преимуществом. (27) Во-первых, мне кажется, лучше

сжечь все наши повозки, чтобы не упряжки направляли нас, а мы сами шли туда, куда полезно для войска. Дальше, нужно сжечь и палатки. Нести их хлопотно, а проку от них никакого, ни для боя, ни для добыванья припасов. (28) И от прочей лишней поклажи избавимся, кроме той, что нужна для боя и для еды и питья, — чтобы как можно больше людей было у нас под оружием и как можно меньше оставалось носильщиками. У побежденных, сами знаете, все их добро — чужое; а если мы победим, то считайте, что нашу поклажу носят враги.

(29) Мне остается сказать то, что я считаю самым главным. Вы видите, что и враги осмелились начать с нами войну не раньше, чем отняли у нас начальников, полагая, что, покуда у нас есть полководцы и мы им подчиняемся, нам по силам одолеть их в войне, а когда полководцев у нас отняли, мы погибнем от безначалия и беспорядка. (30) И теперешним начальствующим следует быть много бдительней, чем прежним, а подчиненным больше слушаться начальствующих и повиноваться порядку, чем прежде. (31) А на случай послушания нужно постановить, чтобы любой из вас, кто при этом окажется, помогал начальнику наложить наказание. Так враги и просчитаются больше всего: сегодня же они увидят перед собой вместо одного десять тысяч Клеархов, никому не позволяющих быть трусом. (32) Но пора за дело, не то вот-вот покажутся враги. Кому из вас кажется, что так будет правильно, пусть скорее утвердит это, чтобы взяться за дело. А если есть что-нибудь лучшее, пусть всякий смело скажет об этом, будь он хоть простой воин: ведь общее спасение — вот что нам нужно!»

(33) После этого говорил Хейрисоф: «Если нужно еще что-нибудь вдобавок к сказанному Ксенофонтом, можно рассмотреть это немедленно. А то, что он сказал, лучше всего, по-моему, утвердить голосованьем. Кто считает так же, пусть поднимет руку». И все подняли руки.

(34) Тут снова встал Ксенофонт и сказал: «Послушайте, друзья, что мне кажется еще. Идти нам, ясное дело, надо туда, где у нас будет продовольствие; а я слышал, что не дальше чем в двадцати стадиях отсюда есть прекрасные деревни. (35) Нечего удивляться, если враги, словно трусливые собаки, которые за прохожими гонятся и норовят укусить, а если погаться за ними — убегают, теперь, когда мы уйдем, пустятся за нами следом. (36) Поэтому нам безопаснее будет двигаться, построив латников четырехугольником, чтобы обоз с нестресвыми шел в большей безопас-

ности. А если мы теперь же назначим тех, кому вести строй и начальствовать спереди, кому быть по обеим сторонам и кому нести охрану с тыла, то нам не придется при нападенье врага совещаться и можно будет сразу ввести в бой построенных воинов. (37) Если кто имеет в виду что-нибудь получше, пусть будет иначе, а если нет, то пусть впереди идет Хейрисоф,— ведь он лакедемонянин! — пусть два самых старших начальника отрядов возьмут на себя оба боковых строя, а охрану с тыла будем покуда нести мы с Тимасоном, самые младшие. (38) А впредь мы, когда испробуем такой строй, будем советоваться и искать всякий раз наилучшего решения. Если же кто имеет в виду что-нибудь получше, пусть скажет». Когда никто не стал возражать, Ксенофонт сказал: «Кто считает так же, пусть поднимет руку». Так и было решено. (39) «Ну, а теперь,— сказал он,— пора разойтись и сделать, как мы решили. И кто из вас хочет увидиться с родными, пусть помнит, что надо быть мужественными: иначе этого не достичь. Кто хочет выжить, тот пусть старается победить: победитель убивает, побежденный гибнет. И кто хочет добыть денег, тот пусть старается одолеть врага: ведь победитель и свое сохраняет, и забирает все у побежденного».

III. (1) После этих речей все встали, разошлись и принялись жечь повозки и палатки; всё лишнее дарили друг другу, кому что было пужно, а остальное бросали в огонь. Сделав это, сели завтракать. Во время завтрака прискакал Митрадат с тремя десятками конных и, вызвав старших начальников, сказал им, подъехав лишь настолько, чтобы было слышно: (2) «Я, греки, и Киру был верен, как вы сами знаете, и к вам расположен дружески; но теперь я живу в постоянном страхе. Если бы я увидел, что вы придумали какое-нибудь средство к спасению, я примкнул бы к вам со всеми моими слугами. Скажите же мне, что у вас в мыслях, как преданному другу, который хочет заодно с вами пройти этот путь». (3) Начальники, посовещавшись, решили ответить так: «Наше решение,— это говорил Хейрисоф,— если нам позволят отправиться домой, пройти по стране, причиняя как можно меньше вреда; а если кто преградит нам дорогу, сражаться с ним как можно упорнее». (4) Тут Митрадат принялся доказывать, что вопреки воле царя спастись невозможно. По этому-то и поняли, что он подослан,— тем более что для надежности его сопровождал один из приближенных Тиссаферна. (5) С этих пор военачальники сочли, что наилучшее правило — вести войну и не слушать никаких

вестников, покуда войско на вражеской земле: Ведь приезжающие от врага подкупали солдат и подкупили даже одного из младших начальников, аркадца Никарха, и он ночью перешел к ним с двумя десятками людей.

(6) После этого, позавтракав и переправившись через реку Запат, войско пошло в строю, с вьючными животными и прислужниками посредине. Едва они прошли немного, как снова показался Митрадат и с ним до двух сотен копницы и до четырех сотен стрелков и пращников, весьма проворных и ловких. (7) Прикидываясь другом, он подходил все ближе, но, оказавшись совсем близко, его конные и пешие воины начали стрелять из луков и метать камни из пращей, рая греков. И плохо пришлось греческому тыловому охранению, которое ничем не могло ответить: критские лучники не могли стрелять так же далеко, как персы, и к тому же, легковооруженные, шли под прикрытием латников, а у метателей дротиков бросок был слишком короток для того, чтобы попасть в пращников. (8) Поэтому Ксенофонт решил, что надо идти на врага самим; в нападение пошли те латники и копейщики, что были с ним в тыловом отряде, но догнать врагов не могли. (9) Ведь у греков не было конницы, а пешие не могли на малом пространстве настичь пеших, издалека пускавшихся в бегство. Отрываться же от остального войска преследователям никак нельзя было. (10) Варварские всадники, даже убегая, не переставали ранить врагов и с коней стреляли назад. А греки, на сколько уходили в погоне, столько же должны были идти вспять, продолжая биться. (11) Так что за весь день прошли не больше двадцати пяти стадиев и только к вечеру добрались до деревень.

Тут войско снова пало духом. Хейрисоф и старейшие из начальников отрядов упрекали Ксенофонта за то, что он в погоне удалился от строя, сам подвергся опасности, а нанести врагам чуть больше ущерба не мог. (12) Выслушав, Ксенофонт сказал, что, мол, упрекают его по заслугам, и доказательство тому — само дело. «Но я,— сказал он,— вынужден был перейти в нападение, видя, как плохо приходится нашим, пока они остаются на месте и ничего не могут сделать в ответ. (13) А когда мы пустились за врагом, то тут уж ваша правда: нанести ему больше ущерба мы не могли, а отступать было совсем трудно. (14) Благодаренье богам, что противник напал не большими силами, а с немногими людьми: урон наш был невелик, зато стало ясно, чего нам не хватает. (15) Сейчас вражеские лучники и пращники бьют нас из

такой дали, что ни критяне не могут ответить им стрелами, ни те, что мечут дротики с руки,— попасть в них. И когда мы за ними гонимся, то уходить в погоне на большое расстояние от войска нам нельзя, а на малом пеший, даже самый проворный, не догонит пешего, если тот впереди на полет стрелы. (16) Так значит, если мы хотим помешать им вредить нам по пути, то необходимо поскорее раздобыть всадников и пращников. Я слышал, что у нас в войске есть родосцы, а из них, как говорят, многие владеют пращей, и снаряд их летит вдвое дальше, чем у персидских пращников. (17) Те пользуются камнями величиной с кулак и потому мечут недалеко, а родосцы умеют бросать и свинцовые слитки. (18) Если мы отыщем среди них таких, у кого есть пращи, и заплатим им, а кто вызовется плести новые пращи, тем тоже дадим плату, и найдем какую-нибудь льготу для тех, кто вызовется метать снаряды из строя, то, может быть, обнаружатся люди, способные нам помочь. (19) И еще я вижу, что в войске есть лошади: одни — мои, другие остались от Клеарха; и еще под поклажей есть много лошадей из тех, что взяты у врага. Если мы их всех отберем и заменим настоящими вьючными животными, а лошадей приспособим под всадников, то конные не дадут врагу убежать безнаказанно». Так и было решено. (20) Тою же ночью появилось до двух сотен пращников, а лошадей и всадников было отобрано на следующий день около пятидесяти, и для всех раздобыли кожаные нагрудники и панцири. Начальником конницы был поставлен афинянин Ликий, сын Полистрата.

IV. (1) Этот день войско простояло на месте, а на другой двинулось в путь, поднявшись пораньше: предстояло перейти ущелье, и греки боялись, как бы при переходе не напали враги. (2) Когда они переправились, снова показался Митрадат и с ним тысяча всадников и до четырех тысяч лучников и пращников. Столько людей он просил у Тиссаферна и получил, пообещавши в том случае, если получит их, выдать Тиссаферну греков, которых презирал, потому что накануне в стычке сам не потерпел урона, а вреда нанес, как ему казалось, много. (3) Когда греки, переправившись, отошли от ущелья стадиев на восемь, переправился и Митрадат со своими войсками. Но и копейщики, и латники были предупреждены, кому из них идти в наступление, а конным было сказано, чтобы они смело мчались на врага, потому что за ними последует большая сила. (4) Когда Митрадат догнал греков и стали долетать стрелы и камни из пращей, был подан трубный сигнал, и

сразу же все, кому было сказано, кинулись на врага и понеслась конница. Варвары не приняли боя и убежали за ущелье. (5) Во время этой погони было убито много персов, а восемнадцать всадников захватили в ущелье живыми. Убитых греки по собственному почину изувечили, чтобы вид их сильнее испугал неприятеля.

(6) Враги, после такого дела, ушли, а греки без помех прошагали остаток дня и пришли к реке Тигру. (7) Там был большой, но заброшенный город, называемый Ларисса; в старину населяли его мидяне. Ширина городской стены там была двадцать пять футов, высота — сто футов, а в окружности она имеет два парасанга. Сложена стена из обожженного кирпича, а подножье у нее каменное, высотой в двадцать футов. (8) Персидский царь, когда персы отняли у мидян державу, долго осаждал Лариссу и никак не мог ее взять; но солнце, скрывшись за тучу, не показывалось до тех пор, пока люди не покинули город, и так он был взят. (9) Близ этого города есть каменная пирамида, шириною в один плефр и высотой в два. На ней сидело множество варваров, бежавших из окрестных деревень.

(10) Оттуда прошли за один переход шесть парасангов вплоть до заброшенной большой стены; она окружает город, а зовется город Меспила. Когда-то в нем жили мидяне. Подножье стены было из тесаного камня-ракушника, шириною в пятьдесят футов и высотой в пятьдесят. (11) На этом подножье построена кирпичная стена, шириною в пятьдесят футов и высотой в сто; а окружность стены — шесть парасангов. Сюда, говорят, бежала жена мидийского царя, когда персы отняли у мидян державу. (12) Персидский царь, когда завоевывал этот город, не мог взять его ни долгой осадой, ни приступом; но Зевс грозой истребил жителей, и так он был взят.

(13) Оттуда за один переход прошли четыре парасанга. На этом переходе появился Тиссаферн; при нем была и его конница, и силы Оронта, женатого на царской дочери, и те варвары, с которыми шел в глубь страны Кир, и еще те, с которыми прибыл на помощь царю царский брат, а кроме них, те, которых дал Тиссаферну царь; так что войско показалось несметное. (14) Приблизившись, Тиссаферн одни отряды выстроил в тылу у греков, другие завел им с боков, но напасть не решился, желая избежать опасности, а приказал только обстрелять их из луков и пращей. (15) Но когда родосские пращники принялись из строя метать снаряды, а лучники — пускать стрелы, и ни один не промахнулся (даже при

желании промахнуться было нелегко), тогда Тиссаферн поскорее отошел за пределы выстрела, и остальные отряды отошли. (16) И весь остаток дня греки шли своим путем, а варвары — следом, не нанося им урона своими выстрелами, потому что родосцы били из пращей дальше персидских пращников и лучников. (17) Персидские луки велики, так что подобранные стрелы могли пригодиться критянам; они и использовали все время вражеские стрелы и упражнялись в дальней стрельбе, пуская их вверх. А в деревнях находили немалый запас тетивы и свинца, который мог пригодиться для пращей. (18) В этот день, когда греки, добравшись до деревень, стали на стоянку, варвары отошли, проиграв в перестрелке. На другой день греки стояли на месте, запасаясь продовольствием, потому что в деревнях хлеб был в изобилии. А через день тронулись в путь по равнине, и Тиссаферн шел следом, обстреливая их.

(19) Тут греки поняли, что, когда враг следует по пятам, равносторонний четырехугольник есть строй самый неудобный. Ведь когда идущие по бокам четырехугольника сближаются — оттого ли, что сужается дорога, оттого ли, что к этому вынуждают горы или мост, — тогда неизбежно латники вытесняются из рядов и идут с трудом, в тесноте и в беспорядке, — а враспылку они для боя не годны. (20) А когда идущие по бокам снова расходятся, то вытесненные из рядов неизбежно расцениваются, между боковыми рядами остается пустота, и те, с кем такое случается, падают духом перед лицом преследующего врага. И когда предстоит переход через мост или какая другая переправа, каждый спешит, стараясь успеть первым; тут врагам самое время нападать. (21) Когда старшие начальники это поняли, они создали шесть отрядов по сто человек, поставив над ними начальников и дав начальников каждой полусотне и каждой четверти сотни. По пути начальники с этими отрядами, когда боковые ряды сходились, одни оставались сзади, чтобы им не мешать, а другие следовали по бокам вне строя. (22) А когда боковые стороны четырехугольника раздвигались, они заполняли промежуток, если он был узок — по сотням, если пошире — по полусотням, а если очень широк — по четвертям сотни; так что середина всегда была занята. (23) А если надо было переправиться по мосту либо без моста, строй не нарушался, начальники переводили свои сотни по очереди. А если нужно было стать в боевой порядок, они занимали место в общем строю. Таким порядком прошли еще четыре перехода.

(24) На пятом переходе увидели дворец и вокруг него множество деревень, а дорога к тому месту шла через высокие холмы — предгорья того хребта, под которым была деревня. Увидев эту грядку, греки, понятно, обрадовались: ведь их враги были на конях.

(25) Но когда по пути они взойшли с равнины на первый холм и спустились с него, чтобы взойти на второй, появились варвары и под кнутом стали сверху вниз бить стрелами и камнями из пращей. (26) Многих они ранили и, одолев греческих легковооруженных воинов, заставили их скрыться за рядами латников, так что в тот день от пращников и лучников, смешавшихся с нестроевой толпой, не было вообще никакой пользы. (27) А когда тесимые греки перешли в наступление, то в своих латах они не так скоро взобрались на вершину, а враги поспешно с нее скатились. (28) Когда же посланные снова спустились к остальному войску, все началось сначала, и на втором холме было то же самое, так что еще поодаль от третьего холма решено было не вести воинов, прежде чем с правой стороны четырехугольника в гору не взойдут копейщики. (29) И когда они очутились над преследующим противником, тот не стал нападать на греков при спуске, боясь, что строй его будет разрезан и с двух сторон охвачен врагом. (30) Так и шли весь остаток дня: одни — дорогою по холмам, другие — над ними, по горам, — и наконец достигли деревень, где призвали восемь врачей, потому что раненых было много.

(31) Там оставались три дня — из-за раненых и из-за того, что продовольствия было вдоволь: и муки, и вина, и ячменя, в изобилии припасенного для лошадей. Все это было собрано для сатрапа той страны. На четвертый день спустились на равнину. (32) Когда же настиг их Тиссаферн со своими силами, то необходимость научила греков стать на постой в первой попавшейся деревне и не принимать боя в пути, так как слишком много было не годных для сраженья: раненых, и тех, кто их нес, и тех, что взяли доспехи носильщиков. (33) И когда войско расположилось на постой, а варвары, подойдя к деревне, принялись ее обстреливать, то тут перевес был на стороне греков: ведь одно дело — обороняться, делая вылазки с места, другое — сражаться с нападающим врагом на ходу.

(34) Из-за наступавших сумерек врагам пора была уходить: ведь варвары не раскидывали стана ближе чем в шестидесяти стадиях от греческого, боясь, как бы греки ночью на них не напали.

(35) Ночью персидское войско никуда не годится. Лошади у них

на привязи и по большей части стреножены, чтобы они, отвязавшись, не сбежали, и если начинается тревога, персу нужно оседлать и взнуздать коня и самому надеть панцирь и сесть на коня. А это все нелегко ночью и во время тревоги. Поэтому они и ставили палатки подальше от грехов.

(36) Когда греки поняли, что враги намерены отойти и получили уже приказ, то и грекам возвестили через глашатая, чтобы они собирались. Враги это услышали и некоторое время мешкали, не уходя; только совсем поздно варвары ушли, потому что полагали опасным трогаться и идти и входить в свой стан среди ночи.

(37) Греки, когда наверняка убедились, что враг ушел, сами навьючили животных и снялись с места и прошли около шестидесяти стадиев. И разрыв между войсками получился такой, что ни на другой, ни на третий день противник не показывался; только на четвертый день варвары, зайдя вперед ночью, захватили место справа над дорогой, по которой предстояло пройти грекам: то была вершина горы, под которой был спуск на равнину.

(38) Хейрисоф, когда увидал, что вершина занята, вызвал из тыла Ксенофонта и приказал ему перейти вперед с его копейщиками. (39) Но Ксенофонт копейщиков не привел, так как увидел, что показался Тиссаферн со всем войском; он поскакал один и спросил: «Зачем ты меня зовешь?» И Хейрисоф сказал: «Можешь посмотреть сам: над тем местом, где нам спускаться, гребень занят, и если мы их не перебьем, нам не пройти. А ты почему не привел копейщиков?» (40) И Ксенофонт сказал, что, на его взгляд, нельзя оголять тыл, когда показался враг. «А о том, как прогнать этих с гребня,— говорил он,— сейчас самое время посоветоваться».

(41) И тут Ксенофонт видит, что вершина горы приходится как раз над их войском, а с нее ведет дорога на тот гребень, где засели враги; и он говорит: «Лучше всего нам, Хейрисоф, пойти поскорее на ту вершину; если мы ее займем, им над дорогою не удержаться. Ты, если хочешь, оставайся во главе войска, а я согласен пойти; а если тебе угодно, ступай на гору, а я останусь здесь». — (42) «Нет,— сказал Хейрисоф,— предоставляю тебе выбрать, что хочешь». И Ксенофонт, сказавши, что он ведь младше, выбирает пойти на гору, но велит дать ему людей из передних рядов, так как брать людей с тыла слишком долго. (43) Хейрисоф посылает с ним копейщиков из передних рядов, а сам берет людей из середины четырехугольника. И еще он велит пойти с Ксено-

фонтом трех сотням отборных воинов, которые были у него впереди четырехугольника.

(44) Со всею возможною быстротой они двинулись с места. А враги на гребне, чуть только поняли, что путь греков лежит на вершину, и сами тотчас же кинулись к вершине вразупуски с ними. (45) Тут поднялся громкий крик в греческом войске, подбадривавшем своих; и у людей Тиссаферна поднялся громкий крик, — они тоже своих подбадривали. (46) А Ксенофонт скакал на коне вдоль рядов и призывал: «Воины, знайте, сейчас мы состязаемся ради всей Греции, ради детей и жен, сейчас надо немного потрудиться — и тогда остальной путь мы пройдем без боя». (47) А некий Сотерид из Сикиона сказал: «Мы не на равных, Ксенофонт: ты едешь на лошади, а я из сил выбиваюсь — тащу щит». (48) Ксенофонт, услышавши такое, спешился с коня, вытолкнул Сотерида из строя, отнял у него щит и зашагал быстро, как только мог; а был на нем в эту пору еще и доспех всадника, стеснявший его. И он приказывал шедшим впереди двигаться дальше, а с трудом поспевавшим за ним — перегонять его. (49) Все воины били и ругали Сотерида и бросали в него камни, пока не заставили взять щит и идти с ними. И Ксенофонт снова сел на коня и, пока дорога была проходимой, ехал на нем, а когда она стала непроходимой, оставил коня и быстро пошел пешком. И греки оказались на вершине раньше врагов.

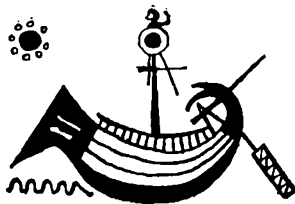
V. (1) Тогда варвары повернули назад и разбежались, куда кто мог, а греки заняли вершину. Люди Тиссаферна и Ариея свернули и пошли другой дорогой. А люди Хейрисофа сошли вниз и остановились в деревне, где полно было всякого добра. Было и еще много деревень, полных всякого добра, на той равнине у реки Тигр. (2) Но к вечеру на равнине вдруг появились враги и перебили тех греков, что разбрелись по равнине в поисках добычи: там ведь было захвачено много скота, когда стада переправляли на тот берег реки. (3) Тогда-то Тиссаферн и его люди приняли жечь деревни. И кое-кто из греков пал духом, думая, что если деревни будут сожжены, негде будет взять продовольствия. (4) В это время люди Хейрисофа, выручив своих, возвращались назад, а Ксенофонт, спустившийся с холма, объезжал ряды и, встретив ходивших на выручку, сказал им: (5) «Видите, они уже уступают нам эту страну! Раньше, заключая перемирия, они добивались, чтобы страну, принадлежащую царю, не жгли, а теперь сами жгут ее как чужую. А если они где и оставят припасы для себя, то

увидят, что и мы туда направляемся. (6) И я думаю, Хейрисоф, нам надо спасти эту землю от поджигателей, словно она наша». Но Хейрисоф ответил: «А по-моему, совсем наоборот: нам и самим надо жечь ее, тогда они скорее перестанут».

(7) Когда пришли к стоянке, воины занялись заготовкой продовольствия, а старшие и младшие начальники собрались вместе. Положение было весьма затруднительно: с одной стороны были горы невиданной высоты, с другой — река такой глубины, что копы у измерявших ее не поднималось из воды. (8) Когда они пребывали в затруднении, явился некий родосец и сказал: «Я хочу переправить вас отрядами в четыре тысячи латников, если вы дадите мне все, что нужно, и заплатите талант». (9) А на вопрос, что ему нужно, он ответил: «Нужно мне будет две тысячи мехов; здесь, я вижу, есть много овец, и коз, и быков, и ослов; если снять с них шкуры и надуть, то мы легко наведем переправу. (10) Понадобятся мне также ремни, что служат вам для упряжки. Ими я свяжу между собою мехи, а каждый мех закреплю на месте, привязав к нему камень и опустив этот камень в воду как якорь. А перебросив мехи через реку и привязав их по обоим берегам, я сверху набросаю хвороста и нанесу земли. (11) И что вы не потонете, убедитесь сейчас же: каждый мех удержит по два человека и не затонет. А поскольку вы не дадут земля и хворост». (12) Начальникам, когда они его выслушали, мысль показалась занятой, но дело невыполнимым: ведь на той стороне было слишком много всадников, которые помешали бы и не дали переправы.

(13) На другой день войско пошло назад к несожженным деревьям, перед тем спалив те, откуда уходило. И вражеская конница не подъезжала близко, а наблюдала издали; варвары, по видимости, недоумевали, куда направятся греки и что замышляют. (14) Покуда воины были заняты заготовкой продовольствия, начальники снова собрались и, приведя пленных, стали выпытывать у них сведения обо всей стране вокруг и о каждой местности особо. (15) И те рассказали, что к югу лежит дорога на Вавилон и Мидию, через которую греки пришли, на восток можно выйти к Сусам и Экбатанам, где царь, как говорят, проводит лето, а перейдя реку, можно выйти на запад, в Лидию и в Ионию, а дорога через горы и на север ведет к кардухам. (16) Те живут высоко в горах и очень воинственны; царю они не повинуются, а когда однажды напало на них царское войско числом сто двадцать

тысяч, ни один человек не вернулся из-за непроходимости мест. Однако, когда они заключают перемирие с сатрапом, правящим на равнине, тогда и они бывают у жителей равнины, и жители равнины у них. (17) Выслушавши все, начальники поместили отдельно каждого из пленных, кто утверждал, будто знает ту или другую дорогу, и не открывали, по какой из них намерены идти. А сочли начальники, что необходимо через горы вторгнуться в область кардухов: ведь миновав ее, можно прийти, как говорили, в Армению, страну обширную и богатую, управляемую Оронтом. А оттуда, как говорили, легко дойти куда угодно. (18) Принесены были жертвы, чтобы выступить в любой назначенный час: опасались, как бы враг не успел занять перевал через горы. Так что был дан приказ сразу после еды собраться и всем отдыхать, а потом идти за начальниками по первому приказу.

Книга четвертая

I. (5) Так как приближался час последней стражи и немного времени оставалось только на то, чтобы затемно перейти равнину, греки по переданному из уст в уста приказу поднялись, вышли в путь и с рассветом достигли гор. (6) При этом Хейрисоф шел впереди, и с ним его собственный отряд и все легковооруженные, а Ксенофонт следовал за ним, и это его тыловое охранение составляли сплошь латники, без единого легковооруженного воина: казалось, нет никакой опасности, что на идущих в горы нападут сзади. (7) На гору Хейрисоф пришел прежде, чем враги что-нибудь заметили, и потом он тоже двигался впереди, а войско шло за ним и, перевалив через горы, спускалось в деревни, лежавшие по долинам и ущельям. (8) Кардухи, покинув жилища и захватив жен и детей, убежали в горы. Но продовольствия добыть можно было вдоволь, и еще по домам оставалось множество медной утвари, однако греки ничего не брали и не гонялись за людьми; они всё щадили, надеясь, что кардухи, враждовавшие с царем, дадут им пройти через свою страну как через дружественную. (9) А продовольствие забирали, где что каждый находил: без этого обойтись нельзя было. Кардухи же, сколько их ни звали, ничего не слушали и никак приятели к грекам не выказали. (10) И когда последние отряды греков уже затемно спустились с вершин в деревни,— из-за узкой дороги подъем и спуск занял у них целый день,— тогда кардухи, собравшись, напали на шедших последними и несколько человек убили и ранили камнями и стрелами, хотя нападавших

было немного, из-за того что греческое войско вторглось к ним неожиданно. (11) А соберись они тогда в большем числе, немалой части войска грозил бы гибель. Эту ночь провели в деревнях. А кардухи жгли на окрестных горах яркие костры и не теряли друг друга из виду.

(12) На рассвете старшие и младшие начальники собрались и решили, что на дальнейший путь нужно оставить только самых необходимых и сильных из вьючных животных, а остальных бросить и отпустить бывших при войске рабов из недавних пленных.

(13) И животных, и рабов было так много, что они замедляли движение, и множество надзиравших за ними не участвовали в боях, да и продовольствия для такого множества людей надо было добывать и нести вдвое больше. Порешив так, через глашатая повелели это сделать. (14) После завтрака выступили в путь, а старшие начальники, встав у дороги в узком месте, что находили у воннов не брошенное, а взятое с собою, то отнимали, и воины слушались их, кроме тех, что украдкой вели с собою красивого мальчишка или женщину, которых любили. В тот день так и шли, отбиваясь, не все время, а с передышками.

(15) На другой день началось ненастье, а идти все равно надо было, так как продовольствия не хватало. Впереди шел Хейрисоф, сзади — Ксенофонт. (16) Враги наседали с большой силой и, так как путь лежал теснинами, подходили близко и забрасывали греков стрелами и камнями из пращей. Грекам приходилось самим переходить в нападение, а потом возвращаться, и шли из-за этого медленно. Несколько раз Ксенофонт приказывал даже остановиться, — так сильно теснили враги. (17) А Хейрисоф, который обычно, когда передавали такой приказ, останавливался, в этот раз не остановился, но ускорил шаг и передал приказ идти следом за собою, так что ясно было, что это не зря. А пойти поглядеть, в чем дело, из-за чего такой снех, не было времени; так что движение тылового отряда стало похоже на бегство. (18) Тут погибли Клеоним, доблестный лакедемонянин, которому стрела попала в бок, пробив щит и кожаный нагрудник, и аркадец Басий, которому пронзило насквозь голову.

(19) Когда пришли на стоянку, Ксенофонт сразу же, не замедляя шага, пошел к Хейрисофу и стал его упрекать за то, что он не дождал задних и заставил их бежать, отбиваясь. «Оттого погибло двое доблестных мужей, и мы не могли ни подобрать их, ни похоронить», (20) Хейрисоф ответил: «Взгляни на горы, по-

смотри, как все кругом непроходимо. Та крутая дорога, что ты видишь вон там, единственная; и ты можешь увидеть, какая толпа людей ее сторожит, заняв выход. (21) Вот почему я торопился, вот ради чего не дождал тебя: я думал, не удастся ли мне опередить их и занять перевал. Ведь наши проводники говорят, будто другой дороги нет». (22) А Ксенофонт сказал: «У меня тоже есть двое. Когда враг нас донял, мы устроили засаду; так мы и сами получили передышку, и несколько человек убили, а других хотели взять живыми, как раз для того, чтобы добыть нам проводников, знающих местность». (23) Тотчас же этих людей привели и порознь спросили у каждого, знают ли они дорогу кроме той, что видна. Один, как его ни пугали, сказал, что нет; и так как никакого проку с него не было, его закололи на глазах у другого. (24) И этот сказал, что первый потому говорил, будто не знает дороги, что в тех местах у него живет замужняя дочь, а он-де поведет такой дорогой, по которой и вьючный скот может пройти. (25) На вопрос, нет ли там труднопроходимых мест, он ответил, что есть вершина, под которой нельзя будет пройти, если не занять ее заранее. (26) Тогда решено было собрать младших начальников, копейщиков и кого-нибудь из латников, сказать им, как обстоят дела, и спросить, не найдется ли среди них охотника показать себя отважным мужем и добровольно пойти на вершину. (27) Вызвались из латников Аристоним из Мефидрия, Агасий из Стимфала, и паррасиец Каллимах, соперничая с ними, сказал, что согласен пойти, взяв с собою охотников изо всего войска. «Ведь я знаю,— сказал он,— что, если я их поведу, пойдут много юношей». (28) Спросили также, не хочет ли пойти кто из начальников легковооруженных отрядов. Вызвался Аристей хиосец, который в таких делах не один раз показывал себя драгоценным для войска человеком.

II. (1) Уже смеркалось. Добровольцам был дан приказ поехать и выступить. Им дали проводника, связавши его, и условились с ними, что если они займут вершину, то будут караулить там всю ночь, а на рассвете подадут сигнал трубою. Потом они сверху нападут на захвативших тот проход, что приметен отсюда, а остальные подойдут как можно скорее им на помощь. (2) Договорившись об этом, добровольцы выступили числом около двух тысяч, под проливным дождем. А Ксенофонт со своим тыловым отрядом направился к приметному проходу, чтобы этим продвижением отвлечь внимание врага и дать шагавшим в обход пройти скрытно

от него. (3) Когда тыловой отряд был уже около ущелья, которое надо было перейти, чтобы попасть на дорогу по круче, варвары стали скатывать сверху каменные глыбы побольше и поменьше, но все такой величины, что без повозки их не сдвинуть. Эти глыбы с разлета ударялись о скалы и разбивались в осколки, так что к проходу нельзя было и приблизиться. (4) Некоторые из младших начальников, видя, что этим путем не пройти, стали пытаться другую дорогу и делали это, покуда не стемнело; а когда они сочли, что можно отступить незаметно, то отступили, чтобы поужинать: ведь люди из тылового отряда многие и не завтракали. Враги же, судя по доносившемуся грохоту, всю ночь без перерыва скатывали камни.

(5) А те, что пошли кружным путем, имея при себе проводника, застигли стороживших дорогу сидящими у костра; одних они убили, других разогнали и сами остались там, как будто заняли вершину. (6) А на самом деле они ее не заняли; как раз над ними поднимался округлый холм, по которому и шла та узкая дорога, где засела стража. Но и от их стоянки был проход к тем врагам, что засели на приметной дороге. (7) На этом месте и провели ночь; а когда занялся день, в молчанье пошли строем на врага. Опустился туман, так что удалось незаметно подойти к нему совсем близко. А когда увидели друг друга, прозвучала труба, раздался боевой клич и греки пошли на противников. Те не приняли боя, разбежались и покинули дорогу, оставив немногих убитых, — так проворны были кардухи. (8) А люди Хейрисофа, услышав трубу, немедленно пошли вверх по приметной дороге, и другие начальники тоже двинулись неторными путями, где кто был, и, карабкаясь вверх, кто как мог, тащили друг друга на копьях. (9) Они-то и соединились первыми с теми добровольцами, что заняли холм.

Ксенофонт с половиной тылового отряда двинулся той дорогой, по которой шли воины с проводником: она была самая удобная для вьючных животных; а вторую половину он поместил за вьючным обозом. (10) Так подошли они к поднимавшемуся над дорогой холму, занятому врагами: нужно было либо перебить их, либо остаться отрезанными от остальных греков. Они-то сами могли бы пройти там же, где другие, но обоз иначе как по этой дороге пробраться не мог. (11) Тогда, ободряя друг друга, воины повзводно кинулись по круче на холм, не окружая его, но оставив врагам проход на случай бегства. (12) Пока они взбирались, кто как мог, враги били стрелами и камнями; но не успели греки подойти поближе, те бежали и покинули свое место. А когда миновали этот гребень,

увидели перед собою еще один холм, занятый противником; и судя по всему, надо было на него идти. (13) Ксенофонт, подумавши, как бы враги, если он оставит захваченный холм пустым, снова его не заняли и не напали на приближающийся обоз (ведь он растянулся на большую длину, проходя по узкой дороге), оставил на холме младших начальников: афинянина Кефисодора, сына Кефисофонта, афинянина Амфикрата, сына Амфидема, и аргосского изгнанника Архагора. Сам же он с остальными воинами двинулся на второй холм и таким же способом взял его. (14) Оставался еще третий холм, намного круче, как раз над тем местом, где ночью добровольцы застigli враспloh стражу у костра. (15) Когда греки приблизились, варвары оставили холм без боя, всех удивив этим; предполагали, будто они бросили его из страха, как бы их не окружили осадой. А на самом деле они, увидев с высоты, что происходит сзади, отошли, чтобы всем вместе напасть на тыловое охраненье. (16) Ксенофонт с самыми молодыми воинами поднялся на вершину, а прочим велел замедлить шаг, чтобы оставшиеся сзади взводы могли к ним присоединиться и, пройдя вперед по дороге, передохнуть на ровном месте.

(17) Но в это время бегом примчался аргосец Архагор и сказал, что с холма их сбросили и что пали Кефисодор и Амфикрат и все, кто не успел спрыгнуть со скалы и примкнуть к тыловому охраненью. (18) Сделав это, варвары перешли на гребень, что был напротив третьего холма, и Ксенофонт через толмача стал вести с ними переговоры о перемирии и выдаче мертвых. (19) Они согласились их выдать с тем, чтобы греки не жгли жилищ. Ксенофонт принял это условие. Покуда подходило остальное войско и велись переговоры, в то место сбежались враги со всех сторон. (20) И когда начался спуск с холма к месту стоянки шедших впереди, враги большой толпой с громким криком бросились на греков, а оказавшись на вершине холма, с которого спускался Ксенофонт, стали скатывать камни. Одному воину раздробили голень, а Ксенофонта покинул его щитоносец, державший щит. (21) Тогда латник Еврилох из Лус подбежал к нему и стал вместе с ним отходить, прикрывая обоих. И остальные отошли к выстроившимся уже товарищам.

(22) Собравшись наконец всё вместе, греческое войско расположилось на стоянку в многочисленных красивых домах, полных припасами; было в них и много вина, которое держали в вырытых в земле и обмазанных известью хранилищах. (23) Ксенофонт

и Хейрисоф добились, чтобы враги, в обмен на проводника, выдали мертвых и убитым, как могли, воздали почести, какие положены доблестным мужам.

(24) На другой день тронулись в путь без проводника. Враги мешали идти, то нападая, то занимая дорогу в узких местах. (25) Когда путь преграждали спереди, Ксенофонт в тылу сворачивал в горы и расчищал дорогу передовым, стараясь оказаться выше преграждавших путь. (26) А когда нападали сзади, сворачивал Хейрисоф и, стараясь оказаться выше преграждавших путь, расчищал проход идущим позади. Так они выручали друг друга и заботились один о другом.

(27) Случалось и так, что враги немало хлопот доставляли взобравшимся наверх, когда те спускались. Они были так проворны, что успевали убежать, даже подпустив противника близко, — ведь все их вооруженье было лук да праща. (28) А лучниками они были превосходными. Луки у них примерно в три локтя, стрелы — длиннее двух локтей. Натягивая тетиву для выстрела, они наступают левой ногой на нижний конец лука. Стрелы легко проходят сквозь щит и панцирь. Греки, подобрав их, привязывали к ним веревку и пользовались как дротиками. Больше всего проку для войска было в тех местах от критян, над которыми начальствовал критянин Стратокл.

III. (1) И этот день простояли на отдыхе в деревнях, лежащих над равниной у реки Кештрита; ширина реки два плефра, она отделяет Армению от страны кардухов. Греки перевели дух, с радостью увидев равнину: река там отстоит от Кардухских гор на шесть-семь стадиев. (2) Стоянка была весьма приятна: и продовольствия было вдоволь, и много вспоминали о минувших трудностях. Ведь все семь дней, что греки двигались через край кардухов, прошли в непрерывных боях, и пришлось им так плохо, как никогда не приходилось от царя и Тиссаферна. И теперь, когда все это казалось позади, они отдыхали с особой приятностью.

(3) Но когда наступил день, они увидали за рекой всадников в полном вооруженье, явно готовых помешать переправе, а на косогоре, выше конницы, пехоту, выстроившуюся, чтобы помешать им выйти в Армению. (4) Это были наемники Оронта и Артуха, армяне, и марды, и халдеи. О халдеях говорили, что это народ свободный и храбрый; вооружены они были длинными плетеными щитами и пиками. (5) Тот косогор, над которым они были построены, отстоял от реки на три-четыре плефра; а дорога наверх видна

была одна, как будто нарочно проложенная. Тут-то греки и сделали попытку переправиться. (6) Но когда при этой попытке оказалось, что вода доходит почти до плеч, что русло неровно из-за больших и скользких камней и что в воде нельзя держать щит, а не то уносит течение, а если нести щит над головой, то все тело открыто стрелам, копьям и дротикам, греки отступили и расположились станом у самой реки. (7) А на горах, там, где они были прошлой ночью, заметили многолюдную толпу кардухов, собравшихся во всеоружье. Тут греки немало приуныли, видя, что реку перейти трудно, видя готовые помешать переправе отряды, видя кардухов, готовых напасть сзади на занятых переправой.

(8) В тот день и в ту ночь оставались на месте, пребывая в великом затрудненьи. А Ксенофонт увидел сон; ему приснилось, что он опутан оковами, а потом они сами собою упали, так что он, свободный, мог перейти куда хотел. Едва рассвело, он отправился к Хейрисофу и сказал, что у него есть надежда на удачный исход, и поведал свое сновиденье. (9) Хейрисоф обрадовался, и сейчас же, как взошло солнце, все бывшие там начальники принесли жертвы, которые с первого же раза оказались благоприятными. И, радойдясь после жертвоприношенья, старшие и младшие начальники отдали войску приказ позавтракать. (10) К Ксенофонту же, когда он завтракал, прибежали двое юношей: ведь все знали, что к нему можно подойти и за завтраком, и за ужином и даже разбудить его ото сна, если у кого есть что сказать о делах войны. (11) И эти двое ему сказали, что, собирая хворост на костер, они заметили за рекою среди скал, спускавшихся к самому руслу, старика и женщину с девочками, которые как будто складывали в полую скалу мешки с одеждой. (12) Увидав их, оба решили, что тут можно безопасно переправиться: ведь вражеской коннице сюда не подойти. Раздевшись, они нагишом, с кинжалами в руках, перешли реку, как будто собираясь поплавать. Двигаясь вперед, они оказались на том берегу, не замочивши чресел, а перейдя реку и забрав одежду, вернулись назад.

(13) Ксенофонт немедленно совершил возлиянье и приказал налить вина юношам и молиться богам, явившим и сон, и брод, чтобы они и все остальное устроили ко благу. А совершив возлиянье, он немедленно отвел юношей к Хейрисофу, и они рассказали то же самое. Выслушавши их, Хейрисоф тоже совершил возлиянье. (14) Совершив возлиянья, они приказали остальным собираться, а сами, созвав начальников, стали советоваться, как лучше всего перепра-

виться, чтобы и стоявших впереди победить, и от нападающих сзади не понести урона. (15) И было решено, что Хейрисоф пойдет во главе и переправится с половиною войска, а вторая половина с Ксенофонтом останется сзади, обоз же и нестроевые перейдут реку между ними.

(16) Уладив все это, тронулись в путь; дорогу показывали те юноши, имея реку по левую руку. Идти до переправы было четыре стадия. (17) Пока они шли, по другому берегу в ту же сторону помчались отряды конницы. Поравнявшись с переправой и речною кручею, греки остановились. Первым сам Хейрисоф, увенчав голову и скинув платье, взял оружие, передал всем остальным приказ сделать то же самое, а младшим начальникам велел вести своих людей прямым строем по сотням и держаться одним справа, другим слева от него. (18) Гадатели заклали жертвы над водою реки; а враги били стрелами и камнями из пращей, но те не долетали. (19) Когда жертвы оказались благоприятны, все воины запели пеан и издали воинственный клич; вместе с ними завопили и все женщины (при войске было много гетер). (20) И Хейрисоф вошел в воду, а за ним остальные. А Ксенофонт, взяв из тылового отряда самых проворных, со всех ног пустился бежать с ними к тому броду, что был против дороги в Армянские горы, делая вид, будто хочет переправиться и отрезать развернувшуюся вдоль реки конницу. (21) Враги, видя, как люди Хейрисофа легко переходят по воде и как воины Ксенофонта бегут обратно, испугались, как бы их не разрезали, и что было сил пустились к дороге, что вела от реки в гору, а оказавшись на ней, поскакали вверх по склону. (22) Ликий со своим конным отрядом и Эсхин с копейщиками Хейрисофа, увидев со всех сил убежавших врагов, погнались за ними; а воины закричали, что не отстанут и вместе с ними взойдут на гору. (23) Но Хейрисоф, как переправился, не стал преследовать конницу, а сразу же взошел на кручу над рекою и напал на стоявших там врагов. И те, увидев бегство своей конницы, увидев идущих на них латников, покинули высоты над рекою.

(24) Ксенофонт, увидевши, что за рекою все в порядке, поспешил отойти к переправлявшемуся войску; к тому же показались и кардухи, спустившиеся на равнину, чтобы напасть на замыкающих. (25) Хейрисоф занял высоты, а Ликий, с немногими людьми пустившийся вдогонку врагу, захватил хвост его обоза, и среди прочего — красивое платье и кубки. (26) Греческий обоз и нестроевой люд едва только успели переправиться; а Ксенофонт,

развернувшись, остановился лицом к кардухам и приказал младшим начальникам построить своих людей по четвертям сотни, поставив их по левую руку от себя сплошными рядами; все начальствовавшие должны были идти на кардухов, и только задний ряд — остаться лицом к реке. (27) Нападавшие кардухи, когда увидели, что тыловое охранение отделилось от обоза и по видимости осталось в малом числе, ускорили шаг и затанули какие-то напевы. А Хейрисоф, которому уже не грозила опасность, послал к Ксенофонту копейщиков, пращников и стрелков, велел им делать все по его приказу.

(28) Ксенофонт, увидав, что они переходят, послал им через вестника приказ оставаться у реки, но не переправляться; а когда он сам со своими начнет переправу, выйти с двух сторон им навстречу, будто бы для переправы; при этом копейщикам держать копьа наизготовку, а лучникам наложить стрелу на тетиву; но далеко в реку никому не заходить. (29) А своим он передал приказ, когда снаряды пращи будут долетать до них и застучат по щитам, затануть пеан и бежать на врагов, а когда враги повернут и трубач с реки протрубит к бою, самим повернуть направо, задним бежать первыми и всем — переправляться как можно скорее, соблюдая строй, чтобы не мешать друг другу; и самым доблестным будет тот, кто первым окажется на том берегу.

(30) Кардухи, увидев, как мало осталось людей, — так как многие из тех, кому велено было, стоя на месте, смотреть за вьючным скотом, за поклажей либо за гетерами, уже ушли, — смело двинулись в наступление и начали бить из пращей и луков. (31) Но греки с пением пеана беглым шагом бросились на них, и они не приняли боя: их вооруженья довольно было для набега в горах и немедленного бегства, но мало для рукопашной схватки. (32) В это время трубач подал сигнал; враги пустились бежать еще быстрее, а греки повернули и стали как можно скорей бегом пересекать реку. (33) Кое-кто из врагов, увидевши это, помчались назад к реке и несколько человек ранили стрелами, но большая их часть продолжала бежать и тогда, когда греки смотрели уже с другого берега. (34) А те, что вышли навстречу, набрались храбрости и продвинулись дальше нужного, так что обратно переправились позже бывших с Ксенофонтом; среди них тоже были раненые.

IV. (1) Переправившись, греки построились всем войском и, выступив около полудня, прошли не меньше пяти парасангов по

Армении, сплошь равнинной, с пологими холмами. Деревень поблизости от реки не было из-за войн с кардухами. (2) Та деревня, куда они пришли, была обширная, с дворцом для сатрапа, с башнями над большею частью домов. И продовольствие было в изобилии. (3) Оттуда за два перехода прошли десять парасангов, пока не перешли у истоков реку Тигр. Оттуда за три перехода прошли пятнадцать парасангов до Телебоя, реки красивой, хоть и небольшой. Деревень у этой реки множество. (4) Местность эта называется Западная Армения. Правителем ее был Тирибаз, царский друг; в его присутствии никто другой не подсаживал царя на лошадь. (5) Он со своей конницей подъехал к грекам и передал через толмача, что желает переговорить с начальниками. Те согласились его выслушать и, подойдя настолько, чтобы слышать, спросили, что ему угодно. (6) И он сказал, что хочет заключить перемирие на тех условиях, что он не будет чинить вреда грекам, они же не станут жечь домов, а продовольствия могут брать, сколько нужно. Начальникам его слова пришлись по душе, и на том было заключено перемирие.

(7) Оттуда прошли по равнине за три перехода пятнадцать парасангов, и Тирибаз сопровождал их со своими силами, держась на расстоянии десяти стадиев. Так дошли до дворца и множества деревень в его округе, полных вслещескими припасами. (8) Когда греки разбили стан, ночью выпал обильный снег, и было решено, что начальники и воины станут располагаться на ночлег по деревням: врага в виду не было, и по обилию снега это казалось безопасным. (9) Там у войска было все, что только есть хорошего: убойный скот, хлеб, старые душистые вина, сушеный виноград, разные овощи. Но некоторые воины, отлучившиеся от стоянки, говорили, будто ночью видели много ярких костров. (10) Потому старшие начальники сочли небезопасным стоять на отдыхе порознь и решили собрать войско. Оно собралось; к тому же показалось, что погода проясняется. (11) Но во время этого ночлега выпал такой невиданно густой снег, что покрыл и оружье, и лежавших людей, а вьючных животных стреножил. И встать никто не решался, — ведь нападавший снег, пока не растает, защищает лежащих от холода. (12) Только когда Ксенофонт отважился и, встав без верхнего платья, начал колоть дрова, поднялся еще кто-то, потом другой и, отняв у него топор, сами стали колоть дрова. Тогда поднялись и прочие, разожгли костер и начали растираться. (13) Дело в том, что нашли там в изобилии притиранье, которым и пользовались

вместо масла; в него входят свиной жир, масло из кунжута и горького миндаля и скипидар. Было найдено и благовоние из той же смеси.

(14) После этого снова было решено ночевать под кровом. И войны с громким криком радостно отправились под кров, где были припасы; а кто, уходя, по нечестью сжигал дома, те были наказаны плохим ночлегом. (15) В ту ночь Демократа из Темна с людьми послали в горы, где, по словам отлучившихся, видели костры; считалось, что человек этот прежде много раз говорил правду: что есть, то есть, а чего нет, того нет. (16) После похода он сказал, что костров не видел, но привел с собою перса, вооруженного луком, колчаном и секирой, какие носят амазонки. (17) На вопрос, кто он, пленный отвечал, что он перс и идет от Тирибазова стана, чтобы добыть продовольствия. Тогда его спросили, велико ли войско и против кого собрано. (18) И он ответил, что у Тирибаза есть и его собственные силы, и наемники из халибов и таохов; а готовится он при переходе через горы в теснинах, где пролегает единственный путь, напасть на греков.

(19) Услышав это, старшие начальники решили собрать войско и немедленно, оставив стражу под началом стимфалийца Софенета, выступили, взявши пленного перса проводником. (20) Когда перевалили через горы, копейщики вырвались вперед и, увидев стан, не стали ждать латников, но с криком помчались на него. (21) Варвары, услышав шум, не дожидались нападения, а убежали. Тем не менее несколько варваров пало, было захвачено до двадцати лошадей и палатка Тирибаза, а в ней ложа с серебряными ножками, кубки и люди, назвавшие себя хлебопеками и виночерпиями. (22) Когда об этом узнали начальники латников, они решили поскорее отойти к своему стану, пока на оставшихся никто не напал. Подав сигнал трубой, они отошли и в тот же день возвратились в свой стан.

V. (1) На другой день решили, что идти нужно самым скорым путем, прежде чем враг успеет опять собрать войско и занять теснины. Быстро собравшись, вышли в путь по глубокому снегу, имея множество проводников. В тот же день перевалили через вершины, где Тирибаз собирался напасть, и разбили стан. (2) Оттуда прошли по пустыне за три перехода пятнадцать парасангов до реки Евфрата и переправились через нее вброд, в воде по пояс. Говорили, что ее истоки недалеко. (3) Оттуда по равнине, покрытой глубоким снегом, прошли за три перехода пять парасангов.

Третий переход был тяжелый: навстречу дул северный ветер, леденя все вокруг, от него люди коченели. (4) Один из гадателей сказал тогда, что нужно принести жертву ветру; жертву принесли, и все сочли, что жестокость ветра заметно ослабела. Глубина снега была в сажень, так что погибло много вьючных животных, и рабов, и воинов человек тридцать. (5) Всю ночь напролет жгли костры, топлива на стоянке было много, только у подошедших последними топлива не было. А пришедшие раньше и разжегшие костер не подпускали к нему опоздавших иначе как за пшеницу или другое съестное, если оно у них было. (6) Так воины и делились друг с другом тем, что имели. Там, где жгли костер, снег таял до земли и получались большие щели; так и можно было измерить глубину снега.

(7) Оттуда весь следующий день шли по снегу, и много людей изнемогло от голода. Ксенофонт, шедший с тыловым отрядом, подбирал упавших, но не знал, что с ними. (8) А когда кто-то из людей опытных ему сказал, что это наверняка голодное изнеможенье и что, поевши, они очнутся, он стал ходить по обозу и, если находил что съестное, раздавал его изнемогшим и посылал раздать тех, кто в силах было добежать. (9) И голодные, поевши, приходили в себя и шли дальше.

Так они шли, и в сумерках Хейрисоф подошел к деревне, где у колодца за валом застал женщин и девушек, пришедших из деревни по воду. (10) Те спросили греков, кто они. Толмач сказал по-персидски, что они направляются от царя к сатрапу. И вышедшие по воду отвечали, что сатрап не здесь, а в парасанге отсюда. Тогда греки, за поздним временем, вместе с женщинами вошли за вал и отправились к старосте.

(11) Так Хейрисоф и те из войска, кому хватило сил, расположились на ночь в деревне. А остальные воины, у которых не было сил дойти, заночевали натошак и без костров, так что иные из них погибли. (12) За войском шли кучки врагов, они захватывали выбившихся из сил животных и дрались друг с другом из-за добычи. А из греческих воинов отстали те, у кого от снега ослепли глаза или от стужи были отморожены пальцы на ногах. (13) Было только одно средство уберечь глаза от снега: по дороге заслонять их чем-нибудь черным; а чтоб уберечь ноги, надо было двигаться, не останавливаясь, и на ночь разуваться. (14) Кто ложился в обуви, тем ремни глубоко врезались в ногу, а подошва примерзала; дело в том, что старая обувь изнашивалась, а новая, грубая,

была сделана из свежесодранной бычьей кожи. (15) Из-за этих неотвратимых зол кое-кто из воинов отстал. Заметив черное место, где снега не было, отставшие сочли, что он растаял; он и в самом деле растаял, потому что в лесистой долинке неподалеку курился паром какой-то источник. Сюда они и свернули, уселись и объявили, что дальше идти не могут. (16) А Ксенофонт со своим тыловым охранением, когда увидел их, всеми правдами и неправдами старался уговаривать их не оставаться на месте; он сказал, что сзади идет большая толпа врагов, и в конце концов стал сердиться. Но сидящие ему отвечали, что, хоть убей, дальше идти не могут. (17) Тогда решили, что самое лучшее — напугать, если можно, идущих следом врагов, чтобы они не напали на изнеможенных. Было уже темно, и враги приближались, шумно споря из-за захваченного добра. (18) Тут все, сколько было в тыловом отряде здоровых, бегом бросились на врага, а изнеможенные закричали, как могли громче, и ударили копьями в щиты. Враги в испуге убралась прямо по снегу в долину, и больше голосов их не было слышно. (19) Ксенофонт со своими людьми, сказав обессилевшим, что завтра за ними кто-нибудь придет, пошел дальше, но, не пройдя четырех стадиев, обнаружил на снегу у дороги воинов, которые отдыхали, завернувшись в плащи, и даже не выставили караула. Когда их разбудили, они сказали, что передовые тоже ничуть не продвинулись. (20) Ксенофонт, проходя дальше, выслал вперед самых сильных копейщиков с приказом посмотреть, что там мешает идти. И они сообщили, что все войско отдыхает так. (21) Тогда и люди Ксенофонта заночевали тут же, без огня и без еды, но кое-как расставив стражу. А когда приблизилось утро, Ксенофонт послал самых молодых воинов к обессилевшим с приказом поднять их и заставить идти.

(22) В это время Хейрисоф послал из деревни людей посмотреть, что с отставшими. Те обрадовались, увидав пришедших, передали им ослабевших, чтобы они доставили их в греческий стан, а сами двинулись в путь и, не пройдя двадцати стадиев, очутились у деревни, где ночевал Хейрисоф. (23) Собравшись наконец вместе, решили, что безопасно разместить отряды на отдых по деревням. Хейрисоф остался, где был, а остальные, распределив по жребию бывшие на виду деревни, разошлись по ним со своими людьми. (24) Тут один из младших начальников, Поликрат из Афин, попросил отпустить его вперед; взяв самых проворных воинов, он сделал набег на ту деревню, что досталась Ксенофонту, и захватил

всех деревенских жителей вместе со старостой, семнадцать жеребцов, выкармливаемых для дани царю, и дочь старосты, за девять дней до того выданную замуж; а муж ее ушел на охоту за зайцами и не был захвачен в деревне.

(25) Дома там были подземные, с проемами вроде колодца, но внизу просторные. Для скота были прорыты проходы, а люди спускались по лестницам. В домах были овцы, козы, коровы, птица и весь их молодняк. Весь скот вскармливали в домах сеном.

(26) Была там и пшеница, и ячмень, и овощи, и ячменное вино в глиняных кувшинах. Вровень с краями в них плавало ячменное зерно и лежали полые стебли, одни длиннее, другие короче, но все без узлов. (27) Если захочется пить, нужно взять такой стебель и сосать из горла сосуда. Питье это очень сильное, если не долить воды, но, если привыкнешь, оно очень вкусно.

(28) Ксенофонт посадил деревенского старосту с собою за стол и велел ему не падать духом, пообещав не отнимать у него детей и наполнить ему дом всяческими припасами в награду за то, что он укажет проводника для войска, пока оно не придет к другому народу. (29) Тот пообещал и в знак расположенья указал, где зарыто вино. Так что эту ночь все воины провели каждый под своим кровом, во всяческом изобилии, а старосту держали под охраной и с его детей не спускали глаз. (30) Назавтра Ксенофонт, взяв с собою старосту, отправился к Хейрисофу. Проходя через деревни, он заворачивал к тем, что в них стояли, и всех заставлял за весельем и пиром; и ниоткуда их не отпускали, не угостив чем-нибудь. (31) Не было стола, на котором не стояло бы вместе и баранины, и козлятины, и поросятины, и телятины, и курятины, и множества пшеничных и ячменных хлебов. (32) А когда по дружбе хотели выпить за чье-нибудь здоровье, то друга тянули прямо к кувшину, и пить ему приходилось нагнувшись и втягивая вино, как быку. Старосте позволено было брать, что ему угодно. Но он ничего не принимал, и только когда встречал родича, всегда забирал его себе. (33) И когда пришли туда, где разместился Хейрисоф, застали всех стоявших с ним увенчанными сухим сеном. Прислуживали им армянские мальчики в варварском платье, а что надо делать, мальчикам показывали знаками, как глухонемым.

(34) Хейрисоф и Ксенофонт сперва сердечно друг друга приветствовали, а потом через говорившего по-персидски толмача вместе стали расспрашивать старосту, что это за страна. Тот отвечал, что страна эта — Армения. Потом его спросили, для кого выкарм-

ливают коней. Он отвечал, что это дань царю. А ближайшая страна, сказал он, это край халибов, и описал дорогу туда. (35) Потом Ксенофонт ушел и отвел старосту к его домашним, и отдал старосте захваченного раньше старого жеребца, поручив подкормить его и заклать в жертву, потому что слышал, что жеребец посвящен Солнцу, и боялся, как бы он не околел, отощав от пройденного пути. А себе он взял стригуна и другим старшим начальникам дал каждому по стригуну. (36) Лошади эти были меньше персидских, но памиго горячее. И староста научил его привязывать мешочки к копытам коней и выючного скота, прежде чем гнать их по снегу,— не то без мешочков они будут вязнуть по брюхо.

VI. (1) На восьмой день Ксенофонт передал проводника Хейрисофу, а домашних его оставил, кроме сына, почти уже юноши, которого отдал под стражу амфиолитанцу Эписфену,— с тем, чтобы отец, если окажется хорошим проводником, вернулся вместе с сыном. В дом к нему снесли всего столько, сколько могли, и, навьючив животных, выступили. (2) Староста, не связанный, шел впереди всех по снегу; наступил уже третий день пути, и Хейрисоф стал на него сердиться за то, что он ведет войско мимо деревень. А он говорил, что нет их в этих местах. Тогда Хейрисоф избил его, но не связал. (3) Из-за этого староста тою же ночью бежал, оставив сына. За весь поход это был единственный повод к разладу между Ксенофонтом и Хейрисофом — дурное обращение с проводником и небрежность охраны. А Эписфен полюбил мальчика, привез его домой, и тот оставался ему всегда верен. (4) После этого прошли семь переходов, делая по пять парасангов в день, вдоль реки Фасиса, шириною в плефр. (5) Оттуда прошли за два перехода десять парасангов; и на перевале, что вел на равнину, греков встретили халибы, таохи и фасияне. (6) Хейрисоф, едва увидел врагов на перевале, остановился, не доходя тридцать стадиев, чтобы не подступать к ним растянутой вереницей, и передал прочим начальникам приказ подвести отряды и развернуть войско в боевой порядок. (7) А когда подошел и тыловой отряд, он созвал старших и младших начальников и сказал так: «Вы видите сами, что враги заняли перевал через горы; значит, пора посоветоваться, как нам лучше сразиться. (8) Я думаю, нужно приказать воинам поесть, а нам посоветоваться и решить, нынче ли переходить через горы или завтра». — (9) «А я думаю,— сказал Клеанор,— что надо скорее поесть, потом вооружиться и скорее идти на них. Если мы сегодняшний день промешкаем, то враги, которые и сейчас нас видят,

больше расхрабрятся, а если эти осмелеют, к ним, конечно, присоединятся и другие».

(10) После него заговорил Ксенофонт: «А я вот в чем уверен. Если битвы не избежать, надо подготовиться к тому, чтобы биться доблестней; но если мы хотим с наименьшим трудом перевалить через горы, нам, по-моему, нужно позаботиться о том, чтобы получить поменьше ран и поменьше людей потерять убитыми. (11) Та гора, что мы видим, тянется больше чем на шестьдесят стадиев, а стерегущих ее не заметно нигде, кроме как на самой дороге. Поэтому для нас гораздо лучше попробовать украдкой занять гору в диком месте, опередив врага, нежели сражаться с готовым к бою противником в трудной местности. (12) Много легче без боя взойти на кручу, чем идти полого, когда враг с обеих сторон; без боя даже ночью лучше увидишь, что под ногами, чем днем в бою; без боя шагать неторной дорогой куда удобнее, чем пологой, когда на тебя сыплются стрелы. (13) А действовать украдкой, по-моему, вполне возможно, двинемся ли мы ночью, чтоб нас не видели, отоидем ли настолько, чтобы скрыться у них из глаз. И я думаю, если мы сделаем вид, будто нападаем отсюда, то найдем остальную гору пустою: враги, скорее всего, останутся на месте в полном сборе. (14) Впрочем, мне ли говорить о том, как действовать украдкой? Ведь я слышал, Хейрисоф, что вы, полноправные лакедемоняне, все, сколько есть, с раннего детства упражняетесь в краже, и украсть то, что не запрещено законом, у вас не позорно, а почетно. (15) А чтобы вы доблестней крали и старались не попадаться, у вас принято по закону стегать тех, кто пойман за кражею. Теперь тебе самое время показать свою сноровку и остеречься, как бы нам не попасться, когда мы захотим украдкой захватить гору, и не быть побитыми».

(16) «Ладно уж,— сказал Хейрисоф,— я тоже слышал, что вы, афиняне, ловки красть народные деньги, хоть вору и грозит немалая опасность, и чем кто из вас лучше, тем больше он крадет,— если только власти у вас удостоиваются лучшие. Так что и тебе самое время показать твою сноровку».

(17) «Ну, я-то готов,— сказал Ксенофонт,— как только мы поедим, идти с моим тыловым отрядом занимать гору. У меня есть и проводники: мои легковооруженные из засады захватили кое-кого из тех воров, что за нами шли. От них-то я и узнал, что гора не неприступна и что на ней можно пасти коз и коров: значит, если мы захватим на ней хоть кусок земли, то пройдем и наши вьючные

животные. (18) Я надеюсь, враги не останутся на месте, когда увидят нас на вершинах вровень с собою: ведь они и сейчас не желают сойти на равнину и стать вровень с нами». (19) А Хейрисоф сказал: «Почему нужно идти тебе и бросить тыловое охраненье? Пошли других, если не объявятся охотников!»

(20) Поэтому отправились Аристоним из Мефидрия с латниками, а хиосец Аристей и этеец Никомах — с легковооруженными; с ними было условлено, что, завладев вершиной, они зажгут побольше костров. (21) Условившись об этом, стали завтракать, а после завтрака Хейрисоф подвел все войско примерно на десять стадиев ближе к неприятелю, чтобы показалось, будто нападать он будет отсюда.

(22) После ужина, когда наступила почь, отряженные воины ушли и захватили гору, а остальные легли спать, где были. Враги, когда узнали, что гора занята, всю ночь не спали и жгли бесчисленные костры. (23) Когда настал день, Хейрисоф, принеся жертву, повел войско по дороге, а захватившие гору стали наступать по вершинам. (24) Из врагов большая часть осталась на перевале через гору, а часть пошла навстречу тем, что двигались по вершинам. Прежде чем главные силы сошлись, на вершинах началась рукопашная, и греки, победив, пустились в погоню. (25) В это время и из войска, шедшего с равнины, копейщики бегом бросились на выстроившегося неприятеля, а за ними скорым шагом пошел Хейрисоф с латниками. (26) Но враги, стоявшие на дороге, увидав, что наверху их сотоварищи разбиты, пустились бежать; погибло их немного, а плетеных щитов они оставили множество, и греки рубили эти щиты мечами, чтобы сделать их непригодными. (27) Взойдя на гору, принесли жертвы и поставили трофеи, а потом спустились на равнину и пришли в деревни, обильные всяческим добром.

VII. (1) После этого, пройдя за пять переходов тридцать парсангов, прибыли в страну таохов. Тут продовольствие иссякло; таохи между тем живут в местах неприступных, и туда же они снесли все припасы. (2) Когда греки пришли к такому месту, там не было ни города, ни домов, — просто там собралось множество мужчин, женщин и скота. Хейрисоф с ходу сразу же напал на таохов; когда первый отряд уставал, подходил другой и вслед за ним третий, — а всем вместе охватить это укрепление нельзя было, потому что отовсюду были обрывы.

(3) Когда подошел Ксенофонт со своим тыловым отрядом, Хейрисоф ему сказал: «Вы кстати пришли: ведь это укрепление надобно взять, а если мы его не захватим, у войска не будет продовольствия». (4) Тут они стали обсуждать дело сообща; и на вопрос Ксенофонта, что мешает ворваться, Хейрисоф сказал: «Подступ есть только один — тот, что ты видишь; когда кто-нибудь пытается по нему пройти, они скатывают камни с этой скалы, что над ним поднимается, и в кого они попадут, с теми вот что получается». И он указал на людей с раздробленными ногами и ребрами. (5) «А если у них иссякнет запас камней, будут еще какие-нибудь преграды или нет? — спросил Ксенофонт.— Ведь против нас, мы видим, и людей-то совсем мало, а вооружено из них двое или трое. (6) А под их камнями надо пройти, ты сам видишь, всего плефра полтора; из них не меньше плефра поросло большими и редкими соснами; если люди станут за деревьями, то ни летящие камни, ни те, что катятся, никому не страшны; значит, останется всего полплефра, и пройти там надо тогда, когда камни перестанут лететь». (7) «Но ведь как только мы начнем двигаться к соснам, так сейчас же на нас валятся камни»,— сказал Хейрисоф. «А это как раз нам и нужно: так у них все камни быстрее выйдут. Вот и двинемся туда, откуда нам, если сможем, и добежать до них останется немного, и отойти, если захотим, будет легче».

(8) После этого Ксенофонт с Хейрисофом и паррасийцем Каллимахом, младшим начальником, что в тот день был во главе всех младших начальников тылового отряда, двинулись вперед, а остальные остались в безопасном месте. Вместе с ними под деревья отправилось человек семьдесят, не толпой, а поодиночке, и каждый остерегался, как мог. (9) А стимфалиец Агасий и Аристоним из Мефидрия, тоже младшие начальники из тылового отряда, и с ними другие стояли за пределами основной рощи: больше чем одному отряду в роще было опасно. (10) Тут Каллимах придумал уловку: он выбежал на два-три шага из-за дерева, под которым стоял, а когда начинали падать камни, он проворно прятался; и на каждую его вылазку враги тратили больше десяти повозок камней. (11) Агасий же, увидев, что делает Каллимах и как все войско на него глядит, побоялся, что тот первый вбежит во вражеское укрепление, и один двинулся вперед, не позвав ни стоявшего неподалеку Аристонима, ни Еврилоха из Лус, своих товарищей, и никого другого; так он всех перегнал. (12) А Каллимах, увидев, как он пробегает мимо, схватил его за обод щита; и тут мимо них промчался

Аристоним из Мефидрия, и следом Еврилох из Лус; ведь все они со-
стязались доблестью и соперничали друг с другом. Так, мчась напе-
регонки, они и взяли укрепление, и, чуть только туда ворвались, свер-
ху уже не полетело ни одного камня. (13) Зрелище там было
страшное: женщины бросали с обрыва детей, а потом бросались
сами, и также мужчины. Тут стимфалиец Эней, из младших на-
чальников, увидев одного из врагов в красивом платье, который
бежал, чтобы кинуться вниз, схватил его, желая ему помешать.
(14) Но тот увлек за собою Энея, и оба скатились со скал и погби-
ли. Людей там было захвачено совсем мало, зато коров и ослов и
овец множество.

(15) Оттуда прошли по стране халибов за семь переходов пять-
десят парасангов. Это был самый воинственный народ из всех, сре-
ди которых прошли греки: с ними все время бились врукопашную.
Панцири у халибов льняные и доходят до низа живота, вместо че-
шук — туго сплетенные веревки. (16) Носят они поножи, и шлемы,
и у пояса — мечи, кривые, вроде спартанских, которыми добивают
тех, кого удалось одолеть, и отрезают головы, а потом уносят их
с собой. И каждый раз, когда враги могут их видеть, они начинают
петь и плясать. Есть у них и пики длиною в пятнадцать локтей, с
одним жалом. (17) Халибы держались в своих поселениях, но когда
греки их миновали, шли следом и завязывали бои. Жилища их
укреплены, припасы они снесли в эти укрепления, так что греки там
ничего не добыли, а кормились тем скотом, который захватили
у таохов.

(18) Оттуда греки пришли на реку Гарпас, шириною в четыре
плефры, от которой прошли через страну скифенов за четыре пере-
хода двадцать парасангов по равнине и добрались до деревень, в
которых оставались три дня, запасаля продовольствие.

(19) Оттуда они прошли за четыре перехода двадцать парасан-
гов до большого, богатого и многолюдного города, называемого
Гимний. Правитель той страны прислал грекам проводника, чтобы
он провел их через другую страну, враждебную тамошним жителям.
(20) Проводник, явившись, сказал, что за пять дней приведет их
в такое место, откуда видно море, а если нет, то пусть его убьют.
А когда вторглись во вражескую страну, он подстрекал греков все
жечь и губить, так что стало ясно, что он и пришел ради этого, а
не из приязни к грекам.

(21) На пятый день они пришли на гору; имя этой горе Тех.
Когда передовые оказались на горе, поднялся громкий крик. (22)

Услышав его, Ксенофонт и его тыловой отряд подумали, что и среди напал враг, потому что сзади их преследовали жители сжигаемой страны и кое-кого из них греки убили, а кое-кого взяли в плен из засады и еще захватили до двадцати плетеных щитов, удвоенных сыромятной бычьей шкурой с шерстью. (23) Когда крик стал еще громче и ближе, ибо те, что все время подходили сзади, со всех ног бежали к товарищам, все время кричавшим, и чем больше становилось людей, тем оглушительней делался крик, тогда Ксенофонт решил, что случилось дело необычайное. (24) Севши на коня и взяв с собой Ликия и других конных, он помчался на помощь. И тут наконец они расслышали, что воины кричат: «Море! Море!» — и подбежали ближе. Потом подбежал и весь тыловой отряд и подогнали коней и обоз. (25) Когда все пришли на вершину, воины стали со слезами обнимать друг друга и старших и младших начальников. И вдруг, неведомо по чьему приказу, бросились стаскивать камни и сложили большой курган. (26) На него возложили множество сыромятных бычьих шкур и палок и захваченные у врагов щиты; сам проводник рубил эти щиты и подстрекал других. (27) После этого греки отпустили проводника с подарками от всего войска, дав ему коня, серебряную чашу, персидский наряд и десять дариков; но он больше всего просил перстни и немало получал их от воинов. Показав им деревню для ночлега и дорогу, как идти в область макронов, он с наступленьем вечера ушел и ночью скрылся.

VIII. (1) Оттуда греки прошли по стране макронов за три перехода десять парасангов. В первый же день они пришли к реке, которая отделяет землю макронов от земли скифенов. (2) Справа над ними были непроходимые высоты, слева от них — другая река, в которую впадала река пограничная; через нее-то и надо было переправляться. Река заросла деревьями, не толстыми, но частыми. Греки, подойдя, стали рубить их, спеша поскорее покинуть эту местность. (3) Но макроны, одетые в рубахи из волоса, выстроились за рекою против переправы, держа плетеные щиты и пики; они перекликались друг с другом и бросали в реку камни, но те не долетали и никакого вреда не причинили.

(4) Тут к Ксенофонту подходит один из копейщиков и говорит, что он был рабом в Афинах и что знает язык этих людей. «Я думаю, — сказал он, — что здесь моя родина. Если ничего не мешает, я хочу с ними поговорить». — «Ничего не мешает, — сказал Ксенофонт, — поговори с ними, только раньше узнай, кто они». (5) На

вопрос этот был дан ответ, что они — макроны. «Спроси теперь,— сказал Ксенофонт,— зачем они выстроились против нас, зачем им надобно с нами враждовать». (6) И макроны отвечали: «Затем, что вы пришли в нашу страну». Тогда старшие начальники велели сказать, что не со злом они явились, но вели войну с царем, а теперь отходят в Грецию и хотят добраться до моря. (7) Макроны спросили, готовы ли они в этом поклясться. Начальники отвечали, что с охотой обменяются клятвами. Тогда макроны дали грекам варварское копье, а греки им — греческое: в этом, по словам варваров, и состояла присяга; впрочем, богов в свидетели призвали и те, и другие. (8) После присяги макроны тотчас же стали заодно с греками валить деревья, расчищая путь для переправы, и сами на переправе смешались с ними. Они и продавали грекам, что могли, и три дня провозжали их, пока не доставили к границе колхов.

(9) Там была большая гора, а на ней выстроились колхи. Сперва греки построились против них сомкнутым строем, чтобы так двигаться в гору. Но потом старшие начальники решили собраться и посоветоваться, как им лучше сражаться. (10) И Ксенофонт сказал, что, на его взгляд, сомкнутый строй надо распустить и идти повзводно, выстроив людей друг за другом. Ведь сомкнутый строй быстро рассыплется, так как одним попадутся на горе места непроходимые, другим — легко проходимые, а когда воины увидят, что строй смешался, они падут духом. (11) «И если мы двинемся, построившись во много рядов, строй врага будет шире нашего, и тех, что будут правей и левее нас, они введут в бой, как захотят; если же мы будем построены в немного рядов, то не мудрено будет врагу прорвать нашу цепь, когда на нас посыплются во множестве люди и стрелы. И если где будет прорыв, плохо придется всему войску. (12) А если мы построим людей отрядами, в затылок друг другу, то, расставив отряды порознь, сможем занять столько пространства, что крайние отряды будут правее и левее вражеского строя. И отряды у нас по краям окажутся за вражеской цепью, и при движении отдельными отрядами на нее первыми пойдут самые сильные, и каждый начальник сможет повести своих людей там, где пройти легче. (13) А в промежутки между отрядами врагам непросто будет проникнуть, потому что с обеих сторон у них окажутся наши отряды, и перебить идущих в затылок тоже непросто. Если какой отряд и потеснят, соседний ему поможет. А если одному отряду удастся взойти на вершину, никто из врагов не устоит».

(14) Так и было решено, отряды построили в затылок, Ксенофонт проехал от правого крыла до левого, говоря воинам так: «Друзья, те, кого вы видите, только одни и мешают нам дойти туда, куда мы давно спешим. Значит, надо их, если возможно, сожрать живьем!» (15) Когда все были на местах и люди построились в затылок повзводно, то оказалось, что латников имеется около восьмидесяти отрядов, а в каждом отряде примерно по сотне; копейщиков и лучников разделили на три отряда, один — с левого края, один — с правого и один — посредине; в каждом было до шестисот человек. (16) После этого начальники передали приказ помолиться, и войско, помолвившись и затянув пеан, выступило. Хейрисоф и Ксенофонт со своими копейщиками шли правее и левее вражеской цепи. (17) Враги, увидев их, побежали им навстречу, одни вправо, другие влево, цепь разделилась, и посредине ее получился широкий разрыв. (18) И копейщики, что шли с аркадским войском под началом Эскина из Акарнании, решив, что неприятель бежит, с криком бросились вперед и первыми взобрались на вершину, а за ними следом — и аркадские латники под началом орхоменца Клеанора. (19) Враги как начали бежать, так и не останавливались, и каждый спасался, куда мог. А греки взобрались в горы и остановились в обильных припасах деревнях, которых было множество. (20) Ничего особенно удивительного там не было, кроме большого числа ульев. Кто из воинов наелся сотов, те все обезумели, мучились рвотой и поносом и не держались на ногах; съевшие немного похожи были на сильно пьяных, съевшие много — на сумасшедших, а иные даже умерли. (21) Много народу лежало вповалку, как после поражения, и многие пали духом. Но на другой день никто не умер, а примерно в тот же час люди опомнились и на третий и четвертый день поднялись, как после отравленья ядом. (22) Оттуда прошли за два перехода семь парасангов и прибыли к морю в Трапезупт, город у Евксинского Понта, населенный греками, колонию Синопы в стране колхов. Там оставались дней около тридцати, разместившись по колхским деревням. (23) Оттуда делали вылазки и разоряли Колхиду. Жители Трапезунта продавали войску, что нужно, они приняли греков радушно и подарили им коров и быков, и вина, и муки. (24) Они хлопотали и в пользу колхов — своих соседей, по большей части живших на равнине, и в подарок от тех тоже присланы были коровы и быки. (25) Потом приготовили обетное жертвоприношение: ведь греки получили довольно быков, чтобы заклать их Зевсу Спасителю и

Гераклу Путеводному и остальным богам, которым принесли обет. Устроили также и гимнастическое состязание на той горе, где разбили стан. Подготовить место для бега и быть распорядителем состязаний должен был по общему выбору спартанец Драконтий, который еще в детстве был изгнан из отчины за то, что ударом кривого кинжала ненамеренно убил другого мальчика.

(26) Когда жертва была принесена, шкуры передали Драконтию и велели ему вести людей туда, где он назначил быть бегу. Он указал то место, где они стояли. «Вот этот гребень,— сказал он,— лучше всего годится, чтобы бежать, куда будет угодно». — «Но как же можно бороться на такой твердой, утоптанной земле?» — спросили его. И он ответил: «Тем большее будет упавшему!» (27) На один стадий бежали мальчики, большею частью — дети пленных, на длинное расстояние — больше шестидесяти критян; прочие состязались в борьбе, в кулачном бою, в двоеборье, так что зрелище получилось прекрасное. Народу сошлось много, и так как среди зрителей было немало гетер, рвение к победе выросло. (28) Было и конное ристанье: надо было пустить коня по склону, загнать в море, повернуть и поддохать обратно к алтарю. На спуске многие катились кубарем, а на подъеме, очень крутом, лошади едва представляли ноги. Кругом стоял гам и смех и слышались ободряющие крики.

Книга пятая

I. (2) После этого греки собрались, чтобы посоветоваться о дальнейшем пути. Первым встал Леонт из Фурий и сказал так: «Что до меня, воины, то я устал собирать кладь, идти, бежать, нести оружие, шагать в строю, стоять в карауле, сражаться и хочу, раз уж перед нами море, дальше плыть, позабыв о трудах, и прибыть в Грецию лежа, как Одиссей». (3) Услышав это, воины зашумели, что он дело говорит. И еще один говорил то же самое, и все выступавшие. (4) Потом встал Хейрисоф и сказал так: «Есть у меня, воины, друг Анаксибий, — он как раз и начальствует над флотом. И если вы меня пошлете, то я надеюсь прийти к вам с трехрядными и грузовыми судами, чтобы на них мы уехали. А вы, если вам угодно плыть, дождитесь моего возвращения». Услышав это, воины обрадовались и постановили, чтобы он отплыл поскорее.

(5) После него встал Ксенофонт и сказал вот что: «Итак, Хейрисофа мы посылаем за кораблями, сами же остаемся его ждать. А что нам за время ожидания впору будет сделать, об этом я сейчас скажу. (6) Во-первых, продовольствием нам нужно запастись на вражеской земле: здешних товаров нам не хватает, да и покупать их не на что никому, кроме разве немощных. Страна эта для нас вражеская; значит, если вы отправитесь за добычей без должной осторожности, не выставив охраны, то вам грозит опасность многих потерять убитыми. (7) Я считаю, продовольствие нужно добывать так, чтобы всем вам остаться невредимыми; делая набег по всем правилам, а не шатаясь кругом. Нам же надо взять заботу

об этом деле на себя». Так и было решено. «А теперь послушайте вот что. (8) Некоторые из вас будут отправляться на добычу. Я думаю, вам лучше говорить заранее, кто отправляется, и указывать, куда, чтобы мы знали и число ушедших и оставшихся и вместе с ними подготовили все, что понадобится, и, если придет время подать помощь, знали, куда ее посылать. И если человек незнающий что-нибудь затеет, мы ему дадим совет, попытавшись разведать силы тех, на кого он пойдет». И это было решено. (9) «Имейте в виду еще одно: враг волен нас тревожить набегами, и он будет прав, делая нам зло: ведь мы захватили его достояние. Потому-то он и стережет нас, заняв высоты. Мне кажется, надо выставлять стражу вокруг нашего стана: если мы по очереди будем нести стражу и глядеть во все глаза, то враги не так легко смогут за нами охотиться. И поразмыслите еще вот о чем. (10) Если бы мы наверняка знали, что Хейрисоф приведет с собою довольно кораблей, того, о чем я намерен сказать, не понадобилось бы. Но так как это еще не ясно, мы должны, по-моему, попробовать добыть суда на месте. Если Хейрисоф вернется с кораблями, тогда у нас будет — вместе с добытыми здесь — больше судов для отплытия; если он их не приведет, мы отправимся на здешних. (11) Я вижу, торговые суда проплывают здесь часто. Если мы выпросим у жителей Трапезунта военные корабли, то будем приводить те суда к себе и стеречь их, сняв с них кормила, пока не наберется достаточно, чтобы всех нас увезти. Тогда, может быть, у нас не будет затруднений с перевозочными средствами, которые нам нужны». И это тоже было решено. (12) «Но подумайте и о том, что правильно будет на общий счет кормить всех, кого мы приведем, столько времени, сколько они тут из-за нас пробудут, и договориться с ними о плате за перевоз, чтобы и им, и нам была выгода». И это было решено. (13) «И еще мне кажется, если нам не удастся добыть сколько нужно кораблей, то следует добиться от приморских городов, чтобы они сделали проходимыми дороги, которые, по слухам, теперь непроходимы; они нас послушаются, и из страха, и из жelanья от нас избавиться».

(14) Тут поднялся крик, что не нужно идти пешком. И Ксенофонт, поняв все неразумье войска, голосовать не предлагал, а убедил города расчистить дороги по доброй воле, говоря, что они тем скорее избавятся от греков, чем удобнее будут дороги. (15) От жителей Трапезунта греки получили пятидесятивесельный корабль, над которым поставили начальником Дексиппа, из неполноправных

лакедемонян. Но он, заняв корабль, и не подумал добывать для войска суда, а бежал за пределы Понта. Однако позже он за это поплатился: за какие-то темные дела во Фракии у Севта он был убит лакедемонянином Никандром. (16) Получили еще тридцативесельный корабль, над которым поставили начальником афинянина Поликрата; и он, сколько захватывал судов, все приводил к греческому стану. И если был на них какой груз, его выгружали и стерегли, чтобы все было цело, а на судах плавали вдоль берегов. (17) Тем временем греки ходили и на добычу, и одни приносили хоть что-то, другие — ничего. А Клеэнет, который, кроме своего отряда, повел еще один, сам погиб в неприступных местах и погубил многих воинов.

II. (1) Когда невозможно стало добывать продовольствие так, чтобы в тот же день возвращаться в свой стан, Ксенофонт, взяв проводников из жителей Трапезунта, повел половину войска на дрилов, а половину оставил стеречь стан, потому что колхи, выгнанные из своих жилищ, собрались во множестве и, заняв высоты, стерегли греков. (2) Жители Трапезунта не повели Ксенофонта туда, где легко было запасти продовольствие, потому что там жили их друзья, зато охотно повели его на дрилов, от которых им самим приходилось плохо, в места гористые и труднопроходимые, к людям, самым воинственным на побережье Понта. (3) Когда греки пришли на горы в их страну, дрилы все те места, которые, на их взгляд, можно было занять, сожгли, а сами отступили. И добыть ничего нельзя было, — разве что свинью или быка или другую скотину, спасающуюся от пожара. Дрилы все укрылись в одном укрепленном месте, бывшем их столицею. Вокруг него шел овраг необычайной глубины, и подступы к укрепленью были трудны. (4) Копейщики, ушедшие вперед на пять-шесть стадиев, переправились через овраг и, увидев множество овец и всякого добра, кинулись на укрепление, а за ними множество воинов, вооруженных дротиками и также вышедших за продовольствием. Таким образом за оврагом оказалось больше двух тысяч человек. (5) Когда им не удалось с бою взять укрепление — ведь оно было окружено широким рвом и насыпью с частоколом и деревянными башнями, — они начали отступать, и тут-то враги на них напали. (6) Бежать они не могли, так как спуститься в овраг от укрепления можно было только по одному, и послали за Ксенофонтом, шедшим во главе латников. (7) Посланный пришел и сказал, что укрепление полно всякого добра, но захватить его нет возможности, потому что оно очень сильно.

И отойти нелегко: враги делают вылазки и нападают, а дорога назад трудна.

(8) Услышав об этом, Ксенофонт подвел к оврагу латников и приказал им остановиться, а сам с младшими начальниками переправился и стал высматривать, что лучше: отвести назад перешедших за овраг либо переправить туда латников, чтобы взять укрепление. (9) Решили, что отвести людей без больших потерь убитыми нельзя, а взять укрепление младшие начальники полагали возможным, и Ксенофонт с ними согласился, веря жертвам: жрецы предрекли, что сражение будет, но исход дела окажется благоприятным. (10) Младших начальников он отправил переправить через овраг латников, а сам, оставшись, отвел назад всех копейщиков и никому не позволил метать ни стрелы, ни дротики, ни камни. (11) А когда подошли латники, он приказал каждому из младших начальников построить свой отряд так, как тот считает наилучшим для боя; дело в том, что рядом друг с другом стояли те начальники, которые всегда состязались между собою в доблести. (12) Все они так и сделали. И копейщикам Ксенофонт приказал держать оружие наизготовку, чтобы по первому знаку бросать дротики, а стрелкам положить стрелы на тетиву, чтобы по первому знаку, едва понадобится, пускать их, а прочим легковооруженным — набрать полные мешки камней. И тех, кому положено, он послал обо всем этом позаботиться. (13) Когда все было приготовлено, а младшие начальники, и их помощники, и те, кто считал себя не хуже начальников, все построились, так что каждый видел остальных, — ведь укрепление было таково, что войско стояло полумесяцем; (14) когда пропели пеан и протрубила труба, в тот же миг все издали клич в честь Эниалия, латники двинулись вперед беглым шагом, полетели стрелы, дротики, свинцовые слитки, а больше всего камней, брошенных с руки; некоторые даже метали огонь. (15) От такого множества снарядов враги оставили вал и башни, так что стимфалиец Агасий и Филоксен из Пеллены сбросили доспехи и взошли на него в одних хитонах. Один воин тянул вверх другого, кое-кто был уже наверху, и казалось, что укрепление взято.

(16) Уже копейщики и легкая пехота, вбежав за вал, начали грабить, кто что мог; а Ксенофонт, став за воротами, не пускал внутрь латников, удерживая стольких, скольких мог, потому что на недоступных высотах появлялись все новые враги. (17) Недолгое время спустя за валом поднялся крик и прибежали воины, некоторые — унося захваченное, а иные даже раненные. У ворот началась

давка. На вопросы те, кого выбили вон, отвечали, что там внутри есть крепость, что врагам нет числа, что они сделали вылазку и бьют ворвавшихся греков. (18) Тогда Ксенофонт приказал глашатаю Толмиду объявить, что всякий желающий добыть что-нибудь пусть войдет за вал. Множество воинов бросилось внутрь, вторгшиеся пересилили выбитых вон и снова заперли врагов в крепости. (19) Все, что оставалось за стенами крепости, было разграблено, греки уносили добычу; а латники остановились, одни — вокруг частокола, другие — на улице, ведущей к крепости. (20) Ксенофонт с младшими начальниками стал смотреть, возможно ли взять крепость; в этом случае спастись можно было бы безопасно, а иначе отход казался весьма трудным; но, поглядевши, они решили, что место это совершенно неприступно. (21) Тогда начали готовиться к отступлению; каждый воин стал вытаскивать кол, что был рядом с ним, а младшие начальники отослали прочь негодных к бою, нагруженных добычей и большую часть латников, и каждый оставлял только тех, кому доверял. (22) Когда начали отступать, вслед из крепости сделали вылазку враги; их было много, все с плетеными щитами, с копьями, в поножах и пафлагонских шлемах; иные из них взбирались на дома по обе стороны улицы, что вела к крепости. (23) Поэтому небезопасно было гнать их к крепостным воротам: взобравшиеся бросали сверху большие бревна, так что и стоять на месте, и отступать было тяжело, а надвигающаяся ночь была еще страшнее.

(24) Когда греки, сражаясь, оказались в таком затруднении, некий бог дал им средство к спасению. Вдруг запылал дом на правой стороне, неведомо кем подожженный. Едва он обрушился, все, кто был на домах с правой стороны, сбежали вниз. (25) Когда счастливый случай дал Ксенофону этот урок, он приказал поджечь дома и с левой стороны, и они быстро занялись, так как все были деревянные. И с этих домов враги сбежали вниз. (26) Теперь грекам доставляли неприятности только те, что были прямо перед ними; они, без сомненья, намерены были напасть при отступлении и спуске в овраг. Тогда Ксенофонт передал приказ всем, до кого не долетали стрелы, сносить дерево и класть его между собою и противником. Когда топлива набралось достаточно, его подожгли; подожгли также и дома, стоявшие вдоль частокола, чтобы отвлечь врагов. (27) Так греки с трудом отступили из укрепления, запалив между собою и врагами огонь. Выгорел весь город: и дома, и башни, и частокол, и все остальное, кроме крепости.

(28) На другой день греки ушли, добыв продовольствия. А так как дорога вниз, в Трапезунт, их страшила, потому что была крута и узка, они устроили ложную засаду. (29) Некий мисиец, — также и по имени Мис — с десятью критянами остался в густом кустарнике, делая вид, будто хочет скрыться от врага; но то там, то сям поблескивали их медные щиты. (30) Противник, видя это, испугался засады, а войско тем временем спустилось вниз. Когда сочтено было, что отошли на достаточное расстояние, Мису подали знак бежать что есть сил; и он, снявшись с места, побежал со своими людьми. (31) Критяне, которых, по их словам, враг мог догнать и поймать, свернули с дороги в лес и спаслись, скатившись с лесистого склона, а Мис, бежавший по дороге, стал звать на помощь. (32) К нему пришли на помощь и подобрали его раненого. Те, что пришли ему помочь, отступали под стрелами, пятясь задом, а некоторые из критян отстреливались. В свой стан все вернулись живыми.

III. (1) Хейрисоф все не возвращался, судов, сколько нужно, не было, продовольствия взять было негде, и поэтому решили, что надо уходить. На корабли посадили обессилевших, всех, кто был старше сорока, детей, женщин и ту поклажу, которую нет необходимости иметь при себе. Посадили на корабль и Филесия с Софенетом, самых пожилых из начальников, приказав им за всем надзирать. Остальные двинулись по дороге, которая была уже исправлена. (2) На третий день пути пришли в Керасунт, приморский греческий город, колонию Синопы в стране колхов. (3) Там оставались десять дней и произвели смотр с оружием; людей сосчитали, их оказалось восемь тысяч шестьсот. Столько греков спаслось, остальные погибли в боях, от снега, от болезней.

(4) Там же поделили деньги, вырученные за пленных. Десятую часть изъяли для Аполлона и Артемиды Эфесской, и старшие начальники поделили эту десятину, чтобы каждый хранил свою долю для богов; а долю Хейрисофа взял Неон из Асины. (5) Ксенофонт то, что причиталось Аполлону, внес как вклад в афинскую сокровищницу в Дельфах, надписав свое имя и имя Проксена, погибшего с Клеархом: ведь он был связан с Проксеном гостеприимством. (6) А долю Артемиды Эфесской он, когда уходил из Азии с Агесилаем и направлялся в Беотию, оставил у Мегабиза, прислужника в храме Артемиды, потому что предстоящий путь считал небезопасным, и наказал вернуть деньги, если останется жив, а если с ним что случится, внести в храм такой вклад, какой Мегабиз сочтет

угодным богине. (7) Когда Ксенофонт был уже изгнан и жил в Скиллунте, поселенный там лакедемонянами, Мегабиз приехал зрителем в Олимпию и отдал порученные ему деньги. Ксенофонт, получив их, купил по указанию бога участок земли для богини. (8) Через участок протекала как раз река Селинунт. И в Эфесе мимо самого храма Артемиды протекает река Селинунт. В обеих водится рыба и раковины, но на Скиллунтской земле можно и охотиться на любую охотничью дичь. (9) На священные деньги Ксенофонт воздвиг также алтарь и святилище и впредь приносил богине в жертву десятину со своих полей, причем в празднике участвовали все горожане и окрестные жители, мужчины и женщины. Пиравшим на воле богиня уделяла муки, хлеб, вина, сухих плодов и долю от жертвенных животных, приведенных со священными настибищ, и еще дичины. (10) Потому что на праздник сыновья Ксенофонта и других горожан устраивали охоту, и с ними охотились также и желающие из числа взрослых. Дичь ловили и на земле святилища, и на земле Фолои — кабанов, ланей и оленей. (11) Эта земля лежит на пути из Лакедемона в Олимпию, стадиях в двадцати от храма Олимпийского Зевса. На священном участке есть и луг, и холмы, поросшие деревьями, на которых можно прокормить и свиней, и коз, и коров, а также лошадей, так что и вьючные животные приехавших на праздник имеют довольно корма. (12) Вокруг самого святилища насажена роща плодовых деревьев со вкусными плодами. Святилище в малых размерах повторяет большой храм в Эфесе, а кипарисовый кумир богини напоминает золотой в Эфесе. (13) У храма поставлена плита с надписью: «Участок этот посвящен Артемиде. Владеющему и пользующемуся плодами надлежит ежегодно приносить десятину в жертву. На остальное же содержать храм. Кто этого не сделает, тому богиня не простит».

IV. (1) Из Керасунта те, что и раньше ехали по морю, поплыли дальше, остальные двинулись по суше. (2) Прибыв на границы моссинок, послали к ним Тимисифей из Трапезунта, связанного с моссиноками гостеприимством, чтобы он спросил, идти ли грекам через их страну как через дружескую или как через враждебную. И те ответили, полагаясь на свои укрепления, что не пропустят войско. (3) Тогда Тимисифей сказал, что дальше живут моссиноки, враждующие с этими. Решено было призвать их, — а вдруг они захотят стать грекам союзниками. И посланный к ним Тимисифей привел их старейшин. (4) По приходе старейшины моссинок встретились с греческими начальниками. И Ксенофонт сказал, а перевел

Тимисифей: (5) «Мы хотим, моссибеки, невредимо вернуться в Грецию пешим путем, потому что судов у нас нет, но нам препятствуют те, что, как мы слышали, и вам враждебны. (6) Если вам угодно, мы можем взять вас в союзники, и отомстить за все обиды, какие были вам прежде от них нанесены, и сделать их впредь послушными вам. (7) А если вы дадите нам уйти, то поразмыслите, появится ли у вас еще когда-нибудь такая союзная сила». (8) На это один из моссибекских старейшин сказал, что они согласны и принимают союз. (9) «В таком случае,— сказал Ксенофонт,— что вам от нас нужно, если мы станем вашими союзниками, и как вы можете помочь нам пройти здесь?» (10) И ему ответили: «Нам хватит сил вторгнуться в землю ваших и наших врагов с другой стороны, а сюда прислать вам лодки и людей, чтобы они заодно с вами сражались и показывали вам дорогу».

(11) На этом обе стороны обменялись клятвами. Моссибеки ушли, а на другой день вернулись с тремя сотнями лодок-однодревок, и в каждой было по три человека, из которых двое вышли на сушу и стали строем, а один оставался в лодке. (12) На этих лодках они и отплыли, а оставшиеся построились так: они стали рядами самое большее по сто человек, друг против друга, как поющие попеременно хоры. У каждого был плетеный щит, удвоенный белою бычьей шкурой и похожий на лист плюща, а в правой руке копье в шесть локтей, с наконечником наверху и шаром внизу древка. (13) Надеты на них были рубахи выше колен, грубые как мешковина, а на головах — кожаные шлемы вроде пафлагонских, остроконечные и с шишаком посредине. Были у них еще железные секиры. (14) Потом один из них зашел, а остальные все зашагали с мерным шагом и, пройдя мимо греческого строя через расположение войска, двинулись прямо на врага, к тому укреплению, которое, казалось, легче всего взять приступом. (15) Расположено оно было перед тем городом, что зовется у моссибеков столицей и где их главная крепость. Из-за этого-то места и шла война: владеющие им считаются повелителями всех моссибеков, и, по словам нападавших, их враги владели им не по справедливости, а корыстно присвоили принадлежащее всем.

(16) За ними пошли следом и некоторые из греков, хотя начальники их не посылали, и выступили они ради грабежа. Враги, покуда они подходили, до поры не шевелились, но когда укрепление было уже совсем близко, сделали вылазку и обратили наступавших в бегство, положив немало варваров и несколько шедших

с ними греков, а потом гнались за ними, пока не увидели спешивших на выручку греков. (17) Тогда противники повернули назад и отступили, но головы убитым отрезали и показывали их грекам и своим врагам и при этом приплясывали и пели какой-то напев. (18) Греки были рассержены тем, что врагу позволили расхрабриться и что те греки, которые пошли на бой, хоть их и было много, бежали вместе с варварами, чего во всей войске ни разу не бывало. (19) Но Ксенофонт, созвав греков, сказал: «Воины, нечего падать духом из-за этого случая: ведь хорошего в нем не меньше, чем плохого. (20) Во-первых, вы удостоверились, что будущие наши проводники на самом деле враги тем, с кем и нам поневоле приходится враждовать. Во-вторых, те из греков, кому нет дела до порядка и кто возомнил, будто сумеет заодно с варварами сделать то же, что и вместе с нами, заплатились за это и впредь не так просто покинут свое место в строю. (21) А вам надобно подготовиться, чтобы тем из варваров, которые с нами в дружбе, показать, насколько мы их сильнее, а враги чтобы поняли, что сражающиеся с ними сейчас ничуть не похожи на сражавшихся раньше без всякого порядка».

(22) Так провели этот день. А на другой день, принесся жертвы и найдя их благоприятными, позавтракали и, построив людей в затылок по отрядам, а варварам велел построиться так же на левом крыле, двинулись с места, поставив лучников между отрядами, немало глубже переднего края латников. (23) Дело в том, что среди врагов были такие проворные, что сбегали вниз и метали камни. Однако лучники и копейщики заставили их вернуться. Остальные двигались шагом, — сперва к укреплению, от которого накануне прогнали варваров и тех, кто шел с ними, так как там враг и строился для боя. (24) Удар копейщиков варвары выдержали и схватились с ними, а когда приблизились латники, пустились в бегство. Копейщики сейчас же бросились в погоню и преследовали их вверх вплоть до города, а латники в строю шли следом. (25) Когда поднялись наверх, к домам города, тогда враги, собравшись все вместе, приняли бой: они бросали дротики, и еще у них были пики, такие толстые и длинные, что человек едва может их нести; ими-то они и пытались отбиваться в рукопашной. (26) Когда греки не только не отступили, но и продолжали идти вперед, варвары всем скопом бежали и оттуда, покинув укрепление. А царь, — он живет в построенной на крепостном холме деревянной башне, мосинеки его содержат на общий счет и охраняют, он же никуда не

спускается, — царь не захотел выйти, как и тот, что был в укрепленье, взятом прежде, и сгорел вместе со своей башней.

(27) Греки, когда грабили оба укрепления, нашли в домах клады из хлебов, оставшихся, как говорили моссиньки, с отцовских времен, а новый хлеб лежал необмолоченным; большею частью это была полба. (28) Находили они также в кувшинах куски засоленного дельфиньего мяса, а в горшках — дельфинью ворвань, которая служит моссинькам затем же, зачем грекам — масло. (29) А на крышах было много плоских каштанов без поперечных скорлупок. Их очень часто употребляют в пищу, отваривая и выпекая из них хлеб. Нашли и вино, которое в неразбавленном виде казалось горьким из-за своей терпкости, а разбавленное было душистым и вкусным.

(30) Греки, поевши там, отправились дальше, передав укрепление моссинькам — своим союзникам. А из прочих укреплений, сколько было их на стороне врагов, самые легкие для приступа были покинуты, а остальные сдались добровольно. (31) Большею частью эти укрепления таковы: одно отстоит от другого стадиев на восемьдесят, и одно больше, другое меньше; когда моссиньки перекликаются, крик слышен из города в город, потому что вся страна — это сплошные высоты и низины. (32) А когда греки по пути оказались в краю друзей, им показали разжиревших сыновей самых богатых моссиньков, откормленных вареными каштанами, изнеженных, бледных, почти таких же в толщину, как в вышину, с грудью и спиной, разукрашенной наколотыми цветами. (33) Моссиньки домогались от гетер, которых привели греки, чтобы те совокупились с ними при всех: такой у моссиньков обычай. Все они, и мужчины и женщины, белокожи. (34) Все участники похода говорили, что моссиньки — из варваров варвары и обычай у них дальше всего от греческих. На людях они делают то, что все прочие делают наедине, а оставшись одни, ведут себя, как будто рядом другие: сами с собою разговаривают, смеются, останавливаются где попало и начинают плясать, словно другим напоказ.

V. (1) Через эту страну, и вражескую и дружескую, греки прошли за восемь переходов и прибыли в край халибов. Племя это немногочисленно и подвластно моссинькам, большинство из них живет выделкою железа. Оттуда пришли к тибаренам. (2) Страна тибаренов обширная и более равнинная, а городки в ней лежат у моря и не так укреплены. Старшие начальники намерены были на эти городки напасть и дать войску поживиться, а потому не приняли

присланных тибаренами даров гостеприимства и приказали пришедшим обождать: они, начальники, хотят, мол, принести жертвы. (3) Но после многих заклятий гадатели в один голос предрекли, что богам эта война никак не угодна. Поэтому дары гостеприимства были приняты, и за два дня мирно пройдя эту страну, войско прибыло в Котиору, греческий город, колонию Синопы в стране тибаренов. (5) В ней оставались сорок пять дней. За этот срок греки прежде всего принесли богам жертвы, потом поплеменно устроили торжественные шествия, а после — гимнастические состязания. (6) Продовольствие же они добывали частью в Пафлагонии, частью — в поселеньях котиоритов, которые ничего им не продавали и даже не приняли в город больных и раненых.

(7) В это время прибыли послы из Синопы, которые боялись за котиоритов — и за их город (он ведь принадлежал Синопе и платил ей дань), и за страну, которую, как они слышали, греки грабят. Пришедши в их стан, они сказали так (держал речь Гекатоним, считавшийся у них мастером говорить): (8) «Мы посланы к вам, воины, городом Синопой, чтобы восславить вас за то, что вы, греки, победили варваров, и порадоваться вместе с вами тому, что вы благополучно прибыли сюда, одолев, как мы слышали, много страшного и трудного. (9) Мы полагаем, что козь скоро и вы, и мы — греки, то нам от вас будет только одно добро, а зла никакого: ведь мы никогда первыми не делали вам зла. (10) А здешние котиориты — выселенцы из нашего города, мы отдали им этот край, отняв его у варваров, поэтому они платят нам установленную дань, как и жители Керасунта и Трапезунта; так что то зло, которое вы им причините, город Синопя считает причиненным себе. (11) И вот мы слышим, что вы силой вошли в город и иные из вас разместились на постой по домам, а в малых городках вы без спросу берете все, что вам нужно. (12) Мы этого не одобряем, и если вы так будете поступать и впредь, нам придется заключить союз с Корилой, с пафлагонцами и еще с кем мы только сможем».

(13) После этого встал Ксенофонт и ответил от лица воинов: «Мы довольны и тем, граждане Синопы, что пришли сюда, сохранив жизнь и оружие; а что до имущества, так невозможно было ни нажить его, ни унести, все время сражался с врагом. (14) И вот наконец добрались мы до греческих городов; в Трапезунте, где нам всё продавали, мы покупали продовольствие на свои деньги, а за почтение, оказанное войску, и за дары гостеприимства мы

также оказывали тамошним жителям почтение, и не трогали тех варваров, с которыми они были в дружбе, и врагов их, на которых они сами нас вели, мы, как могли, наказали. (15) Спросите у них самих, каковы мы были к ним; здесь есть люди, которых город по дружбе дал нам в проводники. (16) А там, где мы по приходе не имели, что купить, и в варварских землях, и в греческих, там мы не по нечестью, а по необходимости забирали продовольствие. (17) Поэтому с кардухами, таохами и халдеями, хотя они не подвластны царю, мы были во вражде, как они ни грозны,— и всё из необходимости добывать продовольствие, поскольку они ничего не давали нам на продажу. (18) А макронов, хотя они и варвары, мы признали друзьями, так как они продавали нам все, что могли, и мы ничего не забирали у них насильно. (19) Что до котиоритов, которых вы называете своими, то они сами виноваты, если мы что у них забрали: ведь они встретили нас не по-дружески, но заперли ворота и ни нас в город не пускали, ни сами ничего не высылали на продажу, утверждая, что в этом виновен поставленный вами наместник. (20) А насчет того, что мы силой вошли и стали на постой, то мы просили принять больных и раненых под кров, и лишь когда ворот не отперли, тогда вошли в том месте, где проход был открыт, и больше никаких насилий не чинили. И больные и раненые, которые стоят по домам, кормятся на свой счет, а если мы поставили стражу у ворот, так только затем, чтобы наши больные и раненые не оставались в руках вашего наместника, а нам можно было когда угодно их забрать. (21) А все прочие, как вы видите, расположились под открытым небом, сохраняя боевой порядок, готовые ответить добром на добро и защищаться, если нам сделают зло. (22) Теперь о твоих угрозах, что вы, если так решите, возьмете в союзники против нас Корилу и пафлагонцев. Мы, если понадобится, будем сражаться против вас обоих,— ведь мы воевали и с более многочисленным, чем вы, противником. (23) А если мы и сами решим взять пафлагонца союзником,— ведь мы слышали, что он зарится на ваш город и приморские укрепления,— то попытаемся стать ему друзьями, помогая ему получить желанное».

(24) Тут все ясно увидели, что сотоварищи Гекатонима по посольству раздосадованы его речью, и один из них даже вышел вперед и сказал, что они пришли не воевать, а доказать свою дружбу. «И если вы придете в город Синопу, мы встретим вас даром гостеприимства, а здешним сейчас же прикажем дать вам все,

что они могут: ведь мы видим, что все сказанное вами — правда». (25) После этого котиориты прислали дары гостеприимства, а греческие начальники почтили синопских послов, как положено чтить гостей, и долго беседовали с ними по-дружески обо всем, но прежде всего о дальнейшем пути, и обе стороны разузнавали, чем каждая может быть полезна другой.

VI. (1) Так закончился этот день. А на следующий старшие начальники собрали воинов, решив посоветоваться с ними о дальнейшем пути в присутствии приглашенных синопских послов. Придется ли идти пешком — синопяне казались грекам полезны своим знанием Пафлагонии, придется ли плыть морем — все равно синопяне нужны: считали, что они одни в состоянии предоставить столько судов, чтобы их хватило на все войско. (2) Пригласивши послов, держали совет, утверждая, что они как греки прежде всего должны хорошо принять других греков и со всем дружелюбием дать наилучший совет.

(3) Тогда встал Гекатоним и первым делом принялся оправдываться в том, что вчера сказал насчет союза с пафлагонцем: он-де не говорил, что синопяне намерены воевать с греками, но что, имея возможность заключить дружбу с варварами, они предпочитают греков. (4) А когда от него потребовали совета, он, воззвав к богам, сказал так: «Если я посоветую то, что мне кажется наилучшим, пусть и мне будет много всяческих благ, а если нет, то бедствий. Говорят, что совет — дело священное, а этот совет тем более, как мне кажется: ведь если станет ясно, что я сейчас дал добрый совет, то многие будут меня хвалить, а если дурной, то многие из вас меня проклянут. (5) Я знаю, что нам будет куда больше хлопот, если вы отправитесь морем: ведь это нам придется доставить вам суда; а если вы двинетесь сухим путем, то сражаться придется вам. (6) И все же мой долг — сказать все, что я знаю: ведь мне отлично известна и страна пафлагонцев, и их сила. В их стране есть все: и прекраснейшие равнины, и высочайшие горы. (7) И прежде всего я знаю, где вам вскоре придется туда вторгнуться: ведь нет другого пути, кроме того, где по обе стороны дороги поднимаются высокие горы, так что занявшие их даже в самом малом числе могут господствовать над нею. И когда горы заняты, ни один человек там не пройдет. Я могу и показать это место, если вам угодно будет кого-нибудь со мною послать. (8) Затем я знаю, что есть там равнины, но есть и конница, которую сами варвары считают сильнейшей во всем конном войске царя.

Они теперь не явились на царский призыв, — их начальник слишком высоко мнит о себе для этого. (9) Если даже вам удастся занять горы украдкой или опередив противника и на равнине одолеть в битве конницу и пехоту, в которой больше ста двадцати тысяч людей, вы придете к рекам: первая из них — Фермодонт, шириною в три плефра, которую нелегко было бы, я думаю, перейти, даже если бы впереди у вас не было множества врагов и множество врагов не гналось за вами по пятам; вторая река — Ирис — тоже имеет три плефра в ширину, а третья — Галис — не меньше двух стадиев; переправиться через нее без лодок вы не сможете, а лодки кто вам даст? Точно так же не переправиться и через Парфений, а вы к нему придете, если переберетесь через Галис. (10) Я считаю такой поход не только что трудным, а вообще невозможным. Если же вы поплывете, то отсюда можно проплыть вдоль берега в Синопу, а из Синопы в Гераклею; а из Гераклеи путь открыт хоть по суше, хоть по морю, потому что в Гераклее и кораблей есть много».

(11) Когда Гекатоним сказал это, одни заподозрили, что он это говорит из дружбы к Корилю, с которым был связан гостеприимством; другие — что он надеется получить за свой совет подарки; а третьи подозревали, что сказано все ради того, чтобы греки, идя пешком через Синопскую землю, не причиняли ей вреда. Но все же греки проголосовали за то, чтобы продолжать путь по морю.

(12) После этого Ксенофонт сказал: «Наши люди предпочли тот путь, который вы посоветовали, граждане Синопы. Но вот что: если судов будет столько, что их хватит на всех по счету и ни один человек здесь не останется, мы поплывем; а если будет так, что одни останутся, другие поплывут, мы на корабли не сядем. (13) Ведь нам известно, что повсюду, где мы сильнее, сможем мы и выйти невредимо, и добыть продовольствие; а где мы окажемся слабее врагов, там, ясное дело, мы останемся рабами в их стране». Выслушав это, синопчане предложили отправить послов. (14) Отправлены были аркадец Каллимах, афинянин Аристон и ахейнин Самол, которые и отбыли.

(15) Тем временем Ксенофонт, видя, как много греков-латников, как много копейщников, лучников, пращников и всадников, могучих благодаря опыту и сноровке, оказалось на берегу Понта, где невозможно за малые деньги снарядить такие силы, решил про себя, что хорошо бы умножить владенья и силы Греции, основав город. (16) Еще он решил, когда подсчитал число своих и

число припонтийских жителей, что город этот станет большим. С этой мыслью он, ничего не сказав никому из воинов, принес жертвы, позвав амбракийца Силана, бывшего у Кира гадалем. (17) Но Силан, боясь, как бы это не осуществилось и войско где-нибудь не осталось бы, распустил среди воинов слух, что Ксенофонт намерен принудить войско остаться здесь, чтобы основать город и тем добыть себе славу и власть. (18) Сам Силан хотел поскорее добраться до Греции, потому что сохранил те три тысячи дариков, которые получил от Кира, принеся за него жертву и дав правдивое предсказанье на десять дней.

(19) Когда воины об этом услышали, одни сочли, что лучше всего остаться, большая же часть не согласилась. Дарданец Тимасион и беотиец Форака так сказали бывшим там гераклейским и синопским купцам: если они не дадут войску платы, чтобы оно могло купить припасы на отплытие, то есть опасность, что такая огромная сила останется у Понта: ведь Ксенофонт и сам хочет, и нас призывает неожиданно сказать войску, как только придут корабли: (20) «Вы видите, воины, что и припасов на время плавания нам не добыть, и по возвращении домой нечего привезти нашим домашним. Так вот, если хотите, выберите любую из населенных припонтийских земель вокруг нас, которую только захотите вы занять, а там пусть любой из вас по желанию уезжает домой либо по желанию остается здесь. А вот вам и корабли, чтобы внезапно напасть, на кого вы захотите». (21) Услышав такое, купцы объявили об этом по своим городам; дарданец Тимасион послал с ними Евримаха, тоже дарданца, и беотийца Форака, чтобы и они сказали то же самое. И синопяне, и гераклеоты, как только об этом услышали, посылают к Тимасиону с наказом позаботиться, взявши деньги, чтобы войско отплыло. (22) Тимасион, довольный услышанным, говорит воинам во время сходки: «Нельзя и думать, воины, о том, чтобы здесь остаться, и нельзя ничего ставить выше Греции. А я слыхал, что кое-кто гадает об этом по жертвам, не сказав вам ни слова. (23) Обещаю вам, если вы отплывете, с нового месяца выдавать месячную плату — по кизикскому золотому на каждого; поведу я вас в Троаду, откуда меня изгнали, и вас примет мой родной город, потому что меня там встретят с радостью. (24) Потом я покажу вам путь в такие места, где вы добудете много денег. Ведь мне хорошо знакомы и Эолида, и Фригия, и Троада, и вся область, подвластная Фарнабазу, — одни потому, что

я оттуда родом, другие потому, что я воевал там вместе с Клеархом и Деркилидом».

(25) Сразу после него встал Форак беотиец, который соперничал с Ксенофонтом за начальство над войском, и сказал, что если они уйдут с Понта, то перед ними лежит Херсонес, страна прекрасная и богатая, где желающие могут поселиться, а не желающие — отбыть домой. Смешно, когда в Греции так много плодородных земель, искать места среди варваров. (26) «А покуда, — сказал он, — вы там не окажетесь, и я, как Тимасион, обещаю вам плату». Он сказал так, зная, что пообещали Тимасиону синопяне и гераклеоты за то, что греки отплывут.

(27) Ксенофонт на это промолчал, а встали Филесий и Ликон, оба ахеяне, и сказали, что странно поступает Ксенофонт, от себя убеждая людей остаться и гадая об этом по жертвам, а во всеуслышанье ничего об этом не объявляя. (28) Поэтому Ксенофонту поневоле пришлось встать и сказать так: «Я, воины, как вы сами видите, приношу жертвы, сколько могу, и за вас, и за себя, чтобы через них как можно лучше способствовать и вам, и самому себе словом, мыслью и делом. И теперь я гадал по жертвам, лучше ли с вами заговорить обо всем или вовсе не затеваться с этим делом. (29) Гадатель Силан ответил мне самое главное: что жертвы благоприятны; он ведь знал, что и я сведущ в гаданьях, так как всегда присутствую при жертвоприношениях. Но еще он сказал, что по жертвам явствуют какие-то хитрости и козни против меня: он-то знал, что сам и будет их строить, клевета вам на меня. Ведь от него и пошел слух, что я задумал это сделать, не попытавшись вас убедить. (30) А я, видя вас в затруднении, стал искать, как бы сделать так, чтобы вы заняли какой-нибудь город и желающие могли отплыть тотчас же, а не желающие — после того, как накопят достаточно для помощи своим домашним. (31) А теперь, когда я вижу, что и синопяне, и гераклеоты посылают вам корабли для отплытия, а эти люди обещают вам с нового месяца плату, мне и кажется наилучшим, чтобы вы, безопасно плывя, куда захотите, получали за безопасное плаванье плату, и сам я покончил с этой мыслью, и всем, кто приходил ко мне и говорил, что так и надо сделать, велю с нею покончить. (32) Одно я знаю: будучи все вместе, в таком множестве, как сейчас, вы у всех, я полагаю, останетесь в почете и добудете продовольствие: ведь быть сильнее — значит забирать все у слабейших. А если вы разлучитесь и ваша сила раздробится, то вам ни пропитанья не достать, ни уйти

отсюда подобра. (33) Я считаю то же, что и вы: надо отправляться в Грецию, а если кто покинет нас и останется прежде, чем все войско не будет в безопасности, того считать преступным. Кто думает так же, пусть поднимет руку». И все подняли руки.

(34) Тут Силан закричал и попытался сказать, что справедливо дать желающим уйти. Но воины его слов не приняли и пригрозили ему наказанием, если поймают его при попытке бежать.

(35) После этого гераклеоты, когда узнали, что решено отплыть и сам Ксенофонт за это голосовал, суда послали, а насчет денег, обещанных Тимасиону и Фораку, обманули. (36) Потому эти двое, посулившие войску плату, были в большом смятении и страхе. Взяв с собою тех старших начальников, которые приобщены были к их прежним делам,— а приобщены были все, кроме Неона из Асины, что замещал до сих пор не прибывшего Хейрисофа,— они пришли к Ксенофонту и сказали, что раскаиваются и что считают наилучшим теперь же, получив корабли, плыть к Фасису и захватить Фасианскую землю. (37) Царствовали тогда над нею потомки Зета. Ксенофонт ответил, что ничего подобного войску сказать не может,— а вы, если хотите, созовите сходку и скажите. Но дарданец Тимасион высказал мнение, что собрание созывать нельзя, а надо сперва каждому попробовать убедить своих младших начальников. И, разойдясь, они так и сделали.

VII. (1) Таким образом воины узнали, что творится. И Неон стал говорить, что Ксенофонт, уговорив прочих старших начальников, задумывает обманом повести воинов обратно к Фасису. (2) Услышав это, те вознегодовали, стали сходиться толпами и становиться кружками, и можно было опасаться, как бы они не сделали того же, что с посланцами колхов и с их рыночными надзирателями. (3) Когда Ксенофонт узнал все это, он решил поскорее созвать их на собрание, не допустив, чтобы они сами собрались, и приказал глашатаю созвать собрание. (4) Воины, услышав глашатая, сбежались с полной охотой. Тогда Ксенофонт не стал уличать других начальников в том, что они к нему приходили, а сказал так:

(5) «Я слышал, воины, что вам клеветают на меня, утверждая, будто я намерен обманом вести вас на Фасис. Выслушайте меня, во имя богов, и если вы обнаружите, что я виновен в таком преступлении, то пусть я не уйду отсюда, не понеся кары. Если же вы обнаружите, что виновны клеветующие на меня, то пусть и они получают от вас, чего заслуживают. (6) Вы ведь знаете, откуда

солнце восходит и куда заходит, знаете, что если кто намерен идти в Грецию, тому нужно направляться на закат. Так неужели хоть кому-нибудь удастся вас обмануть и уверить, будто солнце восходит оттуда, куда заходит, и заходит туда, откуда восходит? (7) Вы знаете также и то, что северный ветер несет корабль из Понта в Грецию, а южный — в глубь Понта, к Фасису, — почему и говорят, что наилучшее время для плавания в Грецию, — когда ветер дует с севера. Так возможно ли, чтобы кто-нибудь обманом заставил вас сесть на суда при южном ветре? (8) Но пусть я усажу вас на корабли в безветрие. Я-то поплыву на одном корабле, а вы самое меньшее — на сотне. Как же мне силой принудить вас плыть со мною либо повести обманом? (9) Но допускаю, что вы, обманутые и околдованные мною, придете на Фасис и мы высадимся в той стороне; тут вы сразу поймете, что попали не в Грецию, и я, обманувший вас, буду один, а вас, обманутых, — почти десять тысяч, и все с оружием. Так разве кто-нибудь заплатится вернее, чем задумавший такое для себя и для вас?

(10) Все это — болтовня людей глупых и завидующих тому почтенно, которое я вижу от вас. А завидовать мне грешно: разве же я мешаю кому-нибудь говорить, если он может сказать что-нибудь нужное для вашей пользы, или сражаться, если кто желает, за вас и за него самого, или бдительно печься о вашей безопасности? И когда вы избирали полководцев, перебежал ли я кому-нибудь дорогу? Начальствуй, я уступаю! Лишь бы был от него прок для вас! (11) Но, по-моему, хватит об этом говорить. А если есть среди вас кто-нибудь, думающий, будто или его самого, или другого можно было на этом обмануть, пусть говорит и доказывает! (12) Но коль скоро вам этого довольно, все же не расходитесь, не выслушав от меня, что, на мой взгляд, началось в нашем войске. И если это дело будет продолжаться и окажется таким, каким себя показало, то нам самое время посоветоваться о себе самих, как бы нам не явить себя самими скверными и бесчестными перед людьми и богами, перед союзниками и противниками».

(13) Услышавши это, воины недоумевали, в чем дело, и велели Ксенофонту говорить. Тогда он начал снова: «Вы, верно, знаете, что по горам есть варварские поселения, союзные с Керасунтом; оттуда к нам приходили люди и доставляли нам убойный скот и все, что у них еще было, да и некоторые из вас, мне сдается, ходили в окрестности этих поселений и возвращались оттуда с покупками. (14) И вот один из младших начальников, Клеарет,

узнав, что одно такое поселенье и невелико, и, считая себя союзным, не выставляет охраны, пошел к нему ночью, с намереньем разграбить его и нам ничего не сказав. (15) Он рассчитывал в том случае, если захватит поселенье, не возвращаться к войску, а сесть на корабль, на котором как раз проплывали его товарищи по отряду, и, погрузив добычу, если она будет, убраться из Понта. И об этом же стоворились с ним его сотоварищи, плившие на корабле, как я теперь узнал. (16) Собрав всех, кого удалось уговорить, он повел их к поселенью. Но рассвет застиг их еще в пути, и тамошние жители, проснувшись, заняли неприступные места и стали бить в нападавших камнями и стрелами; сам Клеарет пал со многими другими, а немногие уцелевшие бежали в Керасунт. (17) Это было в тот день, когда наш пеший строй выступил оттуда, а из тех, что должны были плыть, некоторые еще были там, не успев отчалить.

После этого, как рассказали жители Керасунта, пришло трое старейшин из того поселенья, намереваясь обратиться ко всему войску. (18) Не застав нас, они сказали жителям Керасунта, что им невдомек, с чего мы вдруг решили напасть на них. Те, как мне говорили, ответили, что совершенно это было не с общего согласия, и старейшины, обрадованные этим, намеревались плыть сюда, чтобы сказать нам о случившемся и предложить забрать убитых и самим их схоронить. (19) Но в Керасунте еще был кое-кто из спасшихся бегством греков; узнав, куда направляются варвары, они осмелились и сами бросать в них камни, и других подговорить на это. И вот трое людей, трое послов, погибли, побитые камнями.

(20) Когда такое случилось, к нам отправились жители Керасунта и рассказали о произошедшем. И мы, старшие начальники, услышав об этом, вознегодовали и стали советоваться с пришедшими из Керасунта, как похоронить убитых греков. (21) Сидели мы за нашим расположеньем — и вдруг слышим громкие крики: «Бей, бей, кидай, кидай!» И тотчас мы видим, что сбегается толпа с камнями в руках, а иные подбирают камни. (22) Жители Керасунта, бывшие свидетелями тому, что у них произошло, в испуге отступают к кораблям. И среди нас, клянусь Зевсом, иные испугались. (23) А я подошел к сбегавшимся и спросил, в чем дело. Там были и такие, кто ничего не знал, а все-таки набрал полные руки камней. Наконец я встречаю такого, кто знал, в чем дело, и он отвечает мне, что рыночные смотрители страшно притесняют войско. (24) А тут кто-то заметил одного из них, Зеларха,

идушего к морю, и стал кричать, и остальные, чуть только услышали, кинулись на Зеларха, точно на дикого кабана или оленя. (25) А жители Керасунта, как увидели, что к ним движется толпа, явно подумали, что нападают на них, бежали бегом и бросились в море. Помчались за ними и иные из нас, и кто не умел плавать, те потонули. (26) Что вы об этих людях думаете? Вины за собой они не знали, но боялись, как бы на нас, как на собак, не напало бешенство. И если все так и будет, то смотрите сами, каково будет положение в нашем войске. (27) Вы все вместе не властны будете ни начать войну, с кем захотите, ни прекратить ее, зато любой желающий в одиночку поведет войско, на кого ему захочется. И если к нам придут послы просить о мире или еще о чем-нибудь, любой, кто захочет, их убьет и не даст вам выслушать речи пришедших. (28) И потом даже те, кого вы все избрали полководцами, останутся ни при чем, а любой сам себя избравший начальником, чуть только ему заблагорассудится крикнуть: «Бей, бей!» — сможет без суда убить и полководца, и простого воина, кого только захочет, если найдутся такие, что его послушаются, как в тот раз и случилось. (29) Поглядите-ка сами, что наделали эти самоизбранные начальники. Рыночный надзиратель Зеларх, если он чинил вам обиды, уплыл безнаказанно, а если он обид не чинил, то бежал от войска в страхе, как бы его не убили беззаконно и бессудно. (30) А те, которые побии камнями послов, достигли того, что вы, единственные из греков, не сможете безопасно прийти в Керасунт, если только не ворветесь силой. И мертвых, которых раньше сами убившие предлагали похоронить, нельзя безопасно забрать, даже отправив посольство, — вот чего мы добились. Кто же захочет, убив посланцев, сам идти послом? Вот мы и просили жителей Керасунта похоронить наших убитых. (31) Если это, по-вашему, правильно, так и скажите, чтобы всякий, зная, что будет все то же, сам себя охранял и пытался найти себе надежно укрепленную стоянку. (32) А если вы считаете, что такие дела подобают диким зверям, а не людям, то постарайтесь положить им конец. Не то как будем мы приносить жертвы Зевсу и другим богам, если совершать нечестивые дела для нас радость? Как будем мы сражаться с врагами, если истребляем друг друга? (33) Какой город по-дружески нас примет, если увидит среди нас такое беззаконие? Кто осмелится дать нам товары на продажу, когда мы в самом великом обнаружим свою преступность? И если вы думаете, что все вместе вы заслужили хвалы, —

кто похвалит вас таких, как теперь? Я уверен, мы сами назвали бы негодяями всех, кто творит такое!»

(34) После этого все, кто вставал с места, говорили, что зачинщиков следует наказать, что впредь нельзя творить беззаконий, а кто их затеет, тех вести на казнь; старшим начальникам должно привлечь всех виновных к суду, суд надо учредить и над другими, кто хоть в чем-нибудь нарушил справедливость со дня смерти Кира; судьями же быть младшим начальникам. (35) И еще, по наущению Ксенофонта и по совету гадателей, решено было очистить войско, и совершили очистительный обряд.

VIII. (1) Решено было, что и старшие начальники дадут отчет за все прошедшее время. При этом Филесий и Ксантикл оказались должны двадцать мин за недочет в корабельных товарах, которые ими охранялись, а Софенет, который был избран [...] и выказал небрежность, — десять мин.

Ксенофонта тоже некоторые воины обвиняли, говоря, что он их бил, и предъявляли ему обвиненье в своеволии. (2) И Ксенофонт велел первому из говоривших сказать, где он был бит. Тот ответил: «Там, где мы погибли от стужи и был глубокий снег».

(3) А Ксенофонт сказал: «Что ж, если я в холод, о котором ты говоришь, когда еды не хватало, вина негде было и понюхать, когда многие изнемогали от трудов, а враг шел по пятам, если я в такую пору был своеволен, то согласен, что я своевольнее ослов, которые, как говорят, потому и не знают устали, что своевольны».

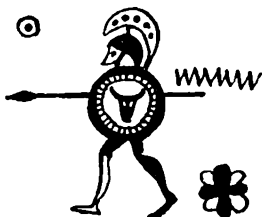
(4) Но все-таки скажи, за что я тебя побил? Может быть, я что-нибудь у тебя просил и поколотил за то, что ты мне этого не дал? Или я требовал с тебя что-нибудь назад? Или мы подрались из-за мальчиков? Или я буйствовал во хмелю?» (5) Когда обвинитель на все ответил «нет», Ксенофонт стал спрашивать у него, был ли он в рядах латников. Тот снова ответил «нет». «Или в рядах копейщиков?» Тот сказал, что нет, он, хоть и свободный, был послан товарищами погонять мула. (6) Тут Ксенофонт узнал его и спросил: «Не ты ли вез больного?» — «Я, клянусь Зевсом; это ты меня заставил, а пожитки моих товарищей разбросал». — (7) «Насчет разбрасыванья, — сказал Ксенофонт, — дело было так: я их роздал везти другим, приказав доставить ко мне, а потом, получив все в целости, отдал тебе, после того как ты мне представил того человека. А что было на самом деле, послушайте сами, — оно того стоит. (8) Один воин отстал, оттого что уж никак не мог идти. Я о нем только то и знал, что он один из наших, но заставил тебя

вести его, чтобы он не погиб: ведь, сколько я помню, за нами шли враги». Обвинитель это подтвердил. (9) «Так вот,— продолжал Ксенофонт,— я тебя послал вперед, но скоро, когда подошел с моим тыловым отрядом, застал тебя роющим яму, чтобы похоронить этого человека, и, остановившись, стал тебя хвалить. (10) Но когда мы стояли вокруг, тот человек подогнул ноги, и все бывшие там закричали, что он жив, а ты сказал: «Сколько ему угодно! Только я его не повезу». Тут я и побил тебя, твоя правда: мне показалось, что ты вроде бы знал, что он жив».— (11) «Но что же, разве он не умер после того, как я тебе его представил?»— «Так ведь и мы,— сказал Ксенофонт,— все помрем; что же, из-за этого надо нас закапывать заживо?»

(12) Тут все закричали, что мало он был бит. А Ксенофонт вселел остальным сказать, за что он колотил каждого. (13) Когда никто не встал, он сказал сам: «Я признаю, воины, что бил некоторых за неповиновенье порядку,— таких, кто только о том и заботился, чтобы сохранить жизнь благодаря нам, соблюдавшим на походе порядок и сражавшимся при первой надобности, а сам оставлял строй и забегал вперед, чтобы пограбить и за ваш счет поживиться. (14) И еще тех, кто, растомившись, не желал вставать и готов был сдать себя врагам, я бил и заставлял идти вперед. На сильном морозе я и сам как-то раз, когда долго сидел и ждал, пока другие сложат пожитки, убедился, до чего трудно встать и выпрямить колени. (15) Однажды испытал это на себе, я стал гнать и других, едва видел кого-нибудь сидящим в вялости. Ведь от движенья, от мужественного усилья появляется в нас некая теплота и гибкость, а сиденье в неподвижности — я сам видел — способствует тому, что кровь застывает и пальцы ног отмерзают,— многие из вас узнали это на себе. (16) Может быть также, если кто отставал ради того, чтобы облегчить себе путь, и мешал идти и вам, передовым, и нам, двигавшимся сзади, я бил таких кулаком, чтобы потом их не пробило вражеское копьё. (17) Теперь они, спасенные, могут меня наказать, если понесли от меня обиду вопреки справедливости; а вот окажись они в руках врагов, им пришлось бы много хуже, и потребовать за это расплаты было бы не с кого! (18) Слово мое просто: если я наказал кого-нибудь к его же благу, то согласен, что подлежу такому же наказанию, какому родители от детей и учителя от учеников; да и врачи жгут нас и режут к нашему благу. (19) А если вы считаете, будто я делал это из своеволия, сообразите вот что: ведь я теперь, благо-

даренье богам, более уверен в себе, чем тогда, и решительности во мне теперь больше, чем тогда, и вина я пью больше,— а вот бить никого не бью, потому что вижу, что для вас настало ведро. (20) А в непогоду, когда море высоко вздымается, разве вы не видели, как из-за одного движения гневается начальник гребцов на носу, гневается кормчий на корме? Ведь в такую пору малейшей оплошности хватит, чтобы все погубить. (21) Что я бил их по заслугам, вы сами подтвердили: ведь в руках у вас, когда вы там присутствовали, были не камешки для голосования, а мечи, и вы, если бы захотели, могли вступить за избываемых,— но вы, клянусь Зевсом, за них не заступились, хотя и не били со мной нарушителей порядка (22) и тем попустительствовали трусам, позволяя им своевольничать. Я думаю, если вы присмотритесь, то обнаружите, что одни и те же тогда были всех трусливей, а теперь стали всех наглее. (23) Вот фессалиец Боиск, кулачный боец: тогда он прикидывался, будто болен и не в силах нести щит, а теперь, как я слышал, обобрал многих котиоритов. (24) Будь вы в здравом уме, вы бы поступили с ними не как с собаками, а наоборот: злых собак днем привязывают, а ночью спускают с цепи, а этих вы, если сохранили здравый ум, ночью привязывайте, а днем отпускайте. (25) Но вот чему я удивляюсь: если я вызвал в ком из вас неприязнь, это вы помните и об этом не промолчите, а если я кого защитил от холода, или заслонил от неприятеля, или помог чем-нибудь в нужде и болезни, об этом никто не помнит; и о том, как я похвалил кого-нибудь за подвиг — либо почтил, чем мог, за неизменную доблесть, тоже никто не помнит. (26) А ведь и лучше, и справедливее, и честнее, и приятнее помнить добро, а не зло».

И тут многие стали вставать с места и вспоминать. Так что в конце концов все обошлось хорошо.

Книга шестая

1. (1) После этого во время стоянки одни жили купленным с рынка, другие — тем, что добывали в Пафлагонии. Но и пафлагонцы нападали на греков, больше всего па-бродивших в одиночку, а ночью пытались чинить вред стоявшим дальше от расположения войска. Потому вражда друг к другу становилась все больше.

(2) Наконец Корила, который в то время правил Пафлагонией, отправил к грекам послов с конями и красивыми одеждами, и те передали, что Корила готов не тревожить больше греков, если они его не будут тревожить. (3) Начальники ответили, что посоветуются об этом с войском, но приняли послов радушно; призвали также и тех, кого сочли самыми достойными. (4) Заклав в жертву захваченных у неприятеля быков и другой скот, приготовили нир па всех и, возлегши на скамьях, стали пировать и пить из роговых кубков, которые в ходу в том краю. (5) После возлияний и пения пеана первыми встали фракийцы и под флейту стали плясать с оружием: они подпрыгивали высоко и легко и размахивали мечами, и наконец один поразил другого, так что всем показалось, будто он его заколол,— с таким искусством тот упал. (6) Пафлагонцы вскрикнули, а фракиец снял с упавшего доспех и вышел, распевая о Ситалке, между тем как другие вынесли якобы убитого, с которым на самом деле ничего не случилось.

(7) После этого встали энианцы и магнесийцы, которые проплясали с оружием танец, называемый «танцем урожая». (8) Пляшут его таким образом: некто, положив оружие, сеет и гонит

подъяремных быков, часто оглядываясь, будто в страхе, а разбойник к нему подкрадывается. Первый, заметив его, хватается за оружие и выходит навстречу и бьется за свою упряжку. И в тот день плясуны мерно проделывали все это под флейту. Наконец разбойник связывает сеятеля и уводит быков, а иногда и сеятель одолевает разбойника, запрягает его заодно с быками, связав ему руки за спиной, и гонит перед собою.

(9) Потом вышел мисиец, держа в каждой руке по щиту, и плясал, то изображая, будто отбивается от двух противников, то выставляя оба щита как бы против одного врага, то вертясь с ними и кувыркаясь; так он показал всем очень красивое зрелище. (10) Под конец он сплясал персидский танец, приседая и снова вставая, и все это мерно под флейту.

(11) После него встали мантинейцы и еще кое-кто из аркадцев, в самом красивом вооруженье, какое они могли надеть, и в такт воинственного танца мерно плясали под флейту и пели песню, точно как на торжественных шествиях к святилищам богов. При виде всего этого пафлагонцам показалось странным, что каждый танец пляшется с оружием. (12) Тогда мисиец, увидев их изумление, уговорил одного аркадца, державшего танцовщицу, привел ее, убрав как можно красивее и дав ей в руки легкий щит. И она ловко проплясала пирриху. (13) Потом долго хлопали, и пафлагонцы спросили греков, неужели женщины сражаются вместе с ними. И те сказали, что женщины-то и заставили царя бежать из греческого стана. Так кончилась эта ночь.

(14) Наутро послы вывели к войску, и воины решили не тревожить пафлагонцев, чтобы те их тоже не тревожили. После этого послы ушли, а греки, сочтя, что кораблей достаточно, сели на них и весь день и всю ночь плыли с благоприятным ветром, имея Пафлагонию по левому борту. (15) На другой день прибыли в Синопу и причалили в Армине, синопской гавани. Синопяне живут в краю пафлагонцев, а сами они выходцы из Милета. Как дар гостеприимства они послали грекам три тысячи медимнов муки и полторы тысячи кувшинов вина.

Туда же приплыл Хейрисоф с трехрядными судами. (16) Воины рассчитывали, что он им что-нибудь привезет, но он не привез ничего и только передал, что и начальник флота Анаксибий, и все прочие их восхваляют и что Анаксибий сулит им плату, если они выйдут из Понта. (17) В Армине воины оставались пять дней.

Так как всем казалось, что Греция уже близко, им чаще чем прежде стало приходиться на ум, как бы вернуться домой, нажив хоть что-нибудь. (18) И так они стали думать, что если избран будет один полководец, то одному легче, чем при многоначалии, удастся управлять войском и днем и ночью, и если понадобится что скрыть, он легче утаит это, а что понадобится сделать поскорее, с тем он вернее не замешкается: ведь больше не нужны будут разговоры друг с другом, а что решит один, то все выполнят, между тем как прежде начальники все делали большинством голосов. (19) Соображая все это, они имели в виду Ксенофонта. И младшие начальники, явившись к нему, сказали, что думает войско, и каждый, выказывая свою приязнь, уговаривал его принять власть. (20) А Ксенофонт и хотел этого, полагая, что так и у друзей он будет в большем почете, и на родину придет его громкая слава, и войску иногда он сможет быть полезен. (21) Такие мысли порождали в нем желание стать самовластным правителем. Но тут же он становился в тупик, когда думал о том, что ни один человек не всдаст, как все обернется в будущем, и по этой причине можно и добытой славы лишиться. (22) И вот, не зная, как тут рассудить, он счел за лучшее спросить совета у богов. Приведя к алтарю две жертвы, он заклал их во имя Зевса Царствующего, как было предуказано ему в Дельфах; да и сон свой, который Ксенофонт видел, когда впервые принял на себя вместе с другими заботу о войске, он считал посланным от того же бога. (23) И еще он вспомнил, что когда отправлялся из Эфеса, чтобы выйти с Киром в поход, справа закричал орел,— но орел этот сидел; и сопровождавший Ксенофонта гадатель сказал, что это великое знаменье, простым смертным не являемое, и сулит оно и славу, и тяготы: ведь итицы больше всего нападают на орла, когда он сидит; а богатства это знаменье не предвещает: ведь орел чаще всего хватает корм на лету. (24) И когда Ксенофонт принес жертвы, бог ясно указал ему, что он не должен ни домогаться власти, ни принимать ее, если его изберут. А дальше дело было так.

(25) Войско собралось, и все требовали избрать одного. Когда это было решено, предложили Ксенофонта. И едва только стало ясно, что его изберут, если дойдет до голосования, он встал и сказал: (26) «Я счастлив, что вы, друзья, так меня почитаете,— ведь я тоже человек; и я благодарю вас и молю богов, чтобы они дали мне хоть в чем-то послужить вам на благо. Но если вы при избрании отдадите предпочтение мне, когда среди нас есть лакедемонянин,

то и для вас, я полагаю, пользы от такого выбора не будет,— ведь тогда, что бы вам ни понадобилось, труднее будет получить это от лаконцев,— и для меня, как я думаю, он окажется не так уж безопасен. (27) Ведь я видел, что и с моим родным городом они перестали воевать не раньше, чем заставили всех граждан признать верховенство лакедемонян. (28) И как только это было признано, они прекратили войну и больше не осаждали города. Если я, видев все это, дам повод думать, будто при первой же возможности стремлюсь унижить их достоинство, то не сомневаюсь, что меня весьма скоро проучат за это. (29) И коль скоро вы имеете в виду, что при одном полководце будет меньше раздоров, чем при многих, то не сомневайтесь, что когда вы выберете другого, во мне вы зачинщика раздора не найдете: я считаю, что всякий, затевающий вражду с полководцем в военное время, есть враг собственному спасенью. А если вы изберете меня, то ничего удивительного не будет в том, что некоторые из вас и меня возненавидят».

(30) Когда он так сказал, встало еще больше воинов, говоривших, что он должен принять власть. Агасий стимфалиец сказал, что если дело так обстоит, то это смешно: «Разве лакедемоняне сердятся, если собравшиеся на пир выбирают распорядителем застолья не лакедемонянина? Если все это так, то, по-видимому, нам, аркадцам, нельзя быть и младшими начальниками». И все зашумели, одобряя слова Агасия.

(31) А Ксенофонт, увидев, что нужны более веские доводы, вышел вперед и сказал: «Друзья, узнайте всё! Я клянусь вам всеми богами и богинями, что, узнав ваше мнение, я, со своей стороны, стал гадать по жертвам, хорошо ли для вас вручить мне такую власть, а для меня — принять ее. И боги доказали мне через жертвы так ясно, что и пеносвященный это понял бы: мне не следует брать единоличную власть».

(32) Таким образом избран был Хейрисоф. И он, после избрания, вышел вперед и сказал: «Знайте, воины, что и я бы не стал затевать раздора, если бы вы избрали другого. Но Ксенофонту на пользу то, что вы его не выбрали: дело в том, что Дексини, как мог, наклеветал на него Анаксибию, хоть я и всячески заставлял его молчать. Он утверждал, будто знает наверняка, что, мол, Ксенофонт предпочел бы разделить власть над Клеарховым войском с дарданцем Тимасионом, чем со мною, лакедемонянином. (33) Но уж поскольку вы избрали меня, то и я постараюсь, в чем только смогу, служить вашему благу. А вы приготовьтесь так, чтобы завтра от-

чалить, если погода позволит плыть. Поплывем мы в Гераклею: нужно постараться, чтобы все прибыли туда, а об остальном мы посоветуемся, когда туда придем».

II. (1) Отчалив на следующий день, греки два дня плыли с попутным ветром вдоль берегов и после этого плаванья прибыли в греческий город Гераклею, населенный выходцами из Мегар и расположенный в стране мариандинов. (2) Там причалили к Ахерусийскому полуострову, откуда, как говорят, Геракл спускался за псом Кербером и где теперь еще показывают в доказательство его нисхожденья пропасть глубиною больше двух стадиев. (3) Гераклеоты послали грекам как дар гостеприимства три тысячи медуимов муки, две тысячи кувшинов вина, двадцать быков и сто баранов. Там по равнине протекает река Лик шириною в два плефра.

(4) Воины, собравшись, стали совещаться, как двигаться от Понта: проплыть ли остаток пути по морю или пройти по суше. Встал ахейянин Ликон и сказал: «Удивляюсь я, воины, нашим начальникам: почему они даже не пытаются снабдить нас продовольствием. Ведь присланным в дар войско и трех дней не прокормится, а добыть припасы на дорогу негде. (5) По-моему, нужно потребовать у гераклеотов не меньше чем три тысячи кизикских золотых», — но тут кто-то другой сказал, что не меньше десяти тысяч, — «а для этого выбрать послов и сразу же, не распуская соборанья, отправить их в город, узнать, что нам ответят, и в зависимости от этого посоветоваться о дальнейшем». (6) Первым в посольство был предложен Хейрисоф, избранный недавно полководцем; предлагали также и Ксенофонта. Но они изо всех сил этому воспротивились: оба считали, что нельзя вынуждать греческий и к тому же дружественный город давать что-нибудь против воли. (7) Ввиду явного их нежеланья послали ахейянина Ликона, паррасийца Каллимаха и стимфалийца Агасия. Они, придя в город, передали решение войска, и говорят, что Ликон даже угрожал гераклеотам, если те его не выполнят. (8) Выслушав, они сказали, что посоветуются, а сами тем временем свезли из сельской местности все свое добро, запасли в городе товаров и заперли ворота, а на стенах показались вооруженные воины.

(9) После этого зачинщики смуты стали обвинять старших начальников в том, что они, мол, загубили все дело. Аркадцы и ахейяне сошлись на сходку, причем главари у них были парраспеец Каллимах и ахейянин Ликон. (10) Между собой они говорили, что

стыдно им, пелопоннесцам и лакедемонянам, быть под началом у афинянина, который не привел в войско ни единого человека, и получать на долю все труды, меж тем как выгоды достаются другим,— и это при том, что всех спасают они, ибо они, аркадцы и ахеяне, были всеобщими спасителями, а остальное войско ничего не стоит (и вправду, ахеян и аркадцев было в войске больше половины). (11) И если они в здравом уме, то надо им отделиться и, выбрав начальников, двигаться дальше самим по себе, стараясь хоть чем-нибудь разжиться. (12) Так и было решено; и те аркадцы и ахеяне, которые были у Хейрисофа и у Ксенофонта, покинули их и выбрали собственных начальников, числом десять, постановив, чтобы они делали все, что решат большинством голосов. Так власть Хейрисофа над всем войском была упразднена на шестой или седьмой день после его избрания.

(13) Ксенофонт все же хотел проделать путь заодно с ними, полагая, что так двигаться безопасней, чем каждому в одиночку. Но Неон убедил его идти отдельно, так как он слышал от Хейрисофа, что наместник Византия Клеандр обещал привести корабли в залив Кальпа; (14) и чтобы никто этих судов не перехватил, а отплыли они сами со своими воинами, для того Неон и подавал такой совет. И Хейрисоф, пав духом из-за того, что случилось, и возненавидев войско, предоставил ему делать все, что хочет. (15) Ксенофонт задумал было отплыть один, бросив войско; но когда он принес жертву Гераклу Путеводному, вопрошая его, что лучше и выгоднее: идти ли походом вместе с оставшимися воинами либо отделиться от них,— бог через жертвы указал, что нужно идти с войском. (16) Так из одного войска стало три: аркадцев с ахеянами, сплошь латников, больше четырех тысяч, у Хейрисофа — до тысячи четырехсот латников и до семисот конейщиков, Клеарховых фракийцев, и у Ксенофонта — до тысячи семисот латников и до трехсот конейщиков; а конница была только у него одного, около сорока всадников.

(17) Аркадцы, вытребовав у гераклеотов корабли, отплыли первыми, чтобы, внезапно напав на вифинян, захватить побольше добычи; они вышли на берег в заливе Кальпа, в самом сердце Фракии. (18) Хейрисоф вскоре двинулся из города гераклеотов и пешком прошел через их область, а когда вторгся во Фракию, шел вдоль побережья; он уже был болен. (19) Ксенофонт, раздобыв суда, высадился на границе Фракии и области гераклеотов и пошел напрямик по суше.

III. (2) Вот что делала каждая из частей войска. Аркадцы ночью ушли от залива Кальпы и направились к ближайшим деревням, стадиях в тридцати от моря. Когда рассвело, каждый из начальников повел свой отряд на деревню, а на те из них, что казались больше, начальник вел по два отряда. (3) Перед этим договорились, на каком холме всем собираться; и так как налет был внезапным, много людей взяли в рабство и захватили много скота. (4) Однако разбежавшиеся было фракийцы собрались (легковооруженные, они во множестве сумели убежать из-под рук у тяжелооруженных греков). А собравшись, они первым делом напали на отряд Смикрета, одного из аркадских начальников, отходивший уже с обильной добычей к условленному месту. (5) До поры греки сражались на ходу, но при переходе через овраг противник обратил их в бегство; Смикрет погиб, а с ним и все остальные. А от другого отряда из тех, что повели десятеро начальников, — отряда Гегесандра — осталось всего восемь человек; спасся и сам Гегесандр.

(6) Остальные отряды соединились, одни — испытав трудности, другие — без труда. А фракийцы, достигнув такого успеха, стали переключаться друг с другом, и за ночь их собралось множество. С рассветом они окружили холм, на котором расположились греки, и так как у них было много копейщиков и конных и с каждым часом их стекалось все больше, они без всякой опасности для себя нападали на греческих латников. (7) Ведь у греков не было ни одного лучника, ни одного метателя дротиков или всадника, а противники, подбегая и подъезжая верхом, забрасывали их копьями; если же греки сами шли на врагов, те легко разбегались, а другие налетали с другой стороны. (8) У греков было много раненых, у фракийцев — ни одного. Сдвинуться с места греки не могли, и в конце концов фракийцы отрезали их от воды. (9) Оказавшись в безвыходном положении, греки начали переговоры о перемирии; договорились обо всем, но фракийцы, вопреки требованию греков, не дали заложников, и дальше этого не пошло. Так обстояли дела у аркадцев.

(10) Хейрисоф, благополучно пройдя вдоль побережья, прибыл в залив Кальпу.

У Ксенофонта, шедшего напрямик через сушу, всадники, опередив остальных, повстречали послов, которые направлялись куда-то. Когда их доставили к Ксенофонту, он спросил, не знают ли они чего о другом войске, тоже греческом. (11) Те рассказали

обо всем происшедшем и добавили, что сейчас оно осаждено на холме, а фракийцы окружили его со всех сторон. Ксенофонт тотчас же передал этих людей под стражу, чтобы они служили, когда понадобится, проводниками, выставил десять дозорных, а остальных воинов созвал на собрание и сказал: (12) «Воины! Аркадцы одни убиты, другие осаждены на каком-то холме. Я уверен, что если они погибнут, то и для нас нет спасения, — так много вокруг врагов и так они осмелели. (13) Самое лучшее для нас — поскорее помочь тем людям: если они еще живы, мы станем сражаться вместе с ними и не будем, оставшись одни, одни принимать всю опасность. (14) Нам ведь отсюда спастись некуда: далек путь назад в Гераклею, далек и вперед, в Хрисополь, а враг близко. Идти до залива Кальпы, где, как видно, сейчас находится Хейрисоф — если только он невредим, — совсем близко, но там нет кораблей, чтобы нам отплыть, а если мы там останемся, у нас не будет продовольствия и на один день. (15) Если осажденные погибнут, то нам труднее будет одолевать опасности с одними только людьми Хейрисофа, так что лучше, чтобы они спаслись и мы все вновь собрались воедино, и заодно нашли путь к спасению. Так наберемся решимости и двинемся в путь, чтобы сегодня или погибнуть со славой, или совершить прекраснейший подвиг, спасши жизнь стольким грекам. (16) Быть может, это бог ведет все к тому, чтобы похвалявшихся и спесивых унижить, а нас, ничего не делающих без изволения богов, поставить в общем мнении выше них. Идите же следом и думайте о том, как бы лучше выполнять приказы. (17) Остановимся мы только тогда, когда довольно продвинемся и решим, что пора поесть; а пока мы будем идти, пусть Тимасион со всадниками проседет вперед дозором, чтобы ничего от нас не укрылось, но и нас пусть не теряет из виду». (18) Сказав это, он повел воинов. (19) А самых проворных из легковооруженных он разослал вправо и влево и на вершины холмов, чтобы они подали знак, едва что-нибудь заметят, и приказал им жечь все, что им попадается горючего. (20) И всадники, рассеявшись, насколько возможно было это сделать безопасно, жгли все, и копейщики, двигаясь вровень с войском по высотам, жгли все, что только видели горючего, и само войско сжигало то, что находило нетронутым, и казалось, будто вся страна полыхает, а войско движется огромное. (21) Когда пришло время, разбили стан, перейдя на холм; оттуда увидели вражеские костры на расстоянии примерно сорока стадиев и сами разожгли как можно больше костров. (22)

Когда войско наскоро поужинало, передан был приказ загасить все костры. Ночь проспали, выставив караулы, а с рассветом, помолвившись богам, построились в боевой порядок и выступили, ускорив как могли шаг. (22) А Тимасион со своими всадниками, взяв проводников, ускакал вперед и, сам не зная как, очутился на холме, на котором были осаждены греки. Здесь он не увидел ни вражеского, ни союзного войска, а только несколько старух и стариков и брошенных быков и овец. (23) Сперва все были в недоуменье, что же произошло, потом у оставшихся на холме выспросили, что фракийцы сразу же, как стемнело, отошли, а с рассветом ушли и греки, но куда, они не знали. (24) Люди Ксенофонта, когда об этом услышали, после завтрака собрали поклажу и выступили, желая поскорее соединиться с остальными у залива Кальпы. На дороге они заметили следы аркадцев и ахейцев, а прибыв на место, увидели их там и на радостях стали обнимать друг друга как братья. (25) Аркадцы стали спрашивать у Ксенофонта, почему загасили костры. «Мы думали сначала,— говорили они,— что если не видно костров, значит, вы ночью пошли на врага; и сами враги, боясь, как мы полагаем того же, отошли: ведь они снялись с места почти в тот же час. (26) Но вас все не было, а время вышло, и мы подумали, что вы, узнав о наших обстоятельствах, испугались и отступили в сторону моря, и сами решили от вас не отстать. Так что и мы направили путь сюда же».

IV. (1) Этот день провели на самом берегу у залива. Местность эта, которая зовется заливом Кальпы, находится в Азиатской Фракии, а сама Фракия простирается от устья Понта вплоть до Гераклеи, направо от плывущего в Понт. (2) Трехрядный корабль может доплыть от Византия до Гераклеи за один долгий день. Между этими городами другого греческого или союзного города нет, а живут вифинские фракийцы, про которых говорят, что если буря занесет к ним грека или еще как-нибудь он к ним попадет, то обрадуются они с ним с крайней жестокостью. (3) А залив Кальпы лежит посредине, откуда бы ни плыть — из Гераклеи или из Византия. Там суша выдается в море, и та часть, что лежит среди моря,— это обрывистая скала, в самом низком месте высотой не меньше двадцати сажень, а полоска земли, ведущая на материк,— шириною самое большее в четыре плефры; но на этой полоске места хватит, чтобы поселить десять тысяч человек. (4) Залив лежит под самой скалою, берег его глядит на запад. У самого моря бьет неиссякаемый источник пресной воды, над ним

господствует скалистый мыс. И тут же, над самым морем, растет множество деревьев, и больше всего там корабельного леса. (5) Гора заходит и на материк не меньше чем на двадцать стадиев; вся она — чистая земля без камней; а берег моря больше чем на двадцать стадиев порос густыми и большими деревьями разных пород. (6) Вся эта местность красива и просторна, в ней немало многолюдных деревень. Земля там родит и ячмень, и пшеницу, и разные овощи, и просо, и кунжут, и довольно смокв, и много винограда со сладким соком, и все прочее, кроме оливок.

(7) Такова была эта местность. Греки разбили стан на побережье у самого моря, так как на местах, годных для постройки города, воины располагаться не хотели. Да и тут оказалось, будто пришли сюда по злому умыслу некоторых, желавших основать город. (8) Ведь большая часть воинов отплыла не из-за скудной жизни, ради платы, а прослышав о доблести Кира, и одни привели с собою людей, другие потратили даже собственные деньги; иные сбежали от отца и матери, иные оставили детей, чтобы вернуться к ним, накопив денег, — они все слышали, что у Кира многие находили в изобилии всякие блага. И коль скоро они таковы, то и желанье у них одно: вернуться в Грецию.

(9) На другой день после встречи Ксенофонт принес жертву, вопрошая о том, можно ли уходить: ведь необходимо было отправиться за продовольствием, и, кроме того, он задумал схоронить убитых. Когда жертвы оказались благоприятны, за ним последовали и аркадцы, и большую часть убитых похоронили там, где кто пал, так как пошел уже пятый день и поднять трупы было невозможно. А некоторых, подобранных по дорогам, погребли вместе и устроили самые прекрасные похороны, какие возможны были на ту пору. Тем, кого не нашли, поставили пустую гробницу и возложили на нее венки. (10) Сделав это, возвратились в свой стан и, поевши, легли спать. Наутро все воины собрались; созывали их настойчивей всех младшие начальники Агасий из Стимфалы и Гиероним из Элеи, а также самые старые из аркадцев. (11) И было принято постановление: кто впредь задумает расколоть войско, того покарать смертью; уходить сушей в том же порядке, в каком войско шло раньше; управлять им должны прежние старшие начальники. Только Хейрисоф тогда уже скончался, выпив лекарство во время лихорадки; и его место занял Неон из Асины.

(12) После этого встал Ксенофонт и сказал: «Воины! Вам всем ясно, что идти, конечно, придется пешком: кораблей у нас нет. И выступать надо немедленно; продовольствия у нас не осталось. Мы сейчас принесем жертвы, а вы собирайтесь и будьте готовы сражаться чаще, чем когда-либо раньше: ведь враги осмелели».

(13) После этого старшие начальники принесли жертвы; гадалем был при них аркадец Арексион, потому что Силан из Амбраккии еще раньше бежал, наняв в Гераклею корабль. Гадали по жертвам о выступлении, но знаменья оказались неблагоприятны, так что в тот день с места не снимались. (14) А некоторым хватило дерзости говорить, будто это Ксенофонт, желая основать здесь город, убедил гадалеля сказать, что жертвы не благоприятствуют выступлению. (15) Тогда он объявил через глашатая, чтобы завтра каждый желающий явился к жертвоприношению, а гадалелей, если такие найдутся, пригласил самих взглянуть на жертвы. И когда он приносил жертву, многие присутствовали. (16) До трех раз, заклад жертвы, вопрошали, можно ли выступать, и трижды гаданья были неблагоприятны. Воины тогда стали негодовать: ведь запасы, принесенные с собой, вышли, а купить продовольствие было негде.

(17) И когда они собрались, Ксенофонт снова к ним обратился: «Воины, как вы видите, нашему выступлению жертвы не благоприятствуют, а продовольствия, я вижу, у вас нет. Вот об этом, я думаю, нам и нужно спросить, заклад жертвы». (18) Тут кто-то встал и сказал: «Ничего удивительного, что жертвы нам не благоприятствуют: вчера, когда случайно заплыл сюда корабль, я слышал от одного человека, будто Клеандр, наместник Византии, собирается сюда прибыть с военными и грузовыми судами». (19) По этой причине все решили ждать. Но за продовольствием нельзя было не пойти. Об этом снова до трех раз гадали по жертвам, но жертвы все были неблагоприятны. А люди уже приходили к палатке Ксенофонта и говорили, что у них нет продовольствия. Но он не согласен был вести их при неблагоприятных жертвах.

(20) На другой день опять принесены были жертвы, и почти все войско окружило закланных животных, потому что дело касалось всех. Жертв уже не хватало. Но старшие начальники войска не повели, а созвали сходку. (21) Говорил Ксенофонт: «Быть может, враги уже собрались, и необходимо сражаться. Если мы, оставив поклажу в укрепленном месте, выйдем, снарядившись как

для боя, то, может быть, и жертвы нам выпадут благоприятные». (22) Услышав это, воины закричали, что не надо ничего нести в укрепленное место, а надо поскорее принести жертву. Овец уже нигде не было; тогда купили быка, возившего повозку, и заклали его. Ксенофонт попросил аркадца Клеанора принести эту жертву вместо него: а вдруг в этом дело? Но опять жертва была неблагоприятна.

(23) А Неон, заместивший Хейрисофа, видя, как плохо приходится людям в такой нужде, и желая угодить им, отыскал где-то некоего гераклеота, по чьим словам неподалеку были деревни, где можно добыть продовольствия, и через глашатая созвал всех жаждущих идти под его началом за продовольствием. С ним выступило около двух тысяч человек, вооружившись дротиками и запасшись бурдюками, мешками и прочей утварью. (24) Когда они достигли деревень и рассыпались в поисках добычи, на них напала сперва конница Фарнабаза, прибывшая на помощь вифинянам, чтобы вместе с ними, если удастся, не дать грекам войти во Фригию. Всадники Фарнабаза перебили не меньше пятисот человек, а остальные бежали на гору. (25) Потом кто-то из беглецов принес известие об этом в греческий стан. И Ксенофонт, у которого не было на тот день жертвенного животного, выпряг из повозки быка и заклал его, за неимением других животных; после этого он пошел на выручку, взяв всех воинов младше тридцати лет. (26) Забрав с собой уцелевших, они вернулись в свой стан. Солнце уже садилось, и греки, павшие духом, ужинали, когда вифиняне, подкравшись через кустарник, напали на сторожевых и одних убили, а за другими гнались до самого стана. (27) Поднялся крик, все бросились к оружию, но преследовать врагов и сниматься со стоянки среди ночи было сочтено небезопасным: ведь местность была лесистая; поэтому ту ночь провели под оружием, выставив усиленные караулы.

V. (1) Так прошла ночь, а на рассвете начальники повели войско в укрепленное место, и оно шло за ними, забрав оружие и поклажу. Еще время завтрака не наступило, а они уже выкопали ров в том месте, где был проход к их расположению, и воздвигли частокол, оставив в нем только трое ворот. А из Гераклеи приплыл корабль и привез муку, убойный скот и вино. (2) Поднявшись очень рано, Ксенофонт принес жертву, вопрошая о выступлении в путь, и с первого же закланья она оказалась благоприятной. Жертвоприношение уже шло к концу, когда гадатель

Арексий из Паррасии увидел орла, предвещавшего удачу, и приказал Ксенофону вести войско. (3) Перейдя ров, воины остановились, и им через глашатая объявили приказ позавтракать и выступить с оружием, а нестроевым и рабам оставаться на месте. (4) Выступили все, кроме Неона; решено было, что лучше оставить его стеречь стан. А когда подчиненные ему младшие начальники и воины покинули его, стыдясь не выйти в поход со всеми, ему оставили людей старше сорока пяти. Они и остались, а все прочие выступили. (5) Не пройдя и пятнадцати стадиев, нашли убитых. Тогда отправили в тыл людей с той стороны, где заметили первых убитых, и они похоронили всех, кого нашли. (6) Похоронив первых, пошли дальше, но едва видели непогребенные трупы, посылали людей в тыл и таким образом погребли всех, кого войско подобрало. А когда пришли на дорогу, что вела из деревень, и убитые лежали там кучами, их похоронили всех вместе.

(7) День уже перевалил за половину, и войско, оставив позади деревни, стало запасать продовольствие, забирая все, что попадалось на глаза, но не отходя от строя. Тут вдруг увидели противника: его многочисленная конница и пехота, перевалив через холмы, шла навстречу грекам сомкнутым строем. Это Спитридат и Ратин пришли с войском от Фарнабаза. (8) Враги, увидев греков, остановились примерно в пятнадцати стадиях от них. Тут Арексий сейчас же принес жертву, и она с первого раза оказалась благоприятной. (9) Тогда Ксенофонт сказал старшим начальникам: «Помою, нужно поставить позади главного строя запасные отряды, чтобы они при надобности помогли главным силам и чтобы враги, когда строй их рассыпется, натолкнутся на сохранивших порядок и силы воинов». Все с ним согласилось. (10) «Вы,— продолжал он,— ведите людей навстречу врагу,— ведь нам нельзя останавливаться, после того как и противник нас увидел, и мы его,— а я вернусь, когда выделю тыловые отряды, как вы это решили». (11) После этого они, не торопясь, пошли вперед, а он, отделив три последних отряда по двести человек, один из них повернул направо, чтобы тот шел сзади, отставая на плэфр, под началом ахеянина Самола; другой отряд должен был отдельно от первого следовать за серединой под началом аркадца Пиррия, а еще один — за левым крылом, во главе с афинянином Фрасием.

(12) Пройдя немного, передовые оказались на краю большого непроходимого оврага и остановились, недоумевая, переходить ли

им через овраг. Старшим и младшим начальникам передали по рядам, чтобы они подошли к передовым. (13) И Ксенофонт, удивившись, что за остановка, а потом услышав переданное по рядам, быстрее поскакал вперед. Когда начальники собрались, Софенет, самый старый из них, сказал, что незачем даже и совещаться о том, переходить ли такой овраг. (14) А Ксенофонт поспешил перебить его и сказал: «Вы знаете, что я ни разу не удружил вам, по доброй воле поставив вас под удар; и нужно вам, как я вижу, не заслужить хвалы вашей храбрости, а спастись. (15) Но дело сейчас обстоит так: без боя нам отсюда не уйти, потому что, если мы не нападём на врага и отойдем, он погонится за нами и нападёт сзади. (16) Взгляните же, что лучше: идти на них, выставив щиты, или забросить щиты за спину и смотреть, как они идут на нас с тыла. (17) Знайте также, что в отступление никакой доблести нет, а вот преследовать врага — это и трусам придает храбрости. Для меня лучше гнать врага, имея вдвое меньше воинов, чем отступать со вдвое большим их числом. Да и врагов я знаю: если мы пойдем на них, вы сами не рассчитываете, что они примут бой, если же отойдем, то вам самим известно, что они осмелятся за нами погнаться. (18) А если мы переправимся и у нас, готовых сражаться, сзади окажется непроходимый овраг, — разве не стоит этим немедленно воспользоваться? Я бы хотел, чтобы нашим врагам путь к отступлению казался гладким, а нам пусть сама местность указывает, что для нас нет другого спасенья, кроме победы. (19) Как нам пересечь равнину, если мы не победим конницу? Как перейти через горы, если за нами будет идти столько копейщиков? Удивляюсь к тому же: почему этот овраг вы считаете страшнее всех мест, пройденных нами? (20) Пусть мы даже благополучно отступим к морю, — разве сам Понт не огромный овраг? Там нет ни кораблей, чтобы нас увести, ни хлеба, чтобы прокормиться, оставаясь на месте, и чем скорее мы там окажемся, тем скорее придется вновь выступить за продовольствием. (21) Не лучше ли сегодня сразиться на сытый желудок, чем завтра натощак? Друзья, жертвы для нас благоприятны, внутренности их прекрасны, птицы сулят удачу. Так пойдем же на врага! Нельзя, чтобы эти люди, уже увидев нас, могли на славу поесть и расположиться, где им угодно!»

(22) Тогда младшие начальники велели Ксенофону вести войско, и никто не сказал ни слова против. Он и повел его, приказав переходить овраг там, где кто был: ведь переправляясь всё вместе, войско, как он полагал, скорее окажется по ту сторону оврага, чем

перебираясь по мосту, переброшенному через овраг. (23) Когда все перешли, он стал объезжать строй, говоря: «Воины, вспомните, сколько сражений вы, с помощью богов, выиграли, наступая на врага, и как плохо приходится бегущим от противника! Подумайте и о том, что мы уже в преддверье Греции! (24) Так идите же вслед Гераклу Путеводному и окликайте друг друга по именам! Ведь отрадно, чтобы память о нынешних наших отважных и прекрасных словах и делах осталась среди тех, кто нам дорог!»

(25) Все это он говорил, объезжая строй латников, и понемногу вел его вперед, на врагов, разместив копейщиков по обе стороны. Приказано было держать копьа на правом плече, пока не будет сигнала трубы, а потом взять их наизготовку и идти шагом, ни в коем случае не переходя на бег. Потом был передан пароль: «Зевс Спаситель, Геракл Путеводный». А враги ждали, считая, что заняли удачное место. (26) Когда греки приблизились к ним и издали воинственный клич, копейщики, не дождавшись приказа, бросились бегом на противника, который тоже двинул им навстречу конницу и толпу вифинян; они и обратили копейщиков в бегство. (27) Но когда быстрым шагом вышел навстречу сомкнутой строй латников, когда раздался звук трубы, и пение пеана, и воинственный клич, когда все сразу взяли копьа наизготовку, тогда враги бежали, не приняв боя. (28) Тимасион со всадниками пустился вдогонку, и они перебили столько врагов, сколько смогли по своей малочисленности. Левое крыло противника, против которого мчались греческие всадники, немедля рассеялось, а правое, не испытывавшее сильного натиска, остановилось на холме. (29) Когда греки увидели, что враги там задержались, то решили, что всего легче и безопасней идти на них немедля. И тотчас же с пением пеана напали на врага, который не устоял, а потом копейщики гнали его, пока и правое крыло не рассеялось. Впрочем, убитых было мало: воинов пугала вражеская конница, весьма многочисленная. (30) Греки, когда увидели, что конница Фарнабаза стоит твердо, а к ней собираются вифинские всадники и что враг смотрит с какого-то холма на все происходящее, решили, хоть и изнемогали уже, что нужно изо всех оставшихся сил ударить и на них, чтобы у них не было передышки и они вновь не осмелели. (31) Сомкнув строй, войско двинулось вперед. Но тут вражеская конница пустилась в бегство вниз по склону, словно ее гнали всадники, и скрылась в овраге, о котором греки не знали. Тогда преследовавшие воз-

вратились назад, так как час был поздний. (32) Вернувшись к месту первой стычки, воздвигли там трофей и на закате вернулись к морю: пути до греческого стана было стадиев шестьдесят.

VI. (1) После этого враги занялись своими делами, уводя домашних и увозя добро как можно дальше, а греки стали ждать Клеандра с военными и грузовыми судами. Каждый день они, ничего не опасаясь, делали вылазки, ведя вьючный скот и рабов, и приносили пшеницу, ячмень, овощи, вино, просо, смоквы: ведь в той стране есть все, кроме оливок. (2) Когда войско оставалось на месте и отдыхало, разрешалось выходить на добычу, и получали ее сами вышедшие, а когда делало вылазку все войско, тогда даже захваченное ходившими отдельно решено было считать общим достоянием. (3) Всего было в изобилии: отовсюду из греческих городов доставлялись товары на продажу, а проплывавшие мимо охотно причаливали, прослышав, что тут закладывают город и есть гавань. (4) И жившие по соседству враги уже посылали к Ксенофону людей, прослышав, что он основывает город, и спрашивали, что им сделать, чтобы стать ему союзниками. А он представлял их воинам.

(5) В это время прибыл Клеандр с двумя трехрядными кораблями, но без единого грузового. Случилось так, что войска не было в стане, когда он приплыл, а кто-то из вышедших на добычу в горы захватил много овец. Горюя, что отара будет отнята, эти люди предложили Дексиппу, сбежавшему из Трапезунта на пятидесятивесельном судне, сберечь для них овец, а потом часть взять себе, часть вернуть им. (6) Дексипп немедля разгоняет тех из обступивших его воинов, которые говорят, что овцы принадлежат всем, а Клеандру жалуется, что его пытались ограбить. И Клеандр приказывает привести к нему грабителя. (7) Дексипп, схватив первого встречного, ведет его. Но очутившийся тут же Агасий отбивает схваченного, потому что тот был из его отряда. И другие оказавшиеся при этом воины начинают бросать в Дексиппа камнями, обзывая его изменником. Многие из прибывших на кораблях в испуге бежали к морю, и сам Клеандр тоже бежал. (8) Тут вмешался Ксенофонт и другие старшие начальники, и Клеандру сказали, что дело это пустое и всему причиною постановление войска. (9) Но Клеандр, подстрекаемый Дексиппом и досадуя на собственный испуг, сказал, что он отплывает и объявит всем греческим городам, чтобы те не пускали их к себе как врагов. Ведь тогда лакедемоняне главенствовали над всеми греками. (10) Тут дело показалось гре-

кам весьма скверным, они испугались, как бы он не сделал по-своему. А Клеандр говорил, что так оно и будет, если ему не выдают зачинщика, начавшего бросать камни, и того, кто отбил схваченного. (11) И выходило, что требует он Агасия, во всем бывшего другом Ксенофону (по этой причине Дексипп его и оклеветал).

Оказавшись в таком затруднении, начальники собрали войско. Некоторые ни во что не ставили Клеандра, но Ксенофону дело не казалось пустячным, и он встал и сказал: (12) «Воины, дело вовсе не кажется мне пустячным, если Клеандр, составив о нас такое мнение, уедет, как сам говорит. Ведь греческие города близко, а в Греции всеми верховодят лакедемоняне; даже один лакедемонянин может добиться, чего хочет, в любом городе. (13) Если он сперва не пустит нас в Византий, потом прикажет другим наместникам не допускать нас в города как непокорных лакедемонянам и не ведающих закона и наконец перескажет все эти рассказы о нас начальнику флота Анаксибию, нам нелегко будет и уплыть, и остаться: ведь в нынешние времена лакедемоняне властвуют и на суше, и на море. (14) Нельзя, чтобы из-за одного или из-за двух человек мы остались за пределами Греции; надо повиноваться их приказу; ведь и города, откуда мы родом, им повинуются. (15) Я слышал, будто Дексипп говорил Клеандру, что Агасий никогда бы этого не сделал, не будь моего приказа; так что я очищу от вины и вас всех, и Агасия, если сам Агасий скажет, что я хоть в чем-то повинен. И если это я начал бросать камни либо чинить насилие, то я сам себя приговариваю, и считаю заслуживающим высшей кары, и понесу ее. (16) И я утверждаю, что если Дексипп еще кого-нибудь обвиняет, того надо отдать на суд Клеандру: так вы все будете очищены от вины. А при нынешних обстоятельствах нам будет тяжело, когда мы, уверенные, что встретим в Греции честь и хвалу, вместо этого окажемся хуже всех и не будем допущены в греческие города».

(17) После него встал Агасий и сказал: «Клянусь богами и богинями, друзья, что ни Ксенофонт не велел мне отбить того человека, ни кто-либо другой из вас. Когда я увидел, как доблестного воина из моего отряда ведет Дексипп, предавший нас,— об этом вы все знаете,— мне это показалось чудовишно; вот я и отбил его, не спорю. (18) Но не вы меня выдайте,— я сам, как говорит Ксенофонт, по своей воле предстану перед судом Клеандра, и пусть делает со мной, что хочет. Из-за этого не затевайте распри с лаке-

демонянами, пусть каждый из вас невинно вернется, куда пожелает. Только пошлите со мной к Клеандру кого-нибудь из вас по своему выбору, и если я что упушу, пусть они помогут мне словом и делом».

(19) И собрание решило, что он сам должен выбрать в сопровождающие, кого хочет. Он выбрал старших начальников. И вот Агасий вместе со старшими начальниками и с тем воином, которого он отбил, отправился к Клеандру. (20) И старшие начальники сказали: «Мы посланы к тебе, Клеандр, от войска с таким наказом: если ты обвиняешь всех, суди сам и поступай, как тебе угодно, а если обвиняется кто-нибудь один, или двое, или трое, воины требуют, чтобы ты выдал этих людей им на суд. Если же ты обвиняешь в чем-нибудь нас, то мы здесь перед тобой, если кого-нибудь еще, скажи: никому из тех, кто послушен нам, не уйти». (21) Потом вышел вперед Агасий и сказал: «Это я, Клеандр, отнял у Дексиппа вот этого человека и приказал бить Дексиппа. (22) Ведь это я знаю как человека честного, а про Дексиппа знаю, что он, избранный войском начальствовать над пятидесятивесельным кораблем, который мы выпросили у жителей Трапезунта, чтобы на нем захватывать суда себе для возвращения, сбежал и предал тех воинов, с которыми спасся. (23) Так из-за нас жители Трапезунта лишились корабля и сочли нас людьми негодными, а мы сами из-за него едва не погибли. Ведь он не хуже нас слышал, что, двигаясь пешком, там невозможно перейти реки и благополучно вернуться в Грецию. И вот, зная, каков он, я отбил у него этого человека. (24) Если бы вел его ты или кто из твоих людей, то я, так и знай, ничего бы не стал делать. И помни, что если ты меня казнишь, то казнишь порядочного человека ради подлого и трусливого».

(25) Выслушав это, Клеандр сказал, что Дексиппа он не стал бы хвалить, если тот сделал такое; однако будь Дексипп даже самым подлым из людей, все равно, по его суждению, действовать против Дексиппа силой не следовало, «но надо было покарать его по суду, как вы теперь требуете. (26) А теперь идите и оставьте этого человека; когда я прикажу, тогда и вы будете присутствовать на суде. Я не обвиняю ни войска и никого в отдельности, коль скоро он сам не отрицает, что отбил воина». (27) А тот, кого отбил Агасий, сказал: «Если ты полагаешь, Клеандр, будто меня вели к тебе за какое-нибудь преступление, то ведь я никого не бил, ни в кого не кидал камней, а только сказал, что овцы принадлежат всем. Та-

ково было решение воинов: если даже кто и вышел на добычу в одиночку, но одновременно со всем войском,— захваченное одним принадлежит всем. (28) Это я и говорил; тогда вон тот схватил меня и повел, чтобы другим неповадно было говорить. А сам он хотел, получив свою долю, спасти для разбойников их добро — вопреки постановлению». На это Клеандр сказал: «Если и ты тут замешан, оставайся, чтобы мы и о тебе посоветовались».

(29) После этого Клеандр и его спутники стали завтракать. А Ксенофонт созвал войско и посоветовал послать к Клеандру людей просить за оставшихся. (30) И было решено послать старших и младших начальников, и Драконтия — полноправного спартамца, и еще некоторых, кого признали в силах всеми способами упротить Клеандра отпустить обоих задержанных. (31) Придя, Ксенофонт сказал так: «Двое наших людей в твоих руках, Клеандр, и войско доверяет тебе сделать и с ними, и со всеми нами все, что тебе угодно. А сейчас они просят вернуть им этих двоих и не казнить: ведь в недавнее время они много сражались за спасенье всего войска. (32) И если воины получают от тебя эту милость, они тебе обещают взамен,— если ты захочешь возглавить их и боги будут этому благоприятствовать,— показать свою приверженность порядку и способность, повинуюсь полководцу, не бояться, с помощью богов, никакого врага. (33) И еще они просят тебя быть с ними и, приняв власть, испытать и Дексиппа, и их всех, каков окажется каждый, а потом воздать по заслугам». (34) Услышав это, Клеандр сказал: «Клянусь обоими богами, я не задержу ответа. Я отдаю вам этих двоих, и сам остаюсь с вами, и, если боги позволят, выведу вас в Грецию. Ваши речи совсем не похожи на то, что я слышал о некоторых из вас,— будто вы подстрекаете войско против лакедемонян».

(35) После этого посланные ушли, восхваляя его и уводя обоих товарищей. А Клеандр принес жертву, загадывая о дальнейшем пути, и дружески беседовал с Ксенофонтом, и заключил с ним союз гостеприимства. А когда он увидел, как исправно воины исполняют каждый приказ, то еще пуще захотел стать во главе их. (36) Но так как жертвы, которые он приносил три дня подряд, были неблагоприятны, он созвал старших начальников и сказал: «Жертвы не позволяют мне вас вывести, но вы из-за этого не падайте духом: это вам, судя по всему, дается на долю доставить на родину своих людей. Так что ступайте, а мы вас, когда вы там окажетесь, примем наилучшим образом».

(37) После этого воины решили отдать ему принадлежащих войску овец, и он, приняв дар, тут же вернул его обратно. Потом он отплыл. А воины, распродав хлеб, который снесли отовсюду, и остальную добычу, выступили в путь через страну вифинян. (38) Сперва пошли напрямик, но, не встретив по дороге ничего такого, с чем можно было бы явиться в дружественную страну, решили повернуть обратно и идти весь день и всю ночь. Сделав так, они захватили множество рабов и овец. На шестой день пришли в Калхедонский Хрисополь и оставались там семь дней, распродавая добычу.

Книга седьмая

1. (2) Тем временем Фарнабаз из страха, как бы войско не вторглось в его область, послал к начальнику флота Анаксибию — он как раз был в Византии — просить, чтобы тот переправил войско из Азии, а за это обещал сделать все, что ему потребуется. (3) И Анаксибий вызвал в Византий старших и младших начальников и обещал им, если они переправятся, плату для воинов. (4) Начальники сказали, что дадут ответ, посоветовавшись, а Ксенофонт объявил, что намерен покинуть войско и желает отплыть. Но Анаксибий велел ему сперва переправиться с войском, а потом уезжать. И Ксенофонт согласился.

(5) И фракиец Севт, послав Медосада, предлагал Ксенофонту приложить усилия к тому, чтобы войско переправилось, а если он эти усилия приложит, то тогда, мол, не расквасится. (6) Ксенофонт же ответил: «Войско и так переправится, за это незачем платить ни мне, ни другим; но когда оно переправится, я уеду прочь, а Севт пусть предложит, что сочтет нужным, тем из оставшихся, кто будет здесь распоряжаться».

(7) После этого все воины переправились в Византий. Но Анаксибий не дал им платы, а объявил, чтобы они забирали оружие и поклажу и уходили из города, так как он намерен произвести им счет и отослать дальше. Воины вознегодовали: ведь у них не было денег, чтобы запастись продовольствием на дорогу; поэтому со сборами не спешили. (8) Между тем Ксенофонт отправился к Клеандру, который теперь был связан с ним гостеприимством,

чтобы попроситься с ним перед отъездом. Но Клеандр сказал: «Не делай этого, не то на тебя свалят всю вину. Ведь и теперь в том, что войско мешкает здесь, иные винят тебя». (9) Ксенофонт на это сказал: «Тут на мне вины нет: воины сами, нуждаясь в припасах, не расположены из-за этого уходить». — (10) «Но все равно, — сказал Клеандр, — я тебе советую выступить вместе с ними, как будто ты намерен и дальше пойти, а когда войско будет за стенами Византия, тогда и уехать». — «С этим, — сказал Ксенофонт, — пойдем к Анаксибию и с ним все уладим». И они пошли к Анаксибию и все ему сказали.

(11) И Анаксибий так и велел сделать и выйти из города как можно скорей; еще он прибавил, что если кто не явится на смотр и счет, тот пусть сам на себя пеняет. (12) Тогда начальники первыми ушли из города, а за ними и остальное войско. Уже все, кроме немногих, были за стеной, когда Этеоник стал у ворот, чтобы, едва только выйдут все, захлопнуть створы и задвинуть засовы. (13) А Анаксибий, созвав старших и младших начальников, сказал: «Продовольствие вы добудете во фракийских деревнях: там много ячменя, и пшеницы, и всяких других припасов. А добыв их, вы отправитесь на Херсонес, и там Киниск выдаст вам плату». (14) Это услышал кто-то из воинов, либо какой-то из младших начальников разгласил все войску. А старшие начальники тем временем старались разузнать насчет Севта, друг он им или враг, и надо ли идти через Священную гору или в глубь Фракии кружным путем.

(15) Пока они об этом разговаривают, воины, схватив оружие, бегом мчатся к воротам, чтобы войти обратно в город. Этеоник со своими людьми, увидев подбегающих латников, захлопывает створы и задвигает засовы. (16) Воины начинают стучать в ворота, говоря, что с ними поступают несправедливо, выгнав их под удар врага, и если им не отпрут по доброй воле, они взломают ворота. (17) Другие бегут к морю и по выступу стены перебираются в город; а те из воинов, что были еще за стеной, увидев, что творится у ворот, секирами взламывают запоры и распахивают ворота, так что врываются и остальные.

(18) Ксенофонт, увидев, что произошло, и боясь, как бы войско не пустилось грабить и не вышло бы непоправимых бед и для города, и для него самого, и для воинов, бежит с толпой и вместе с нею врывается в город. (19) Жители Византия, увидев ворвавшееся силой войско, разбегаются с торговой площади одни на суда, другие по домам, а кто был дома, те выбегают вон; иные стаски-

вают корабли на воду, чтобы спастись на кораблях, и все думают, что пришел конец, словно при взятии города. А Этеоник спасается в городскую крепость. (20) Сам Анаксибий тоже удирает к морю, в рыбацкой лодке доплывает до крепости и сразу же вызывает войска, стоявшие в Калхедоне, считая, что в крепости людей слишком мало и им не удержать ее.

(21) А воины, увидев Ксенофонта, во множестве бросаются к нему и говорят: «Теперь, Ксенофонт, можешь показать себя настоящим мужем. В твоих руках и город, и военные корабли, и богатства, и столько людей. Теперь, если хочешь, постарайся ради нас, а мы тебя сделаем великим». (22) И Ксенофонт ответил, желая их утихомирить: «Вы правы, так я и сделаю. Если таково ваше желание, немедленно становитесь в строй». Так он приказал сам и велел другим передать этот приказ и стать в строй, положив оружие. (23) И воины стали строиться друг за другом, и немного спустя латники стояли уже рядами по восемь человек, а копейщики разбежались на оба крыла. (24) Место, где удобней всего построиться, называлось Фракийской площадью: оно ровное, и домов там нет. Когда все встали, положили оружие и успокоились, Ксенофонт, обращаясь к войску, сказал так:

(25) «Я не удивляюсь, воины, тому, что все вы разгневаны и считаете себя обманутыми и тяжело оскорбленными. Но если мы дадим волю гневу, и накажем здешних лакедемонян за обман, и разграбим ни в чем не повинный город, то сообразите сами, что из этого получится. (26) Начнется у нас открытая вражда с лакедемонянами и с их союзниками. А какой будет эта война, нетрудно представить себе, если поглядеть и вспомнить произошедшее совсем недавно. (27) Ведь когда мы, афиняне, вступили с лакедемонянами в войну, то наш союзный флот насчитывал не меньше трехсот трехрядных кораблей, и спущенных на воду, и строящихся, и наличная казна в городе была велика, и дохода с нашей страны и из-за ее рубежей поступало ежегодно не меньше тысячи талантов. И над всеми островами мы властвовали, и в Азии у нас было множество городов, и в Европе тоже, а среди них и Византий, в котором мы сейчас находимся,— и, однако, как все вы знаете, мы были побеждены. (28) Что же, по-вашему, будет теперь, когда лакедемонянам подчиняются и прежние их союзники, и афиняне присоединились к ним вместе со своими бывшими союзниками, когда Тиссаферн и остальные варвары, живущие у моря, нам враждебны, а главный наш враг — в глубине страны, великий царь,

на которого мы шли, чтобы лишить его власти и, если возможно, убить? И когда все они заодно, какой безумец смеет надеяться на нашу победу? (29) Ради всех богов, одумаемся, чтобы не погибнуть с позором, став врагами родным городам, и друзьям, и родичам! Ведь все они — в тех городах, которые пойдут на нас войною, — и справедливо, коль скоро мы, побеждая, по своей воле не захватили ни единого варварского города, а первый же греческий город, в который мы вошли, предадим разграблению. (30) Да пусть мне лучше провалиться сквозь землю на тысячу сажений, чем видеть все это! И вам я советую: будучи греками, покоритесь тем, кто стоит во главе греков, и попытайтесь добиться от них справедливости. А если это не удастся, то лучше вытерпеть несправедливость, чем лишиться Греции. (31) Я думаю, нужно сейчас же послать к Анаксибию и сказать ему, что вы вошли в город не для того, чтобы чинить насилие, а в надежде найти у него снисхождение или хотя бы показать, что мы уходим не потому, что обмануты, а повинуюсь ему».

(32) Так и было решено, и, чтобы сказать это Анаксибию, послали элейца Гиеронима, аркадца Еврилоха и ахейнина Филесия. И они ушли, чтобы сказать это. (33) Воины еще не разошлись, когда явился фиванец Кератад, который колесил по Греции не потому, что был изгнан, а потому, что искал начальства над войском и предлагал себя любому городу и народу, кому нужен полководец. Явившись, он сказал, что готов вести войско в ту часть Фракии, которая зовется Дельта, где оно захватит обильную и прекрасную добычу, а до того доставит им вдоволь еды и питья. (34) Когда воины это услышали, как раз пришел ответ Анаксибии: он дал знать, что они не расскажут в своем послушании, что он сообщит об этом властям на родину и придумает для них наилучший выход, какой только сможет. (35) Тогда воины приняли Кератада начальником и отошли за стену. Кератад условился с ними, что завтра придет с гадателем и доставит убойный скот, и еду, и питье на все войско. (36) А когда оно было за стеной, Анаксибий запер ворота и объявил через глашатая, что любого воина, захваченного в городе, продаст в рабство. (37) На другой день пришел Кератад с гадателем и скотом, за ним шло двадцать человек с ношей муки, еще двадцать — с вином, и трое несли масло, и еще один столько чесноку, сколько мог поднять, да еще один с луковицами. Сложив все это на землю, как будто для раздачи, он стал приносить жертву.

(38) А Ксенофонт, позвав к себе Клеандра, настойчиво просил ислхопотать для него разрешения войти за стену и отплыть из Византия. (39) Клеандр, возвратившись, сказал, что насилу ислхопотал разрешение: Анаксибий говорил, что нехорошо будет, если Ксенофонт окажется в городе, пока войско у стен, да и жители Византия в разладе и злы друг на друга. «Впрочем, он разрешил войти, если ты намерен отплыть вместе с ним». (40) И Ксенофонт, простившись с воинами, ушел в город вместе с Клеандром.

А Кератад в первый день не получил благоприятных жертв и ничего не роздал воинам; на другой день животные стояли уже у алтаря, и Кератад надел венки для жертвоприношения, когда подошли дарданец Тимасион, Неон из Асины и Клеанор из Орхомена и сказали, чтобы Кератад жертв не приносил, так как он не поведет войска, если не даст продовольствия. И он приказал разделить принесенное. (41) А так как всего было слишком мало и не каждому воину досталось продовольствие даже на один день, то Кератад, забрав жертвенных животных, ушел и от должности полководца отказался.

II. (1) Во главе войска остались Неон из Асины, ахейнин Фриниск, и ахейнин Филесий, и ахейнин Ксантикл, и дарданец Тимасион. Отойдя во фракийские деревни под Византием, оно расположилось там на стоянку. (2) Между начальниками возник разлад: Клеанор и Фриниск хотели вести воинов к Севту, ибо тот уговорил их, подарив одному коня, другому рабыню; Неон стремился на Херсонес, думая, что возглавит все войско, если подчинится лакедемонянам; а Тимасион замышлял переправиться обратно в Азию, надеясь вернуться домой. Того же хотели и воины. (3) Время проходило, многие воины продали оружие окрестным жителям и отплыли, кто куда мог, другие роздали его и смешались с горожанами. (4) И Анаксибий радовался, слыша, что войско распадается в надежде, что такой оборот дела будет по душе Фарнабазу. (5) Но когда Анаксибий отплыл из Византия, в Кизике ему встретился Аристарх, назначенный в Византий наместником взамен Клеандра, и сказал, что и назначенный взамен Анаксибию начальник флота Пол тоже вот-вот прибудет в Геллеспонт. (6) Анаксибий распорядился, чтобы Аристарх всех Кировых воинов, которых найдет в Византии, схватил и продал, — Клеандр этого не сделал и, напротив, из жалости приказал лечить больных и раненых и принять их в дома. А Аристарх, как явился, так сразу же продал не меньше четырехсот человек. (7) Анаксибий же,

приплыв в Парий, послал к Фарнабазу напомнить, о чем они договорились. А тот, узнав, что Аристарх прибыл в Византий наместником и что Анаксибий больше не начальствует над флотом, пренебрег им, а у Аристарха добился тех же мер против Кирова войска, что прежде у Анаксибия. (8) После этого Анаксибий, призвав Ксенофонта, предложил ему любым способом поскорее отплыть к войску, удержать воинов, вновь собрать как можно больше разбежавшихся, отвести его в Перинф и переправить побыстрее в Азию. (9) Ксенофонт, переплыв море, прибыл к своим; воины приняли его с радостью и охотно пошли за ним, чтобы переправиться из Фракии в Азию.

(10) Севт, услышав о его возвращении, опять послал к нему по морю Медосада и просил привести войско, суля все, чем можно, как он думал, склонить Ксенофонта. Но тот отвечал, что этому не бывать, и Медосад, услышав такой ответ, уехал. (11) Когда греки прибыли в Перинф, Неон откололся от них и разбил свой особый стан, где было человек восемьсот. Остальная часть войска держалась вместе и стояла у стен Перинфа. (12) Ксенофонт стал хлопотать о судах, чтобы скорее переправиться. Тут из Византии прибыл наместник Аристарх с двумя трехрядными кораблями и по наущению Фарнабазы не позволил судовладельцам перевозить войско, а потом явился к нему и сказал, чтобы воины в Азию не переправлялись. (13) Ксенофонт ответил, что это приказ Анаксибия: «Затем он и прислал меня сюда». Аристарх снова сказал: «Анаксибий больше над флотом не начальствует, а я здесь наместник: кого из вас поймаю в море, того потоплю». Сказав это, он ушел в город, а на другой день послал за старшими и младшими начальниками. (14) Когда те были у самой стены, кто-то предупредил Ксенофонта, что если он войдет, его схватят и либо тут же прикончат, либо выдадут Фарнабазу. Он, услышав об этом, послал остальных вперед, а сам сказал, что хочет принести жертву. (15) Вернувшись назад, он принес жертву, вопрошая, позволят ли ему боги отвести войско к Севту. Ведь он видел, что переправиться безопасно нельзя, коль скоро у чинящего преграды есть военные корабли, и не хотел также идти на Херсонес, где бы войско заперли и оно, терпя нужду во всем, вынуждено было подчиниться тамошнему наместнику, так как продовольствия там взять негде. (16) Вот о чем думал Ксенофонт. А остальным начальникам, когда они пришли к Аристарху, тот велел уйти и снова явиться к вечеру; так с ясностью обнаружился его злой умысел.

(17) Жертвы, как Ксенофону показалось, были благоприятны и указывали, что и ему самому, и войску безопаснее идти к Севту; поэтому он взял с собой одного из младших начальников, афинянина Поликрата, и по одному человеку, самому надежному, от каждого из старших начальников, кроме Неона, и той же ночью направился к войску Севта, стоявшему в шестидесяти стадиях. (18) Подъехав близко, они наткнулись на покинутые костры и сначала подумали, что Севт куда-то отошел; когда же слышали шум и переключку людей Севта, поняли, что костры у Севта зажжены впереди ночных караулов, чтобы в темноте не видно было караульных, ни где они, ни сколько их, а подъезжающие, освещенные огнем, не могли остаться незамеченными. (19) Услышав переключку, Ксенофонт выслал вперед бывшего при нем толмача и велел сказать Севту, что прибыл Ксенофонт и хочет с ним встретиться. Караульные спросили, не афинянин ли это из греческого войска. (20) Когда толмач сказал, что это он, те вскочили на коней и поскакали, а немного спустя появилось около двух сотен копейщиков, которые встретили Ксенофонта и бывших с ним и отвели к Севту. (21) Тот ночевал в надежно охраняемой башне, а вокруг башни стояли взнузданные кони; дело в том, что из страха коней днем разнуздывали, а по ночам держали взнузданными и стерегли. (22) Как говорили, Тер, предок Севта, был в этом же краю с большим войском и здешние жители многих его людей перебили, а всю поклажу похитили: это были тины, которые считаются воинственнее всех, особенно по ночам.

(23) Подъехав близко, Ксенофону велели войти еще с двоими по его выбору. Вошедшие первым делом обменялись с Севтом приветствиями, выпив, по фракийскому обычаю, вина из рогов. У Севта был Медосад, тот самый, что всегда служил ему послом. (24) Потом Ксенофонт начал разговор: «Ты, Севт, посылай ко мне этого Медосада сперва в Калхедон, с просьбой приложить усилья к тому, чтобы переправить войско из Азии, и обещал, если я это сделаю, меня отблагодарить, как говорил мне Медосад». (25) Сказав так, он спросил Медосада, правда ли это. Тот подтвердил. «Потом этот Медосад, как только я из Пария снова приплыл к войску, опять пришел ко мне с обещанием, что ты, если я приведу к тебе войско, не только станешь мне другом и братом, но и что я получу от тебя приморские земли, принадлежащие тебе». (26) И Ксенофонт снова спросил Медосада, было ли это сказано. Он и это подтвердил. «А теперь,— сказал Ксенофонт,— расскажи, что я

ответил тебе в тот первый раз в Калхедоне». — (27) «Ты ответил, что войско и так переправится в Византий и за это не надо платить ни тебе, ни другому, а сам ты после переправы собираешься уехать; и все вышло по твоим словам». — (28) «А что я сказал, когда ты приезжал в Селимбрию?» — «Сказал, что этому не бывать и что войско, добравшись до Перинфа, переправится в Азию». — (29) «А вот теперь, — сказал Ксенофонт, — здесь и я, и он, Фриниск, — от старших начальников нашего войска, и он, Поликрат, от младших начальников; а за дверьми — самые доверенные люди всех начальников, кроме лаконца Неона. (30) Если хочешь, чтобы дело было вернее, позови их тоже. А ты, Поликрат, поди и скажи, что я велю оставить оружие, и сам, когда вернешься, тоже оставь там меч».

(31) Услышав это, Севт сказал, что не может не верить любому афинянину: ведь он знает, что они ему сородичи, и считает их преданными друзьями. А когда пришли те, кого просили, Ксенофонт первым делом спросил Севта, на что ему надобно войско. (32) И тот сказал: «Моим отцом был Месада, властвовавший над меландитами, тинами и транипсами. Когда могущество одрисов захирело, отец мой, изгнанный из этой страны, умер от болезни, а я, сирота, воспитывался у Медока, нынешнего царя. (33) Когда я возмужал, то не мог больше жить на чужих хлебах и как-то, сидя с ним за столом, стал молить его дать мне людей, сколько он может, чтобы я отомстил, если удастся, изгнавшим нас и больше не жил на его хлебах. (34) Он дал мне людей и коней, которых вы увидите, когда станет светло. Теперь я живу с ними, грабя свою родную страну. А если и вы ко мне присоединитесь, то я с помощью богов еще легче верну себе власть. Вот зачем нужна мне военная сила». — (35) «А что, — сказал Ксенофонт, — можешь ты, если мы придем, дать войску и начальникам старшим и младшим? Скажи, чтобы я мог им сообщить это». (36) Севт обещал на каждого воина по кизикскому золотому, младшим начальникам — вдвое, а старшим — вчетверо больше, и землю, какую они пожелают, и упряжки, и обнесенные стеной селенья у моря. (37) «А если, — сказал Ксенофонт, — старанья наши окажутся тщетны и лакедемоняне запугают воинов, примешь ты тех, кто захочет к тебе перейти?» (38) И Севт сказал: «Они будут мне братьями и сотрапезниками и получат долю во всем, что мне удастся добыть. А тебе, Ксенофонт, я дам свою дочь, и если у тебя есть дочь,

выкуплю ее по фракийскому обычаю и поселю в Бисанте, прекраснейшем из моих приморских владений».

III. (1) Греки, услышав это и пожалев Севту руку, уехали и, еще до рассвета прибыв в свой стан, все рассказали пославшим их. (2) С наступлением утра Аристарх снова вызвал старших начальников, но те решили его зовом пренебречь и собрать войско. Собрались все, кроме людей Неона, стоявших в десяти стадиях. (3) Когда воины сошлись, встал Ксенофонт и сказал так: «Друзья, отплыть, куда мы хотим, нам не дает Аристарх: ведь у него есть военные корабли, и садиться на грузовые суда нам опасно. Сам он велит нам силой пробиваться на Херсонес через Священную гору и обещает, если мы ее одолеем и придем туда, больше не продавать вас, как в Византии, не обманывать и не закрывать глаза на то, что у вас нет продовольствия, а выдать вам плату. (4) Вот что говорит Аристарх. А Севт обещает, если вы придете к нему, щедро вас отблагодарить. Теперь посмотрите сами, здесь ли нам об этом совещаться или там, куда мы пойдем за продовольствием. (5) По моему мнению, раз у нас здесь нет денег на его покупку, а без денег ничего взять нельзя, то отправимся в деревни, где люди слабы и не помешают нам набрать припасов, и там, добыв продовольствия, выслушаем, чего хочет от нас тот и другой, и выберем то, что сочтем наилучшим. (6) Кто считает так же, пусть поднимет руку». И все подняли руки. «А теперь разойдитесь, соберитесь и, как только будет передан приказ, выступайте вслед за передовым».

(7) После этого Ксенофонт пошел впереди, остальные за ним. Неон и люди Аристарха уговаривали их повернуть назад, но никто не послушался. А пройдя около тридцати стадиев, повстречали Севта. Ксенофонт, увидев его, предложил ему подъехать ближе, чтобы побольше воинов услышало, как он скажет Севту, что считает полезным. (8) Когда Севт приблизился, Ксенофонт сказал: «Мы направляемся туда, где войско найдет себе пропитание, а там, выслушав предложенья и твои, и лаконца, выберем то, что сочтем наилучшим. Но если ты отведешь нас туда, где много продовольствия, мы признаем тебя нашим гостеприимцем». (9) И Севт сказал: «Я знаю здесь много деревень, они рядом друг с другом и в них все есть, а ходу до них столько, что вы еще успеете там позавтракать на славу». — «Так веди нас», — сказал Ксенофонт. (10) Дойдя до тех деревень после полудня, вонны собрались, и Севт сказал вот что: «Я прошу вас служить мне в нынешней войне и

обещаю каждому воину по кизикскому золотому, а старшим и младшим начальникам — сколько положено. И, помимо этого, я отличу всякого, кто заслужит. Пищу и питье вы, как теперь, будете сами себе добывать в этой стране; а вот всю добычу я требую для себя, чтобы ее продавать и иметь, чем заплатить вам. (11) Всех, кто переселится или сбежит, мы сами сможем нагнать и выследить, а вот кто окажет сопротивление, тех мы вместе с вами попробуем сломить». (12) Тут Ксенофонт спросил его: «Далеко ли от моря ты намерен повести за собой войско?» И Севт ответил: «Не больше чем на семь дней пути, а иногда и меньше».

(13) После этого Ксенофонт дал слово каждому желающему, и многие вели одну и ту же речь: что Севт говорит дело, что настала зима и нельзя ни желающим отплыть по домам, ни остальным — прожить в дружеской стране, где все нужно покупать, а если зимовать и кормиться в краю врагов, то безопаснее быть тут с Севтом, чем одним. И если, при всех благах, будут еще и платить, так это просто находка. (14) Потом Ксенофонт сказал: «Если кто хочет возразить, пусть говорит». Но так как никто не возражал, то проголосовали и решили остаться. И тут же Севту сказали, что войско идет с ним.

(15) После этого воины расположились на стоянку по отрядам, а старших и младших начальников Севт позвал на пир в близкую деревню. (16) Когда пришедшие на пир были уже у дверей, появился некто Гераклид из Маронеи; он подходил к каждому, у кого, как он полагал, было что подарить Севту, — прежде других к послам из Пария, которые направлялись к Медоку, царю одрисов, чтобы заключить с ним союз, и везли подарки ему и его жене; им Гераклид сказал, что Медок живет в глубине страны, в двенадцати днях пути от моря, а на побережье будет теперь повелителем Севт, раз он получил такое войско. (17) «Как сосед он больше сможет и помочь вам, и повредить. Благоразумней для вас отдать то, что вы везете, ему: вы тогда больше выгадаете, чем одарив Медока, который живет так далеко». Так он уговорил послов. (18) Потом он сразу же подошел к дарданцу Тимасиону, так как слышал, что у того есть варварские кубки и ковры, и сказал, что, мол, положено гостям, когда Севт позвал их на пир, дарить ему подарки. Ведь если он добьется здесь могущества, то сможет и домой отправить, и здесь обогатить любого. Так Гераклид подходил к каждому и уговаривал. (19) А подойдя к Ксенофону, он сказал так: «Ты родом из великого города, и твое имя в великой чести у Севта,

и в этой стране ты можешь попросить во владенье целые города или земли и получить их, как многие из ваших. Так что тебе стоит почтить Севта самыми великолепными дарами. (20) Я даю тебе этот совет по дружбе: ведь я знаю, что чем больше ты ему подарить, тем больше тебе от него достанется благ». Услышав это, Ксенофонт смутился: ведь он ничего не взял с собою из Пария, кроме раба и денег на дорогу.

(21) Когда все вошли, и самые знатные из бывших там фракийцев, и греческие начальники, и послы от городов, оказавшиеся там,— сотрапезники уселись в круг, и всем поднесли трехногие столики. Столиков было штук двадцать, и каждый уставлен кусками мяса, и на тех же вертелах, что мясо, были надеты большие сдобные хлебы. (22) Столики эти ставились всякий раз перед гостями; а каков обычай, первым показал Севт, который брал лежавшие перед ним хлебы, разламывал на мелкие куски и бросал, кому считал нужным, и также мясо, оставив себе, только чтобы отведать. (23) За ним то же самое сделали остальные, перед кем стояли столики, и только некий аркадец, по имени Арист, ненасытный обжора, ничего и не подумал разбрасывать, а схватил хлеб весом в три хойника, положил мясо себе на колени и принялся есть. (24) Стали обносить гостей рогами с вином, все их брали, и только Арист, когда виночерпий подошел к нему с рогом, сказал, заметив, что Ксенофонт уже кончил есть: «Отдай ему: ведь он свободен, а я нет». (25) Услышав его слова, Севт спросил у виночерпия, что тот сказал. Виночерпий, который знал по-гречески, ответил ему, и все рассмеялись.

(26) Винопитие продолжалось, когда пришел фраконец, ведя белого коня, и, взяв полный рог, сказал: «Пью за тебя, Севт, и дарю тебе этого коня, на нем ты и догонишь, кого хочешь, и, отступая, сможешь не бояться врагов». (27) Еще один привел раба и также подарил его, выпив за Севта, другой принес верхнее платье для его жены. И Тимасион, выпив за Севта, поднес ему серебряную чашу и ковер ценою в десять мин. (28) А некий Гнесипп из Афин поднялся и сказал, как прекрасен старинный обычай имущим одарять царя из почтения к нему, а немущим получать от него подарки, «чтобы и у меня было,— добавил он,— чем тебя одарить и почтить». (29) А Ксенофонт в растерянности не знал, что делать, тем более что как почетнейший гость он сидел ближе всех к Севту. И Гераклид к тому же приказал виночерпию подать ему рог. Тогда Ксенофонт, уже захмелевший, принял рог, встал

и сказал: (30) «Я, Севт, отдаю тебе себя и вот этих моих товарищей, чтобы они были тебе верными друзьями,— и не против своей воли: нет, все они хотят дружбы с тобой еще больше, чем я. (31) Все они здесь и ничего у тебя не просят, а сами готовы с охотой пойти за тебя на любые труды и опасности. С ними, если богам будет угодно, ты возвратишь себе обширную страну, бывшую твоей отчизной, а потом утраченную, и еще наживешь много коней, много рабов и красивых рабынь, за которыми тебе не придется идти на добычу: эти люди сами доставят все тебе в дар». (32) Тогда Севт встал, выпил с Ксенофонтом и вместе с ним опрокинул рог. Потом вошли люди с сигнальными рогами вместо флейт и заиграли на них, а трубачи на кожаных трубах мерно вторили им, как на лидийской арфе. (33) И сам Севт, встав, издал воинственный клич и стал проворно прыгать, словно увертываясь от стрел. Появились и шуты.

(34) Когда солнце склонилось к закату, греки встали и сказали, что пора выставлять ночную стражу и передавать пароль. А Севту они велели наказать, чтобы ни один фракиец ночью не подходил к греческому стану: «Ведь и враги наши — фракийцы, и вы, наши союзники, тоже». (35) Когда они выходили, встал и Севт — так, словно ничего и не пил. И выйдя за дверь, он отозвал старших начальников и сказал им: «Враги еще не успели узнать о нашем союзе; если мы явимся к ним, прежде чем они выставят стражу, чтобы не быть застигнутыми, или приготовятся к обороне, то захватим много людей и всякого добра». (36) Начальники это одобрили и предложили ему вести войско. И он сказал: «Приготовьтесь и ждите: в свой срок я приду к вам, возьму вас и копейщиков и с помощью богов поведу». (37) А Ксенофонт ему сказал: «Посмотри сам, если мы будем двигаться ночью, не лучше ли соблюдать греческий закон: при дневных переходах впереди войска идет тот, от кого больше пользы в этой местности,— когда латники, когда копейщики, когда конные,— а ночью у греков такой закон: впереди тот, кто идет медленней. (38) Так войско меньше растягивается и отряды меньше теряют друг друга из виду, разойдясь; а если они оторвутся один от другого, то часто друг на друга нападают, не узнав, и обеим сторонам приходится плохо». (39) И Севт сказал: «Вы правы, и я подчинюсь вашему закону. Вам я дам в проводники стариков, что лучше всех знают местность, а сам с конницей пойду последним: ведь если понадобится, я быстро

окажусь впереди». Пароль он дал «Афина» в знак своего родства с афинянами. И после этого разговора греки пошли отдохнуть.

(40) Около полуночи явился Севт с одетыми в панцири всадниками и вооруженными копейщиками. Он дал проводников, и латники пошли впереди, за ними — копейщики, а конница — в тылу у всех. (41) Когда стало светло, Севт проскакал вперед и похвалил греческий закон. Он говорил, что часто по ночам, даже двигаясь с немногими людьми, отрывался со своими всадниками от пехоты; «а нынче мы, как и следует, наутро оказались все вместе. Но подождите-ка здесь и передохните, а я разведая кое-что и вернусь». (42) Сказав так, он ускакал, направившись куда-то через горы. Добравшись до глубокого снега, он стал высматривать следы людей, либо удаляющиеся, либо встречные, но увидев, что дорога не топтана, быстро вернулся назад и сказал: (43) «Друзья, все пойдет хорошо, если богу будет угодно. Тех людей мы застигнем врасплох. Теперь я со всадниками поеду впереди, чтобы, если мы кого увидим, он не ушел бы от нас и не оповестил врагов, а вы ступайте за нами, и если отстанете, идите по конским следам. И когда мы перейдем горы, там будет много богатых деревень».

(44) Когда настал полдень, Севт был уже на вершинах и, увидав внизу деревни, подскакал к латникам и сказал: «Я сейчас велю моей коннице рысью спуститься на равнину, а копейщиков пошлю на деревни. Но и вы идите за нами так скоро, как сможете, чтобы поддержать нас, если кто будет сопротивляться». (45) Услышав это, Ксенофонт спешился. А Севт спросил: «Зачем, когда надо торопиться?» — «Я знаю,— сказал Ксенофонт,— да не мне одному, а латники побегут и быстрее, и охотнее, если я пойду впереди пешим». (46) После этого Севт уехал, а с ним Тимасион и при нем все четыре десятка греческих всадников. Ксенофонт же передал по отрядам приказ выйти самым проворным воинам младше тридцати лет. Сам он беглым шагом спустился с ними, а Клеанор повел остальных. (47) Когда они были уже в деревнях, подскакал Севт с тридцатью примерно всадниками и сказал: «Вот и вышло по-твоему, Ксенофонт: эти люди в наших руках. Только мои всадники, хоть и пришли без пехоты, разъехались в разные стороны в погоню, и я опасаюсь, как бы враги, собравшись, не сделали нам чего худого. И в деревнях нам надо кого-нибудь оставить; там ведь полно людей». (48) И Ксенофонт сказал: «Я с теми людьми, что при мне, займу вершины, а ты прикажи Клеанору выставить на равнине перед деревнями сомкнутый строй латников». Когда

это сделали, то рабов было захвачено до тысячи, коров и быков две тысячи, мелкого скота тысяч десять. На этом месте и остановились на стоянку.

IV. (1) На другой день Севт отошел, спаливши дотла деревни и не оставив ни одного дома, чтобы запугать жителей и показать всем прочим, что с ними будет, если они не покорятся. (2) Гераклида он отправил в Перинф продать добычу, чтобы получить деньги на плату воинам, а сам вместе с греками остановился в глубине страны на равнине, в краю тинов, которые, все бросив, бежали в горы.

(3) Выпало много снега, а мороз был такой, что вода, которую приносили к обеду, замерзала, и вино в кувшинах тоже, и многие греки отморозили носы и уши. (4) Тогда и стало понятно, ради чего фракийцы покрывают голову и уши лисьими шкурами, почему рубахи у них окутывают не только грудь, но и бедра, и даже для верховой езды они надевают не короткие плащи, а балахоны до пят.

(5) Севт отпустил пленников в горы и приказал передать, что, если беглецы не спустятся и не разойдутся по домам, покорясь ему, он сожжет и деревни их, и хлеб, а они перемрут с голоду. Тогда с гор спустились женщины, дети и старики, а те, что помоложе, остались в деревнях под горой. (6) Узнав об этом, Севт приказал Ксенофонту взять самых молодых из латников и напасть на эти деревни. Поднявшись среди ночи, воины утром подступили к ним. Большая часть людей убежала, потому что горы были рядом, а захваченных Севт без пощады заколол копьями. (7) Некий Эписфен из Олифа, любитель мальчиков, увидев красивого подростка с маленьким щитом, которого должны были вот-вот убить, подбежал к Ксенофонту и умолял его вызволить красавца. (8) Ксенофонт подошел к Севту и стал просить не убивать мальчика, и рассказал о нравах Эписфена, как он собирал свой отряд, глядя только на одно: красив ли воин,— и сказал, что при всем при том он человек доблестный. (9) Тогда Севт спросил: «А согласишься ты, Эписфен, умереть вместо него?» Тот подставил горло: «Бей, если мальчик прикажет и будет мне благодарен». (10) Севт спросил мальчика, убивать ли этого человека вместо него. Мальчик не допустил такого и стал умолять, чтоб не убивали обоих. Тогда Эписфен обнял мальчика и сказал: «Теперь, Севт, сразись-ка со мною ради него: так я мальчика не отдам!» (11) Севт засмеялся и пропустил эти слова мимо ушей.

Стоянку он решил устроить здесь же, чтобы скрывавшиеся в горах не получали из этих деревень пищи. Сам он разбил стан, спустившись на равнину, Ксенофонт с отборными латниками остался в самой верхней деревне под горой, а остальные греки стали на постой у тех фракийцев, которых зовут горными.

(12) По прошествии нескольких дней фракийцы стали спускаться с гор и вести с Севтом переговоры о перемирии и о заложниках. И Ксенофонт, придя к Севту, сказал, что стоянка его никуда не годится и что враг совсем рядом: лучше стоять под открытым небом в защищенном месте, чем погибать в домах. Но тот велел быть смелее и показал данных ему заложников. (13) Иные из спускавшихся с гор просили и Ксенофонта посодействовать насчет перемирия; и он соглашался, велел им не падать духом и обещал, что им, если они покорятся Севту, никакого зла не сделают. А на самом деле эти просители были лазутчиками.

(14) Все это было днем, а когда настала ночь, тины спустились с гор и напали. Проводниками у них были хозяева домов: иначе трудно было в темноте отыскивать по деревне нужные дома, которые к тому же были окружены высокими частоколами — загонями для овец. (15) Оказавшись перед дверями какого-нибудь дома, тины начинали одни метать копья, другие колотили дубинами, которыми они, как говорят, сбивают наконецники с копий, третьи подкладывали огонь. Ксенофонта звали по имени, чтобы он вышел и принял смерть, а не то грозили его сжечь. (16) И над кровлей уже показалось пламя, а товарищи Ксенофонта, в панцирях и шлемах, с мечами и щитами, все были в доме, когда Силап из Макиста, юноша лет восемнадцати, затрубил и подал сигнал; и тотчас, выхватив мечи, все повыскакивали наружу, и воины из других домов тоже. (17) А фракийцы бежали, забросив, по своему обыкновению, щиты за спину; и некоторые, перелезая через частокол, повисли на нем, зацепившись щитами за колья; другие были убиты, пока метались в поисках калитки. И греки гнали их за деревню. (18) Некоторые из тинов, оборачиваясь, бросали копья в греков, пробегавших мимо горящих домов, из мрака в свет: так были ранены Гиероним и Еводей и Феоген из Локр — младшие начальники. Убитых же не было, только у некоторых сгорела одежда и все пожитки. (19) Севт прискакал на помощь с семью всадниками из передового отряда и фракийским трубачом. Когда он узнал, что случилось, все то время, что он скакал на помощь, рядом с ним трубила труба, и от этого враги испугались

еще больше. А примчавшись, он стал жать грекам руки, говоря, что ожидал найти здесь много убитых. (20) Ксенофонт после этого попросил Севта передать ему заложников и вместе с ним пойти походом в горы, а нет, так отпустить его. (21) На другой день Севт передал ему заложников, людей престарелых и самых могущественных из горных фракийцев, и сам пришел со всеми своими силами. Их у Севта прибавилось втрое, многие из одрисов, услышав про его дела, сходили с гор и присоединялись к его войску. (22) А тины, увидев с горы множество латников, множество копейщиков, множество всадников, спустились вниз и стали молить о мире, соглашаясь на все и предлагая принять от них клятвы. (23) Севт, позвав Ксенофонта, объяснил ему, что они говорят, и сказал, что не заключит перемирия, если Ксенофонт хочет наказать их за набег. (24) Но тот ответил: «По-моему, они уже достаточно наказаны, если станут из свободных рабами». Заложниками он посоветовал Севту брать тех, кто способен причинить больше вреда, а стариков отпустить по домам. И все тамошние жители на это согласились.

V. (1) Потом войско перевалило через горы в область живущих за Византием фракийцев, именуемую Дельтой; подвластна она уже не Месаду, а одрису Теру. (2) Туда прибыл и Гераклид с выручкой за добычу. И Севт, выведя три упряжки мулов — больше у него не было, остальные упряжки были воловьи, — позвал Ксенофонта и велел ему взять свою долю, а остальное разделить между начальниками, старшими и младшими. (3) Но Ксенофонт сказал: «Я буду доволен получить свое и позже, а это ты подари начальникам, что пошли вместе со мною». (4) И одну упряжку мулов получил дарданец Тимасион, другую — Клеанор из Орхомена, третью — ахеец Фриниск. А волов поделили между младшими начальниками. Плату же, хотя прошел уже месяц, выдали только за двадцать дней, так как Гераклид говорил, что больше он не наторговал. (5) Ксенофонт, в гневе выругавшись, сказал ему: «Ты, Гераклид, по-моему, плохо печешься о делах Севта; будь иначе, ты бы привез всю плату сполна, хоть заняв денег, если ничего больше ты не мог, хоть продав свой запас платья». (6) После этого Гераклид невзлюбил Ксенофонта и, боясь лишиться расположения Севта, с того дня стал ему на Ксенофонта клеветать. (7) И воины бранили Ксенофонта за то, что не получали платы, а Севт сердился на него за настойчивость, с какой он просил платы для воинов. (8) Прежде Севт то и дело напоминал ему,

что, едва они придут к морю, он получит укрепленные селенья Бисанту, Ган и Неон, а с той поры об этом и не поминал. Дело в том, что Гераклид клеветал и тут, говоря, что небезопасно передавать укрепленные селенья человеку, располагающему военной силой.

(9) Тогда Ксенофонт стал размышлять, что теперь делать и надо ли войску идти еще дальше. Между тем Гераклид привел к Севту других старших начальников и предлагал им сказать, что они могут вести войско ничуть не хуже Ксенофонта, а плату обещал выдать через несколько дней и сразу за два месяца и предлагал им и впредь воевать вместе с Севтом. (10) На это Тимасион сказал: «Что до меня, то пусть мне хоть за пять месяцев заплатят, не пойду я воевать без Ксенофонта». И Фриниск, и Клеанор оба согласились с Тимасионом. (11) Тогда Севт выбрал Гераклида за то, что он не позвал и Ксенофонта. Так что позже был позван он один, но, зная хитрость Гераклида и понимая, что тот хочет очернить его перед другими начальниками, взял их всех с собою, и старших, и младших.

(12) Когда Севт их уговорил, они вышли вместе с ним в поход и через область фракийцев, именуемых просоедами, имея Понт справа, прибыли к Салмидессу. К тем местам прибывает много судов, плывущих в Понт, и выбрасывает их на берег, так как вдоль него тянется длинная отмель. (13) Тамошние фракийцы водружили межевые столбы, и каждый грабит тот корабль, что выброшен к нему; а прежде, покуда они не размежевали берег, многие, как говорят, при разграблении убивали друг друга. (14) Там во множестве находят ложа, сундуки, писанные книги и многое другое, что судовладельцы возят в деревянных ящиках.

Покорив эту страну, повернули обратно. (15) Теперь воинов у Севта было больше, чем в греческом войске: ведь все больше одрисов спускалось с гор, и покоровшиеся всегда шли воевать вместе с Севтом. Стан раскинули на равнине за Селимбрией, стадиях в тридцати от моря. (16) А платы так все и не было видно. Воины все были злы на Ксенофонта, и у Севта он больше не был своим человеком, но всякий раз как приходил к нему и хотел с ним встретиться, Севт ссылался на недосуг.

VI. (1) Прошло уже почти два месяца, когда прибыли от Фиброна лаконец Хармин и Полиник; они сказали, что лакседемоняне решили идти войной на Тиссаферна, что Фиброн уже отплыл, чтобы напасть, и ему нужно это войско, и платить он сулит

по даруку в месяц каждому, младшим же начальникам — вдвое, а старшим — вчетверо больше.

(2) Когда прибыли лакедемоняне, Гераклид, сразу же разувзав, что пришли они за войском, сказал Севту, что так будет лучше всего: «Лакедемонянам нужно это войско, а тебе больше не нужно; отдав его, ты им угодишь, а у тебя они больше не будут требовать платы и уберутся из страны». (3) Услышав это, Севт велел привести к нему послов, и когда они сказали, что пришли за войском, он ответил, что войско отдаст, а сам хочет быть им другом и союзником и приглашает их на пир. Пир он им задал великолепный, а Ксенофонта не позвал, и других начальников тоже. (4) На вопрос лакедемонян, какой человек Ксенофонт, Севт отвечал, что человек он неплохой во всем, кроме одного: слишком он предан воинам, а хуже от этого только ему. И тогда послы спросили: «А умест он увлечь людей за собой?» И Гераклид ответил: «Еще как!» — (5) «А не воспротивится он нам, когда мы захотим увести войско?» — «Если вы, — сказал Гераклид, — соберете самих воинов и пообещаете вашу плату, они побегут за вами, а на него и не посмотрят». — (6) «А как же нам их собрать?» — «Завтра, — сказал Гераклид, — мы вас к ним отведем, и я уверен, что, увидев вас, они с радостью сбегутся на сходку». Тем и кончился этот день.

(7) Наутро Севт и Гераклид привели лакедемонян в греческий стан, и войско собралось. Оба лаконца сказали, что лакедемоняне решили воевать с Тиссаферном, «от которого вы видели столько зла. Если вы с нами пойдете, то накажете вашего врага, и каждый из вас получит по даруку в месяц, а младшие начальники — вдвое и старшие — вчетверо больше». (8) Воины выслушали это с радостью, и тут же встал один из аркадцев и принял обвинять Ксенофонта. При этом был и Севт, желавший видеть, что произойдет: он стоял в таком отдаленье, чтобы все слышать, и при нем был толмач, — хоть, впрочем, он и сам понимал по-гречески почти все. (9) Между тем аркадец говорил так: «Мы давно были бы уже с вами, лакедемоняне, если бы Ксенофонт нас не уговорил и не увел сюда, где мы, воюя в жестокую стужу, не знали передышки ни днем, ни ночью; а плоды наших трудов достались ему: Севт его одного обогатил, а нам даже платы не отдал. (10) Так что видеть бы мне его побитым камнями и наказанным за все, что он на нас навлек, — и я счел бы, что получил мою плату, и не сердился бы уже за все, что вынес». После него другой

говорил то же самое, и потом еще один. Тогда начал говорить Ксенофонт:

(11) «Конечно, если ты человек, так тебе всего надо ждать,— раз я сегодня получаю от вас одни обвинения, между тем как сам за собой знаю, по-моему, только одно: что все мое великое рвение я отдавал вам. Уже отбыв домой, я вернулся — не потому, клянусь, что узнал, как вы благоденствуете, а потому, что услышал о безвыходности вашего положения и надеялся хоть чем-нибудь помочь вам. (12) И когда я прибыл к вам, то он, Севт, часто посылал ко мне людей и много чего обещал мне, если я вас уговорю перейти к нему, однако я за это не взялся, как вам и самим известно, и повел вас туда, откуда полагал быстрее переправить в Азию. Это и я считал для вас наилучшим, и вы сами, я знал, этого хотели. (13) А когда явился Аристарх с военными кораблями и помешал нам плыть, тогда я, как положено, собрал вас, чтобы посоветоваться, что нам делать. (14) И разве вы все, выслушав приказ Аристарха отправиться на Херсонес, выслушав и уговоры Севта пойти воевать вместе с ним, не выбрали Севта и не проголосовали за то, чтобы идти с ним? В чем же мое преступление, коль скоро я привел вас, куда вы все решили? (15) Когда же Севт стал нам глать насчет платы, то если бы я его одобрил, вы были бы вправе меня обвинять и ненавидеть. Но если я, раньше бывший ему первым другом, теперь больше всех с ним разошелся, то справедливо ли мне, отдавшему предпочтение перед Севтом вам, слышать от вас упреки за то самое, из-за чего я с ним разошелся?

(16) Быть может, вы скажете, что можно, получив у Севта причитающееся вам, теперь хитрить перед вами. Но разве не ясно, что если Севт мне заплатил, то заплатил не затем, чтобы потерять отданное мне, а потом расплачиваться с вами другими деньгами? Если он что и дал мне, то лишь с тем, чтобы, дав мне немного, не отдавать вам много. (17) Если вы полагаете, что так оно было, то можете сей же миг лишить эту сделку малейшей выгоды для нас обоих: потребуйте только с него денег. Ясно ведь, что Севт, если я что-нибудь от него получил, потребует от меня все вернуть, и потребует справедливо, коль скоро я не выполнил дела, за которое получил мзду. (18) Но, право, куда мне было получить причитающееся вам: ведь от Севта я, клянусь всеми богами и богинями, не получил даже того, что он обещал мне одному. Вот он и сам здесь и знает, лживо ли я клянусь. (19) А чтобы вы еще больше удивились, я поклянусь вам, что не получил и того, что

остальные старшие начальники и даже иные из младших. (20) Почему я так поступал? Я думал, войны, что чем больше помогу я ему в его тогдашней бедности, тем теснее станет наша дружба, когда он достигнет могущества. И вот теперь, увидев его в благополучии, я понял, каков он есть.

(21) Кто-нибудь, верно, спросит, не стыдно ли попасться на обман так глупо? Клянусь, мне было бы стыдно, если бы меня обманул враг, а из друзей более стыдно должно быть обманушему, чем обманутому. (22) Но коль скоро и с друзьями нужны предосторожности, то вы, я знаю, всячески остерегались предоставить ему справедливый повод не отдать вам обещанного. Ведь мы ни зла ему никакого не делали и ни разу не подвели его ни по лени, ни по робости, куда бы он нас ни звал. (23) Но вы, верно, скажете, что нужно было взять у него залог, и он при всем желании не мог бы нас обмануть. Послушайте же, я скажу вам то, чего никогда бы не сказал в его присутствии, если бы не считал вас совсем уж беспамятными и сугубо виновными передо мною в неблагодарности. (24) Вспомните, каковы были обстоятельства, из которых я вас выручил, уведя к Севту! Разве лакедемонянин Аристарх, когда вы прибегали к Перинфу, не запрещал вам входить в город и не запер ворот? Среди зимы вы стояли под открытым небом и на рынке со скудными товарами покупали все на ваши скудные деньги! (25) Не остаться во Фракии мы не могли: трехрядные корабли стояли на якоре и заграждали нам путь по морю. А оставаясь в ней, мы оставались среди врагов, и против нас были бесчисленные всадники, бесчисленные копейщики, (26) между тем как у нас имелись одни только латники, и если бы мы все вместе напали на деревни, то, может быть, добыли бы хлеба, да и то не слишком много, а вот погнаться за беглецами и захватить рабов и мелкий скот нам было никак не возможно: ведь я, вновь вас возглавив, не нашел уже ни конницы, ни копейщиков.

(27) Если бы в такой нужде я дал вам союзником Севта, даже не попросив у него никакой платы, — Севта, у которого были и конные, и копейщики, отсутствующие у вас, — то неужели вы не сочли бы, что я нашел для вас хороший выход? (28) Ведь, соединившись с ними, вы и хлеба по деревням находили больше, заставляя фракийцев бежать второпях, и больше захватили мелкого скота и рабов. (29) И врагов мы уже не видели с тех пор, как у нас появилась конница, а раньше враги дерзко шли за нами по пятам, и их всадники и копейщики не давали нам отлучаться

небольшими отрядами, чтобы запастись больше продовольствия. (30) И если тот, кто обеспечил вам такую безопасность, сверх того заплатил вам не так уж много, то разве это такое страшное несчастье, что из-за него нельзя, по-вашему, даже отпустить меня живым?

(31) С чем же вы отсюда уходите? Разве не было у вас всю зиму обильного продовольствия? И не сохранили ли вы все, что получили от Севта? Ведь вы жили за счет врага. И при таких обстоятельствах вы не потеряли ни единого человека убитым или пленным! (32) И разве все те подвиги, что совершены вами в Азии, в боях с варварами, не остались при вас и не прибавили ли вы к ним новую славу, победив и здесь, в Европе, фракийцев, на которых пошли войной? По справедливости вам говорю, — за что вы негодуете на меня, за то надо возблагодарить богов как за великое благо. (33) Вот каковы ваши дела.

А теперь, ради богов, взгляните-ка и на мои дела. Когда недавно еще я собирался уехать домой, то и вы осыпали меня хвалами, и среди всех греков я приобрел благодаря вам добрую славу. И лакедемоняне мне доверяли, иначе они не послали бы меня обратно к вам. (34) А теперь я уезжаю, оклеветанный вами перед лакедемонянами, ненавистный из-за вас Севту, у которого я надеялся за все добро, что сделал ему вместе с вами, приобрести достойное убежище и для себя, и для моих детей, если они у меня будут. (35) А вы, из-за кого меня больше всего и возненавидели, причем люди куда более могущественные, чем я, вы, кому и по сей день я непрестанно стараюсь делать добро, как могу, — вы так обо мне судите!

(36) Вы держите меня, хоть и не схватили ни при явной, ни при тайной попытке бежать. Если вы сделаете, что хотите, то знаете: вами будет убит человек, из-за вас много ночей не смыкавший глаз, вынесший ради вас много трудов и опасностей и в свой законный черед, и сверх него, воздвигший, по милости богов, вместе с вами много трофеев в честь побед над варварами, много споривший с вами и делавший все, что в его силах, ради того чтобы вы не стали врагами ни одному греческому городу. (37) И вот сегодня вы можете, не боясь нападений, идти, куда вам вздумается, по суше или по морю. Вы, поскольку показалась вам наконец великая удача, плывете, куда давно хотели плыть, в вас нуждаются самые могущественные из людей, у вас есть надежда на плату, поведут вас лакедемоняне, признанные теперь сильнейшими.

И вам кажется, что теперь-то и пора поскорее со мною расправиться? (38) Разве, когда мы были в безвыходности, вы, самые памятливые из людей, вы сами не звали меня отцом и не сулили всегда вспоминать как своего благодетеля? Но те, кто сегодня пришел за вами, они-то не лишены ни понятия, ни памяти, так что, по-моему, вы не очень красиво выглядите в их глазах, обходясь так со мною». Сказав это, он умолк.

(39) Тогда встал лакедемонянин Хармин и сказал: «Клянусь обоими богами, мне тоже кажется, что вы несправедливо негодуете на этого человека; я и сам могу свидетельствовать в его пользу. Севт, когда мы с Полиником спросили его, что за человек Ксенофонт, сказал, что ни в чем другом его упрекнуть нельзя, кроме как в приверженности своим воинам, а из-за этого ему хуже приходится и от нас, лакедемонян, и от самого Севта». (40) После него встал Еврилох из Лус и сказал: «По-моему, лакедемоняне, вы, взяв над нами начальство, первым делом должны требовать с Севта плату для нас, хочет он или не хочет,— и не уводить нас до этого». (41) А Поликрат из Афин сказал, по наущению Ксенофонта: «Я вижу, друзья, что и Гераклид здесь,— тот самый, что взял наше добро, добытое такими трудами, продал его, по вырубку не отдал ни Севту, ни нам, а как вор прибрал ее к рукам. Если мы в здравом уме, то схватим его: ведь он не фракиец, а грек, и притом творит зло грекам».

(42) Услышав это, Гераклид перепугался и, подойдя к Севту, сказал ему: «Это мы, если мы в здравом уме, должны отсюда уехать, чтобы им до нас не добраться». И, вскочив на коней, оба ускакали в свой стан. (43) После этого Севт послал к Ксенофонту Аброзельма, своего толмача, и предложил остаться с тысячей латников, и обещал отдать ему и прибрежные поселенья, и все остальное, что было обещано. И еще он велел тайком сказать Ксенофонту, что слышал от Полиника, будто Ксенофонт, чуть только окажется во власти лакедемонян, сразу будет убит Фиброном. (44) И многие другие говорили Ксенофонту, что он оклеветан и должен остерегаться. Услышав это, он взял две жертвы и принес их Зевсу Царствующему, вопрошая, что лучше и выгодней: остаться ли у Севта на тех началах, что он предлагает, или уйти с войском. И указано было уходить.

VII. (1) С того дня Севт перенес свой стан дальше, а греки расположились в деревнях, откуда рассчитывали уйти к морю, запасши больше продовольствия. Деревни эти были отданы Севтом

Медосаду. (2) Видя, как греки разоряют все, что было в деревнях, Медосад сильно негодовал. Взяв с собою одного одриса, самого могущественного из всех, что спустились из глубины страны, и три десятка всадников, он приехал и вызвал из греческого войска Ксенофонта. И он, взяв нескольких из младших начальников и других, бывших при нем, вышел к Медосаду. (3) Тот начал так: «Вы, Ксенофонт, творите беззаконье, разоряя наши деревни. Мы предупреждаем вас, я — от имени Севта, а вот он — явившись от Медока, царя внутренних областей, чтобы вы ушли из нашей страны, а не то мы прогоним вас как врагов».

(4) Ксенофонт, выслушав это, сказал: «На такие речи и отвечать тяжело. Скажу ради этого юноши, чтобы он видел, каковы вы и каковы мы. (5) Мы, прежде чем стать вам союзниками, ходили по этой стране, где только желали, и что хотели, разоряли, что хотели, жгли. (6) И ты, когда прибывал к нам послом, находил у нас пристанище и не боялся врага. А вы и не заходили в эту страну, а если и заходили, то стояли как в тылу сильнейшего противника, не разнуздывая коней. (7) А сделавшись нам союзниками, вы, с помощью богов, стали благодаря нам хозяевами этой страны — и нас же из нее изгоняете, хоть и получили ее от нас, силой занявших ее: ведь ты сам знаешь, что враги не могли нас изгнать. (8) И вот ты считаешь возможным проводить нас не дарами и всяческим добром за то добро, что получил от нас, а запретом — насколько он в твоих силах — стоять здесь перед уходом. (9) И говоря такое, ты не стыдишься ни богов, ни этого вот человека, который сейчас видит тебя в богатстве, меж тем как раньше, до того, как стать нам другом, ты, по твоим же словам, жил грабежом. (10) И почему ты говоришь об этом со мною? Ведь власть уже не у меня, а у лакедемонян, которым вы передали войско для увода, даже не позвав меня, странные вы люди, чтобы я мог так же, как прежде рассердил их, уведя войско к вам, теперь угодить им, передав его в их руки».

(11) Одрис, услышав это, сказал: «Я готов, Медосад, сквозь землю провалиться от стыда, когда слышу такое. Знай я все это раньше, ни за что бы с тобой не поехал. А сейчас я ухожу. Сам царь Медок не похвалил бы меня, если бы я стал выгонять своих благодетелей». (12) Сказав так, он сел на коня и ускакал, и с ним остальные всадники, кроме трех или четырех. А Медосад, которому горько было разоренье страны, предложил Ксенофонту позвать лакедемонян. (13) И тот, взяв самых преданных людей, пошел к

Хармину и Полинику и передал, что их зовет Медосад и намерен он сказать то же, что говорил ему: чтобы войско покинуло страну. (14) «Думаю,— сказал он,— вы получите причитающуюся воинам плату, если скажете, что войско просило вас заставить Севта волей или неволей заплатить ему и обещало, как только деньги будут у него, с охотой последовать за вами, и что, на ваш взгляд, все сказанное справедливо и вы обещали им уйти только после того, как воины получат положенное».

(15) Лаконцы, выслушав его, согласились сказать так и еще прибавить самые сильные, какие только смогут, доводы, и тотчас же отправились, взяв с собою всех, кто мог там пригодиться. По приходе Хармин начал так: «Если тебе есть что сказать нам, Медосад, говори, а мы должны сказать тебе многое». (16) И Медосад заговорил куда скромнее: «Вот я говорю, да и Севт тоже, что мы просим вас не делать зла нашим новым союзникам. Ведь, делая им зло, вы и сам его делаете, потому что теперь они наши». — (17) «Мы-то,— сказали лаконцы,— уйдем, как только воины, которые для вас все это приобрели, получат свою плату, а не то мы им можем и накажем людей, которые обидели их в нарушение клятвы. И если эти люди — вы, то с вами мы и начнем расплату». (18) А Ксенофонт сказал: «Не угодно ли вам, Медосад, обратиться к жителям этой страны, где мы находимся, и, коль скоро вы называете их вашими друзьями, дать им на решение, кому лучше уходить из страны — вам или нам?» (19) Медосад ничего на это не сказал, только предложил лаконцам лучше самим пойти к Севту за платой: он-де полагает, что Севт послушается их,— или же послать вместе с ним Ксенофонта, которому обещает помочь. А деревни он просил не жечь.

(20) Тогда послали Ксенофонта и с ним тех людей, которых сочли подходящими. И Ксенофонт, придя, сказал Севту: «Я пришел к тебе, Севт, не требовать, а доказать тебе, если смогу, (21) что ты не прав, невзлюбив меня за то рвение, с каким я добивался для воинов обещанного тобою: я ведь считал, что для тебя не меньше пользы заплатить им, чем для них — получить плату. (22) Во-первых, они тебя сделали, с помощью богов, царем над большой страной и многими людьми и тем поставили у всех на виду, так что тебе не скрыть ни единого твоего поступка, ни хорошего, ни постыдного.

(23) А когда ты стал таким человеком, для тебя, по-моему, важно не отпустить своих благодетелей без благодарности, важно

услышать похвалы из уст шести тысяч человек и важнее всего — не показать, что тебе, когда ты что говоришь, нельзя верить. (24) Я вижу, что слова не заслуживших веры и тщетны, и бессильны, и уваженья не внушают; а кто показал, что всегда говорит правду, те словами достигают всего, что им нужно, не хуже, чем другие — силой; и если они хотят кого-нибудь образумить, то их угрозы, я знаю, могут образумить не меньше, чем наказания от некоторых других; и если такие люди кому-нибудь что обещают, то добиваются этим не меньшего, чем иные — наличными деньгами.

(25) Вспомни также, много ли ты дал нам вперед, когда взял нас в союзники. Сам знаешь, что ничего! Но все тебе поверили, что ты говоришь правду, и ты достиг того, что столько людей пошло за тобой воевать и добыло для тебя царство, которое стоит не тридцать талантов, — столько, сколько должны получить от тебя воины, как они думают, — а во много раз больше. (26) И вот то доверие, которое помогло тебе добыть царство, ты продаешь за эти деньги!

(27) Вспомни и о том, сколь важным ты полагал завоевание страны, отныне тебе подвластной. Я-то уверен, что ты скорее предпочел бы получить достигнутое теперь, чем вдесятеро больше денег. (28) А теперь, по-моему, для тебя куда больше вреда и позора в том, чтобы не удержать взятое, чем прежде было не захватить его: так тяжелее стать из богатого бедным, чем от начала не иметь богатства, и горше стать из царя простым подданным, чем от начала не царствовать. (29) Но разве ты не знаешь, что ставшие теперь покорными тебе не из дружбы приняли твою власть, но поневоле, и попытаются снова стать свободными, если их не будет удерживать страх. (30) Так в каком же случае они будут больше бояться тебя и сохранят благоразумье: если увидят такое расположение воинов к тебе, что они по твоему приказу останутся тут или при первой надобности тотчас же вернутся сюда, или другие воины, услышав о тебе много хорошего, явятся по первому твоему желанию, — либо если сочтут, что и другие к тебе не явятся, не веря тебе после нынешнего случая, и прежние больше расположены к ним, чем к тебе? (31) И ведь покоренные нами подчинились тебе не из-за своей малочисленности, а из-за отсутствия у них предводителей. Значит, есть и еще опасность: как бы они не взяли себе в предводители кого-нибудь из тех, кого считают тобою обиженными, или лакедемонян, которые посильнее этих, и как бы наши воины не согласились с охотой пойти за лакедемо-

нянами в сраженья, если те стребуют с тебя долг, а лакедемоняне из нужды в людях не пообещали бы им этого. (32) Что фракийцы, оказавшиеся теперь под твоей властью, охотнее пойдут против тебя, чем с тобой,— это ясно: ведь твоя победа сулит им рабство, а победа над тобою — свободу.

(33) И если тебе нужно позаботиться об этой стране, которая теперь твоя, то как, по-твоему, она потерпит меньше вреда: если наши воины, получив то, чего домогаются, отойдут мирно, либо если они останутся здесь как во враждебной стране, а ты попытаешься собрать против них более многочисленные силы, которым нужно будет продовольствие? (34) И денег когда ты потратишь больше: когда заплатишь долг нашему войску или когда этот долг будет за тобой, и к тому же придется платить еще более многочисленному войску? (35) Правда, Гераклид, как он сам мне признался, считает слишком уж большими эти деньги. Но теперь и достать и отдать все сполна тебе легче, чем прежде, до того как мы к тебе пришли,— десятую часть этих денег. (36) Ведь граница между «много» и «мало» зависит не от числа, а от силы и богатства дающего и берущего. У тебя теперь годовой доход больше, чем все, что ты имел раньше во владении.

(37) Все это, Севт, я предусматривал заранее и как друг заботился о том, чтобы ты показался достойным благ, данных тебе богами, а я бы не погиб в глазах войска. (38) А теперь, знай, я с этим войском не мог бы и врагу принести вред, если бы захотел, и помочь тебе при всем желанье был бы не в силах. Так относится ко мне войско. (39) Но я тебя самого призываю в свидетели заодно с богами, которым все ведомо: я никогда ничего не получал от тебя за своих воинов, не требовал для себя одного положенного им всем и не добивался обещанного тобою. (40) И я клянусь, даже если бы ты мне это дал, я бы не взял, если бы и воины не получили своего. Ведь стыдно было бы для себя всего добиться, а на их трудности закрыть глаза, особенно при том почете, в каком я был у них. (41) Это для Гераклида все пустое,— лишь бы любым способом нажить денег; я же, Севт, считаю, что для человека, и особенно обладающего властью, нет приобретения блистательней, чем добродетель, и справедливость, и благородство. (42) У кого это есть, тот богат — и благодаря множеству друзей, и благодаря добывающимся его дружбы. Когда ему хорошо — есть кому за него порадоваться, а если у него какая неудача — он не будет знать нужды в готовых прийти на помощь.

(43) Но если ты ни по моим делам не понял, что я был тебе другом от души, ни из моих слов не мог этого постичь, то подумай хотя бы обо всем, что сказали воины: ведь ты был там и слышал, что говорили желающие поносить меня. (44) Они обвиняли меня перед лакедемонянами, что ты для меня значишь больше лакедемонян, и бранили меня за то, что я больше заботился о твоём, чем об их благополучии; и ещё они утверждали, что я получил от тебя подарки. (45) И как, по-твоему, в получение даров они винили меня потому, что видели мою неприязнь к тебе, или потому, что замечали мое рвение к твоим делам? (46) Я полагаю, каждый человек признает, что следует с приязнью относиться к тому, от кого получаешь подарки. Ты, ещё раньше чем я оказал тебе услуги, привечал меня и взглядом, и голосом, и подарками, и обещаньями, которые давал мне без конца. А когда я сделал все, чего ты желал, и возвеличил тебя, сколько мог, ты осмеливаешься пренебрегать тем, что я потерял почет среди воинов? (47) Но я верю: и время показывает тебе, что надо решиться отдать долг, и самому тебе будет невтерпёж видеть, как сделавшие тебе столько хорошего тебя поносят. И прошу тебя, когда будешь отдавать долг, позаботься вернуть мне то же влияние среди воинов, с каким я был принят тобою.

(48) Услышав это, Севт стал бранить виновного в том, что плата давно уже не отдана, и все подозревали, что этот виновный — Гераклид. «У меня и мысли такой не было,— говорил Севт,— лишать их положенного, и я все им отдам». (49) Тогда снова заговорил Ксенофонт: «Если уж ты намерен отдать долг, вот о чем я тебя попрошу: верни деньги через меня, не пренебрегай тем, что теперь мое положение в войске совсем не такое, каким было, когда мы к тебе пришли». (50) Севт сказал: «Из-за меня ты не лишишься почта среди воинов, а если останешься со мною и удержишь всего тысячу латников, то получишь и те поселения, и все, что тебе было обещано». (51) Но Ксенофонт снова сказал: «Это как раз и невозможно. Отпусти нас». — «Но ведь мне известно,— сказал Севт,— что тебе безопаснее остаться у меня, чем уходить». (52) Но Ксенофонт сказал снова: «Твое расположение я хвалю, но остаться мне невозможно. Ведь где бы я ни был в почете, это, посуди сам, и тебе окажется на благо». (53) После этого Севт сказал: «Денег у меня есть совсем мало, всего талант, их я тебе отдам; и ещё до шестисот быков, около четырех тысяч овец и коз и сто двадцать рабов. Возьми их, прибавь заложников от тех, кто

на вас нападад, и ступай». (54) И Ксенофонт рассмеялся в ответ: «Если всего этого не хватит на раздачу платы, кому я присужу этот талант? И коль скоро моя жизнь в опасности, не лучше ли мне по уходе от тебя остеречься, чтоб не быть побитым камнями? Ведь ты слышал их угрозы». И он никуда не пошел.

(55) На другой день Севт отдал им обещанное и послал людей привести скот. Воины, говорившие до того, что Ксенофонт ушел поселиться у Севта и получить с него обещанное, едва увидели Ксенофонта, обрадовались и подбежали к нему. (56) А он, когда увидел Хармина и Полника, сказал им: «Вот что я, благодаря вам, вызволил для войска; вам я все и передаю, а вы поделите и раздайте войску». Они приняли доставленное, назначили продавцов добычи и много получили упреков. (57) Ксенофонт ни к чему не прикасался и явно для всех собирался домой: ведь в Афинах еще не приняли постановления о его изгнании. Но те, кто был ему ближе других в греческом стане, пришли к нему и стали просить не уезжать прежде, чем он не отведет войско и не передаст его Фиброну.

VIII. (1) Оттуда греки переплыли в Лампсак, и там Ксенофонту встретился гадатель Евклид из Флиунта, сын того Клеагора, что написал «Сновидения в Ликее». Евклид поздравил Ксенофонта со спасением и спросил, много ли у него денег. (2) Ксенофонт поклялся, что у него не было бы и на дорогу домой, не продай он коня и вещи со своего плеча. Но тот ему не поверил. (3) Потом жители Лампсака прислали Ксенофонту дары гостеприимства, и он приносил жертву Аполлону, а Евклид присутствовал при этом; взглянув на закланных животных, Евклид сказал, что теперь убедился, что у Ксенофонта нет денег. «И еще я знаю, — сказал он, — что если они когда-нибудь и должны будут у тебя появиться, что-либо этому помешает, а не то и ты сам себе помешаешь». И Ксенофонт с этим согласился. (4) А гадатель сказал: «Тебе ставит препоны Зевс Милостивый», — и спросил, принес ли он жертвы этому богу; «я у вас на родине всегда приносил ему жертвы со всесожжением». Ксенофонт сказал, что не приносил этому богу жертв с тех пор, как уехал из дому. Евклид посоветовал ему совершить жертвоприношение по обычаю и говорил, что это послужит ко благу. (5) На другой день Ксенофонт отправился в Офриний и по отеческому закону пожертвовал двух поросят со всесожжением, и жертвы оказались благоприятны. (6) В тот же день прибыли Бион и Навсиклид, чтобы выдать деньги войску. Они

заключили с Ксенофонтом союз гостеприимства и, выкупив коня, которого он продал в Лампсаке за пятьдесят дариков (оба догадывались, что он это сделал из нужды, и слышали, что конь этот ему очень нравился), вернули его Ксенофону и не захотели взять денег.

(7) После этого вышли в путь через Троаду и, перевалив Иду, пришли в Антандр, а оттуда, двигаясь по Мисии вдоль моря, — на равнину Фивы. (8) Оттуда, пройдя через Адрамиттий и Китоний, пришли на равнину Каика и достигли Пергама в Мисии. Там Ксенофонта приютила у себя Геллада, жена эретрийца Гонгила и мать Горгиона и Гонгила. (9) Она сказала Ксенофону, что на равнине живет перс Асидат; если прийти туда ночью с тремя сотнями людей, то можно захватить и его самого с женой и детьми, и богатства, которых там немало. А проводниками в этот набег она посылала своего двоюродного брата и Дафнагора, весьма ею чтимого. (10) Ксенофонт вместе с ними принес жертву, и бывший при этом элеец Басий, гадатель, сказал, что жертвы весьма благоприятны и что того человека возьмут в плен. (11) После ужина Ксенофонт выступил, взяв с собой самых преданных ему из младших начальников, чья верность была испытана. Другие примкнули к нему вопреки его воле, всего человек шестьсот, но младшие начальники опередили их, чтобы не делиться добычей, словно она только их и ждала.

(12) Когда к полуночи прибыли на место, рабы, бывшие вокруг укрепления, сбежали со всем добром, но на них и вниманья не обратили: захватить хотели самого Асидата и его достоянье. (13) Когда не удалось взять укрепления приступом — таким оно было высоким, столько было выступающих башен, а на них — воинственных защитников, — попытались пробить пролом в стене. (14) Но кладка была толщиной в восемь земляных кирпичей, и пробонну сделали только к утру. Как только открылся пролом, кто-то проткнул первому из воинов бедро бычьим вертелом, а другие стреляли и не давали безопасно приблизиться. (15) На их крики и огневые сигналы поспешил к ним на выручку Итамен со своими силами, из Комании явились ассирийские латники и гирканские всадники, также царские наемники, числом до восьмидесяти, а еще около восьмисот копейщиков, одни из Парфения, другие из Аполлонии, а также конница.

(16) Пора было посмотреть, как пойти в отступление. Построившись четырехугольником, внутри него поместили весь крупный

и мелкий скот и всех рабов, каких успели угнать, думая уже не о самой добыче, а о том, чтобы отступленье не перешло в бегство, если вся добыча будет брошена, и чтобы враги не осмелели, а воины не пали духом; и так отступали, сражаясь за добычу. (17) Гонгил, когда увидел, что греков мало, а теснящих их много, вышел тоже со своей военной силой вопреки воле матери, желая принять участие в деле; помощь во главе с Проклом, сыном Дамарата, пришла также из Галисарны и Тевтрании. (18) А люди Ксенофонта, получившие уже множество ран от стрел и пращей, шли, построившись в круг, чтобы щитами заслоняться от выстрелов. Они с трудом переправились через реку Каик, так как раненых была почти половина. (19) Тогда получил рану и Агасий стимфалиец, все время сражавшийся лицом к врагу. Когда опасность миновала, рабов оставалось сотни две, а овец — только на жертвоприношение.

(20) На другой день Ксенофонт принес жертву и ночью отвел все войско как можно дальше к Лидии, чтобы враги не боялись их близости и потеряли бдительность. (21) Асидат же, услышав, что Ксенофонт опять приносил жертвы, затеяв что-то против него, а потом вывел все войско, стал на постой в деревнях возле самых укреплений Парфения. (22) Там люди Ксенофонта застигли его и взяли в плен с женой и детьми, с конями и всем его добром; так сбылось первое жертвенное знамение.

(23) Оттуда двинулись обратно в Пергам. Там Ксенофонт возблагодарил бога: дело в том, что и лаконцы, и начальники, старшие и младшие, и воины сговорились и дали ему на выбор и коней, и вьючных животных, и долю из остальной добычи, так что теперь он мог и другим делать добро.

(24) В это время прибыл Фиброн, принял войско и, слив его с другими греческими отрядами, пошел войной на Тиссаферна и Фарнабаза.

ПРИМЕЧАНИЯ

Все три историка, представленные в этой книге, переводятся на русский язык не впервые. Геродот переводился на русский язык четыре раза, Фукидид — один раз, «Анабасис» Ксенофонта — пять раз. Но здесь они впервые объединены вместе под одним переплетом, и это налагало на составителей книги особые требования. Подбор и стиль переводов должен был прежде всего подчеркивать художественную индивидуальность каждого из трех историков, а не сводить их произведения к однообразности «исторических источников». Не все существующие переводы в равной мере удовлетворяли этим требованиям. Поэтому «Анабасис» Ксенофонта целиком переведен для настоящего издания заново. Поэтому для «Истории» Геродота выбран перевод И. Н. Мартынова («История Иродотова», ч. 1—5. СПб., 1826—1827), несмотря на существование двух более поздних переводов: естественная архаичность языка Мартынова рядом с более современным языком переводов Фукидида и Ксенофонта удачно передает и своеобразную архаичность исторического и художественного мышления Геродота, и даже контраст его ионийского диалекта с аттическим диалектом двух других историков. Но, конечно, оба старые перевода — и перевод Геродота, и перевод Фукидида — подверглись для настоящего издания очень существенной переработке. Отчасти целью ее было исправить случайные ошибки переводчиков или устаревшие толкования текста, накопившиеся

за время, протекшее после работ И. И. Мартынова и Ф. Г. Мищенко — С. А. Жебелева. Главным же образом и тут целью было усовершенствовать художественную адекватность этих переводов. Так, перевод Геродота, сделанный И. И. Мартыновым, превосходит по лексике, но не вполне удовлетворителен по синтаксису: Геродот писал плавными, связными, все время подхватывающими друг друга фразами, Мартынов же подчас делал их короткими, рублеными и отрывистыми. Так, перевод Фукидида, сделанный Ф. Г. Мищенко (1887—1888) и заочно обработанный С. А. Жебелевым (1915), изумителен по точности, с какой в нем переданы малейшие смысловые оттенки сложного греческого текста, однако достигнуто это было за счет чрезвычайного многословия, совершенно разрушающего характерную сжатость и резкость фукидидовского стиля. Дать лучше почувствовать в переводе эпическую гибкость и плавность Геродота, логическую прямоту и четкость Фукидида, человечную естественность и простоту Ксенофонта — такова была задача переводчиков и редакторов настоящего издания.

Примечания к тому ограничиваются, как правило, лишь реальными справками и пояснениями, необходимыми для понимания текста. Вопросов о том, насколько соответствует действительности (реконструируемой нынешними историками) такое-то сообщение Геродота или Ксенофонта, комментарий касается лишь в порядке исключения.

Во избежание многочисленных повторений приводим здесь основные единицы системы мер, которой пользуются греческие историки. Основная мера длины — стадий (178,60 м, с различными вариантами, — примерная длина земельного участка в греческих условиях или дистанция ускоренного бега для бегуна); она делится на 6 плефров (29,60 м, приблизительная ширина земельного участка), 100 сажений (1,79 м, размах рук), 400 локтей (44,4 см) и 600 футов (29,6 см, длина ступни). Персидский парсанг (ок. 5,5 км, час пути) приравнивался к 30 греческим стадиям; средний дневной переход считался около 200 стадиев или 6 парсангов. Основная мера веса — талант (аттический талант — ок. 26,2 кг, приблизительная ноша одного человека); он делится на 60 мин (ок. 436 г, мера восточного происхождения), а мина — на 100 драхм (ок. 4,4 г). Соответственный вес серебра служил денежной счетной единицей; наиболее употребительная монета — статер, равный

4 драхмам (ок. 16,5 г серебра). Драхма составляла приблизительно дневной заработок квалифицированного работника или солдата, полудрахма — неквалифицированного работника или моряка. Основная мера жидких тел — амфора («ведро», ок. 39,5 л), сыпучих — медимн («мера», ок. 52,5 л), делившийся на 48 хойников («малая мерка», ок. 1,1 л, дневной паек зерна).

Г Е Р О Д О Т

ИСТОРИЯ

Книга первая

К л и о

Труд Геродота был разделен на девять книг лишь в эпоху эллинизма, каждая книга была названа именем одной из девяти муз (первая — именем музы истории, Клио). Сам Геродот, ссылаясь на свой рассказ, говорит обычно о «повествованиях» такого-то содержания (I, 106, 184). План нынешней первой книги таков: введение (гл. 1—5); «повествование» о Лидии и царе Крезе (6—94), с отступлениями о событиях в Афинах при Писистрате (59—64) и в Спарте при тегейских войнах (65—70); «повествование» о Мидии, персах и царе Кире (95—140), о Малой Азии и ее завоевании персами (141—176), о Вавилоне и его завоевании Киrom (177—200), о массагетах и гибели Кира (201—215).

Хронология основных событий, описываемых в первой книге, приблизительно такова. В Малой Азии: первая половина VII в. до н. э. — киммерийское нашествие, разгром Фригии, взятие Сард киммерийцами (ок. 655 г.); ок. 680 г. — воцарение Гига, ок. 655 г. — Ардиса, ок. 615 г. — Саднатта, ок. 605 г. — Алиатта, 28 мая 585 г. — солнечное затмение, остановившее войну лидян с мидянами, 560 г. — воцарение Креза, 546 г. — его поражение от Кира и падение Сард. В верхней Азии: первая половина VII в. — Денок в Мидии, ок. 633 г. — воцарение Киаксара, скифское нашествие на Мидию, 612 г. — взятие Нишеви (Нина) Киаксаром, падение ассирийского владычества, ок. 593 г. — воцарение Астиага, 559 г. — воцарение Кира в Мидии, 546 г. — его победа над Крезом и взятие Сард, 539 г. —

его победа над Лабинетом и взятие Вавилона, 529 г.— его поход на массагетов и гибель. В Греции: ок. VIII в.— законы Ликурга в Спарте, 627—586 гг.— тирания Перияндра в Коринфе, 594 г.— законодательство Солона в Афинах, ок. 560 г.— завоевание Теген спартанцами, ок. 561, 551 и 539 гг.— три попытки Писистрата захватить власть в Афинах (и затем правление его до самой смерти в 527 г.), ок. 545 г.— победа Спарты над Аргосом при Фирее, 544 г.— покорение Ионии персами, эмиграция фокеев на Корсику и (в 543 г.) в Гиелу.

Геродот Галикарнасский.— Ранние греческие прозаики обычно начинали свои сочинения, называя себя по имени. Геродот называл себя «Геродот Галикарнасский» (так во всех рукописях) по месту рождения или «Геродот Фурийский» (так цитирует его первую фразу Аристотель, «Риторика», III, 9) по месту жизни и работы.

1—2. *Черное море* — Индийский океан с Персидским залливом. *Наше море* — Средиземное. *Но* — в греческой мифологии аргосская царевна, возлюбленная Зевса, обращенная ревностью Геры в телку и загнанная чудовищным оводом в Египет; *Европа* — финикийская царевна, возлюбленная Зевса, которую он, приняв образ быка, увез на Крит. Геродот предлагает рационализированное изложение этих и затем других мифов.

2. Критяне, по мифам о царе Миносе, первыми в Греции начали заниматься мореплаванием. *Длинный корабль* — военный, в противоположность *круглому* — торговому.

7. *Нардан* — отец или муж мифической царицы Омфалы, у которой отбывал рабскую службу Геракл. *Поколение.*— Обычно Геродот, по распространенной греческой традиции, считает, что три поколения равны одному столетию.

12. Поэт *Архилох*, считавшийся зачинателем ямбической лирики у греков, творил, по позднейшим хронологиям, ок. 665 г. до н. э. Его фрагмент с упоминанием царя Гига сохранился в цитате у Аристотеля («Риторика», III, 17).

14. *...в сокровищнице коринфлян...*— Гиг как не эллин не имел в Дельфах собственной сокровищницы. *Кипсел* (о котором Геродот подробнее рассказывает в V, 92) — тиран Коринфа в 655—627 гг., отец ниже упоминаемого (гл. 20) *Перияндра*; после падения тирании коринфяне старались всюду заменять имена тиранов именем своей общины.

17. *Дудки* с более низким звуком назывались мужскими, с более высоким — женскими.

23. *Дифирамб* — хоровая песнь в честь Диониса, из которой впоследствии (уже в Афинах) выросла греческая трагедия.

24. *Высокая песнь* — технический термин греческой музыки.

27. *Биант* и *Питтак* обычно перечислялись среди «семи мудрецов» первой половины VI в., известных политической деятельностью и нравственными сентенциями (Фалес, Биант, Питтак, Клеобул, Периаандр, Хилоц, Солон; назывались и другие имена). Хронологическое совпадение их жизни с правлением Креза сомнительно (так, Питтак умер ок. 570 г. до н. э., а Солон ок. 560 г.).

30. *Амасис* — египетский царь-эллинофил (569—526 гг. до н. э.), о котором Геродот подробно рассказывает во второй книге «Истории».

32. *Вставные месяцы* вводились греками каждые несколько лет, чтобы сравнять разницу между солнечным годом из 365 1/4 дней и гражданским годом из 12 месяцев по 29—30 дней. Цифры в расчетах Геродота сильно упрощены.

34. Фригийское имя *Атис* связывалось греками со словом «ате», «безумное ослепление».

35. Обряд *очищения* состоял в том, что человека обрызгивали кровью жертвенного поросенка и затем омывали и отирали. *Адраст* означает — «беспильный избежать (судьбы)».

46. На Востоке постоянные оракулы были не в ходу, поэтому к греческим *прорицалищам* обращались не только греки. *Абы* находились недалеко от Дельф; *Додоны* (с древнейшим оракулом Зевса) — в Эпире; святилища *Амфиарая* и подземная пещера *Трофония* — в Беотии, *Бранхиды* — близ Милета, оракул *Аммона* — в оазисе Ливийской пустыни (см. IV, 182).

48. Из двух животных, зарезанных Крезом, *черепаха* была посвящена Аполлону Дельфийскому, а *баран* — в частности, Амону.

51. *Феодор Самосский* — знаменитый литейщик и художник первой половины VI в. *Крезова хлебослужительница* — женщина, спасшая царя от попытки отравить его хлебом.

52. *Амфиарай* — мифический герой-прорицатель, бедствие которого заключалось в том, что он вынужден был идти в

поход семерых против Фив, заранее зная о его обреченности; в бою, где «семеро» потерпели поражение, он был поглощен разверзшейся землей.

55. *Герм* — река близ Сард.

56. *Пеласги* — доиндоевропейское население юга Балканского полуострова; память о нем к V в. давно утратилась, и попытки Геродота охарактеризовать его вполне произвольны.

59. *Хилон* — один из «семи мудрецов» (см. примеч. к I, 27). *Приморские* (паралии), *равнинные* (педии) и *нагорные* (гиперакрии) афиняне приблизительно соответствовали умеренной торгово-купеческой, олигархической землевладельческой и демократической, опирающейся на беднейших крестьян, группировкам в социально-политической борьбе в Афинах VI в. Война Афин с Мегарами и взятие мегарской крепости Нисен — ок. 570—565 гг.

61. *Алкмеониды* — один из виднейших афинских родов (возвышение его описано Геродотом далее, в шестой книге), к которому принадлежали потом и Клисфен, и Перикл; «проклятие» лежало на нем за нарушение святости храмового убежища при расправе с заговором Килона (ок. 632 г.) и постольно использовалось политическими врагами Алкмеонидов в агитационных целях.

64. *Стримон* — река во Фракии, в районе богатых золотых и серебряных рудников; освоение греками этих мест начиналось как раз в эту пору. *Очищение Делоса*, священного острова Аполлона, должно было закрепить за Писистратом поддержку со стороны дельфийского культа.

65. *Крит*, слава законов которого восходила к мифическим временам царя Миноса, действительно имел черты государственного устройства, сходные со спартанскими; заимствование Ликурговых законов из Крита считал возможным еще Аристотель («Политика», II, 7, 1). *Дружины, сплоченные клятвою* — эномотии, *сплоченные застольем* — триакады, подразделения спартанского войска (те и другие — приблизительно по 30 человек); *общие трапезы* — сисситии, лагерная совместная еда, ставшая у спартацев правилом и в мирное время; *советные старейшины* — герусия (существовавшая в Спарте издавна); коллегия *эфоров*, восходящая к ликурговским временам, приобрела решающую политическую силу как раз к описываемому времени (середина VI в. до н. э.).

67. *Доброподвижники* — агатоэрги, заслуженные ветераны привилегированного всаднического корпуса в Спарте.

68. *Верно, спартаец, ты гораздо больше удивлялся бы...— «Удивлялся»* — так как обработка железа стала в Греции вытеснять обработку бронзы (по представлениям Геродота) лишь сравнительно незадолго до описываемого времени.

74. *...внезапно день обратился в ночь.* — Речь идет о солнечном затмении 28 мая 585 г. Геродот путает его с другим, 30 сентября 610 г., и от этого сдвигает в прошлое всю хронологию лидийской и мидийской истории (отсюда и синхронизация Креза с Солоном). *Сиеннесий* — имя (или титул) всех упоминаемых греческими писателями киликийских правителей. *Лабинет* — Набонид, вавилонский царь, в действительности правивший в 556—539 гг.

78. *Телмесс* — город в Ликии; гадатели в нем (главным образом толкователи снов) пользовались славой до последних веков античности.

80. *Диндименская мать* — Рел-Кивева, «Мать богов», малоазийское божество, экстагический культ которой перешел и в Грецию.

82. *Арголические владения* простирались на весь эгейский берег Пелопоннеса в VIII в. до н. э. при царе Фидоне.

84. *Марды* — племя в центральной Персиде, упоминаемое ниже, I, 125. Подобным же образом *Сарды* были взяты и в 214 г. Антиохом Великим (Полибий, VII, 15).

86. *Сей последний повелел...* — По-видимому, Крез взмог на костер (изображения этого сохранились на вазах) не по приказу Кира, а добровольно принося себя в ритуальную жертву богам; уже античные историки, как кажется, обращали внимание на противоречие этого рассказа с персидским религиозным запретом осквернять огонь мертвыми телами.

91. *Локсий* — «извилистый (в пророчествах)», один из эпитетов Аполлона.

92. *Валляный гребень* — орудие пытки.

93. *Гробница Амиатта* — курган в 80 м высоты, существующий до сих пор; раскопан в XIX в.

94. Происхождение этрусков (тирренцев) от лидийских переселенцев считалось общепризнанным в античности и допускается многими современными учеными. *Омбрики* — греческое название италийского племени умбров.

98. *Сандарак* — оранжево-красный сернистый мышьяк. Семь разноцветных кольцевых стен соответствуют семи планетам, известным вавилонским астрономам.

105. *Энареи* — скопцы, служители культа Астарты-Иштар, одним из центров которого был Аскалон.

106. *...а как овладели, о том будет изъяснено в других повествованиях...* — «Повествование об Ассирии (ср. I, 184) осталось Геродотом не написано или не дошло до нас.

108. *Волхвы* — маги, жреческое сословие в Иране.

110. *«Спако»* — слово того же индоевропейского корня, что и русское «собака». Собака у иранцев была священным животным бога Ахурамазды.

131. *Митра*, персидский бог солнца, спутан здесь Геродотом с богиней луны, отождествляемой с Иштар-Астартой-Афродитой.

132. *Песнь* при персидском жертвоприношении — стихи Авесты; их теогоническое содержание — произвольный домысел Геродота.

133. Решение дел *во хмелю и в трезвости* — частый мотив античных описаний варварских обычаев (ср. Тацит, «Германия», 22).

138. *Белая болезнь* — мягкая форма той же проказы.

139. Персидские *имена* (действительно, по большей части осмысленные — как, впрочем, и греческие имена) отнюдь не всегда кончаются на «с» (персидское «ш»): Геродот, по-видимому, имеет в виду лишь греческую транскрипцию персидских имен.

140. *...когда кто умирает из персов...* — Обычай отдавать трупы на растерзание соблюдался у зороастрийцев (парсов) еще в XIX в. Обмазывание воском — обычай персидской знати, перенятый от вавилонян. *Волхвы же своеручно убивают все...* — точнее, все, посвященное богу зла Анхра-Майнью, кроме лишь собаки — см. примеч. к I, 110.

141. *Панионион* — всенонийское святилище — см. об этом ниже, I, 148.

144. *Триопий* — мыс близ Кида в малоазийской Дориде, не раз упоминаемый Геродотом как самая западная точка Малой Азии.

145. *...куда ионяне бежали, разбитые ахеянами...* — Излагается традиционная история греческого заселения Малой Азии: до конца XII в. до н. э. плодородные южные и западные области Пелопоннеса были заселены гомеровскими ахеянами, а неплodородный северный берег — ионянами; ок. 1104 г. произо-

шло «переселение дорин» из Средней Греции, они вытеснили ахейя с их мест, те вытеснили иония, ионияне выселились в Малую Азию, а северный берег Пелопоннеса остался за ахейянами и в классическую эпоху назывался Ахайей.

147. *Главк* — сын Гипполоха, царь ликийцев, союзник троянцев в «Илиаде» (II, 876). *Кавконы* — наряду с пеласгами и лелегами, считались догреческим населением Эллады. *Апатурии* — родовой праздник, справляемый в ноябре и посвященный записи в члены рода всех детей, родившихся в течение года.

148. Фраза, данная в скобках, — по-видимому, позднейшая вставка.

155. *Хитоны* — нижние рубахи; *котурны* — башмаки на высоких подошвах, обувь щеголей, а впоследствии — трагических актеров.

162. ...с земляных насыпей... — Ассирийский способ осады, известный и по Библии (например, 4 Царств, 19, 32).

163. *Таргесс* — полулегендарная страна за Гибралтарским проливом близ устья Гвадалквивира, с полулегендарным царем, чье долголетие вошло в пословицу. О *круглых кораблях* см. примеч. к I, 2.

165. *Кири* — остров Корсика. *Эрусские острова* — пять островков между Хиосом и материком.

166. *Кадмейская победа* — то же, что впоследствии «пиррова победа»; поговорка происходит от мифа о походе семерых против Фив, закончившемся гибелью обоих братьев-врагов Этеокла и Поллиника.

167. *Гиела* — впоследствии Элея, греческий город в Италии (Энотрии), прославившийся философской школой.

171. О *легегах* см. примеч. к I, 147; впрочем, другие писатели отличают кариян от леgeleg.

173. *Сарпедон* — сын Зевса, ликийский вождь, один из героев «Илиады», убитый Патроком.

181. *Зевс Бел.* — Геродот называет этим именем вавилонского бога Мардука; храм его («эзнкурат») — прообраз библейской «вавилонской башни». *Халдеи* — первоначально название арамейского племени к югу от Евфрата; с 625 г. в Вавилоне утвердился халдейская правящая династия, после ее падения в 539 г. имя это перешло на вавилонское греческое сословие и впоследствии означало в греческом и латинском языке любых восточных мудрецов, астрологов, магов.

182. *Зевс Фиванский* — Аммон. Аполлон считался пребывающим шесть месяцев в году в *Патарах* Ликийских, а остальные шесть месяцев — на *Делосе*.

184. *Семирамида* (Шамурамат) — ассирийская царица 816—772 гг. до н. э.; связь ее с Вавилоном по Геродоту не ясна.

185. *Нитокрида*.— Имя — египетское, в надписях и у других писателей не засвидетельствованное. Приписываемые ей Геродотом защитные сооружения вокруг Вавилона принадлежат по большей части Навуходносору II (605—562), а не ей и не сыну ее Лабинету (Набониду, 556—539, см. гл. 188).

191. *Посему, другой ли кто подал ему совет...*— В этом описании Геродота смешиваются моменты взятия Вавилона Киром в 539 г. и повторного взятия его Дарием в 522 г., о котором идет речь в книге третьей.

193. *Смоквенная мошка* — орехотворка, *culex ficarius*.

194. *Суда у вавилонян... круглы и сделаны из кож.*— Подобные суда («куфа») употреблялись на Евфрате еще в XIX в.

196. *Энеги* (венеты) жили в области позднейшей Венеции. Описываемый обычай, вопреки утверждению Геродота, существовал в Вавилоне (по свидетельству Николая Дамасского) еще в I в. до н. э.

198. *Погребение у них полагается в меду...* — точнее, в благовонной смоле. *Аравитяне* — по-видимому, имеются в виду евреи (у Геродота нигде не упоминаемые), у которых существовали подобные же обычаи очищения.

199. *Постыднейший же из обычаев...*— Речь идет о священной храмовой проституции, которой посвящали себя жрицы Иштар (а отнюдь не все вавилонские женщины).

201. *Аракс* — Амударья, впадавшая в Каспийское море по руслу Узбоя; впрочем, Геродот смешивает с этим сведения о другом Араксе, притоке Куры. Об *исседонах* см. ниже, кн. IV.

214. *...и сам Кир скончал здесь жизнь свою...*— Мавзолей Кира до сих пор находится в Персиде, в Пасаргадах, и читается как национальная святыня. По-видимому, Кир хотя и потерпел поражение, но тело его не досталось неприятелю, а было погребено на родине.

215. *Золото и медь они на все употребляют...*— Об обилии золота у азиатских кочевников (имеются в виду месторождения Урала и Алтая) ср. IV, 27.

Традиционное название IV книги — Мельпомена, в честь музы трагедии. План книги: описание Скифии (гл. 1—82, с отступлением об очертаниях Земли, 37—45) и похода Дария на Скифию (83—144); описание заселения Ливии греками (145—165) и похода персов на Ливию (166—205). Это — события первых лет после воцарения Дария, сына Гистаспа, и подавления им вавилонского восстания 522—521 гг. до н. э. Скифский поход — около 514, ливийский — около 517 г.

Географию Скифии Геродот описывает, принимая за основу речную сеть Причерноморья. К сожалению, точному отождествлению поддаются лишь реки западнее Днепра. Истр у Геродота — это Дунай (из его притоков важнейшие — это Марис, т. е. Тисса с Мурешем, и Пората, т. е. Прут), Тирас — Днестр, Гипанис — Южный Буг, Борисфен — Днепр («Гилея» при его устье — это плавни Днепра); далее сведения Геродота становятся сбивчивы (или, может быть, здесь сильнее изменилась местность со времен Геродота): Пантикапа — это, по-видимому, речка Конка, Гипакирис — Каланчак, Герр (будто бы впадающий в Гипакирис) — Самара, Танаис — Дон (может быть, с Донцом), Меотида — Азовское море (которое Геродот представляет уходящим далеко на север), Боспор Киммерийский — Керченский пролив.

2. *Доят же следующим образом...*— Подобные способы доения описывались путешественниками XVIII—XIX вв. по Аравии и Индии.

3. *Широкий ров* — Киммерийский вал через Керченский полуостров; в действительности он служил защите греческого Боспора от крымских скифов.

7. *...сколько в один день может он объехать...*— Мотив, взятый из Геродота Л. Н. Толстым для рассказа «Много ли человеку земли нужно». *Летающие перья* — снежные хлопья (см. о них ниже, IV, 31).

8. *Гадир* — нынешний Кадис; остров *Эрифия* близ него упоминается и другими античными географами.

9. *Гилейская земля* (Лесная земля).— См. о ней ниже, IV, 18.

11. *Говорят, что скифы-пастыри... перешли через реку Аракс...*— Переселение скифов из массагетской земли в киммерийскую — наиболее исторически достоверная версия; но имеется ли в виду их путь вокруг Каспийского моря с юга (тогда Аракс — это Узбой, как выше, I, 201) или с севера (тогда Аракс — это Волга, иногда называемая так и у поздних писателей), неясно.

13. *Аристей Проконнеский* — поэт VII в. до н. э. из Проконнеса на Мраморном море; рассказы о нем — пифагорейского происхождения (Метапонт — один из пифагорейских центров в южной Италии).

17. *Торжище Борисфенское* — находилось при греческой колонии Ольвии, близ Одессы (ср. ниже, IV, 78—79).

18—20. *Андрофаги* — по-гречески «людоеды», *меланхлены* — «черноризцы» (см. гл. 106—107); местные названия этих народов Геродотом не сохранены.

23. *Высокие горы* — южный Урал. «*Асхи*» (ачи, ахши) — слово тюркского корня; по сведениям этнографов XIX в., так называлось у поволжских татар и башкир кушанье из черешни, приготавливавшееся почти точно по описанию Геродота.

24. *Семь языков*. — По-видимому, имеются в виду языки скифов, савроматов, будинов, гелонов, фиссагетов, иишков, архипеев.

26. *Сами исседоны... имеют такие установления*. — Обычаи исседонов описаны Геродотом сходно с обычаями массагетов; по-видимому, это один и тот же (или смежный) народ, дважды описанный со слов путешественников, посещавших их с юга и с запада.

28. *Во всей описанной здесь стране бывает столь жестокая зима...* — Описание Геродота хотя и преувеличивает суровость скифского климата, однако не намного: в ходе колебаний климата северного полушария конец I тысячелетия до н. э. был временем похолодания.

29. «*В Ливии был...*» — «Одиссея», IV, 85.

30. *Заклятие* на разведение мулов в Элиде (от царя Эномая, любителя конских скачек, убитого Пелопом) упоминают также Плутарх и Павсаний, свидетельствующие, что описанная Геродотом практика продолжалась еще в I—II вв. н. э.

32. *А упоминает о гиперборейх Гесиод, равно как и Гомер...* — В сохранившихся произведениях Гесиода гиперборей не

упоминаются; «Эпигоны», поэма во втором (после «семерых») походе на Фивы, приписывавшаяся Гомеру, как и весь «киклический эпос», до нас не дошла. Рассказы об этом мифическом народе сложились с распространением в Греции культа Аполлона; как исторический факт их рассматривал предшественник Геродота Гелланик, с которым Геродот здесь полемизирует.

35. ...с самими божествами...— Речь идет об Аполлоне и Артемиде. *Олен* — легендарный основоположник гимнической поэзии, упоминаемый рядом с Орфеем.

36. *Абарис* — жрец Аполлона, получивший от него волшебную стрелу, переносившую его через реки и горы; мифологическая фигура из круга пифагорейских сказаний, Пифагор считался учителем Абариса и наследником его стрелы. *Океан они чертят*...— Имеется в виду представление Гекатея о круглой ойкумене (земле), разделяемой пополам или почти пополам Средиземным, Черным и Каспийским морями, к северу от которых лежит Европа, а к югу — Азия, единая с Африкой. Геродот умеряет подробности симметрии, но сохраняет общие пропорции.

39. *Второй мыс, начинаясь от персов*...— Геродот считает центром Азии Иран от Персиды на юге до Каспийского моря и Кавказа на севере; на восток от этой полосы лежит Индия, на запад — два «мыса», т. е. Малая Азия и Аравия с Африкой. Сооружение канала из Нила в Красное море было начато в конце VII в. фараоном Нехо и закончено Дарием (об этом Геродот рассказывает в II, 158); потом он обновлялся при Птолемах.

42—44. *Финикияне, отправившись из Черного моря*...— Круговое плавание финикиян при Нехо — ок. 595 г.; неудачная попытка *Сатасла* — ок. 470 г. (еще раньше, ок. 525 г., карфагенянин Ганнон доплыл вдоль западного берега Африки до Камеруна); плавание *Скилака* от Пенджаба до Суэца — ок. 518—516 гг.

45. *Фасис* (Риони) считался границей Азии и Европы, *Нил* — Азии и Африки.

46. Об *Анахарсисе* см. ниже, IV, 76.

51—52. ...*выходит из великого озера*...— Озера у истоков Тираса (Днестра) и Гипаниса (Буга) — часть полесских болот на Припяти.

53. ...*при устье ее сама собою оседает соль*...— Днепровский лиман снабжал солью и Скифию и Грецию еще при Дионе Хрисостоме (I в. н. э.). *Антакеи* — по-видимому, белуги.

55. *Ахиллово ристалище* — длинные и узкие острова Тендра и Джарылгач, центр местного культа Ахилла.

61. *...зажегши кости жертв...* — Подобная растопка костями упоминается в Библии (Иезекииль, 24, 5) и засвидетельствована путешественниками по Востоку.

67. *...а гадают они ивовыми прутьями...* — Сходное гадание на прутьях приписывалось также мидийским волхвам (схоли к Никандру), германцам (Тацит), аланам (Аммиан Марцеллин) и балтийским славянам (Саксон Грамматик).

75. *Это служил им вместо бани...* — Геродот, по-видимому, смешивает обычай паровой бани и обычай опьянения парами конопляного семени, известный в практике шаманов.

76. *Анахарсис* (VI в.) стал потом в греческой литературе идеальным образом «благородного дикаря», собеседником семи мудрецов и, особенно, Солона. История *Скила* относится к середине V в., т. е. известна Геродоту от современников. Культ малоазийской *Матери богов* (см. примеч. к I, 80) распространялся из Фригии в Грецию как раз через Кизик и Мраморное море.

78. *Истриянка* — гречанка из Истра в устье Дуная. *Город борисфенигов* — Ольвия.

80. *Ситалк* — царь фракийских одрисов, впоследствии участник Пелопоннесской войны.

81. *Павсаний* — спартанский царь, победитель при Платее, находившийся при «устье Понта» во время осады Византия в 478—477 гг. до н. э.: история Геродота обрывается незадолго до этого момента.

85. *Кианейские скалы* у выхода из Босфора отождествлялись с Симплегадами, сталкивающимися скалами, известными по мифу об аргонавтах.

86. *Измерение сие сделано следующим образом.* — Все размеры Черного моря сильно преувеличены Геродотом.

87. *Ассирийские буквы* — т. е. клинопись.

89. *Дарий же... продолжал свой путь по Фракии...* — Путь Дария с войском к Дунаю лежал не через Балканы, а вдоль берега: перечисляемые в IV, 93 фракийские племена живут над Черным морем.

90. *Геар* — нынешний источник Бунарджиссар в европейской Турции.

94. *Салмоксис* — фракийское божество, отождествляемое с одним из «апостолов» пифагорейского учения, наподобие

Абариса (выше, IV, 36), рядом с которым он упоминается Платоном («Хармид», 158 b.).

99. Геродот сравнивает Крым с *Сунием*, южным мысом Аттики, и с *Иапигией*, восточной оконечностью Италии от Бриндизи до Таранто: первое сравнение рассчитано на афинских, второе на фурийских читателей.

101. *Таким образом, Скифия имеет вид четверугольника...*— Южную сторону Скифии, по Геродоту, образует Черное море, восточную—Азовское море (сильно преувеличенное) и Дон, северную — леса с каскифскими народами, западную — линия к северу от устья Дуная. По этим четырем сторонам квадрата приблизительно намечает затем Геродот путь Дария по Скифии.

103. Обычно таврическая богиня *Дева* отождествляется с Артемидой, жрицей которой была мифическая Ифигения в Тавриде.

109. *Звери с квадратными мордами* — по-видимому, куницы.

110. *Победа над амазонками при Фермодонте* в Малой Азии — один из двенадцати подвигов Геракла.

120. *...самим же разделиться на три части.*— Деление царских скифов на три армии, по-видимому, соответствует описанному ранее (IV, 5) делению их на потомков Липокса, Арпокса и Колакса.

122—124. Путь персидских войск по Скифии до страны буллинов и Оара (Волги?) вполне фантастичен: можно считать, что дальше Днепра или Буга персы не заходили, а главной целью похода было установление персидского контроля над греческими приморскими колониями.

137. *Мильтиад* — тиран Херсонеса на Геллеспонте (ныне Галлиполи), впоследствии знаменитый вождь афинянин при Маратоне. *Гистией Милетский* — вождь ионийского восстания 500 г.

144. *«Видно, калхедоняне были тогда слепы, ибо не будь они слепы, не избрали бы они своему городу худшего места...»* — Калхедонская сторона Босфора плодороднее, византийская — выгоднее для торговой гавани: более ранние колонии греков были земледельческими, более поздние — торговыми. Калхедон и Византий основаны мегарянами в 677 и 660 гг.

145. *...что они — мидяне, потомки героев, плававших некогда на корабле Арго...*— По известному мифу, лемносские женщины во главе с царицей Гипсипилой перебили своих мужей, а потом вступили в краткий брак с проезжавшими арго-

навтами («мниньянами»). Потомки от этих браков жили на Лемносе три поколения, а потом их выгнали аттические пеласги, в свою очередь выгнанные из Аттики афинянами. В отместку за изгнание пеласги, покидая Аттику, похитили оттуда афинских женщин (об этом подробнее Геродот рассказывает дальше, VI, 138). *Тиндариды*, плившие с аргонавтами,— чтимые в Спарте Кастор и Полидевк.

147. *Фер* как потомок Полиника и через него фиванских царей принадлежал к роду Кадма, финикийца и брата Европы. Его выселение на Феру относится еще к легендарным временам. (Спартанские цари *Еврисфен* и *Прокл* — потомки Геракла в шестом колене.)

151. *Остров Платея* («плоский») расположен близ африканского берега прямо против Пелопоннеса и западного Крита.

152. *Таргесс* — см. примеч. к I, 163; легендарная прибыль *Сострата Эгинского* ближе неизвестна.

155. Другое имя *Батта* — «Аристотель», т. е. «благой завершитель» — называет Пиндар, пересказывая его историю в 5-й Пифийской оде. Колонизация Ливии Баттом — ок. 630 г.

158. ...небо здесь прорешисто... — т. е. дождя в нем мало, и поэтому соседство источника выгодно.

159—161. Поход *Априя* на *Кирену* — ок. 570 г. (об Априи подробнее Геродот рассказывает во II книге); затем основанне *Барки* — ок. 550 г.; уложение *Демонакта* — ок. 535 г.

163. *Пифия* дала ему следующий ответ... — Оракул дан Геродотом (против обыкновения) в прозаическом пересказе, но в подлиннике в нем заметны фрагменты обычных гексаметров.

165. *Камбис* — сын Кира, персидский царь 529—525 гг., завоеватель Египта.

167. *Марафии, пасаргады* — персидские племена (см. I, 125).

169. *Сильфий* — африканское растение, листья и сок которого служили пряностью и лекарством, — был основной статьей вывоза из Кирены. *Сирт* (Малый) — широкий залив к западу от Кирены.

173. Впоследствии народ по имени *псиллы* опять появляется в античной Африке; они пользовались славою как заклинатели змей.

174. *Гараманты* описываются Геродотом дважды, здесь — как приморский и в гл. 183 — как материковый народ; может быть, это результат использования двух разных источников,

может быть — ошибка переписчика (Плиний и Мела, пересказывая Геродота в своем описании Африки, называют приморский народ «гамфазанты»).

177. *Лотофаги* — имя, перенесенное на какое-то африканское племя от легендарного народа, упоминаемого Гомером («Одиссея», IX, 84—86).

178. *Тритопада* — нынешнее озеро Джерид близ Габесского залива в южном Тунисе. По одной из версий мифа об аргонавтах, они на обратном пути из Колхиды вернулись в Средиземное море через это озеро.

181. *Еще там есть источник...* — Разница температур источника — не столько реальная, сколько кажущаяся по сравнению с температурой воздуха.

184. *...близ сего бугра есть гора, имя которой Атлас...* — Положение горы Атлас описано Геродотом правильно, но вид ее для Африки фантастичен и скорее напоминает Teneriff на Канарских островах, о котором греки слышали от финикийцев. *Стопа небесный* — ходовое выражение, употребляемое Пиндаром об Этне, а Эсхилом — о мифическом титане Атласе.

189. *Эгида* — козья шкура, окаймленная змеями и украшенная головой Горгоны, атрибут Афины, восходящий в действительности к крито-микенской культуре. *Вопль при священнодействиях* — в честь той же Афины (ср. «Илиада», 6, 301), а не обычные похоронные вопли. *Колесницы* четверней также упоминаются уже у Гомера.

191. *...будто происходят от мужей троянских* — от Антенора, пловшего от разрушенной Трои мимо Африки в Италию. *Там водятся превеликие змеи...* — перечисляются животные, отчасти трудно отождествимые (как *диктии* и *бории*), отчасти вымершие в северной Африке к нашему времени (как *дикие мужчины* и *женщины* — по-видимому, гориллы). Псоглавцы и безглавцы (демоны?) известны по наскальным изображениям в Африке.

195. *Закиф* — остров в Ионийском море, где до сих пор добывается минеральная смола.

200. *...прокапываемые подземные подкопы...* — характеризуется ассирийско-вавилонская военная техника, усвоенная персами, но еще мало известная грекам.

204. *...тех из Египта отправили в дальнюю сторону...* — Такая практика карательных переселений, унаследованная пер-

сами от Ассирии и Вавилона, упоминается Геродотом еще несколько раз (например, VI, 20 и 119 — переселение мятежных милетян и эретриян во внутренние области Персии).

М. Гаспаров

ФУКИДИД

ИСТОРИЯ

Книга первая

[Введение]

Первая книга Фукидида служит развернутым вступлением к основной части его «Истории». Общий план ее: обоснование важности описываемых событий и описания их (гл. 1—23); первый конфликт между Афинами и Коринфом — из-за Керкиры (24—55); второй конфликт — из-за Потидеи, отправшей от Афин (56—66); обращение коринфян к Спарте (67—88); истинная причина вражды Спарты к Афинам — постепенный рост афинского могущества после греко-персидских войн (89—118); решение Спарты о войне (119—145).

1. *Фукидид афинянин...* — см. примеч. к Геродоту, I, введ. *Война между пелопоннесцами и афинянами* — обычное выражение Фукидида; ставший ходовым термин «Пелопоннесская война» (соответствующий афинской точке зрения) появляется впервые у Страбона в конце I в. до н. э. *...некоторой части варваров...* — имеются в виду фракийцы, македоняне, впоследствии и персы в лице Кира Младшего и др.

20. *Гиппий* и *Гиппарх* — сыновья тирана Писистрата, правившие Афинами после его смерти в 528 г.; Гиппарх был убит в 514 г. Гиппий изгнан в 510 г. Заговор *Гармодия* и *Аристогота* описан Геродотом в V, 55 (но ошибки, отмечаемой Фукидидом, у него нет) и самим Фукидидом в одном из немногих отступлений от повествования (VI, 54—59). *Панафинейское шествие* — всенародная процессия, подносившая Афине в ее храм на Акрополе новое одеяние, вытканное гражданами (на празднике Великих Панафиней, справлявшемся каждый пятый год в августе). *Леокорий* — святилище в северо-западной части

Афин в честь дочерей мифического царя Лео, пожертвовавших жизнью за отечество. ...по два голоса...— Геродот (VI, 57) упоминает, что в отсутствие спартанских царей в герусии за каждого из них подавали голоса два их ближайших родича. *Пиганатский отряд* упоминается Геродотом в рассказе о битве при Платее (IX, 53).

23. ...они быстро были решены двумя морскими и двумя сухопутными сражениями.— Речь идет о морских сражениях при Артемисии (или Микале?) и Саламине и сухопутных—при Марафоне и Платее. *Тридцатилетний мир*— мир, заключенный Периклом со Спартой в 446 г. (после покорения отпавшей было от Афин Евбеи), восстанавливал в Греции политическое равновесие: Афины теряли власть над Средней Грецией, но сохраняли ее над островами.

Книга вторая

[Начало войны]

Вторая книга описывает события 431—429 гг. Нападение фивян на Платею открывает военные действия в апреле 431 г. (гл. 1—6); вторжение Архидама—от начала июня до середины июля (7—23); афинский флот у Пелопоннеса—от конца июня до сентября (23—32); похороны павших и надгробная речь Перикла—зима 431—430 г. (33—46); второе вторжение Архидама и эпидемия в Афинах—лето 430 г. (47—58); недовольство Периклом, его осуждение и новое избрание—август—сентябрь 430 г. (59—65).

2. На пятнадцатом же году (в сорок восьмой год жречества Хрисиды в Аргосе...)...— Списки жриц в аргосском храме Геры и ежегодно сменявшихся афинских архонтов-эпонимов и спартанских эфоров были самой ранней основой хронологии у греческих историков. *Сражение при Погидее* в июне 432 г.— момент, на котором останавливается рассказ Фукидида о военных действиях в I книге (I, 62—63). *Беотархи*— коллегия из 11 представителей беотийских городов (под главенством Фив), управлявшая беотийским союзом. *Платея*— окраинный город Беотии, находился в постоянной вражде с Фивами и поэтому с 519 г. был в наступательном и оборонительном союзе с соседней Атикой.

7. ...*собираясь... отправить посольства к персидскому царю...*—Персидским царем в описываемое время был Артаксеркс I (465—425).

8. *Землетрясение на Делосе* упоминается Геродотом (VI, 98) перед Марафонской битвой; у Фукидида здесь скрытый упрек предшественнику.

13. ...*причастных скверне.*—Перикл по матери принадлежал к роду Алкмеонидов, запятнанному расправой с участниками заговора Хилона (VII в.), искавшими спасения у алтарей. Спартанцы перед объявлением войны требовали от афинян изгнания всех причастных к этому греху, имея в виду прежде всего Перикла. *Пропилеи* — богато обстроенный вход на Акрополь, были завершены за год до войны, одновременно с походом на отпавшую Потидею. *Исчезающее золото и серебро* (сосуды и проч.) пошло в переплавку не ранее последних двух лет войны; от использования *золотого облачения* Афины (исполнилась статуя Фидия в Парфеноне была сделана из дерева и облицована слоновой костью по лицу и рукам, а золотом по одежде и оружию) афиняне воздержались даже в эти самые трудные годы. *Стены.*—От города Афин (окруженного *обводной стеной*) к двум его гаваням, Пирею и Фалеру (на расстоянии 6—7 км), тянулись три стены, две *Длинные* — к Пирею и третья *Фалерская*. *Метеки* — граждане других городов, живущие в Афинах (или ином городе) свободно, но не пользуясь гражданскими правами.

15. *Кекроп* и потом *Эреффей* — мифические афинские цари; *Эвмолп* из соседнего Элевсина, второго по важности города Аттики, считался основателем элевсинских мистерий. Фукидид описывает «синэкизм» («сселение») нескольких сельских общин в одну городскую, характерное для возникающих греческих полисов; праздник в память «сселения» при *Фесее* (Тезее) справлялся в Афинах около времени летнего солнцестояния. *Акрополь* — укрепленный холм в Афинах (ок. 300 м длины, 150 ширины, 50 высоты), в историческое время занятый лишь священными и государственными постройками; упоминаемые святилища у его подножья описываются еще во II в. н. э. Павсанием (I, 18—20). *Древнейшие Дионисии* (или Анфестерии) — весенний праздник сил природы в начале марта.

17. *Элевсиний* — храм Деметры и Керы близ агоры (торговой площади); *Пеларгик* (Пеласгик) — точное место которо-

го неясно — считался остатком от доэллинского населения Аттики.

21. Вторжение *Пистоанакта* в Аттику в 447 г. было последним перед заключением тридцатилетнего мира.

24. Отложенная *тысяча талантов* была пущена в ход после сицилийского поражения 413 г.; закон о резерве из ста кораблей (трехрядное судно — наиболее обычный военный корабль с тремя рядами весел), конечно, перестал соблюдаться еще раньше.

27. *Эгина* — остров между Аттикой и Пелопоннесом, давний соперник Афин, был побежден и обезоружен афинянами еще в 459 г.

28. *...солнце после полудня затмилось...* — Речь идет о затмении 3 августа 431 г.; теория солнечных затмений разрабатывалась в это время Анаксагором.

29. *Ситалк* — царь одрисов, сильнейшего из фракийских племен (близ нынешнего Адрианополя), упоминался уже Геродотом (IV, 80). Кровавый миф о *Терее*, *Прокле* и *Филомеле*, обращенной в соловья, как раз в это время был разработан в Афинах в несохранившейся трагедии Софокла.

31. Мегарскую крепость *Нисею* афиняне взяли в 424 г. и сделали своей базой.

[Надгробная речь Перикла]

34. *...афиняне, согласно обычаю предков, совершили на всенародный счет погребение...* — Общим обычаем было хоронить павших воинов на поле боя; афинский обычай был исключением, идущим от времен Солона; речи над павшими воинами вошли в него после греко-персидских войн. *Предместье* — Керамик, к северо-западу от городских стен.

36. *...а еще достойнее ее отцы наши...* — Отцы — победители в войнах с персами. *...не нужно много говорить.* — Судя по другим образцам («Менексен» Платона, «Панегририк» Исократы), в подобных речах преимущественное место отводилось как раз подвигам мифического времени и эпохи греко-персидских войн.

37. *Неписанные законы* — нравственные законы, в противоположность политическим (или, по греческим представлениям, «божественные») — в противоположность «человеческим») — ср. Софокл, «Царь Эдип», 863—870, «Антигона», 450—461.

39. ...государство наше мы открываем для всех...— Афины были открыты для чужеземных гостей в противоположность спартанскому обычаю «ксенеласий», изгнания иноземцев.

40. ...не думаем, что слова делам во вред...— Последняя сентенция — тоже убеждение «лаконических» спартанцев.

[Чума в Афинах и падение Перикла]

49. *Остальных, кто был здоров... внезапно сватывал прежде всего сильный жар в голове...*— Описание болезни дано Фукидидом в терминах, очень близких к точной медицинской терминологии (в частности, Гиппократовой). При всей подробности и точности оно, однако, не устраняет разногласий о том, что это за болезнь: бубонная чума, сыпной или иной тиф (преобладающее мнение), корь, отравление спорыньей.

54. *Между людьми возник спор, что в этом стихе древними сказано не «чума», а «голод»...*— Чума по-гречески *loimós*, голод — *limós*, произносились эти слова сходно (а в позднейшем греческом языке и вовсе одинаково). *Вещание* оракула лакедемонянам перед началом войны упоминалось Фукидидом в I, 118.

55. *Равнина* (Педнон) — центральная, *Приморье* (Паралия) — окраинная часть Аттики (ср. Геродот, I, 59 и примеч.). *Лаврий* находится на крайнем юге Аттики: вторжение 430 г. было самым дальним из спартанских набегов.

58. *Фракийские халкидяне* — жители Халкидики, колонизованной греками; главный из халкидских городов, Потидея, отложился от Афин в 432 г. и с тех пор находился в осаде.

65. *Такой речью Перикл старался унять раздражение афинян против себя...*— Точная формулировка вины Перикла и сумма наложенного на него штрафа из разноречий античных писателей неясны. ...*прожил лишь два года...*— Перикл умер от болезни осенью 429 г.; характерно, что Фукидид не упоминает об этом в соответствующем хронологическом месте — как о событии, к войне не относящемся. ...*заняты были личными нареканиями...*— Имеются в виду главным образом раздоры Никия и Алквиада перед сицилийским походом. *Кир* — здесь персидский наместник Малой Азии в конце Пелопоннесской войны, будущий герой «Анабасиса».

Книга третья
[Падение Платен]

Третья книга описывает события 428—426 гг.: отпадение от Афин Лесбоса и продолжение осады Платен в 428 г. (гл. 1—25), подчинение Лесбоса (26—50), падение Платен (51—68) и междоусобия в Керкире (69—85) в 427 г. и т. д. И падение Платен, и морские столкновения при Керкире относятся к середине августа 427 г.

51. Город *Мегары* лежит в 1,5 км от берега, гаванью ему служит *Нисея*, между нею и Афинами лежит большой остров *Саламин* (с мысом *Будор*, на котором стоял афинский сторожевой пост), а в узком проливе между Нисеей и Саламином — островок *Миноя*, ныне слившийся с материком.

52. *Проксен* — «гостеприимец государства», гражданин одного города, наделенный от другого города почетными полномочиями принимать его граждан и защищать его интересы перед властями.

54. ...*напомним и об услугах, оказанных нами...* — Следует напоминание о битве при *Артемисии* (480 г.) и при Платее (479 г.) против персов, а затем об участии в походе афинян на помощь Спарте против восставших мессенских илотов (462 г.). Платеяне в своей речи всячески подчеркивают, что в войне с Керксом Фивы поддерживали персов, а Платея — спартацев и афинян.

57. *Золотой треножник*, посвященный в Дельфы после платейской победы 479 г. с надписью, перечислявшей всех союзников-победителей, упоминался Фукидидом в I, 132.

61. *Заселение Беотии*. — Имеется в виду эпоха легендарных переселений ок. 1000 г. до н. э., когда выходцы из Эпира заняли Фессалию и стали предками исторических фессалиян, а вытесненное ими население Фессалии заняло Беотию и стало предками исторических беотян, вытеснив *смешанное население* — миниян, пеласгов и пр.

62. *Засилье немногих* («династия», по позднейшей аристотелевской терминологии) — такая же крайняя форма олигархии, как *тирания* — монархии. ...*афиняне перешли в наступление...* — Беотия находилась под властью Афин между 457 г. (битва при Энофитах) и 446 г. (битва при Коронее).

68. *Договор с Павсанием*, победителем в битве 479 г., обеспечивший Платее полную самостоятельность, уже упоминался платейнами в обращении к Архидаму во II, 71. ...не менее двухсот платейн...— т. е. речь идет о всех, кто находился в городе: старики, дети и большая часть женщин была переведена в Афины еще при начале осады, а часть осажденных воинов прорвалась из окружения еще предыдущей зимой.

[Междоусобия в Керкире]

69. *Брасид*, будущий победитель при Амфиполе, был еще молод и поэтому мог быть назначен лишь *советником* при командующем Алкиде.

70. *Керкира* — сильнейшее государство западной Греции, до Пелопоннесской войны сохраняло нейтралитет; затем демократическое правительство примкнуло к Афинам, а оппозиционная олигархия ориентировалась на Коринф и Спарту. *Тычины* — подпорки для виноградных лоз; добывать их на священном участке (гомеровский Алкиной, царь феаков, был местным героем Керкиры) было святотатством.

71. ...не впускал к себе больше одного корабля...— обычный признак нейтрального положения между воюющими.

75. В *Навпакте*, при устье Коринфского залива, афинский флот находился с 429 г., контролируя Западную Грецию.

77. «*Саламиния*» и «*Парал*» — афинские корабли, предназначенные для исполнения государственных поручений, содержавшиеся не на частный (как обычно), а на казенный счет и имевшие команду из полноправных граждан.

78. ...испугались, как бы не повторилось то, что было при *Навпакте*...— Пелопоннесцы сражались по старой тактике, сцепляясь бортами и бросаясь врукопашную; афиняне — по новой, тараня неприятельские суда носом в борт; поэтому пелопоннесцы так боялись удара с фланга, «что было при *Навпакте*» в 429 г.

81. Остров *Левкада* (с юга от Керкиры) соединялся в то время с матерком узким перешейком-переволокой.

82. ...того обвиняли в подрыве товарищества...— «Товарищества», о которых идет речь,— гетерии, религиозно-политические клубы, ставшие в эпоху Пелопоннесской войны организационными центрами оппозиционной олигархии.

84. Эта глава, резюмирующая содержание предыдущих, считается или остатком другой авторской редакции, или позднейшей интерполяцией.

86. *...афиняне отправили двадцать кораблей в Сицилию...*— Это — «первая сицилийская экспедиция» афинян, по незначительности посланных сил не имевшая успеха.

88. *Эоловы острова* — Липарские, с вулканом на острове Гире (ныне Волкано).

Книга пятая

[Афины против Мелоса]

Пятая книга описывает конец первого периода войны, 422—421 гг. (гл. 1—25) и события промежутка между Никиевым миром 421 г. и сицилийским походом 415 г. (26—116), главным образом — борьбу Аргоса и аркадских городов против Спарты, поддерживаемую Афинами. Поход афинян на Мелос относится к маю 416 г., сдача Мелоса — к последующей зиме.

96. *Отселенцы.*— Афинскими отселенцами могли с натяжкой считаться единоплеменные им ионяне, но не доряне-мелияне.

110. Поход *Брасида* в 424—422 гг. имел целью возмутить против афинян их союзников на побережье Фракии.

112. *Государство наше существует уже семьсот лет...*— Считалось, что Мелос был заселен в третьем поколении после переселения дорян.

115. *Пилос* в Мессении был захвачен афинянами в 425 г. и стал их военной базой в Пелопоннесе.

М. Гаспаров

КСЕНОФОНТ

АНАБАСИС

В «Анабасисе» (букв. «восхождение», поход от моря вверх, т. е. в глубь страны) рассказывается о судьбе греческого наемного отряда, принимавшего участие в походе Кира Младшего против Артаксеркса II. В составе войска Кира греческий отряд выступил из Сард весной 401 г. до н. э. и вдоль гор Тавра про-

двигался на юго-восток к границе с Сирией, а оттуда — к Евфрату и по Месопотамии дошел почти до Вавилона. После гибели Кира (сентябрь 401 г.) греческие наемники вернулись назад новым путем: они поднялись по течению Тигра на север до Армянского нагорья и, пройдя через Понтийские горы, вышли к Черному морю у Трапезунта и добрались отсюда до Византии (400 г.). Название «Анабасис» соответствует содержанию первой книги, описывающей поход Кира. Начиная с третьей книги речь идет не о походе «от моря», а о походе «к морю» (книги III—IV) и «вдоль моря» (книги V—VI).

В основу нового перевода положено издание: X é n o r h o n . Anabase. Tomes I—II. Paris, «Les belles lettres», 1952. В начале всех книг, кроме первой и шестой, в текст «Анабасиса» вставлены не принадлежащие Ксенофону краткие обзоры предыдущих глав. Перевод этих резюме, а также и других вставленных в текст фраз отнесен в примечания. В примечаниях римская цифра указывает главу, арабская — параграф текста.

Книга первая

I, 1. Персидский царь *Дарий II* Нот правил с 424/423 г. до н. э. по 405 г., его сын *Артахсеркс II* Мнемон — с 405 по 358 г.

I, 2. Дарий II находился тогда в Мидии. Кир в это время был сатрапом Малоазиатских областей — Великой Фригии, Лидии, Каппадокии. Сатрапом назывался наместник царя в областях с неперсидским населением, входивших в состав персидской державы и плативших царю дань. На *Кастольской* равнине в Лидии по течению реки Герма ежегодно происходил смотр персидского войска, стоявшего к западу от реки Галиса (совр. Кизил-Ирмак). *Тиссаферн* (казнен в 395 г.) — крупный политический деятель. В годы Пелопоннесской войны, будучи сатрапом Лидии и Карии, поддерживал сношения с обеими враждующими греческими коалициями, не давая ни одной из них взять верх; оказывая финансовую помощь Спарте, добился в 412 г. заключения договора со Спартой, по условиям которого малоазиатские греческие города возвращались под власть Персии. В 408 г. в связи с изменившимся политическим курсом персидского правительства, которое стало более решительно поддерживать Спарту, чем это делал Тиссаферн, тот был отстранен с поста сатрапа Лидии и вместо него был назначен Кир. *Лагники* («гоплиты») —

тяжеловооруженная пехота; вооружение латника было оборонительным и состояло из шлема, панциря, поножей, щита, длинного копья и короткого меча. Сомкнутый строй латников («фаланга») составлял основную ударную силу греческого войска.

I, 6. Речь идет о малоазийских городах, в которых субсидируемый Кирос начальник спартанского флота Лисандр произвел олигархические перевороты и получил от Кира право взимать с этих городов подать и управлять ими (407—405 гг.).

I, 9. *Херсонес* — полуостров между Фракийским морем и Геллеспонтом. *Дарик* — золотая монета весом 8,4 г и стоимостью около 26 драхм. Названа по имени Дария I.

I, 10. Союз *гостеприимства* («проксения») — см. примеч. к «Истории» Фукидида, III, 52. Такой союз заключался и между отдельными гражданами.

I, 11. *Писидийцы* — жители горной страны на юге Малой Азии; совершали набеги на окрестные области. До середины V в. подчинялась Персии. *Стимфалиец* — житель Стимфалы (местность в Пелопоннесе).

II, 3. *Легковооруженные* («гимнеты») — пехота, имевшая наступательное оружие (пращи, дротики, луки) и не имевшая оборонительного. *Копейщики* («пелтасты») — основная маневренная сила греческого войска. Их наступательным оружием было копье, длинный тесак и пика, оборонительным — полукруглый щит.

II, 6. *Долопы* — племя, жившее в Эпире. *Эниане* — жители южной Фессалии. *Олифяне* — жители г. Олифа на северо-востоке Греции.

II, 8. Согласно мифу, фригийский сатир (нижнее лесное божество) Марсий нашел брошенную Афиной флейту, выучился на ней играть и вызвал на состязание Аполлона. Аполлон победил в этом состязании и в гневе содрал с Марсия кожу.

II, 10. Празднества в честь *Зевса Ликейского* торжественно справлялись на Ликейской горе в Аркадии, откуда родом был Ксений. *Мисия* — область Малой Азии между Лидией и Карией.

II, 13. Согласно легенде, Мидас вернул Дионису отбившегося от его свиты сатира, и за это Дионис обещал выполнить любое желание Мидаса. По одной версии этой легенды сатира поймали крестьяне в саду, по другой — Мидас подлил вина в источник, напившись из которого, сатир охмелел и заснул.

II, 20. *Дана* (Тиана) — совр. Кениссе Гиссар, город в Каппадокии.

IV, 8. *Траллы* — торговый город в Карию у притока р. Меандра.

IV, 9. ...не дают трогать.— Далее — позднейшая вставка: «как и голубей». На пояс — т. е. подать с этих деревень шла на гардероб царницы.

IV, 12. ...с Киром...— Далее — позднейшая вставка: «к отцу Кира».

VII, 10. Со времен Кира Старшего в персидском войске применялись колесницы, у которых на концах осей было прикреплено по два серпа длиной около метра. Ксенофонт описывает их ниже (I, VIII, 10).

VII, 15. *Мидийская стена* тянулась почти на 30 км. Построена при Навуходоносоре (605—562). Более подробно Ксенофонт описывает ее ниже (II, IV, 12). Далее — позднейшая вставка: «Там есть рвы, где течет вода из Тигра, числом четыре, шириною в палец и очень глубокие. По ним плавают хлебогрузные суда. Впадают рвы в Евфрат, отстоят друг от друга на парасанг, есть на них мосты».

VIII, 1. В этой главе описывается решающая битва между Киром и Артаксерксом в сентябре 401 г. Сражение произошло в местности Кунакса в 500 стадиях (около 82 км) от Вавилона. Точное местоположение Кунаксы неизвестно. ...к тому часу...— около 9 часов утра.

VIII, 6. ...с непокрытою головою.— Далее—позднейшая вставка: «Говорят, что и другие персы, когда грозит опасность, идут воевать с непокрытой головою».

VIII, 17. *Пеан* — песнь, певшаяся по разным поводам (перед боем, после победы, при семейных торжествах). Военский пеан начинался боевым кличем «а-ля-ля» или «елелеу» и содержал призыв к богу войны Эниалию.

VIII, 25. *Сотрапезники* — придворные персидского царя, которые раз в день столовались за царский счет. В праздничные дни царь ел с ними за одним столом.

VIII, 26. *Ктесий* — греческий врач, с 414 по 398 г. жил при дворе персидского царя и написал «Персидскую историю» в 23 книгах, от которой дошли фрагменты.

X, 2. *Фокеянка* была дочерью свободных родителей. Ее имя было Мильто, но Кир в честь подруги Перикла звал ее Аспасией. О ней более подробно см.: Плутарх, «Артаксеркс», 26 и след.

Книга вторая

I, 1. Позднейшая вставка: «О том, как Кир произвел набор греческого войска, когда выступил против своего брата Артаксеркса, и о том, что происходило во время похода, как была дана битва и погиб Кир, а греки, придя в стан, расположились на отдых, думая, что им досталась победа и Кир жив,— обо всем этом уже рассказано».

I, 3. *Дамарат* — спартанский царь, бежавший к Дарнию I и сопровождавший Ксеркса в его походе в Грецию (480 г.). Города Телтрания и Галисарна в Мисии были подарены Дамарату персидским царем в наследственное владение.

I, 14. *Египет* в 405 г. отложился от Персии.

II, 6. Позднейшая вставка: «Вот расчет пути, пройденного от Ионийского Эфеса до места битвы: переходов 93, парасангов 535, стадиев 16 500. А от места битвы до Вавилона было, как говорили, 360 стадиев».

III, 10. *Рвы и протоки* — древняя ирригационная система Вавилонии, описана Геродотом (I, 193).

IV, 8. *Оронт* — сатрап Армении.

IV, 27. *Мидией* Ксенофонт называет здесь территорию Ассирии. Деревни Парисатиды лежали, вероятно, при слиянии Тигра с Малым Забом, о котором Ксенофонт не упоминает.

V, 1. *Река Запат* (совр. Большой Заб) — приток Тигра.

V, 23. *Прямой венец* — знак царской власти. Тиссаферн как бы намекает на свой замысел захватить власть, чтобы таким мнимым признанием завоевать доверие Клеарха.

V, 35. *Митрадат* — сатрап Ликаонии и Каппадокии.

VI, 2. Речь идет о Пелопоннесской войне. *Эфоры* — высшие должностные лица в Спарте, обладавшие судебной и административной властью. *Перинф* — город на европейском берегу Пропонтиды (Мраморного моря).

VI, 3. *Истм* — совр. Коринфский перешеек.

VI, 16. *Горгий* — знаменитый софист и учитель красноречия, уроженец сицилийского города Леонтин. Брал за обучение плату в сто мин.

Книга третья

I, 1. Позднейшая вставка: «О том, что совершили греки, пока шли походом в глубь страны вместе с Киром до того, как была дана битва, и о том, что произошло после гибели Кира,

когда греки стали уходить, заключив перемирие с Тиссаферном, — обо всем этом уже рассказано выше».

I, 4. *Младший начальник* (лохаг) командовал отрядом около ста человек (лохом).

I, 12. *Зевс Царствующий*.— Культ почти каждого греческого бога или героя объединял в себе несколько культов, связанных с отдельными функциями этого бога, которые обозначались разными эпитетами (например, Зевс Спаситель, Зевс Царствующий, Зевс Гостеприимец и др.). Считалось, что вешние сны посылаются Зевсом Царствующим.

I, 37. Младший начальник получал по сравнению с солдатом плату в два раза большую, а старший начальник — в четыре раза большую.

I, 47. *Дарданец* — житель города Дарданы на азиатском побережье Геллеспонта.

II, 4. *...не угасился Зевса Гостеприимца...*— Гость считался под покровительством этого бога и был лицом неприкосновенным.

II, 9. *...кто-то чихнул*.— Чихание считалось счастливым знаком.

II, 11. Речь идет о походе персов в 490 г. и о Марафонской битве.

II, 12. *...убито врагов...*— Геродот называет число убитых 6400 (VI, 117). Марафонский праздник справлялся ежегодно на берегу р. Илсса.

II, 13. Речь идет о походе Ксеркса 480—479 гг. Греки одержали тогда победу над персами в морском бою при о. Саламин (480 г.) и на суше в битве при Платее (479 г.).

II, 23. *Ликаония* — область на юге Малой Азии.

II, 25. *Лотофаги* («поедатели лотоса») — мифическое племя, упоминаемое в «Одиссее» (см. примеч. к Геродоту, IV, 177). Человек, вкусивший сладкого плода лотоса в стране лотофагов, забывал о своей родине.

II, 36. При построении войска *четыреугольником* в середине шел обоз и весь нестроевой состав, а по боковым сторонам — латники спереди и сзади сомкнутым строем и две колонны справа и слева.

II, 37. *...ведь он лакедемонянин!*...— Наемное войско Кира состояло преимущественно из пелопоннесцев, это и заставляет афинянина Ксенофонта отдать спартанцу Хейрисофу самое почетное место в войске.

IV, 7—10. *Ларисса, Меспила* — города на территории древней Ассирии. Меспила соответствует Ниневии.

IV, 8. *Персидский царь* — Кир Старший (правил с 559 по 529 г.). Вероятно, речь идет о солнечном затмении в мае 556 г.

IV, 25. *...под кнутом...* — О том, что персы шли в бой под ударами кнута, писал уже Геродот (VII, 22, 56, 223).

V, 7. *Горы* — Курдские горы, которые в описываемом месте (около современного г. Езире) вплотную подходят к Тигру.

Книга четвертая

I, 1—4. Позднейшая вставка: «О том, что происходило во время похода в глубь страны, и о том, как после битвы было заключено перемирие между греками и царем и как, когда царь и Тиссаферн нарушили перемирие, персидское войско преследовало греков и воевало с ними, — обо всем этом уже рассказано выше. (2) Когда же они пришли туда, где река Тигр совершенно недоступна для переправы, настолько она глубока и широка, а путь вдоль берега закрыт, потому что над рекой нависли отвесные Кардухские горы, военачальники решили, что надо продвигаться через горы. (3) Они слышали от пленных, что, перейдя Кардухские горы, смогут, если захотят, в Армении переправиться через истоки Тигра, а если не захотят, пройти обходным путем. Рассказывали также, что от истоков Тигра недалеко до истоков Евфрата, и так оно и есть на самом деле. (4) В страну кардухов они вступили по возможности незаметно, стараясь занять горные вершины до прихода врагов».

I, 5. *...час последней стражи...* — Сторожевой караул сменялся за ночь три — пять раз, время каждой такой смены называлось «стражей».

III, 1. *Кенгрит* (совр. Бохтан) — приток Тигра.

III, 4. *Марды* — племя, жившее к востоку от истоков Тигра. *Халдеи* — не южномесопотамские, а припонтийские.

III, 13. *Возлиянье* — обряд, состоявший в том, что немного вина проливалось из чаши на землю и призывались боги.

III, 17. *...уявчая голову...* — Спартанские воины имели обычай возлагать венок на голову при виде неприятеля.

IV, 3. *Истоками Тигра* здесь названа, по-видимому, р. Битлио. *Телебой* — вероятно, совр. Кара-су, впадающая в Мурад-су, рукав Евфрата.

IV, 4. *Тирибаз* — крупный политический деятель Персии. В 392 г. был назначен главнокомандующим персидской армией в Малой Азии и добился заключения Анталкидова мира, по условиям которого признавалась власть Персии над всеми малоазиатскими греческими городами.

IV, 16. *Амазонки* — в пластическом искусстве изображались на коне, с секирой особой формы, копьем, полукруглым щитом, луком и колчаном.

IV, 18. *Халибы* — дикий народ, живший в восточном Причерноморье от гор до моря. Славился железными изделиями особой закалки. *Таохи* — горное племя, упоминаемое в надписях царей Урарту IX—VIII вв. до н. э.

VI, 4. *Фасисом* Ксенофонт называет здесь верхнее течение совр. Аракса, впадающего в Каспийское море. Приняв Аракс за Колхидский Фасис (Риони), греки двинулись вниз по течению реки в надежде выйти к Черному морю, однако ушли на семь дней пути к востоку.

VI, 14. *...украсть... почетно.* — Спартанский закон разрешал спартиатам добывать себе пищу воровством и одновременно полагал наказание пойманному вору, тем приучая граждан развивать в себе качества, необходимые для того, чтобы остаться «непойманным вором»: смекалку, ловкость, изворотливость.

VI, 16. *...красть народные деньги...* — В этом упрекали, например, Фемистокла, скульптора Фидия и др.

VII, 18. *Гарпас* (совр. Чорох) — река на северо-востоке Малой Азии. *Скифены* — горное племя, жившее южнее Трапезунда. Возможно, потомки скифов, вторгшихся в VIII в. до н. э. в Малую Азию.

VIII, 1. *Макроны* — племя, жившее к востоку от колхов (см. след. примеч.).

VIII, 8. *Колхи* жили в это время не только в юго-западной приморской области Закавказья (Колхиде), но и вдоль южного побережья Черного моря. Их поселения простирались примерно на сто километров западнее Трапезунда.

VIII, 22. *Синопа* — колония Милета, основанная в VIII в. до н. э., лежала западнее Трапезунда.

I, 1. Позднейшая вставка: «О том, что совершили греки в совместном походе с Киром и по пути к морю, к Понту Евксинскому, и о том, как пришли они в греческий город Трапезунт и принесли жертвы, которые обещали принести за свое спасение, если дойдут до дружественной страны,— обо всем этом уже рассказано выше».

I, 2. *Одиссей* возвращался на Итаку на корабле феаков, лежа на ковре и погруженный в глубокий сон («Одиссея», XIII, 75 и след.)

I, 15. *Неполноправные лакедемоняне* (периеки) — потомки аборигенного населения, пользовались в Спарте личной свободой и правом владения землей, но не имели политических прав. *Понт* — северо-восточная область Малой Азии, на севере граничила с Понтом Евксинским, на юге — с Каппадокией, на востоке — с Арменией и Колхидой, на западе — с Пафлагонией.

III, 2. *Керасунт* лежал к западу от Трапезунта.

III, 4. Существовал обычай отделять в честь божества десятую часть прибыли, вырученной от какого-либо предприятия.

III, 6. *...уходит из Азии с Агесилаем...*— Странствования греческого отряда закончились тем, что в начале 399 г. отряд влился в спартанское войско, стоявшее в Малой Азии для борьбы с Персией. В 394 г. это войско, возглавляемое спартанским царем Агесилаем, вернулось в Грецию, вместе с войском вернулся и Ксенофонт.

III, 7. *...Ксенофонт был... изгнан...*— За участие в военных действиях на стороне Спарты Ксенофонт был осужден в Афинах на изгнание (точная дата неизвестна). *Скиллунт* — город в Пелопоннесе на р. Селинунте, притоке Алфея. Ксенофонт, вероятно, жил здесь с середины 80-х гг. до 370 г. *Олимпия* — местность в Пелопоннесе на берегу Алфея около святилища Зевса Олимпийского. Каждые четыре года в Олимпии проводились общегреческие празднества, во время которых совершалось жертвоприношение Зевсу и происходили спортивные состязания. *...для богини* — т. е. для Артемиды.

IV, 2. *Моссиники* — горное племя, жившее к западу от Керасунта.

V, 1. *Тибарены* — племя, жившее вдоль Черного моря к западу от моссиников.

V, 4. Позднейшая вставка: «До сих пор войско шло пешком. Длина пути вниз, от места битвы близ Вавилона вплоть до Котноры: переходов 122, парасангов 620, стадиев 18 600. Продолжительность пути — 8 месяцев».

V, 12. *Корила* — пафлагонский вождь.

VI, 9. *Фермодонт* (совр. Темитчай) — река в Понте; *Ирис* (совр. Ешил-Ермак), *Галис* (совр. Кизил-Ермак), *Парфений* (совр. Бартам-су) — реки в Пафлагонии, текущие с Антитавра в Черное море.

VI, 10. *Гераклея* (совр. Эрегли) — греческий город на Черном море в Вифинии.

VI, 23. *Кизикский золотой* — монета г. Кизика стоимостью в полтора дарика. *Троада* — область в Малой Азии у Геллеспонта.

VI, 24. *Золида* — греческая область на западном побережье Малой Азии, простиравшаяся на север от р. Герма к Геллеспонту. *Фарнабаз* — сатрап Вифинии и Фригии. Во время Пелопоннесской войны, как и Тиссаферн, помогал сначала спартамцам, потом (с 410 г.) — Алкивиаду. В 411 г. на помощь Фарнабазу из Спарты были посланы к Геллеспонту восначальники Клеарх с флотом и Деркилид с сухопутным войском. Флот Клеарха был застигнут бурей у о. Делоса, и он сам добирался до Геллеспонта сухим путем. Деркилид продвигался вдоль берега сухим путем от Милета к Абидосу на Геллеспонте.

VII, 2. *...рыночными надзирателями...* — См. ниже текст V, VII, 13—27. После этих слов — вставка: «Ведь тех, кто не успел убежать к морю, побили камнями».

VIII, 1. В тексте — небольшой пропуск, по-разному восстанавливаемый издателями.

Книга шестая

I, 6. *Ситалк*. — См. примеч. к Геродоту, IV, 80.

I, 12. *Пирриза* — спартанский танец, исполнявшийся с оружием в руках. В Спарте его танцевали с пятилетнего возраста.

I, 27. Речь идет о событиях, положивших конец Пелопоннесской войне: в 405 г. афинский флот был разбит спартамцами в битве при Эгос-Потамах на Геллеспонте, и в 404 г. Афины

заклучили мир со Спартой на условиях, предложенных спартапцами.

II, 1. *Мариандины* — туземное население на северо-востоке Вифинии. ...плыли... вдоль берегов...— «и видели мыс Ясона, куда, как рассказывают, причалил корабль Арго, и видели устья рек: сперва Фермондонта, после него Ирриса, затем Галиса и потом Парфения» (позднейшая вставка).

II, 2. ...*Геракл спускался за псом Кербером*...— одиннадцатый подвиг Геракла. Существовало несколько мест, с которыми была связана легенда о спуске Геракла в Анд, одним из таких мест был Ахерусийский полуостров (совр. мыс Кап-Баба) на Черноморском побережье.

II, 3. Река *Лик* — совр. Килдиш-су.

II, 13. *Византий* — греческий город, основанный милетянами в VII в. до н. э. на европейском берегу Боспора при входе из Пропонтиды в Боспор. Имел большое торговое и стратегическое значение. На его месте в 330 г. н. э. был основан Константинополь (совр. Стамбул).

II, 14. ...*предоставил ему делать все, что хочет*.— Неясная конструкция в греческом оригинале, по которому нельзя понять, имеется ли в виду войско или Неон.

II, 17. *Вифиллие* — племена фракийского происхождения, жившие на северо-западе Малой Азии.

III, 1. Позднейшая вставка: «О том, как был положен конец командованию Хейрисофа над всем войском, и о том, как произошло разделение в греческом войске, сказано выше».

III, 22. ...*союзного войска*...— Далее — позднейшая вставка: «о чем и донесли Ксенофону и войску».

IV, 9. *Пустая гробница* («кенотафий») воздвигалась в тех случаях, когда невозможно было предать тело земле.

V, 7. *Спитридат и Ратил* — военачальники Фарнабазы.

VI, 12. ...*версводят лакедемоняне*...— В первые годы после окончания Пелопоннесской войны гегемония в греческом мире принадлежала Спарте.

VI, 34. *Оба бога* — Диоскуры, которые чтились в Спарте как защитники государства. В оригинале эти слова — на лаконском диалекте.

VI, 38. *Хрисополь* — греческий приморский город в Вифинии, лежащий напротив Византия.

I, 1. Позднейшая вставка: «О том, что совершили греки в походе с Киросом до битвы и после гибели Кира во время пути к Понту, и о том, что они делали, когда вышли из Понта и продвигались пешком и на кораблях, пока не вышли за его пределы и не оказались в малоазийском Хрисополе,— обо всем этом уже рассказано выше».

I, 14. *Священная гора* — на юге Фракии.

I, 20. *Калхедон* — греческий город, лежавший напротив Византии на азиатском берегу Босфора.

I, 27. *...над всеми островами...* — над островами Эгейского бассейна, входившими в Афинский морской союз и платившими взносы афинской казне.

I, 33. *Дельга* — область к северу от Византии.

II, 5. Начальник спартанского флота нес свою службу в течение года и на второй срок не переизбирался. *Анаксимий отплыл из Византии*, когда кончился срок его полномочий (лето 400 г.) и ему на смену был послан из Спарты новый начальник флота Пол. *Кизик* (совр. Балказ) — греческий город на азиатском побережье Пропонтиды.

II, 7. *Парий* — греческий город на азиатском берегу Гелеспонта.

II, 22. *Тины* — фракийское племя.

II, 28. *Селимбрия* — город на европейском побережье Пропонтиды.

II, 31. *...они ему сородичи...* — Намек на легенду о фракийском царе Терее, женатом на дочери афинянина Пандиона Прокне.

II, 32. Перечисляются фракийские племена, среди которых одрисы были самым могущественным.

III, 16. *Марония* — греческий город на южном побережье Фракии.

V, 12. *Салмидесс* — фракийская область на юго-западном побережье Черного моря к северу от Византии.

VI, 1. Тиссаферн получил в управление бывшие сатрапии Кира, однако подчинявшиеся Киру малоазийские греческие города отказались впустить к себе Тиссаферна. Спарта приняла сторону этих городов и изменила своей политике дружбы с персидскими сатрапами. В конце 400 г. в Азию был послан

спартанский военачальник Фиброн, который принял на службу наемников Кира (начало 399 г.) и с помощью этого войска отнял у Тиссаферна Пергам, Тевтранию, Галисарны и некоторые другие города.

VIII, 1. *Лампсак* (совр. Лапсаки) — греческий город на азиатском побережье Геллеспонта. *Клеагор* — лицо неизвестное.

VIII, 4. В честь *Зевса Милостивого* в Афинах в начале марта на берегу р. Илисса за городом справлялся праздник Диасии.

VIII, 7. *Ида* (совр. Каз-Даг) — гора на границе Трояды и Мисии. *Антандр* — приморский город в Мисии. *Равнина Фивы* — плодородная равнина, посвящая имя города, упоминаемого в «Илиаде» (22, 479).

VIII, 8. *Адрамиттий*, *Китгоний* — приморские города в Мисии. *Каик* (совр. Какарчайи) — река в Мисии. Упоминаемая Ксенофонтом семья *Гонгила* — это потомки Гонгила из Эритреи (город в Беотии), который был доверенным лицом спартанского полководца Павсания в его тайных сношениях с Ксерксом в 476 г. От персидского царя Гонгил получил в наследственное владение четыре города в Трояде.

VIII, 15. *Комания*, *Парфений* — крепости около Пергама. *Аполлония* — город к востоку от Пергама. *Гирканы* жили к юго-востоку от Каспийского моря.

VIII, 24. Помимо войска, набранного в Пелопоннесе, в армию Фиброна входили ополчения из разных греческих городов и 300 афинских всадников. Воевал Фиброн без особого успеха, и осенью 399 г. его сменил Деркилид. После этого параграфа следует позднейшая вставка: «Вот имена правителей царской страны, через которую мы прошли: в Лидии — Артим, во Фригии — Артаком, в Ликаонии и Каппадокии — Митрадат, в Киликии — Сиеннесий, в Финикии и Аравии — Дерн, в Сирии и Ассирии — Велесий, в Вавилоне — Рокар, в Мидии — Арбак, у фасиян и гесперитов — Тирибаз; кардухи, халибы, халден, макроны, колхи, мосинеки, кеты, тибарены были независимы; в Пафлагонии — Корила, в Вифинии — Фарнабаз, у европейских фракийцев — Севт. (26) Длина всего пути, пройденного в походе туда и обратно, — переходов 215, парасангов 1150, стадиев 34 255. Времени в походе туда и обратно — год и три месяца».

Г. Миллер

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Т. Миллер. Историческая проза Древней Греции</i>	5
<i>Геродот. История. Перевод И. Маргымова в переработке М. Гаспарова</i>	
Книга первая. Клио	27
Книга четвертая. Мельпомена	106
<i>Фукондид. История. Перевод Ф. Мищенко — С. Жебелева в переработке М. Гаспарова</i>	
Книга первая. [Введение]	167
Книга вторая. [Начало войны]	170
[Надгробная речь Перикла]	186
[Чума в Афинах и падение Перикла]	192
Книга третья. [Падение Платен]	202
[Междоусобия в Керкире]	211
Книга пятая. [Афины против Мелоса]	220
<i>Ксенофонт. Анабасис. Перевод С. Ошерова</i>	
Книга первая	229
Книга вторая	256
Книга третья	275
Книга четвертая	295
Книга пятая	318
Книга шестая	341
Книга седьмая	361
Примечания <i>М. Гаспарова и Т. Миллер</i>	393

И 90 **Историки Греции.** Пер. с древнегреч. Сост. и предисл. Т. Миллер. Примеч. М. Гаспарова и Т. Миллер. М., «Худож. лит.», 1976.

430 с. «Б-ка античной литературы». Греция.

В настоящий том «Библиотеки античной литературы» входят избранные произведения греческих историков V в. до н. э., поры расцвета древнегреческой исторической прозы,— Геродота, Фукидида и Ксенофонта. Творчество трех великих историков справедливо считается не только истоком европейской исторической науки, но и одной из высочайших вершин греческой прозы.

И $\frac{70304-229}{028 (01)-76}$ **172-76**

А

ИСТОРИКИ ГРЕЦИИ

Геродот

Фукидид

Ксенофонт

Редактор

Е. Маркович

Художественный редактор

Ю. Коннов

Технический редактор

О. Ярославцева

Корректоры

Г. Гананпольская,

Н. Усольцева

Сдано в набор 3/II 1976 г. Подписано к печати 12/VIII 1976 г. Бумага типограф. № 1. Формат 60×84¹/₁₆. 27 печ. л. 25,191 усл. печ. л. 24,689 уч.-изд. л. Тираж 50 000 экз. Заказ 636. Цена 1 р. 13 к.

Издательство

«Художественная литература»

Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

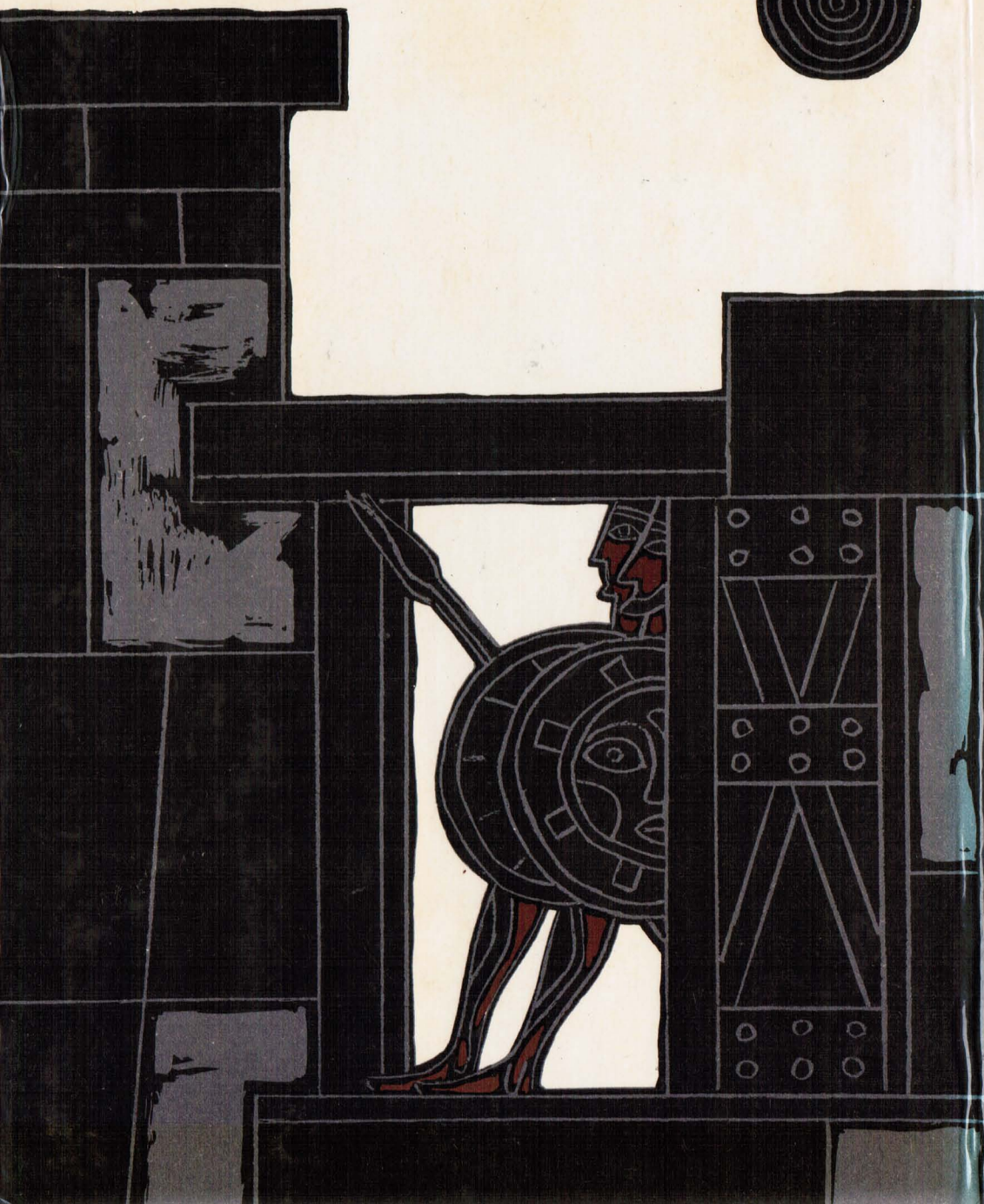
Союзполиграфпром при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени Ленинградском производственно-техническом объединении «Печатный Двор» им. А. М. Горького. 197136. Ленинград, П-136, Гатчинская ул., 26 с матриц ордена Трудового Красного Знамени Первой Образцовой типографии им. А. А. Жданова. Москва, М-54, Валовая, 28.

ИСТОРИКИ ГРЕЦИИ

ИСТОРИКИ ГРЕЦИИ

1 р. 13 к.

ИСТОРИКИ ГРЕЦИИ

БИБЛИОТЕКА АНТИЧНОЙ ЛАТВАЛЮРЫ
ГРЕЦИЯ